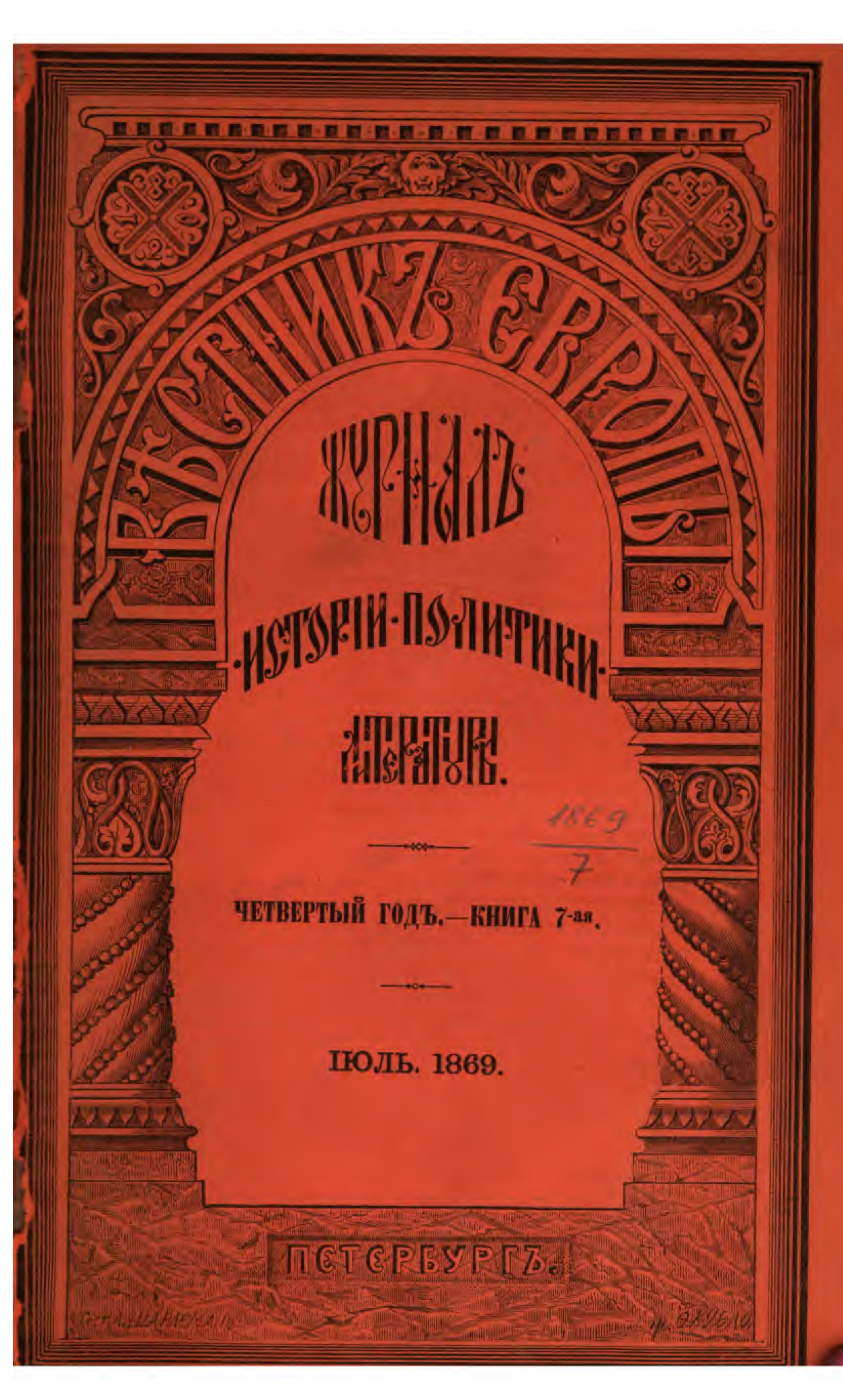

3 2044 019 213 735

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ
ЖУРНАЛЪ
·ИСТОРІИ·ПОЛИТИКИ·
ЛИТЕРАТУРЫ.
1869
7
ЧЕТВЕРТЫЙ ГОДЪ.—КНИГА 7-ая.
ІЮЛЬ. 1869.
ПЕТЕРБУРГЪ.

КНИГА 7-ая. — ІЮЛЬ, 1869.

NB. Редакція имѣетъ честь обратить вниманіе иногородныхъ подписчиковъ на правила подписки, помѣщенныя ею на послѣдней страницѣ обертки, для предупрежденія недоумѣній и сокращенія переписки въ случаѣ жалобы на потерю книжки журнала.

ВѢСТНИКЪ

ЕВРОПЫ

1869
7

ЧЕТВЕРТЫЙ ГОДЪ. — ТОМЪ IV.

„VESTNIK EVROPY"

ВѢСТНИКЪ „4 pl. 7"

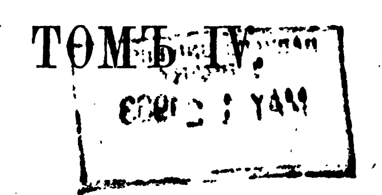
ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРІИ, ПОЛИТИКИ, ЛИТЕРАТУРЫ.

ЧЕТВЕРТЫЙ ГОДЪ.

ТОМЪ IV.

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ": ГАЛЕРНАЯ, 20.

Главная Контора журнала: на Невскомъ просп., у Казан. моста, № 30.

Экспедиція журнала: на Екатерингофскомъ проспектѣ, № 41.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1869.

1879, Oct. 6.
Gift of
Eugene Schuyler,
U. S. Consul, at
Birmingham, Eng.

ДАЧА НА РЕЙНѢ

РОМАНЪ ВЪ ПЯТИ ЧАСТЯХЪ.

(Переводъ съ рукописи.)

КНИГА ВОСЬМАЯ.

ГЛАВА I*).

ГОДОВЩИНА РОЖДЕНІЯ ГЕТЕ.

Рейнъ, образовавъ въ своемъ теченіи множество извилинъ, вдругъ расширяется, точно хочетъ разлиться въ море. Но тѣснящія его со всѣхъ сторонъ горы не даютъ ему простора и онъ, по прежнему, продолжаетъ свой путь.

Такое же точно явленіе представляютъ и нѣкоторыя изъ разсказываемыхъ нами событій. Профессорша стремилась къ цѣли, достиженіе которой ей казалось необходимымъ, но на пути ея со всѣхъ сторонъ воздвигались препятствія.

Изъ Вольфсгартена пришло отъ Клодвига письмо, въ которомъ онъ приглашалъ профессоршу и все семейство Зонненкампа къ себѣ, для празднованія годовщины рожденія Гёте. Приглашеніе было принято, но Церера и фрейленъ Пэрини, по обыкновенію, остались на виллѣ.

Эрихъ ничего не говорилъ, но вся наружность его свидѣтельствовала, до какой степени присутствіе матери его ободряло и успокоивало. Онъ не боялся рядомъ съ ней вступить въ домъ своего друга: развѣ она не служитъ живымъ доказательствомъ

*) См. въ 1868 г.: сент. 5; окт. 615; нояб. 142; дек. 595; и въ 1869 г.: янв. 244; февр. 820; мар. 225; апр. 812; май, 275; іюнь, 473 стр. и слѣд.

чистоты его помысловъ? Но несмотря на сознаніе, что онъ можетъ всѣмъ смѣло смотрѣть въ глаза, въ глубинѣ души Эриха все-таки таилось легкое сомнѣніе насчетъ первой встрѣчи съ Беллой.

Она, вмѣстѣ съ тетушкой Клавдіей, встрѣтила гостей въ лѣсу. Горячо обнявъ профессоршу, графиня еще разъ поблагодарила ее за то, что она уступила ей дорогую Клавдію. Затѣмъ, протянувъ руку Эриху, Белла съ нѣсколько смущеннымъ видомъ проговорила:

— Вы, молодой другъ, были сегодня его первой мыслью.

Ей почему-то не хотѣлось назвать мужа по имени.

Общество едва успѣло достигнуть Вольфсгартена, какъ пошелъ дождь, который не переставалъ во весь день, такъ что не было никакой возможности выдти изъ дому. Но несмотря на это, время для всѣхъ прошло быстро и пріятно.

Довольнѣе и счастливѣе всѣхъ былъ Роландъ. Онъ не могъ усидѣть на мѣстѣ, всѣмъ весело заглядывалъ въ глаза, переходилъ отъ профессорши къ тетушкѣ, отъ Беллы къ Клодвигу и не могъ нарадоваться, что находится въ обществѣ людей, съ которыми ему такъ хорошо и привольно.

— Ахъ! воскликнулъ онъ внезапно, какъ обрадуется Манна, когда, вернувшись домой, увидитъ, что у насъ на деревьяхъ выросли и дядюшки, и тетушки, и бабушки!

Но гдѣ былъ Пранкенъ? Онъ гостилъ у одного сельскаго хозяина, который отличался большой набожностью и носилъ прозвище монастырскаго крестьянина. Пребываніе у него приходилось Пранкену какъ нельзя болѣе по вкусу, потому что дѣлало его сосѣдомъ Манны. Этотъ сельскій хозяинъ, между прочимъ, арендовалъ на островѣ, прилегавшія къ монастырю, поля и занимался ихъ воздѣлываніемъ.

Послѣ обѣда Белла съ тетушкой Клавдіей сѣли за фортепіано и начали играть въ четыре руки увертюру Бетховена къ Эгмонту Гёте.

Клодвигъ между тѣмъ велъ съ гостями оживленный разговоръ. Какъ все мудро и соразмѣрно распредѣлено въ мірѣ, говорилъ онъ. Избытокъ знанія въ одномъ человѣкѣ служитъ для пополненія пробѣловъ въ образованіи другого. Эрихъ, богатый самыми разнообразными свѣдѣніями, уча Роланда, дѣлится съ нимъ всѣмъ, что есть наилучшаго въ немъ самомъ. Разговоръ совершенно естественно перешелъ съ мальчика на его сестру и Клодвигъ замѣтилъ, что, когда Манна выйдетъ изъ монастыря, для нея было бы большимъ счастьемъ, еслибъ профессорша взяла на себя окончить ея образованіе.

Зонненкампъ и мать Эриха въ изумленіи переглянулись. Этотъ человѣкъ точно прочелъ ихъ мысли и произносилъ вслухъ то, о чемъ они, каждый съ своей стороны, думали втихомолку. Зонненкампъ поблагодарилъ Клодвига за участіе, какое тотъ постоянно выказывалъ къ его семьѣ, замѣтилъ, что мнѣніе графа имѣетъ въ его глазахъ силу закона и въ заключеніе выразилъ надежду, что госпожа Дорнэ, когда придетъ время, не откажетъ ему въ своемъ содѣйствіи. Профессорша отвѣчала, что она очень рада быть чѣмъ-нибудь полезной и охотно попробуетъ заняться съ Манной.

Дождь все не переставалъ, и общество перешло въ большую залу, гдѣ Белла угостила его образчиками своихъ разнообразныхъ дарованій. Она, послѣ кратковременнаго отсутствія, явилась съ накинутымъ на плечо, въ видѣ греческаго одѣянія, пунсовымъ бархатнымъ покрываломъ и съ замѣчательнымъ искусствомъ начала подражать одной знаменитой итальянской актрисѣ. Потомъ она поочереди являлась то парижской гризеткой, то тирольской пѣвицей и всякій разъ до такой степени измѣняла себя, сообразно своему костюму, что ее съ трудомъ можно было узнать. Но забавнѣе всего представляла она трехъ нищенокъ: католичку, протестантку и еврейку. Впрочемъ, зрители не менѣе смѣялись и надъ тѣмъ, какъ она изобразила потомъ трехъ другихъ женщинъ, опять католичку, протестантку и еврейку, которыя, страдая зубной болью, приходятъ къ дантисту выдергивать больные зубы. Нисколько не впадая въ каррикатуру, Белла такъ вѣрно, отчетливо и въ тоже время граціозно передавала особенности всѣхъ этихъ личностей, что возбудила всеобщій восторгъ.

Клодвигъ, наклонясь къ профессоршѣ и къ Зонненкампу, шепнулъ:

— Вы можете гордиться тѣмъ, что она все это передъ вами разыгрываетъ. Она на это рѣшается только въ кругу самыхъ близкихъ друзей.

Зонненкампъ отвѣчалъ, что жаль было бы хранить исключительно про себя такой рѣдкій и замѣчательный талантъ. Эрихъ, который съ своей стороны не могъ не удивляться искусству Беллы, однако не былъ въ состояніи наслаждаться имъ такъ безусловно, какъ другіе. «Что за богатая натура, думалъ онъ. Какой избытокъ силъ! И всѣ онѣ замкнуты въ тѣсную рамку будничныхъ обязанностей!»

Белла въ этотъ день была особенно оживлена и никогда еще не играла съ такимъ увлеченіемъ. Она явно хотѣла изгладить изъ памяти Эриха и изъ своей собственной все, что между ними произошло. Молодой человѣкъ видѣлъ это и молчалъ, а Белла

всего только разъ обратилась къ нему съ замѣчаніемъ о русскомъ князѣ, который поселился въ Маттенгеймѣ у Вейдемана и часто ей оттуда писалъ. Онъ почти въ каждомъ письмѣ упоминалъ объ Эрихѣ, посылалъ ему поклоны и между прочимъ съ похвалой отзывался о магистрѣ Кнопфѣ, прежнемъ учителѣ Роланда. На словѣ *учитель* Белла сдѣлала особенное удареніе, какъ будто желая снова возстановить между собой и Эрихомъ ту границу, за черту которой они, было, оба переступили.

Клодвигъ и профессорша праздновали память Гёте задушевной бесѣдой, въ которой передавали одинъ другому свои взгляды на великаго поэта и его творенія. Профессорша между прочимъ замѣтила, что сынъ ея очень хорошо читаетъ поэтическія произведенія Гёте, и Эрихъ, не заставляя себя долго просить, немедленно прочелъ нѣсколько отрывковъ. Но на этотъ разъ голосъ ему какъ-то плохо повиновался и онъ читалъ хуже обыкновеннаго, безпрестанно открывая въ произведеніяхъ поэта намёки на свои отношенія къ Беллѣ.

Съ наступленіемъ вечера дождь утихъ и гости поспѣшили отправиться домой.

День былъ богатъ впечатлѣніями и Роландъ на возвратномъ пути всю дорогу только и говорилъ, что о необыкновенномъ талантѣ графини. А Зонненкампъ послѣ долгаго молчанія протянулъ профессоршѣ руку и сказалъ:

— Если это васъ не слишкомъ затруднитъ, поѣдемте завтра къ моей дочери.

Профессорша охотно согласилась. У Зонненкампа въ теченіи нѣсколькихъ минутъ было особенно легко на душѣ. Онъ вѣрилъ въ благородныя побужденія матери Эриха и на мгновеніе даже самъ заразился ея великодушіемъ. Все въ мірѣ прекрасно, думалъ онъ, и люди дѣйствительно могутъ быть счастливы отъ одного сознанія, что поступаютъ честно и хорошо. Но это мирное настроеніе духа не долго продолжалось и Зонненкампомъ вскорѣ опять овладѣли его обычныя мысли на счетъ собственнаго превосходства и той силы, которая позволяетъ ему играть людьми и по произволу распоряжаться обстоятельствами. Клодвигъ и профессорша вздумали его ловко поддѣть и, чтобъ успѣшнѣе достигнуть цѣли, выдали свой планъ за его собственный. Пусть будетъ такъ, а онъ, Зонненкампъ, все-таки заставитъ ихъ служить себѣ и съ ихъ помощью достигнетъ того, что составляетъ вѣнецъ его желаній.

Онъ въ тотъ же вечеръ отдалъ садовнику приказаніе заготовить къ слѣдующему дню какъ можно болѣе любимыхъ цвѣтовъ Манны, въ особенности резеды, и убрать ими ея комнату.

ГЛАВА II.

НЕОБЫКНОВЕННОЕ ЯВЛЕНІЕ.

Зонненкампъ съ выраженіемъ безграничнаго уваженія и дружеской заботливости помогъ профессоршѣ выдти изъ кареты, провелъ ее на пароходъ и выбралъ для нея мѣсто, защищенное отъ сквозного вѣтра, но откуда она могла свободно любоваться живописными берегами, мимо которыхъ имъ надлежало плыть. Онъ окружилъ ее всевозможными удобствами и въ заключеніе освѣдомился, не желаетъ ли она еще чего-нибудь. Профессорша сильно встревожилась, замѣтивъ, что забыла дома, на столѣ въ своей комнатѣ, книгу, которую намѣревалась взять съ собой. На вопросъ Зонненкампа, какая это была книга, она не дала прямого отвѣта. Авторъ сочиненія, которое она сама такъ высоко цѣнила, не долженъ былъ, по ея мнѣнію, пользоваться расположеніемъ Зонненкампа. Она поспѣшила отдѣлаться отъ его распросовъ шутливымъ замѣчаніемъ на свой собственный счетъ. Жизнь между учеными, говорила она, до такой степени развила въ ней любовь къ книгамъ, что ей трудно было обойтись безъ нихъ даже во время прогулки по Рейну въ ясный лѣтній день. Но теперь ей, нечего дѣлать, надо было довольствоваться собственными мыслями и прелестными видами, которые быстро смѣнялись одинъ другимъ.

Зонненкампъ помѣстился рядомъ съ профессоршей. Въ голосѣ его звучало искреннее чувство, когда онъ говорилъ, что почти завидуетъ счастью своихъ дѣтей, которымъ въ ранней молодости привелось жить въ обществѣ такой благородной, высоко образованной женщины. Тонъ его рѣчи становился все мягче и задушевнѣе, въ глазахъ его появился непривычный блескъ, даже какъ будто сверкнула слеза. Его печалило воспоминаніе о собственной молодости, которая прошла въ одиночествѣ: Ни одна женская рука никогда ласково не гладила его по головѣ, ни одинъ женскій голосъ не называлъ его нѣжными именами. Было что-то въ высшей степени трогательное въ томъ, какъ этотъ сильный, обыкновенно твердый мужчина съ сдержаннымъ чувствомъ говорилъ о своемъ дѣтствѣ. Вдругъ онъ сдѣлалъ надъ собой усиліе и быстро перешелъ къ главному предмету ихъ настоящаго путешествія. Онъ просилъ профессоршу прежде всего постараться проникнуть въ тайну внезапнаго отчужденія отъ него Манны.

— Ей, можетъ быть, прибавилъ онъ, передали обо мнѣ что-

нибудь такое, противъ чего мнѣ защищаться—значило бы унижать себя. Прошу васъ, если вы узнаете, въ чемъ дѣло, не вѣрьте ничему: все, что обо мнѣ говорятъ, ложь и низкая клевета.

Профессорша сдѣлала Зонненкампу по этому поводу нѣсколько вопросовъ, на которые онъ отказался отвѣчать, говоря, что въ противномъ случаѣ долженъ сойти съ ума. Лицо его мгновенно утратило свое кроткое выраженіе, а взоръ сдѣлался до того гнѣвенъ и дикъ, что на него было страшно смотрѣть.

Профессорша сказала, что ей теперь всего лучше будетъ отправиться прямо къ настоятельницѣ, какъ будто единственной цѣлью ея пріѣзда въ монастырь было свиданіе съ подругой юности. Она убѣдительно просила Зонненкампа не выражать дочери своего желанія на счетъ ихъ взаимнаго сближенія.

— Съ дѣтьми, прибавила она, въ подобнаго рода дѣлахъ принужденіе никуда не годится. Развѣ можно требовать, чтобъ они наслѣдовали отъ родителей любовь и уваженіе, какія тѣ питаютъ къ своимъ друзьямъ? Самое лучшее оставить ихъ въ покоѣ, обращаться съ ними просто, ласково, но безъ навязчивости и выжидать, пока они сами не почувствуютъ къ вамъ влеченія.

Зонненкампъ пришелъ въ восторгъ отъ такой предусмотрительности и съ своей стороны предложилъ не ѣхать на островъ, а остаться въ гостинницѣ на другомъ берегу, пока профессорша не сочтетъ нужнымъ за нимъ прислать.

— Вы столько же умны, сколько и добры, сказалъ онъ ей въ заключеніе.

Въ благоразумной сдержанности профессорши Зонненкампъ видѣлъ искусную тактику и снова почувствовалъ не малое удовлетвореніе при мысли, что насквозь видитъ всѣ чужія хитрости и умѣетъ подчинять ихъ своимъ собственнымъ.

Между тѣмъ, какъ Зонненкампъ и профессорша плыли внизъ по теченію Рейна, на островѣ происходило нѣчто въ высшей степени странное. Тамъ, въ теченіи многихъ лѣтъ, никто не видѣлъ ни одной лошади, а теперь вдругъ на сторонѣ, противоположной монастырю, появился плугъ, запряженный добрымъ конемъ, рядомъ съ которымъ шелъ рослый мужчина, одѣтый въ синюю блузу и съ сѣрой шляпой на головѣ. Дѣти издали смотрѣли на этотъ плугъ, какъ на чудо. Имъ хотѣлось поближе на него взглянуть и они вопросительно поглядывали на Манну, какъ будто прося у ней на то позволенія. Манна кивнула имъ головой и они пошли по дорогѣ, которая вела къ полю. Человѣкъ, управлявшій плугомъ, поравнявшись съ толпой дѣтей,

снялъ шляпу и поклонился. Манна остолбенѣла: неужели это дѣйствительно Пранкенъ? Онъ, не говоря ни слова, продолжалъ пахать, но дойдя до конца борозды и оборачивая плугъ, взглянулъ на молодую дѣвушку и ласково ей улыбнулся.

— Что за красавецъ! воскликнула одна изъ дѣвочекъ.

— Онъ вовсе не похожъ на крестьянина: у него такая благородная наружность! подхватила другая. Кто знаетъ: это можетъ быть переодѣтый рыцарь.

Манна позвала дѣтей назадъ въ монастырь. Тамъ она заперлась въ своей кельѣ, изъ окна которой разстилался видъ на обработываемое поле. Молодая дѣвушка чувствовала себя польщенной тѣмъ, что Пранкенъ, изъ желанія быть къ ней поближе, не побрезгалъ занятіемъ простого крестьянина. Кромѣ того, ей понравилась скромность, съ какой онъ воздержался, чтобъ не заговорить съ ней. Манна была въ раздумьѣ: слѣдуетъ ли ей обо всемъ этомъ разсказать настоятельницѣ, или нѣтъ? Наконецъ, она рѣшила, что не вправѣ выдавать тайну Пранкена, тѣмъ болѣе, что въ ней не было ничего дурного. Напротивъ, его поступокъ и обращеніе развѣ не свидѣтельствовали о благородствѣ его души и о безграничномъ уваженіи, которое онъ питалъ къ ней, Маннѣ?

Молодая дѣвушка подошла къ окну и видѣла, что Пранкенъ по прежнему продолжалъ свою работу. Никогда еще не казался онъ ей такимъ прекраснымъ, какъ въ этомъ простомъ одѣяніи, за этимъ скромнымъ занятіемъ. На окнѣ стоялъ горшокъ съ розовымъ кустомъ, на которомъ распустилась одна поздняя роза. Пранкенъ поднялъ голову и взглянулъ на Манну. Она поднесла руку къ розѣ, намѣреваясь ее сорвать и бросить ее молодому человѣку. Но въ ту самую минуту, какъ она коснулась стебля цвѣтка, къ ней вошла монахиня изъ прислужницъ и объявила, что ее требуютъ въ пріемную. Роза осталась не сорванной.

Манной овладѣло смущеніе. Кто могъ ее требовать въ пріемную? Не Пранкенъ же, который въ ея глазахъ шелъ по полю за плугомъ. Ужъ не графиня ли Белла? и молодая дѣвушка невѣрными шагами направилась въ залу. Тамъ настоятельница представила ее пожилой, нѣсколько полной, но пріятной наружности дамѣ, которую въ свою очередь отрекомендовала Маннѣ словами:

— А это моя бывшая подруга, профессорша Дорнэ, мать учителя твоего брата.

ГЛАВА III.

НЕ ОТЪ МІРА СЕГО.

Профессорша и Манна, при первомъ взглядѣ одна на другую, не могли скрыть своего изумленія. Понятіе, которое каждая изъ нихъ составила себѣ о другой, вполнѣ противорѣчило съ дѣйствительностью.

Въ памяти Манны сохранилась высокая, стройная фигура Эриха съ лицомъ, похожимъ на ликъ св. Антонія. А теперь передъ ней стояла маленькая, полная, престарѣлая блондинка. Профессорша, съ своей стороны, ожидала найти въ сестрѣ Роланда пышную, на него похожую, красавицу. Но изящная фигура Манны, несмотря на всю свою грацію, въ первую минуту не производила впечатлѣнія особенной красоты. На лицѣ ея прежде всего бросались въ глаза два родимыя пятнышка: одно на лѣвой щекѣ, другое на верхней губѣ съ правой стороны. Цвѣтъ кожи ея былъ смуглый. Главная прелесть молодой дѣвушки заключалась въ глубокомъ взглядѣ ея блестящихъ карихъ глазъ, изъ которыхъ сіялъ мягкій, ласкающій душу свѣтъ.

Манна церемонно присѣла передъ профессоршей. Та встала и съ материнской нѣжностью взяла ее за руку, выражая радость, какую ей доставляетъ возможность, наконецъ, познакомиться съ дочерью своихъ гостепріимныхъ хозяевъ. Посѣщеніе монастыря, предпринятое съ цѣлью повидаться со старой пріятельницей, говорила она, теперь оказывается для нея вдвойнѣ пріятнымъ. За тѣмъ профессорша особенно распространилась о своихъ дружескихъ отношеніяхъ съ Церерой.

— Здорова ли матушка? спросила Манна голосомъ, въ которомъ звучала нѣжная заботливость.

Профессорша, какъ могла подробнѣе, разсказала ей о состояніи здоровья Цереры и передала слова доктора Рихардта, который говорилъ, что еще никогда не видалъ ее такой бодрой и крѣпкой, какъ въ настоящее время.

— А теперь у меня есть до васъ просьба, ласково продолжала профессорша. Съ тѣхъ поръ, какъ я имѣла удовольствіе поселиться въ домѣ вашихъ родителей, я постоянно настаиваю, чтобъ изъ-за меня не нарушался порядокъ уроковъ вашего брата. Съ такой же точно просьбой обращаюсь теперь и къ вамъ: пожалуйста, не прерывайте, ради меня, вашихъ обычныхъ занятій. Я буду обѣдать вмѣстѣ съ вами, и затѣмъ сочту себя счастливой, если вы мнѣ удѣлите четверть часа изъ вашего свободнаго времени.

— Можетъ быть, у васъ есть какое-нибудь особенное порученіе къ Маннѣ? замѣтила настоятельница: въ такомъ случаѣ, я васъ оставлю съ ней вдвоемъ.

— У меня нѣтъ къ ней никакого порученія.

Манна поклонилась, подала профессоршѣ руку и ушла. Ей все это казалось непонятнымъ. Зачѣмъ ее звали, если не имѣли ей ничего сообщить? Такого рода поступокъ былъ болѣе чѣмъ страненъ со стороны совершенно посторонней женщины, съ которой она не могла имѣть ничего общаго? Но тѣмъ не менѣе, пока Манна шла по длинному корридору, образъ профессорши не выходилъ у ней изъ головы, съ улыбкой на нее смотрѣлъ и какъ будто говорилъ: какое ты странное дитя!

Манна задумчиво вернулась въ келью и приблизилась къ окну. Она видѣла, какъ Пранкенъ вошелъ въ лодку, поставилъ въ нее лошадь и причалилъ къ противоположному берегу.

— А, баронъ Пранкенъ, здравствуйте! закричалъ ему кто-то, и эхо въ отдаленіи повторило привѣтствіе. Чей это былъ голосъ?

Пранкенъ быстро выскочилъ на берегъ и скрылся за развѣсистыми ивами.

Манна всей душой стремилась къ тому времени, когда свѣтъ, наконецъ, останется позади нея и ей дозволено будетъ вполнѣ отдаться ничѣмъ невозмутимому покою. Теперь ее тревожили разнаго рода сомнѣнія. Здѣсь, по близости отъ нея, находится Пранкенъ; въ пріемной у настоятельницы сидитъ мать учителя.... Чего они отъ нея хотятъ? что̀ все это означаетъ? Она раскрыла молитвенникъ, но никакъ не могла приковать вниманіе къ тому, что̀ въ немъ читала.

Настоятельница между тѣмъ толковала съ профессоршей о Маннѣ и приводила нѣкоторыя черты изъ ея характера.—Въ молодой дѣвушкѣ, говорила она, уживаются странныя противоположности. Въ ней точно двѣ природы: одна мягкая, кроткая, уступчивая, другая—бурная, повелительная, гордая. У нея серьезный, для ея лѣтъ даже слишкомъ строгій взглядъ на вещи и при всемъ томъ она часто не бываетъ въ состояніи совладать съ движеніями своей души. Но, сказать правду, кто это можетъ въ ея года? По всему видно, что у нея есть какое-то большое горе, источникъ котораго заключается въ разладѣ между ея родителями. Настоятельница попыталась-было узнать кое-какія подробности о нравѣ и привычкахъ Зонненкампа, но профессорша очень уклончиво отвѣчала на ея распросы.

Наружность этихъ двухъ женщинъ поражала своей противоположностью. Пріятное лицо профессорши носило отпечатокъ добродушія и умѣренной веселости; руки у нея были маленькія

и полныя. Высокая, худощавая фигура настоятельницы, имѣла въ себѣ что̀-то повелительное. Съ лица ея не сходило строгое выраженіе, которое заставляло постоянно ожидать отъ нея приказаній. Она тщательно содержала свои бѣлыя, прекрасной формы руки. Въ прошломъ обѣихъ женщинъ было много горькихъ испытаній. Профессорша вынесла изъ своего жизненнаго опыта спокойное довольство собой и другими. Настоятельница пріобрѣла въ борьбѣ съ житейскими невзгодами силу, которую, казалось, ничто не могло сломить.

Встрѣча пріятельницъ, послѣ почти тридцати-лѣтней разлуки, не отличалась особенной горячностью. Настоятельница сдѣлала видъ, будто не замѣчаетъ, что профессорша, по примѣру прежнихъ лѣтъ, говоритъ ей *ты*.

— Я никакъ не ожидала еще разъ свидѣться съ вами по сю сторону гроба, сказала она ей.

Профессорша стала припоминать нѣкоторыя событія изъ ихъ молодости, но настоятельница холодно ее остановила. Прошлое, говорила она, для нея болѣе не существуетъ. Она успѣла въ конецъ изгладить въ себѣ воспоминанія юности, и теперь всѣ ея помыслы и желанія сосредоточиваются исключительно на великой будущности, которая одна заслуживаетъ, чтобы люди о ней думали и къ ней стремились.

Замѣтивъ, что эти слова сильно озадачили ея бывшую подругу, настоятельница поспѣшила прибавить, что для нея теперь всѣ люди равны. Она научилась не дѣлать различія ни между родными, ни между знакомыми: и тѣ, и другіе стоятъ отъ нея одинаково далеко. «Кто не въ силахъ,—сказала она въ заключеніе, — поставить себя въ такія отношенія къ свѣту, тотъ не долженъ идти въ монастырь».

Профессорша чувствовала себя въ положеніи человѣка, которому указываютъ на дверь, прося его удалиться изъ дому. Однако ей удалось совладать съ собой и она сказала:

— Да, вы и въ молодости отличались строгостью духа, которая тогда меня пугала, а теперь возбуждаетъ во мнѣ удивленіе.

Настоятельница улыбнулась, но затѣмъ ей стало досадно на себя за то, что похвала подруги могла возбудить въ ней чувство самодовольства.

— Милая Клара, сказала она: прошу васъ, не смущайте меня суетными рѣчами. Занимаемый мною постъ возлагаетъ на меня суровыя обязанности, которыя я должна со смиреніемъ выполнять, доколѣ Царь вселенной не призоветъ меня къ себѣ. Въ то время, о которомъ вы говорили, я еще не знала, что намъ

съ вами придется идти по совершенно различнымъ путямъ. Міръ, гдѣ я теперь живу, требуетъ, чтобы мы не признавали за собой никакой силы, но во всемъ полагались на Бога.

Несмотря на личное самоотреченіе и на смиренный тонъ рѣчей настоятельницы, въ нихъ проглядывало горделивое сознаніе силы и величія священнаго общества, часть котораго она составляла. Профессорша, слушая ее, почувствовала себя въ сравненіи съ ней ничтожной единицей, которая, безъ цѣли вращаясь въ мірѣ, сама не знаетъ куда стремится.

Вскорѣ однако пріятельницамъ удалось найти предметъ для разговора, который ихъ обѣихъ одинаково занималъ. Онѣ коснулись вопроса о воспитаніи дѣтей, и погрузились въ размышленія о томъ, какъ трудно вести юныя души но пути къ истинѣ и добру. Настоятельница была въ этомъ дѣлѣ гораздо опытнѣе профессорши, которая, въ подтвержденіе своихъ мнѣній и взглядовъ, могла ссылаться только на книги, да на авторитетъ покойнаго мужа. Видя, какъ охотно, съ какимъ вниманіемъ и даже благодарностью профессорша выслушивала ея замѣчанія, настоятельница смягчилась въ отношеніи къ ней. Она даже почувствовала легкое угрызеніе совѣсти за то, что такъ жестко обошлась съ этой доброй, благородной женщиной и, какъ всегда бываетъ съ людьми въ подобномъ настроеніи духа, высказалась передъ ней болѣе, чѣмъ сама того желала.

Настоятельница разсказала между прочимъ о томъ, съ какимъ горькимъ опытомъ было сопряжено вступленіе Манны въ монастырь. Появленіе ея въ этихъ стѣнахъ произвело настоящую революцію. Въ числѣ воспитанницъ были двѣ американки высшаго круга, которыя объявили, что ни подъ какимъ видомъ не согласятся сидѣть за однимъ столомъ съ креолкою, какой считали Манну. Онѣ разсказали подругамъ, что въ ихъ отечествѣ люди, въ жилахъ которыхъ текла хоть капля негритянской крови, изгонялись изъ общества, на желѣзныхъ дорогахъ ѣздили въ отдѣльныхъ вагонахъ и даже въ церкви сидѣли на нарочно отведенныхъ для нихъ мѣстахъ. Большая часть воспитывавшихся въ монастырѣ дѣвочекъ принадлежала къ нѣмецкой аристократіи и всѣ онѣ, втайнѣ отъ Манны, составили заговоръ съ цѣлью воспрепятствовать поступленію ея въ число ихъ подругъ. Однажды ночью, во время ея сна, три дѣвочки въ присутствіи одной монахини освидѣтельствовали ногти Манны, но, вопреки своимъ ожиданіямъ, не нашли на нихъ черныхъ пятенъ, которыя бы свидѣтельствовали о ея негритянскомъ происхожденіи. Съ той минуты на Манну перестали смотрѣть, какъ на отверженную, и никто болѣе не противился ея поступленію въ монастырь, гдѣ

она, вскорѣ, благодаря своимъ удивительнымъ способностямъ и необыкновенному прилежанію, удостоилась получить голубой бантъ.

У профессорши едва не сорвалось съ языка замѣчаніе, на счетъ того, что настоятельницѣ слѣдовало бы словомъ и примѣромъ вразумить жестокихъ дѣтей и доказать имъ, что Богъ, не дѣлая различія между людьми, какого бы они ни были цвѣта и происхожденія, тоже самое предписываетъ и имъ. Но она во время удержалась и, хотя у ней дрожали губы, однако ни слова не сказала. Минуту спустя, ей еще болѣе понадобилось все ея самообладаніе. Настоятельница сочла нужнымъ просить ее, чтобъ она во время обѣденной молитвы сложила крестомъ руки. Краска разлилась по лицу профессорши, и она съ достоинствомъ отвѣчала:

— Вѣчный судія, принимая у подножія своего трона душу моего покойнаго мужа, безъ сомнѣнія, произнесъ надъ нимъ самый кроткій приговоръ. «Ты жилъ честно — долженъ онъ былъ ему сказать — согласно съ своими вѣрованіями и убѣжденіями и никогда, ни въ рѣчахъ, ни въ поступкахъ ни на шагъ не отступалъ отъ истины». За нашимъ столомъ, правда, никогда не читалась вслухъ молитва, но каждый изъ насъ, прежде чѣмъ приступить къ пищѣ и питью, на минуту погружался въ самого себя и припоминалъ, изъ какого источника почерпаетъ онъ первое и главное условіе своего бытія. Кромѣ того, обѣдъ нашъ всегда бывалъ освященъ самой чистой и задушевной бесѣдой.

— Хорошо, хорошо, сказала настоятельница. Я вовсе не хотѣла васъ оскорбить. До меня уже дошли слухи о вашей потерѣ и я съ сожалѣніемъ узнала о смерти профессора, которому вы съ такимъ безкорыстіемъ принесли себя въ жертву.

— Я была съ нимъ счастлива, возразила профессорша. Наша любовь съ каждымъ днемъ росла и крѣпла. Но мнѣ суждено было испытать еще и другого рода привязанность, кромѣ той, какую я питала къ мужу. Извините, я хочу сказать, что я мать взрослаго сына, но вполнѣ понять мои чувства могутъ только тѣ, которые сами находятся въ одинаковомъ со мной положеніи.

— Мнѣ очень пріятно видѣть васъ счастливой. Но, скажите откровенно, развѣ не правда, что изъ десяти замужнихъ женщинъ, непремѣнно хоть одна несчастна?

Профессорша не отвѣчала.

— Ваше молчаніе, продолжала настоятельница, подтверждаетъ мои слова. Ну, вотъ видите ли, а я смѣло могу сказать, что изъ ста монахинь, врядъ ли найдется одна несчастная.

Профессорша, не желая вступать въ длинныя и безплодныя

пренія, и на это ничего не возражала. Она была здѣсь въ гостяхъ и не считала себя вправѣ ни спорить, ни учить. Но настоятельница, разъ коснувшись этого предмета, уже болѣе его не оставляла.

— Во всемъ мірѣ, сказала она, врядъ ли найдется существо несчастнѣе молодой дѣвушки, о которой всѣ знаютъ, и которая сама о себѣ знаетъ, что она наслѣдница милліоновъ. Можетъ ли она вѣрить въ любовь корыстолюбивыхъ людей? Можетъ ли она надѣяться, что ее полюбятъ ради ея самой, а не ради ея денегъ? Для такой дѣвушки одинъ исходъ: принести себя и свое богатство въ даръ Всевышнему. Я не знаю, какое на васъ возложено порученіе, — не знаю, съ какой цѣлью вы къ намъ прибыли, но говорю вамъ смѣло и откровенно: мы не стараемся завлечь Манну, не уговариваемъ ее вступить въ монастырь. Напротивъ, мы требуемъ, чтобъ она вернулась въ міръ и примемъ ее къ себѣ обратно не прежде, какъ подвергнувъ ее испытанію. Мы никого не принуждаемъ и не запугиваемъ, но считаемъ своей обязанностью покровительствовать тѣмъ, которыя стремятся преходящія блага промѣнять на вѣчное блаженство.... Но довольно объ этомъ: теперь вамъ все извѣстно.

И съ этими словами настоятельница ушла.

Профессорша отправилась бродить по острову. Ею, послѣ всего слышаннаго, овладѣло сильное раздумье. Вырвать молодую дѣвушку изъ мирной обители, въ которую она добровольно удалилась и гдѣ желала навсегда остаться, казалось теперь матери Эриха непростительной, почти преступной дерзостью. Она долго стояла на берегу, потомъ машинально, едва сознавая, что она дѣлаетъ, велѣла перевезти себя по ту сторону рѣки. Тамъ, подъ тѣнистыми липами, осѣнявшими гостинницу, она увидѣла за столомъ, на которомъ стояло вино, Зонненкампа и Пранкена. Послѣдній былъ такъ странно одѣтъ, что профессорша усомнилась, онъ ли это и хотѣла незамѣтно уйти. Но ее окликнули и она вошла въ прилегавшій къ гостинницѣ садикъ.

Зонненкампъ былъ въ отличномъ расположеніи духа и не могъ нарадоваться на случай, который такимъ счастливымъ образомъ свелъ его здѣсь съ другомъ. Превращеніе барона въ крестьянина, его, повидимому, сильно забавляло. Онъ вскользь замѣтилъ, что и самъ нѣкогда былъ способенъ на такого рода продѣлки и, обратясь къ профессоршѣ, сказалъ:

— У насъ нѣтъ тайнъ отъ нашего друга и потому вы можете мнѣ теперь же сказать, ѣдетъ съ нами Манна, или нѣтъ?

Профессорша отвѣчала, что о возвращеніи молодой дѣвушки въ родительскій домъ пока еще не было рѣчи. По ея мнѣнію,

Манну слѣдовало оставить въ монастырѣ до истеченія назначеннаго срока, и во всякомъ случаѣ не прибѣгать ни къ какимъ рѣшительнымъ или насильственнымъ мѣрамъ.

Пранкенъ былъ согласенъ съ мнѣніемъ профессорши, но Зонненкампу оно вовсе не пришлось по душѣ. Его терзала мысль, что дочь его живетъ точно въ заточеніи, между тѣмъ, какъ дома ее ожидаетъ счастливое существованіе на свободѣ и посреди самой роскошной обстановки.

Съ острова раздался звукъ колокола, призывавшаго къ обѣду. Профессорша сказала, что ей надо вернуться въ монастырь. Зонненкампъ проводилъ ее до берега и на прощанье шепнулъ ей:

— Не бойтесь Пранкена: я намѣренъ предоставить моимъ дѣтямъ во всемъ полную свободу.

Профессорша немного опоздала и застала воспитанницъ уже за обѣдомъ. Она остановилась у назначеннаго для нея стула, сложила руки, съ минуту простояла погруженная въ себя и тогда только сѣла.

Послѣ обѣда настоятельница сказала Маннѣ:

— Теперь пойди, погуляй съ пріятельницей твоихъ родителей.

Профессорша и молодая дѣвушка направились къ тѣнистой рощѣ на противоположномъ концѣ острова. За ними послѣдовала дѣвочка, прозванная сверчкомъ. Она довѣрчиво смотрѣла на профессоршу и не сопротивлялась, когда ее съ книгой въ рукахъ усадили подъ развѣсистымъ деревомъ, гдѣ и велѣли ей оставаться, пока за ней не придутъ.

— Но ты не уѣдешь, Манна! закричала она со своей низенькой скамеечки.

Молодая дѣвушка и профессорша, обѣ невольно вздрогнули. Ребенокъ, какъ по ясновидѣнію, высказалъ то, чего одна боялась и на что другая надѣялась.

ГЛАВА IV.

ТЫ ЭТО НА СЕБѢ ИСПЫТАЕШЬ.

Манна и ея сопутница долго молчали, наконецъ профессорша сказала:

— Вы, безъ сомнѣнія, призваны къ чему-нибудь особенному въ жизни. Иначе зачѣмъ вамъ было бы такъ много страдать и уже такъ рано испытать на себѣ людскую злобу.

— Мнѣ.... я.... какимъ образомъ? Чтò вамъ извѣстно? спросила Манна и вся задрожала.

— Мнѣ извѣстно, отвѣчала профессорша, что вы много и глубоко страдали вслѣдствіе предубѣжденія, которое пятномъ лежитъ на вашемъ прекрасномъ и великомъ отечествѣ.

— На моемъ отечествѣ?... Я? Чтò такое? Говорите яснѣе.

— Простите меня, если я неловко прикасаюсь къ еще не совсѣмъ зажившей ранѣ. Но вынесенное вами горе служитъ вамъ только новымъ украшеніемъ. Вы не виноваты, бѣдное дитя, что родились при такихъ условіяхъ и сдѣлались жертвой подобнаго разлада.

— Я?

— Да.

— Какимъ образомъ? Скажите мнѣ все, все, чтò вы знаете.

— Я говорю только, что униженіе, какому вы подверглись и горечь, которую испытали—васъ, такъ сказать, освящаютъ и возвышаютъ въ глазахъ всѣхъ честныхъ и благородныхъ людей.

— Да говорите же, наконецъ, яснѣе, чтò вы знаете?

У Манны отъ волненія захватило духъ и послѣднія слова вырвались у ней съ какимъ-то свистомъ, напоминавшимъ шипѣніе змѣи. Самое лицо ея измѣнилось и обыкновенно кроткіе глаза гнѣвно засверкали.

— Богъ видитъ, сказала профессорша, что я не хотѣла васъ оскорбить. Напротивъ, я васъ съ радостью бы укрыла въ своихъ объятіяхъ и защитила отъ всякой бѣды.

Она протянула руку, намѣреваясь коснуться ею головы молодой дѣвушки, но та въ испугѣ отъ нея отшатнулась и воскликнула:

— Скорѣй, скорѣй говорите, чтò все это означаетъ! Кто вамъ сказалъ? Чтò вы знаете? Умоляю васъ, не мучьте меня.

— Я знаю только, что вамъ, при вступленіи въ монастырь, пришлось много вынести отъ двухъ американокъ, которыя, по-

лагая, что въ васъ течетъ смѣшанная кровь, отказывались принять васъ въ свое общество.

— А, вотъ оно что! Теперь я понимаю, зачѣмъ Анна Банфильдъ такъ тщательно разсматривала мои ногти. Благодарю тебя, великій Боже, что ты послалъ мнѣ это испытаніе! На мнѣ самой исполнилось.... Я пережила позоръ.... подверглась гоненію, какъ невольница!... Зачѣмъ только онѣ ужъ за одно и не перерѣзали мнѣ жилъ!... Благодарю тебя, милосердый Отецъ! Но, скажи, какъ терпишь ты поклоненіе тѣхъ, которые не боялись оскорбить тебя въ лицѣ одного изъ твоихъ созданій?... Такъ вотъ какъ: онѣ приняли меня сюда не изъ уваженія къ моей рѣшимости смириться и признать надъ собой волю Божію, а единственно потому, что во мнѣ течетъ несмѣшанная кровь! Стыдъ и срамъ!

Манна, казалось, сама себя не помнила отъ гнѣва и печали. Обратясь къ лѣсу, она воскликнула:

— Но вѣдь деревьямъ же позволено быть различныхъ породъ. Ихъ никто за это не караетъ! Они растутъ на свободѣ, зеленѣютъ и цвѣтутъ, солнце одинаково ихъ грѣетъ и птицы безразлично въ нихъ поютъ. О, горе, горе мнѣ! Гдѣ я?

— На истинномъ пути, сказала профессорша. Манна дико на нее взглянула, какъ-будто внезапно увидѣла передъ собой привидѣніе, а профессорша продолжала:

— Въ твоихъ словахъ, дитя мое, звучитъ непреложная истина. Когда Лессингъ говорилъ: «Я не хочу, чтобъ на всѣхъ деревьяхъ росла одна и та же кора», — онъ и не подозрѣвалъ, что духъ, навѣявшій ему эти слова, снова заговоритъ здѣсь, въ стѣнахъ монастыря, устами ребенка. Этотъ чистый духъ витаетъ теперь около насъ, дитя мое, и я не сомнѣваюсь, что Лессингъ, еслибъ могъ, сказалъ бы тебѣ: «Прости имъ: придетъ время и они узнаютъ, что Богъ одинъ вѣченъ и неизмѣненъ, а различныя расы людей не что иное, какъ преходящія явленія, которыя подвергаются безконечнымъ измѣненіямъ».

Едва ли Манна слышала, что̀ говорила профессорша. Она схватила ее за руку и спросила.

— Вы мнѣ кажется сказали, что пользуетесь особеннымъ довѣріемъ моей матери: правда ли это?

— Да.

— И она вамъ тоже разсказала тайну?

— Я васъ не понимаю, дитя мое.

— Вы можете говорить со мной вполнѣ откровенно. Я все знаю.

— Ваша матушка не повѣряла мнѣ никакой тайны.

Манна судорожнымъ движеніемъ сжала въ рукахъ висѣвшій у нея на груди крестъ и устремила глаза въ даль.

Профессорша ласково выразила сожалѣніе, что ея слова до такой степени взволновали Манну. Она ни чуть не желала ей навязываться, или вызывать ее на довѣріе, но только отъ души предлагала ей свою дружбу.

Манна долго молчала, потомъ обернулась къ профессоршѣ и поцаловала ее прямо въ губы.

— Я цѣлую ротъ, сказала она, изъ котораго слышала грозную вѣсть. Да, мнѣ надлежало черезъ это пройти, на себѣ испытать... Теперь я впервые надѣюсь, что жертва моя будетъ принята.

Профессорша не знала что̀ ей отвѣчать на эти загадочныя рѣчи, и въ страхѣ и недоумѣніи смотрѣла на таинственную дѣвушку. Наконецъ Манна пришла въ себя и обѣщалась вскорѣ совсѣмъ успокоиться. Она сѣла на скамью подъ густой елью и облокотясь о стволъ дерева, устремила взоръ въ голубое пространство.

«Зачѣмъ, думала она, въ наши дни мы болѣе не слышимъ голоса съ неба! Ахъ, съ какимъ восторгомъ послѣдовала бы я за нимъ черезъ горы и долины, во меакъ ночной и даже въ объятія самой смерти!»

Манна вдругъ горько заплакала. Профессорша старалась ее успокоить, но молодая дѣвушка отвѣчала, что не въ силахъ съ собой совладать. Ей было грустно разставаться съ монастыремъ, въ которомъ она теперь считала невозможнымъ оставаться долѣе. Съ ней поступили въ немъ нечестно и сама она невольно лгала передъ людьми, которые не хотѣли быть съ ней правдивыми и искренними.

Теперь только профессорша съ ужасомъ догадалась, что Манна до сихъ поръ ничего не знала о заговорѣ противъ нея двухъ американокъ. Она жестоко себя упрекала за свою опрометчивость, говорила, что никогда не проститъ себѣ горе, которое причинила молодой дѣвушкѣ, и съ материнской нѣжностью старалась ее утѣшить.

А Манна между тѣмъ, простирая къ ней руки, восклицала:

— Вѣрьте мнѣ, ахъ, вѣрьте, что одна правда даетъ человѣку миръ и свободу. Въ томъ-то и заключается все мое горе, что паркъ, домъ, вся эта роскошь и блескъ... нѣтъ, нѣтъ я не то говорю!.. Пожалуйста, прошу васъ, не раскаявайтесь въ томъ, что̀ вы мнѣ сказали... Это мнѣ не только не вредитъ, но, напротивъ, меня облегчаетъ. Ахъ, да, пожалуйста.... мнѣ теперь

гораздо легче. Это должно было меня постигнуть... все къ лучшему!

Профессорша, сдѣлавъ надъ собой усиліе, спокойно похвалила Манну за ея любовь къ правдѣ, но та, печально качая головой, сказала:

— Не хвалите меня. Я не заслуживаю ни похвалъ, ни того, чтобъ люди были вполнѣ со мной искренни, потому что сама скрываю отъ нихъ тайну.

Профессорша хорошо понимала, какая горечь должна была наполнять сердце бѣдной дѣвушки. Чтобы хоть сколько-нибудь смягчить ея горе, она поспѣшила оправдать въ ея глазахъ настоятельницу, которая, говорила она, подобно доктору, врачуя ея недугъ, скрывала отъ нея его названіе.

— Я сама, сказала профессорша въ заключеніе, къ сожалѣнію, не была съ вами вполнѣ искренна.

Манна взглянула на нее широко раскрытыми глазами.

— Какъ, и вы тоже! воскликнула она.

— Да. Я скрыла отъ васъ, что вмѣстѣ со мной пріѣхалъ и вашъ отецъ. Онъ ждетъ меня на противоположномъ берегу и надѣется, что вы согласитесь вернуться съ нами домой.

Манна встала и снова быстро опустилась на скамью.

— Отецъ скрывается отъ дочери и подсылаетъ къ ней постороннихъ... сказала она, какъ бы говоря сама съ собой. Пойдемте къ настоятельницѣ, произнесла она потомъ съ внезапной рѣшимостью и, взявъ профессоршу за руку, быстрыми шагами направилась къ монастырю. Оставленный ею въ рощѣ ребенокъ побѣжалъ въ слѣдъ за ней, съ крикомъ:

— Манна, не оставляй меня здѣсь, пожалуйста не оставляй!

— Пойдемъ со мной, сказала она и взяла его за руку.

Манна просила настоятельницу отпустить ее съ профессоршей къ отцу, который ожидалъ ее на другомъ берегу.

— Пригласи его сюда.

— Нѣтъ, я предпочитаю сама къ нему ѣхать.

Она получила желаемое позволеніе, но маленькая дѣвочка, сверчокъ, ни за что не хотѣла ее отпускать. Манна едва ее успокоила обѣщаніемъ скоро вернуться назадъ.

Немного спустя, молодая дѣвушка сидѣла въ лодкѣ и задумчиво смотрѣла въ воду. Она вмѣстѣ съ профессоршей вышла на берегъ и вскорѣ очутилась въ маленькомъ садикѣ при гостинницѣ. Тамъ подъ зеленымъ сводомъ деревъ сидѣли Пранкенъ и Зонненкампъ, который встрѣтилъ дочь радостнымъ восклицаніемъ.

— Ты ѣдешь съ нами!

Она позволила отцу себя обнять, но не возвратила ему поцѣлуя. Пранкенъ тоже былъ очень радъ видѣть Манну и, пожимая ей руку, съ улыбкой сказалъ:

— Рука моя погрубѣла, но сердце мое осталось по прежнему нѣжно... можетъ быть слишкомъ нѣжно!

Манна опустила глаза въ землю. Вскорѣ между ними завязался оживленный разговоръ, и всѣ весело шутили надъ Пранкеномъ, который вздумалъ поселиться въ такомъ близкомъ сосѣдствѣ съ монастыремъ. Онъ забавно отшучивался и съ увлеченіемъ описывалъ свой настоящій образъ жизни. Тонъ его рѣчи дышалъ такой задушевной теплотой, что всѣ были имъ невольно очарованы. Но Пранкенъ остался особенно доволенъ тѣмъ впечатлѣніемъ, какое произвелъ на Манну.

Молодая дѣвушка, не стѣсняясь присутствіемъ профессорши и Пранкена, которыхъ впрочемъ не считала чужими, объявила о своемъ намѣреніи немедленно вернуться домой. Она еще не рѣшила, долго ли тамъ останется, но теперь думала объ одномъ, а именно, какъ можно скорѣе уѣхать изъ монастыря. Ей даже не хотѣлось возвращаться на островъ для того, чтобъ проститься съ подругами и она поручила отцу и профессоршѣ предупредить настоятельницу о ея внезапномъ отъѣздѣ.

— Дозволено ли будетъ другу также сказать свое слово? спросилъ Пранкенъ, между тѣмъ какъ Зонненкампъ шумно выражалъ свою радость.

Манна просила Пранкена свободно высказать свое мнѣніе и онъ признался, что ему, какъ другу, хотѣлось бы видѣть ее во всѣхъ отношеніяхъ безукоризненной. Какія бы у нея ни были на то причины, говорилъ онъ, она не вправѣ дѣйствовать такъ круто и разомъ порывать всѣ связи съ монастыремъ, и въ особенности съ настоятельницей. Жесткость и неблагодарность къ тому же всегда оставляютъ въ душѣ осадокъ горечи. Манна добровольно вступила въ монастырь и не иначе, какъ дружелюбно, должна съ нимъ разстаться. Ей слѣдуетъ туда вернуться, пробыть тамъ еще нѣсколько времени и потомъ лично проститься съ подругами и съ монахинями. Онъ, Пранкенъ, ей все это совѣтуетъ, несмотря на то, что самъ горитъ желаніемъ поскорѣй видѣть ее снова въ свѣтѣ, въ кругу родныхъ и знакомыхъ. Но долгъ дружбы предписываетъ, по возможности, предохранять друзей отъ поздняго раскаянія и отъ всякаго рода тревогъ и волненій.

Вся фигура Пранкена, когда онъ это говорилъ, дышала такимъ благородствомъ, что слушатели его были невольно пора-

жены, хотя каждый изъ нихъ испытывалъ совершенно различное впечатлѣніе.

Зонненкампъ, несмотря на всю свою досаду, долженъ былъ сознаться, что въ людяхъ высшаго круга дѣйствительно есть врожденное благородство, въ силу котораго они и подчиняютъ себѣ массы. У профессорши мелькнуло подозрѣніе, что Пранкенъ рисовался великодушіемъ, для того, чтобъ ловче поддѣть Манну, которая дѣйствительно была глубоко тронута.

— Вы правы, сказала она Пранкену, крѣпко и долго пожимая ему руку. Вы даете мнѣ хорошій совѣтъ, которымъ я непремѣнно воспользуюсь.

Видя, какъ всѣ его надежды снова разбивались въ прахъ, Зонненкампъ былъ внѣ себя отъ гнѣва. Къ изумленію его, профессорша тоже присоединилась къ Пранкену и вполнѣ одобрила его образъ мыслей.

Манна просила Пранкена избѣгать съ ней всякой встрѣчи до тѣхъ поръ, пока она не вернется въ родительскій домъ. Затѣмъ обѣ женщины, въ сопровожденіи мужчинъ, отправились къ берегу и сѣвъ въ лодку, переправились на островъ.

Маленькая дѣвочка, любимица Манны, уже лежала въ постелькѣ, но горько плакала, призывая къ себѣ молодую дѣвушку. Вся подушка малютки была омочена слезами. Манна нѣжно отерла ей глазки и ласково съ ней разговаривала, пока та не заснула. По мѣрѣ того, что она утѣшала дѣвочку и къ ней самой возвращалось спокойствіе.

ГЛАВА V.

НОЧЬ И УТРО ВЪ МОНАСТЫРѢ.

Поздно вечеромъ, Манна съ профессоршей и настоятельницей ходила взадъ и впередъ по широкой аллеѣ передъ монастыремъ. Ей казалось, что двѣ противоположныя силы боролись за нее и каждая въ ея глазахъ заслуживала того, чтобы побѣда осталась за ней.

Профессорша и настоятельница рѣшали разнаго рода нравственные вопросы. Профессорша говорила, что высшая добродѣтель заключается въ готовности сознавать свои ошибки, заблужденія, промахи и въ стараніи по возможности ихъ исправлять. Настоятельница, соглашаясь съ ней въ этомъ, однако прибавляла, что ложный взглядъ на вещи легко вновь пріобрѣтается тѣми, которые не успѣли себѣ прочно усвоить объ истинѣ твер-

дыхъ, непоколебимыхъ понятій, покоящихся исключительно на откровеніи непогрѣшимаго духа. Безъ этого шаткій умъ человѣка нигдѣ не находитъ себѣ опоры и мучительное отыскиваніе истины никогда не прекращается.

Настоятельница говорила съ увѣренностью человѣка, мнѣніе котораго основано на положительныхъ законахъ, между тѣмъ какъ профессоршѣ для каждаго возраженія приходилось искать подтвержденія исключительно въ собственномъ опытѣ и въ своихъ личныхъ воззрѣніяхъ на жизнь. Вслѣдствіе этого въ словахъ ея проглядывала какая-то нерѣшительность, которая еще болѣе усиливалась отъ мысли, права ли она, вступая въ борьбу съ этой суровой личностью, вѣрованія которой были такъ тверды и плодотворны. Къ тому же ее еще тревожили сомнѣнія, подобныя тѣмъ, какія всегда испытываетъ шпіонъ, проникая въ непріятельскій лагерь, хотя бы имъ при этомъ руководили самыя патріотическія побужденія. Она почти раскаявалась, зачѣмъ взяла на себя эту двусмысленную роль. Но отступать было уже поздно и профессорша рѣшилась прибѣгнуть еще къ одному доводу, который, она полагала, непремѣнно долженъ склонить Манну на ея сторону. Она разсказала ей о намѣреніи Зонненкампа въ обширныхъ размѣрахъ заняться благотворительностью и прибавила, что считаетъ за высокое благо возможность участвовать въ такого рода дѣлѣ. Настоятельница предоставила Маннѣ самой отвѣчать.

— Дары, расточаемые моимъ отцемъ, сказала молодая дѣвушка, идутъ не въ настоящія руки. Мы должны возвратить богатство тому, кто одинъ имѣетъ право имъ распоряжаться.

Въ словахъ Манны скрывался таинственный смыслъ.

Профессорша замѣтила, что всѣ бѣдные и нуждающіеся одинаково заслуживаютъ состраданія и что никакая помощь невозможна безъ жертвы. Недостаточно давать деньги, но надо еще душей и сердцемъ принимать участіе въ тѣхъ, кого мы благодѣтельствуемъ. Не столько важенъ самый даръ, сколько трудность, съ какою онъ для насъ сопряженъ. Какъ часто видимъ мы зимой человѣка, идущаго въ теплой шубѣ и останавливающагося для того, чтобы подать милостыню дрожащему отъ холода бѣдняку. То, что онъ останавливается, растегиваетъ шубу и отыскиваетъ въ карманѣ деньги, — все это, по крайней мѣрѣ для дающаго, имѣетъ гораздо болѣе значенія, чѣмъ самая милостыня.

Манна возразила, что однѣ женщины не могутъ взять на себя выполненія столь обширнаго замысла. Но тутъ сама настоятельница пришла на помощь къ профессоршѣ и сказала, что

съ своей стороны не совѣтуетъ Маннѣ произносить монашескаго обѣта, такъ какъ врядъ ли она способна безропотно подчиниться всѣмъ монастырскимъ постановленіямъ.

Потомъ, обратясь къ профессоршѣ, настоятельница рѣзко продолжала:

— Мы равнодушны къ упреку, какой намъ могутъ сдѣлать, будто мы стремились овладѣть имуществомъ Манны. Мы не презираемъ богатства: оно намъ даетъ возможность совершать много прекраснаго, но мы тѣмъ не менѣе заботились исключительно о спасеніи юной души: вѣрятъ намъ въ свѣтѣ, или нѣтъ, — это намъ все равно.

Профессорша рада была наконецъ удалиться въ назначенную для нея келью. Ей до сихъ поръ еще никогда не приходилось ночевать въ монастырѣ и на нее вдругъ напалъ непреодолимый страхъ, точно она дѣйствительно была шпіонкой.

— Хорошо, подумала она улыбаясь, что я забыла взять съ собой книгу съ сочиненіями Паркера. Читать ихъ здѣсь было бы новой измѣной.

И профессорша дала себѣ слово воздерживаться отъ всякаго вліянія на Манну, въ прошломъ и въ настоящемъ которой было такъ много для нея непонятнаго. Въ душѣ молодой дѣвушки явно таилось горе, которое, еслибъ она и рѣшилась когда-нибудь открыть, такъ развѣ только на исповѣди, гдѣ ей, можетъ быть, и слѣдовало искать утѣшенія.

Профессорша спала тяжелымъ, тревожнымъ сномъ. Ей казалось, что она дѣйствительно шпіонка въ Валленштейновомъ лагерѣ. Ее берутъ въ плѣнъ и отводятъ къ начальнику войска, который внезапно превращается въ профессора Эйнзиделя и говоритъ ей: не бойтесь ничего, я здѣсь самовластно распоряжаюсь и сейчасъ же велю васъ освободить. Затѣмъ она увидѣла себя снова при дворѣ въ одеждѣ маркитантки, роль которой она, будучи еще очень молоденькой дѣвушкой, однажды играла въ какой-то пьесѣ. Всѣ надъ ней смѣются, она оборачивается, встрѣчаетъ исполненный укора взглядъ сына и ей становится невыносимо стыдно...

Все это вертѣлось передъ ней въ страшномъ хаосѣ и она почувствовала не малое облегченіе, когда, проснувшись, убѣдилась, что то былъ сонъ.

Въ монастырѣ всѣ рано вставали, но профессорша поднялась еще задолго до того, какъ раздался благовѣстъ къ заутрени. Она, совсѣмъ одѣтая, стояла у окна и ожидала пробужденія молодого дня. Страхъ, навѣянный на нее тревожнымъ сномъ, еще не совсѣмъ разсѣялся и окружалъ ее, какъ легкое облако тумана, ко-

торый, разстилаясь надъ рѣкой, въ эту минуту боролся съ утренней зарей. Профессорша думала о спавшихъ здѣсь дѣтяхъ, которыя росли, мечтая о счастливой будущности, — о монахиняхъ, отрекшихся отъ свѣта и для которыхъ каждый наступающій день не приносилъ ничего новаго, но постоянно однѣ и тѣ же обязанности.

Она вздрогнула при мысли, что собиралась, было, нарушить спокойствіе одного изъ подобныхъ существованій. Если въ этихъ стѣнахъ и скрывалось много страннаго, за то въ нихъ незамѣтно пребывали миръ и покорность промыслу. Теперь, въ эту утреннюю пору, профессоршѣ невольно пришли на память слова мужа. Возставать противъ господствующей религіи, говорилъ онъ, вправѣ только тотъ, кто взамѣнъ ея предлагаетъ другія, болѣе полныя и удовлетворительныя вѣрованія. Въ мірѣ все чистое и прекрасное подвергается гоненію и посмѣянію: сильна и обильна благодатью должна быть рука, которая съ разрушительной цѣлью проникаетъ въ мирную обитель, гдѣ укрывается идея чистой нравственности.

Солнце между тѣмъ одержало побѣду надъ туманомъ и яркимъ свѣтомъ обдало горы и рѣку. Въ воздухѣ загудѣли колокола, въ большомъ монастырскомъ зданіи все оживилось и задвигалось. Профессорша сошла внизъ въ церковь и встала на колѣни за одной изъ колоннъ. Мало-по-малу туда собрались и всѣ дѣти и монахини. Профессорша, выслушавъ утреннее богослуженіе, отправилась въ столовую проститься съ Манной и съ настоятельницей. Онѣ проводили ее до берега.

Дорогой профессорша убѣждала Манну пока остаться въ монастырѣ и жить, какъ она до сихъ поръ жила въ мірѣ чистыхъ идей. Теплота и искренность ея словъ проникли въ сердце настоятельницы и, повидимому, глубоко ее тронули. Она на прощанье подала своей бывшей пріятельницѣ руку, между тѣмъ какъ губы ея шептали за нее молитву. Профессорша съ облегченнымъ сердцемъ покинула островъ.

Зонненкампъ, все еще надѣявшійся увезти съ собой Манну, опять обманулся въ своихъ ожиданіяхъ, а профессорша объявила ему, что болѣе не станетъ вмѣшиваться въ это дѣло, которое окружено для нея непроницаемой тайной.

Они немедленно отправились на виллу. Дорогой профессорша раскрыла передъ Зонненкампомъ свой планъ благотворительности и совѣтовала какъ можно скорѣе привести его въ исполненіе, для того, чтобы переходъ Манны изъ монастыря въ родительскій домъ былъ не что иное, какъ переходъ изъ одного святилища въ другое. Зонненкампъ слушалъ ее терпѣливо, но не охотно.

Ему казалось, будто весь свѣтъ согласился на томъ, чтобъ сдѣлать изъ него лицемѣра. Вчера Пранкенъ приставалъ къ нему съ такими же точно требованіями, и онъ ему сначала насмѣшливо отвѣчалъ, что, какъ видно, и знать тоже не гнушается лицемѣрія, потому что даже его проповѣдуетъ. Пранкенъ сослался на религію, которая предписываетъ добрыя дѣла. Зонненкампъ въ отвѣтъ только пожалъ плечами, удивляясь тому, что этотъ человѣкъ даже наединѣ съ нимъ считалъ нужнымъ носить маску. Когда же Пранкенъ замѣтилъ, что благотворительность въ обширныхъ размѣрахъ не только побудитъ, но даже обяжетъ дворъ выдать ему дворянскій дипломъ, Зонненкампъ пересталъ спорить и болѣе не сопротивлялся. Теперь профессорша требуетъ отъ него того же самаго и, что̀ всего хуже, дѣлаетъ это, повидимому, искренно, безъ всякой задней мысли.

Возвратный путь совершился далеко не весело. Зонненкампъ вернулся домой съ обманутой надеждой и сердитый на то̀, что принужденъ былъ уже столько дать, самъ еще не достигнувъ ни одной изъ своихъ цѣлей.

ГЛАВА VI.

ЗАПРЕЩЕННЫЙ ПЛОДЪ ВЪ ЭДЕМѢ.

На виллѣ Эдемъ появился новый духъ, дотолѣ тщательно скрываемый. Въ немъ не было ничего страшнаго, — напротивъ, онъ былъ прекрасенъ и чистъ, но тѣмъ не менѣе надѣлалъ много хлопотъ.

Въ день отъѣзда профессорши, Роландъ пошелъ къ ней въ домикъ за какой-то книгой для Эриха. Доставъ ее изъ библіотеки, онъ вошелъ въ слѣдующую комнату посмотрѣть, какой она имѣетъ видъ безъ профессорши, и увидѣлъ на столѣ развернутую книгу, на заглавномъ листкѣ которой стояло: «моему другу Дорнэ — Теодоръ Паркеръ.»

Роландъ вздрогнулъ. Это было имя человѣка, о которомъ профессорша, за нѣсколько дней передъ тѣмъ, говорила какъ о святомъ, но съ которымъ пока не хотѣла его ближе знакомить. Роландъ взялъ книгу и положилъ ее въ карманъ.

Послѣ обѣда онъ отпросился навѣстить ловчаго. Эрихъ остался дома дописывать письмо, которое онъ уже давно началъ къ профессору Эйнзиделю. Но Роландъ, вмѣсто того, чтобъ идти къ Клаусу, расположился на берегу рѣки, подъ тѣнистыми ивами, и погрузился въ чтеніе.

Что̀ это? Передъ нимъ вдругъ возникла вдохновенная фигура борца, который ратовалъ за чистую нравственность и за свободу негровъ. Роландъ впервые узналъ о существованіи человѣка, по имени Джона Броуна, который, посвятивъ свою жизнь уничтоженію въ Америкѣ рабства, самъ погибъ на висѣлицѣ въ Гарперъ-Ферри. Мальчикъ прочелъ предсказаніе Паркера о великой войнѣ и ему глубоко запали въ душу слова: «Всѣ великія событія въ исторіи человѣчества пишутся кровью». Онъ читалъ далѣе съ жадностью, не останавливаясь, пока не стало смеркаться. Тогда только онъ вспомнилъ о своемъ намѣреніи навѣстить Клауса и поспѣшилъ въ деревню, гдѣ тотъ жилъ. На половинѣ дороги ему встрѣтился Эрихъ, который, думая, что мальчикъ его умышленно обманулъ, очень на него сердился.

— Гдѣ ты былъ? спросилъ онъ.

— Вотъ гдѣ, отвѣчалъ Роландъ, подавая ему книгу.

Мальчикъ вкусилъ отъ запрещеннаго плода древа познанія и Эрихъ былъ пораженъ тѣмъ, какъ все глубоко западало въ эту юную душу. Ему, какъ воспитателю, предстояла новая трудность, а именно отстранять отъ мальчика всякое свѣдѣніе, неблагопріятное для его отца.

— Кто былъ Броунъ? спросилъ Роландъ. Разскажи мнѣ о немъ что̀-нибудь.

Эрихъ исполнилъ его желаніе. Онъ разсказалъ ему исторію этого мученика и старался доказать необходимость искупительныхъ жертвъ, даже въ такой вѣкъ, какъ нашъ. Самоотверженіе, говорилъ онъ, какъ прежде, такъ и теперь неизмѣнно сообщаетъ человѣку характеръ особеннаго величія, въ какое бы онъ ни былъ облеченъ одѣяніе, не исключая и нестраго капитанскаго мундира.

Эрихъ явно хотѣлъ заговорить Роланда и отвлечь его отъ главнаго предмета, но это ему не удалось и онъ видѣлъ себя вынужденнымъ до нѣкоторой степени защищать мнѣніе Зонненкампа о невольничествѣ.

— Да, да, перебилъ его Роландъ: я помню, когда мы вмѣстѣ съ русскимъ княземъ обѣдали у Клодвига, ты выразилъ сомнѣніе на счетъ возможности воспитывать вмѣстѣ бѣлыхъ и черныхъ мальчиковъ. Ужъ и ты не принадлежишь ли къ числу защитниковъ невольничества?

Эрихъ постарался ему по возможности объяснить свой настоящій образъ мыслей и снова не могъ надивиться на то, какъ все глубоко западало въ душу мальчика и какъ онъ не пропускалъ безъ вниманія ничего, о чемъ при немъ, хотя бы вскользь, упоминалось.

Эрихъ оставался у Роланда далеко за полночь. Ему тяжело было умѣрять въ мальчикѣ благородные порывы его духа и знакомить его съ воззрѣніями, которыя не только оправдываютъ существованіе невольничества, но даже считаютъ его необходимымъ. Роланду предстояло скрывать отъ отца, какъ то, что онъ не раздѣляетъ его мнѣнія объ одномъ предметѣ, такъ и то, что онъ, черезъ профессоршу, случайно познакомился съ духомъ произведеній, кторымъ никогда не слѣдовало бы проникать на виллу Эдемъ.

Эрихъ припомнилъ, какъ мать совѣтовала ему ввести въ занятія мальчика болѣе строгую послѣдовательность и, останавливая его вниманіе на томъ, что стоитъ на очереди, не позволять ему исключительно слѣдовать своимъ наклонностямъ. Теперь пытливый умъ мальчика напалъ на слѣдъ того, что хотѣли отъ него скрыть. Онъ самъ всталъ на путь, вести его по которому было бы настоящей задачей воспитателя, а Эриху между тѣмъ надлежало его на немъ какъ можно болѣе задерживать. Ему при такихъ обстоятельствахъ ничего болѣе не оставалось, какъ пустить въ ходъ суровое: «ты долженъ», или «ты не долженъ».

— Я какъ сквозь сонъ помню, разсказывалъ мальчикъ, что меня носилъ на рукахъ негръ съ плоскимъ лицемъ и курчавыми волосами, за которыя я его часто дергалъ. У него былъ совсѣмъ гладкій подбородокъ.....

— У негровъ не ростетъ борода, замѣтилъ Эрихъ, а мальчикъ задумчиво продолжалъ:

— Да, меня носили негры.... негры.... тихо повторилъ онъ нѣсколько разъ, и замолчалъ.

Потомъ, быстро проведя себѣ рукой по лицу, онъ внезапно спросилъ:

— А какъ ты думаешь, невольники любятъ своихъ дѣтей? Не поешь ли ты какой-нибудь негритянской пѣсни?

Затѣмъ мальчикъ пожелалъ узнать, какъ смотрѣли на рабство люди прошлыхъ временъ. Эрихъ, мало знакомый съ этимъ предметомъ, не могъ ему сказать ничего положительнаго. Онъ распечаталъ свое письмо къ Эйнзиделю и прибавилъ къ нему нѣсколько строкъ, въ которыхъ просилъ почтеннаго профессора прислать ему списокъ сочиненій, гдѣ подробно описывалось состояніе рабства у евреевъ, грековъ, римлянъ и древнихъ германцевъ.

Передъ отходомъ ко сну, Роландъ досталъ сочиненія Ѳомы Кемпійскаго и положилъ ихъ на столъ рядомъ съ книгой Теодора Паркера.

— Воображаю себѣ, сказалъ онъ, какъ бы эти два человѣка смотрѣли одинъ на другого, еслибъ они могли встрѣтиться. Ѳому

Кемпійскаго я представляю себѣ въ видѣ ревностнаго, суроваго монаха, а въ Паркерѣ вижу истаго внука, или скорѣе правнука Веньямина Франклина.

Все болѣе и болѣе удивлялся Эрихъ, видя какъ мальчикъ успѣлъ проникнуться духомъ этихъ двухъ писателей. Ѳома Кемпійскій стремится сдѣлать изъ человѣка пустынника; побуждая его углубляться въ самого себя, онъ заставляетъ его возвышаться надъ міромъ и человѣчествомъ. Паркеръ тоже вводитъ человѣка во внутренній міръ его души, но съ цѣлью, посредствомъ изученіе самого себя, сблизить его съ людьми, посреди которыхъ онъ долженъ жить.

Когда Эрихъ и Роландъ на слѣдующій день относили на станцію желѣзной дороги письмо къ профессору Эйнзиделю, они увидѣли на Рейнѣ пароходъ, на которомъ возвращались Зонненкампъ и профессорша. Сдѣлавъ имъ знакъ, они поспѣшили на пристань.

Роландъ, узнавъ, что съ ними не было Манны, сильно огорчился. Отецъ обѣщался ему ее непремѣнно привезти. Зонненкампъ пошелъ съ Эрихомъ впередъ и началъ распрашивать его о домашнихъ дѣлахъ. Онъ казался въ очень дурномъ расположеніи духа. Роландъ съ профессоршей остался позади на довольно большомъ разстояніи отъ нихъ.

— Говорила вамъ Манна, спросилъ онъ внезапно, что она Ифигенія?

— Нѣтъ. Что она подъ этимъ подразумѣваетъ?

— Я не знаю.

Профессорша многозначительно сжала губы. Она отчасти понимала горе Манны и благодарность ея Богу за то, что онъ подвергнулъ ея тяжелому испытанію. Она мысленно старалась глубже проникнуть въ тайну молодой дѣвушки, но Роландъ прервалъ ея размышленія, сказавъ, что прочелъ забытую ею на столѣ книгу. Профессорша сначала испугалась, но успокоилась, когда мальчикъ передалъ ей, что Эрихъ ему все объяснилъ и приказалъ хранить въ тайнѣ. Тѣмъ не менѣе у нея на душѣ, по возвращеніи на виллу, осталась тяжесть. Ей казалось, что она внесла въ этотъ домъ духъ раздора, который въ одинъ прекрасный день непремѣнно разразится и произведетъ страшное смятеніе. Профессорша думала, что навсегда утратила свое душевное спокойствіе.

Церера была снова больна. Она не рѣшалась отпустить отъ себя фрейленъ Пэрини, и черезъ слугу послала Зонненкампу и профессоршѣ благодарность въ отвѣтъ на ихъ поклонъ и освѣдомленіе о ея здоровьѣ.

Вскорѣ явился маіоръ, спокойный и веселый, какъ ребенокъ, который, живя только настоящимъ, не терзается никакими заботами и сомнѣніями. Его ровное, мирное настроеніе духа всегда на всѣхъ благотворно дѣйствовало. Такъ и теперь онъ съумѣлъ найти хорошую сторону въ отказѣ Манны вернуться домой. Ей слѣдовало пріѣхать сюда, говорилъ онъ, не прежде, какъ когда будетъ оконченъ замокъ, такъ чтобъ она прямо изъ монастыря очутилась въ крѣпости. Маіоръ съ удовольствіемъ думалъ о томъ времени, когда всѣ снова соединятся. Онъ терпѣть не могъ длинныхъ странствованій, продолжительныхъ отсутствій и ненавидѣлъ разлуку, какъ бомбу въ военное время. По его мнѣнію, нигдѣ не жилось такъ хорошо и привольно, какъ здѣсь, на дачѣ, гдѣ можно любоваться небомъ, водой, горами, деревьями. Чего еще людямъ желать?

Маіору наконецъ удалось нѣсколько развеселить общество, которое довольно печально сидѣло за ужиномъ. Немного спустя профессорша вмѣстѣ съ нимъ отправилась къ фрейленъ Милькъ. Она имѣла въ виду пригласить ее, въ качествѣ главной помощницы, участвовать въ предпринимаемыхъ Зонненкампомъ благотворительныхъ дѣлахъ.

Фрейленъ Милькъ, болѣе нежели кто либо, для этого годилась. Она хорошо знала всѣхъ окрестныхъ жителей, ихъ нужды и взаимныя отношенія. Предложивъ, между прочимъ, купить дюжину швейныхъ машинъ и разослать ихъ по сосѣднимъ деревнямъ, она вызвалась сама учить женщинъ, какъ съ ними управляться.

Почерпнувъ въ бесѣдѣ съ фрейленъ Милькъ новыя силы, профессорша, въ сопровожденіи ея и маіора, отправилась домой. Въ небѣ тихо мерцали звѣзды, на душѣ у ней было ясно, а въ ушахъ звучали, точно ихъ кто-нибудь пѣлъ, слѣдующія слова Гёте: «Человѣкъ познаетъ самого себя не посредствомъ размышленія, а посредствомъ опыта и тогда лишь, когда приступаетъ къ выполненію долга».

Профессоршѣ предстояло дѣло, которое должно было ей самой дать удовлетвореніе, а многихъ другихъ избавить отъ нужды и печали.

ГЛАВА VII.

НОВАЯ ДВЕРЬ ВЪ СТѢНѢ.

Профессорша въ теченіи нѣсколькихъ дней сопровождала доктора въ поѣздкахъ къ его сельскимъ паціентамъ, и такимъ образомъ сама мало-по-малу ознакомилась съ жизнью тамошнихъ обывателей.

Она, вмѣстѣ съ фрейленъ Милькъ, составила планъ, по которому намѣревалась дѣйствовать, и представила его на разсмотрѣніе Зонненкампа. Тотъ его вполнѣ одобрилъ и остался особенно доволенъ распоряженіемъ на счетъ швейныхъ машинъ, которое ему нравилось, не столько потому, что имѣло нѣкоторое отношеніе къ Америкѣ, сколько вслѣдствіе того, что обѣщало надѣлать много шуму въ свѣтѣ. Онъ на другой же день самъ отправился въ столицу покупать машины.

Зонненкампу было очень пріятно слушать, какъ профессорша выражала свою радость, вслѣдствіе того, что ей въ жизни приходилось дѣлать такъ много добра, сначала черезъ герцогиню, теперь черезъ него.

— Отчего это, спрашивалъ онъ, бѣдные и недостаточные люди гораздо болѣе стоятъ другъ за друга, чѣмъ богатые?

— Я никогда объ этомъ не думала, съ улыбкой отвѣчала профессорша, но полагаю, что богатые прежде всего стоятъ за свои богатства и имѣютъ въ виду самихъ себя. Иначе и быть не можетъ. Богачу некогда и неохота заниматься судьбою другихъ; его душа и глаза, такъ сказать, лишены той прозорливости, какою обладаетъ одинокій бѣднякъ. Послѣдній постоянно чего-нибудь ожидаетъ, на что-нибудь надѣется. У него руки или совсѣмъ пусты, или держатъ только маленькій узелокъ. Онъ зависитъ отъ другихъ, а потому и льнетъ къ нимъ.

Зонненкампъ похвалилъ профессоршу за такой, какъ онъ выразился, дружески кроткій взглядъ на вещи. А она, съ своей стороны, осталась очень довольна добродушіемъ и любезностью этого, на видъ грубаго и себялюбиваго, но въ сущности все-таки добраго человѣка.

— Можетъ быть, сказала профессорша и вся покраснѣла, мнѣ дозволено будетъ заимствовать примѣръ изъ міра животныхъ.

— Какой примѣръ?

Она молчала. Зонненкампъ повторилъ вопросъ.

— Передъ вами, начала профессорша, я не побоюсь выска-

зать даже и не совсѣмъ зрѣлую мысль. Хищные звѣри, видите ли, всегда живутъ въ одиночку. Волки тогда только собираются въ стадо, когда хотятъ одолѣть какую-нибудь значительную добычу. Травоядныя животныя, напротивъ, всегда живутъ стадами, количествомъ своимъ обезпечивая свою безопасность.

Надежды Зонненкампа на профессоршу все болѣе и болѣе возрастали. Она внесла въ домъ нѣчто такое, чего нельзя было ни взростить въ саду, ни, какъ добычу, поймать на охотѣ.

Газеты, наперерывъ, одна передъ другой, восхваляли Зонненкампа за его заботливость о народномъ благосостояніи. На виллу не замедлила явиться совѣтница съ извѣстіемъ отъ мужа, что прекрасная дѣятельность Зонненкампа произвела самое благопріятное впечатлѣніе на дворъ.

Рвеніе Зонненкампа удвоилось и онъ хотѣлъ, чтобы газеты ежедневно о немъ говорили. Но Пранкенъ, вернувшійся изъ своей сельской экспедиціи, напротивъ утверждалъ, что лучше имъ на время замолкнуть, для того, чтобы послѣ опять сильнѣе подѣйствовать на общественное мнѣніе. Онъ, безъ сомнѣнія, провѣдалъ о томъ, какое пріятное впечатлѣніе оставила по себѣ профессорша въ монастырѣ, и встрѣтилъ полнымъ сочувствіемъ намѣреніе Зонненкампа окончательно ее у себя водворить.

Немедленно было приступлено къ проведенію между виллой и виноградным домикомъ новой дороги, которой предстояло идти вдоль берега черезъ поля. По окончаніи работъ Зонненкампъ пригласилъ профессоршу прогуляться съ нимъ въ саду.

Въ стѣнѣ, окружавшей паркъ, была пробита новая дверь. Зонненкампъ, вручая профессоршѣ отъ нея ключъ, сказалъ, что она первая должна черезъ нее пройдти. Профессорша повиновалась, а затѣмъ пошла далѣе по дорогѣ вдоль берега. За ней слѣдовала вся семья, не исключая и Пранкена. Достигнувъ виноградного домика, профессорша съ изумленіемъ увидѣла, что туда было перевезено изъ университетскаго городка все ея хозяйство и библіотека мужа. Послѣдняя оказалась разставленной въ самомъ строгомъ порядкѣ. Тетушка Клавдія тоже тамъ была: Зонненкампу удалось устроить такъ, чтобы она вернулась къ нему отъ Клодвига.

Затѣмъ онъ не безъ гордости указалъ на своего камердинера Іозефа, который, въ качествѣ природнаго сына университета, взялъ на себя устройство жилища профессорши. Та съ благодарностью протянула ему руку.

Вскорѣ явился и маіоръ. На вопросъ профессорши, отчего фрейленъ Милькъ съ нимъ не пришла, онъ, запинаясь, отвѣчалъ

какимъ-то неяснымъ извиненіемъ. Его явно огорчала рѣшимость фрейленъ Милькъ никогда не показываться въ обществѣ.

Профессорша не успѣла еще вполнѣ оправиться отъ своего радостнаго изумленія, какъ пріѣхали Клодвигъ и Белла. Столъ для гостей накрыли въ саду. Роландъ былъ несказанно счастливъ, и то и дѣло приговаривалъ:

— Ну, теперь у меня въ гнѣздышкѣ есть и бабушка и тётушка, которыя навсегда въ немъ останутся.

Вечеромъ пришли къ Эриху письмо и посылка съ книгами, отъ профессора Эйнзиделя. Почтенный ученый хвалилъ его за намѣреніе заняться разработкой такого серьёзнаго и въ тоже время благодарнаго предмета, какъ исторія рабства всѣхъ народовъ и временъ.

Эрихъ поспѣшилъ спрятать книги. Онъ былъ радъ тому, что Роландъ повидимому совсѣмъ пересталъ думать о невольничествѣ, о свободномъ трудѣ и о прочихъ тому подобныхъ вещахъ. Мальчика теперь занимало нѣчто совсѣмъ другое.

Сынъ совѣтницы, кадетъ, находился въ отпуску у матери на вновь пріобрѣтенной ею дачѣ. Роландъ, вслѣдствіе его увѣщаній, хотѣлъ какъ можно скорѣй поступить въ высшій классъ корпуса. У него съ Пранкеномъ только и было рѣчи, что объ этомъ, а отцу онъ положительно не давалъ проходу. Зонненкампъ однажды отвелъ его въ сторону и сказалъ:

— Мнѣ пріятно видѣть, сынъ мой, что ты такъ усердно готовишься къ корпусу, но ты поступишь въ него не прежде.... слушай меня внимательно, я говорю съ тобой, какъ съ взрослымъ, какъ съ человѣкомъ, который все понимаетъ и которому я могу вполнѣ довѣрять...

— Когда же я поступлю?

— Подойди ко мнѣ поближе, я скажу тебѣ на ухо. Ты поступишь въ корпусъ, когда будешь дворяниномъ.

— Я — буду дворяниномъ? А ты?

— И я тоже, и всѣ мы. Но я объ этомъ хлопочу только ради тебя. Современемъ ты все поймешь. А теперь, скажи, радъ ли ты будешь сдѣлаться дворяниномъ?

— Знаешь ли, батюшка, гдѣ и когда я въ первый разъ почувствовалъ уваженіе къ знати?

Зонненкампъ вопросительно на него посмотрѣлъ, а Роландъ продолжалъ:

— На станціи желѣзной дороги, когда со мной встрѣтился одинъ пьяный помѣшанный баронъ. Его всѣ окружали уваженіемъ, почтительно говорили съ нимъ, единственно потому, что онъ знатнаго происхожденія. Да, хорошо быть дворяниномъ!

И Роландъ разсказалъ о томъ, какъ онъ, въ утро своего побѣга изъ дому, встрѣтился съ бѣднымъ сумасшедшимъ, который дѣлалъ ему знаки и пытался съ нимъ сблизиться. Зонненкампъ былъ не мало удивленъ, видя, какъ всякая бездѣлица глубоко отзывалась въ сердцѣ мальчика.

— А теперь, сказалъ онъ: дай мнѣ руку въ знакъ того, что ты не разболтаешь этого твоему капитану Эриху. Я самъ, когда придетъ время, ему все разскажу. Итакъ, беру съ тебя слово благороднаго офицера.

Роландъ очень неохотно подалъ руку. Отецъ продолжалъ объяснять ему всѣ невыгоды его положенія въ корпусѣ, еслибъ онъ поступилъ туда до полученія ихъ семействомъ дворянскаго достоинства. Мальчикъ слушалъ разсѣянно, а потомъ спросилъ, зачѣмъ онъ все это долженъ скрывать отъ Эриха. Зонненкампъ уклонился отъ прямого отвѣта и потребовалъ отъ сына безусловнаго повиновенія.

Роланду, такимъ образомъ, приходилось хранить двѣ тайны: одну отъ отца, другую отъ Эриха. Это тяготило его душу и онъ однажды удивилъ Эриха страннымъ вопросомъ:

— Имѣютъ ли негры въ своемъ отечествѣ также аристократовъ?

— Аристократіи въ сущности вовсе нѣтъ, отвѣчалъ Эрихъ. Отдѣльныя личности называются аристократами только до тѣхъ поръ, доколѣ другіе соглашаются признавать ихъ за такихъ.

Эрихъ думалъ, что желаніе поскорѣе поступить въ корпусъ изгладило изъ памяти Роланда все то, надъ чѣмъ до сихъ поръ такъ усердно работалъ его умъ. Теперь же ему пришлось убѣдиться, что мысли мальчика шли все по тому же направленію, только въ нихъ появилась какая-то новая связь, въ которой онъ не могъ дать себѣ вполнѣ отчета. Впрочемъ онъ тщательно избѣгалъ наводить мальчика на разговоръ о подобныхъ предметахъ.

Сынъ совѣтницы, во все время своего отпуска, принималъ большое участіе въ занятіяхъ Роланда. Зонненкампъ, съ согласія совѣтницы, предложилъ ему на годъ выйти изъ корпуса и вмѣстѣ съ Роландомъ брать уроки у Эриха. Роландъ пришелъ въ восторгъ отъ этого плана, но Эрихъ сильно ему воспротивился. На возраженія послѣдняго Зонненкампъ замѣтилъ, что онъ сначала находилъ весьма полезнымъ для Роланда заниматься въ обществѣ товарищей его лѣтъ. На это Эрихъ отвѣчалъ, что ученіе мальчика приняло теперь совершенно личный характеръ и участіе въ немъ товарища, который не можетъ идти съ нимъ наравнѣ, должно только служить ему помѣхой и замедлять его

успѣхи. Эрихъ этимъ отказомъ возстановилъ противъ себя не только Зонненкампа и совѣтницу, но и своего воспитанника, который съ отъѣздомъ кадета въ столицу сдѣлался очень раздражителенъ и непокоренъ.

ГЛАВА VIII.

ЗАПАДНИ ВЪ ЦВѢТНИКАХЪ ПОЭЗІИ.

Зонненкампъ по справедливости гордился тѣмъ, что выдѣлывалъ лучшее вино во всей странѣ. Но преданіе о веселыхъ осеннихъ празднествахъ, какими будто бы сопровождается сборъ винограда, по крайней мѣрѣ на этотъ годъ, оказалось чистымъ миѳомъ. Каждый день уже съ утра поднимался туманъ, который къ вечеру до того сгущался, что почти совсѣмъ скрывалъ ландшафтъ. Едва сборъ винограда былъ оконченъ, какъ листья съ деревьевъ опали, а обнаженныя вѣтви покрылись инеемъ. Маіоръ непремѣнно хотѣлъ ознаменовать осенній праздникъ стрѣльбой изъ ружей и не могъ нарадоваться на ловкость своихъ друзей, Эриха и Роланда, которые такъ быстро повиновались его командѣ, что ихъ два выстрѣла и третій его, раздавались одновременно и сливались въ одинъ. Но этимъ и ограничилось празднованіе винограднаго сбора.

На виллѣ уже началась топка и тутъ на дѣлѣ оправдалась теорія Зонненкампа на счётъ того, чтобъ каждая печь непремѣнно имѣла свою отдѣльную трубу. Но настоящій праздникъ былъ въ тотъ день, когда первый разъ затопили каминъ у профессорши въ комнатѣ. Она по этому случаю пригласила къ себѣ Эриха, Роланда, фрейленъ Милькъ, и всѣ они сидѣли передъ ярко пылавшимъ огнемъ, наслаждаясь его свѣтомъ и теплотой. Имъ безъ всякой видимой причины было какъ-то особенно пріятно и весело—вѣроятно вслѣдствіе внутренняго довольства самими собой и другими.

Профессорша напомнила Эриху, что онъ въ былое время имѣлъ обыкновеніе въ длинные зимніе вечера читать вслухъ величайшія произведенія отечественныхъ и иностранныхъ поэтовъ. Эрихъ съ своей стороны чувствовалъ необходимость чѣмъ-нибудь содѣйствовать общему удовольствію и постараться изгладить дурное впечатлѣніе, какое на всѣхъ, произвелъ его отказъ позволить сыну совѣтницы участвовать въ занятіяхъ Роланда.

Зонненкампъ, во владѣніяхъ котораго были мѣстности, изобиловавшія дичью, разослалъ по сосѣдямъ билеты съ приглаше-

ніемъ на охоту. Тѣ отвѣчали ему подобной же любезностью. Эрихъ не видѣлъ ничего предосудительнаго въ томъ, чтобъ Роландъ и самъ онъ, хоть разъ въ недѣлю, участвовали въ большихъ охотахъ.

Роландъ не мало гордился физической силой и ловкостью своего отца. Зонненкампъ вскорѣ пріобрѣлъ репутацію лучшаго охотника во всей окрестности, а разсказы его объ американскихъ охотахъ всегда слушались съ большимъ вниманіемъ и удовольствіемъ. Во время одной экспедиціи въ Алжиръ, ему даже удалось убить льва, шкура котораго теперь красовалась въ его кабинетѣ, на полу, подъ письменнымъ столомъ. Она первоначально служила полостью для саней, но здѣсь, на дачѣ, въ теченіе зимы не предвидѣлось никакихъ увеселительныхъ поѣздокъ: шкура была снята съ саней и превращена въ коверъ.

Самый веселый охотничій обѣдъ состоялся въ замкѣ, гдѣ нарочно для этого приготовили обширную залу. Тамъ настоящимъ хозяиномъ былъ маіоръ, который во всеуслышаніе объявилъ о намѣреніи Эриха читать по вечерамъ на виллѣ Эдемъ произведенія древнихъ и новыхъ поэтовъ. Въ заключеніе маіоръ похвалилъ способъ чтенія Эриха и замѣтилъ, что до сихъ поръ и неподозрѣвалъ о существованіи столькихъ прекрасныхъ вещей и о возможности одному человѣку, съ помощью только голоса, дѣлать ихъ такими понятными и для всѣхъ доступными.

Эрихъ регулярно посвящалъ одинъ вечеръ въ недѣлю на эти чтенія, о которыхъ говорилъ маіоръ. Впечатлѣніе, производимое имъ на слушателей, было различное. Маіоръ при этомъ обыкновенно сидѣлъ неподвижно, съ руками сложенными какъ на молитву и съ выраженіемъ благоговѣйнаго вниманія на лицѣ. Церера лежала на диванѣ съ закрытыми глазами, которые по временамъ раскрывала съ цѣлью показать, что не спитъ. Фрейленъ Пэрини съ нескончаемой вышивкой въ рукахъ, по обыкновенію, усердно надъ ней работала, не выказывая ни малѣйшаго волненія, или удовольствія. Профессорша и тётушка Клавдія слушали внимательно, но спокойно. Зонненкампъ разъ навсегда извинился въ томъ, что не можетъ сидѣть съ сложенными руками и, обратясь къ Роланду, добродушно замѣтилъ:

— Не пріучайся къ этому... вертѣть въ рукахъ кусочки дерева и рѣзать ихъ—дурная привычка.

Самъ онъ не выпускалъ изъ рукъ ножа, которымъ стругалъ палочки и вырѣзывалъ разныя фигуры. Иногда онъ вдругъ останавливался, дерево у него оставалось въ лѣвой рукѣ, а ножъ въ правой и онъ точно задумывался надъ читаемымъ. Но минуту

спустя, онъ приходилъ въ себя и снова принимался стругать и рѣзать.

Роландъ всегда садился прямо противъ Эриха и не спускалъ съ него глазъ. А когда всѣ расходились по своимъ комнатамъ, воспитатель и ученикъ еще долго разговаривали о прочитанномъ.

Однажды послѣ чтенія «Макбета» Роландъ сказалъ Эриху:

— Изъ этой леди Макбетъ вышла бы славная вѣдьма, въ родѣ тѣхъ, которыя появляются въ началѣ драмы.

Въ другой разъ Эрихъ читалъ «Гамлета» и былъ не мало удивленъ слѣдующимъ замѣчаніемъ мальчика:

— Странно! Гамлетъ говоритъ въ своемъ монологѣ, что никогда никто не возвращался съ того свѣта, а незадолго передъ тѣмъ являлась тѣнь его умершаго отца.

Вскорѣ послѣ чтенія «Ифигеніи» Гёте, Роландъ въ раздумьѣ сказалъ:

— Я все еще не могу понять, почему Манна называетъ себя Ифигеніей. Въ такомъ случаѣ я—Орестъ. Я, Орестъ? Но почему же? понимаешь ли ты, что̀ она хотѣла этимъ сказать?

Эрихъ отвѣчалъ, что не понимаетъ.

Въ одинъ вечеръ, когда на виллѣ къ числу слушателей присоединились еще докторъ и патеръ, Зонненкампъ обратился къ Эриху съ просьбой прочесть «Отелло» Шекспира. Эрихъ сомнительно посмотрѣлъ на Роланда. Онъ боялся этимъ чтеніемъ снова пробудить въ мальчикѣ, повидимому, заснувшія въ немъ тревожныя мысли о неграхъ и невольникахъ. Но отказать Зонненкампу онъ не съумѣлъ, а къ удаленію мальчика не нашелъ удобнаго предлога.

Эрихъ началъ читать. Его звучный, гибкій голосъ въ совершенствѣ передавалъ всѣ малѣйшіе оттѣнки характеровъ и рѣчей дѣйствующихъ лицъ. Онъ строго держался въ границахъ простоты и естественности и тщательно избѣгалъ всякаго преувеличеннаго эффекта. Въ чтеніи его была, если можно такъ выразиться, пластическая грація и строгость очертаній, которая заботится не о краскахъ, а исключительно о полнотѣ и округленности формъ. Это не безусловное подражаніе жизни, но въ высшей степени наглядный, хотя нѣсколько и смягченный снимокъ съ нея.

Докторъ неоднократно, смотря на профессоршу, одобрительно кивалъ головой. Чтеніе Эриха ему, какъ видно, пришлось по душѣ.

Церера въ первый разъ слушала съ напряженнымъ вниманіемъ. Она въ теченіи всего вечера ни разу не откинулась на спинку своего кресла, но сидѣла, наклонясь впередъ, а на лицѣ ея было какое-то непривычное выраженіе.

Эрихъ прочелъ всю драму разомъ, безъ малѣйшаго перерыва. А когда онъ, въ заключеніе, взволнованнымъ, точно сдерживающимъ рыданія, голосомъ произнесъ послѣднія слова Отелло, въ которыхъ тотъ жестоко себя упрекаетъ, по блѣдному, прекрасному лицу Цереры заструились слезы.

Драма пришла къ концу.

Церера быстро встала, прося профессоршу отвести ее къ себѣ.

Фрейленъ Пэрини послѣдовала за ними. Мужчины съ шумомъ поднялись съ мѣстъ, одинъ Роландъ оставался точно прикованный къ столу.

Маіоръ, указывая на Эриха, сказалъ доктору:

— Не правда ли, какой онъ удивительный человѣкъ?

Докторъ въ отвѣтъ кивнулъ головой.

Патеръ стоялъ со сложенными руками, а Зонненкампъ, устремивъ неподвижный взоръ на обрѣзки дерева, задумчиво складывалъ ихъ въ кучку, потомъ нагнулся и осторожно, какъ будто это были кусочки золота, подобралъ съ полу нѣсколько стружекъ. Немного спустя онъ обратился къ Эриху съ вопросомъ:

— Какого вы мнѣнія о проступкѣ Дездемоны?

— Природѣ, отвѣчалъ Эрихъ, нѣтъ дѣла до виновности или невинности людей. Степени той и другой опредѣляются не ею, а человѣческими и общественными законами нравственности. Природа знаетъ только свободную игру силъ, и въ этомъ отношеніи произведенія Шекспира могутъ быть ей вполнѣ уподоблены: они изображаютъ свободную игру силъ, вложенныхъ въ человѣка природой.

— Такъ точно, подтвердилъ патеръ. Въ этой драмѣ нѣтъ мѣста религіи, иначе человѣкъ, дѣйствующій въ ней исключительно подъ вліяніемъ природныхъ силъ, непремѣнно явился бы въ болѣе смягченномъ видѣ. Религія развила бы въ немъ самообладаніе и во всякомъ случаѣ подчинила бы его высшимъ законамъ превѣчной мудрости.

— Хорошо, очень хорошо, сказалъ Зонненкампъ. Онъ былъ резвычайно блѣденъ. Но позвольте мнѣ, капитанъ, вамъ напомнить, что я еще не получилъ отвѣта на мой вопросъ.

— Я вамъ отвѣчу словами нашего величайшаго эстетика, сказалъ Эрихъ. Вотъ, что̀ онъ говоритъ: «Поэтъ хотѣлъ изобразить льва, для полной характеристики котораго понадобилось представить, какъ онъ раздираетъ овцу. О виновности послѣдней и рѣчи быть не можетъ, но левъ долженъ дѣйствовать сообразно со своими наклонностями». Впрочемъ, мнѣ кажется, что

въ основаніи трагическаго исхода драмы лежитъ еще другой сокрытый смыслъ.

— Какой?

— Никогда не знавшая ни матери, ни сестры, взросшая посреди мужчинъ, молодая дѣвушка, Дездемона могла полюбить героя съ дѣтски-наивной, безгранично-нѣжной, элегически-настроенной душой, который, подобно укрощенному льву, ласкаясь, лежалъ у ея ногъ. На время уснувшая, но ничуть не отрекшаяся отъ своихъ бурныхъ порывовъ сила образуетъ источникъ любви, которая заставляетъ все простить, все забыть, даже различіе расъ и черный цвѣтъ кожи. Первый поцѣлуй Отелло былъ принятъ Дездемоной съ закрытыми глазами и эта добровольная слѣпота длится у нея не одну минуту, но весьма долгое время. Какое страшное смятеніе, горе и ужасъ возникли бы изъ всего этого, еслибъ Дездемонѣ пришлось увидѣть на груди своей младенца, съ наружностью до того ей чуждой, что онъ казался бы пришельцемъ изъ иного, невѣдомаго міра. Какой отчаянный крикъ вырвался бы тогда изъ глубины ея растерзаннаго сердца! Первый взглядъ матери на своего ребенка—взглядъ, о которомъ Гегель говоритъ, какъ о чемъ-то дивно прекрасномъ, для Дездемоны оказался бы гибельнымъ: онъ ее или убилъ бы, или свелъ съ ума.

Зонненкампъ, все время бережно складывавшій въ кучу кусочки дерева, вдругъ быстрымъ движеніемъ сбросилъ ихъ на полъ и, подойдя къ Эриху, протянулъ ему обѣ руки. Вся его высокая, могучая фигура выражала сильное волненіе.

— Вы поистинѣ свободный человѣкъ и свободный мыслитель! воскликнулъ онъ: вы не заражены никакими предразсудками и первый основательно разъясняете мнѣ самыя странныя противорѣчія. Да, вы совершенно правы: поэтическій тактъ автора вложилъ ему въ уста чудесное пророчество: «Это противно законамъ природы!» говоритъ отецъ Дездемоны и тѣмъ самымъ даетъ ключъ къ уразумѣнію истины. Эти слова разрѣшаютъ всѣ сомнѣнія и приводятъ все въ ясность. Да, это противно законамъ природы!

Еще никогда никто не слышалъ, чтобы Зонненкампъ говорилъ съ такимъ увлеченіемъ. Всѣ были удивлены, а Роландъ, продолжавшій задумчиво сидѣть съ опущенными глазами, внезапно приподнялъ голову и взглянулъ на отца, какъ бы желая удостовѣриться, что это дѣйствительно онъ говоритъ.

Зонненкампъ замѣтилъ впечатлѣніе, какое его слова произвели на слушателей и съ торжествующимъ видомъ продолжалъ:

— Не даромъ римляне выдумали законы о брачныхъ при-

вилегіяхъ для высшаго класса. Они хорошо понимали, что гдѣ бракъ противорѣчитъ природѣ, тамъ и рѣчи быть не можетъ ни о человѣческихъ правахъ, ни о равенствѣ. Плохіе мудрецы всѣ эти филантропы, которые издали судятъ о вещахъ, имъ знакомыхъ только по наслышкѣ! Они и не подозрѣваютъ, какъ тщетны усилія очеловѣчить этихъ звѣрей, которые только тѣмъ и похожи на людей, что получили отъ природы даръ слова. Желалъ бы я посмотрѣть, воскликнулъ Зонненкампъ, быстро шагая по комнатѣ: какъ бы ты, прославленный другъ человѣчества, выдалъ твою дочь за-мужъ за негра! Сдѣлай это, а потомъ ежеминутно трясись отъ страха видѣть свое дитя задушеннымъ!.. Сдѣлай это и ласкай черныхъ внучатъ..... Ха, ха, ха! Сдѣлай все это, благородный другъ человѣчества, и тогда смѣло проповѣдуй о равенствѣ между черными и бѣлыми людьми!

Зонненкампъ стиснулъ кулаки, точно сжимая горло противника, котораго хотѣлъ задушить. Глаза его сверкали зловѣщимъ огнемъ, а дыханіе было быстро и порывисто. Онъ походилъ на тигра, готоваго броситься на добычу. Вдругъ онъ схватился за грудь, какъ бы стараясь утишить поднявшуюся въ ней бурю и съ принужденной улыбкой сказалъ:

— Вы, капитанъ, и Шекспиръ чуть-чуть не свели меня съ ума. — И онъ еще разъ повторилъ, что Эрихъ угадалъ самую сущность дѣла и попалъ прямо въ цѣль. Бѣлая дѣвушка не можетъ быть женой негра: это не предразсудокъ, а законъ природы.

— Благодарю васъ, опять сказалъ онъ Эриху: вы навели меня на прекрасную мысль.

Мужчины въ изумленіи переглянулись, а докторъ съ несвойственной ему робостью замѣтилъ, что, съ физіологической точки зрѣнія, все это, пожалуй, и справедливо, потому что метисы уже въ третьемъ поколѣніи утрачиваютъ способность плодиться. Но самостоятельная порода людей, какого бы цвѣта она ни была, не можетъ быть исключена изъ круга общечеловѣческихъ правъ, а равно и обязанностей, которыя религія на всѣхъ одинаково налагаетъ.

Послѣднія слова доктора были обращены къ патеру, который такимъ образомъ очутился въ необходимости также высказать свое мнѣніе.—Негры, сказалъ онъ, способны не только ощущать разнаго рода семейныя радости и горести, но и глубоко проникаться религіозными вѣрованіями. Ужъ это одно уравниваетъ ихъ съ другими людьми и упрочиваетъ за ними всѣ общечеловѣческія права.

— Вотъ какъ! воскликнулъ Зонненкампъ. Но отчего же въ такомъ случаѣ церковь не предпишетъ уничтоженія рабства?

— Потому, что это не ея дѣло, спокойно возразилъ патеръ, и заботы церкви устремлены на безсмертную душу, которой она указываетъ путь ко спасенію. Мы не беремъ на себя устроивать общественное положеніе людей: ихъ физическое состояніе до насъ не касается. Ни рабство, ни свобода не препятствуютъ достиженію вѣчнаго блаженства. Господь нашъ Іисусъ Христосъ призывалъ ко спасенію іудеевъ, несмотря на то, что они находились подъ игомъ римлянъ. Онъ черезъ апостоловъ проповѣдывалъ истину всѣмъ народамъ безразлично, каково бы ни было политическое и общественное устройство ихъ страны. Заботы объ этомъ мы предоставляемъ другимъ. Наше царство есть исключительно духовное. Мы имѣемъ дѣло съ душами,—а облечены онѣ въ черныя или бѣлыя тѣла, живутъ посреди республики или подчиняются деспотизму одного лица—намъ это рѣшительно все равно. Мы можемъ радоваться физической свободѣ людей, но устроивать ее не беремся.

— Теодоръ Паркеръ смотрѣлъ на это иначе, вдругъ произнесъ Роландъ.

Зонненкампъ весь встрепенулся, какъ будто мимо головы его внезапно пролетѣла пуля.

— Что? грозно закричалъ онъ. Откуда тебѣ знакомо имя этого человѣка? Кто тебѣ о немъ говорилъ?

И Зонненкампъ, схвативъ мальчика за плечи, сильно его трясъ. Роландъ, весь блѣдный и дрожащій, воскликнулъ голосомъ взрослаго человѣка:

— Отецъ, у меня тоже свободная душа! Я твой сынъ, но духъ мой никому не принадлежитъ!

Всѣ были поражены, хотя въ первую минуту никто не замѣтилъ перемѣны, внезапно происшедшей въ голосѣ Роланда.

Зонненкампъ отпустилъ мальчика и въ теченіи нѣсколькихъ минутъ съ трудомъ переводилъ духъ.

— Я доволенъ тобой, сынъ мой, заговорилъ онъ потомъ: Ты истый американецъ!... Такъ и слѣдуетъ: хорошо, очень хорошо!

Этотъ быстрый переходъ Зонненкампа отъ безграничной ярости къ кротости произвелъ на всѣхъ сильное впечатлѣніе. А онъ почти совсѣмъ спокойно продолжалъ:

— Я радъ, что ты не испугался. У тебя нѣтъ недостатка въ мужествѣ.... отлично! Но теперь, скажи мнѣ, когда и гдѣ узналъ ты о существованіи Паркера?

Роландъ разсказалъ все какъ было, но умолчалъ только о

томъ, какъ впервые услышалъ это имя отъ профессорши во время ихъ посѣщенія сосѣдняго городка.

— Отчего ты мнѣ до сихъ поръ ничего объ этомъ не говорилъ? спросилъ Зонненкампъ.

— Я долженъ пріучаться и въ себѣ что-нибудь хранить, возразилъ Роландъ. Не потому ли, что я умѣю молчать, и ты самъ мнѣ довѣряешь?

— Совершенно справедливо, сынъ мой. Ты вполнѣ оправдываешь мое довѣріе.

— Уже поздно, пора домой, произнесъ вслѣдъ затѣмъ маіоръ, и гости поспѣшили разойтись.

Никогда, въ пылу сраженія, подъ непріятельскимъ огнемъ и въ виду самой большой опасности не билось такъ сильно у маіора сердце, какъ въ нынѣшній вечеръ, во время чтенія и потомъ въ теченіи всего предъидущаго разговора. Онъ безпрестанно качалъ головой, и какъ бы ища защиты или помощи, протягивалъ впередъ дрожащія руки. Ему хотѣлось сказать всѣмъ здѣсь собраннымъ: «Ради Бога, бросьте вы этотъ опасный разговоръ! Онъ васъ не приведетъ къ добру»! Маіоръ взглядывалъ на Зонненкампа и въ недоумѣніи пожималъ плечами. «Чего волнуется и выходитъ изъ себя этотъ человѣкъ? думалъ онъ. Мы ему не мѣшаемъ: къ чему онъ самъ поднимаетъ эти непріятные вопросы. Ему не слѣдовало бы ихъ касаться. Права была фрейленъ Милькъ, когда уговаривала меня сегодня вечеромъ остаться дома! Какъ хорошо было бы теперь сидѣть въ креслѣ, имѣя у ногъ своихъ Леди! Къ тому же можно было бы и пораньше спать лечь, а теперь придется вернуться домой не прежде полуночи». Бѣдный маіоръ почувствовалъ не малое облегченіе, когда, вынувъ часы, могъ заявить, что пора расходиться по домамъ.

Немного спустя въ залу вернулась профессорша и сказала, что Роланда требуетъ къ себѣ мать. Мальчикъ немедленно къ ней пошелъ, а Эрихъ отправился проводить мать и тётку въ ихъ виноградный домикъ.

ГЛАВА IX.

НОЧНАЯ ПТИЦА УБИТА.

Они долго шли молча. Профессорша первая заговорила.

— Слова твоего покойнаго отца, сказала она, всегда доставляютъ мнѣ отраду и утѣшеніе, а нерѣдко и руководятъ моими поступками. «Нѣтъ ничего утомительнѣе и безплоднѣе продолжительнаго раскаянія», говаривалъ онъ: вслѣдъ за сознаніемъ собственной ошибки или вины должно быстро слѣдовать искупленіе. Я глубоко раскаялась въ томъ, что позволила себѣ вступить съ этимъ домомъ въ такія близкія отношенія, которыя дѣлаютъ теперь невозможнымъ всякое отступленіе назадъ. Но разъ что это случилось, мнѣ ничего болѣе не остается, какъ покориться и извлечь изъ моего настоящаго положенія какъ можно болѣе пользы для себя и для другихъ.

Тётушка, обыкновенно скупая на замѣчанія, теперь выразила мнѣніе, какъ мучительно состояніе людей, прошлое которыхъ омрачено какимъ-нибудь дурнымъ поступкомъ. Они ничѣмъ не могутъ вполнѣ наслаждаться; для нихъ закрыты всѣ, даже чисто умственныя радости; они всюду видятъ оскорбительные для себя намеки.

Вдругъ съ вершины одной горы раздался пронзительный крикъ совы, предвѣстницы сильнаго холода. Крикъ этотъ огласилъ окрестность рѣзкими непріятными звуками, въ которыхъ точно выражалось торжество злобной радости.

Всѣ трое остановились.

— Какъ Зонненкампъ ни старался, а не могъ вывести здѣсь этихъ ночныхъ птицъ, замѣтилъ Эрихъ.

И они снова молча продолжали путь. Эрихъ и его спутницы находились въ возбужденномъ состояніи. Наконецъ профессорша едва слышно выразила свое недоумѣніе на счетъ необыкновенной раздражительности Цереры, которая, выйдя изъ залы, бросилась къ ней на шею и долго рыдала, опираясь головой о ея плечо.

— Во всемъ этомъ, прибавила она, кроется какая-то тайна, которая меня несказанно тревожитъ.

Эрихъ съ своей стороны разсказалъ обо всемъ, что̀ произошло въ залѣ послѣ ухода профессорши, когда Роландъ произнесъ имя Паркера. Зонненкампъ явно старался оправдать существующій фактъ невольничества и даже, если можно, возвести его въ высокій нравственный принципъ.

— Въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго, возразила профессорша. Человѣкъ, вся жизнь котораго прошла въ извѣстныхъ условіяхъ, совершенно естественно стремится открыть въ нихъ какое-либо нравственное начало, могущее служить ему точкой опоры. При этомъ мнѣ опять невольно приходятъ на память слова твоего отца. «Людямъ, говорилъ онъ, невыносима мысль, что поступки ихъ дурны и вся жизнь безчестна. Поэтому они всегда ищутъ себѣ оправданія въ какихъ-то мнимо нравственныхъ законахъ и причинахъ, на которые и стараются опереться.» Но, повторяю, намъ не слѣдуетъ тревожиться. Наше дѣло вести къ добру юношу, какого бы онъ ни былъ происхожденія: послѣднее до насъ даже вовсе не касается. «Прошлое играетъ въ нашей жизни роль судьбы, но настоящее предписываетъ намъ обязанности». Вотъ тебѣ напослѣдокъ еще одно изреченіе твоего отца, а теперь прощай, спокойной ночи.

Эрихъ вернулся на виллу успокоенный. Сова, покинувъ горную вершину, опустилась на одно изъ деревъ парка и оттуда продолжала наполнять воздухъ своимъ дерзкимъ пронзительнымъ крикомъ.

Зонненкампъ между тѣмъ сидѣлъ въ комнатѣ, рядомъ со спальной жены. Онъ, мужъ и отецъ, принужденъ былъ здѣсь ожидать, пока Церера окончитъ съ Роландомъ разговоръ, при которомъ ему было запрещено присутствовать.

Наконецъ Роландъ вышелъ и Зонненкампъ спросилъ у него, о чемъ съ нимъ говорила мать. Онъ до сихъ поръ никогда этого не дѣлалъ, но теперь видѣлъ себя къ тому вынужденнымъ.

Роландъ отвѣчалъ, что мать, собственно говоря, ничего ему не сказала, а только цѣловала его и плакала, а въ заключеніе просила подержать ее за руку, пока она заснетъ. Теперь она спокойно спала.

— Дай мнѣ книгу съ сочиненіями Паркера, сказалъ Зонненкампъ.

— Ея у меня нѣтъ. Я принужденъ былъ ее отдать профессоршѣ, которая сдѣлала мнѣ строгій выговоръ за то, что я ее тайно и преждевременно прочелъ.

— Поклонись отъ меня капитану Эриху. У тебя лучшій учитель, нежели я думалъ, сказалъ Зонненкампъ.

Роландъ прямо отъ отца пошелъ въ комнату Эриха, но не засталъ его тамъ.

А сова между тѣмъ, сидя на верхушкѣ дерева въ паркѣ, не переставала кричать. Роландъ потушилъ свѣчу, отворилъ окно и снялъ со стѣны ружье. Вдругъ въ ночной тишинѣ раздался

выстрѣлъ, и сова упала съ дерева. Роландъ стремглавъ бросился въ паркъ, наткнулся на Эриха, закричалъ ему, что убилъ птицу, и исчезъ въ паркѣ.

Весь домъ всполошился. Церера проснулась съ крикомъ:

— Это онъ себя убилъ!

Зонненкампъ и Роландъ снова должны были пойти къ ней и показаться, что они живы. Роландъ захватилъ съ собой убитую птицу, но Церера не хотѣла на нее смотрѣть и горько жаловалась на то, что потревожили ея сонъ.

Отецъ и сынъ наконецъ ушли отъ нея. Зонненкампъ похвалилъ Роланда за мѣткость выстрѣла.

Эрихъ съ своей стороны тоже отправился къ матери, полагая, что и она должна была встревожиться. Профессорша еще не ложилась спать, но выстрѣлъ ее дѣйствительно испугалъ. Ей тоже пришла на умъ мысль о самоубійствѣ.

Наконецъ всѣ успокоились и все въ домѣ мало-по-малу пришло въ порядокъ.

Роландъ, счастливый и гордый тѣмъ, что ему удалось убить сову, забылъ обо всемъ происшедшемъ въ этотъ вечеръ и вскорѣ крѣпко заснулъ.

Но на верху, въ башнѣ, еще долго свѣтился огонекъ и другой, подобный ему, мелькалъ въ окнѣ у Зонненкампа въ кабинетѣ. Эрихъ сидѣлъ, устремивъ взоръ въ красноватое пламя и въ мысляхъ его проносились одна за другой самыя разнообразныя картины. Передъ нимъ лежалъ томъ сочиненій Шекспира. Онъ думалъ о впечатлѣніи, какое недавнее чтеніе «Отелло» произвело на его слушателей, и особенно старался уяснить себѣ состояніе души Роланда. Мальчикъ въ послѣднее время до того увлекся охотой, что какъ будто забылъ обо всѣхъ вопросахъ, которые его не задолго передъ тѣмъ такъ сильно тревожили. Эрихъ находилъ это большимъ для него счастіемъ. Въ одной только дѣятельности, думалъ онъ, заключается спасеніе. Но гдѣ его найти, это великое, всепоглощающее дѣло, которое могло бы исцѣлить всѣ нравственные недуги и освободить духъ отъ тревожныхъ сомнѣній? Создать его нельзя. Въ мірѣ существуетъ особенный историческій ходъ вещей, вполнѣ независимый отъ человѣческой воли и самыхъ мудрыхъ соображеній человѣческаго ума. Онъ одинъ воздвигаетъ на пути людей дѣло. Мы не въ силахъ его создать, но отъ насъ зависитъ быть всегда къ нему готовыми.

Наконецъ и Эрихъ заснулъ.

Зонненкампъ между тѣмъ, какъ заключенный въ тюрьмѣ, шагалъ взадъ и впередъ по своей комнатѣ. Голова отъ распро-

стертой на полу львиной шкуры смотрѣла на него блестящими глазами. Онъ свернулъ шкуру и отодвинулъ ее въ сторону. Его сильно тревожила мысль о томъ, что̀ ему теперь слѣдовало предпринять. Этотъ капитанъ Эрихъ воспиталъ въ Роландѣ духъ противорѣчія, а мать его, которая то и дѣло угощаетъ всѣхъ сохраняемыми ею въ спиртѣ изреченіями своего покойнаго мужа, или какъ говоритъ Пранкенъ, безпрестанно цитирующая слова блаженной памяти профессора Гамлета... нѣтъ, она честная и благородная женщина.

Но къ чему онъ навязалъ себѣ на шею эту ученую семью нищихъ? Теперь ему нельзя разстаться съ ней, не возбудивъ неблагопріятныхъ для себя толковъ. Да онъ и не разстанется съ ней такъ скоро, — нѣтъ, онъ употребитъ ее въ дѣло, извлечетъ изъ нея все, что̀ можетъ, а потомъ съ презрѣніемъ ее отъ себя оттолкнетъ.

Наконецъ у него въ головѣ блеснула счастливая мысль, которой удалось его успокоить. Онъ рѣшился прибѣгнуть къ новымъ развлеченіямъ, стать въ новыя отношенія къ людямъ и пойти прямо къ цѣли, которая улыбалась ему впереди.

Послѣзавтра начало новаго года. Онъ въ этотъ день со всей семьей переѣдетъ въ столицу. И съ этой рѣшимостью Зонненкампъ уснулъ.

ГЛАВА X.

ИГРА ВЪ ПРЕДСТАВЛЕНІЕ КО ДВОРУ.

Ловчій Клаусъ хорошо умѣлъ набивать чучелъ и Роландъ на слѣдующее утро торопился какъ можно ранѣе отнести къ нему застрѣленную сову, которая лежала передъ его окномъ и замерзла.

Всѣ событія прошлаго дня, казалось, совсѣмъ изгладились изъ памяти мальчика.

— Наконецъ-то я вспомнилъ! воскликнулъ онъ неожиданно, перебирая перья совы. Наконецъ-то я вспомнилъ слово, которое мнѣ во снѣ сказалъ одинъ человѣкъ, похожій на Веньямина Франклина! Мнѣ казалось, что я иду на сраженіе. Вокругъ меня раздавались крики, музыка громко играла и посреди этого шума рѣзко выдѣлялись слова, произносимыя тѣмъ незнакомцемъ: «Человѣческое достоинство!» повторялъ онъ, «человѣческое достоинство!...» и вдругъ, откуда ни возьмись, передо мной очутилось цѣлое море черныхъ головъ. Всѣ онѣ злобно скрежетали зубами и я проснулся въ неописанномъ страхѣ....

Эрихъ не нашелся, что отвѣчать, а мальчикъ продолжалъ:

— Сегодня послѣдній день стараго года,—завтра начинается новый, и я жду отъ него какой-нибудь перемѣны. Я самъ не знаю, чего желаю, но тѣмъ не менѣе ощущаю сильную потребность въ перемѣнѣ.

Эрихъ коснулся рукой головы мальчика, которая была очень горяча.

Роланда позвали къ матери. Онъ пошелъ, а Эрихъ задумчиво смотрѣлъ ему вслѣдъ. Воспитатель, подобно воспитаннику, чувствовалъ, что наступилъ переломъ, но не зналъ, что будетъ потомъ. Онъ прислушивался къ малѣйшему шуму, въ ожиданіи, что его позовутъ къ Зонненкампу. Этотъ человѣкъ наканунѣ затронулъ нѣсколько вопросовъ, которые сегодня непремѣнно должны быть разъяснены, но какимъ образомъ—этого тоже нельзя было предвидѣть. Эрихъ угадывалъ, что Зонненкампъ теперь сидитъ въ своемъ кабинетѣ, погруженный въ тревожныя думы. Ему даже казалось, что онъ слышитъ его, порой нетерпѣливыя, порой успокоительныя восклицанія. Но вотъ у дверей комнаты Эриха раздался шумъ шаговъ, и мгновеніе спустя, къ нему вошелъ Роландъ объ руку съ отцомъ.

— Маменька опять заснула! сказалъ онъ, но мои ожиданія исполнились и насъ въ самомъ дѣлѣ ожидаетъ нѣчто новое. Знаешь ли, Эрихъ, мы всѣ ѣдемъ въ столицу и останемся тамъ на цѣлую зиму.

— Да, я это окончательно рѣшилъ, подтвердилъ Зонненкампъ слова сына. Надѣюсь, что ваша матушка не откажетъ намъ сопутствовать.

И онъ прибавилъ, что веселая жизнь въ кругу столичнаго общества будетъ для всѣхъ полезна послѣ продолжительнаго пребыванія на дачѣ, посреди сельской тишины и однообразія.

— Насъ въ столицѣ, сказалъ онъ въ заключеніе и зорко взглянулъ на Эриха, ожидаетъ встрѣча съ вашимъ другомъ Клодвигомъ и его прелестной женой.

Молодой человѣкъ спокойно выдержалъ устремленный на него пристальный взглядъ и замѣтилъ, что считаетъ своей обязанностью жить въ кругу знакомыхъ господина Зонненкампа.

— Я много думалъ о вчерашнемъ вечерѣ, началъ Зонненкампъ, садясь поближе къ Эриху, и пришелъ къ убѣжденію, что вы не только ученый, но и храбрый человѣкъ.

Онъ говорилъ учтиво, мягко, почти нѣжно. Льстить людямъ, съ цѣлью ихъ одурачить, всегда доставляло ему большое удовольствіе. Мысль, что онъ дальновиднѣе всѣхъ и по произволу всѣми играетъ, дѣлала его несказанно счастливымъ. Такъ и те-

перь онъ, въ припадкѣ хорошаго расположенія духа, сказалъ Эриху:

— Я еще не теряю надежды убѣдить васъ въ томъ, что лучше всего живется на свѣтѣ въ качествѣ иностранца, которому нѣтъ надобности принимать непосредственнаго участія въ устройствѣ государства и общества.

— Ваше мнѣніе, отвѣчалъ Эрихъ, до нѣкоторой степени раздѣлялъ Аристотель. Онъ большею частью жилъ въ Аѳинахъ, гдѣ, не будучи гражданиномъ, могъ держаться въ сторонѣ отъ общественныхъ и правительственныхъ дѣлъ, что̀ давало ему возможность исключительно посвятить себя служенію идеѣ.

— Мнѣ это очень пріятно знать. О древнемъ философѣ часто приходится слышать что-нибудь новое и мудрое. Такъ вотъ какъ! Аристотель тоже принадлежалъ къ числу свободныхъ путешественниковъ!

Лицо Зонненкампа приняло веселое выраженіе. «Что за простаки эти господа ученые! думалъ онъ. Съ ними, право, очень пріятно имѣть дѣло. Они во всякомъ эгоистическомъ или безсознательномъ поступкѣ умѣютъ находить высокій историческій смыслъ». Зонненкампъ дружески улыбнулся, несмотря на новое замѣчаніе Эриха, который вслѣдъ затѣмъ поспѣшилъ прибавить, что не всякій можетъ себѣ позволить то, что̀ дѣлалъ Аристотель. Въ противномъ случаѣ, какъ бы существовалъ міръ и кто бы исполнялъ общественныя и государственныя должности?

Улыбка не сходила съ лица Зонненкампа. «Ну, не чудакъ ли, думалъ онъ, этотъ нѣмецкій учитель. Въ минуту отъѣзда онъ все еще возится съ наукой».

— Я вамъ очень благодаренъ, любезно проговорилъ онъ вслухъ, у васъ всегда чему-нибудь научишься и никогда не застанешь васъ врасплохъ.

Каждое слово, что онъ произносилъ, имѣло цѣлью кольнуть Эриха, но тотъ, ничего не подозрѣвая, принималъ все за чистую монету и былъ очень благодаренъ Зонненкампу за его любезность. А Зонненкампъ внутренно смѣялся надъ молодымъ человѣкомъ, который при всей своей учености былъ такъ дѣтски простодушенъ и довѣрчивъ.

Зонненкампъ посовѣтовалъ Эриху и Роланду, не теряя времени, приготовиться къ отъѣзду. Немного спустя явился слуга, который пригласилъ его къ женѣ, и онъ немедленно вышелъ изъ комнаты.

Церера встрѣтила мужа томнымъ взглядомъ, а онъ выразилъ свое удовольствіе, что видитъ ее достаточно сильной и здоровой для того, чтобъ на слѣдующій день отправиться въ столицу.

Зонненкампъ въ привлекательныхъ краскахъ изобразилъ столичную жизнь и замѣтилъ при этомъ, какое для нихъ счастье имѣть въ свѣтскомъ кругу друзей, подобныхъ совѣтницѣ, графу Вольфсгартену, его женѣ и семейству господина фонъ-Эндлиха.

Затѣмъ онъ съ самоувѣренностью прибавилъ:

— Будьте только здоровы и любезны, прекрасная Церера, и вы непремѣнно вернетесь сюда баронессой.

Церера приподнялась на подушкахъ и выразила сожалѣніе, что изъ Парижа еще не прибыли заказанныя тамъ для нея платья. Зонненкампъ обѣщался немедленно туда телеграфировать и, кромѣ того, далъ слово, что съ ними въ столицу поѣдетъ также и профессорша, которая первоначально и введетъ ихъ въ свѣтъ.

— Ты можешь меня поцѣловать, сказала Церера.

Зонненкампъ воспользовался ея позволеніемъ, а она продолжала:

— Я увѣрена, что всѣ мы еще будемъ очень счастливы. Ахъ, какъ бы я желала тебѣ разсказать мой сонъ, но ты никогда ничего не хочешь слышать о моихъ снахъ. Ну, и не надо, я не буду тебѣ разсказывать.... Я видѣла громадную птицу съ непомѣрной величины крыльями. Я сидѣла на ней, а она вдругъ высоко, высоко полетѣла. Мнѣ стало очень стыдно, потому что на мнѣ не было никакого платья, а внизу стояла толпа народа, которая громко кричала и смѣялась. Птица внезапно повернула ко мнѣ голову и превратилась въ профессоршу, которая, посмотрѣвъ на меня, сказала: «Ты прекрасно одѣта». И дѣйствительно, на мнѣ были всѣ мои уборы изъ драгоцѣнныхъ камней и мое атласное съ кружевами платье.... Но я знаю, ты никогда не слушаешь моихъ сновъ.

Зонненкампъ вышелъ отъ нея веселый и довольный. Погода стояла ясная. То былъ свѣжій, блестящій зимній день. Каждое дерево, каждая скала въ ландшафтѣ отчетливо, съ рѣзкимъ очертаніемъ контуровъ выдѣлялась на ярко-голубомъ небѣ. Рейнъ былъ покрытъ льдомъ и въ воздухѣ царствовала невозмутимая тишина.

У Зонненкампа на душѣ также было тихо и свѣтло. Ясный день разогналъ всѣ призраки, въ теченіи ночи смущавшіе его новой. Онъ пошелъ на конюшни и приказалъ немедленно отправить въ столицу четверку лошадей и два экипажа. Когда онъ, часъ спустя, вмѣстѣ съ Эрихомъ и Роландомъ шелъ въ виноградный домикъ, онъ увидѣлъ на большой дорогѣ укутанныхъ въ теплыя попоны лошадей, которыхъ, по его приказанію, уже вели въ городъ.

Роландъ непремѣнно хотѣлъ взять съ собой своего пони.

Желаніе его было исполнено, но изъ собакъ ему позволили увести только одну. Онъ долго не могъ рѣшиться, на которой остановить свой выборъ.

Большая комната профессорши представляла видъ настоящей ярмарки. На столахъ и стульяхъ, вездѣ лежали кипы тканыхъ и вязаныхъ шерстяныхъ одѣяній для мужчинъ и женщинъ. Фрейленъ Милькъ просматривала и провѣряла длинный списокъ нуждающихся, съ означеніемъ, что именно слѣдовало каждому изъ нихъ получить. Профессорша и тетушка Клавдія сличали и приводили въ порядокъ пакеты. Когда все было готово, фрейленъ Милькъ кликнула со двора Клауса съ женой и дочерью, и Семиствольника съ дѣтьми. Имъ поручено было доставить пакеты по ихъ назначенію.

— Вы отлично дѣлаете, что никому не даете денегъ, сказалъ ловчій. Но, по моему мнѣнію, здѣсь не достаетъ еще одного и чуть ли не главнаго.

— Чего же именно?

Приходъ Зонненкампа и Роланда помѣшалъ Клаусу отвѣчать.

Зонненкампъ остался очень доволенъ употребленіемъ, какое сдѣлали изъ его денегъ. Онъ даже сказалъ нѣсколько ласковыхъ словъ фрейленъ Милькъ, которую не видѣлъ со дня бѣгства Роланда.

Онъ освѣдомился о маіорѣ и съ сожалѣніемъ узналъ, что тотъ не совсѣмъ здоровъ, плохо спалъ ночь и только къ утру успокоился. Фрейленъ Милькъ полагала, что онъ и теперь еще спалъ. У маіора была счастливая натура, которая отъ всѣхъ болѣзней обыкновенно отдѣлывалась сномъ.

Профессорша, извинясь передъ гостями, продолжала свое занятіе. Она обратилась къ Клаусу и повторила вопросъ, чего именно не достаетъ въ приготовленныхъ пакетахъ.

— Господинъ Зонненкампъ, сказалъ ловчій, скорѣй всѣхъ другихъ можетъ пополнить этотъ недостатокъ.

— Какой недостатокъ?

— Защищать людей отъ холода, безспорно, прекрасное дѣло, но оно не веселитъ души. Не дурно было бы, прикрывая этихъ бѣдняковъ снаружи, согрѣть ихъ еще и внутри, то-есть послать имъ по бутылкѣ вина. Многіе изъ нихъ круглый годъ смотрятъ на виноградныя горы, обработываютъ ихъ, но никогда не имѣютъ капли вина во рту.

— Хорошо, хорошо, сказалъ Зонненкампъ, подите къ погребщику и скажите, чтобъ онъ на каждый пакетъ выдалъ по бутылкѣ лучшаго вина.

На Зонненкампа нашелъ припадокъ щедрости и онъ ко всему

этому прибавилъ еще по золотой монетѣ. Но вслѣдъ затѣмъ онъ чуть-чуть совсѣмъ не испортилъ дѣла, сказавъ ловчему:

— Вы видите, какъ я вамъ довѣряю. Мнѣ и въ голову не приходитъ, чтобъ вы могли недобросовѣстно исполнить мое порученіе.

Веселость мгновенно сбѣжала съ лица Клауса, но онъ поспѣшилъ скрыть свой гнѣвъ, который выразился только крѣпкимъ сжатіемъ дрожащихъ губъ.

Роландъ присоединился къ людямъ, которые выносили пакеты и укладывали ихъ на стоявшую передъ домикомъ телѣгу. Зонненкампъ хотѣлъ-было его отъ этого удержать, но профессорша сдѣлала ему знакъ, чтобъ онъ оставилъ мальчика дѣйствовать по произволу.

Вмѣстѣ съ послѣднимъ пакетомъ исчезла и фрейленъ Мильхъ. Зонненкампъ, стоя посреди опустѣвшей комнаты, объявилъ профессоршѣ о своемъ намѣреніи на время переселиться въ столицу, и просилъ ее ѣхать вмѣстѣ съ ними.

Профессорша ласково, съ благодарностью, но тѣмъ не менѣе рѣшительно отказалась. Никакіе доводы Зонненкампа не могли ее поколебать и ему не малаго труда стоило скрыть свою досаду. Онъ съ учтивымъ поклономъ, но молча, отъ нея вышелъ. А Роландъ, уходя, обѣщался оставить ей въ сторожа своего Грейфа.

Профессорша поняла, что мальчикъ, изъ любви къ ней, приносилъ жертву.

— Ты будешь счастливъ, сказала она ему, взявъ его за руку, въ томъ нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія.

Роландъ былъ глубоко тронутъ этимъ простымъ, но искреннимъ благословеніемъ.

Профессорша обѣщалась придти вечеромъ на виллу, чтобы вмѣстѣ со всей семьей встрѣтить новый годъ.

При входѣ въ прихожую ее прежде всего поразили огромные, черные ящики, приготовленные для укладки вещей. Въ гостиной Цереры на всѣхъ столахъ и стульяхъ были разложены платья и дорогіе уборы. Сама Церера радовалась какъ ребенокъ, отдавала приказанія, была жива и дѣятельна, какъ никогда.

Наконецъ настало время пить чай и общество отправилось въ столовую, гдѣ расположилось вокругъ большого стола. Всѣ чувствовали приближеніе важной минуты въ жизни, когда въ судьбѣ каждаго долженъ совершиться переломъ. Разговоръ ни на минуту не умолкалъ, какъ будто всѣ присутствующіе думали, что только съ помощью особеннаго напряженія силъ могутъ дотянуть до полуночи. Профессорша болѣе прочихъ ощущала на себѣ вліяніе этого непривычнаго для всѣхъ настроенія духа.

Прошлое въ ея глазахъ отодвинулось на заднiй планъ и стояло передъ ней въ видѣ печальнаго призрака. Настоящее тоже казалось ей какимъ-то далекимъ, отжившимъ, разлука уже какъ будто совершилась и новая жизнь настала. Стараясь побороть въ себѣ это тревожное, тоскливое чувство, профессорша была разговорчивѣе обыкновеннаго и даже согласилась разсказать о своемъ первомъ вступленiи въ свѣтъ.

Церера вся превратилась въ слухъ и каждый разъ, что профессорша умолкала, неотступно просила ее продолжать. Вдругъ она встала и вмѣстѣ съ мужемъ вышла изъ комнаты. Зонненкампъ вернулся минуту спустя и обратился къ профессоршѣ съ просьбой не отказать его женѣ въ маленькомъ удовольствiи.

Профессорша выразила свою полную готовность исполнить желанiе Цереры, какое бы оно ни было. Оказалось, что та просила ее разыграть роль герцогини, при чемъ Эриху слѣдовало превратиться въ гофмаршала, Зонненкампу въ герцога, тетушкѣ Клавдiи въ обер-гофмейстерину. Послѣдняя вся покраснѣла и ни за что не хотѣла участвовать въ этомъ представленiи. Но профессорша ее уговорила взять на себя роль герцогини.

Послѣ довольно продолжительнаго ожиданiя, въ комнатѣ растворились обѣ половинки дверей.

Стоявшiй у порога, съ палкой въ рукахъ, Эрикъ встрѣтилъ Цереру всю въ брильянтахъ и жемчугахъ и подвелъ ее къ тетушкѣ.

Фрейленъ Дорнэ, бросивъ на нее покровительственный взглядъ, сдѣлала легкое движенiе вѣеромъ, а Церера низко и почтительно передъ ней присѣла.

— Подойдите поближе, сказала тетушка. Вы очень хорошо сдѣлали, что поселились въ нашей странѣ.

— Это было желанiе моего мужа, отвѣчала Церера.

— Вашъ супругъ дѣлаетъ много добра.

— О, благодарю васъ! воскликнула Церера.

— На твоемъ мѣстѣ, вмѣшался Зонненкампъ, я бы сказалъ: дѣлать добро, ваше высочество, наша обязанность. Мы уже достаточно вознаграждены тѣмъ, что вы обращаете на насъ вашъ благосклонный взоръ.

— Напиши мнѣ это пожалуйста, я выучу наизусть, сказала Церера, обращаясь къ мужу. Она какъ будто помолодѣла и щеки ея покрылись яркимъ румянцемъ.

Профессорша, казалось, была очень весела.

— Я здѣшняя обер-гофмейстерина, шепнула она Церерѣ и указала ей на стулъ.

— Нѣтъ, не такъ, продолжала она потомъ вслухъ. Вамъ надо позаботиться о шлейфѣ, его слегка приподнять и грацiозно

расправить. Вотъ такъ... хорошо! Теперь вы можете открыть вѣеръ. Всего лучше его за снурокъ прикрѣпить къ пуговицѣ отъ перчатки, а то онъ легко можетъ у васъ упасть.

Представленіе это всѣхъ очень забавляло.

Пробило полночь и Роландъ внезапно воскликнулъ:

— Въ эту минуту сотни людей пьютъ за твое здоровье, папенька!

Зонненкампъ обнялъ сына, Церера поцѣловала профессоршу и потомъ, склонивъ голову на бокъ, спокойно ожидала поцѣлуя мужа. Вдали гудѣли колокола и раздавались ружейные выстрѣлы.

— Да здравствуетъ новый годъ! Ура! воскликнулъ Эрихъ и подалъ своему воспитаннику руку, которую тотъ съ благодарностью поцѣловалъ.

Раздалось нѣсколько выстрѣловъ неподалеку отъ виллы. Зонненкампъ пришелъ въ негодованіе и выразилъ удивленіе, какъ нѣмецкая полиція терпитъ такого рода вещи, которыя свидѣтельствуютъ о самой низкой степени умственнаго развитія.

— Но эти выстрѣлы, возразилъ Эрихъ, хотя и не представляютъ ничего изящнаго, могутъ, однако, быть психологически объяснены, какъ выраженіе особаго рода довольства и стремленія подѣлиться имъ съ наибольшимъ числомъ людей. Человѣкъ, такимъ образомъ стрѣляющій изъ пистолета, безотчетно радуется тому, что многіе изъ его ближнихъ, отъ глазъ которыхъ онъ скрытъ дальнымъ разстояніемъ, тѣмъ не менѣе знаютъ, что̀ онъ дѣлаетъ въ данную минуту. Этимъ объясняется обычай, который на первый взглядъ кажется безсмысленнымъ и грубымъ. Выстрѣлъ въ подобныхъ случаяхъ служитъ только подмогой человѣческому голосу, который ограниченъ и не можетъ раздаваться такъ громко.

Зонненкампъ улыбнулся, а Эрихъ почувствовалъ не малое удовлетвореніе при мысли, что онъ не только своего воспитанника, но и отца его заставляетъ снисходительно и дружелюбно смотрѣть на людей.

Но Зонненкампъ съ своей стороны думалъ:

— Этотъ ходячій университетъ съ неистощимымъ запасомъ нравоученій, наконецъ, начинаетъ мнѣ надоѣдать. Счастье, что впередъ мы будемъ жить въ большомъ обществѣ.

Но онъ тѣмъ не менѣе улыбнулся и весело пожелалъ Эриху и Роланду доброй ночи.

Профессорша и тетушка, укутанныя въ теплыя шубы, вернулись къ себѣ въ виноградный домикъ въ сопровожденіи двухъ лакеевъ. На виллѣ вскорѣ все успокоилось и всѣ заснули въ ожиданіи, что̀ новаго принесетъ наступающій годъ.

ГЛАВА XI.

ЛЕДЪ ЛОМАЕТСЯ.

На слѣдующее утро, лишь только Эрихъ и Роландъ успѣли проститься съ обитательницами виноградна́го домика, какъ туда явился посланный отъ фрейленъ Милькъ. Добрая старушка извѣщала о своемъ намѣреніи вмѣстѣ съ маіоромъ навѣстить профессоршу.

Послѣдняя не могла надивиться такту, съ какимъ эта простая ключница поняла, что ей въ этотъ день должно быть грустно отъ одиночества, въ которомъ она внезапно очутилась.

На дворѣ стояла пасмурная погода и шелъ сильный снѣгъ. Профессорша сквозь закрытое окно смотрѣла на отъѣздъ семьи и кланялась Эриху и Роланду, ѣхавшимъ въ первой каретѣ. За ними слѣдовалъ другой экипажъ, изъ котора́го высунулись Зонненкампъ и фрейленъ Пэрини. Они тоже усердно кивали головой по направленію къ виноградному домику. Церера, укутанная, лежала въ углу кареты и не двигалась.

Маіоръ и фрейленъ Милькъ не заставили себя долго ждать. Маіоръ, воспитанный въ строгой военной школѣ, никакимъ недугамъ не позволялъ брать надъ собой верхъ и всегда держался одинаково прямо. Въ этотъ день онъ немножко осипъ, вслѣдствіе чего принужденъ былъ говорить еще менѣе обыкновеннаго. Впрочемъ это ему не помѣшало, въ отборныхъ выраженіяхъ и въ тоже время очень искренно, поздравить профессоршу и тётушку Клавдію.

— Въ этомъ году будетъ ровно пятьдесятъ лѣтъ, что мы живемъ вмѣстѣ, сказалъ онъ потомъ, указывая головой на фрейленъ Милькъ, между тѣмъ какъ лицо его ясно говорило: «во всемъ свѣтѣ не найдется человѣка лучше ея». Но глаза его выражали еще что-то такое, чего другіе не могли понять.

За обѣдомъ всѣ были очень веселы. Фрейленъ Милькъ объявила, что она уже изъ многихъ домовъ получила извѣстіе о томъ, съ какой радостью тамъ были приняты щедрые подарки Зонненкампа.

Маіоръ усердно старался побѣдить свою сипоту и занять дамъ пріятнымъ разговоромъ. Онъ распространился въ похвалахъ профессоршѣ, которая, при всей своей учености, умѣла приготовлять такой отличный супъ.

— Да, сказалъ онъ улыбаясь, я пріучилъ господина Зонненкампа къ тому, чтобъ у него за столомъ всегда подавался

хорошій супъ. Я, видите ли, не могу жить безъ супу. Тотъ день, когда я его не ѣмъ, я чувствую себя точно такъ, какъ если бы ходилъ безъ чулокъ, въ однихъ сапогахъ. Безъ супу закладка въ желудкѣ бываетъ холодная.

Всѣ засмѣялись, къ великому удовольствію маіора, который продолжалъ:

— Вы, профессорша, все знаете, не можете ли вы мнѣ сказать, почему всѣ такъ радуются сегодняшнему дню? Вѣдь онъ, собственно говоря, ничѣмъ не отличается отъ вчерашняго, но потому только, что называется первымъ днемъ новаго года — всѣ ожидаютъ отъ него чего-то особеннаго. Я въ этотъ день всегда чувствую себя такъ, какъ будто бы на цѣлый годъ надѣлъ чистое бѣлье.

Снова всѣ засмѣялись, а маіоръ усердно принялся за ѣду. Онъ принесъ обществу свою долю веселости, теперь очередь за другими.

Послѣ обѣда профессорша настояла на томъ, чтобъ маіоръ пошелъ отдохнуть. Она нарочно для него велѣла натопить библіотеку, куда теперь его и отправила.

Маіоръ съ гордостью помѣстился въ большомъ, удобномъ креслѣ.

— Да, сказалъ онъ: спать я могу не хуже любого профессора, но прочесть всѣ эти книги — мое почтеніе! Страшно и подумать, что человѣкъ можетъ такъ много читать! Мнѣ это рѣшительно непонятно.

Маіоръ не замедлилъ заснуть сномъ праведника. Но врядъ ли бы это случилось, еслибъ онъ могъ подозрѣвать, о чемъ теперь шла рѣчь между женщинами.

Фрейленъ Милькъ, сидя у окна, къ не малому удивленію профессорши заговорила о томъ, какъ странно, что Эрихъ выбралъ для чтенія на виллѣ такую потрясающую драму, какъ Отелло. Маіоръ въ тотъ вечеръ вернулся домой совсѣмъ разстроенный. Къ тому же, это произведеніе Шекспира можетъ навести на такого рода вопросы, которые было бы лучше вовсе не затрогивать на виллѣ.

— Вамъ знакома эта драма? спросила профессорша.

— Немножко, вся вспыхнувъ отвѣчала фрейленъ Милькъ. И къ еще бòльшему изумленію профессорши, она начала разсуждать о томъ, какъ хорошо сдѣлалъ поэтъ, перенеся молодую чету на островъ Кипръ, гдѣ выдѣлывается необыкновенно крѣпкое вино, которое еще, вдобавокъ, не всегда умѣренно пьется. Это служитъ весьма удачнымъ предисловіемъ къ тѣмъ бурнымъ порывамъ страсти, которая въ такомъ уединеніи и подъ палящимъ

солнцемъ юга, совершенно естественно должна была достигнуть своего крайняго развитія.

Профессорша не вѣрила своимъ ушамъ. Ей казалось, что говоритъ совсѣмъ другая, а не тà особа, которую она до сихъ поръ знала.

Скрывъ свое удивленіе, она спросила:

— Вы полагаете, что не слѣдовало читать этой драмы, потому что господинъ Зонненкампъ былъ владѣльцемъ невольниковъ?

— Прошу васъ, оставимъ это, возразила фрейленъ Милькъ. Я вообще не охотно говорю о господинѣ Зонненкампѣ. Мнѣ очень пріятно.... или нѣтъ, меня успокоиваетъ то, что онъ не обращаетъ на меня никакого вниманія. Я не только на него за это не сержусь, но, напротивъ, ему благодарна. Мнѣ было бы въ высшей степени тяжело выказывать къ нему притворную дружбу и уваженіе.

— Нѣтъ, вы такъ легко отъ меня не отдѣлаетесь. Можете ли вы мнѣ прямо и откровенно сказать, почему чтеніе этой драмы кажется вамъ здѣсь такимъ неумѣстнымъ?

— Я этого не могу вамъ сказать.

Тетушкѣ Клавдіи показалось, что фрейленъ Милькъ желаетъ довѣрить профессоршѣ тайну, которую только не хочетъ высказать въ присутствіи третьяго лица. Она немедленно встала и вышла изъ комнаты.

— Теперь, сказала профессорша, мы съ вами однѣ. Вы можете мнѣ все довѣрить. Не хотите ли, чтобъ я вамъ дала клятву въ молчаніи?

— Ахъ, не надо, запинаясь проговорила фрейленъ Милькъ. Но мнѣ все-таки очень жаль, что я зашла такъ далеко. Въ теченіи пятидесяти лѣтъ это первый разъ, что я рѣшилась ѣсть за чужимъ столомъ. Не слѣдовало бы мнѣ себѣ этого позволять! Я все еще не привыкла собою владѣть.

Легкая судорога пробѣжала по лицу фрейленъ Милькъ, а въ карихъ глазахъ ея точно мелькнула молнія.

— Я думала, что вы смотрите на меня, какъ на друга, сказала профессорша и подала ей руку, которую фрейленъ Милькъ съ горячностью схватила и крѣпко сжала.

— Конечно, конечно! воскликнула она: Вы не знаете, какъ я благодарна Богу за то, что онъ передъ смертью послалъ мнѣ васъ. Съ тѣхъ поръ, какъ я ему себя посвятила, я вполнѣ отказалась отъ общества другихъ людей. Вы первая, съ которой я сблизилась.... Но вы, вѣроятно, все знаете и мнѣ нечего вамъ говорить.

— Напротивъ, я многаго не знаю. Что̀ вамъ извѣстно о Зонненкампѣ?

Фрейленъ Милькъ печально опустила голову, потомъ, закрывъ лицо руками, воскликнула:

— Зачѣмъ я вамъ должна это сказать!

Она встала и, подойдя къ профессоршѣ, что-то шепнула ей на ухо. Та, откинувъ голову назадъ, обѣими руками схватилась за швейную машину, передъ которой сидѣла. Обѣ молчали, вокругъ все было тихо, только пролетавшая надъ Рейномъ стая воронъ на минуту огласила воздухъ зловѣщимъ крикомъ.

— Я полагаю, сказала наконецъ профессорша, что вы не станете повторять такихъ вещей по однимъ только слухамъ. Продолжайте, скажите откровенно, отъ кого вы это узнали?

— Отъ человѣка, заслуживающаго полнаго довѣрія, робко озираясь проговорила фрейленъ Милькъ. Племянникъ этого человѣка здѣсь по сосѣдству воспитываетъ свою дочь. Онъ знаетъ настоящее имя и все прошлое Зонненкампа.... Но, скажите, развѣ человѣкъ, какъ бы онъ ни былъ дуренъ, не можетъ исправиться и начать новую жизнь?

— Объ этомъ въ другой разъ, перебила ее профессорша. Назовите мнѣ человѣка, отъ котораго вы все это слышали.

— Пусть будетъ по вашему. Имя его Вейдеманъ.

Профессорша въ свою очередь закрыла лицо руками.

— Что вы тутъ толкуете о Вейдеманѣ? спросилъ внезапно вошедшій въ комнату маіоръ. Говорю вамъ, профессорша, что кто не знаетъ этого человѣка, тотъ не знакомъ съ тѣмъ, что̀ есть лучшаго и благороднѣйшаго въ мірѣ. Самъ Богъ, смотря на него, долженъ не нарадоваться на свое твореніе. «Свѣтъ не такъ еще дуренъ, безъ сомнѣнія, думаетъ онъ: у меня тамъ есть Вейдеманъ.» И дѣйствительно, Вейдеманъ въ полномъ смыслѣ слова человѣкъ — и я полагаю, этимъ все сказано.

Приходъ маіора былъ истиннымъ облегченіемъ для обѣихъ женщинъ. Онъ съ фрейленъ Милькъ вскорѣ отправился домой. Но едва успѣли они отойти на нѣсколько шаговъ, какъ профессорша позвала фрейленъ Милькъ обратно.

— Маіоръ знаетъ?... спросила она шепотомъ.

— О нѣтъ, онъ бы этого не вынесъ! Ахъ, ради Бога, простите меня за то, что я васъ такъ огорчила! Но вѣрьте, мнѣ самой не только не легче, а напротивъ, еще гораздо тяжелѣе нежели вамъ.

Гости ушли. Вскорѣ послѣ нихъ явился почтальонъ и принесъ письмо изъ университетскаго городка. Профессоръ, въ теченіи двадцати лѣтъ постоянно встрѣчавшій новый годъ вмѣстѣ

съ профессоршей, и на этотъ разъ не хотѣлъ оставить ее безъ поздравленій. Письмо его было написано въ высшей степени тепло и задушевно, но въ концѣ его находилась приписка, которую профессорша прочла два раза. Профессоръ Эйнзидель посылалъ поклонъ Эриху, желалъ ему въ настоящемъ году окончить его большой трудъ о «Состояніи рабства», и обѣщался въ скоромъ времени прислать ему новое сочиненіе объ этомъ предметѣ.

Профессорша впала въ раздумье. Эрихъ никогда ей не говорилъ, что предпринимаетъ такого рода трудъ. Она сдѣлала быстрое движеніе рукой, точно отгоняя отъ себя непрошенныя мысли, рядомъ съ которыми мелькнуло непріятное воспоминаніе. Она не далѣе, какъ сегодня утромъ, жаловалась тетушкѣ Клавдіи на то, что не въ состояніи никому ничего дать отъ себя, но должна въ дѣлахъ благотворительности быть только распорядительницей чужого имущества. Почти машинально подошла она къ шкатулкѣ, гдѣ хранились ввѣренныя ей Зонненкампомъ деньги и, отворивъ ее, подумала: «съ какимъ чувствомъ буду я теперь говорить бѣднымъ людямъ: не меня благодарите, а господина Зонненкампа!»

Она пошла въ библіотеку и приблизилась къ окну. Подъ тяжестью ввѣренной ей тайны, она страдала, какъ отъ острой физической боли. Къ чему позволила она себѣ сблизиться съ этимъ семействомъ, вопреки предостереженіямъ внутренняго голоса? Профессоршу какъ будто на мгновеніе покинулъ ея свѣтлый взглядъ на вещи и она потеряла всякое самообладаніе.

Вдругъ послышался сильный и продолжительный трескъ: то вскрылась рѣка и по ней плыли огромныя льдины, изъ которыхъ каждая была украшена точно вѣнцомъ изъ снѣгу. Догоняя одна другую, сталкиваясь, раздробляясь, онѣ съ неимовѣрной скоростью неслись впередъ. Теперь обнаружилась вся быстрота теченія Рейна.

Солнце огненнымъ шаромъ опустилось въ волны рѣки. Профессорша, любуясь великолѣпнымъ зрѣлищемъ, вполголоса сказала:

— Первый день новаго года принесъ мнѣ страшную тайну. Надо ее мужественно укрыть въ сердцѣ и постараться изъ всего извлечь лучшее.

КНИГА ДЕВЯТАЯ.

ГЛАВА I.

Пріѣздъ въ гостинницу «Викторіи».

Въ столицѣ передъ гостинницей «Викторіи» стоялъ рядъ наемныхъ экипажей. Воробьи стаями надъ ними кружились, а извощики, раздѣлясь на группы, живо разговаривали. Они отъ холоду не могли стоять на мѣстѣ и то подпрыгивали, то хлопали въ ладоши, то ударяли одинъ другого по спинѣ.

Воробьи громко щебетали, точно спорили, и наконецъ, съѣвъ весь кормъ, улетѣли. Извощики съ своей стороны замолчали, не находя больше пищи для разговора. Да и о чемъ прикажете говорить въ зимній день, когда на занесенныхъ снѣгомъ улицахъ столицы, въ теченіи цѣлыхъ часовъ, не увидишь живой души? Все вокругъ смотритъ также безмолвно и мертво, какъ гранитное изображеніе покойнаго герцога, который стоитъ на высокомъ пьедесталѣ съ снѣжной шапкой на головѣ и съ эполетами изъ снѣгу на плечахъ. Парадъ оконченъ, чиновники сидятъ въ канцеляріи, а въ военномъ Казинò закрыты ставни отъ того, чтò при зажженныхъ свѣчахъ лучше играется въ карты. Взводъ солдатъ идетъ на смѣну во дворецъ принца Леонгарда. Всѣ они въ большихъ шинеляхъ и съ рукавицами на рукахъ. Пришедшіе солдаты шепчутъ чтò-то на ухо уходящимъ, но по всему видно, принесенное извѣстіе не отличается особенною важностью. Канцелярскій служитель, со связкой бумагъ подъ мышкой, выходитъ изъ присутственнаго мѣста, встрѣчается съ укутаннымъ въ длинную ливрею придворнымъ лакеемъ и обмѣнивается съ нимъ щепоткой табаку. Вотъ все, что можно въ зимній день встрѣтить на улицахъ маленькой столицы.

Вдругъ между извощиками произошло движеніе. Къ гостинницѣ Викторіи подъѣхалъ курьеръ Лутцъ, а съ нимъ и большой экипажъ съ поклажей. Разговоръ получилъ новую пищу и мгновенно оживился. Въ столицу ожидали прибытія «Калифорнскаго царя».

— Бѣги къ твоему отцу звонарю, кричалъ одинъ извощикъ: пусть онъ подниметъ трезвонъ на весь городъ.

— Накатите меня хорошенько виномъ, говорилъ другой, чтобъ я могъ погромче кричать ура. Теперь-то начнется веселье! Одинъ такой богачъ стоитъ трехъ принцевъ, семнадцати графовъ и семи бароновъ.

— Знаете ли что? замѣтилъ третій: когда онъ пріѣдетъ, отправимъ къ нему депутацію: это въ его духѣ и ему понравится. У меня ужъ и планъ готовъ.

— Какой? Говори скорѣй.

Извощикъ, къ которому такимъ образомъ обращались, былъ небольшого роста и горбатъ, но съ умнымъ выраженіемъ лица и плутовскими глазами. Помолчавъ немного, онъ сказалъ:

— Мы попросимъ господина Зонненкампа каждый день выдавать намъ по бутылкѣ вина. Вы увидите, онъ непремѣнно это сдѣлаетъ. Я самъ, будь у меня въ распоряженіи семьдесятъ милліоновъ, ни за что не отказалъ-бы въ такого рода просьбѣ.

Одинъ, печальнаго вида, толстый извощикъ, замѣтилъ:

— Я самъ содержалъ гостинницу и знаю, чѣмъ обыкновенно все это оканчивается. Хозяинъ «Викторіи», пріобрѣтя себѣ на зиму постояльца, станетъ за нимъ ухаживать, да топить для него печи, а онъ все время будетъ водить его за носъ, и когда настанетъ время расплаты, улизнетъ ничего не заплативъ.

Въ самомъ зданіи гостинницы, между тѣмъ, на всѣхъ лицахъ было написано радостное ожиданіе и оживленіе. Молодая хозяйка, казавшаяся въ этотъ день еще красивѣе обыкновеннаго, сама хлопотала надъ приготовленіемъ комнатъ для ожидаемыхъ гостей. Она въ послѣдній разъ прошлась по длинному ряду залъ и нашла, что все было въ порядкѣ. Кое-гдѣ еще разстилалась скатерть, приподнималась или опускалась занавѣсъ, но мягкіе, пушистые ковры совсѣмъ заглушали шаги ходившихъ взадъ и впередъ слугъ и служанокъ. Великолѣпная шелковая мебель, освобожденная отъ чахловъ, ослѣпительно сіяла, какъ бы въ благодарность за то, что ее наконецъ выпустили на свѣтъ божій.

Лутцъ отличался необыкновенною дѣятельностью. Онъ по очереди садился на всѣ стулья, въ самыхъ разнообразныхъ позахъ разваливался на креслахъ и кушеткахъ, приказывалъ переставлять ихъ съ мѣста на мѣсто и повидимому не прочь былъ испробовать, ловко ли лежать на большихъ двуспальныхъ кроватяхъ. Однако онъ ограничился тѣмъ, что ощупалъ пружины тюфяковъ и остался вполнѣ доволенъ осмотромъ. Онъ съ особенной тщательностью наблюдалъ за приведеніемъ въ порядокъ будуара съ голубыми штофными стѣнами и съ граціознымъ, весьма изящно убраннымъ фонаремъ.

Наконецъ все было готово.

Съ наступленіемъ вечера слуги освѣтили весь длинный рядъ комнатъ. Люстры сіяли огнями, на каждомъ столѣ горѣло по нѣскольку свѣчей, лѣстница была убрана цвѣтами. Теперь господа могли смѣло пріѣхать.

Оберъ-кельнеръ, съ сигарой во рту, расхаживалъ взадъ и впередъ по комнатамъ, самодовольно улыбаясь и бросая торжествующіе взгляды на гостинницу, подъ вывѣской «Наслѣднаго принца», которая, погруженная въ мракъ и безмолвіе, печально стояла по другую сторону улицы.

Вскорѣ явилась мужеская и женская прислуга Зонненкампа, а вслѣдъ за ней экипажъ съ Эрихомъ и Роландомъ и другой, запряженный четверней. Бертрамъ ловко осадилъ лошадей, дверцы кареты раскрылись и изъ нея вышли Зонненкампъ, фрейленъ Пэрини и Церера, укутанная въ драгоцѣнные мѣха.

Извощики забыли свое намѣреніе привѣтствовать Зонненкампа громкими криками и онъ, сопровождаемый семьей, посреди всеобщаго безмолвія, вступилъ въ швейцарскую. Тамъ его встрѣтилъ швейцаръ въ парадной формѣ, неподвижно, какъ вкопанный, стоя на мѣстѣ и держа въ рукахъ булаву съ серебрянымъ набалдашникомъ. Пріѣзжіе поднялись по теплой, ярко освѣщенной, убранной зеленью, лѣстницѣ на верхъ. Зонненкампъ повидимому былъ всѣмъ доволенъ, но Церера казалась въ дурномъ расположеніи духа. Она почти во всю дорогу не спала и теперь, быстро опустясь на стулъ передъ пылающимъ каминомъ, не вдругъ рѣшилась разстаться съ шубой.

Зонненкампъ между тѣмъ осматривалъ всѣ комнаты и, остановясь въ той, которая была назначена Роланду и Эриху, замѣтилъ:

— Всякое удобство, даже самое ничтожное, покупается на вѣсъ золота. Тому, кто ничего не имѣетъ, остается дрожать отъ холоду, какъ вонъ тѣмъ извощикамъ, которые мерзнутъ въ ожиданіи сѣдока.

Онъ вернулся въ будуаръ жены. Церера сидѣла, по прежнему, неподвижно на низенькомъ стулѣ передъ каминомъ:

— Что мы сегодня будемъ дѣлать? томно спросила она.

— Еще не поздно, и мы могли бы попасть въ театръ.

— Но для этого мнѣ надо одѣваться? Я не хочу.

Къ счастію, доложили о прибытіи совѣтницы.

— Поздравляю съ пріѣздомъ, сказала она, входя въ комнату и вслѣдъ затѣмъ извинилась, что не могла исполнить своего первоначальнаго намѣренія, придти и встрѣтить своихъ добрыхъ друзей и сосѣдей въ самую минуту пріѣзда. Но ее за-

держала графиня фонъ-Грабенъ. Зонненкампъ усердно благодарилъ и былъ въ восторгѣ отъ такого вниманія и предупредительности.

Совѣтница привела съ собой сына, кадета, вслѣдствіе чего Эрихъ и Роландъ тоже должны были придти въ залу.

— А гдѣ ваша матушка? спросила совѣтница у Эриха. Она, конечно, пріѣдетъ немного попозже?

Эрихъ молчалъ, но Зонненкампъ поспѣшилъ сказать, что профессорша не хочетъ разстаться съ дачей.

— Объ этомъ многіе пожалѣютъ, замѣтила совѣтница и такъ весело улыбнулась, какъ будто бы сказала нѣчто въ высшей степени забавное. Все общество, прибавила она, съ нетерпѣніемъ ожидало пріѣзда профессорши и радовалось тому, что еще разъ увидитъ въ своей средѣ эту милую женщину.

— Она должна пріѣхать, сказала Церера.

Зонненкампу сдѣлалось досадно. Неужели весь блескъ его дома заключался только въ чести, какую ему доставляло пребываніе въ немъ профессорши?

Досада его еще усилилась, когда совѣтница шепнула ему на ухо:

— Безъ профессорши осуществленіе нашего прекраснаго плана совершится гораздо медленнѣе и труднѣе.

Она ее почти постоянно называла урожденной фонъ-Бургольцъ и то и дѣло твердила Зонненкампу, что безъ нея, врядъ ли ему удастся поставить свой домъ на ту аристократическую ногу, какъ онъ желалъ. Совѣтница ставила себѣ въ большую заслугу скромность, съ которою вслѣдъ за тѣмъ объявила, что хотя сама она и надѣется во многомъ быть полезна господину Зонненкампу, однако должна сознаться, что урожденная фонъ-Бургольцъ можетъ сдѣлать для него гораздо больше.

Зонненкампу показалось, будто яркое освѣщеніе его залы мгновенно померкло. Однако онъ еще настолько владѣлъ собой, что отчасти успѣлъ скрыть свое дурное настроеніе духа.

Кадетъ предложилъ Роланду участвовать въ каруселѣ, которую лучшіе придворные наѣздники въ концѣ мѣсяца собирались устроить въ герцогскомъ манежѣ. Пусть, говорилъ кадетъ, Роландъ закажетъ себѣ необходимый костюмъ, а онъ ужъ постарается включить его въ число другихъ молодыхъ людей средняго класса, которымъ дозволено будетъ, въ качествѣ оруженосцевъ, принять участіе въ нѣкоторыхъ эволюціяхъ.

Роландъ былъ очень доволенъ предложеніемъ, но Зонненкампъ разомъ положилъ конецъ надеждамъ мальчика, сказавъ:

— Нѣтъ, ты не будешь участвовать въ каруселѣ.

Онъ не счелъ нужнымъ объяснять сыну, что не хотѣлъ видѣть его съ перваго же шага въ свѣтѣ въ числѣ плебеевъ, которыхъ аристократы снисходительно допускали въ свое общество.

Совѣтница перечислила всѣ вечера настоящаго сезона; описала тѣ, которые уже были, указала на тѣ, которыхъ еще слѣдовало ожидать и пустилась въ не совсѣмъ удобные для молодыхъ ушей разсказы о разнаго рода придворныхъ и общественныхъ событіяхъ. «Старшій сынъ барона фонъ-Эндлиха,—говорила она между прочимъ, — тоже собирается жениться, но боится, чтобъ ему не помѣшало ожидаемое изъ Мадеры извѣстіе о смерти сына гофмаршала, который тотчасъ послѣ свадьбы туда уѣхалъ со своей молодой женой.»

Кадетъ предложилъ Роланду идти съ нимъ въ балетъ. Эрихъ въ нерѣшимости посмотрѣлъ на Зонненкампа, который, ни минуты не колеблясь, сказалъ:

— Ты можешь идти, Роландъ.

Эриху въ первый разъ приходилось отпускать мальчика одного и имъ овладѣло тревожное чувство, котораго онъ никакъ не могъ преодолѣть.

Роландъ непремѣнно хотѣлъ, чтобъ и Эрихъ съ нимъ пошелъ, но кадетъ объявилъ, что для него не будетъ мѣста въ театрѣ: онъ съ трудомъ успѣлъ удержать одинъ стулъ для своего друга. Роландъ на прощанье сказалъ Эриху:

— Я вернусь къ тебѣ тотчасъ послѣ окончанія спектакля.

Эрихъ успокоился. Онъ чувствовалъ, какъ неблагоразумно было съ его стороны опасаться для Роланда сближенія съ обществомъ. Развѣ онъ не надѣется на силы мальчика и не считаетъ его достаточно вооруженнымъ для того, чтобы съ успѣхомъ противостоять всякой опасности?

Совѣтница съ сокрушеніемъ, хотя не безъ оттѣнка гордости, распространилась на счетъ преждевременнаго удальства своего сынка и разсказала нѣкоторыя изъ его проказъ. Затѣмъ она пожалѣла о Маннѣ, которая проводитъ въ монастырскомъ уединеніи этотъ сезонъ, обѣщающій быть такимъ блестящимъ. Въ заключеніе совѣтница сказала, что сочла бы себя счастливой, еслибъ могла вмѣстѣ съ матерью прелестной молодой дѣвушки вывозить ее въ свѣтъ.

Зонненкампъ отвѣчалъ, что для этого время еще не уйдетъ и на слѣдующую зиму.

ГЛАВА II.

ПЕРВАЯ НОЧЬ ВЪ СТОЛИЦѢ.

Эрихъ вскорѣ простился и ушелъ къ себѣ въ комнату, гдѣ однако не могъ найти покоя. Онъ снова былъ въ городѣ, гдѣ родился и провелъ бо̀льшую часть своей молодости, но явился туда въ качествѣ слуги и принужденъ былъ жить въ гостинницѣ. Однако онъ поспѣшилъ побороть въ себѣ безплодныя сожалѣнія и сѣлъ писать къ матери письмо, въ которомъ увѣдомлялъ ее о своемъ прибытіи въ столицу и убѣждалъ не сдаваться ни на какіе доводы и не пріѣзжать туда вслѣдъ за ними. Онъ самъ отнесъ письмо на почту и долго бродилъ по пустымъ и безмолвнымъ улицамъ маленькой столицы, гдѣ все ему было такъ хорошо знакомо. Онъ зналъ, что во многихъ изъ домовъ, мимо которыхъ онъ проходилъ, жили нѣкогда дружески расположенныя къ нему семейства и онъ спрашивалъ себя, какъ они встрѣтятъ его теперь, какими глазами будутъ на него смотрѣть въ его новомъ положеніи.

Проходя мимо зданія, гдѣ хранились античныя произведенія искусства, онъ на минуту остановился и подумалъ, лучше ли было бы ему теперь, еслибъ онъ получилъ мѣсто директора музея.

Долго ходилъ онъ взадъ и впередъ, погруженный въ тревожныя думы и наконецъ зашелъ въ пивную лавочку.

Тамъ онъ пріютился въ уголкѣ и сталъ прислушиваться къ говору посѣтителей лавочки, которые, сидя за кружками пива и съ длинными трубками во рту, упражнялись въ остроуміи.

Вскорѣ было произнесено имя Зонненкампа, что̀ побудило Эриха еще внимательнѣе слушать.

Одинъ толстый, краснощекій мужчина объявлялъ:

— Я съ сегодняшняго дня долженъ поставлять въ гостинницу «Викторіи» самый лучшій сортъ говядины. У господина Зонненкампа, говорятъ, необыкновенно тонкій вкусъ.

Знакомый Эриху типографщикъ замѣтилъ:

— Нашъ редакторъ, профессоръ Крутіусъ, увѣряетъ, будто хорошо знаетъ этого Зонненкампа, только онъ ничего не хочетъ о немъ говорить.

Любопытство Эриха съ каждой минутой возрастало. Затѣмъ была названа огромная сумма, которую содержатель гостинницы «Викторіи» намѣревался ежедневно брать съ Зонненкампа. Одинъ изъ посѣтителей увѣрялъ, будто Зонненкампъ покупаетъ дво-

рецъ Рабенека, другой замѣтилъ, что онъ, безъ сомнѣнія, будетъ сдѣланъ дворяниномъ, а третій сказалъ что-то, чего Эрихъ не могъ разслышать, но что̀ вызвало со стороны остальныхъ громкій взрывъ хохота.

— А я говорю, воскликнулъ одинъ толстякъ, въ которомъ Эрихъ узналъ хлѣбнаго торговца, вспомните мое слово, что этотъ Зонненкампъ ничто иное, какъ эмиссаръ изъ южныхъ штатовъ. Они тамъ задумали выбрать себѣ императора и прислали сюда господина Зонненкампа съ порученіями, можетъ быть гораздо болѣе важными, чѣмъ мы думаемъ.

— Предсказываю тебѣ, что ты съ нимъ уѣдешь въ Америку, въ качествѣ придворнаго хлѣбопёка, сказалъ кто-то и всѣ громко засмѣялись.

— Что намъ за дѣло, кто онъ и откуда? замѣтилъ одинъ изъ собесѣдниковъ. У него много денегъ, и этимъ все сказано. Пусть къ намъ пожалуютъ еще сотни подобныхъ ему, мы ихъ всѣхъ примемъ, лишь бы они привезли къ намъ побольше денегъ.

И онъ, залпомъ осушивъ стаканъ, весело подмигнулъ служанкѣ.

— Принеси-ка мнѣ еще пивца, сказалъ онъ ей: я этого заслуживаю. Развѣ я не умнѣе ихъ всѣхъ.

Эрихъ потихоньку ушелъ, довольный тѣмъ, что его никто не узналъ.

На улицѣ онъ встрѣтилъ молодого человѣка, который дружески съ нимъ раскланялся.

Эрихъ, послѣ первой минуты недоумѣнія, узналъ въ немъ одного изъ пѣвцовъ, съ которыми познакомился на музыкальномъ торжествѣ. Молодой человѣкъ былъ учителемъ въ одной изъ реальныхъ школъ столицы и объявилъ Эриху, что общество столичныхъ учителей избрало его своимъ почетнымъ членомъ.

Эрихъ поблагодарилъ и пошелъ далѣе. Онъ внезапно очутился посреди улицы, гдѣ по мостовой съ грохотомъ мчались экипажи и по тротуарамъ шли толпы народа. Театръ окончился и всѣ расходились и разъѣзжались по домамъ. Эрихъ поспѣшилъ въ гостинницу, желая достигнуть ея прежде Роланда. Это ему удалось: когда онъ пришелъ къ себѣ въ комнату, мальчикъ еще не возвращался. Подождавъ немного, Эрихъ отправился въ залу, но Роланда и тамъ не было. Зонненкампъ тоже начиналъ о немъ тревожиться.

Совѣтница съ улыбкой замѣтила, что они напрасно безпокоятся: Роландъ въ обществѣ ея Куно и, конечно, весело проводитъ время. Немного спустя, она сказала, что ей пора домой и,

отведя Зонненкампа къ окну, вручила ему Готскій альманахъ на новый годъ. Она, между прочимъ, выразила надежду, что книжка эта не выйдетъ болѣе въ свѣтъ безъ того, чтобъ на страницахъ ея не красовалось имя Зонненкампа и объявила, что отнынѣ будетъ постоянно каждый годъ сама его ею снабжать.

Зонненкампъ разсыпался въ благодарностяхъ и проводилъ гостью до кареты.

Возвратясь въ залу, онъ сказалъ Эриху:

— Я ожидалъ, что вы лучше воспитаете Роланда. Онъ, несмотря на свое обѣщаніе, до сихъ поръ еще не вернулся.

Эрихъ хотѣлъ отвѣтить, что не онъ, а самъ отецъ далъ мальчику въ первый же вечеръ позволеніе самостоятельно распоряжаться собой. Но онъ удержался, сознавая всю безполезность подобнаго рода объясненій.

— Я не рѣшусь лечь спать, пока онъ не вернется, жалобно проговорила Церера.

— Не знаете ли вы, гдѣ бы мы могли его теперь искать? спросилъ Зонненкампъ.

— Намъ незачѣмъ его искать, вотъ онъ, отвѣчалъ Эрихъ, указывая на Роланда, который въ эту минуту входилъ въ комнату.

Мать встрѣтила его жалобами, отецъ выговорами за то, что онъ не сдержалъ своего слова.

— Я вовсе не заслуживаю упрековъ, возразилъ Роландъ. Мнѣ не малаго труда стоило отдѣлаться отъ общества этихъ молодыхъ людей. Я принужденъ былъ проводить ихъ до дверей ресторана, но тамъ уже, несмотря ни на что, распрощался съ ними.

Всѣ успокоились и разошлись по своимъ комнатамъ.

— Что жъ ты у меня не спросишь, какъ мнѣ понравился балетъ? спросилъ Роландъ.

— Я ждалъ, отвѣчалъ Эрихъ, чтобъ ты самъ объ этомъ заговорилъ.

— Ахъ, въ театрѣ сначала было очень хорошо! Тамъ на сценѣ все такія прелестныя дѣвушки! Куно ихъ всѣхъ называетъ по имени и разсказываетъ о нихъ разныя исторіи. Но потомъ мнѣ все это надоѣло. Только и видишь, что одни прыжки, да движенія то въ ту, то въ другую сторону и никто ни слова не говоритъ. Мнѣ вдругъ пришло на умъ: что́ сказалъ бы Веньяминъ Франклинъ, еслибъ увидѣлъ это? Съ той минуты для меня пропало все удовольствіе. Куно назвалъ меня филистеромъ, я промолчалъ, но когда онъ къ этому еще что-то прибавилъ, я ужасно разсердился и чуть-чуть не вызвалъ его на дуэль.

— Могу я узнать, чѣмъ онъ тебя такъ оскорбилъ?

— Нѣтъ, потому что это тебя касается... А впрочемъ, ты вѣрно не обидишься. Не ожидаешь же ты отъ людей, чтобъ они всѣ тебя одинаково понимали и цѣнили, и ты конечно вполнѣ равнодушенъ къ тому, если они...

— Остановись, милый Роландъ. Я вовсе не желаю знать, что обо мнѣ говорятъ. Толки о насъ постороннихъ людей могутъ насъ огорчать, но они нисколько не содѣйствуютъ къ нашему улучшенію. Ты поступилъ честно и храбро выдержалъ первый непріятельскій огонь. Оставайся и впередъ вѣренъ самому себѣ и мнѣ. А теперь прощай, спокойной ночи.

Эрихъ и Роландъ разошлись вполнѣ счастливые и довольные другъ другомъ. Оба не замедлили заснуть.

ГЛАВА III.

БОЛЬШОЙ СВѢТЪ ВЪ МАЛЕНЬКОЙ СТОЛИЦѢ.

На слѣдующее утро Зонненкампъ весь погрузился въ изученіе адресъ-календаря и въ соображенія на счетъ предстоявшихъ ему визитовъ. Съ другой стороны, Эрихъ усердно работалъ надъ собой, стараясь отдѣлаться отъ всякаго личнаго чувства и безраздѣльно отдаться своей задачѣ, которая теперь опять внезапно усложнялась и дѣлалась гораздо труднѣе.

Послѣ полудня Зонненкампъ и Церера отправились развозить свои визитныя карточки. Они долго ѣздили взадъ и впередъ по городу въ великолѣпномъ экипажѣ съ стеклянными передками и боками. На козлахъ кареты помѣщались два лакея въ теплыхъ шубахъ, а на запяткахъ егерь. У Зонненкампа съ женой было много толковъ о томъ, слѣдуетъ ли Роланду ихъ сопровождать, и они наконецъ рѣшились взять его съ собой.

Эрихъ находился весь этотъ день въ отпуску. Встрѣтясь съ нѣкоторыми изъ своихъ прежнихъ товарищей, онъ отправился съ ними въ военное Казино, гдѣ нашелъ, вопреки своимъ ожиданіямъ, въ высшей степени радушный пріемъ. Кромѣ того онъ былъ удивленъ серьезнымъ тономъ, какой тамъ теперь царствовалъ и какого онъ не помнилъ въ былое время. Рѣчь конечно по прежнему часто заходила о картахъ, о лошадяхъ и о танцовщицахъ, но при всемъ томъ многіе изъ молодыхъ людей отличались трезвымъ и даже глубокимъ взглядомъ на вещи. Современное движеніе умовъ совершенно естественно нашло себѣ отголосокъ и въ военномъ Казино. Одинъ изъ товарищей, удалясь съ Эрихомъ въ уголокъ близъ окна, говорилъ, какъ сильно

завидуетъ ему въ томъ, что онъ успѣлъ самостоятельно устроить свою жизнь.

Посѣтивъ еще нѣсколькихъ друзей, Эрихъ вернулся домой успокоенный и засталъ семью Зонненкампа тоже въ наилучшемъ расположеніи духа.

Уже въ этотъ первый день къ обѣду были приглашены государственный совѣтникъ, его жена и двѣ дочери. Къ вечеру пришла посылка съ выписанными изъ Парижа платьями, о которыхъ уже много толковали въ маленькой столицѣ. Таможенные чиновники первые видѣли ихъ и разсказали женамъ, а тѣ своимъ роднымъ и знакомымъ, что госпожѣ Зонненкампъ присланы такія роскошныя платья, подобныхъ которымъ нѣтъ у самой герцогини. Церера съ гордостью показывала ихъ гостямъ, тѣ восхищались ими — однимъ словомъ, все шло, какъ нельзя лучше. Совѣтникъ представилъ Зонненкампа въ аристократическій клубъ, гдѣ у того не замедлила составиться своя партія въ вистъ. Послѣ обѣда неожиданно явилась Белла съ мужемъ.

Осанка, походка, нарядъ графини, все точно говорило, что за ней невидимо слѣдуютъ не только два ливрейныхъ лакея, но и карета съ лошадьми. Гдѣ бы она ни находилась, на улицѣ, или въ салонѣ, она всюду имѣла видъ, будто только-что вышла изъ экипажа. Въ этотъ день она была очень весела и только въ разговорѣ съ Эрихомъ выразила сожалѣніе, что мать его осталась на дачѣ. Зонненкампу Белла объявила, что на дняхъ въ столицу пріѣдетъ также и Отто вмѣстѣ съ русскимъ княземъ. Оба они имѣютъ роли во французской комедіи, которую собираются играть при дворѣ и въ которой она также участвуетъ.

Затѣмъ Белла заставила Зонненкампа вручить ей довольно значительную сумму на покупку вещей для базара, который дамы высшаго общества собирались устроить въ пользу бѣдныхъ въ началѣ будущаго мѣсяца.

Клодвигъ казался утомленнымъ и заранѣе просилъ не требовать отъ него никакого участія въ предстоящихъ празднествахъ. Онъ между прочимъ объявилъ, что въ обѣихъ палатахъ уже открылись засѣданія. Братъ герцога, принцъ Леонгардъ, человѣкъ много видѣвшій въ своихъ странствованіяхъ и посѣтившій Америку, былъ назначенъ президентомъ верхней палаты. Клодвигъ, занимавшій мѣсто вице-президента, почти всегда принужденъ былъ исполнять должность дѣйствительнаго президента.

Вечеромъ пришло отъ барона фонъ-Эндлиха приглашеніе на вечеръ. Всѣ были очень довольны, а Белла передала ходившую по городу сплетню, будто баронъ фонъ-Эндлихъ такъ спѣшитъ со своимъ баломъ изъ боязни, чтобъ смерть зятя не остановила

его приготовленій. До конца сезона, какъ бы то ни было, оставалось еще много времени. Говорили даже, что самъ дворъ намѣревается почтить своимъ присутствіемъ этотъ праздникъ, который, во всякомъ случаѣ, посѣтитъ принцъ Леонгардъ. Беллѣ тоже были показаны парижскія платья. Она пришла въ неописанный восторгъ и посовѣтовала Церерѣ сохранить самое роскошное изъ нихъ для праздника, который дастъ господинъ Зонненкампъ у себя.

Вечеръ у барона фонъ-Эндлиха вполнѣ удался. Въ его домѣ собралось все высшее общество, несмотря на то, что оно сильно негодовало на шутку, какую себѣ позволилъ герцогъ при возведеніи въ дворянское достоинство богатаго виноторговца. Герцогъ немного поздно увидѣлъ свою ошибку, которая тѣмъ болѣе всѣхъ поразила, что онъ до сихъ поръ исполнялъ всѣ требованія придворнаго этикета съ благоговѣніемъ, какъ будто совершалъ священнодѣйствіе. Вслѣдствіе всего этого, дружелюбіе, оказываемое барону фонъ-Эндлиху, приходилось ему особенно по душѣ. Общество это хорошо знало и наперерывъ старалось заслужить расположеніе своего герцога. Не мудрено послѣ этого, что праздникъ новаго дворянина былъ самый блестящій изо всего сезона.

Баронъ фонъ-Эндлихъ съ своей стороны догадался пригласить нѣсколькихъ членовъ палаты депутатовъ и въ томъ числѣ двухъ изъ самыхъ ярыхъ приверженцевъ оппозиціи, конечно предварительно испросивъ на то разрѣшеніе двора. Самъ герцогъ не явился на праздникъ, но принцъ Леонгардъ посѣтилъ его. Послѣдній не скрывалъ, что былъ противникомъ обычая, въ силу котораго создавались новые дворяне. Но онъ пріѣхалъ сюда въ качествѣ подданнаго своего брата и долго разговаривалъ съ двумя приверженцами оппозиціи и въ особенности съ президентомъ палаты депутатовъ, Вейдеманомъ.

Принцъ былъ представителемъ герцога, о которомъ всегда говорилъ не иначе, какъ съ глубокимъ уваженіемъ. Это однако не мѣшало ему весьма благосклонно выслушивать замѣчанія въ родѣ слѣдующаго: «Да, еслибъ вы царствовали, не то было бы у насъ и страна наша разомъ превратилась бы въ образцовое государство.» При дворѣ на принца Леонгарда смотрѣли съ нѣкоторымъ состраданіемъ вслѣдствіе того, что онъ увлекся общей модой и разыгрывалъ роль либерала. Принцъ покровительствовалъ наукамъ и искусствамъ и даже принималъ участіе въ политическомъ движеніи страны. Ходили слухи, будто онъ втайнѣ поддерживалъ одну газету, которая отличалась умѣренно-оппозиціонным направленіемъ.

Принцъ подъ руку съ Клодвигомъ расхаживалъ по заламъ. Это съ его стороны считалось важнымъ знакомъ отличія. Вѣроятно графъ какъ-нибудь съ особенной похвалой отозвался объ Эрихѣ, который скрывался въ заднихъ рядахъ гостей, стоявшихъ на проходѣ принца и выжидавшихъ случая ему поклониться. Принцъ подошелъ прямо къ нему и сказалъ:

— Любезный Дорнэ, я очень радъ васъ видѣть. Вы, безъ сомнѣнія, теперь сдѣлались въ полномъ смыслѣ слова ученымъ. Впрочемъ этого и слѣдовало ожидать: вы съ дѣтства выказывали большія способности къ наукамъ. Какъ поживаетъ ваша почтенная матушка?

Эрихъ очень учтиво поблагодарилъ. Онъ былъ радъ, что первое свиданіе съ принцемъ Леонгардомъ прошло такъ дружелюбно. А тотъ, повидимому, не на шутку хотѣлъ выказать ему свое благоволеніе, потому что вслѣдъ за тѣмъ спросилъ:

— А гдѣ господинъ Зонненкампъ? Представьте его мнѣ.

Зонненкампа, къ сожалѣнію, не могли скоро найти. Онъ былъ въ отдаленной комнатѣ, гдѣ курили. Когда его наконецъ отыскали, принцъ съ графиней Беллой открывалъ балъ.

Баронъ фонъ-Эндлихъ сіялъ счастьемъ, Зонненкампъ напротивъ былъ непріятно пораженъ, узнавъ желаніе принца, чтобъ онъ былъ ему представленъ капитаномъ Дорнэ. Оба эти человѣка вообще составляли странную противоположность. «Винный графъ» отличался большой самоувѣренностью, которою однако никогда никого не оскорблялъ. Каждое его слово, каждое движеніе говорило: «Я все знаю». Онъ умѣлъ поддерживать разговоръ съ людьми самыхъ разнообразныхъ званій и положеній и при этомъ ему еще ни разу не случилось ударить лицемъ въ грязь. То, что онъ былъ хорошимъ финансистомъ, политико-экономомъ, агрономомъ и негоціантомъ, не подлежало ни малѣйшему сомнѣнію, но онъ, кромѣ того, еще умѣлъ говорить о наукѣ и метко судить о всѣхъ государственныхъ людяхъ Европы. Онъ постоянно вслушивался въ рѣчи другихъ и всегда ловко извлекалъ изъ нихъ пользу.

Зонненкампъ почти не отходилъ отъ кружка, въ которомъ ораторствовалъ баронъ фонъ-Эндлихъ и въ первый разъ въ жизни почувствовалъ себя ничтожнымъ и ничего незнающимъ, въ сравненіи съ этимъ человѣкомъ. «Винный графъ» разсуждалъ о выдѣлкѣ стали, когда къ группѣ, посреди которой онъ стоялъ, подошелъ принцъ Леонгардъ. Разговоръ мгновенно прервался, но принцъ сказалъ:

— Прошу васъ, продолжайте, я не хочу вамъ мѣшать.

И онъ съ благодарностью выслушалъ объясненіе барона фонъ-

Эндлиха, который говорилъ такъ плавно, съ такимъ знаніемъ дѣла, какъ будто всю жизнь провелъ на фабрикѣ, гдѣ управлялъ литейными работами.

Наконецъ Зонненкампъ былъ представленъ принцу и тотъ у него спросилъ, занимался ли онъ также и въ Америкѣ винодѣліемъ.

Зонненкампъ отвѣчалъ, что нѣтъ.

Принцъ, едва выслушавъ отвѣтъ, спросилъ еще, не былъ ли Зонненкампъ лично знакомъ съ Теодоромъ Паркеромъ. Ему самому однажды привелось слышать его проповѣдь, которой онъ остался чрезвычайно доволенъ.

Зонненкампъ снова принужденъ былъ отвѣчать отрицательно и при этомъ вдругъ почувствовалъ себя въ высшей степени жалкимъ и ничтожнымъ.

Принцъ, желая его ободрить, старался навести разговоръ на предметъ, который былъ бы ему хорошо знакомъ. Онъ, немного спустя, спросилъ, вѣритъ ли Зонненкампъ въ мирный исходъ вопроса о невольничествѣ?

Всѣ съ напряженнымъ вниманіемъ слушали, какъ Зонненкампъ говорилъ, что всѣ ужасы рабства, о которыхъ такъ много толкуютъ, въ дѣйствительности вовсе не существуютъ и что аболиціонисты, имѣя въ виду, можетъ быть, и хорошую цѣль, весьма дурно принялись за ея выполненіе.

— Вы должны мнѣ это когда-нибудь подробнѣе объяснить, сказалъ принцъ. Прошу васъ, навѣстить меня когда-нибудь.

— Вашему высочеству стоитъ только приказать, отвѣчалъ Зонненкампъ, весьма довольный этимъ заключеніемъ своего разговора съ принцемъ.

Эрихъ почти весь вечеръ провелъ съ Вейдеманомъ, но, несмотря на все удовольствіе, какое находилъ въ бесѣдѣ съ этимъ замѣчательнымъ человѣкомъ, не могъ однако удержаться отъ того, чтобъ по временамъ украдкой не слѣдить за Беллой. Графиня сіяла красотой и весельемъ. Наружностью она походила на Юнону, обладая полнотой и округленностью формъ, какія особенно часто встрѣчаются у фламанокъ. Въ ней была какая-то небрежная аристократическая грація, соединенная съ гордой самоувѣренностью. Она всякому умѣла сказать впопадъ, то легкое, остроумное, то серьезное и даже глубокое слово. Людей пожилыхъ она оживляла, молодыхъ забавляла и все это самымъ благороднымъ и въ тоже время естественнымъ образомъ.

Она, плавно переступая, переходила отъ одной группы къ другой. Губы ея по временамъ принимали суровое, жесткое вы-

раженіе, но она дѣлала надъ собой усиліе и лицо ея мгновенно озарялось плѣнительной улыбкой. Она была очаровательна, когда обращалась къ кому-нибудь съ ласковой, дружеской рѣчью. Но при всемъ томъ на наружности ея лежала печать загадочности. Никто не зналъ навѣрное, какого цвѣта у нея были глаза, а между тѣмъ всякій испытывалъ на себѣ чарующее вліяніе ихъ лучей.

Беллу можно было ненавидѣть, но забыть ее оказывалось рѣшительно невозможнымъ. Докторъ Рихардтъ, и тотъ долженъ былъ въ этомъ сознаться, хотя Эрихъ находилъ, что онъ вообще ошибался въ оцѣнкѣ характера Беллы. По мнѣнію молодого человѣка, въ ней, надъ всѣми другими чувствами и стремленіями, преобладало честолюбіе, которое, будь оно направлено на что-нибудь доброе и хорошее, сдѣлало бы изъ нея личность въ высшей степени замѣчательную.

Мысленно упрекая себя за несправедливость къ ней, Эрихъ въ этотъ вечеръ оказывалъ ей особенное дружелюбіе и почтительность. Белла, повидимому, понимала, что въ немъ происходило и въ теченіи вечера не разъ обмѣнивалась съ нимъ многозначительными и ласковыми взглядами.

Обращеніе Эриха вполнѣ успокоило графиню. Она одно время боялась, чтобъ этотъ учитель не вздумалъ хвастаться... Какой вздоръ! Кто бы ему повѣрилъ? Да и самъ онъ настолько благороденъ, что никогда не сдѣлалъ бы ничего подобнаго.

Но что же въ самомъ дѣлѣ между ними произошло?

Послѣ первой минуты внутренняго разлада, Белла призвала къ себѣ на помощь всю свою гордость и ей вскорѣ удалось увѣрить себя, будто все это было минутное увлеченіе, искушеніе, не болѣе какъ пустая игра.

Кто могъ ей противорѣчить?

Она даже начала казаться себѣ героиней, которая мужественно выдержала напоръ враждебной силы.

Мало-по-малу Белла дошла до того, что на собственныя мечты стала смотрѣть какъ на дѣйствительность и все дѣло приняло въ ея глазахъ значеніе романа, который она, будто бы, когда-то читала. Онъ ее сначала сильно взволновалъ, окончаніе его не соотвѣтствовало ея ожиданіямъ, но теперь она съ нимъ совсѣмъ раздѣлалась и помѣстила его въ библіотеку, гдѣ на немъ уже успѣлъ лечь слой пыли. Да, Белла въ настоящее время могла съ улыбкой думать объ этомъ прошломъ. Она почти гордилась тѣмъ, что еще въ состояніи такъ свѣжо и наивно чувствовать, такъ увлекаться и испытывать подобнаго рода волненія.

Подойдя къ Эриху и Вейдеману, она заговорила съ ними объ удовольствіи, какое ей доставляетъ ихъ сближеніе. Потомъ она выразила надежду, что Эрихъ будетъ теперь часто навѣщать ее и Клодвига. Они, въ обществѣ одинъ другого, замѣтила она, будутъ отрезвляться отъ тумана, въ какой невольно повергаетъ водоворотъ столичной жизни и углубляясь въ самихъ себя, станутъ взаимно поддерживать въ себѣ стремленія ко всему чистому и прекрасному. Белла между тѣмъ просила Эриха сходить вмѣстѣ съ ней въ музей, а затѣмъ съ сестринской заботливостью посовѣтовала ему сдѣлать нѣсколько необходимыхъ визитовъ, для того, чтобъ не быть чужимъ въ обществѣ тѣхъ людей, съ которыми ему теперь придется такъ часто встрѣчаться.

Она была очень рада узнать, что онъ уже это отчасти исполнилъ. Эрихъ между прочимъ замѣтилъ, что онъ старался отыскать негра, находящагося въ услуженіи у герцога, но тотъ, какъ оказалось, уѣхалъ на зиму въ Неаполь съ одной больной принцессой.

— Вотъ какъ! сказала Белла съ странной улыбкой. Вы безъ сомнѣнія имѣли къ этому негру особенное порученіе отъ г. Зонненкампа?

Эрихъ отвѣчалъ, что рѣшительно не понимаетъ ея вопроса, а Белла поспѣшила извиниться въ своей, какъ она выразилась, неумѣстной шуткѣ. Затѣмъ она быстро направилась къ Зонненкампу и много съ нимъ смѣялась на счетъ одного изъ гостей. То былъ братъ барона фонъ-Эндлиха, содержатель лучшаго моднаго магазина въ столицѣ.

«Винный графъ» не могъ избѣжать того, чтобъ не пригласить къ себѣ на вечеръ своего брата, купца, пользовавшагося всеобщимъ уваженіемъ въ городѣ. Белла со смѣхомъ увѣряла, что этотъ человѣкъ явился сюда съ цѣлью посмотрѣть, какой эффектъ производятъ въ бальной залѣ наканунѣ купленные у него наряды.

Зонненкампъ мысленно радовался тому, что, когда его произведутъ въ дворяне, съ нимъ не можетъ случиться ничего подобнаго, потому что онъ вовсе не имѣетъ родственниковъ.

ГЛАВА IV.

ГОЛУБОЙ БАНТЪ.

Зонненкампъ и его семейство каждый вечеръ посѣщали или театры, или балы. Утро у нихъ начиналось съ полудня. Эрихъ, послушный совѣту Беллы, сдѣлалъ необходимые визиты и его тоже всюду начали приглашать.

Общественная жизнь являлась теперь ему въ совершенно новомъ свѣтѣ. Онъ смотрѣлъ на нее глазами человѣка, который былъ внезапно перенесенъ въ среду ея изъ совсѣмъ другого, чуждаго ей міра. Ему становилось жутко при мысли, сколько лжи скрывалось подъ этими улыбками, какая фальшь таилась въ глубинѣ души всѣхъ этихъ разфранченныхъ, съ виду такихъ милыхъ и любезныхъ людей. Его несказанно возмущало это ходячее лицемѣріе въ бѣлыхъ галстукахъ. Въ курительной комнатѣ мужчины обыкновенно, наперерывъ другъ передъ другомъ, разсказывали соблазнительные анекдоты, а затѣмъ, какъ ни въ чемъ не бывало, являлись въ бальную залу къ своимъ женамъ и дочерямъ и казались такими изящными и благородными!

Эрихъ держался немного въ сторонѣ отъ всѣхъ, но Белла была къ нему особенно внимательна и предупредительна. Она съ наслажденіемъ плавала въ потокѣ свѣтскихъ удовольствій. Ей было пріятно знать, что она здѣсь одна изъ первыхъ, если не самая первая.

Русскій князь тоже осыпалъ Эриха любезностями и много разсказывалъ ему о Кнопфѣ и о необыкновенной маленькой американкѣ, находившейся въ Маттенгеймѣ.

Пранкенъ, всякій разъ что встрѣчался съ Эрихомъ, раскланивался съ нимъ по всѣмъ правиламъ свѣтскаго приличія, но никогда съ нимъ не заговаривалъ.

Всѣ высшіе сановники герцогства дружески обращались съ Эрихомъ и до него не разъ доходили слухи о похвалахъ, съ какими о немъ постоянно отзывались графъ и графиня Вольфсгартенъ.

Встрѣчи Эриха съ Вейдеманомъ всегда были очень кратковременны и несмотря на желаніе обоихъ другъ съ другомъ ближе познакомиться, это имъ никакъ не удавалось. Только разъ случай помогъ имъ, доставивъ возможность обмѣняться нѣсколькими задушевными мыслями и тѣмъ самымъ поглубже заглянуть въ душу одинъ другого. Они говорили о Клодвигѣ и

оба съ одинаковымъ уваженіемъ отзывались о немъ. Только Вейдеманъ въ заключеніе сказалъ:

— Я удивляюсь силѣ этого человѣка, но самъ признаюсь, не съумѣлъ бы, подобно ему, распоряжаться ею. Нашъ другъ обладаетъ способностью вполнѣ примѣняться къ средѣ, въ которой живетъ. Болѣе того, онъ можетъ по произволу облекаться въ то или другое настроеніе духа и это съ легкостью, съ какой скидаетъ и надѣваетъ свой фракъ. Въ глубинѣ души его таятся стремленія, не имѣющія ничего общаго съ интересами придворнаго и великосвѣтскаго міра. Но разъ, что онъ становится съ нимъ въ соприкосновеніе, у него исчезаютъ всѣ слѣды противорѣчія, такъ что можно подумать, онъ созданъ именно для этой, а не для какой другой сферы.

Эрихъ вполнѣ понималъ и раздѣлялъ мнѣніе своего собесѣдника. А Вейдеманъ, устремивъ на молодого человѣка задумчивый взглядъ, внимательно слушалъ, какъ тотъ ему говорилъ, что теперь для него становится яснымъ одинъ упрекъ, который до сихъ поръ его мучительно преслѣдовалъ.

— Люди, сказалъ Эрихъ, часто неодобрительно смотрятъ на старанія углубляться въ сокровенный смыслъ вещей и строго порицаютъ тѣхъ, которые увлекаются и волнуются. Будьте спокойны и равнодушны, говорятъ они, вѣрьте всему на̀ слово и никому не прекословьте. Я этого не могу и потому не гожусь для общества.

Вейдеманъ, повидимому, нѣсколько иначе понялъ причину того, что̀ тревожило Эриха, который, по его мнѣнію, долженъ былъ считать себя счастливымъ тѣмъ, что на его долю выпала задача воспитывать юношу, подобнаго Роланду.

А Эрихъ, между тѣмъ, иногда по цѣлымъ вечерамъ не видалъ Роланда. Мальчика обыкновенно окружала цѣлая толпа танцующей молодежи, мужчинъ и дѣвушекъ. Всѣ его ласкали и забавлялись имъ, какъ прелестной игрушкой. Протанцовавъ цѣлую ночь, онъ возвращался домой усталый и въ теченіи всего слѣдующаго дня имѣлъ скучающій, разсѣянный видъ. Эрихъ даже не разъ замѣчалъ, какъ швейцаръ украдкой совалъ его воспитаннику въ руку раздушенныя записочки. О правильныхъ занятіяхъ не могло быть и рѣчи. Роландъ по цѣлымъ часамъ наигрывалъ на фортепіано мотивы танцевъ, которые еще со вчерашняго вечера звучали у него въ ушахъ. Въ его пюпитрѣ тщательно хранились записочки съ именами дамъ, съ которыми онъ танцовалъ, и разные другіе знаки памяти. Взглядъ мальчика принялъ какое-то непривычное ему выраженіе робости и утомленія.

Пранкенъ не могъ достаточно нарадоваться на то, что видѣлъ *своихъ*—онъ теперь никогда иначе не называлъ семейство Зонненкампа — такъ хорошо принятыми въ обществѣ. По его стараніямъ Роландъ получилъ во французской комедіи роль пажа при дворѣ Людовика XIV, которую первоначально должна была играть молоденькая графиня Оттерсвейеръ. Но она захворала корью и Роландъ ее замѣнилъ.

Для мальчика заказали роскошный костюмъ и онъ во снѣ и на яву только и бредилъ, что комедіей, да репетиціями.

Когда, послѣ первой репетиціи въ костюмахъ, Роландъ показался своимъ въ туго-натянутомъ бѣломъ шелковомъ трико, всѣ были невольно поражены его удивительной красотой. Церера пришла въ неописанный восторгъ и долго не могла успокоиться. Роландъ взглянулъ на Эриха, который стоялъ отвернувшись и печально смотрѣлъ въ сторону. Мальчикъ, не разъ слышавшій, какъ товарищи смѣялись надъ серьезнымъ видомъ Эриха, хотѣлъ-было упрекнуть его въ педантствѣ, но удержался и только проговорилъ:

— Вѣрь мнѣ, что я, немного погодя, снова примусь за ученіе и выучусь тогда всему, чему ты только пожелаешь. Но теперь, дай мнѣ повеселиться.

Эрихъ печально улыбнулся. Онъ чувствовалъ, что въ мальчикѣ произошла перемѣна къ худшему и въ тоже время сознавалъ свое безсиліе въ настоящемъ случаѣ что̀-нибудь для него сдѣлать. Видя, какъ безжалостно портили и вырывали то, что̀ онъ съ такой заботливостью сѣялъ и ростилъ, Эрихъ невольно впадалъ въ унынiе. Ему не разъ приходило на умъ навсегда разстаться съ этимъ домомъ и съ этими людьми и только надежда спасти Роланда отъ окончательной гибели еще удерживала его на трудномъ постѣ. Однако онъ счелъ своей обязанностью раскрыть Зонненкампу глаза на счетъ угрожавшей его сыну опасности. Но Зонненкампъ въ утѣшеніе отвѣчалъ ему, что американскіе юноши зрѣютъ гораздо ранѣе германскихъ. Въ возрастъ, когда послѣдніе еще сидятъ на школьной скамьѣ, первые уже достигаютъ полнаго развитія и вполнѣ умѣютъ справляться съ жизнью.

— Я боюсь, сказалъ Эрихъ, чтобъ Роландъ не утратилъ самой драгоцѣнной способности человѣка.

— Какой?

— Изъ самого себя извлекать всѣ радости и утѣшенія въ жизни.

— Вы хотите сдѣлать изъ моего сына ученаго, который самъ себѣ варитъ кофе.

— Я понимаю вашу шутку и надѣюсь, что вы, съ вашей стороны, понимаете настоящій смыслъ моихъ словъ. Я хочу только сказать, что, кто не умѣетъ находить счастья въ самомъ себѣ, тотъ не найдетъ его и въ цѣломъ мірѣ. Это пунктъ, на которомъ мы сходимся съ вѣрующими, хотя и понимаемъ его нѣсколько иначе, нежели они. Счастье человѣка, говорятъ они, заключается въ царствіи небесномъ, которое непремѣнно водворяется въ сердцѣ каждаго, кто того пожелаетъ. Въ противномъ случаѣ человѣкъ вѣчно остается въ зависимости отъ случая, и нигдѣ и ни въ чемъ не находитъ себѣ удовлетворенія.

Зонненкампъ только кивалъ головой, слушая, какъ этотъ человѣкъ съ спокойнымъ достоинствомъ излагалъ передъ нимъ свои убѣжденія. Мысли капитана, думалъ онъ, сильно отзываются самоотреченіемъ, которое проповѣдуетъ церковь. Онъ ихъ цѣликомъ беретъ оттуда и только приспособляетъ къ свѣтскимъ понятіямъ.

Время, которое Роландъ посвящалъ репетиціямъ французской комедіи, Эрихъ проводилъ въ собраніи учителей. Къ сожалѣнію, онъ и тамъ нашелъ своего рода аристократію: преподаватели высшихъ учебныхъ заведеній смотрѣли свысока на учителей элементарныхъ школъ и держались отъ нихъ въ сторонѣ. Многіе изъ нихъ встрѣтили Эриха какъ стараго знакомаго, помня его торжество на музыкальномъ праздникѣ, въ которомъ они почти всѣ участвовали. Здѣсь, въ столицѣ, у нихъ тоже существовало общество пѣнія и никогда Эрихъ не пѣлъ такъ хорошо, какъ въ присутствіи своихъ новыхъ друзей.

Онъ, кромѣ того, еще часто покидалъ блестящія собранія, чтобъ присутствовать при засѣданіяхъ ученаго общества педагоговъ. Въ такихъ случаяхъ ему обыкновенно казалось, будто онъ переносился на другую планету, — такъ мало нравы и обычаи людей, съ которыми онъ здѣсь встрѣчался, имѣли общаго съ привычками, господствовавшими въ большомъ свѣтѣ.

Серьезные, угрюмые на видъ педагоги важно разсуждали о способахъ, какими всего успѣшнѣе можно направить молодую душу къ добру. Слушая ихъ, Эрихъ съ горечью думалъ о томъ, какъ достаточно одного вечера, чтобъ разрушить всѣ мудрыя соображенія наставника и разомъ уничтожить все, надъ чѣмъ онъ такъ медленно и заботливо трудился.

Еслибъ человѣкъ всегда зналъ, что выйдетъ изъ его поступковъ, врядъ ли бы у него хватило мужества долѣе жить. Лучшая часть нашего нравственнаго бытія заключается въ нашемъ невѣдѣніи будущности и въ вѣрѣ, какую мы питаемъ въ полное осуществленіе нашихъ мыслей и стремленій.

Эрихъ не рѣдко разсказывалъ Зонненкампу о томъ, какъ онъ проводилъ время въ педагогическихъ собраніяхъ и о чемъ тамъ разсуждали ученые мужи. Зонненкампъ слушалъ его всегда внимательно и даже съ участіемъ. Ему въ другихъ людяхъ нравилось идеальное воззрѣніе на жизнь.

— Вы гораздо счастливѣе насъ, говорилъ онъ Эриху, прихлебывая изъ стакана старое бургонское.

Вечеромъ, наканунѣ представленія французской комедіи, Роландъ, по желанію отца и Пранкена, пригласилъ къ себѣ ужинать всѣхъ участвовавшихъ въ пьесѣ. Мужчины охотно приняли его приглашеніе, но изъ дамъ явилась только одна Белла.

Отведя Зонненкампа въ сторону, она ему сказала, что дамы только тогда рѣшатся посѣщать его домъ, когда въ немъ водворится профессорша Дорнэ, урожденная Бургольцъ. Белла даже самой себѣ не хотѣла сознаться, что боялась, возвратясь на дачу, прочесть въ глазахъ профессорши упрекъ. Мать Эриха такъ часто нападала на пустоту свѣтской жизни; пусть же она теперь наравнѣ съ ней, Беллой, окунется въ ея водоворотъ: тогда ни одной изъ нихъ не придется стыдиться передъ другой. Но кромѣ того графиня говорила правду, когда утверждала, что только присутствіе профессорши можетъ поставить домъ Зонненкампа на аристократическую ногу.

У Беллы еще хватило духу разсказать ему, какъ совѣтница, старавшаяся извлечь изъ него какъ можно болѣе выгодъ, жаловалась въ обществѣ на необходимость, ради близкаго сосѣдства, поддерживать съ нимъ дружескія отношенія.

Зонненкампъ чувствовалъ себя вдвойнѣ обиженнымъ, но съумѣлъ скрыть свою досаду. Любезная улыбка ни на минуту не сходила съ его лица.

Наконецъ насталъ вечеръ, назначенный для представленія французской комедіи, и пьеса была успѣшно розыграна. Всѣ были въ восторгѣ отъ необыкновенной красоты и развязной граціи Роланда. Онъ затмилъ всѣхъ, не исключая даже самой Беллы, которая въ этотъ вечеръ имѣла случай выказать все разнообразіе своего таланта, такъ какъ на ея долю выпала роль съ переодѣваньями.

Герцогиня позвала къ себѣ Роланда и долго съ нимъ говорила. Въ публикѣ видѣли, какъ она и мальчикъ въ теченіи разговора не разъ улыбались. Герцогъ самъ подошелъ къ Зонненкампу и его женѣ и поздравилъ ихъ съ тѣмъ, что они имѣютъ такого сына. Онъ между прочимъ спросилъ, скоро ли они намѣреваются опредѣлить Роланда въ корпусъ.

— Лишь только онъ получитъ имя, которымъ вашему высочеству угодно будетъ его наградить, отвѣчалъ Зонненкампъ.

Лицо герцога мгновенно омрачилось. Онъ поспѣшно кивнулъ головой и пошелъ далѣе.

Зонненкампъ съ трудомъ перевелъ духъ. Онъ чувствовалъ, что промахнулся, но взять сказанное назадъ — было невозможно, и ему ничего болѣе не оставалось, какъ, очертя голову, идти впередъ. Онъ съ вызывающимъ видомъ смотрѣлъ на двигавшуюся передъ нимъ блестящую толпу и съ злобой помышлялъ о томъ, какъ хорошо было бы подчинить ее себѣ съ тѣмъ, чтобъ послѣ выместить на ней всѣ свои неудачи.

Гнѣвъ его еще усилился, когда Пранкенъ пришелъ освѣдомиться, что̀ такое сказалъ онъ герцогу, который повидимому остался очень недоволенъ разговоромъ съ нимъ. Зонненкампъ, конечно, не счелъ нужнымъ разглашать о своей ошибкѣ.

Эрихъ съ глубокой грустью смотрѣлъ на все, что̀ передъ нимъ происходило. Онъ стоялъ, прислонясь къ колоннѣ, а рядомъ съ нимъ великолѣпная пальма печально опустила свои поблекшія листья. Эрихъ на нее взглянулъ: растеніе явно увядало въ душной атмосферѣ бальной залы, освѣщенной потокомъ газоваго свѣта. Его завтра отсюда возьмутъ и снова поставятъ тамъ, гдѣ ему хорошо и привольно, но врядъ ли оно когда-нибудь вполнѣ оправится. Всего вѣрнѣе пальма совсѣмъ погибнетъ. Неужели и съ Роландомъ будетъ тоже? Гдѣ ему посреди всего этого блеска, всѣхъ этихъ ласкъ и похвалъ, думать объ идеалахъ и стремиться къ высшей дѣятельности?

Воображеніе Эриха внезапно вызвало передъ нимъ образъ профессора Эйнзиделя и онъ съ улыбкой подумалъ, что̀ сказалъ бы почтенный ученый, еслибъ внезапно очутился здѣсь, въ этой роскошной залѣ, посреди этой нарядной толпы. Но самъ онъ, Эрихъ, развѣ не тоже самое ощущаетъ? Онъ въ сущности точно такой же профессоръ Эйнзидель. «Что̀ такое всѣ мы, люди мысли? думалъ молодой человѣкъ: — не болѣе, какъ зрители. Вонъ тутъ передъ тобой, говорилъ онъ самому себѣ, происходитъ погоня за наслажденіями. Отчего бы и тебѣ не принять въ ней участіе?» Сердце его болѣзненно сжалось, а на лицѣ выступила краска. Въ эту минуту къ нему подошелъ Роландъ и сказалъ:

— Похвалы другихъ меня не радуютъ, если ты меня не одобряешь.

Эрихъ протянулъ ему руку, а Роландъ продолжалъ:

— Герцогиня желаетъ, чтобъ я снялъ съ себя портретъ въ этомъ костюмѣ. Всѣ дамы пристаютъ ко мнѣ съ тѣмъ же, а

остальные актеры также хотятъ сдѣлать свои фотографіи. Неправда ли, какъ это хорошо?

— Да, впереди у тебя будетъ пріятное воспоминаніе.

— Впереди... Ахъ, пожалуйста, не говори о будущемъ! Сегодняшній день такъ прекрасенъ, что я ни о чемъ, кромѣ его, и думать не хочу. Еслибъ можно было не ложиться спать и не раздѣваться, а надолго, на сто лѣтъ остаться такимъ, какъ теперь!

Эрихъ видѣлъ, что мальчикъ былъ какъ въ чаду и счелъ за лучшее пока ему не противорѣчить.

Но его самого ожидало въ этотъ вечеръ нѣчто, его сильно смутившее.

Онъ видѣлъ, какъ Белла съ жаромъ о чемъ-то говорила съ бывшимъ командиромъ его полка, теперешнимъ военнымъ министромъ. Немного спустя, министръ очутился вблизи отъ Эриха. Молодой человѣкъ почтительно поклонился своему старому начальнику, который немедленно вступилъ съ нимъ въ разговоръ. Обмѣнявшись съ нимъ нѣсколькими незначительными словами, министръ вдругъ спросилъ у Эриха, не хочетъ ли онъ, съ поступленіемъ своего воспитанника въ кадетскій корпусъ, самъ занять тамъ какую-нибудь каѳедру.

Эрихъ поблагодарилъ, но не рѣшился немедленно дать отвѣтъ. Далѣе военный министръ спросилъ у него, позаботился ли онъ обезпечить себя на то время, когда окончитъ воспитаніе молодого американца, и не находитъ ли онъ, что его настоящее положеніе задерживаетъ его собственные успѣхи въ наукѣ. Всѣ, знавшіе его въ университетѣ, отзывались о немъ, какъ о молодомъ человѣкѣ, подающемъ блестящія надежды.

Эрихъ смутился. Неужели это правда, что онъ себя продалъ? но въ такомъ случаѣ, что̀ изъ него будетъ и что̀ станется съ его матерью, которую онъ увлекъ за собой и поставилъ въ ложное положеніе?

Разставшись съ министромъ, Эрихъ почувствовалъ на себѣ огненный взглядъ Беллы. Онъ подошелъ къ ней и выразилъ ей свою благодарность за ея лестный о себѣ отзывъ.

— Вы напрасно меня благодарите, сказала она. Мною при этомъ руководила ревность. Я желаю удалить васъ изъ дома Зонненкампа, пока въ него еще не вернулась очаровательная Манна.

Белла, казалось, была очень весела.

На слѣдующее утро Роландъ тайно приказалъ прикрѣпить къ своей одеждѣ новый голубой бантъ и отправился съ товарищами къ фотографу снимать свой портретъ. А Зонненкампъ,

распорядившись на счетъ разсылки пригласительныхъ билетовъ на большой праздникъ, который въ скоромъ времени намѣревался у себя дать, въ сопровожденіи одного только Лутца уѣхалъ на виллу Эдемъ.

ГЛАВА V.

ВСЕМОГУЩАЯ РУКА ВНЕЗАПНО ОКАЗЫВАЕТСЯ БЕЗСИЛЬНОЙ.

Профессорша сидѣла въ уютной, хорошо-натопленной комнатѣ у окна, тщательно защищеннаго отъ холода, внутри коврами и подушками, снаружи мохомъ. Передъ ней стояла швейная машина, колесо которой, вертясь, издавало только самый легкій, едва замѣтный шумъ. Съ рѣки доносился трескъ ударявшихся одна о другую льдинъ, которыя, сталкиваясь и раздробляясь, стремительно плыли внизъ по теченію.

Профессорша, по временамъ, оставляла работу и устремляла задумчивый взоръ на Рейнъ и на далекій ландшафтъ, гдѣ надъ деревьями струился легкій дымъ, выходившій изъ трубъ крестьянскихъ домиковъ. Ей теперь была хорошо знакома жизнь тамошнихъ обывателей.

Профессорша часто навѣщала бѣднѣйшихъ изъ поселянъ и всегда приносила имъ съ собой или помощь, или добрый совѣтъ. Въ этихъ посѣщеніяхъ ее обыкновенно сопровождали то фрейленъ Милькъ, то ловчій, но чаще всего Семиствольникъ, веселый нравъ котораго ей приходился особенно по сердцу. Поселяне, въ свою очередь, часто являлись въ виноградный домикъ, кто съ благодарностью, кто съ новой просьбой о помощи. Профессорша всегда всѣхъ ласково принимала и чувствовала себя несказанно счастливой отъ того, что могла дѣлать такъ много добра.

Не было у ней недостатка и въ другого рода, чисто умственныхъ радостяхъ. Она перечитывала любимыя книги своего мужа и замѣтки, которыя онъ дѣлалъ на поляхъ. Это оживляло въ ней память о покойномъ и она, такъ сказать, жила въ постоянномъ общеніи съ нимъ. Слова, написанныя мужемъ, она почти всегда читала вслухъ, частью для того, чтобы живѣе проникаться ихъ смысломъ, частью, чтобы заглушить въ себѣ мысли, которыя съ нѣкоторыхъ поръ ее неотступно преслѣдовали. Мысли эти относились къ Зонненкампу, къ его прошлому и настоящему образу жизни и въ особенности къ странному настроенію духа Манны. Ей стало теперь ясно, почему Манна, покидая роди-

тельскій домъ, сказала Роланду: «Я тоже Ифигенія». Сидя за своей машиной, профессорша декламировала стихи изъ драмы Гёте и мысленно старалась разрѣшить вопросъ, почему дѣти должны страдать за вину своихъ родителей?

Вдругъ она услышала шумъ колесъ, и минуту спустя передъ домикомъ остановилась карета. «Это вѣрно докторъ», подумала профессорша и осталась на мѣстѣ. Ей было хорошо извѣстно, что онъ не любилъ, когда она для него прерывала свои занятія. Но приближавшіеся шаги вовсе не походили на докторскіе и стукъ въ дверь былъ совсѣмъ иной, чѣмъ у него. Еще мгновеніе, и въ комнату вошелъ Зонненкампъ.

— Вы совсѣмъ однѣ? спросилъ онъ.

— Да.

Профессорша испугалась. Она еще не видала Зонненкампа послѣ того, какъ узнала о немъ тайну, которую ни за что въ мірѣ не рѣшилась бы ему повторить. Ей понадобилось все ея самообладаніе для того, чтобъ не дать ему ничего замѣтить и спокойно протянуть ему руку. Дотронувшись желѣзнаго кольца, которое онъ постоянно носилъ на большомъ пальцѣ, она вздрогнула, какъ отъ прикосновенія змѣи и въ ужасѣ взглянула на его руку. Широкая, пухлая, съ короткими, поросшими мясомъ ногтями, рука Зонненкампа, какъ двѣ капли воды, походила на руку Фарисея, который, въ знаменитой картинѣ Тиціана, показываетъ Спасителю монету съ изображеніемъ Цезаря. Фарисей держитъ монету между большимъ и указательнымъ пальцемъ, а рука его носитъ на себѣ отпечатокъ скупости, лжи и насилія. Въ умѣ профессорши съ быстротой молніи промелькнуло воспоминаніе о томъ, какъ она, во время своей свадебной поѣздки, вмѣстѣ съ мужемъ, стояла передъ этой картиной въ Дрезденской галлереѣ. Мужъ, закрывъ на минуту лица Христа и Фарисея, указалъ ей на руки, въ которыхъ съ такой поразительной отчетливостью выразился характеръ обѣихъ личностей.

Непривычное волненіе профессорши не ускользнуло отъ Зонненкампа, но онъ поспѣшилъ его отнести на счетъ своего неожиданнаго появленія.

— Я не разъ замѣчалъ, сказалъ онъ, что люди, живущіе преимущественно въ области мысли, и въ особенности женщины съ обширнымъ развитіемъ ума и сердца, вообще не любятъ неожиданностей. Прошу васъ, будьте такъ великодушны, и простите меня на этотъ разъ.

Профессорша съ изумленіемъ на него посмотрѣла. Возможно ли, чтобъ человѣкъ, съ такимъ прошлымъ какъ у Зонненкампа, былъ способенъ понимать такія тонкія движенія души и гово-

рить о нихъ съ такимъ чувствомъ и уваженіемъ? Она принуждена была сознаться, что онъ вѣрно угадалъ причину ея волненія, а затѣмъ освѣдомилась о цѣли его неожиданнаго пріѣзда на виллу. Она была въ недоумѣніи, принять ли этотъ визитъ на свой счетъ, или приписать его хозяйственнымъ соображеніямъ. Профессорша чувствовала, какъ не кстати былъ ея вопросъ, но не могла придумать ничего другого, болѣе подходящаго къ настоящему случаю.

— Мой пріѣздъ сюда имѣлъ въ виду васъ однѣхъ, сказалъ Зонненкампъ. Но теперь я почти сожалѣю, что нарушилъ ваше спокойствіе. Самъ я вырвался сюда изъ омута, гдѣ невольно начинаешь сомнѣваться въ возможности мирнаго существованія, подобнаго вашему. Мы въ столицѣ живемъ въ настоящемъ вихрѣ, счастливые тѣмъ, что еще можемъ спать.

— Мнѣ хорошо извѣстна эта шумная и веселая жизнь, съ улыбкой отвѣчала профессорша. Люди изъ нея постоянно стремятся къ тишинѣ и уединенію, но лишь только получатъ ихъ, тотчасъ же начинаютъ вздыхать по шуткамъ и смѣху, по блестящей толпѣ и разнообразнымъ удовольствіямъ.

Зонненкампъ, не медля ни минуты, прямо пошелъ къ своей цѣли. Онъ убѣдительно, почти униженно, просилъ профессоршу переселиться къ нему въ столицу для того, чтобъ сообщить его дому блескъ и достоинство, которые она одна можетъ ему доставить.

Профессорша выразила сожалѣніе, что должна отклонить отъ себя такое лестное предложеніе. Но она чувствуетъ, что навсегда утратила способность веселиться.

— Я до сихъ поръ думалъ, что у васъ свободный взглядъ на жизнь и что вы, напротивъ, считаете веселье однимъ изъ необходимѣйшихъ ея элементовъ.

— И вы не ошибались. Я ни чуть не склонна смотрѣть на жизнь съ мрачной точки зрѣнія и далека отъ того, чтобы считать міръ обширнымъ благотворительнымъ заведеніемъ, изъ котораго должна быть изгнана всякая веселость. Напротивъ, молодость, по моему мнѣнію, должна веселиться, танцовать и рѣзвиться. Мало того, я нахожу, что ей посреди шутокъ и смѣха даже вовсе не пристало думать о бѣдныхъ, терпящихъ стужу и голодъ. На все есть свое время и вы правы, полагая, что я люблю веселость. Да, я ее люблю и думаю, что въ ней одной заключается сила.

— Въ такомъ случаѣ, не отказывайте намъ въ вашемъ содѣйствіи, чтобъ мы могли потомъ успѣшнѣе заняться нашими меньшими и нуждающимися братьями.

Профессорша была возмущена до глубины души. Какъ могъ этотъ человѣкъ такимъ образомъ говорить? Неужели онъ надѣется, что она ему повѣритъ? Она почти съ ужасомъ смотрѣла на него и на его руки, на которыхъ какъ будто ожидала увидѣть слѣды крови. Не въ состояніи еще что̀-нибудь сказать, она только качала головой, приговаривая:

— Я не могу, вѣрьте мнѣ, что не могу.

— Въ такомъ случаѣ мнѣ больше ничего не остается, какъ открыть вамъ тайну моей жизни.

Профессорша обѣими руками ухватилась за швейную машинку. Что̀ онъ ей скажетъ, какую тайну откроетъ? Она молча кивнула головой и Зонненкампъ принялся ей доказывать, какъ необходимо для его жены, для Роланда и для Манны, чтобъ онъ получилъ дворянское достоинство. Профессорша не могла опомниться отъ удивленія. Какъ... этотъ человѣкъ... съ его прошлымъ?... Какая неслыханная дерзость! Въ ней вдругъ заговорила дворянская кровь Бургольцевъ.

Зонненкампъ съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдилъ за ней. Въ душѣ этой женщины происходило что̀-то такое, чего онъ не могъ понять. А она сидѣла передъ нимъ неподвижно, ни однимъ словомъ не выражая ни удивленія, ни благодарности за такое довѣріе.

— Отчего вы молчите? спросилъ онъ наконецъ.

Профессорша мгновенно опомнилась и откинувъ назадъ голову, сказала:

— А вамъ не жаль будетъ перемѣнить свое имя?

Зонненкампъ окинулъ ее быстрымъ взглядомъ, а она продолжала:

— Мнѣ, какъ женѣ, всегда казалось страннымъ носить другое имя, а не то, которое мнѣ принадлежало по праву рожденія.

— Извините меня, возразилъ Зонненкампъ: но вы мѣняли ваше имя на мѣщанское, а дворянское всегда легче усвоивается и носится съ большимъ удовольствіемъ.

Онъ удвоилъ просьбы, пустилъ въ ходъ самые убѣдительные доводы, упомянулъ о желаніи и совѣтѣ графини Беллы, но все напрасно. Профессорша оставалась непоколебима, говоря, что никто въ мірѣ, даже самые близкіе ея друзья никогда болѣе не заставятъ ее вернуться въ свѣтъ.

Зонненкампъ наконецъ прибѣгнулъ къ послѣднему средству. Онъ полагалъ, что упорство профессорши происходило исключительно отъ нежеланія показаться въ обществѣ въ качествѣ особы, зависящей отъ его милостей. «Дамъ ей, думалъ

онъ, средства къ самостоятельной жизни и тогда, безъ сомнѣнія, все пойдетъ какъ по маслу».

Онъ осторожно объявилъ ей, что считаетъ своей обязанностью немедленно вручить ей сумму, которая навсегда дала бы ей возможность жить особеннымъ домомъ. И съ этими словами онъ вынулъ изъ бокового кармана туго набитый бумажникъ.

— Прошу васъ, оставимъ это, сказала она, вся вспыхнувъ. Вы меня дурно поняли. Я не стыжусь никакого положенія и не считаю себя способной къ зависти. Сдѣлавъ въ жизни свободный выборъ, я разъ навсегда, безъ малѣйшей горечи, подчинилась всѣмъ послѣдствіямъ моего поступка. Я не произносила никакого обѣта, но прошу васъ смотрѣть, какъ на таковой, на мою рѣшимость отнынѣ жить вдали отъ свѣта. Вѣдь еслибъ ваша дочь исполнила свое намѣреніе и сдѣлалась монахиней, вы бы ее оставили въ покоѣ, — пожалуйста, поступите точно также и со мной. Мнѣ очень тяжело васъ объ этомъ просить, но вы не должны меня болѣе убѣждать. Повторяю вамъ: ничто въ мірѣ не заставитъ меня измѣнить моего рѣшенія.

Зонненкампъ едва владѣлъ собой. Кромѣ того, онъ былъ въ затрудненіи на счетъ бумажника, который ему приходилось опять спрятать въ карманъ. Онъ всталъ и, подойдя къ окну, устремилъ взоръ въ дальнее пространство; черезъ минуту онъ оправился и обратясь къ профессоршѣ, съ улыбкой сказалъ:

— Тамъ по рѣкѣ плывутъ льдины, остатки оковъ, отъ которыхъ мягкое вліяніе весны всегда освобождаетъ Рейнъ. Отчего бы и вамъ, многоуважаемый другъ мой, — не правда-ли, вы мнѣ позволите васъ такъ называть? — отчего бы и вамъ, говорю я, не допустить возможности, чтобы какое-нибудь непредвидѣнное обстоятельство... событіе... соображеніе измѣнили вашу рѣшимость? Никогда не слѣдуетъ связывать себя навсегда: кто можетъ поручиться за будущее.

— Вы меня простите, возразила профессорша, если я это назову измѣной противъ самой себя. У меня въ мірѣ только и осталось, что вѣра въ чистоту моихъ побужденій.

— Я вамъ удивляюсь и преклоняюсь передъ вами, сказалъ Зонненкампъ, надѣясь еще лестью одержать побѣду. Внутри его кипѣла злоба, но на губахъ играла пріятная улыбка. Когда же ему наконецъ сдѣлалось ясно, что рѣшимость профессорши ничѣмъ нельзя преодолѣть, Зонненкампъ мгновенно принялъ серьезное выраженіе лица. Въ глазахъ его виднѣлась трогательная

мольба, какъ будто онъ хотѣлъ, но не могъ сказать: «Я безъ тебя не знаю, гдѣ мнѣ искать спасенія».

Профессорша почувствовала къ нему сожалѣніе и желая хоть чѣмъ-нибудь смягчить свой отказъ, сказала:

— Позвольте мнѣ вамъ передать благодарность сотни людей, которыхъ вы согрѣли и накормили. Вы меня несказанно осчастливили, поручивъ мнѣ быть исполнительницей вашихъ добрыхъ дѣлъ, которыя, я надѣюсь, не замедлятъ обратиться вамъ въ неисчерпаемый источникъ радостей.

И она съ оживленіемъ начала ему передавать всѣ свои распоряженія. Въ словахъ ея звучала такая неподдѣльная искренность, а разсказы ея были такъ трогательны, что Зонненкампъ не могъ придти въ себя отъ изумленія и не нашелся ничего болѣе сказать, какъ только:

— Все это хорошо... очень хорошо... благодарю васъ.

Онъ еще разъ подалъ ей руку и вышелъ. Въ дверяхъ онъ столкнулся съ фрейленъ Милькъ, но едва обратилъ на нее вниманіе и продолжалъ свой путь.

Фрейленъ Милькъ застала профессоршу за страннымъ занятіемъ: она усердно терла себѣ руки, точно стараясь отмыть отъ нихъ грязь, которая къ нимъ пристала отъ прикосновенія Зонненкампа.

— Сказалъ ли онъ вамъ о своемъ намѣреніи сдѣлаться дворяниномъ? спросила фрейленъ Милькъ.

Профессорша въ изумленіи на нее посмотрѣла. Откуда это простая ключница собирала всѣ свои свѣдѣнія?

Фрейленъ Милькъ объяснила, что извѣстіе это было сюда занесено столичнымъ мясникомъ, который купилъ у ея сосѣда пару откормленныхъ быковъ.

Нечего сказать, странными путями часто выходятъ наружу тайны!

Б. Ауэрбахъ.

ПОСЛѢДНІЕ ГОДЫ
РѢЧИ ПОСПОЛИТОЙ

1787 — 1795.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

I *).

Сеймики 1790-го года.— Открытіе сейма съ двойнымъ числомъ пословъ. — Пьеса Нѣмцевича.— Возобновленіе дѣла о Гданскѣ и Торунѣ [1]).

Польскіе сеймики не могли вдругъ переродиться, и на этотъ разъ явились съ прежними нравами. Шляхта привыкла руководиться вліяніемъ сильныхъ пановъ. Обѣ партіи, и старая и новая, основывали на этомъ вліяніи свои надежды и старались овладѣть сеймиками посредствомъ извѣстныхъ пріемовъ; все зависѣло отъ того, какъ выскажется большинство сеймиковъ по поводу перемѣны въ правленіи и какихъ пословъ выберутъ для составленія Избы въ двойномъ числѣ. Булгаковъ работалъ черезъ своихъ агентовъ. Императрица писала къ нему: «какъ для отвращенія разныхъ вредныхъ новостей, такъ и для умноженія прилѣпляющихъ къ видамъ нашимъ нужно дѣйствовать по провинціямъ, но сіе надлежитъ производить вамъ подъ рукою черезъ посредство друзей вашихъ; для расходовъ въ подобномъ случаѣ потребныхъ назначено отъ меня въ распоряженіе ваше пятьде-

*) См. выше, февр. 685; мар. 154; апр. 618; май, 138; іюнь, 559—607 стр.

[1]) См. Источн. №№ 8, 15, 18, 21, 28, 35, 36, 76, 78, 81, 94, 118.

сять тысячъ червонцевъ, на которые кредитивъ при семъ вложенъ, включая въ то число и тѣ двадцать тысячъ червонцевъ, что вамъ отъ князя Григорія Александровича дозволено употребить и коихъ суммы вѣдомству его надлежащія возвратить слѣдуетъ. Имѣвъ опыты вашей бережливости въ казенныхъ издержкахъ, знаю, что вы оную въ полной мѣрѣ соблюсти не оставите». Булгаковъ довѣрялъ друзьямъ своимъ настроивать сеймики такъ, какъ нужно было Россіи, но замѣчалъ въ своихъ донесеніяхъ правительству, что число этихъ друзей пока не велико, но оно могло увеличиться, потому что много было боявшихся наслѣдственнаго правленія, котораго не хотѣла допустить въ Польшѣ Екатерина, и общіе интересы направляли ихъ къ сближенію съ Россіею. Булгаковъ заранѣе обнадеживалъ такихъ поляковъ помощью Россіи въ случаѣ надобности. «Я не отрекусь — писала государыня — по востребованію нашихъ пріятелей дать такое ручательство, которое вѣрнымъ образомъ обезпечило бы ихъ бытіе, цѣлость владѣній и свободу учреждать ихъ внутреннія дѣла.» Полезнѣйшимъ для Россіи изъ друзей ея былъ гетманъ Браницкій и не даромъ Екатерина щадила его и прощала ему буйныя выходки въ прошлое время, разсчитывая, что онъ со временемъ пригодится ея видамъ. Теперь онъ пригодился. Ему не нужно было давать денегъ: онъ и такъ былъ богатъ по милости Россіи; онъ сорилъ своими деньгами для ея пользы, разослалъ на сеймики своихъ агентовъ волновать шляхту противъ прусской партіи и противъ наслѣдственности. Его жена и сестра, Сапѣга, по замѣчанію Булгакова, много помогали въ этомъ дѣлѣ, несмотря на то, что сынъ послѣдней былъ на враждебной сторонѣ. Тогда Россія боялась болѣе всего замысловъ Пруссіи и Булгаковъ старался главное о томъ, чтобы не выбрали преемникомъ Станиславу Августу прусскаго принца и не утвердили наслѣдственности въ прусскомъ домѣ. Избраніе саксонскаго князя-избирателя не считали дѣломъ опаснымъ: знали, что этотъ кандидатъ не рѣшится идти противъ сильныхъ сосѣдей.

Есть современный разсказъ одного изъ дѣятелей сейма (Михаила Чацкаго), дающій понятіе о томъ, что̀ такое были въ то время сеймики. Этотъ посолъ пріѣхалъ въ свой край, откуда былъ выбранъ, чтобъ настраивать сеймикъ въ пользу саксонскаго князя-избирателя и, если можно, въ пользу признанія за нимъ наслѣдственности. Онъ узналъ, что партія Браницкаго уже обработала шляхту по-своему и успѣла настроить ее противъ нововведенія до того, что паны братья выходили изъ себя и грозили изрубить саблями всякаго, кто осмѣлится говорить за нарушеніе старинныхъ правъ шляхты избирать себѣ королей. Каза-

лось, патріоту трудно было тутъ что-нибудь подѣлать. Но ему на помощь подоспѣла нѣкая госпожа Цѣшковская. «Васъ не пустятъ въ сеймовую Избу—сказала она ему—одѣньтесь лакеемъ и станьте на запяткахъ за моею каретою. Мы проѣдемъ такимъ образомъ въ городъ». Посолъ сдѣлалъ такъ, какъ ему совѣтывали: одѣлся въ ливрею, взялъ подъ мышку воеводскій мундиръ и сталъ на запятки. Шляхта партіи Браницкаго стояла у моста при въѣздѣ въ городъ и не пропускала тѣхъ, о которыхъ знала, что они думаютъ не такъ, какъ ея патронъ. Карета счастливо проѣхала посреди этой толпы, стоявшей съ обнаженными палашами на страхъ всякому противнику. Карета завернула къ знакомому обывателю. Тутъ Чацкій проворно сбросилъ съ себя ливрею, надѣлъ воеводскій мундиръ и вскочилъ въ сеймовую Избу. Собравшаяся тамъ шляхта, увидя его зашипѣла, закричала. «А, это онъ! зачѣмъ онъ здѣсь! Онъ хочетъ намъ глаза замыливать! къ чорту съ его электоромъ! Какъ можетъ пропасть liberum veto—зѣница шляхетской вольницы».—«Братья шляхта! я прошу голоса! сказалъ смѣлый посолъ.»—«Нѣтъ согласія! Нѣтъ согласія!» кричали со всѣхъ сторонъ.—«Уваженіе къ праву», сказалъ Чацкій.—Это вдругъ заставило шляхту опомниться; если не дать голоса одному изъ своей среды, особенно уже избранному послу, тогда значитъ и каждому шляхтичу могутъ также зажать ротъ. Шляхта считала своимъ важнымъ преимуществомъ то, что всякій изъ ея сословія имѣетъ право свободнаго голоса посреди своихъ собратій по сословію. Собраніе замолчало. Посолъ началъ изображать несчастныя послѣдствія мнимой вольности избранія королей, приводилъ разные печальные примѣры изъ исторіи. Шляхта, предубѣжденная заранѣе противъ всѣхъ такихъ доводовъ, теряла терпѣніе; ей, наконецъ, надоѣло слушать оратора; взрывъ криковъ и шиканье прервали его. Казалось все пропало. Вдругъ Чацкому пришла счастливая мысль: «Милѣйшіе братья! сказалъ онъ—вспомните, какъ за покойнаго Саса (короля изъ саксонскаго дома) отцы наши спускали *паса*» (отпускали поясъ, т. е. отжирѣли). То была тогда всѣмъ знакомая пословица. На этотъ разъ она была произнесена донельзя кстати; она понравилась шляхтѣ больше чѣмъ всѣ доводы посла; раздались крики: «да здравствуетъ саксонскій электоръ! Да здравствуетъ будущій король польскій!» пользуясь счастливою минутою, посолъ достаетъ изъ кармана заранѣе изготовленный актъ единогласнаго согласія на введеніе наслѣдственнаго правленія въ саксонскомъ домѣ и подаетъ къ подписи. Дѣло повернулось такъ неожиданно. «Вотъ—замѣтилъ Чацкій на какихъ собраніяхъ почіетъ всевластіе народа!»—Въ этомъ событіи, какъ будто выразилась типически вся польская исторія. Достаточно этого при-

мѣра, чтобъ видѣть, какъ мало можно было по мнѣніямъ сеймиковъ заключить о волѣ націи и какъ трудно узнать, въ чемъ состояла воля націи.

Въ брацлавскомъ и волынскомъ воеводствахъ Щенсный Потоцкій и Ржевускій имѣли вліяніе. Тамъ поднялись яростные крики за старинныя права шляхетской вольности, за избирательное правленіе и liberum veto. Повсюду сеймики были бурны. Въ Цѣхановѣ и Добржинѣ во время засѣданій происходили смертоубійства. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ увлекались до того, что опрокидывали алтари въ церкви, когда приходилось присягать новоизбраннымъ посламъ. Браницкій увѣрялъ короля, что не станетъ вовсе мѣшаться въ сеймики, а между тѣмъ его подручники въ разныхъ мѣстахъ работали, чтобъ не допускать перемѣнъ, неугодныхъ Россіи. Также ревностно трудилась, по наказу Булгакова, мать Казимира-Нестора Сапѣги и истощала свое обычное искусство, чтобы повредить дѣлу, за которое такъ отличался въ Избѣ ея сынъ. Адамъ Чарторыскій, по извѣстію Булгакова, истратилъ двадцать тысячъ червонцевъ на подготовку шляхты къ наслѣдственному правленію и къ уничтоженію liberum veto, но мало успѣлъ въ Люблинѣ, гдѣ у него, однако, была партія. Впослѣдствіи поляки увѣряли, будто въ то время большинство сеймиковъ высказывалось за наслѣдство и за реформы, но современныя извѣстія показываютъ не то. По единогласнымъ извѣстіямъ англійскаго посланника Гэльса, русскаго Булгакова и сеймоваго посла Сухоржевскаго только пять сеймиковъ соглашались тогда на введеніе наслѣдственнаго правленія. Король въ письмахъ своихъ къ Букатому въ Лондонъ и къ Малаховскому (племяннику маршала) въ Дрезденъ называетъ три коронные сеймика: краковскій, плоцкій и кіевскій, которые сказались за наслѣдство. Остальные два были литовскіе. Зато многіе выразительно объявили свое желаніе держаться старины и поручили своимъ посламъ наблюдать, чтобъ свято сохранялась зѣница шляхетской вольности—избирательное правленіе. Всѣ сеймики однако, исключая волынскаго, согласились на избраніе преемника Станиславу Августу въ особѣ саксонскаго князя-избирателя, Фридриха Августа. Задушевная мысль Игнатія Потоцкаго о соединеніи Польши съ Пруссіею подъ единою короною не могла быть оглашена на сеймикахъ. Поляки, жившіе въ своихъ воеводствахъ и повѣтахъ, были такъ мало подготовлены къ тому, что замышлялось въ варшавскихъ кружкахъ, что за подобное заявленіе можно было заплатить головою. Какъ тогдашнее настроеніе шляхетскаго общества было далеко отъ преобразовательныхъ затѣй, которымъ предавались въ Варшавѣ, можно видѣть изъ того,

что на многихъ сеймикахъ разомъ раздались желанія о возстановленіи іезуитовъ. Почти во всѣхъ инструкціяхъ были выходки противъ принятой системы воспитанія, нападали на эдукаціонную коммиссію, заявляли мысль, что надобно ее уничтожить, возвратить въ казну фонды, обращенные на воспитаніе и самое воспитаніе юношества отдать снова въ руки монахамъ. Къ этому располагали шляхетство монахи, которые тогда боялись, чтобъ свободомысліе не стало господствовать въ Польшѣ въ такой степени, какъ во Франціи, и не рѣшились бы закрыть монастыри. Ксендзъ Лускина, передъ началомъ сеймиковъ, помѣстилъ въ варшавской газетѣ соображенія о томъ, что польскіе эксъ-іезуиты примутъ на себя даровое обученіе. Въ подобномъ духѣ говорили бернардины и францисканы и внушали шляхетству опасеніе, что если воспитаніе не возвратится въ руки монаховъ, то охладится религія, распространится зловредное безбожіе. Отцы боялись за дѣтей, за спасеніе ихъ душъ. Прежній способъ обученія у монаховъ имъ казался привлекательнѣе и достойнѣе шляхетнаго званія; они сами, такимъ образомъ, были воспитаны въ свое время.

Новые послы собрались къ назначенному времени. Сеймъ открылся въ удвоенномъ числѣ. Всѣхъ участвовавшихъ, съ сенаторами, по комплекту должно было находиться болѣе 500 человѣкъ. Въ первыхъ дняхъ стало замѣтно склоненіе на сторону Россіи. Тогда многихъ раздражило требованіе Пруссіи объ уступкѣ городовъ и потому они были недовольны Пруссіею, а уступчивость Россіи, оказанная въ послѣднее время, побуждала ихъ вѣрить, что теперь Россія оставила свои прежніе виды на подчиненіе Польши. Большинство новыхъ пословъ было противъ наслѣдственнаго правленія: оно не сходилось съ ихъ завѣтными понятіями о свободѣ; писанія Ржевускаго имъ болѣе приходились по вкусу, чѣмъ доводы прогрессистовъ. Это обстоятельство сближало ихъ на ту пору съ Россіею, о которой знали, что она не хочетъ наслѣдственнаго правленія въ Польшѣ и благопріятствуетъ старошляхетской свободѣ. Притомъ же и между новыми послами, какъ и между старыми, очень много было падкихъ на чужое золото, готовыхъ успокоивать свою совѣсть тѣмъ, что если берутъ деньги, то отъ друзей ихъ отечества и, служа имъ, не дѣлаютъ ничего вреднаго отечеству. «Прежде—писалъ Булгаковъ тотчасъ по открытіи сейма—нужны были деньги для настроенія сеймиковъ; теперь сеймики окончились; полезно употреблять эти деньги для пословъ, коихъ надобно будетъ обращать на истинный путь, а можетъ быть иныхъ и содержать.» Многіе изъ этихъ пословъ, взявши подачку, только тѣмъ и отслуживали ее, что не ходили въ Избу вовсе и, если не помогали, то не мѣшали. Значитель-

ное число тогдашнихъ пословъ содержалъ Браницкій у себя въ домѣ; онъ же ихъ и на сеймикахъ выбралъ; нѣкоторые изъ тѣхъ, которыхъ онъ выбралъ, стали, однако, дѣйствовать противъ него впослѣдствіи.

Изъ донесеній Булгакова видно, однако, что русскій посланникъ не очень былъ расточителенъ, какъ говорили о немъ иностранцы. «Нечего бросать деньги въ воду», выражался онъ и не истрачивалъ того, что̀ государыня ассигновала на раздачу за услуги Россіи. Въ самомъ дѣлѣ, было неблагоразумно платить деньги за то, что̀ и безъ денегъ достигалось [1]. На польское расположеніе, какъ и на польскую вражду въ то время нельзя было разсчитывать. Нѣсколько мѣсяцевъ назадъ было страшное озлобленіе противъ Россіи и склоненіе къ Пруссіи, теперь уже недовольны были Пруссіею и склонялись къ Россіи. Прусскій уполномоченный, замѣнившій временно Люккезини, въ 1790 году, писалъ въ это время къ Герцбергу, что тотчасъ, послѣ удвоенія сеймовой Избы, послы казались расположенными болѣе къ Россіи, чѣмъ къ Пруссіи. «Сходство характеровъ,—писалъ онъ—единство происхожденія, близость языковъ, воспитанія нравовъ и интересовъ и даже самая религія внушаетъ полякамъ болѣе довѣрія къ русскимъ, чѣмъ къ пруссакамъ. Послѣдніе для нихъ—всегда ненавистные нѣмцы», но какое-нибудь непредвидѣнное обстоятельство могло вдругъ отвратить умы и сердца отъ Россіи, что́ и сдѣлалось очень скоро. Убѣжденія и симпатіи поляковъ быстро и легко мѣнялись, особенно тамъ, гдѣ имъ недоставало ни основательнаго знанія вещей, ни навыка. Англійскій посланникъ такъ очертилъ новыхъ пословъ: «Многіе изъ нихъ проводили время въ деревенскихъ занятіяхъ; теперь они брошены на необычное для нихъ поле политики. Вслѣдствіе крайняго невѣжества въ дѣлахъ, между ними господствуетъ взаимное недовѣріе, подозрительность и крайняя безтолковщина. Иностранный министръ, имѣющій здѣсь дѣла, долженъ толковать съ тремя или четырьмя стами особъ, которые не имѣютъ ни малѣйшаго понятія о состояніи своей собственной страны и объ интересахъ чужихъ краевъ».

Завзятые сторонники Пруссіи стали кричать, что значитель-

---

[1]) Кромѣ разныхъ одновременныхъ подачекъ, въ концѣ 1790 г. Булгаковъ выдалъ полковнику Островскому за полгода 60 черв., королевскому секретарю Фризу, за сообщеніе секретныхъ свѣдѣній, 90 черв., совѣтнику двора Юзофовичу 100 черв. въ треть, гнѣзненскому каштеляну Мястковскому 200 черв., за полгода, г-жѣ Гумецкой 600 черв. за полгода, Боскампу 500 черв. за полгода, Захаркевичу, регенту брестскаго куявскаго суда 280 черв. за сообщеніе разныхъ бумагъ и за сочиненіе брошюры противъ наслѣдственности.

ная часть новыхъ пословъ подкуплена Россіею. Казимиръ-Несторъ Сапѣга подалъ проектъ, чтобъ члены сейма произнесли присягу въ томъ, что не брали и не будутъ брать пенсіоновъ отъ иностранныхъ дворовъ. Послы равскаго и брестъ-литовскаго воеводствъ поддерживали его. Но ему возражали: «это недостойно представителей свободной націи, которая должна понимать свои обязанности на основаніи чувства чести, а не по присягѣ. Развѣ страшнѣе нарушить присягу, чѣмъ употребить во зло довѣріе своихъ избирателей? Есть обязанности не для всѣхъ общія, обязанности служебныя: тамъ понятна присяга. Человѣкъ принимаетъ ихъ на себя и долженъ исполнять ихъ столько, сколько требуетъ долгъ, сопряженный съ ихъ принятіемъ; но есть обязанности общія для всѣхъ и для всѣхъ неизбѣжныя, напр., почитать родителей, не красть и т. д. Можно ли кого-нибудь приводить къ присягѣ въ исполненіи такихъ обязанностей? Это имѣло бы такой смыслъ, что безъ присяги можно дѣлать то, чего нельзя дѣлать давши присягу». Король присталъ къ противникамъ Сапѣги. Проектъ былъ отвергнутъ большинствомъ 130 противъ 109. Но потомъ поданъ былъ проектъ о томъ, чтобъ тотъ, кто впредь будетъ брать пенсіоны отъ иностранныхъ дворовъ, подвергался смертной казни. Если проектъ о присягѣ можно было отстранить благовидными соображеніями, то проекта о назначеніи смертной казни за взятіе пенсіоновъ невозможно было недопустить. Онъ обратился въ законъ. Виновный подвергался смертной казни, доноситель награждался восьмою частію его имущества, но подвергался той же казни, если бы доносъ оказался ложнымъ. Этому осужденію не подпадали тѣ, которые отъ иностранныхъ державъ получали пенсіоны за нахожденіе въ службѣ въ этихъ державахъ или же въ видѣ вознагражденія за доходы въ тѣхъ частяхъ Польши, которыя отошли отъ ней по первому раздѣлу. Это было первое торжество прогрессивнаго направленія въ удвоенной Избѣ. Наступило другое.

Консерваторы стали жаловаться на то, что въ печати появляются статьи предосудительныя для чести нѣкоторыхъ особъ и подняли вопросъ о томъ: можно ли редактору газеты подъ названіемъ «Gazeta narodova y obca» дозволить печатать рѣчи, произнесенныя на сеймѣ? Примѣръ Франціи оказывалъ вліяніе на умы и въ подражаніе французской гласности вопросъ рѣшенъ утвердительно.

Въ январѣ 1791 года, въ Избѣ стали толковать: съ чего слѣдуетъ начать разсмотрѣніе проекта новой конституціи: съ правъ кардинальныхъ или съ формъ правленія по частямъ, отдѣльно. Шляхетская партія, трепетавшая за избирательное прав-

леніе и liberum veto, стояла въ этомъ случаѣ за кардинальныя права, и желала, чтобы прежде всего провозглашены были эти два основанія старошляхетской свободы, и далѣе не было бы мѣста толкамъ объ ихъ измѣненіяхъ. Противники доказывали, что прежде всего нужно устроить порядокъ и опредѣлить значеніе сеймиковъ, какъ главнаго рычага законодательства: кардинальныя же права сами собою уяснятся и опредѣлятся, когда будетъ установлена форма правленія. Доказательства патріотовъ взяли верхъ; большинствомъ 174 противъ 89-ти рѣшено было начинать разсмотрѣніе проекта конституціи съ вопроса о сеймикахъ, а не съ вопроса о кардинальныхъ правахъ. Прогрессивная партія еще разъ вышла съ побѣдою. Тоже было и 19-го января по поводу новой комедіи Нѣмцевича, подъ названіемъ «Возвращеніе посла».

Комедія эта съиграна была въ первый разъ 15-го января. Она была написана именно съ цѣлію возбудить въ публикѣ наклонность къ реформамъ и къ уничтоженію liberum veto. Авторъ вывелъ на сцену два типа своего времени: старосту — сторонника старошляхетской рутины и пана Шарманскаго, пустого щеголя, любителя забавъ и амурныхъ дѣлъ. Въ уровнѣ съ послѣднимъ поставлена жена старосты, отгулявшая кокетка, со всею пустотою, легкомысліемъ и безнравственностію модной барыни такого разряда. Имъ всѣмъ въ противоположность выведенъ честный и умный старикъ подкоморій съ доброю супругою, и ихъ сынъ Валерій, посолъ на сеймѣ. Драматизмъ пьесы состоитъ въ томъ, что пріѣхавшій во время лимиты сейма домой посолъ хочетъ жениться на дочери старосты, отъ перваго брака, Терезѣ. Мачиха этому препятствуетъ и хочетъ выдать падчерицу за Шарманскаго; но такъ какъ староста скупъ, а Шарманскій, истасканный женолюбецъ, думаетъ только о приданомъ, то дѣло не клеится и устраивается желанный бракъ Валерія съ Терезою. Содержаніе пьесы бѣдно, но она замѣчательна по современнымъ идеямъ и намекамъ на пороки и предразсудки тогдашняго общества. Староста — представитель тѣхъ началъ, съ которыми приходилось бороться въ Избѣ прогрессивной партіи. «Богъ знаетъ — говоритъ въ пьесѣ это лицо — что̀ это сеймъ выдѣлываетъ? къ чему это правленіе, къ чему эти перемѣны? Развѣ намъ плохо было до сихъ поръ. Развѣ предки наши были безъ ума? Развѣ мы не были сильны подъ ихъ уставами? развѣ мы не благоденствовали при Августахъ? Какой былъ дворъ! Какіе трибуналы! Человѣкъ — ѣлъ, пилъ, ничего не дѣлалъ и карманы его были полны. Теперь все измѣняется, все портится; злодѣи посягаютъ на liberum veto — зѣницу шляхетской свободы. А прежде, безъ всякихъ интригъ, безъ всякой измѣны, каждый

могъ прервать ходъ сейма, каждый держалъ въ рукахъ судьбу отечества. А кому отъ этого было дурно? Напротивъ: можно было за это достать нѣсколько деревенекъ. А теперь достанешь? Какъ бы не такъ. Новомодныя головы выдумываютъ какую-то стражу, какой-то готовый сеймъ. Это чисто поле для деспотизма». Бесѣдуя съ подкоморіемъ о наслѣдственности королевскаго достоинства, староста сказалъ: «Никому не совѣтую заикаться объ этомъ. Я самъ былъ свидѣтелемъ ужасныхъ приключеній. Когда я былъ въ трибуналѣ въ Радомѣ, одинъ молодецъ вздумалъ пощеголять своимъ просвѣщеніемъ и началъ говорить противъ вольнаго избиранія королей; мы тогда выходили изъ-за стола и бросились на него съ саблями. Насъ было много. Онъ чуть живъ остался, получивъ ударовъ пятнадцать по головѣ, и потомъ жидъ цирюльникъ сшивалъ ему шелкомъ оба уха. Послѣ того уже онъ не совался съ этимъ.» —Хорошъ способъ убѣжденія! сказалъ подкоморій.— «А зачѣмъ же имѣть такія глупыя понятія—сказалъ староста—и желать повергнуть народъ въ рабство посредствомъ наслѣдственнаго правленія. Кому польза отъ наслѣдственнаго правленія? Король сегодня умретъ, а завтра сынъ его вступитъ на престолъ, и все останется спокойно, какъ прежде бывало. Въ элекцію же каждый стоитъ за своего претендента, всѣ садятся на коней; паны составляютъ партіи. Одинъ панъ говоритъ мнѣ: будь со мною, любезный панъ Петръ. Я тебѣ дамъ въ державу деревню. Другой же панъ проситъ, чтобъ я съ нимъ былъ и даетъ мнѣ имѣніе въ заставу. Третій предлагаетъ мнѣ денежную сумму. И вотъ человѣкъ такимъ образомъ разживается. Правда, доходило, бывало, и до волосотрепки: такъ было по смерти Августа II; одни за саксонскаго принца, другіе за Лещинскаго, и жгутъ одни другимъ села. Да чтожъ тутъ за бѣда! Придетъ иностранное войско и все усмиритъ, а потомъ амнистія, и тутъ панамъ булавы раздаютъ и должности, а шляхтѣ войтовство, обѣщанія, ласки»...

Подкоморій, защищая дѣйствовавшій сеймъ, говоритъ:

«Чернить сеймъ вошло уже въ обычай. Онъ не сдѣлалъ столько, сколько могъ бы сдѣлать — это уже всѣмъ извѣстно; но примите во вниманіе множество затрудненій и тогда надобно будетъ благодарить его за то, что̀ имъ сдѣлано. Мы уже болѣе не подчиняемся чуждому владычеству, какъ было года два тому назадъ. Мы были слабы, угнетены, несогласны между собою; иностранцы насъ не знали или не хотѣли знать; теперь же возвращены народу его слава и уваженіе, обыватель съ радостію платитъ подати, свободный союзъ возвратилъ намъ честь; теперь у насъ есть союзникъ, а прежде былъ надъ нами владыка;

возрастаетъ наше войско, исполненное благородной отваги: посмотрите на эти почтенные ряды юношества въ вооруженіи; казна наша пополняется золотомъ, арсеналъ орудіями, для Польши наступаютъ блистательныя времена». Подкоморій въ концѣ пьесы произноситъ такія слова: «настоящій день для меня священъ и радостенъ. Пусть онъ ознаменуется счастіемъ тѣхъ, которые насъ кормятъ трудомъ своимъ — честныхъ земледѣльцевъ; съ настоящаго дня прекращается у меня ихъ зависимость. Я объявляю свободу всѣмъ моимъ крестьянамъ.» Эти послѣднія слова были воззваніемъ къ дворянству, напоминавшимъ, что пора пришла послѣдовать такому совѣту, внушаемому духомъ времени.

Пьеса была встрѣчена съ восторгомъ. Похвалы сейму и королю вызвали овацію въ честь короля, который находился при представленіи и кланялся изъ ложи народу. На другой день представленіе повторили: когда вошелъ въ ложу маршалъ Малаховскій — раздались продолжительныя рукоплесканія и крики, выражавшіе уваженіе къ его особѣ и признательность за труды. Рѣдки бывали случаи, чтобъ театральная пьеса имѣла такое громадное вліяніе на умы общества, какъ эта. Она сразу перемѣнила многихъ, настроила иначе и обратила помыслы къ прогрессивной сторонѣ. Замѣтно было, что именно съ появленія этой пьесы опять начали ругать москаля, относиться дружелюбнѣе къ Пруссіи и думать высоко о своихъ подвигахъ; распространилась увѣренность, что Польша поправилась и усилилась. Пьеса эта сдѣлала больше, чѣмъ многія рѣчи и убѣжденія. За то упрямые консерваторы съ самаго появленія этой пьесы возненавидѣли ее отъ всей души и Сухоржевскій, въ засѣданіи 18 января, выступилъ противъ нея съ грозною рѣчью. Говорятъ, что тогда нѣкоторые члены сейма подстрекнули его на эту выходку смѣха ради: «я обвиняю автора — говорилъ онъ — за то, что онъ унизилъ и осмѣялъ народное право свободнаго выбора королей и восхвалилъ наслѣдственность престола, т. е. кандалы для всѣхъ насъ. Зачѣмъ тогда, когда расхищали нашъ край, не возбуждали насъ на театрѣ къ защитѣ отечества, къ возрожденію старопольскаго мужества, зачѣмъ не играли тогда комедіи «Мать Спартанка» или другой пьесы «Единственный сынъ»? Когда я поѣхалъ въ Пулавы на спектакль, надо мной смѣялись. Теперь же, когда играется комедія, въ которой восхваляется наслѣдственность правленія, кричатъ: «браво, авторъ!» Обращаюсь къ тебѣ, публика: въ оное тяжелое время, когда капуцинъ говорилъ съ амвона: защищайте отечество, его стащили и посадили въ тюрьму. Зачѣмъ, публика, ты тогда не кричала: браво, проповѣдникъ! а теперь ты кри-

чишь: браво, авторъ! сама суди, публика, справедливъ ли я? Предлагаю огласить врагомъ отечества всякаго, кто станетъ говорить или писать за наслѣдственное правленіе и прошу господъ маршаловъ созвать сеймовыхъ судей для суда надъ авторомъ комедіи: «Возвращеніе посла».

Никто не отозвался одобрительно на эту рѣчь. Не поддержали Сухоржевскаго думавшіе съ нимъ одинаково. Многіе зажимали себѣ ротъ отъ смѣха. Потомъ заявлены были просьбы къ маршалу обратить совѣщанія Избы къ другимъ дѣламъ. Неудача Сухоржевскаго придала бодрости противной сторонѣ.

22-го февраля удалось литовскому послу Кицинскому провести законъ объ отмѣнѣ постановленія 1768 года, по которому всѣ статьи, слѣдуемыя ко введенію въ законодательство, непремѣнно должны были обсуждаться не иначе, какъ въ полномъ собраніи, а не въ коммиссіяхъ: отъ этого сеймъ занимался мелочами. Сверхъ того, для порядка занятій установили, чтобъ одну недѣлю сеймъ занимался устройствомъ формы правленія, а другую посвящалъ дѣламъ финансовымъ, военнымъ и воспитательнымъ. Съ этихъ поръ, въ назначенныя по этому правилу недѣли, сеймъ принялся за разсмотрѣніе проекта о сеймикахъ.

Пруссія опять начала работать надъ своимъ дѣломъ; прусская дипломатія соперничала въ Варшавѣ съ русскою. Въ пользу Пруссіи распущена была брошюра на французскомъ языкѣ: Mémoire sur les affaires actuelles de la Pologne. Она, какъ говорили, написана была Гэльсомъ. Противники, по наущенію Булгакова, тотчасъ распустили другую брошюру: Examen d'une brochure intitulée mémoire etc. и тамъ доказывали, что полякамъ никакъ не слѣдуетъ отдавать Пруссіи городовъ, особенно приморскихъ. Игнатій Потоцкій всячески старался склонить соотечественниковъ на такую уступку; онъ былъ твердо убѣжденъ и убѣждалъ другихъ, что у Польши былъ только одинъ надежный союзникъ—прусскій король и его надобно во что́ бы то ни стало задобрить. «Медлить намъ не слѣдуетъ — говорилъ онъ — теперь Польша отъ Россіи уже безопасна, Россія занята войною съ Турціей и поэтому находится въ недружелюбныхъ отношеніяхъ съ европейскими державами, намъ нужно этимъ пользоваться». Люккезини былъ въ Турціи; въ Польшу доходили слухи, что этотъ другъ ея старается о водвореніи мира между Россіею и Турціею, а это было противно видамъ прогрессивной партіи. Можно было предвидѣть, что когда Россія помирится съ Турціею, то на Пруссію плоха будетъ надежда, если только Польша не удовлетворитъ ея желанію заранѣе. Такъ разсчитывалъ Игнатій Потоцкій. Прежде онъ былъ закоренѣлый врагъ Станислава

Августа, теперь отношенія ихъ измѣнились. Игнатій поддѣлался къ пани Грабовской, а король всегда поддавался вліянію тѣхъ женщинъ, которыми былъ увлеченъ. Былъ у Игнатія еще другой путь сближенія со Станиславомъ Августомъ: у послѣдняго въ милости былъ итальянецъ аббатъ Пьятоли, проповѣдникъ новыхъ идей свободы и равенства, вольнодумецъ, другъ человѣчества. Король очень полюбилъ его: итальянецъ плѣнялъ его своимъ живымъ нравомъ и остроуміемъ. Съ нимъ подружился Игнатій и они оба направляли чувства и убѣжденія короля. Это было для нихъ тѣмъ удобнѣе, что они, внушая ему свои мысли и предположенія, въ то же время держались такъ, что королю казалось, будто все отъ него исходитъ, будто онъ имѣетъ на нихъ вліяніе, а не они на него. Вмѣстѣ съ королемъ, до извѣстной степени сблизились съ Игнатіемъ и Пьятоли люди королевской партіи. Дѣйствуя въ то же время на кружокъ пословъ прогрессистовъ, Игнатій разсчитывалъ, что силой своего краснорѣчія ему удастся склонить сеймъ къ отдачѣ городовъ; онъ находилъ нужнымъ заранѣе расположить къ Польшѣ прусскаго короля и поселить въ немъ увѣренность, что поляки исполнятъ его желаніе. На посланника Рѣчи-Посполитой въ Берлинѣ, князя Яблоновскаго, Игнатій не смѣлъ положиться; Яблоновскій былъ тогда влюбленъ въ Стецкую, дочь сѣрадскаго воеводы Валевскаго, который былъ сторонникъ Браницкаго. Этого казалось довольно, чтобъ заподозрить искренность Яблоновскаго. Потоцкій выбралъ для своей цѣли пана Морскаго и поручилъ ему, отправившись въ Берлинъ, довести до свѣдѣнія прусскаго короля, что несмотря на нѣкоторую оппозицію, возбуждаемую Россіею, онъ, Игнатій, доведетъ сеймъ до того, что города Гданскъ и Торунь будутъ отданы Пруссіи. Въ Берлинѣ поняли это совсѣмъ не такъ какъ хотѣлось Потоцкому. Тамъ показалось, что Потоцкій увѣряетъ въ томъ, въ чемъ самъ не увѣренъ, хочетъ обмануть Пруссію льстивыми обѣщаніями и подвинуть на какой-нибудь шагъ въ пользу Польши, а потомъ обѣщаніе можетъ и не исполниться. Въ мартѣ случилось событіе, повредившее надеждамъ Потоцкаго расположить сеймъ въ пользу Пруссіи. Война изъ Вѣны доносилъ, что прусскій посланникъ при императорскомъ дворѣ сообщалъ этому двору, что его король готовъ пособить императору въ пріобрѣтеніи земель и выгодъ насчетъ Турціи, если императоръ съ своей стороны согласится на присоединеніе къ Пруссіи нѣсколькихъ земель отъ Польши. Депутація иностранныхъ дѣлъ, получивъ такое извѣстіе, обратилась за объясненіемъ къ прусскому министру. Гольцъ отвѣчалъ, что въ его инструкціяхъ нѣтъ ничего указывающаго на что-нибудь подобное, и, вѣроятно, Война присылаетъ

такія выдуманныя извѣстія съ цѣлью посѣять подозрѣнія въ искренности прусскаго короля. Въ заключеніе онъ обѣщалъ объ этомъ справиться у своего правительства. Пока Гольцъ справлялся, въ публикѣ распространилось извѣстіе, сообщенное Вòйною и возбудило безпокойство и толки. На сеймѣ стали требовать чтенія депеши.

Депутація иностранныхъ дѣлъ отговаривалась тѣмъ, что нельзя давать гласности дипломатическимъ сношеніямъ.

«Какъ!—возражали послы—не давать гласности такому предмету, о которомъ повсюду кричатъ».

Напали на маршала Малаховскаго, которому еще недавно оказывали большіе знаки вниманія, и даже прекращали сеймовыя засѣданія по поводу смерти и погребенія жены его. Теперь его обвиняли за то, что огласилъ слухъ, сообщенный Вòйною.

«Еслибъ и такъ было — говорили сторонники маршала — то въ этомъ нѣтъ вины: пусть грозящая опасность будетъ всѣмъ извѣстна; тѣмъ лучше: всѣ будутъ осторожны».

«Никакой опасности нѣтъ—говорилъ Малаховскій—никто не затѣваетъ раздѣла Польши; депеши Вòйны не имѣютъ оффиціальнаго значенія».

«Я не думаю,—сказалъ Игнатій Потоцкій—чтобы мысль о раздѣлѣ могла безпокоить просвѣщенную публику. Извѣстно, что между Пруссіею и Австріею нѣтъ согласія и довѣрія. Слухи о предположеніяхъ насчетъ раздѣла Польши распускаются съ цѣлью отвлечь насъ отъ вѣрнаго и сильнаго союзника».

Малаховскому и Потоцкому удалось успокоить Избу, но не надолго. Въ публикѣ продолжали ходить зловѣщіе слухи и толки. Говорили, что Пруссія хлопочетъ о примиреніи Россіи съ Турціею именно для того, чтобы вмѣстѣ съ Россіею накинуться на Польшу; Россія скопляетъ войска въ Бѣлой Руси; въ Пруссіи также дѣлаются военныя приготовленія. Изъ частныхъ собраній эти толки переходили въ сеймовую Избу. Арбитры, постоянно наполнявшіе залу засѣданія, заставили пословъ своими криками прекратить занятія внутренними дѣлами и приняться снова за политическія пренія. Витебскій каштелянъ Ржевускій требовалъ, чтобъ депутація объявила о содержаніи депеши Вòйны. Матушевичъ, самъ будучи однимъ изъ членовъ депутаціи, возражалъ ему такъ: «если всѣ получаемыя депеши читать на сеймѣ, тогда нѣтъ нужды и въ депутаціи иностранныхъ дѣлъ. Никакой иностранный кабинетъ не довѣритъ депутаціи тайны, зная, что тайна эта тотчасъ станетъ извѣстна. Я требую, напротивъ, чтобъ члены депутаціи, подъ опасеніемъ смертной казни, хранили ввѣренную тайну».

Игнатій Потоцкій и маршалъ Малаховскій опять увѣряли, что нѣтъ никакихъ основательныхъ свѣдѣній о раздѣлѣ, и опять превозносили великодушіе и благородство прусскаго короля.

Среди такихъ тревожныхъ толковъ депутація получила отъ Гольца ноту отъ 25 марта, опровергающую слухи о коварствѣ Пруссіи.—«Его величество прусскій король—было сказано въ этой нотѣ—останется навсегда въ дружбѣ съ Польшею и будетъ поддерживать цѣлость ея владѣній». Самъ прусскій король написалъ къ польскому письмо и въ немъ выразился, что не можетъ скрыть своего удивленія: какъ могли поляки съ такимъ довѣріемъ принимать нелѣпые слухи?

Между тѣмъ, къ досадѣ сторонниковъ Пруссіи, извѣстія изъ Вѣны подтверждались извѣстіями изъ Константинополя: оттуда писали, что прусскій посланникъ при турецкомъ дворѣ, баронъ Кнобельдорфъ, объявилъ, что Пруссія соглашается на заключеніе мира Турціи съ Россіею безъ вмѣшательства другихъ державъ. Нерасположенные къ Пруссіи члены депутаціи толковали, что тутъ видна со стороны прусскаго короля хитрость, онъ оставляетъ себѣ на будущее время возможность сойтись съ Россіею во вреду Польши. Друзья Пруссіи указывали на безкорыстіе прусскаго короля, который объявлялъ уже, что никакъ не домогается Гданска и Торуня, иначе какъ только тогда, когда поляки сами найдутъ для себя выгоднымъ отдать эти города.

Между тѣмъ занятія финансовыми вопросами невольно повернули самый сеймъ къ роковому вопросу объ уступкѣ городовъ. Депутація иностранныхъ дѣлъ имѣла порученіе продолжать сношенія по вопросу о торговомъ договорѣ съ Пруссіею, при посредствѣ англійскаго и голландскаго министровъ, и выхлопотать черезъ нихъ отъ Пруссіи свободный провозъ товаровъ, льготы для склада ихъ и новый тарифъ съ пониженіемъ пошлинъ. Но Гэльсъ и Рээде повторили тоже, что говорили прежде, именно, что заключить договоръ съ Пруссіею, выгодный для Польши въ торговомъ отношеніи, иначе нельзя, какъ съ уступкою городовъ, по крайней мѣрѣ хоть одного Гданска.

31 марта, депутація донесла сейму, что она не можетъ продолжать переговоровъ о торговомъ трактатѣ, такъ какъ уступка Гданска посредствующими сторонами ставится неизбѣжнымъ условіемъ, а депутація уже получила отъ сейма инструкцію ни въ какомъ случаѣ не касаться этого. Въ началѣ апрѣля, вопросъ этотъ занималъ сеймъ нѣсколько дней сряду. Споры доходили до того, что послы стали вызывать другъ друга на поединокъ.

Король боялся слишкомъ раздражать съ одной стороны иностранныхъ министровъ, домогавшихся уступки, а съ другой про-

тивниковъ, стоявшихъ за цѣлость и неприкосновенность предѣловъ Рѣчи-Посполитой, и потому былъ ни за уступку, ни противъ уступки. Противники говорили такъ: «уже состоялся законъ, по которому сеймъ лишилъ самъ себя права отчуждать безъ единогласія земли Рѣчи-Посполитой. Этотъ законъ положено включить въ число кардинальныхъ; слѣдовательно толковать нечего: депутаціи остается объявить прямо на чистоту, что уступка Гданска не можетъ служить основою дальнѣйшимъ сношеніямъ».

Члены, хотѣвшіе избрать примирительный путь между двумя противными сторонами, говорили: «пусть послѣднее слово о Гданскѣ отложится на будущее время, а сношенія идутъ своимъ чередомъ: прежде пусть покажутъ намъ, какія выгоды можетъ извлечь Польша изъ торговаго договора съ Пруссіею».

«Нечего толковать, — продолжали противники — мы понимаемъ, что хотятъ умышленно тянуть дѣло, чтобъ рано или поздно сдѣлать по-своему. Нѣтъ, нѣтъ! теперь же надобно отсѣчь иностраннымъ державамъ всякія надежды на увеличеніе своихъ владѣній насчетъ Польши».

«Единственное средство —возражали имъ — соединиться тѣснѣе съ государствами, которыя намъ помогутъ утвердить нашу независимость; и если только уступка Гданска есть цѣна такого союза, не будетъ ли уже Рѣчь-Посполитая вознаграждена тѣми выгодами, какія дадутъ ей новыя связи и договоры»?

Враждебныя стороны стали укорять другъ друга въ томъ, что ихъ настроили чужія державы: сторонники отдачи попрекали противниковъ Россіею, послѣдніе первыхъ Пруссіею. Всего задорнѣе кричали противъ отдачи витебскій каштелянъ Ржевускій и иноврацлавскій посолъ Лещинскій. Послѣдній говорилъ по этому поводу длиннѣйшую рѣчь, производившую въ свое время большое впечатлѣніе: въ ней однако почти не было доводовъ а одна риторика. Онъ оканчивалъ свою рѣчь такими словами: «Поляки, если вы отдадите Гданскъ, убѣдившись коварными доводами, то я скажу, что въ нашемъ народѣ нѣтъ честнаго человѣка.»

Наконецъ, по предложенію брацлавскаго посла Вавржецкаго, рѣшено сообщить депутаціи: пусть она объявитъ иностраннымъ посланникамъ, что не имѣетъ никакихъ данныхъ отъ сейма насчетъ уступки Гданска, но ей поручено продолжать сношенія по торговому договору. Городу Гданску объявлена благодарность за вѣрность и привязанность къ Рѣчи-Посполитой.

Прусскій король, получивши такой рѣшительный отказъ, разсчелъ, что такъ или иначе, а Гданскъ долженъ быть въ его рукахъ, и писалъ къ Гольцу, отъ 25 апрѣля: «Поляки черезчуръ

дорожатся своимъ Гданскомъ и уступать его не хотятъ; поэтому, для меня будетъ лучше, когда все останется по старому и они будутъ платить мнѣ высокія таможенныя пошлины, пока сами не убѣдятся въ неправильности своего разсчета. Нечего мнѣ предлагать имъ выгоды за выгодами; я останусь въ нейтральномъ положеніи относительно Польши, если она вступитъ въ войну съ Россіею, тогда пусть себѣ дѣлаютъ что̀ хотятъ: увидятъ, къ чему дойдутъ». Разсказывали, что Фридрихъ - Вильгельмъ, въ кругу своихъ приближенныхъ, выразился такъ: «Если эти оборвыши задумаются отдать мнѣ Гданскъ и Торунь, то я свяжу имъ руки и ноги и отдамъ Россіи».

Игнатій Потоцкій болѣе не пытался вести тайныхъ сношеній съ прусскимъ королемъ и боялся, чтобъ Морскій не объявилъ о своихъ прежнихъ порученіяхъ; поэтому Потоцкій поспѣшилъ спровадить Морскаго посланникомъ въ Испанію.

Въ то же время Пруссія побаивалась, чтобы Австрія, ея постоянная соперница, не образовала себѣ въ Польшѣ партіи. Дѣйствительно, въ это время видны были нѣкоторыя попытки къ этому; Австрія ласкала поляковъ въ присоединенной къ ней Галиціи, давала имъ льготы, сбавила пошлины за соль, доставляемую въ Польшу. Въ Вѣнѣ отлично принимали пріѣзжавшихъ туда поляковъ и, при случаѣ, мимоходомъ, давали имъ знать, что императоръ Леопольдъ настолько справедливъ и благожелателенъ, что готовъ возвратить Польшѣ отобранныя провинціи, еслибы другія государства, участвовавшія въ раздѣлѣ, также поступили. Между поляками мало-по-малу образовывался кружокъ, начинавшій чаять спасенія отъ Австріи. Два знатныхъ пана, Ржевускій и Щенсный Потоцкій, находились тогда въ Вѣнѣ и составляли заговоръ противъ прусской партіи, думая опереться на Австрію въ случаѣ неудачи съ Россіею. Княгиня Чарторыская, хотя противныхъ убѣжденій и ревностная сторонница прогрессивной партіи, проживши долго въ Вѣнѣ, въ это время возвратилась въ Варшаву и настраивала тамошнее общество въ пользу Австріи. Именемъ Россіи было сдѣлано косвенное заявленіе въ томъ же родѣ, какъ австрійское. По извѣстію графа Гольца, посланникъ датскаго короля, Буркенъ, сообщилъ Малаховскому и Игнатію Потоцкому, что россійская императрица не прочь возвратить Польшѣ отобранныя провинціи, еслибы она знала напередъ, какое положеніе приметъ Польша въ случаѣ разрыва между Россіею и Пруссіею. Крѣпчайшій и неизмѣнный союзникъ Пруссіи, Малаховскій, напрямикъ отвѣчалъ: «Въ такомъ случа́ѣ Польша будетъ держаться союза съ государствомъ, которому одолжена своею независимостью и тою степенью благо-

состоянія, какой теперь достигла». Эти простодушныя слова были сказаны въ то время, когда Гольцъ писалъ своему правительству, что, по его соображеніямъ, въ тогдашнихъ обстоятельствахъ Пруссіи ничего не оставалось, какъ сблизиться съ Россіею насчетъ Польши: иначе послѣдуетъ сближеніе Россіи съ Австріею, во вредъ Пруссіи.

II.

Устройство сеймовъ. — Мѣщанское дѣло. — Городской уставъ [1]).

Въ Избѣ, съ удвоеннымъ числомъ членовъ, раздавались такія же жалобы на медленность работъ, какъ и въ прежней. «Еслибы — говорилъ краковскій посолъ Солтыкъ — поляки жили себѣ на уединенномъ островѣ, то имъ можно было бы сказать: пишите свои законы хоть цѣлыя столѣтія, останавливайтесь не только надъ словами, но и надъ буквами; но я вижу, что намъ угрожаетъ опасность отъ чужихъ государствъ и боюсь, чтобы мы не заслужили укора отъ нашихъ собратій и презрѣнія отъ иноземцевъ?» «Никогда — замѣчалъ холмскій епископъ Скаржевскій — такъ много не жаловались на потерю времени, какъ теперь и никогда такъ мало не дѣлали, какъ на настоящемъ сеймѣ.» Важнѣйшими вопросами, которые рѣшилъ сеймъ въ теченіе четырехъ мѣсяцевъ, были устройство сеймиковъ и устройство городовъ. Депутація, составлявшая проектъ объ устройствѣ сеймиковъ, нѣсколько разъ подавала его и онъ былъ ей возвращаемъ для переправки. Главный предметъ спора состоялъ въ томъ, что проектъ допускалъ къ участію на сеймикахъ только осѣдлыхъ шляхтичей. Старошляхетская партія — послы волынскіе, бресто-куявскіе, минскіе, домогались, чтобы всякій шляхтичъ, по рожденію, имѣлъ на это право. Сначала эта партія взяла-было верхъ и проектъ былъ отвергнутъ большинствомъ 94 противъ 73, а потомъ прогрессисты взяли верхъ и проектъ былъ утвержденъ большинствомъ 101 секретнаго голоса противъ 64. Изъ этого малаго числа присутствовавшихъ въ сеймовыхъ засѣданіяхъ видно, какъ большинство членовъ мало занималось своими обязанностями. Вопросъ о правахъ городовъ нѣсколько разъ уже появлялся и всегда отступалъ передъ взрывами шляхетской исключительности. Въ тогдашней публикѣ онъ сдѣлался живымъ предметомъ разсужденій впрямь и вкось. Люди консервативные

---

[1]) См. Источники, №№ 18, 28, 36, 81, 113.

говорили объ немъ такъ: «До сихъ поръ у насъ не представлялось опасности народныхъ смутъ и революціи; нововводители хотятъ подвергнуть Польшу такимъ же несчастіямъ, какія испытываетъ Франція. Слава Богу, теперь одна шляхта имѣетъ доступъ къ законодательству и къ управленію государствомъ. Посольство въ Польшѣ никогда не имѣло правъ и не домогалось ихъ, а потому и не забурлитъ такъ, какъ французское. А какъ дадутъ мѣщанамъ права, такъ и начнутся смуты. Шляхта всегда захочетъ держать верхъ надъ мѣщанами, а мѣщане будутъ стараться показывать, что они такіе же люди, какъ шляхта. Мѣщане будутъ добиваться мѣстъ, а шляхта будетъ стараться оттѣснять ихъ. Вотъ и возникнетъ вражда между шляхетствомъ и мѣщанствомъ; тогда король, котораго на пущую бѣду хотятъ сдѣлать наслѣдственнымъ, увидитъ возможность увеличить свою власть и приметъ сторону мѣщанства; шляхта будетъ стараться сохранить мѣщанскую свободу, а мѣщанство, на зло шляхтѣ, станетъ съ королемъ за самодержавіе и начнется въ Польшѣ ужаснѣйшая междоусобица». Но не такъ разсуждали люди, подпавшіе вліянію современныхъ европейскихъ идей. Сколько противники ихъ старались отстранить вопросъ о реформѣ городовъ, столько прогрессисты пытались выдвинуть его впередъ. Вопросъ этотъ поднятъ былъ снова 29 марта. Первый внесъ его на сеймъ познанскій посолъ Глищинскій: онъ требовалъ распространенія на мѣщанъ закона neminem captivabimus, дозволить имъ засѣдать въ тѣхъ коммиссіяхъ, гдѣ идетъ рѣчь о городскомъ устройствѣ, пріобрѣтать земскія имѣнія, освободить отъ суда старостъ тѣ города, которые этому суду подлежали, наконецъ дозволить городамъ высылать на сеймъ представителей съ правомъ рѣшенія въ предметахъ, касающихся быта городовъ и торговли. За нимъ сталъ говорить Нѣмцевичъ, пріобрѣвшій значеніе передового человѣка въ прогрессивной партіи послѣ блистательнаго успѣха своей комедіи. «Города имѣли прежде нѣкоторыя привилегіи, теперь забытыя; слѣдуетъ отдать имъ то, что у нихъ отнято и чего они желаютъ. Они желаютъ судиться сами собою. Во всѣхъ свободныхъ странахъ первое право, чтобы каждый судился себѣ равными. Они просятъ участія на сеймахъ. Это не новость. Мы видимъ въ древности ихъ представителей на съѣздахъ, трактатахъ, сеймахъ, видимъ ихъ подписи на важномъ и священномъ актѣ уніи народовъ. Мы хвалимъ уставы нашихъ предковъ; мало ихъ хвалить — нужно ихъ и уважать. Мѣщане хотятъ участвовать въ раскладкѣ податей. Представьте, еслибы на васъ налагали подати король и сенатъ — не кричали бы вы, что васъ отягощаютъ безъ вашего участія? Какъ же мо-

жетъ быть не противнымъ для мѣщанъ то, чтò для васъ несносно? Они просятъ дозволить имъ покупать имѣнія. Тутъ нѣтъ ничего дурного. Умножится промышленность, разовьется народная экономія, богатые люди получатъ привязанность къ родному краю: ничто къ нему такъ не привязываетъ, какъ кусокъ владѣемой земли. Не понимаю, почему имъ не дозволить служить въ войскѣ? Отвага и мужество получаются отъ природы, а вырабатываются воспитаніемъ и трудомъ. Всякій можетъ имѣть эти достоинства. Пусть всякій имѣетъ право защищать отечество и умирать за него. Часто люди, называемые неродовитыми, спасали свою страну. Кто знаетъ, кто былъ отецъ Вашингтона и дѣдъ Франклина, а всѣ знаютъ, что Вашингтонъ и Франклинъ освободили Америку! Бросьте взоры на разсѣянные города наши. Это не города, а какія-то развалины.... Вездѣ упадокъ, бѣдность, промыслы въ небреженіи; стыдъ намъ, когда смотритъ на все это чужеземецъ. Чтò подумаетъ онъ о нашемъ правленіи и о нашемъ правосудіи? О вы, воздвигающіе Рѣчь-Посполитую изъ упадка и униженія! Неужели оставите безъ вниманія столько тысячъ обитателей, столько городовъ, которые должны быть источникомъ нашего богатства и украшеніемъ нашего края. Вы сами знаете, какъ необходимо, чтобы они привязаны были къ отечеству и къ священнымъ правамъ его свободы. Пусть же охраняютъ они его вмѣстѣ съ нами. Дайте имъ законы, обезпечивающіе ихъ собственность, личность, свободу: увидите, какъ со всѣхъ сторонъ свѣта стекутся къ вамъ, подъ кроткое ваше правленіе, обитатели честные, промышленные и трудолюбивые и заселятся обширныя степи и дикіе лѣса и болота, до сихъ поръ нетронутые людскою рукой, и зацвѣтутъ у васъ ремесла и искусства, за которыя вы такъ дорого платите иноземцамъ. Въ вашихъ рукахъ заселить и обогатить край, или оставить его навсегда въ запустѣніи и нищетѣ!»

Хитрый епископъ Коссаковскій въ этомъ засѣданіи прервалъ преніе о городахъ, обративъ вниманіе на другой предметъ.

Но 6 апрѣля вопросъ возобновился снова. Секретарь депутаціи, составленной для разсмотрѣнія городскихъ привилегій, Збоинскій, читалъ докладъ этой депутаціи: въ немъ выводилось, что города встарину пользовались правомъ участія въ судопроизводствѣ, законодательствѣ и избраніи королей.

Тутъ начали подаваться разные проекты объ устройствѣ городовъ. Длускій въ своемъ проектѣ совѣтовалъ дозволить мѣщанамъ вступать въ духовное званіе, но только до каноника, а въ военной службѣ дослуживаться только до чина полковника. Платтеръ предлагалъ раздѣлить города на категоріи и каждой кате-

горіи дать разный объемъ правъ. «Не надобно — говорилъ онъ — допускать города до большаго возрастанія, чтобы одни другихъ не заглушали, и чтобы поселяне не проходили въ города; иначе отъ этого потерпитъ земледѣльческая служба панамъ». Одинъ изъ коноводовъ шляхетской исключительности, троцкій посолъ Савицкій, доказывалъ, что и безъ того шляхетство оказало много милости городамъ. «Посмотрите—восклицалъ онъ—что̀ дѣлаютъ города въ благодарность за это. Ввозятся предметы роскоши, вывозятся капиталы; купцы стараются поскорѣе накупить товаровъ, чтобъ ихъ подороже продать. Эти люди служатъ болѣе чужимъ, чѣмъ намъ. Хотятъ притомъ дозволить шляхтѣ заниматься торговлею, ремеслами, торгашествомъ и содержаніемъ шинковъ. Это измѣна рыцарскому званію. Рыцарское сословіе должно вѣдать мечъ да землю и пренебрегать такими низкими занятіями. Законъ, который дозволитъ это шляхтѣ, зловреденъ и достоинъ уничтоженія. Первый основатель Рима отдалъ шляхтѣ землю, а поспольству ремесла и торговлю. У насъ города упали оттого, что торговлю захватили иностранцы. Потолкуемъ о городахъ тогда, когда будемъ говорить о полиціи, а теперь займемся чѣмъ-нибудь другимъ». — «Да — подхватилъ волынскій посолъ Олизаръ — о городахъ толковать безполезно, какъ и вообще объ устройствѣ правленія; лучше всего займемся средствами охраненія государства и его безопасности».

«Да, именно безопасность и охраненіе Рѣчи - Посполитой укрѣпляется мѣщанствомъ», сказалъ познанскій посолъ Брониковскій. — «Политическіе виды заставляютъ насъ обратиться къ этому предмету — сказалъ Казимиръ-Несторъ Сапѣга: пусть и Польша испытаетъ революцію, но революцію спокойную. Къ такому краю, какъ нашъ, все прихлынетъ, надѣясь на покровительство законовъ и на свободу. Отчего возрасла Пруссія? Оттого, что въ кровавое время изгнанія гугенотовъ изъ Франціи она приняла къ себѣ богатыя фамиліи и такимъ образомъ водворила у себя ремесла и фабрики».

Король, чтобы заставить сеймъ заниматься городскимъ вопросомъ, отъ котораго хитрецы хотѣли отвлечь его, говорилъ: «При вступленіи на престолъ я присягалъ хранить всѣ старыя права и привилегіи; оказывается, что города ихъ имѣютъ; и я, исполняя свою присягу, побуждаю чины государства возвратить мѣщанамъ то, что̀ имъ слѣдуетъ».

Шляхетные консерваторы то пытались навести сеймъ на пренія о другихъ предметахъ, то открыто шли противъ попытокъ, благопріятныхъ мѣщанамъ. Епископъ Коссаковскій, ни разу не сказавшій слова противъ намѣренія расширить права городовъ,

два раза заговаривалъ о другомъ, а по поводу городовъ сказалъ: «Я особа духовная и стою паче всего за религію». Другіе подхватили это и распространились насчетъ опасности, грозившей католической религіи отъ того, что въ числѣ мѣщанъ много протестантовъ.

«Города будутъ присылать представителей, а не апостоловъ— сказалъ инфлянтскій посолъ Кублицкій; — Сигизмундъ-Августъ справедливо сказалъ: «Я король надъ людьми, а не надъ совѣстью людей».

«Мѣщане — говорили противники — начнутъ скупать шляхетскія имѣнія и шляхта останется безземельною; кто же тогда на сеймикахъ будетъ, куда безземельные не допускаются?»

«Да развѣ возможно—возражалъ тотъ же Кублицкій—чтобы шляхетское сословіе лишило себя земли, отъ которой зависитъ дѣйствительное право гражданства?»

«Право владѣть земскими имѣніями—шляхетское право изстари— говорили приверженцы старины;—не слѣдуетъ давать другимъ тѣхъ правъ, которые исключительно принадлежатъ одному шляхетству».

«Эти права не шляхетства, а вельможъ—сказалъ познанскій посолъ Закржевскій—это право немногихъ фамилій, которыя, захвативъ себѣ правленіе въ странѣ, держали шляхту въ порабощеніи для того, чтобы мы въ нихъ нуждались и покорялись имъ. Они-то выдумали для шляхетскаго сословія ограниченія средствъ пріобрѣтать хлѣбъ, привязали его исключительно къ одной нивѣ; шляхетскія имѣнія разбились на малые участки и черезъ то многіе шляхетскіе роды не имѣютъ чѣмъ прокормить себя и должны служить панамъ, а собственность общественная, собственность Рѣчи-Посполитой, доставшись немногимъ, утучняетъ аристократовъ. Пора тебѣ, шляхетское сословіе, обратить глаза на себя и свергнуть иго аристократіи; пора тебѣ оградить себя отъ этихъ вельможъ, угрожавшихъ королямъ, сеймамъ и всему народу.»

Волынскіе послы, во всемъ самые консервативные, не хотѣли допускать мѣщанъ къ требуемымъ правамъ безусловно. Краковскій посолъ Русецкій предлагалъ допустить делегатовъ отъ городовъ только въ нисшихъ юрисдикціяхъ, когда разсматриваются дѣла, касающіяся городовъ, притомъ такъ, чтобы некатолики составляли не болѣе четверти числа всѣхъ делегатовъ. «Право голоса ничего не поможетъ,—сказалъ брацлавскій посолъ Вавржецкій—они имѣли его и покинули потому, что оно для нихъ было безполезно. И узникъ въ кандалахъ имѣетъ такой голосъ — онъ вопіетъ о человѣколюбіи, да развѣ это облегчаетъ его участь!

Знаю я, какой это былъ голосъ у мѣщанъ до уніи: они имѣли право представительства на сеймахъ, а сеймы ихъ не слушали, пока, наконецъ, самимъ городамъ надоѣло это право. Были у насъ тяжелыя времена, внутреннія смятенія—войска московскія, шведскія, австрійскія опустошали край нашъ; шляхта билась съ непріятелемъ — народъ ее не поддерживалъ; народныя громады не заботились о судьбѣ страны и въ такихъ случаяхъ или запирались въ домахъ своихъ, или уходили за границу. Плохая такая свобода, которой лишены милліоны, а защищаютъ только сотни. Соединимтесь всѣ—тогда будемъ свободными. Въ какомъ состояніи нашъ край? Безъ военной силы, безъ магазиновъ, намъ придется упасть подъ бременемъ отчаянія и подпасть новому раздѣлу».

Всѣ проекты передали на разсмотрѣніе депутаціи и поручили представить чрезъ недѣлю.

Патріоты, видя, что противники силятся не допустить пройти мѣщанскому вопросу такъ, какъ бы имъ хотѣлось, устроили планъ овладѣть однимъ изъ вліятельнѣйшихъ лицъ консервативной партіи, Сухоржевскимъ. До сихъ поръ никто горячѣе и неутомимѣе его не стоялъ за шляхетскія преимущества; щеголь въ ораторствѣ, художникъ въ тѣлодвиженіяхъ, недалекаго и мелкаго ума, онъ былъ до крайности самолюбивъ, напыщенъ и хвастливъ, постоянно занятъ самимъ собою; болѣе всего домогался онъ стоять въ челѣ кружка, задавать тонъ, увлекать слабѣйшихъ и любоваться своими достоинствами. Иногда онъ, какъ говорится, и осѣкался, какъ это случилось по поводу комедіи Нѣмцевича, но часто увлекалъ за собою приверженцевъ старопольской вольности. Его слабою стороною вздумали воспользоваться и нашли возможность угодить разомъ и его тщеславію и его предразсудкамъ. Ему внушили, что допущеніе мѣщанъ къ правамъ не только не уронитъ шляхетскаго достоинства, но возвыситъ; его убѣдили, что тутъ нѣтъ нововведенія, а напротивъ, возобновленіе старины, которой защитникомъ вообще онъ всегда хотѣлъ казаться. Но болѣе всего польстили его самолюбію, увѣривши, что мѣщане будутъ смотрѣть на него, какъ на своего покровителя, какъ на человѣка, которому будутъ обязаны своими правами, что имя его будутъ благословлять грядущія поколѣнія. Подъ упоеніемъ такихъ надеждъ, Сухоржевскій поддался обольщенію и написалъ отъ себя проектъ. На сеймъ подано было, такимъ образомъ, два проекта. Одинъ составленъ былъ Хребтовичемъ, на основаніи представленныхъ проектовъ, другой былъ произведеніе Сухоржевскаго. Проектъ послѣдняго отличался отъ перваго тѣмъ, что въ немъ, при допущеніи уполномоченныхъ отъ горо-

довъ на сеймъ, не давался имъ рѣшающій голосъ наравнѣ съ послами шляхетскаго происхожденія, тогда какъ въ проектѣ Хребтовича и это право предоставлялось мѣщанамъ. Крѣпкошляхетскія понятія Сухоржевскаго не дозволяли ему допустить такого унизительнаго равенства мѣщанъ съ благороднымъ званіемъ; за то Сухоржевскій требовалъ, чтобы уполномоченные на сеймѣ, или ассессоры въ коммиссіяхъ, или служившіе въ военной и канцелярской службѣ получали нобилитацію, а равнымъ образомъ и тѣ, которые пріобрѣтали земскія имѣнія, дѣлались шляхтичами. Требованіе это, по принципу, не противорѣчило, по крайней мѣрѣ, во внѣшности, давнему обычаю жаловать шляхетствомъ (нобилитовать); это дѣлалось за военныя и политическія заслуги, притомъ не часто, но вѣдь надобно было самымъ упорнымъ сторонникамъ старины дѣлать уступки вѣку; Сухоржевскій же, будучи заѣдлымъ шляхтичемъ, хотѣлъ вмѣстѣ съ тѣмъ слыть просвѣщеннымъ человѣкомъ.

Поступокъ Сухоржевскаго повелъ къ самымъ вожделѣннымъ для патріотовъ послѣдствіямъ. Вся шляхетская партія, увидя, что̀ такая первой величины звѣзда склоняется на сторону городовъ, стала за нихъ; многіе, мало привыкшіе вдумываться въ то, что̀ зависѣло отъ ихъ утвержденія или отрицанія, разсудили, что вѣрно такъ слѣдуетъ, когда мудрый панъ Янъ Сухоржевскій такъ рѣшилъ. Несмотря на то, что во всѣ предыдущія засѣданія, какъ только вносился проектъ закона о городахъ, поднималась шляхетская буря, 16 апрѣля всѣ единогласно приняли проектъ, составленный и поданный Яномъ Сухоржевскимъ. Рѣшено было изготовить его въ окончательной редакціи и представить на сеймъ. Это сдѣлано было 18 апрѣля. Тогда послѣдній разъ по этому вопросу поднялась католическая партія и требовала, чтобъ въ городскія должности были допускаемы исключительно исповѣдующіе римско-католическую вѣру. Самъ король тогда произнесъ рѣчь, утѣшительную для ревнителей католичества. «Я думаю—говорилъ король — было бы полезно написать законъ, чтобы въ смѣшанныхъ супружествахъ между католиками и некатоликами дѣти непремѣнно принадлежали къ римско-католической религіи. Это никому не обидно. Лицо, нежелающее видѣть дѣтей своихъ католиками, не изберетъ себѣ жены или мужа римско-католической вѣры. Я надѣюсь, что лѣтъ черезъ тридцать въ Польшѣ не будетъ другихъ жителей, кромѣ исповѣдующихъ римско-католическую вѣру. Если разсудите, какая польза произошла бы отъ этого, особенно когда тысячи дизунитскаго хлопства незамѣтно перейдутъ къ уніи». Слова эти произвели самое пріятное впечатлѣніе. Они показываютъ, какъ неискренни были гарантіи иныхъ

вѣръ, кромѣ римско-католической, въ особенности относилось это къ православію, всегда ненавистному душѣ каждаго поляка-католика.

Но люди болѣе прогрессивные замѣчали, что недопущеніе некатоликовъ къ должностямъ въ городахъ отобьетъ у иноземцевъ охоту селиться въ Польшѣ. «Уже Польша — говорили они—черезъ свою нетерпимость потеряла Украину, навлекла на себя чужую гарантію и воспитала внутри себя гражданъ, ищущихъ покровительства у чужихъ государствъ. Римско-католическая религія достаточно обезпечивается въ городахъ большинствомъ осѣдлыхъ тамъ католиковъ». Эти доводы утишили фанатизмъ и потому положено не упоминать о вѣрѣ вовсе въ пунктѣ устава о городскихъ выборахъ.

Проектъ въ окончательной редакціи былъ принятъ единогласно и былъ внесенъ въ число законовъ въ такомъ смыслѣ:

Всѣ королевскіе города признавались свободными, съ равными для всѣхъ правами. Города освобождались отъ всякихъ посторонних юрисдикцій: трибунальскихъ, земянскихъ, воеводскихъ, старостинскихъ и пр., управлялись и судились исключительно своимъ выборнымъ магистратомъ и находились всѣ подъ вѣдѣніемъ королевскихъ задворныхъ судовъ. Нѣкоторые изъ городовъ имѣли аппеляціоные суды, составлявшіе посредствующую инстанцію между магистратами и задворными судами [1]). Изъ этихъ городовъ избирались большинствомъ голосовъ предъ каждымъ сеймомъ уполномоченные по одному человѣку изъ каждаго города, непремѣнно изъ владѣющихъ наслѣдственнымъ имуществомъ въ городѣ. Эти уполномоченные, съѣхавшись вмѣстѣ, въ день открытія сейма представятся маршалу; изъ нихъ на провинціальныхъ засѣданіяхъ избираются делегаты въ коммиссіи: скарбовую, полицейскую и ассессоріи; они будутъ имѣть въ дѣлахъ касающихся городовъ и торговли дѣйствительный голосъ, а въ прочихъ дѣлахъ совѣщательный; сверхъ того они имѣютъ право, по порученію своихъ городовъ, представлять сейму прошенія и, если окажется надобность, просить у сеймоваго маршала голоса въ Избѣ, который имъ и не можетъ быть воспрещенъ. Эти уполномоченные по двухлѣтней службѣ въ своемъ званіи получаютъ дворянское достоинство. На всѣхъ мѣщанъ распространяется законъ neminem captivabimus; имъ предоставляется право служить

---

[1]) Это были въ Малой Польшѣ: Краковъ, Люблинъ, Луцкъ, Житоміръ, Винница, Каменецъ и Дрогичинъ; въ Великой Польшѣ: Познань, Калишъ, Гнѣзно, Лэнчица, Варшава, Сѣрадзъ и Плоцкъ, а въ Литвѣ: Вильна, Гродно, Ковно, Новогродекъ, Минскъ, Брестъ-Литовскій и Пинскъ.

въ военной службѣ, исключая народной кавалеріи, въ канцеляріяхъ трибуналовъ, коммиссій и всѣхъ судовъ, а дослужившись до чиновъ штабсъ-капитана въ пѣхотѣ, или ротмистра въ полку, они получали дворянское достоинство; равнымъ образомъ они могли, вступая въ духовное званіе, получать прелатуры и каноніи и всякія бенефиціи, исключая такихъ, которыя были назначены исключительно для лицъ шляхетскаго достоинства; наконецъ, они могли избирать и посылать въ гражданско-военныя коммиссіи по 3 депутата. Имъ предоставлялось право покупать земскія имѣнія, а купившіе такое имѣніе, съ котораго вносится подати десятаго гроша не менѣе 200 золотыхъ, получаютъ дворянское достоинство; сверхъ того на каждомъ сеймѣ будутъ допускаться къ возведенію дворянства 30 особъ изъ мѣщанъ, преимущественно отличившихся въ службѣ, или полезною дѣятельностью въ промышленности и торговлѣ. Шляхтѣ дозволялось вступать въ мѣщанское званіе и заниматься промыслами и торговлею безъ нарушенія чести шляхетскаго званія. Всѣ безъ изъятія поселившіеся въ городахъ должны подчиняться городскому управленію.

Мѣщанское сословіе изъявляло чрезвычайную радость и благодарность, когда на сеймѣ рѣшили судьбу городовъ. 18 апрѣля толпа варшавскихъ и пріѣзжихъ мѣщанъ стояла на улицѣ около зàмка и, какъ только разнеслось, что проектъ принятъ и подписанъ, поднялись восторженныя восклицанія. Выходящаго короля окружили, хотѣли отпречь его карету и везти на себѣ. Малаховскому, Сухоржевскому, Казиміру-Нестору Сапѣгѣ и другимъ защитникамъ городского проекта были сдѣланы самыя радушныя оваціи. Въ тотъ же день вечеромъ весь городъ былъ иллюминованъ, а въ саду Красинскихъ горѣлъ разноцвѣтный щитъ съ вензелемъ Малаховскаго. Маршалъ Малаховскій, Казиміръ-Несторъ Сапѣга, а за ними нѣкоторые сенаторы, послы и обыватели шляхетскаго званія отправились въ ратушу и тамъ записались въ мѣщанскія книги. Толпа мѣщанъ съ музыкою и громкими восклицаніями провожала ихъ, возвращавшихся изъ ратуши пѣшкомъ. Такое невиданное въ Польшѣ явленіе, казалось, пророчило для страны эпоху возрожденія [1]). Беспристрастные на-

[1]) Разсказываютъ, что въ одинъ изъ слѣдующихъ дней, въ Варшавѣ разыгралось по этому поводу такое сценическое представленіе. У тогдашняго президента Варшавы Декерта родился сынъ, и онъ изъявилъ желаніе, чтобы крестнымъ отцомъ этому ребенку былъ цѣлый сеймъ. Это очень понравилось посламъ. Передъ дверьми ратуши вынесли ребенка и къ его пеленкамъ привязано было множество лентъ. Маршалъ Малаховскій взялъ его на руки, а члены сейма держались за ленты. Одна мѣщанка была кумою. Такъ совершилось крещеніе. Толпы народа были такъ велики, что по

блюдатели иначе смотрѣли на эти явленія. «Можно писать какіе угодно законы,—говорилъ Эссенъ,—надобно еще научиться ихъ исполнять, а для этого нужно нравственное и умственное перевоспитаніе, здѣсь же во всѣхъ сферахъ, по прежнему, господствуетъ безнравственность и безнаказанность. Гнуснѣйшія дѣянія обмана и несправедливости совершаются знатными лицами и находятъ себѣ покровительство въ трибуналахъ. Паны продолжаютъ брать подачки отъ иноземныхъ державъ, и русскій посланникъ Булгаковъ презираетъ тѣхъ, кому даетъ деньги; всѣ они развращены отъ малаго до великаго». Гэльсъ, въ апрѣлѣ 1791 г., находилъ, что Польша не только не возрождалась, но съ каждымъ днемъ приближалась къ паденію. «Все, что будетъ постановлено на сеймахъ—замѣчаетъ онъ— не примется націею и уничтожится на сеймахъ. Учредятъ ли наслѣдственное правленіе, или Польша останется съ избирательнымъ правленіемъ—все равно, ей предстоитъ сдѣлаться добычею сильнѣйшихъ».

III.

Приготовленія къ перевороту. — День 3-го мая. — Провозглашеніе конституціи.— Торжество въ Варшавѣ [1]).

Послѣ проведенія закона о городахъ сеймъ объявилъ вакацію на двѣ недѣли по поводу наступившихъ дней Пасхи, а вслѣдъ затѣмъ надлежало, поочереди, слѣдующую недѣлю разсуждать объ экономическихъ вопросахъ. Такимъ образомъ совѣщанія о формѣ правленія откладывались на три недѣли. Между патріотами созрѣвала такая мысль: такъ какъ дѣла идутъ чрезвычайно туго и замыслы ихъ встрѣчаютъ сильную оппозицію въ большинствѣ пословъ, преданныхъ старымъ предразсудкамъ, то не лучше ли привести въ исполненіе свои замыслы внезапнымъ переворотомъ (coup d'état)? Объ этомъ шли рѣчи на частныхъ собраніяхъ. Главными двигателями этой мысли были Коллонтай и Игнатій Потоцкій. Маршалъ Малаховскій первый присталъ къ нимъ. За нимъ стали соучастниками замысла Станиславъ Потоцкій, Ѳедоръ Мостовскій, брестскій посолъ Матушевичъ, ливонскіе послы Іосифъ

нѣсколько червонцевъ платилось за мѣсто, чтобъ видѣть эту оригинальную церемонію, знаменовавшую соединеніе сословій.

Событіе это передается въ запискахъ Бартоломея Михаловскаго; но такъ какъ въ современныхъ газетахъ объ этомъ нѣтъ ничего, то мы оставляемъ его на степени вѣроятія, не давая ему исторической несомнѣнности.

[1]) См. источн. №№ 18, 28, 35, 36, 38, 49, 80, 81, 110, 113, 115.

Вейссенгофъ и Юліянъ Нѣмцевичъ, а за ними одинъ за другимъ стали приставать другіе. Король расположенъ былъ къ этому вліяніемъ аббата Пьятоли. Трудности, которыя претерпѣвали прогрессисты по мѣщанскому вопросу въ послѣднее время, внушали имъ опасеніе, что на будущее время консерваторы станутъ дѣлать умышленныя остановки; Коллонтай и Игнатій Потоцкій подали совѣтъ воспользоваться разъѣздомъ большинства членовъ по случаю праздниковъ, удержать въ городѣ партію прогрессистовъ и послѣ Пасхи, открывъ засѣданіе съ небольшимъ числомъ членовъ сейма, внезапно провозгласить составленную заранѣе конституцію. Это казалось удобнѣе утомительной процедуры подаванія проектовъ, разсматриванія ихъ въ депутаціяхъ и представленій на сеймъ, гдѣ они подвергались безконечнымъ толкамъ, поправкамъ, остановкамъ. Провозглашенная внезапно конституція могла сдѣлаться основою для послѣдующихъ работъ сейма, какъ главная руководящая нить. Послѣ дарованія ей законной силы, у противниковъ отнялся бы предлогъ ссылаться на прежній законный порядокъ, какъ они постоянно дѣлали для остановки преобразовательныхъ проектовъ. Такимъ образомъ, на домашнихъ совѣщаніяхъ у Коллонтая, Игнатія Потоцкаго и маршала Малаховскаго привлекли къ заговору шестьдесятъ особъ изъ пословъ и сенаторовъ.

Расширенію ново-либеральнаго духа въ тѣ дни способствовало то, что проведеніе закона о городахъ подало поводъ къ празднествамъ и сходбищамъ. Шляхетство, прежде смотрѣвшее на мѣщанъ свысока, теперь стало съ нимъ брататься; городъ устроилъ роскошный обѣдъ въ радзивилловскомъ палацѣ. Дворяне и мѣщане пировали вмѣстѣ; мѣщане восхваляли шляхетское великодушіе, а дворяне, помазанные демократическимъ духомъ, почерпнутымъ изъ французскихъ книгъ, на разные лады величались своими либеральными поступками. При такомъ настроеніи въ обществѣ, пока оно не прошло, удобнѣе было чѣмъ когда-нибудь подобрать охотниковъ на смѣлое предпріятіе. Ихъ особенно привлекали увѣреніями, что изъ депешъ, присылаемыхъ польскими посланниками и дипломатическими повѣренными, видно, что Польшѣ угрожаютъ отъ сосѣдей новые замыслы раздѣла. До сихъ поръ патріоты утѣшали себя надеждою, что Пруссія объявитъ войну Россіи, что Англія будетъ также противъ Россіи за Турцію. Но въ апрѣлѣ распространился слухъ, что англійское правительство намѣрено соблюдать нейтралитетъ, въ случаѣ войны Пруссіи съ Россіею. Поляки до тѣхъ поръ думали, что имъ будетъ возможно воевать противъ Россіи вмѣстѣ со своими союзниками. «Теперь мы—писалъ маршалъ Малаховскій своему племяннику—по примѣру Англіи, должны держать вооруженный ней-

тралитетъ». Такъ наивно выражался маршалъ Малаховскій, мало принимая во вниманіе, что вооруженный нейтралитетъ Польши, въ томъ положеніи, въ какомъ она была, ни для кого не имѣлъ значенія. Въ то же время войсковой коммиссіи приказано выдать ордонансъ, чтобы всѣ высшіе и нисшіе чины были при своихъ ротахъ и полкахъ, готовые къ походу, когда потребуется. 30-го апрѣля, маршалъ Малаховскій писалъ своему племяннику: «Приходятъ вѣсти, что намъ не хотятъ добра; остается намъ у самихъ себя искать обороны; пропускать времени не слѣдуетъ; мы вооружаемся, сколько можно, да поможетъ намъ Богъ». Угрожающіе слухи побуждали патріотовъ спѣшить объявленіемъ конституціи.

Главные заговорщики назначили для переворота день 5-го мая. По ихъ соображеніямъ, разъѣхавшіеся консерваторы тогда еще не успѣютъ съѣхаться; кромѣ тѣхъ пословъ, на которыхъ можно было положиться сообразно ихъ убѣжденію, заговорщики разсчитывали на ту массу членовъ, которая имѣла только количественную важность: ихъ думали поразить чтеніемъ депешъ, полученныхъ изъ-за границы, грозящихъ Польшѣ скорою бѣдою и новымъ раздѣломъ, и на этомъ основаніи представить имъ крайнюю необходимость поспѣшить объявленіемъ конституціи. Между тѣмъ требовалось подобрать около зàмка толпу народа, которая бы криками одобренія показывала, какъ весь народъ сильно сочувствуетъ и радуется этому перевороту. Такъ замышляли патріоты, хотѣвшіе до поры до времени сохранить свой замыселъ втайнѣ отъ противниковъ.

Но послѣдняго имъ не удалось....

Король первый проболтался объ этомъ канцлеру Малаховскому, брату маршала. Надменный, закоренѣлый приверженецъ шляхетской старины и притомъ душевно расположенный къ Россіи, онъ съ ужасомъ отвращался отъ мысли о наслѣдственной монархіи и равенствѣ сословій. Онъ сообщилъ русскому посланнику Булгакову о затѣяхъ прогрессистовъ.

Но, вѣроятно, и другіе заговорщики также не слишкомъ строго хранили тайну, потому что дипломатическіе агенты всѣхъ дворовъ въ концѣ апрѣля знали о томъ, что̀ замышляется. Англійскій посланникъ Гэльсъ представлялъ полякамъ необдуманность ихъ затѣй: «Объявленіе вашей конституціи съ наслѣдственнымъ правленіемъ—говорилъ онъ имъ—возбудитъ противъ васъ сосѣднія государства, а ваша страна открыта отовсюду и беззащитна. Переворотъ произведетъ внутреннее броженіе, и государственные чины будутъ безсильны въ виду опасности. Вы объявите наслѣдственное правленіе. Что̀ же изъ этого? Ваша страна не при-

метъ его; вѣдь прошлое лѣто только четыре или пять сеймиковъ на него согласились; все остальное противъ васъ; вы скоро возбудите противъ себя конфедерацію, а сосѣди тотчасъ воспользуются ею».

На это ему отвѣчали: «теперь три державы заняты другими дѣлами; пока власть королевская избирательна, у насъ не будетъ порядка и крѣпости; установить наслѣдственное правленіе для насъ — единственное средство спасенія; теперь для этого пришло самое удобное время».

Гэльсъ, прежде настаивавшій на уступкѣ Пруссіи городовъ, и теперь, какъ послѣднее средство сколько-нибудь придать прочность намѣреніямъ прогрессистовъ, совѣтовалъ прежде всего сдѣлать это, по крайней мѣрѣ, угодить прусскому королю и заручиться его помощью. Но уступать какую бы то ни было территорію для поляковъ, за исключеніемъ самаго небольшого кружка, была вещь до того невыносимая, что самый намёкъ на это волновалъ ихъ.

Прусскій уполномоченный Гольцъ провѣдалъ о заговорѣ и обратился съ объясненіями къ маршалу Малаховскому и Игнатію Потоцкому. «Я не могу скрыть своего удивленія—говорилъ онъ— что поляки приступаютъ къ важному дѣлу и сохраняютъ его въ тайнѣ отъ нашего двора, столь расположеннаго къ вамъ. Такой смѣлый шагъ слѣдовало бы вамъ дѣлать не иначе, какъ взвѣсивъ послѣдствія со стороны трехъ дворовъ, принимающихъ непосредственное участіе въ дѣлахъ Польши. Притомъ, какъ же вы хотите утвердить наслѣдственное правленіе, а поручаете корону саксонскому князю-избирателю, у котораго одна только малолѣтняя дочь?»

«У насъ—говорилъ ему маршалъ Малаховскій—въ виду соединить Польшу съ Пруссіей». Онъ представлялъ возможность впослѣдствіи выдать саксонскую принцессу, наслѣдницу польскаго престола, за прусскаго принца.

Гольцъ могъ только улыбаться, слыша такія предположенія. Этотъ самый Гольцъ въ своихъ депешахъ замѣчалъ: «Въ Польшѣ на другомъ сеймѣ уничтожается то, что̀ постановляется на предъидущемъ; даже тѣ самые, которые въ данное время кажутся горячо убѣжденными въ пользѣ своихъ предпріятій, скоро охладѣваютъ къ нимъ и начинаютъ дѣйствовать въ противномъ духѣ».

Болѣе всѣхъ недоволенъ былъ русскій посланникъ; но онъ не высказывался, не заговаривалъ ни съ кѣмъ изъ прогрессивной партіи и только своимъ молчаніемъ далъ почувствовать, что ему многое извѣстно. За то, 29-го апрѣля, онъ собралъ у себя на совѣщаніе коноводовъ консервативной партіи. Рѣшено было

поскорѣе разослать гонцевъ и созвать разъѣхавшихся изъ столицы пословъ, чтобъ такимъ образомъ помѣшать провозглашенію конституціи. Это порученіе взяли на себя епископъ Коссаковскій и гетманъ Браницкій.

Объ этомъ тотчасъ узнали патріоты и, собравшись, порѣшили поспѣшить и вмѣсто 5-го мая назначили для переворота день 3-го мая. Въ воскресенье собрали пословъ въ зàмокъ и поручали угощать ихъ коронному конюшему Кицкому. Между тѣмъ маршалъ Малаховскій, черезъ своихъ агентовъ, по трактирамъ и шинкамъ поилъ народъ, приготовляя его къ ожиданію важныхъ и полезныхъ измѣненій своей судьбы.

Въ понедѣльникъ собрали пословъ на обѣдъ въ радзивилловскій палацъ. Тамъ прочитанъ былъ проектъ конституціи. Составить его было не трудно: онъ весь почти основывался на тѣхъ мысляхъ, которыя сообщалъ Коллонтай въ своихъ письмахъ къ Малаховскому въ 1788 году. По прочтеніи, присутствовавшіе тутъ члены приглашались къ подписи. Первый подписавшій его былъ каменецкій епископъ Красинскій. На совѣщаніи были и противники, но они молчали.

Всю ночь затѣмъ зачинщики не спали и съ разсвѣтомъ были у короля. Ихъ агенты сзывали и сгоняли народъ къ зàмку. Весь магистратъ и множество мѣщанъ должны были находиться тамъ и криками одобренія поддерживать провозглашеніе конституціи, чтобы видно было, кàкъ она по сердцу мѣщанскому сословію и всему народу. Мѣщане были естественно за нее, когда надѣялись отъ дальнѣйшихъ преобразованій расширенія тѣхъ правъ, какія уже получили. Простой народъ бѣжалъ туда потому, что за это давали деньги; другіе валили къ замку просто изъ любопытства. Бóльшая часть этой толпы и прежде не имѣла никакихъ правъ и отъ новой конституціи не могла ожидать для себя ничего особаго. Ровно ничего не зная и не понимая, каждый готовъ былъ кричать, потому что за это давали по злотому и по два.

Приказано было и войску придвинуться къ зàмку. Приведемъ здѣсь любопытное описаніе очевидца событія, Охоцкаго:

«Только-что начало свѣтать—пишетъ онъ—лакей экс-воеводы кіевскаго, у котораго я находился, разбудилъ меня и говоритъ: «въ Варшавѣ что̀-то дѣлается. Войска идутъ по краковскому предмѣстію и въ зàмокъ». Я наскоро одѣлся и выбѣжалъ на улицу; проходитъ полкъ Дзялыньскаго; полковникъ Зелиньскій, мой хорошій знакомый. Что̀ это значитъ? спрашиваю я. —Не знаю, хоть убей, отвѣчаетъ онъ. Въ десять часовъ вечера получили приказаніе идти къ зàмку и стать на Краковскомъ предмѣстьѣ

около бернардиновъ.—За нимъ конная гвардія. Я спрашиваю капитана Орловскаго, своего знакомаго. И тотъ мнѣ тоже отвѣчалъ. Потомъ слѣдуютъ двѣ баттареи и два пѣшихъ полка, а за ними валитъ множество народа. Я побѣжалъ домой, разбудилъ пана экс-воеводу, привязалъ саблю и пустился къ Сигизмунду (памятникъ Сигизмунда). Встрѣчалъ я десятка два три знакомыхъ, спрашивалъ, что́ это такое? Одни говорили—король умеръ; другіе—смута какая-то. Расходились самыя странныя вѣсти. Войска заняли Краковское предмѣстье; выставили на подмосткахъ шестьдесятъ пушекъ. Въ краковскую браму вошло два полка гвардіи; на воротахъ за̀мка стали караулы. Протѣсниться было невозможно: набилось народу такое множество, что негдѣ было иглѣ упасть. Спрашивали у солдатъ: чѣмъ заряжены ружья? Одни отвѣчали пулями, а другіе—холостыми зарядами. Уже было около часу пополудни, а на улицѣ никто не зналъ, что̀ дѣлается».

Въ это время, въ сеймовой Избѣ происходило засѣданіе—одно изъ важнѣйшихъ во всей польской исторіи.

Король сидѣлъ на тронѣ, одѣтый въ мундиръ корпуса кадетовъ. Около него сенаторы. Послы были на своихъ скамьяхъ. Великій коронный маршалъ ударилъ три раза въ землю жезломъ изъ чернаго дерева, оправленнымъ въ золото. Сеймовый маршалъ Малаховскій, объявивъ засѣданіе открытымъ, сказалъ:

«Исторія поучаетъ насъ, что сильныя государства падаютъ, а слабыя возвышаются. Примѣромъ тому служитъ и Польша. За три вѣка назадъ тому она блистала могуществомъ и равнялась съ другими государствами, а потомъ сдѣлалась жертвою собственныхъ ошибокъ и чужихъ хищеній. Да избавитъ насъ небо отъ новыхъ несчастій, которыя намъ угрожаютъ. Депутація иностранныхъ дѣлъ донесетъ вамъ, почтенные чины, о важныхъ происшествіяхъ въ сферѣ политическихъ обстоятельствъ».

За нимъ говорилъ краковскій посолъ Солтыкъ. «Ужаснѣйшій, печальнѣйшій слухъ расходится по столицѣ. Языкъ мой деревенѣетъ, не смѣю выговорить, какое несчастіе готовится отечеству. Король! Для тебя не тайна, что̀ заключаютъ въ себѣ извѣстія, полученныя депутаціею иностранныхъ дѣлъ. Кромѣ того, мнѣ самому писали родные и пріятели изъ разныхъ мѣстъ за границею, что намъ угрожаетъ новый раздѣлъ. Наступаетъ послѣдняя минута. Отечество вопіетъ о помощи. Я съ своего мѣста прошу депутацію сообщить намъ всѣмъ полученныя ею извѣстія и тогда-то мы покажемъ, любимъ ли отечество? Такъ какъ у насъ допускались посторонніе, когда рѣчь шла о Гданскѣ, то я прошу

и умоляю, чтобы и теперь они были допущены, когда дѣло идетъ о цѣлой странѣ».

Такова была подготовка. Заговорщикамъ нужны были посторонніе, особенно заранѣе настроенные мѣщане, которые должны были своими криками поддерживать провозглашеніе конституціи. Раздались голоса: «просимъ, просимъ, просимъ.»

Напустили въ залу арбитровъ. Началось чтеніе депешъ изъ Вѣны, Берлина, Петербурга, Парижа. Во всѣхъ этихъ депешахъ сообщались угрожающія вѣсти о затѣваемомъ сосѣдями новомъ раздѣлѣ Польши. Депеши эти, по согласному извѣстію иностранныхъ агентовъ въ Варшавѣ, были вымышленныя, или подготовленныя, т. е. написанныя за границею министрами Рѣчи-Посполитой по секретнымъ указаніямъ, даннымъ изъ Варшавы. По извѣстіямъ русскаго посланника, Игнатій Потоцкій впослѣдствіи, въ кругу друзей, сознавался въ этомъ. «Я—говорилъ онъ—написалъ въ Вѣну къ Во́йнѣ, къ Деболи въ Петербургъ, къ Орачевскому въ Парижъ, чтобы они донесли, будто ходятъ слухи о новомъ раздѣлѣ Польши. Нужно было, чтобъ эти извѣстія, пришедши въ пору, произвели волненія. Все это обдѣлалось въ тайнѣ. Самъ маршалъ Малаховскій ничего не зналъ объ этомъ, не говоря уже о другихъ; шестьдесятъ человѣкъ, которые предварительно вступили въ заговоръ, все-таки оставались, такъ сказать, учениками. Статья о наслѣдственности, самая щекотливая, не была всѣмъ извѣстна. Я зналъ, что страхъ заставитъ ихъ на все согласиться и потомъ многіе станутъ жалѣть, когда опомнятся, такъ точно, какъ многіе, по увлеченію, пристали къ закону о городахъ, а потомъ сожалѣли, но уже было поздно. Инымъ путемъ нельзя было провозгласить конституціи. За депешами должны были читаться частныя письма, полученныя изъ-за границы, все съ цѣлью перепугать членовъ сейма и, не давъ имъ прійдти въ себя, заставить ихъ согласиться на конституцію.»

Но прежде, чѣмъ успѣли прочитать депеши, бросился впередъ Сухоржевскій и кричалъ изо всѣхъ силъ: «Голоса! прошу дать мнѣ голоса! я открою страшныя вещи», но маршалы ударяли своими жезлами и заставили его молчать.

Тогда всталъ король и провозгласилъ: «я долженъ объявить и засвидѣтельствова́ть, что дѣйствительно получены донесенія, которыя необходимо объявить цѣлому сейму и всему обществу; прошу пана маршала, согласно своей обязанности, распорядиться о неуклонномъ чтеніи ихъ».

Раздались крики: «читать! читать!» но раздались и крики противные. Арбитры успѣли заранѣе пройти впередъ и окружить

мѣста, занимаемыя послами, своими сторонниками, и противная сторона была оттѣснена и разрознена прогрессистами. Говорятъ, что сторонники Браницкаго взялись-было за оружіе и одинъ изъ нихъ, подойдя къ гетману, сказалъ: «а что, пане Ксаверію, махнемъ!» но Браницкій закричалъ: вара! (прочь)!

Сухоржевскій снова бросился съ своего мѣста на средину и кричалъ: «прошу голоса! дайте голоса»! Его моленія покрывались громкими криками: «читать! читать»! Въ припадкѣ отчаяннаго самолюбія онъ всталъ на колѣни, сорвалъ съ себя орденъ Станислава, пожалованный ему королемъ за мѣщанскій проектъ, потомъ упалъ на землю и началъ ползти къ трону, махая руками и ногами, какъ будто представляя изъ себя плавающаго, и умолялъ короля дать ему голосъ.

Этотъ чрезчуръ оригинальный пріёмъ обратилъ на себя общее вниманіе. Маршалъ сейма сказалъ, что допускаетъ его къ голосу. Останавливать его долѣе было бы слишкомъ большимъ нарушеніемъ посольскихъ правъ.

Сухоржевскій началъ говорить: «Уже нѣсколько дней ходятъ слухи, что въ сеймовую Избу представится ужасный проектъ уничтоженія свободы; готовится революція на подобіе шведской, чтобы ввести новое правленіе въ странѣ и замѣнить народную свободу рабствомъ. Съ этой цѣлью предпринято читать депеши, угрожающія намъ раздѣломъ. Но о раздѣлѣ были слухи и прежде и мы тогда требовали, чтобъ депутація объявила намъ о своихъ свѣдѣніяхъ. Тогда намъ отвѣчали, что эти слухи не имѣютъ основанія. Теперь же, значитъ, они справедливы. Теперь хотятъ запугать насъ ожиданіемъ несчастія и тѣмъ принудить сеймъ къ принятію проекта, вреднаго для свободы. Мало этого; носятся слухи, будто сговорились противящихся перебить и сдѣлать свое. Я ничего не боюсь. Я готовъ пролить кровь за отечество, но я хочу и защищать отечество. Я свободенъ, но если въ Польшѣ настанетъ деспотизмъ — я презираю ее, объявляю себя врагомъ Польши; я не намѣренъ спасать ее наложеніемъ оковъ на свободныхъ людей. Знаю, и готовъ доказать передъ судомъ, что есть намѣреніе возмутить мѣщанъ противъ несогласныхъ съ этимъ проектомъ; ихъ увѣряютъ, будто мы недовольны дарованными имъ правами и хотимъ возвратить ихъ въ прежнее состояніе; ихъ собрали, чтобы приневолить насъ принять проектъ, который намъ подадутъ. Такъ въ Швеціи употребили одно сословіе какъ орудіе, и наложили оковы на другое. Но я объявляю всѣмъ находящимся здѣсь мѣщанамъ, что какъ мы старались о ихъ благоденствіи, такъ и желаемъ ихъ поддерживать, а кто бы хотѣлъ нарушать ихъ привилегіи, тотъ во вся-

комъ полякѣ увидитъ врага; если мы не думаемъ расширять этихъ привилегій, то не думаемъ уменьшать ихъ: связь съ мѣщанами усиливаетъ насъ самихъ. А это что за анекдоты? госпожи жены братьевъ Потоцкихъ, великаго литовскаго маршала Игнатія и люблинскаго посла Станислава, лишились чувствъ, когда имъ донесли, что ихъ мужей хотятъ убить»!

Раздался всеобщій смѣхъ. Люблинскій посолъ князь Сангушко сказалъ: «да у пана Игнатія давно нѣтъ жены, а жена Станислава здѣсь, на балконѣ.» Всѣ взоры обратились туда. Сухоржевскій почувствовалъ, что заврался, смѣшался, а потомъ продолжалъ: «я хотѣлъ сказать, что жена пана Станислава, заботясь о мужѣ, заболѣла. Пусть меня сейчасъ закуютъ въ кандалы: я подъ стражею буду доказывать, требую суда, пусть паны Потоцкіе объявятъ, кто злоумышлялъ на ихъ жизнь.»

Противники спѣшили громкимъ хохотомъ лишить важности рѣчь Сухоржевскаго. Вновь раздались крики: «читать! читать донесеніе»!

Членъ депутаціи, брестъ-литовскій посолъ Матушевичъ, произнесъ длинную рѣчь. Онъ объяснялъ, что депутація считаетъ обязанностью не безпокоить общественнаго мнѣнія зловѣщими слухами, пока они еще не такъ важны, напримѣръ, когда одинъ только министръ Рѣчи-Посполитой о чемъ-нибудь извѣщаетъ; но когда всѣ министры въ различныхъ мѣстахъ заговорили одно и то же, то этого нельзя скрывать. «Депутація—говорилъ онъ—получила эти свѣдѣнія въ такую пору, когда дѣла Европы приближаются къ развязкѣ, а Польша опоздала дѣломъ своего возрожденія, не окончила устройства правленія, и не имѣетъ достаточныхъ силъ для своей безопасности; поэтому депутація, по долгу служебной обязанности и по данной Богу и вамъ присягѣ, представляетъ вамъ извѣстіе, полученное отъ нашихъ заграничныхъ министровъ». Онъ изобразилъ положеніе дѣлъ въ Европѣ, неблагопріятное для Польши; берлинскій дворъ, по его словамъ, склонялся къ союзу съ Россіей; въ Турціи неудачи польскаго посланника приписать слѣдовало тому, что изъявленная готовность прусскаго посла оказать ему помощь была только наружная, а въ самомъ дѣлѣ онъ втайнѣ дѣлалъ затрудненія. Послѣ рѣчи Матушевичъ началъ читать депешу за депешей. Посланникъ Рѣчи-Посполитой въ Австріи, Вòйна, отъ 16-го апрѣля, доносилъ: «Я слышу и вижу, что здѣсь не радуются умноженію войска и скарба нашего, но еще болѣе не радуются улучшеніямъ, произведеннымъ въ Польшѣ посредствомъ новаго законодательства. Все заставляетъ бояться, что по заключеніи мира сосѣди наши обратятъ свои усилія на то, чтобы помѣшать улучшенію и утвержденію

нашего правленія. Министръ Рѣчи-Посполитой въ Парижѣ отъ 8-го и 11-го апрѣля доносилъ, что ему очень прискорбно слышать въ частныхъ разговорахъ и читать въ періодическихъ изданіяхъ предположеніе о томъ, что Польша должна будетъ на свой счетъ вознаградить нѣкоторыхъ участвующихъ въ мирномъ трактатѣ, который окончитъ войну съ турками, насколько другіе участники получатъ пользы отъ турокъ. Польскій министръ изъ Гаги отъ 29-го марта и 12-го апрѣля доносилъ, что вездѣ толкуютъ о предстоящемъ раздѣлѣ Польши и сами посланники, русскій и австрійскій, сказали, что Польша недалека отъ опасности. Министръ изъ Дрездена отъ 27-го апрѣля писалъ, что князь-избиратель увѣрялъ его въ расположеніи къ польскому народу; но замѣтилъ, что онъ будетъ безпокоиться о Польшѣ, пока не услышитъ объ утвержденіи въ ней прочнаго образа правленія. Отъ Деболи, польскаго министра въ Петербургѣ, читалась самая длинная депеша. Она излагала ходъ событій отъ перваго раздѣла, указывала на злонамѣренность русской политики противъ Польши; сообщала, что еще въ 1788 году Россія предлагала Пруссіи приступить къ новому раздѣлу Польши, но Пруссія отклонила это предложеніе. «Частые разговоры Потемкина съ прусскимъ посломъ и вѣжливость, оказываемая послѣднему—писалъ Деболи — заставляютъ многихъ думать, что скоро заключится союзъ Москвы съ Пруссіею на погибель Польши. Москва всѣми силами старается не допустить въ Польшѣ порядка и согласія. Отовсюду заграничные министры пишутъ, что у насъ нѣтъ ни системы, ни порядка, а все дѣлается случайно. Одна особа, которая любитъ составлять проекты, говорила, что Польшу нужно раздѣлить на шесть независимыхъ княжествъ и одно изъ нихъ отдать Потемкину. Вы доведете себя до этого вашими безконечными спорами, сказалъ мнѣ этотъ господинъ, вы не оканчиваете того, что̀ начинаете; настоящій сеймъ вашъ это показываетъ».

Прочитавши эти депеши, Матушевичъ сказалъ:

«Видите, наияснѣйшіе чины, въ какомъ положеніи дѣла въ Европѣ. Шагъ сдѣланъ Англіею, отступленіе невозможно. Либо миръ установится, либо всеобщая война возгорится. Если миръ насъ застанетъ неготовыми, то мы и себя и отечество отдадимъ въ непріятельскія руки; если же наступитъ война и приблизится къ нашимъ границамъ, то долго-ли не долго эта война будетъ тянуться, во всякомъ случаѣ она умножитъ издержки и увеличитъ притязанія и алчность воюющихъ сторонъ: для нихъ не можетъ быть ничего выгоднѣе, какъ овладѣть сосѣднимъ пространнымъ краемъ. Мы безъ прочнаго правленія, безъ военной силы; —

конецъ нашей Польшѣ, если только любовь къ отечеству не соединитъ наши сердца! Депутація сдѣлала свое дѣло: показала вамъ состояніе, въ какомъ мы находимся; теперь тебѣ, милостивый король и вамъ, наияснѣйшіе чины, остается принять средства, какія вы найдете дѣйствительными для спасенія отечества».

Депеши поразили собраніе. Нѣсколько минутъ оно молчало, наконецъ заговорилъ Игнатій Потоцкій и, послѣ короткаго приступа, сказалъ:

«Носятся слухи, будто меня хотятъ убить. Я знаю благородство польскаго народа и никакой отзывъ о подломъ и предательскомъ поступкѣ не найдетъ доступа къ моимъ мыслямъ. Но смотрю на смерть спокойно и, если она нужна отечеству, желаю ея. Если когда-нибудь, то въ настоящій день годятся для насъ слова Льва Сапѣги, который, по примѣру римлянъ, не разъ совѣтовалъ оставлять неудовольствія въ присѣнкѣ святыни общественныхъ совѣщаній. Насъ предостерегаютъ, намъ указываютъ, что приходитъ пора безотлагательно спасать отечество; пойдемъ же согласно прямою дорогою, ведущею къ цѣли. Мы родились въ равенствѣ; мы простираемъ это равенство не только на права, но и на убѣжденія. При величайшихъ доблестяхъ трудно гражданину пріобрѣсть всеобщее и безграничное довѣріе въ такомъ дѣлѣ, какъ перемѣна и улучшеніе правленія. Почтенные сконфедерованные чины Рѣчи-Посполитой! Строй нашей республики подаетъ намъ способъ, какъ намъ слѣдуетъ поступать. У насъ есть высшее надъ всѣми лицо въ Рѣчи-Посполитой—король. Онъ выше другихъ и личными достоинствами ума и образованія, онъ выше другихъ и добродѣтелями. Дозволяя назначить себѣ преемника, онъ показалъ, что польза отечества для него выше своей собственной. Наияснѣйшій государь! Обращаюсь къ твоему свѣтлому уму, къ твоей добродѣтели; ты думаешь только о благополучіи и счастіи народа—открой же намъ твои виды о спасеніи отечества. Ты первый имѣешь право, желаніе и несомнѣнную способность. Посовѣтуемся прежде о благѣ Рѣчи-Посполитой, а потомъ, если охота будетъ, займемся и личными несогласіями, такъ говорилъ когда-то Петръ Зборовскій Фирлею, коронному маршалку. Я съ своего мѣста скажу: позволь намъ, великій Боже, установить благо Рѣчи-Посполитой и никогда не возвращаться къ личнымъ несогласіямъ!»

Игнатій Потоцкій никогда не чувствовалъ того, что̀ говорилъ о королѣ въ своей рѣчи, исполненной лести. Король, вставъ съ своего мѣста, подозвалъ, по обычаю, министровъ и сказалъ:

Извѣстныя вамъ теперь донесенія изъ-за границы раждаютъ во мнѣ, какъ и во всѣхъ, глубокое убѣжденіе, что тянутъ

дѣло устройства правленія вредно для насъ и полезно для чужихъ, которые одолѣютъ насъ даже безъ особенныхъ усилій, пользуясь только нашими несогласіями и потерею времени. Я уже нѣсколько мѣсяцевъ думалъ, какъ поступить; скажу вамъ, къ чести благомыслящихъ гражданъ, что меня побуждали, заклинали приступить къ рѣшительному шагу какъ можно скорѣе. Взаимное совѣщаніе, при гражданскомъ довѣріи другъ къ другу, подало намъ согласныя мнѣнія. Изъ нихъ составленъ былъ проектъ и показанъ мнѣ; многіе предприняли его привести въ исполненіе; когда его прочтутъ, то всѣ его нынѣ же примутъ. Я этого желаю. Онъ намъ поможетъ, а черезъ двѣ недѣли, быть можетъ, уже будетъ поздо. Война ли продолжится, миръ ли настанетъ — у сосѣдей, окружающихъ Польшу, одно намѣреніе—держать насъ въ безсиліи, льстить намъ и хвалить то, что̀ давніе предразсудки сдѣлали нашею святынею, но что̀ намъ вредитъ, что̀ насъ почти выбросило изъ ряда народовъ. Въ этомъ проектѣ одного только пункта касаться не считаю себя вправѣ иначе, какъ узнавши волю сейма—наслѣдственнаго правленія; со всѣмъ другимъ соглашаюсь. Прошу васъ, господинъ сеймовый маршалъ, пусть начнется чтеніе проекта». Секретарь прочиталъ проектъ слѣдующаго содержанія:

«1. Господствующая народная религія есть и будетъ вѣра римско-католическая во всѣхъ ея правахъ. Переходъ изъ господствующей религіи въ другое вѣроисповѣданіе запрещается подъ страхомъ наказанія за отступничество. Но такъ какъ сама эта вѣра учитъ насъ любить своихъ ближнихъ, то всѣмъ людямъ, какого бы то ни было исповѣданія, мы обязаны предоставить спокойствіе въ дѣлахъ вѣры и защиту отъ правительства, а потому мы обезпечиваемъ свободу всякаго обряда и всякой религіи въ польскихъ краяхъ, согласно туземнымъ постановленіямъ.

«2. Уважая память предковъ нашихъ, какъ учредителей свободнаго правленія, мы утверждаемъ шляхетскому сословію всю свободу, льготы, преимущества и первенство въ частной и общественной жизни, въ особенности всѣ права, постановленія и привилегіи, справедливо и законно дарованныя этому сословію королями Казимиромъ Великимъ, Людовикомъ Венгерскимъ, Владиславомъ Ягелло и Витовтомъ, братомъ его, великимъ княземъ литовскимъ, а также Владиславомъ и Казимиромъ Ягеллоновичами, Яномъ-Альбрехтомъ, Александромъ, Сигизмундомъ I-мъ и Сигизмундомъ-Августомъ, послѣднимъ изъ рода Ягеллоновъ, утверждаемъ упрочиваемъ и признаемъ ненарушимыми. Признаемъ достоинство шляхетскаго званія въ Польшѣ равнозначительнымъ всякому благородному сословію, существующему гдѣ бы то ни было. Вся

шляхта равна между собою не только въ исканіи служебныхъ должностей и въ отправленіи службы отечеству, приносящей честь, почетъ и выгоды, но и по отношенію къ равному пользованію привилегіями и преимуществами, присвоенными шляхетскому званію. Сверхъ всего желаемъ, чтобы сохранились свято и ненарушимо всѣ существовавшія искони для каждаго права личной безопасности, личной свободы и собственности недвижимой и движимой, торжественно ручаясь, что не допустимъ никакого измѣненія или исключенія изъ правъ, въ ущербъ чей бы то ни было собственности; напротивъ, верховная власть и установленное ею правительство отнюдь не будутъ, подъ предлогомъ jurium regalium или подъ какимъ-либо инымъ видомъ, предъявлять притязаній на шляхетскую собственность по частямъ или въ цѣлости. Въ силу чего желаемъ, чтобы безопасность личности и всякой собственности, кому бы то ни было принадлежащей по закону, какъ истинная связь общества, какъ зѣница обывательской свободы уважалась, ограждалась и утверждалась, и на будущее время оставалась уважаемою, огражденною и ненарушимою. Признаемъ шляхту первѣйшею охранительницею вольности и ей, какъ единой твердынѣ отечества, поручаемъ святыню настоящей конституціи, во огражденіе доблести, гражданства и чести каждаго шляхтича.

«3. Уставъ, состоявшійся на текущемъ сеймѣ подъ названіемъ: «Наши королевскіе свободные города, въ государствахъ Рѣчи-Посполитой», желаемъ сохранять въ полнотѣ и объявляемъ его частію настоящей конституціи, какъ законъ, дающій свободной польской шляхтѣ, для безопасности ея свободы и цѣлости общаго отечества новую, истинную и дѣйствительную силу.

«4. Земледѣльческій классъ, изъ рукъ котораго течетъ источникъ изобилія, составляющій самое многочисленное населеніе народа и притомъ самую дѣйствительную силу страны, какъ по справедливости, человѣколюбію и христіанскимъ обязанностямъ, такъ и въ видахъ собственной нашей здраво понимаемой пользы, принимаемъ подъ покровительство закона и правительства страны и постановляемъ, чтобы съ этихъ поръ, если владѣльцы съ крестьянами своихъ имѣній положительно установятъ какія-нибудь льготы, надѣлы и условія, то эти льготы, надѣлы и условія, будутъ ли они заключены съ цѣлыми громадами или съ каждымъ жителемъ села по-одиночкѣ, должны имѣть значеніе обоюднаго и взаимнаго обязательства, подлежащаго покровительству правительства по силѣ существеннаго смысла уговора и по содержанію такихъ надѣловъ и условій. Такіе договоры и вытекающія изъ нихъ обязательства, принятыя добровольно владѣльцемъ земли, будутъ обязывать не-

только его самого, но и его наслѣдниковъ или пріобрѣвшихъ отъ него право на владѣніе, такъ что они уже не могутъ самовольно ихъ измѣнять. Равномѣрно и крестьяне какого бы то ни было имѣнія, не иначе могутъ быть увольняемы отъ добровольно принятыхъ условій и надѣловъ и съ ними соединенныхъ повинностей, какъ только сообразно съ способами и условіями, какія значатся въ постановленномъ договорѣ, который будетъ для нихъ въ точности обязателенъ навсегда или на срочное время, смотря по тому, какъ онъ составленъ. Обезпечивъ, такимъ образомъ, владѣльцевъ при ихъ доходахъ, проистекающихъ отъ принадлежащихъ имъ крестьянъ, и желая, сколько возможно, содѣйствовать умноженію народонаселенія въ странѣ, объявляемъ полную свободу всѣмъ новоприбывающимъ, а равно и тѣмъ, которые, прежде удалившись изъ страны, захотятъ снова воротиться въ отечество, до такой степени, что каждый, или вновь откуда бы то ни было прибывшій въ государства Рѣчи-Посполитой, или назадъ возвратившійся туда, какъ только ступитъ ногою на польскую землю, вполнѣ свободенъ и воленъ заниматься какимъ хочетъ промысломъ и гдѣ захочетъ, заключить договоръ на осѣдлость, работу или оброкъ, проживать въ городахъ и селахъ, оставаться въ Польшѣ или возвратиться въ тотъ край, куда захочетъ, выполнивши обязательства, принятыя на себя добровольно.

«5. Всякая власть въ человѣческомъ обществѣ исходитъ изъ воли народа. Чтобы цѣлость государства Рѣчи-Посполитой, гражданская свобода и общественный порядокъ навсегда оставались въ равновѣсіи, правительство польскаго народа, по волѣ настоящаго сейма, должно состоять изъ трехъ властей, то-есть: законодательной въ собранныхъ чинахъ, исполнительной въ королѣ и Стражѣ, и судебной въ юрисдикціяхъ, учрежденныхъ для этой цѣли или же долженствующихъ быть учрежденными.

«6. Сеймъ или собранные чины раздѣляются на двѣ Избы: посольскую и сенаторскую, подъ предсѣдательствомъ короля.

«Посольская Изба, какъ выраженіе и средоточіе народнаго всевластія, должна быть святынею законодательства. Поэтому въ посольской Избѣ будутъ первоначально рѣшаться всѣ проекты: 1) законовъ вообще, то-есть конституціонныхъ, гражданскихъ, уголовныхъ и касающихся установленія постоянныхъ податей, и по этимъ предметамъ предложенія отъ трона воеводствамъ, землямъ и повѣтамъ, поданныя на разсмотрѣніе, и представленныя Избѣ въ посольскихъ инструкціяхъ, должны быть рѣшаемы прежде другихъ; 2) проекты сеймовыхъ опредѣленій, касающихся временныхъ налоговъ, качества монеты, общественныхъ долговъ, нобилитаціи и другихъ, по случаю, наградъ, раскладки общественныхъ расхо-

довъ, ординарныхъ и экстра-ординарныхъ, войны, мира, окончательной ратификаціи союзныхъ и торговыхъ договоровъ, всякихъ дипломатическихъ актовъ и договоровъ, принадлежащихъ къ народному праву, повѣрки исполнительныхъ магистратуръ, и тому подобныхъ статей, соотвѣтствующихъ главнымъ народнымъ потребностямъ, между которыми первенство, въ порядкѣ разсмотрѣнія, принадлежитъ предложеніямъ, обращеннымъ къ Избѣ отъ королевскаго трона.

«Обязанности сенаторской Избы, составленной изъ епископовъ, воеводъ, каштеляновъ и министровъ, подъ предсѣдательствомъ короля, имѣющаго право одинъ разъ дать свой голосъ (votum) а другой разрѣшать paritatem (равенство голосовъ) лично или посылкою въ Избу своего мнѣнія, таковы: 1) каждый законъ, который по формальномъ прохожденіи чрезъ посольскую Избу, долженъ немедленно быть посылаемъ въ сенатъ, или принимать, или задерживать для дальнѣйшаго народнаго обсужденія, указаннаго въ законѣ о большинствѣ голосовъ; и въ первомъ случаѣ, принятіе закона будетъ давать ему силу и святость, а въ послѣднемъ, задержаніе остановитъ его дѣйствіе до будущаго ординарнаго сейма, и если на послѣднемъ состоится вторичное согласіе, то пріостановленный законъ долженъ быть принятъ сенатомъ; 2) каждое сеймовое опредѣленіе по вышеизложеннымъ предметамъ, которое посольская Изба немедленно должна посылать сенату, вмѣстѣ съ посольскою Избою рѣшать большинствомъ, голосовъ, а установленное закономъ большинство въ соединенныхъ Избахъ будетъ приговоромъ и волею государственныхъ чиновъ.

«Сенаторы и министры въ предметахъ, касающихся отчетовъ по ихъ должностямъ въ Стражѣ и въ коммиссіяхъ, безъ рѣшающаго голоса (votum decisivum), будутъ въ то время засѣдать въ сенатѣ только для объясненій на вопросы сейма. Долженъ всегда существовать готовый сеймъ. Законодательный и ординарный сеймъ должны возобновляться каждые два года и продолжаться сообразно содержанію закона о сеймахъ. Готовый сеймъ, созванный по мѣрѣ настоятельной надобности, будетъ дѣлать постановленія только о такихъ предметахъ, по поводу которыхъ онъ созванъ, или о такихъ нуждахъ, которыя встрѣтились послѣ его созванія.

«Никакой законъ не можетъ быть отмѣненъ на томъ самомъ ординарномъ сеймѣ, на которомъ постановленъ. Комплектъ сейма будетъ состоять изъ числа особъ, указаннаго нижеписаннымъ закономъ какъ для Избы посольской, такъ и для ссnаторской.

«Утверждаемъ торжественно законъ о сеймикахъ, установлен-

ный на настоящемъ сеймѣ, какъ самую дѣйствительную основу гражданской свободы.

«Какъ въ законодательствѣ всѣ не могутъ участвовать и народъ въ этомъ случаѣ изображаетъ себя чрезъ своихъ представителей или пословъ, добровольно выбранныхъ, то мы установляемъ, что выбранные на сеймикахъ послы, сообразно настоящей конституціи, въ дѣлахъ законодательства и всякихъ народныхъ потребностей вообще, должны быть уважаемы, какъ представители цѣлаго народа, образуя собою средоточіе всеобщаго довѣрія.

«Все вездѣ должно быть рѣшаемо большинствомъ голосовъ, а потому liberum veto, всякаго рода конфедераціи и конфедераціонные сеймы, какъ противные духу настоящей конституціи, ниспровергающіе правительство и разстроивающіе общество, уничтожаются навсегда.

«Въ предупрежденіе, съ одной стороны, насильственныхъ и частыхъ перемѣнъ народной конституціи, съ другой, сознавая потребность усовершенствованія оной по испытаніи ея послѣдствій для общественнаго благосостоянія, назначаемъ чрезъ каждые двадцать пять лѣтъ пересмотръ и исправленіе конституціи. Такой конституціонный экстраординарный сеймъ будетъ отправляться на основаніи особаго о немъ закона.

«7. Совершеннѣйшее правленіе не можетъ существовать безъ сильной исполнительной власти. Благополучіе народовъ зависитъ отъ справедливыхъ законовъ, а благія послѣдствія законовъ отъ ихъ исполненія. Опытъ научилъ насъ, что пренебреженіе этою частію правленія преисполнило Польшу несчастіями, почему, обезпечивши для свободнаго польскаго народа власть издавать для себя законы, и право надзора за всякою исполнительною властію и выбора должностныхъ лицъ для магистратуръ, верховную власть исполненія законовъ передаемъ королю съ совѣтомъ, который будетъ называться Стражею законовъ.

«Исполнительная власть строго обязана соблюдать законы и исполнять ихъ. Она должна оказывать свою дѣятельность тамъ, гдѣ дозволено закономъ и гдѣ законы требуютъ надзора, принуждать и даже прибѣгать къ силѣ. Всѣ магистратуры всегда обязаны ей повиновеніемъ, и въ ея рукахъ находится понужденіе непослушныхъ и забывающихъ свои обязанности.

«Исполнительная власть не можетъ установлять законовъ, толковать ихъ, налагать подъ какимъ бы то ни было именемъ податей или поборовъ, дѣлать государственные долги, измѣнять раскладку казенныхъ доходовъ, учиненную сеймомъ, объявлять войну, заключать мирные договоры и окончательно утверждать

дипломатическіе акты. Но она можетъ входить во временныя сношенія съ иностранными державами, улаживать потребности, возникающія для безопасности и спокойствія страны, о чемъ обязана доносить ближайшему сеймовому собранію.

«Польскій престолъ навсегда установляемъ и объявляемъ избирательнымъ по фамиліямъ. Испытанныя бѣдствія безкоролевья, періодически ниспровергавшія правленіе, необходимость обезпечить судьбу каждаго обитателя польской земли и пресѣчь навсегда пути вліянію иностранныхъ государствъ, воспоминаніе о счастіи отечества нашего во времена продолжительно царствовавшихъ фамилій, необходимость отвратить чужеземцевъ отъ честолюбивыхъ замысловъ на польскій престолъ, а польскихъ вельможъ обратить къ единственной заботливости о народной свободѣ, указали намъ, въ видахъ предусмотрительности, сдѣлать польскій престолъ наслѣдственнымъ.

«Итакъ, постановляемъ, что, по кончинѣ нынѣшняго короля (да продлитъ его дни благость Божія), нынѣшній саксонскій князь-избиратель будетъ въ Польшѣ царствовать. Династія будущихъ польскихъ королей начнется съ Фридерика Августа, и преемниками его на польскомъ престолѣ будутъ его наслѣдники въ мужескомъ колѣнѣ и старшій сынъ будетъ вступать на престолъ послѣ родителя. Если же нынѣшній князь-избиратель не будетъ имѣть потомства мужескаго пола, то супругъ его дочери, избранный имъ для нея съ согласія государственныхъ чиновъ, начнетъ наслѣдственную линію въ мужескомъ колѣнѣ на польскомъ престолѣ.

«Поэтому мы объявляемъ дочь князя-избирателя Марію Августу Непомуцену польскою инфанткою, оставляя за народомъ никакимъ ограниченіямъ не подлежащее право избрать на престолъ другой домъ, по прекращеніи перваго.

«Каждый король, вступая на престолъ, учиняетъ присягу Богу и народу сохранять настоящую конституцію и условія принятія короны, pacta conventa, которыя будутъ заключены съ нынѣшнимъ саксонскимъ княземъ-избирателемъ, какъ съ назначеннымъ на престолъ и будутъ его обязывать, какъ издавна бывало.

«Особа короля священна и неприкосновенна для всякаго. Онъ самъ собою ничего не дѣлаетъ, а потому и не отвѣтственъ предъ народомъ ни за что. Онъ долженъ быть не самовластителемъ, а отцомъ и главою народа, и такимъ его признаетъ и объявляетъ законъ и настоящая конституція.

«Доходы, указанные въ условіяхъ принятія короны (pacta conventa) и присвоенные трону преимущества, предоставленныя

настоящею конституціею будущему избраннику престола, не могутъ быть нарушаемы.

«Всѣ публичные акты, трибуналы, суды, магистратуры, монета, штемпели должны быть подъ королевскимъ именемъ.

«Королю предоставляется всякая возможность дѣлать добро, и потому дается право помилованія (jus agratiandi) осужденныхъ на смерть, исключая государственныхъ преступниковъ. Королю принадлежитъ верховное распоряженіе вооруженными силами во время войны и наименованіе командировъ войска, однако съ свободою смѣны ихъ по волѣ народа; право выдавать офицерамъ патенты на чины, назначать должностныхъ лицъ, епископовъ, сенаторовъ, сообразно закону, а также и министровъ, какъ первыхъ дѣятелей исполнительной власти.

«Придаваемая королю въ помощь Стража для надзора за соблюденіемъ и исполненіемъ законовъ будетъ состоять: 1) изъ примаса или главы польскаго духовенства и вмѣстѣ презуса эдукаціонной коммиссіи, который можетъ быть замѣненъ въ Стражѣ первымъ по порядку епископомъ, безъ права подписывать резолюціи; 2) изъ министровъ, именно: министра полиціи, министра печати, министра belli (войны), министра скарба (казны) и министра печати для иностранныхъ дѣлъ; 3) изъ двухъ секретарей, изъ которыхъ одинъ будетъ вести протоколъ Стражи, а другой протоколъ иностранныхъ дѣлъ, оба безъ рѣшающаго голоса.

«Наслѣдникъ престола, по выходѣ изъ малолѣтства, давши присягу конституціи, можетъ присутствовать на всѣхъ засѣданіяхъ стражи, но безъ голоса.

«Сеймовый маршалъ, избранный на два года, будетъ входить въ число засѣдающихъ въ Стражѣ, но безъ участія въ резолюціяхъ, единственно на случай созванія готоваго сейма: если бы онъ сознавалъ крайнюю необходимость созвать сеймъ, а король противился этому, то онъ долженъ разослать посламъ и сенаторамъ окольныя письма, приглашая ихъ собраться на готовый сеймъ и изложивъ имъ поводы такого созванія. Случаи необходимаго созванія сейма могутъ быть только слѣдующіе: 1) въ крайнихъ обстоятельствахъ, касающихся народнаго права, особенно, когда по сосѣдству возникаетъ война; 2) въ случаѣ внутренняго смятенія, угрожающаго странѣ революціею, или когда произойдетъ столкновеніе между магистратурами; 3) когда угрожаетъ опасность всеобщаго голода; 4) если отечество осиротѣетъ отъ смерти короля или отъ опасной его болѣзни.

«Всѣ резолюціи въ Стражѣ будутъ производиться въ упомянутомъ выше составѣ. Королевское рѣшеніе, по выслушаніи всѣхъ

мнѣній, должно имѣть перевѣсъ, дабы существовала единая воля въ исполненіи законовъ; почему каждая резолюція должна выходить изъ стражи подъ королевскимъ именемъ и за подписью руки его, и сверхъ того должна быть подписана однимъ изъ министровъ, засѣдающихъ въ Стражѣ; такимъ образомъ подписанная, она будетъ обязательна къ повиновенію ей и будетъ приведена въ исполненіе коммиссіею, или какою-нибудь магистратурою въ тѣхъ однако предметахъ, которые настоящею конституціею не исключены. Въ случаѣ, если бы ни одинъ министръ не хотѣлъ подписать рѣшенія, король откажется отъ него, а если бы онъ упорствовалъ, то сеймовый маршалъ долженъ просить о созваніи готоваго сейма, и если король будетъ откладывать созваніе, самъ созоветъ его.

«Назначеніе всѣхъ министровъ, какъ и призваніе ихъ отъ каждаго правительственнаго отдѣла въ свой совѣтъ и въ Стражу— принадлежитъ королю. Министръ призывается къ засѣданію въ Стражѣ на два года, но король можетъ подтвердить его и на долѣе. Министры, призванные въ Стражу, не засѣдаютъ въ коммиссіяхъ.

«Въ случаѣ, если бы большинство двухъ третей секретныхъ голосовъ соединенныхъ Избъ сейма пожелало перемѣны министра или въ Стражѣ или въ его должности, король немедленно долженъ назначить на его мѣсто другого.

«Въ тѣхъ видахъ, чтобы стража народныхъ законовъ обязана была строжайшею отвѣтственностью за всякое ихъ нарушеніе, постановляемъ: если министры будутъ обвинены депутаціею, назначенною для изслѣдованія ихъ дѣятельности, въ нарушеніи законовъ, они должны отвѣчать своею личностью и своимъ имуществомъ. Во всякихъ такихъ обвиненіяхъ собранные чины, рѣшивъ дѣло простымъ большинствомъ голосовъ, отсылаютъ обвиненныхъ министровъ къ сеймовымъ судамъ для справедливаго, соразмѣрнаго ихъ преступленіямъ, наказанія, или, при доказанной невинности, для увольненія отъ суда и наказанія.

«Для надлежащаго приведенія въ дѣйствіе исполнительной власти учреждаются отдѣльныя коммиссіи, состоящія въ связи со Стражею и обязанныя ей повиновеніемъ. Коммиссары въ эти коммиссіи будутъ избраны сеймомъ для отправленія своихъ должностей въ продолженіе времени, указаннаго закономъ. Этихъ коммиссій четыре: 1) воспитанія (эдукаціонная), 2) полиціи, 3) войска и 4) казны (скарбовая).

«Установленные на текущемъ сеймѣ воеводскія коммиссіи для порядка, равнымъ образомъ подчиненныя надзору стражи, будутъ получать предписанія отъ вышеупомянутыхъ посредствую-

щихъ коммиссій, смотря по предметамъ, принадлежащимъ власти и обязанностямъ каждой изъ нихъ.

«8. Судебная власть не можетъ отправляться ни законодательною властью, ни королемъ, но предоставляется магистратурамъ, на тотъ конецъ установленнымъ и выбраннымъ. Она должна быть привязана къ извѣстнымъ мѣстамъ, такъ чтобы всякій вблизи себя могъ находить правосудіе, а преступникъ вездѣ видѣлъ надъ собою грозную руку мѣстнаго правительства. Вслѣдствіе этого установляемъ:

«1) Суды первой инстанціи для каждаго воеводства, земли или повѣта, въ которые судьи будутъ выбираться на сеймикахъ. Суды первой инстанціи всегда должны быть готовы оказывать правосудіе тѣмъ, которые въ немъ нуждаются. Апелляція на эти суды будетъ восходить въ главные трибуналы, учрежденные для каждой провинціи и составленные равномѣрно изъ выбранныхъ на сеймикахъ особъ. Эти суды какъ первой, такъ и послѣдней инстанціи, будутъ *земянскими* судами для шляхты и всѣхъ земскихъ собственниковъ въ ихъ дѣлахъ съ кѣмъ бы то нибыло de causis juris et facti (по поводу права и факта).

«2) Сохраняемъ судебныя юрисдикціи во всѣхъ городахъ, сообразно съ закономъ настоящаго сейма о свободныхъ королевскихъ городахъ.

«3) Оставляемъ для каждой провинціи референдарскіе суды въ дѣлахъ свободныхъ поселянъ, по давнимъ правамъ подчиненныхъ этимъ судамъ.

«4) Сохраняемъ суды задворные, ассессорскіе, реляційные и курляндскіе.

«5) Исполнительныя коммиссіи будутъ имѣть суды по дѣламъ, принадлежащимъ ихъ администраціи.

«6) Кромѣ судовъ въ гражданскихъ и уголовныхъ дѣлахъ, для всѣхъ сословій будетъ учрежденъ верховный судъ, называемый сеймовымъ, гдѣ будутъ засѣдать особы, выбранныя при каждомъ открытіи сейма. Этотъ судъ будетъ судить преступленія противъ народа и короля или государственныя (crimina status). Предписываемъ особамъ, назначеннымъ отъ сейма, составить новый кодексъ гражданскихъ и уголовныхъ законовъ.

«9. Регентствомъ будетъ Стража, а въ челѣ ея будетъ королева, а въ случаѣ ея отсутствія — примасъ. Регентство можетъ состояться только въ трехъ случаяхъ: 1) при малолѣтствѣ короля; 2) при болѣзни, сопряженной съ умопомѣшательствомъ; 3) еслибы король былъ взятъ въ плѣнъ на войнѣ. Малолѣтство считается до восемнадцати-лѣтняго возраста, а постоянное умопомѣшательство короля не иначе можетъ быть объявлено, какъ

по признанію большинства трехъ четвертей противъ одной голосовъ соединенныхъ Избъ готоваго сейма. Въ этихъ трехъ случаяхъ примасъ польской короны обязанъ немедленно созвать сеймъ, а еслибы примасъ уклонялся отъ этой обязанности, то сеймовый маршалъ разошлетъ окольныя письма къ посламъ и сенаторамъ. Готовый сеймъ учредитъ очередь засѣданія министровъ въ регентствѣ и уполномочитъ королеву заступить мѣсто короля въ его обязанностяхъ. Когда же король, въ первомъ случаѣ, достигнетъ совершеннолѣтія, или во второмъ — совершенно выздоровѣетъ, или въ третьемъ—возвратится изъ плѣна, то регентство обязано дать отчетъ о своей дѣятельности и отвѣчать предъ народомъ, на ординарномъ сеймѣ, за время своего управленія, личностями и имуществами своихъ членовъ.

«10. Королевскіе сыновья, которыхъ конституція предназначаетъ къ престолонаслѣдію, есть первыя дѣти отечества и потому надзоръ за ихъ хорошимъ воспитаніемъ принадлежитъ народу, впрочемъ, безъ нарушенія родительскихъ правъ. Правящій государствомъ король, вмѣстѣ со Стражею и съ назначеннымъ отъ государственныхъ чиновниковъ надзирателемъ надъ воспитаніемъ королевичей, будетъ заниматься воспитаніемъ ихъ. Во время регентства воспитаніе ихъ будетъ поручено этому регентству вмѣстѣ съ упомянутымъ надзирателемъ. Въ обоихъ случаяхъ надзиратель, назначенный отъ государственныхъ чиновъ, обязанъ доносить каждому ординарному сейму о воспитаніи и успѣхахъ королевичей. На эдукаціонной коммиссіи лежитъ обязанность составить и представить для утвержденія сейму инструкцію о воспитаніи королевскихъ сыновей, дабы въ ихъ воспитаніи твердыя правила внѣдряли въ умы будущихъ наслѣдниковъ престола заранѣе религію, любовь къ добродѣтели, отечеству, свободѣ и польской конституціи.

«11. Народъ обязанъ самъ себя защищать отъ нападеній и оберегать свою цѣлость. Всѣ обыватели суть охранители народной цѣлости и свободы. Войско есть не что иное, какъ извлеченная изъ всей общей силы народа и приведенная въ порядокъ оборонительная сила. Народъ обязанъ награждать и уважать свое войско, которое исключительно посвящаетъ себя его оборонѣ. Войско обязано охранять границы и всеобщее спокойствіе, словомъ, должно быть сильнѣйшимъ щитомъ народа. Для непогрѣшительнаго выполненія своего назначенія, войско должно оставаться въ повиновеніи у исполнительной власти, и сообразно съ содержаніемъ закона, обязано принести присягу на вѣрность народу и королю и на оборону народной конституціи. Народное войско можетъ быть употребляемо на защиту страны вообще, на

охраненіе крѣпостей и границъ и на вспоможеніе закону, еслибы кто оказался ему непослушнымъ.»

По прочтеніи этого проекта, которому дано было названіе: «Уставъ Правленія», Малаховскій, въ качествѣ маршала, произнесъ пышную нохвалу этому уставу, признавалъ новое правленіе превосходнѣе англійскаго и американскаго, лучше всѣхъ существовавшихъ и существующихъ въ свѣтѣ и возсылалъ хвалы королю, котораго изображалъ виновникомъ такого великаго подвига.

Король на это отвѣчалъ, что, присягнувши на условіяхъ принятія короны (pacta conventa), онъ проситъ уволить его отъ обязательства по вопросу о наслѣдствѣ престола, которыя мѣшаютъ ему произнести свое мнѣніе. «Пусть прежде услышу волю сейма въ этомъ вопросѣ — сказалъ онъ — и буду считать настоящій день счастливѣйшимъ въ моей жизни, если этотъ проектъ обратится въ законъ. Повторю то, что̀ уже говорилъ: король съ народомъ и народъ съ королемъ, такъ и до смерти буду повторять».

«Король съ народомъ и народъ съ королемъ! закричали прогрессисты. Згода, згода!»

Но въ тоже время раздались крики: «нѣтъ згоды».

Сухоржевскій опять протѣснился на средину залы, таща за руку шестилѣтняго сына, и разыгрывая изъ себя римскаго героя, кричалъ: «Знаю, что злоумышляютъ на Рѣчь-Посполитую и на меня, перваго ея охранителя. Не боюсь ничего. На этомъ мѣстѣ, посреди сеймоваго засѣданія, убью собственное дитя. Пусть оно не доживетъ до рабства, которое приготовляетъ странѣ нашей этотъ проектъ».

Товарищи, принимая эту театральную сцену за дѣйствительное намѣреніе, вырвали испуганнаго ребенка изъ рукъ польскаго Брута.

Смятеніе въ Избѣ дошло до крайнихъ предѣловъ. Всѣ говорили, кричали и никто не слушалъ. Съ великимъ трудомъ маршалъ наконецъ упросилъ соблюдать порядокъ и говорить по одиночкѣ. Когда волненіе стихло, выступилъ подольскій посолъ Злотницкій, одинъ изъ защитниковъ шляхетчины и стараго порядка. «Все здѣсь — говорилъ онъ — противно свободѣ Рѣчи-Посполитой. Прошу прочитать Pacta Conventa. Здѣсь есть тѣ, которые помнятъ, какъ они были заключены 7 сентября 1764 года, между чинами Рѣчи-Посполитой и коммиссарами вступавшаго тогда на престолъ Станислава-Августа».

«Читать, читать Pacta Conventa», закричали его единомышленники.

Прочли Pacta Conventa. Они явно были противны представляемому проекту, но прогрессисты говорили, что нація, предложившая королю условія, могла составить и новый законъ. Злотницкій, по прочтеніи условій, сказалъ: «Будучи посломъ отъ воеводства подольскаго, я долженъ объявить, что на избраніе, при жизни короля, преемника ему, въ особѣ саксонскаго князя-избирателя, подольская шляхта соглашается, но мнѣ не дано право увольнять его величество короля отъ обязанностей, налагаемыхъ на него условіями принятія короны и я не согласенъ на проектъ, который не былъ подвергнутъ обсужденію и не получилъ приговора конституціонной депутаціи».

Онъ счелъ нужнымъ польстить мѣщанамъ и сказалъ, что готовъ десять разъ подписать законъ о мѣщанскихъ правахъ. Видно, что многочисленное стеченіе мѣщанъ въ самой Избѣ пугало противниковъ.

За нимъ говорилъ старый Ожаровскій. Онъ прежде извинился въ недостаткѣ дара краснорѣчія. Потомъ замѣтилъ, что проектъ многопредметенъ и слабому понятію трудно его охватить, не только уразумѣть. Онъ говорилъ, что установленіе престолонаслѣдія не спасетъ Польшу отъ угрожающаго ей раздѣла, а во всякомъ случаѣ можетъ привести къ деспотизму и указывалъ, что для спасенія отечества нужно болѣе всего говорить объ увеличеніи казны и войска. Наконецъ онъ припомнилъ, что самъ онъ былъ посломъ отъ краковскаго воеводства въ 1764 г. и слышалъ королевскую присягу, а потому не только не хочетъ увольнять отъ нее короля, но особенно проситъ соблюдать ее въ данныя минуты. Ожаровскому хотѣлось пріостановить дѣло и навести сеймъ на другіе вопросы, и потому онъ хотѣлъ говорить о войнѣ; но эта тактика, удачная въ прежнее время, теперь была невозможна при такомъ волненіи.

За Ожаровскимъ разомъ явилось много охотниковъ блистать геройствомъ и краснорѣчіемъ. Отъ сеймоваго маршала зависѣло соблюсти очередь, и онъ далъ первый голосъ Закржевскому, познанскому послу. Это былъ большой свободолюбецъ и ненавистникъ вельможъ. О чемъ онъ ни начиналъ говорить, почти всегда нападалъ на вельможъ и поражалъ ихъ демократическою риторикою, перебѣгая отъ банальныхъ истинъ къ кудрявымъ софизмамъ. «Бьетъ часъ — воскликнулъ онъ. Намъ приходится или поддержать любезное паче жизни отечество, или погубить его и отдать на растерзаніе и грабежъ». Затѣмъ онъ распространялся о томъ, что такое свобода, доказывалъ, что свобода состоитъ въ томъ, чтобы законы, наложеніе податей, выборы магистратуръ исходили отъ народа, но избирательное правленіе, по его мнѣ-

нію, не отъ народа исходило. «Элекціи королей—говорилъ онъ—народъ не зналъ. Это выдумали вельможи. Не дѣлаю ни малѣйшаго намека на царствующаго нынѣ короля, который любитъ народъ больше себя. Но вообще скажу, что избранный король—губитель свободы и цѣлости отечества и готовъ отдать на растерзаніе управляемый имъ край, когда придется сохранить частицу его для своихъ интересовъ и наслѣдниковъ. Страна, управляемая избраннымъ королемъ, никогда не можетъ быть свободною отъ вліянія и козней чужихъ державъ.» Онъ восхвалялъ достоинства наслѣдственнаго короля, который, по его мнѣнію, не станетъ нарушать конституціи изъ одной любви къ своему потомству и изъ боязни, чтобы изъ-за него не пришлось отвѣчать наслѣдникамъ. «Насъ пугаютъ—продолжалъ онъ—что подъ наслѣдственнымъ правленіемъ республиканское правленіе измѣнится въ деспотизмъ. Деспотизма не знаютъ просвѣщенные народы, а въ этомъ проектѣ я вовсе не вижу вообще и монархизма. Но если бы даже въ Польшѣ внѣдрилась монархія, все же она не такъ ужасна, какъ раздѣлъ.»

За нимъ говорилъ изъ противной партіи князь Четвертинскій—человѣкъ, въ характерѣ котораго было что-то ребяческое въ смѣси съ хитростію. Послѣ короткаго вступленія, онъ сказалъ: «этотъ проектъ, писанный на нѣсколькихъ листахъ, составленный тайною интригою....»

Слова эти прерваны были взрывомъ негодованія. Четвертинскій спохватился и потомъ продолжалъ: «Я слышалъ его одинъ только разъ. Въ немъ много хорошаго, но есть и дурное. Вотъ хоть бы это: избранному королю народъ могъ отказать въ повиновеніи, если бы онъ не соблюлъ присяги, а по этому проекту наслѣдственный король увольняется отъ отвѣтственности. Хоть бы онъ что дурное сдѣлалъ—ничего ему не говори, а только министрамъ. Вѣрно вашему величеству силою навязываютъ этотъ проектъ. А главное: его проводятъ неслыханнымъ образомъ, безъ предварительнаго обсужденія, и приказываютъ намъ принимать его съ разу. Пусть меня сочтутъ послѣднимъ глупцомъ, а я его не понимаю. Какъ можно, разъ только услышавши, его понять? Я не личный врагъ ему. Пусть Богъ уничтожитъ меня и моихъ троихъ дѣтей, если я возстаю противъ него изъ духа партикулярности. Но въ немъ гробъ вольности и я не соглашаюсь принимать его. Если моя гражданская ревность останется безъ послѣдствій, то, по крайней мѣрѣ, будьте свидѣтелями, что я протестовалъ и плакалъ».

Онъ дѣйствительно заплакалъ и сквозь слезы сказалъ: «буду носить трауръ до смерти или пока дождусь лучшихъ временъ».

Въ отвѣтъ на его рѣчь выступилъ краковскій посолъ Линовскій, пламенный прогрессистъ. «Въ Польшѣ нѣтъ насилія — сказалъ онъ — кромѣ насилія просвѣщенія и добродѣтели, кромѣ рѣшимости спасти отечество отъ погибели. Я преклоняюсь предъ такимъ насиліемъ». Сдѣлавши нападеніе на вельможъ, онъ продолжалъ: «Слушайте, наияснѣйшіе чины, что я вамъ скажу. Знаете ли въ чемъ наибольшая похвала нашей конституціи? За три дни передъ этимъ разнеслась вѣсть по столицѣ о нашемъ предпріятіи, и уже находящіеся здѣсь иностранные министры заволновались. Я самъ ихъ встрѣчалъ въ домѣ особы, имѣющей доступъ къ королю. Я слышалъ, какъ они угрожали, пугали насъ, не скрывали отвращенія своего къ нашему дѣлу, въ надеждѣ, что все это передастся королю. Имъ не по сердцу наше правленіе: вотъ доказательство, что оно будетъ Польшѣ спасеніемъ.»

«Вы слышали—сказалъ ливскій посолъ Кицинскій—говорятъ, уже миръ заключенъ и воевавшія державы хотятъ окупить свои издержки на нашъ счетъ. Чего жъ намъ ждать? Развѣ того, чтобъ панъ Булгаковъ, а не то, для бо̀льшаго нашего униженія, панъ Штакельбергъ, лучше знающій всѣ варшавскія пружины, возвратившись на прежнее мѣсто съ тріумфомъ, именемъ императрицы объявилъ намъ, что мы уже не самобытный народъ, что Польша уже подчиненная ей провинція, что уже не конфедерація, не готовый сеймъ, не Стража, а онъ съ своимъ совѣтомъ будетъ управлять дѣлами страны нашей? Ждать ли намъ, чтобы войско московское разсѣяло и уничтожило наши полки и хоругви отчасти силою, отчасти хитростію и возбужденіемъ между нами недовѣрія, а затѣмъ предложило намъ свое покровительство, свою пасть, алчущую нашего хлѣба, свои руки, жадныя нашего достоянія? Ждать ли намъ, чтобы пришелъ къ намъ еще казацкій гетманъ съ донскимъ и запорожскимъ казачествомъ и указалъ намъ, въ политическомъ составѣ Европы, мѣсто ниже своихъ возлюбленныхъ казаковъ, или давно уже порабощенныхъ Москвою и привыкшихъ къ ярму татаръ и волоховъ (?)? Дожидаться ли намъ, пока онъ, или кто другой, быть можетъ какой-нибудь полякъ, продавшій себя Москвѣ, пользуясь раздвоеніемъ нашего народа, столкнетъ съ престола нашего короля и самъ сядетъ на немъ, для исполненія замысловъ тѣхъ, которымъ будетъ служить орудіемъ? Хотите ли, чтобъ насъ возили въ Сибирь и Камчатку? Хотите ли, чтобы поругались надъ костелами и алтарями, грабили наши домы, а намъ за естественное самосохраненіе рубили руки и ноги, или осуждали на гнитьё въ кандалахъ? Неужели, достопочтенные чины, плѣняясь достоинствами избирательнаго трона, вы забыли, кто намъ уже сто лѣтъ даетъ

королей и свергаетъ ихъ? Августа II развѣ не навязали намъ насильно, а потомъ насиліемъ не принудили сложить съ себя достоинство? Лещинскаго развѣ не свергли съ престола? Августа III развѣ не собирались низложить? Нынѣ царствующему королю развѣ не угрожали тѣмъ же? А курляндскими герцогами, состоявшими подъ главенствомъ Рѣчи-Посполитой, московская фантазія развѣ не играла какъ мячиками, ссылая ихъ въ Сибирь и возвращая снова? А какъ уважаема была эта Изба, мѣсто народнаго совѣщанія? Епископы, сенаторы и послы развѣ не томились многіе годы въ неволѣ? Сокровища Радзивилловъ и вообще движимое имущество обывателей развѣ не вывозились въ Москву, и недвижимыхъ развѣ не грабили и не опустошали? Неужели васъ не приводятъ въ содроганіе встрѣчаемыя до сихъ поръ безрукія и безногія жертвы звѣрства Древича? О, на что способна эта гордыня! Она не проститъ вамъ того смертельнаго грѣха, что вы осмѣлились сбросить съ себя ея цѣпи и, въ продолженіи трехъ лѣтъ, считали себя независимымъ народомъ? Пусть только состоится миръ и застанетъ насъ безъ твердаго правительства, безъ конституціи, безъ порядка; тогда тѣ государства, что, опасаясь гигантскаго возрастанія Россіи, побуждали насъ противъ нея вооружаться, скажутъ той же Россіи: «Распоряжайся себѣ Польшею, только на насъ не гнѣвайся». Вотъ тогда-то слуцкій архимандритъ и все схизматическое духовенство начнутъ вѣрнѣе и усерднѣе служить Москвѣ. Тогда-то успѣшнѣе пружиною фанатизма начнутъ подвигать и подстрекать къ бунту хлопство. Воротится къ намъ россійское войско и опять къ офицерамъ невысокихъ чиновъ пріѣдутъ сенаторы и сановники съ просьбою освободить отъ постоя ихъ имѣнія, и будутъ по нѣсколько часовъ передъ дверьми ожидать аудіенціи, пока имъ не окажутъ милости и не сложатъ съ нихъ тягостей, чтобы за то отяготить другихъ соотечественниковъ. Россійскій посланникъ, по продажѣ своего палаца, помѣстится поближе къ королю, чтобъ наблюдать съ кѣмъ онъ бесѣдуетъ, кого жалуетъ. Министерскія мѣста, сенаторскія кресла будутъ раздаваться особамъ, которыя станутъ ихъ покупать подлымъ угодничествомъ прихотямъ посланника и его любимцевъ и слугъ. Сенаторы, судьи, правители! Выбирайте, что вамъ лучше: потерять ли какія нибудь преимущества, которыя вы сами считаете вредными и жить заурядъ съ другими народами, счастливо, безопасно, подъ плодотворнымъ покровительствомъ правительства, въ странѣ свободной, благоустроенной; или оставаясь такими, какъ теперь, получать, посредствомъ подлостей и интригъ, мѣста, которыя надлежало бы занимать людямъ добродѣтельнымъ, способнымъ и заслуженнымъ, держаться на

нихъ раболѣпствомъ, безъ уваженія къ самимъ себѣ, безъ пользы для общества, чувствовать муки совѣсти всю вашу жизнь и слышать внутри своей страны противъ себя проклятія цѣлаго народа, а внѣ ея—презрѣніе къ себѣ отъ чужеземцевъ? Наияснѣйшій государь! Больно, очень больно вспоминать протекшіе дни. Былъ ли мѣсяцъ—что я говорю, мѣсяцъ—была ли одна недѣля, одинъ день такой, чтобы ваше величество не терпѣли огорченій? По обязанности моей службы я очень часто приносилъ вашему величеству такія свѣдѣнія, отъ которыхъ разрывалось ваше сердце, отъ природы чувствительное къ утѣсненію ближняго. Съ каждою почтою вы получали жалобы несчастныхъ; вы все дѣлали что могли, но съ горестію, при безсиліи правительства, не видѣли дѣйствительныхъ средствъ спасти ихъ. У всѣхъ у насъ кипѣло сердце, да нужно было сдерживаться, чтобъ не потерять по крайней мѣрѣ надежды на возстаніе когда-либо. Теперь намъ все равно—погибать ли отъ непріятелей, или отъ соотечественниковъ, если изъ послѣднихъ найдутся такіе, что будутъ силиться возвратить Рѣчь-Посполитую къ давнему положенію. Панъ сеймовый маршалъ! Скорѣе установимъ правленіе; сегодня же—не иначе. Сегодня или упрочимъ счастіе и безопасность отечества, или, жертвуя жизнію, подпишемъ безнадежность нашу о ея жребіи.»

Ни одна рѣчь не подѣйствовала на собраніе такъ сильно, какъ эта, дѣйствительно выходившая изъ ряда другихъ.—«Скорѣе, скорѣе! Принимайте проектъ, спасайте погибающее отечество!» кричали прогрессисты. Имъ вторили арбитры въ залѣ и на галлереяхъ.

Толпа противниковъ сбилась въ кружокъ. Виленскій посолъ Корсакъ попросилъ дозволенія вести рѣчь.

«Наше воеводство—сказалъ онъ—какъ и другіе, соглашалось на избраніе саксонскаго князя-избирателя, памятуя доброе время блаженной памяти королей нашихъ изъ саксонскаго дома. А что касается до наслѣдственности престола, учрежденія совѣта подъ именемъ Стражи, нарушенія законовъ послѣдняго изъ Ягеллоновъ и нѣкоторыхъ другихъ пунктовъ, на то воли народа нѣтъ! Народная воля есть признакъ высшей воли! Отъ нея исходятъ священнѣйшіе законы! Но народная воля почіетъ не въ послахъ, не въ сеймѣ, а въ цѣломъ составѣ обывателей, имѣющихъ право выбора представителей. Послѣдніе должны сообразоваться съ данными имъ предписаніями отъ избирателей. Такихъ инструкцій, которыя бы дозволяли вводить наслѣдственное правленіе и ниспровергать преимущества шляхетской вольности,—нѣтъ у насъ; напротивъ, намъ вмѣнили въ особенную обязанность не допускать наслѣдственнаго правленія и охранять шляхетскую воль-

ность. Такихъ инструкцій большинство. Въ нихъ видна воля народная! Я не властенъ отрѣшиться отъ нея и не смѣю приложить своего согласія къ этому проекту. Я обязанъ держаться инструкцій и воли моего воеводства. Наияснѣйшій король! Въ вашихъ универсалахъ, посланныхъ на сеймики, народъ спрашивался не о томъ, желаетъ ли онъ ввести наслѣдственное правленіе и уволить націю отъ условій принятія короны (pacta conventa), а о томъ: дозволяетъ ли онъ при жизни царствующаго короля избрать на польскій престолъ преемника въ особѣ саксонскаго князя-избирателя. Народъ и далъ свое рѣшеніе на то, о чемъ его спрашивали. Нельзя предлагать намъ обратить въ законъ то, на что̀ народъ не изъявилъ согласія. Къ вамъ я обращаю рѣчь, господинъ сеймовый маршалъ! Ваши добродѣтельныя качества не дѣлаютъ васъ похожимъ на Адама Понинскаго...»

Крики неудовольствія прервали его рѣчь. Они, однако, скоро перестали. Ораторъ поспѣшилъ затереть невольно вырвавшійся намекъ на Понинскаго похвалами достоинствамъ Малаховскаго. «Подъ вашимъ управленіемъ—говорилъ онъ—на сеймѣ постановлено, чтобы каждый проектъ по прочтеніи въ Избѣ былъ отсылаемъ въ депутацію къ обсужденію (на делиберацію) и посламъ давался бы трех-дневный срокъ вникнуть въ него, а для этого проектъ долженъ раздаваться имъ въ печатныхъ экземплярахъ. Я прошу, чтобы и настоящій проектъ отправленъ былъ къ обсужденію: онъ касается такого важнаго предмета, отъ котораго зависитъ счастье или несчастье народа.»

Нельзя было не видѣть явной законности такого требованія. За Корсакомъ стали говорить тоже другіе, которые прежде, заглушаемые криками прогрессистовъ, не могли открыть рта.

Станиславъ Потоцкій, одинъ изъ составителей проекта, отвѣчалъ Корсаку: «Чрезвычайныя обстоятельства требуютъ чрезвычайныхъ средствъ; я со стыдомъ долженъ сознаться передъ всѣми, что и мнѣ мое воеводство приказало поддерживать избирательное правленіе; но что же дѣлать, когда, по моему убѣжденію, одинъ только этотъ, слышанный вами, проектъ есть средство нашего спасенія, именно потому, что онъ учреждаетъ наслѣдственное правленіе. Безъ него, хотя бы я видѣлъ у Рѣчи-Посполитой огромное войско и неистощимыя сокровища, и тогда не сказалъ бы, что она внѣ опасности. Я поклонюсь моимъ собратіямъ и скажу имъ смѣло: я былъ за наслѣдственное правленіе потому, что мои убѣжденія не позволили раздѣлять мнѣнія, приносящія явную гибель моему отечеству. Пусть кто хочетъ носитъ трауръ,

я не очень уважаю наружные знаки; но если этотъ проектъ не пройдетъ, я до смерти буду носить тоску въ сердцѣ.»

Станиславъ Потоцкій владѣлъ отлично реторикою, обращался къ королю, расхваливалъ его до небесъ, называлъ не только наилучшимъ королемъ въ свѣтѣ, отцомъ подданныхъ, но образомъ божества на землѣ; обращался и къ посламъ, умолялъ ихъ возрастить колосъ славы на нивѣ народнаго благополучія, бросить вѣнецъ хвалы и величія къ ногамъ короля. Потомъ онъ сталъ на колѣни передъ божествами народнаго счастія, какъ онъ называлъ членовъ сейма, и умолялъ принять проектъ.

Его поддерживалъ добржинскій посолъ Збоинскій, который для бо̀льшаго подкрѣпленія своего краснорѣчія привелъ примѣры изъ римской исторіи, помянулъ Брута, Регула, изъявлялъ желаніе, подобно послѣднему, пострадать за отечество.

Эти намеки на Римъ оживили поляковъ, которымъ Римъ, въ его лучезарномъ сіяніи, представлялся подобіемъ ихъ прежней Рѣчи-Посполитой, а герои римской республики, въ ихъ воображеніи, походили на ихъ собственныхъ гетмановъ, канцлеровъ и воеводъ. Все это довершило впечатлѣніе рѣчи Кицинскаго, расшевелившаго у поляковъ чувство національнаго самолюбія и задушевной непріязни къ москалямъ. Настроенная въ пользу переворота, публика разражалась громомъ одобреній на каждую рѣчь прогрессиста и не давала говорить противникамъ. Крики арбитровъ увеличивались и, наконецъ, всѣ слились въ единомъ требованіи, немедленно принять проектъ новой конституціи. Голоса противниковъ были со всѣхъ сторонъ заглушаемы этими криками. Тогда подольскій посолъ Ржевускій, припомнивъ арестъ членовъ сейма, сдѣланный нѣкогда Репнинымъ, восклицалъ, что чувствуетъ жажду мщенія москалямъ и призывалъ товарищей скорѣе стереть съ отечества пятно, наложенное московскою гордынею. «Наияснѣйшій король—сказалъ онъ наконецъ—позволь пану сеймовому маршалу немедленно спросить чиновъ о согласіи».

Множество голосовъ закричало: «просимъ! просимъ!»

«Большинство очевидно согласно—сказалъ Ржевускій—если же оппозиція не допуститъ, я къ ногамъ вашего величества повергаю увѣреніе, что не выйду изъ Избы, пока не послѣдуетъ рѣшеніе этого проекта».

«И мы не выйдемъ», закричало множество голосовъ.

«И мы также не выйдемъ», кричали противники.

«Съ обѣихъ сторонъ—продолжалъ Ржевускій—заявляютъ рѣшимость не выходить. Ваше величество произнесите гражданскую присягу хранить конституцію, и каждый изъ насъ, кто

только любитъ отечество, не только съ охотою послѣдуетъ вашему примѣру, но и прольетъ за конституцію свою кровь».

«Просимъ! Просимъ!» кричали со всѣхъ сторонъ. Уже былъ седьмой часъ съ открытія засѣданія. Человѣческаго терпѣнія не ставало продолжать его и многіе желали, чѣмъ бы ни кончить, лишь бы кончить.

«Милостивые государи! сказалъ король, ежели кому, то болѣе всѣхъ мнѣ прилично задуматься надъ этимъ проектомъ. Идетъ дѣло о любви народа ко мнѣ, а это для меня единственное и драгоцѣннѣйшее сокровище, которое я съ собою хочу унести въ могилу. Я прохожу уже шестидесятый годъ моей жизни, впереди для меня остается мало лѣтъ, а потому нечего мнѣ угождать страстямъ, которыя обыкновенно приписываются государямъ. Вы сами видѣли, въ теченіи этого сейма, что я не проводилъ никакихъ плановъ, ни для себя, ни для своихъ родныхъ; напротивъ, какъ только узналъ, что народъ склоняется удалить тѣ опасности, которыя неразлучны со всякимъ безкоролевіемъ, я не только согласился съ этимъ, но и тѣмъ, которые по доброжелательству ко мнѣ совѣтовали мнѣ имѣть въ виду свои личные интересы и приводили извѣстную пословицу, что передъ восходящимъ солнцемъ должно уступать заходящее, я отвѣчалъ такъ: «мою личность я считаю второстепеннымъ дѣломъ, а главнымъ — благосостояніе страны.» Поэтому, такъ какъ я не стараюсь ни о себѣ, ни о своихъ кровныхъ, то и надѣюсь, что меня выслушаютъ съ бо̀льшимъ вниманіемъ, чѣмъ того короля, который за полтора столѣтія передъ нами носилъ истинно терновый вѣнецъ. Я говорю о добромъ, благоразумномъ, мужественномъ, но несчастномъ Янѣ Казимирѣ. Для пользы страны, для безопасности свободы и существованія Польши, онъ совѣтовалъ заранѣе установить наслѣдственность, какъ единственное средство охранить Польшу отъ бѣдствія безкоролевія. Его не слушали; мало этого — его преслѣдовали за это; и онъ, оскорбленный, покинулъ престолъ, на которомъ не могъ съ пользою служить отечеству. Его предвѣщанія оправдались: они послужили намъ урокомъ; теперь, какъ я слышу, большинство народа, большинство членовъ сейма, желаютъ прочнымъ правительствомъ и крѣпостью престола навсегда утвердить спокойствіе и счастіе нашего края. Знаю, что готовлю себѣ непріятности, но считаю долгомъ раздѣлять это желаніе. Прибавлю, еще въ послѣдніе дни, между иностранными министрами было говорено такъ: «будемъ стараться разными вымыслами отстранять умы сеймовыхъ членовъ отъ этого шага; пускай Польша всегда нуждается въ подпорѣ, пусть будетъ въ постоянной боязни безъ крѣпкаго прав-

леніія, пусть унижается передъ чужими и кланяется имъ, чтобъ ей не было худо». Одинъ изъ нихъ, который болѣе всѣхъ отсовѣтывалъ дѣлать перемѣны, сказалъ такъ: «затѣи поляковъ противны интересамъ нашихъ дворовъ и мы должны ихъ отводить отъ спасительныхъ мѣръ; но если они сдѣлаютъ то, что замышляютъ, то покажутъ, что умнѣе насъ, и мы будемъ уважать ихъ болѣе чѣмъ прежде». Такъ дошло до моихъ ушей. Скажу еще, уже нѣсколько мѣсяцевъ, какъ мнѣ сообщенъ этотъ проектъ, я колебался, я боялся вреда лично для себя. Теперь, когда я услышалъ эти слова иностранныхъ министровъ, я увидѣлъ въ нихъ послѣднее рѣшеніе судьбы: теперь я рѣшительно пристаю къ проекту вмѣстѣ съ другими, не заботясь о томъ, что со мною быть можетъ. Кто любитъ отечество, тотъ долженъ желать, чтобы этотъ проектъ обратился въ законъ. Поэтому, не угодно ли вамъ, господинъ сеймовой маршалъ, сообразно вашему достоинству, дать мнѣ и цѣлому обществу возможность узнать, могу ли я считать этотъ день счастливѣйшимъ? Или мнѣ придется заплакать объ отечествѣ! Узнаемъ, кто съ нами; услышимъ настоящую волю сейма».

— «Всѣ, всѣ съ маршаломъ! Да здравствуетъ король! да здравствуетъ конституція»! раздалось множество голосовъ.

Большинство Избы очевидно было за проектъ. Противники однако сомнѣвались въ этомъ, и думали, что крики исходятъ отъ арбитровъ, наполнявшихъ галлереи и всѣ входы. Маршалъ не рѣшался иначе приступить къ спросу, какъ напередъ польстивши противникамъ.

«Голосъ короля—сказалъ онъ—надѣюсь приведетъ къ единогласію; я уважаю мнѣніе тѣхъ товарищей, которые думаютъ иначе и хотятъ отдать проектъ на обсужденіе, но настоящій день есть день революціи. Для спасенія отечества слѣдуетъ отложить формальности въ сторону. На мой вопросъ о согласіи я попрошу тѣхъ товарищей, которые за проектъ, оставаться въ молчаніи, а тѣхъ, которые противъ проекта, заявить объ этомъ. Такимъ образомъ легче узнается, за кѣмъ большинство».

Оборотъ, данный дѣлу маршаломъ, былъ неожиданъ для противниковъ; они боялись высказаться, чтобы не остаться въ слишкомъ маломъ числѣ, и не подвергнуться оскорбленіямъ, которыя, при сильномъ раздраженіи, могли зайти далеко. Минуты четыре всѣ молчали, наконецъ выступилъ ошмянскій посолъ Хоминскій и сказалъ:

«И собственныя мои убѣжденія и данныя мнѣ инструкціи не дозволяютъ мнѣ соглашаться на наслѣдственное правленіе.

Наияснѣйшіе чины, мнѣ никогда и въ мысль не приходило, чтобы проектъ объ измѣненіи правленія былъ внесенъ въ Избу въ такую недѣлю, которая, по установленному порядку дѣлопроизводства, посвящена экономическимъ предметамъ, и притомъ безъ предварительнаго обсужденія. Одинъ разъ его прочитали и хотятъ обратить въ законъ. Но въ этомъ священномъ мѣстѣ я слышу, что настоящій день есть день революціи. А если такъ, то я скажу: народъ! бойся теперь деспотизма, пусть этотъ примѣръ служитъ тебѣ увѣреніемъ: въ противность большинству инструкцій, вмѣсто избирательнаго учреждается наслѣдственное правленіе, установляется правительство близкое къ деспотизму. Видишь ли, народъ, сеймъ сталъ господиномъ твоей воли; ты, народъ, уже утратилъ право давать власть своимъ представителямъ. Наияснѣйшій король, надѣюсь, что ваше королевское величество подадите свой голосъ, чтобы этотъ проектъ проходилъ формальнымъ образомъ, какъ законъ велитъ, я же съ своей стороны прочту передъ вами, наияснѣйшіе чины, данную мнѣ инструкцію. Скажу еще вамъ, наияснѣйшіе чины, что никакой человѣческой памяти не хватитъ обнять этотъ проектъ о важнѣйшемъ предметѣ, написанный на нѣсколькихъ листахъ и прочитанный только разъ. Какъ бы то ни было, Богъ и вы всѣ свидѣтели, я не соглашаюсь на проектъ».

— «Я принужденъ покориться силѣ — сказалъ князь Сангушко—но протестую противъ безправія. Если этотъ проектъ долженъ пройти путемъ революціи, пусть дозволятъ по крайней мѣрѣ исправить въ немъ то, что̀ окажется вреднымъ тогда, когда члены сейма возвратятся къ естественному и законному ходу своихъ занятій».

За нимъ говорилъ Казимиръ-Несторъ Сапѣга. До сихъ поръ онъ зналъ себѣ цѣну и молчалъ, чтобы потомить ждавшихъ его слова и потомъ произвести бо̀льшій эффектъ. Въ отборныхъ, но избитыхъ фразахъ онъ распространился о томъ, что избирательное и наслѣдственное правленіе имѣютъ свои выгоды и невыгоды; всего болѣе однако болталъ о самомъ себѣ; наконецъ, потребовалъ еще разъ прочитать проектъ.

«Не надобно! не позволяемъ! не позволяемъ читать»! раздались голоса.

«Можно позволить читать его въ другой разъ—сказалъ варшавскій посолъ Шаноцкій—но только съ тѣмъ, чтобъ не дѣлать приложеній и поправокъ, а если нельзя ихъ допускать, то не зачѣмъ и время терять на чтеніе».

Поднялась разноголосица. Противники въ маломъ числѣ кри-

чали: «читать проектъ!» Большинство кричало: «не читать!»— Сухоржевскій закричалъ: «и читать не надо, и принимать не надо!»—Ободренные его примѣромъ, нѣкоторые повторили то же.

— «И читать его, и разсуждать о немъ нѣтъ нужды!—сказалъ инфлянтскій посолъ Забѣлло—я самъ былъ всегда противъ излишней власти королей, и находилъ этотъ недостатокъ въ проектѣ; но въ немъ теперь сдѣланы надлежащія измѣненія, и я за проектъ! Заклинаю васъ именемъ любви къ отечеству, примите новую конституцію, прошу тебя, наияснѣйшій король, произнеси первый гражданскую присягу, а мы всѣ за тобой!»

Раздалось множество голосовъ: «Згода! згода! згода»!

Сенаторы окружили короля. Въ это время въ Избу нахлынули новые арбитры и кричали: «Виватъ конституція!» Такія же восклицанія раздались за дверьми и на улицѣ. Казалось, въ самомъ дѣлѣ цѣлый народъ требовалъ совершенія дѣла, хотя изъ кричавшихъ почти никто не зналъ въ чемъ состоитъ эта конституція.

Въ это время къ трону протѣснилась толстогубая съ выдавшимся подбородкомъ фигура Сухоржевскаго. Онъ упалъ на землю, распростеръ руки крестомъ и кричалъ: «по трупу моему пройдете къ присягѣ, убивающей старопольскую свободу». Окружавшіе послы подняли его и отвели прочь. Голоса въ пользу проекта продолжали раздаваться, голосовъ противниковъ уже никто не слыхалъ.

Тогда король сказалъ:

«Вижу явную и твердую волю всего сейма и приглашаю васъ, превелебный отецъ краковскій епископъ, прочитать форму присяги, которую я произнесу за вами».

Краковскій епископъ Турскій приблизился къ трону съ евангеліемъ въ рукѣ. Все замолчало. Король, положа пальцы на евангеліе, повторялъ слова прочитанной епископомъ присяги.

«Juravi Domino, non me poenitebit» (поклялся Господу и не раскаюсь) произнесъ послѣ того король: «Друзья отечества, за мной въ костёлъ; принесемъ Богу общую присягу и возблагодаримъ его за то, что онъ дозволилъ намъ совершить торжественное и спасительное дѣло».

Король пошелъ къ дверямъ; за нимъ толпа съ неумолкаемыми криками: «Виватъ король! Виватъ конституція!» Вся Изба отправилась за королемъ въ костёлъ св. Яна. На пути король прошелъ черезъ рядъ польскихъ женщинъ, которыя изъявляли радость о спасеніи отечества и величали его виновникомъ народнаго благополучія. Это увеличило восторгъ Станислава-Августа,

всегдашняго любителя прекраснаго пола. Въ костёлѣ развѣвалось уже множество знаменъ и значковъ городскихъ варшавскихъ цеховъ и братствъ. Обоихъ маршаловъ съ честью внесли на рукахъ въ костёлъ.

Передъ принесеніемъ присяги, Казимиръ-Несторъ Сапѣга произнесъ длинную рѣчь: сперва восхвалилъ свои добродѣтели, увѣрялъ, что никогда не руководился ни чужой волею, ни чужеземнымъ принужденіемъ, а всегда слѣдовалъ голосу собственнаго убѣжденія; припомнилъ также, какъ всегда ругалъ Москву.—Несмотря на мѣсто, которое я занимаю, говорилъ онъ, я до нынѣшняго засѣданія не имѣлъ понятія объ этомъ проектѣ; сегодня въ первый разъ услышалъ его и потому просилъ читать другой разъ. Этого не сдѣлалось. Я, сколько могъ его обнять, нашелъ въ немъ вещи, съ которыми несогласенъ. Главное—наслѣдство престола. Но такъ какъ бо̀льшая часть членовъ признаетъ его закономъ, а король утвердилъ его присягою, то я не хочу отступать отъ общей воли и производить раздоры, которыми бы воспользовались иностранныя государства. Несогласія и внутреннія ссоры всегда были причиною бѣдствій Польши. Народное всевластіе, просвѣщенное опытомъ, можетъ исправить ошибки въ правительственныхъ уставахъ; но послѣдствія войнъ, опустошенія нашей земли иноземными войсками, которыя будутъ входить подъ предлогомъ мирить насъ, наконецъ, новый раздѣлъ Польши — все это бѣдствія, которыхъ ничто не вознаградитъ. Я не такъ самолюбивъ, чтобы считать свое мнѣніе о благѣ отечества лучше мнѣнія короля, почтеннаго маршала коронной конфедераціи и такого множества уважаемыхъ членовъ сейма. Подъ щитомъ ихъ доблестей и я приступаю къ присягѣ, которую король произнесъ въ присутствіи всѣхъ чиновъ Избы».

Многочисленные друзья Казимира-Нестора Сапѣги, которыхъ онъ пріобрѣлъ своимъ широкимъ хлѣбосольствомъ, окружили его, подняли на руки, восхваляли его геройство и стойкость характера, примѣрную готовность пожертвовать собственными убѣжденіями общему благу. А между тѣмъ, не задолго до этого онъ сносился съ Булгаковымъ и казался человѣкомъ, преданнымъ Россіи, врагомъ нововведеній и далъ русскому посланнику слово дѣйствовать противъ нихъ.

Послѣ апотеоза добродѣтелей Сапѣги, краковскій епископъ читалъ присягу. Всѣ члены сейма, а за ними народъ, наполнявшій костёлъ св. Яна, подняли руки вверхъ и повторяли слова присяги. По окончаніи присяги, заигралъ органъ и запѣли «Te Deum laudamus», а со стѣнъ за̀мка ударили изъ пушекъ. Солнце уже было на закатѣ.

Изъ костёла король просилъ всѣхъ снова въ сеймовую залу подписывать законъ. Въ то время, какъ въ костёлѣ совершался обрядъ присяги, въ сеймовой залѣ оставались противники, распаляемые Сухоржевскимъ; онъ убѣждалъ товарищей записать въ актахъ протестацію противъ принятой конституціи. Прогрессисты впослѣдствіи хотѣли увѣрить, будто противниковъ было только человѣкъ двадцать; маршалъ Малаховскій писалъ къ племяннику, что ихъ было только девятнадцать, но безпристрастные современники говорятъ не то; по извѣстію саксонскаго министра Эссена изъ 157 человѣкъ, бывшихъ тогда на лицо, 69 (50 пословъ и 19 сенаторовъ) объявили себя противъ конституціи. Также русскій посланникъ говоритъ, что по уходѣ короля въ костёлъ въ сеймовой залѣ оставалось болѣе 50-ти человѣкъ; нѣкоторые изъ противниковъ отправились въ городъ записать въ судѣ протестацію, но всѣ канцеляріи были заперты; другіе тотчасъ уѣхали изъ Варшавы записывать свои протестаціи въ другихъ городахъ.

По возвращеніи короля и членовъ Избы въ залу, туда опять набилось множество арбитровъ съ криками: «Виватъ король! виватъ конституція»! Маршалы первые подписали новый уставъ и получили порученіе привести къ присягѣ коммиссіи, управлявшія государствомъ. За маршалами подписывали сенаторы и послы. Злѣйшій, но тайный противникъ конституціи, гетманъ Браницкій, не только подписалъ ее, но даже расхваливалъ. Другіе противники, если не подписывали, то не смѣли болѣе кричать. Въ заключеніе объявлено, что отселѣ всякій, кто будетъ противиться конституціи, и по этому поводу покушаться возбуждать раздоръ, объявляется врагомъ отечества и подлежитъ сеймовому суду. Въ память совершенія великаго событія постановили построить храмъ подъ названіемъ храма Провидѣнія и праздновать ежегодно день 3-го мая [1]). Тѣмъ и кончилось это шумное, памятное въ польской исторіи и пагубное по своимъ послѣдствіямъ засѣданіе; слѣдующее за тѣмъ было назначено въ четвергъ, 5-го мая.

Народъ ликовалъ цѣлый вечеръ, городъ былъ иллюминованъ. «Вотъ каковы мы, поляки!—кричали тогда самохвалы — мы выше французовъ, даромъ, что они гордятся превосходствомъ своей образованности; у насъ, въ день революціи, не было ни патрулей,

---

[1]) Вліятельнѣйшіе изъ оппозиціи, въ то время, кромѣ Сухоржевскаго, были послы: познанскій Мѣлжинскій, лэнчицкій Кретковскій, люблинскій Длускій, холмскій Кицкій, подольскіе: Злотницкій и Мѣрзеевскій, волынскіе: Пининскій, Загурскій, Гулевичъ и Кршуцкій; черпѣговскій, Радзиминскій, сендомирскій Скорковскій, закрочимскій Зѣлинскій, сенаторъ князь Четвертинскій и др.

ни карауловъ, не предпринято никакихъ усиленныхъ полицейскихъ мѣръ, а все сошло спокойно».

Войсковая и скарбовая коммиссіи въ тотъ же день были приведены къ присягѣ, но когда было приказано сдѣлать тоже конституціонной депутаціи, то президентъ ея на то время, епископъ Коссаковскій, началъ прибѣгать къ уловкамъ. Онъ, какъ эгоистъ, болѣе всего думалъ о себѣ, и какъ человѣкъ разсудительный, понялъ, что дѣло конституціи не состоится; однако видя, что все склоняется къ ней, не сталъ противиться, даже расхваливалъ новую конституцію, только заявилъ, что она рѣшена на сеймѣ неправильно, и потому депутація не можетъ ее подписывать. «Не было—говорилъ онъ—единогласія, но и явнаго большинства мы не знаемъ, потому что не было баллотировки.» Онъ предлагалъ новый проектъ на баллотировку. Этимъ думалъ онъ возбудить раздоръ въ депутаціи и тормозить дѣло. Члены депутаціи согласились на предложеніе, надѣясь, что большинство будетъ за конституцію.

На другой день послѣ 3 мая, въ среду, отворили канцеляріи и дозволили записывать протестаціи, но только противъ одного пункта конституціи, именно наслѣдственнаго правленія, не касаясь другихъ.

На слѣдующее засѣданіе, въ четвергъ, 5-го мая, вслѣдъ за послами нахлынуло въ залу множество арбитровъ всякаго званія съ оглушающими криками: «виватъ король! виватъ конституція! король съ народомъ, и народъ съ королемъ»! Коссаковскій говорилъ рѣчь, стараясь и поддѣлаться къ большинству, и въ то же время устроить для него западню. «Я отнюдь не думалъ—сказалъ онъ—что-нибудь говорить противъ этого закона, или подвергать осужденію способъ его провозглашенія, но въ той же самой конституціи нахожу достойное похвалы условіе, дозволяющее дѣлать поясненія въ подробности статей, которыя бы иначе могли, по своей связи, возбуждать ошибочныя мнѣнія и превратныя толкованія. Я не противлюсь волѣ чиновъ, тѣмъ болѣе, что нахожу въ челѣ ихъ благонамѣреннаго короля. Суетная непріязнь приписывала мнѣ иной способъ мышленія, но я имѣлъ счастіе слышать отъ самого короля, что его величество этому не вѣритъ. Мнѣ остается, наияснѣйшіе чины, успокоить совѣсть, связанную присягою, относительно подписи конституціи.»

«Ничто—сказалъ Линовскій—не можетъ уволить конституціонной депутаціи отъ подписи. Она обязана подписывать народную волю на сеймѣ. Я самъ видѣлъ, и весь народъ со мною также, какъ достойный сенаторъ и епископъ панъ Коссаков-

скій, въ костёлѣ, вмѣстѣ съ прочими, стоялъ съ поднятою вверхъ рукою въ знакъ торжественнаго обѣта. По этому нѣтъ необходимости требовать отъ насъ признанія относительно подписи того, въ чемъ уже присягнули передъ Богомъ».

«Згода, згода! кричало множество голосовъ. Просимъ пановъ депутатовъ подписать конституцію».

«Я уже говорилъ и теперь говорю—сказалъ Казимиръ-Несторъ Сапѣга—что мои убѣжденія при мнѣ, а я тамъ, гдѣ король и честные сограждане. Я слѣдую ихъ примѣру. Если конституція принесетъ народу счастье, виновниками его будутъ они; если же нѣтъ, я утѣшаю себя тѣмъ, что шелъ по слѣдамъ просвѣщенныхъ и честныхъ согражданъ.» За тѣмъ Сапѣга не утерпѣлъ, чтобы, по своему обычаю, не распространиться о собственныхъ достоинствахъ, о своей чистой совѣсти, честномъ поведеніи и геройскомъ подвигѣ третьяго мая.

«Згода, згода! Пусть паны депутаты подписываютъ конституцію», раздалось снова.

Членамъ депутаціи не оставалось ничего болѣе, какъ подходить къ столу и подписывать. Увидя, что дѣло конституціи беретъ верхъ, противники стали переходить на ея сторону. Корсакъ, такъ выразительно говорившій противъ нея третьяго мая, теперь сказалъ: «Чувство, побуждавшее меня и другихъ не соглашаться на конституцію, было тоже, которое одушевляло и тѣхъ, что́ за нее стояли. И у нихъ и у насъ были на то поводы въ инструкціяхъ. Оказывалось, что у нихъ народъ за наслѣдственное правленіе, у насъ за избирательное. Король склонился на сторону желающихъ наслѣдственнаго; теперь и намъ слѣдуетъ сдѣлать тоже, чтобы раздвоеніе не принесло горькихъ плодовъ для отечества.» Онъ просилъ позволенія поцѣловать руку короля въ знакъ благодарности.

Его допустили къ рукѣ. Онъ произнесъ присягу и подписалъ конституцію. То, что́ приводилъ Корсакъ въ свое оправданіе, была только юридическая уловка. Инструкцій въ пользу наслѣдственнаго правленія было очень мало въ сравненіи съ инструкціями противнаго содержанія.

Подобно ему поступили Глищинскій, Шидловскій, Шаноцкій и, послѣ длинной рѣчи, Матушевичъ, членъ депутаціи иностранныхъ дѣлъ; онъ, хотя и составлялъ реляцію о депешахъ, побуждавшихъ къ скорѣйшему принятію конституціи, но не зналъ, какъ увѣрялъ, о замыслѣ ввести конституцію, былъ пораженъ ея неожиданностію и потому 3-го мая былъ въ числѣ ея противниковъ. «Теперь, говорилъ онъ, я познакомился съ нею

и убѣдился въ ея спасительности.» За нимъ присягнули послы, которые не были въ засѣданіи третьяго мая. Изъ нихъ были Вавржецкій, Косцялковскій, Забѣлло, Зѣнковичъ, Тышкевичъ, и др. Они объяснились такъ: «мы были связаны инструкціями, данными намъ на сеймикахъ; но теперь дѣло окончено: наша боязнь прошла; мы убѣдились, что новая конституція не расширяетъ болѣе, чѣмъ слѣдуетъ, королевской власти, не хотимъ отставать отъ другихъ и готовы содѣйствовать общему дѣлу». Но волынскіе послы: Пининскій и Загурскій, сендомирскій Скорковскій и закрочимскій Зелинскій, не смѣя нападать на законъ, уже состоявшійся, затрогивали его только по частямъ и главное упирали на то, что дѣло совершилось безъ легальной формальности. На это патріоты имъ возражали, что настоящее дѣло есть революціонное, необходимое для спасенія отечества, и потому несоблюденіе легальныхъ формальностей было неизбѣжно. При этомъ патріоты разсыпались въ чрезвычайныхъ похвалахъ своему произведенію, увѣряли, что послѣ провозглашенія этого акта Польша стала страшною для сосѣдей и внутри ея водворились порядокъ и безопасность. «Это, говорили они, такое великое дѣло, котораго цѣлые вѣка дожидались и не видали». Среди восторговъ выступилъ брацлавскій посолъ Северинъ Потоцкій, находившійся въ коммиссіи для повѣрки войсковой коммиссіи и объявилъ, что въ арсеналѣ совсѣмъ нѣтъ запаснаго оружія. Онъ подалъ проектъ о предписаніи войсковой коммиссіи отнестись въ скарбовую коммиссію для пріисканія средствъ къ скорѣйшему вооруженію войска. Проектъ былъ принятъ единогласно, но, въ сущности, онъ ничего не могъ пособить дѣлу; скарбовая коммиссія не въ силахъ была пріискать бо́льшія средства, какихъ было нужно и открытый недостатокъ въ оружіи ясно указывалъ малую надежду на прочность конституціи, которая приводила патріотовъ въ такое упоеніе. Но патріотамъ не хотѣлось видѣть никакихъ черныхъ сторонъ; они тѣшились только свѣтлыми, а коварный Коссаковскій предложилъ устроить въ честь провозглашенія конституціи празднество и избрать для этого день 8-го мая, день св. Станислава, день имянинъ короля, котораго онъ называлъ виновникомъ спасенія отечества.

Въ эти дни и слѣдующіе за ними, въ Варшавѣ всѣ надѣли на себя кожаную лакированую перевязь съ овальною бляхою, на которой была надпись: «Король съ народомъ! Народъ съ королемъ»! Первый, кто подалъ этому примѣръ, по извѣстію Охоцкаго, былъ Казимиръ-Несторъ Сапѣга. Золотыхъ, серебряныхъ и бронзовыхъ дѣлъ мастера только и дѣлали, что эти бляхи,

а сѣдельники перевязи. Тѣ, тоторые носили польскую одежду, вѣшали эти перевязи на кунтуши или на жупаны, когда кунтушъ, или ферезія или чамара надѣвалась на опашь; тѣ, которые сохраняли французскій нарядъ, вѣшали ихъ на жилетъ: впрочемъ, тогда, въ жару патріотизма, большинство поляковъ спѣшило надѣвать національную одежду. Сперва эти перевязи съ бляхами были очень дороги, продавались по четыре червонца, а потомъ, когда уже громада публики запаслась ими, цѣна на нихъ стала спадать и дошла до двухъ талеровъ. Дамы также выдумали себѣ знакъ: то были небеснаго цвѣта ленты у шляпокъ и такія же опояски съ надписью, сдѣланной чернымъ цвѣтомъ: «Король съ народомъ, народъ съ королемъ»! Первая явилась съ этими знаками пани Тышкевичъ (племянница короля) и за нею бросились всѣ покупать подобные, и охотницъ было такъ много, что локоть такой ленты стоилъ до червонца; впослѣдствіи цѣна упала на 3 злотыхъ. Въ эти дни и слѣдующіе за ними увлеченіе новизной доходило до террора; толпа, казалось, была готова растерзать всякаго, кто осмѣлится сказать недоброе о конституціи. Даже люди, которые признали и подписали ее, подвергались угрозамъ за то, что прежде противъ нея говорили. Гетманъ Браницкій не противился, всячески хвалилъ конституцію, а задорные патріоты кричали, что его надобно убить, какъ человѣка московской партіи. Самъ Казимиръ-Несторъ Сапѣга подвергался порицаніямъ, несмотря на то, что задорно кричалъ противъ Москвы, несмотря на то, что его друзья и сторонники превозносили его великіе подвиги, несмотря даже на то, что онъ первый ввелъ въ употребленіе перевязь съ бляхою. И ему не всѣ прощали то, какъ онъ осмѣлился заявить, что новая конституція не согласна съ его убѣжденіями. Никто, впрочемъ, не зналъ и не предполагалъ, какъ этотъ человѣкъ передъ тѣмъ давалъ Булгакову честное слово противодѣйствовать перевороту. Епископъ Коссаковскій, какъ говорится, лѣзъ изъ кожи за новую конституцію, спорилъ за нее, даже съ ея защитниками, если они находили какія-нибудь частности несовершенными и удобно отмѣнимыми впослѣдствіи. Коссаковскій твердилъ, что подобнаго чуда еще не было на свѣтѣ и Польшѣ предстоитъ сдѣлаться самою счастливою страною въ мірѣ. Несогласныхъ съ конституціею пословъ было на дѣлѣ несравненно болѣе, чѣмъ согласныхъ, но многіе изъ нихъ, видя, что имъ ничего не остается дѣлать на сеймѣ, уѣзжали въ свои имѣнія, но не смѣли однако объявить, зачѣмъ они это дѣлаютъ: они отговаривались кто болѣзнью, кто старостью.

Сеймовой судъ грозилъ процессомъ всякому, кто станетъ противиться конституціи.

8-го мая, въ назначенный для торжества день, въ одиннадцать часовъ утра, король принималъ поздравленія отъ сената, министровъ, пословъ и частныхъ лицъ, выслушавъ привѣтственную рѣчь маршала Малаховскаго, истощившаго ему самыя изысканныя похвалы, потомъ отправился, окруженный придворными, въ костѣлъ св. Креста, гдѣ, послѣ обѣдни, ксёндзъ Витишевскій произнесъ слово, а потомъ, не выходя изъ костёла, король раздавалъ многимъ знаки ордена св. Станислава. По возвращеніи въ зàмокъ онъ принималъ поздравленія отъ иностранныхъ министровъ. Вечеромъ весь городъ былъ освѣщенъ: домъ маршала Малаховскаго и городская ратуша особенно блистали потѣшными огнями.

Наканунѣ этого праздника былъ составленъ и разосланъ универсалъ, которымъ сеймъ оповѣщалъ народъ о совершившейся конституціи. «Извѣщаемъ народъ—было въ немъ сказано—о томъ, что̀ милосердый Богъ съ нами сотворилъ. Отечество наше спасено, свобода наша обезпечена, теперь мы стали народъ сильный и независимый; на насъ нѣтъ болѣе цѣпей рабства и неурядицы; всемогущая десница Божія ихъ разорвала; громы и бури, приготовленные на погибель отечества нашего, обращены къ его спасенію. Знайте, почтенные обыватели, и пусть грядущіе вѣка знаютъ и никогда не забываютъ, какъ рука Божія повела насъ къ давножеланной цѣли неисповѣдимыми путями: внезапно спала повязка съ глазъ нашихъ; чины сейма уразумѣли, что только въ насъ самихъ, а не гдѣ-нибудь, слѣдуетъ искать средствъ спасенія отечества и всеобщей свободы; что только благородная и мужественная рѣшимость можетъ удержать насъ на краю пропасти отъ опасныхъ сѣтей для насъ разставленныхъ». Далѣе, въ универсалѣ объяснялось, какъ бдительные министры Рѣчи-Посполитой при иностранныхъ дворахъ представили вѣрный образъ несчастій и бѣдствій, угрожавшихъ Польшѣ, и какъ ихъ извѣстія побудили членовъ сейма, вмѣстѣ съ королемъ, совершить дѣло, которое слѣдуетъ считать дѣломъ цѣлаго народа. Народъ призывали довѣриться сейму и доброму королю и не слѣдовать тому правилу, которое часто повторялось для обольщенія народа, будто монархическое правленіе ведетъ къ рабству; напротивъ, анархія приводитъ къ рабству и погибели. Собственно о наслѣдственномъ правленіи говорить избѣгали. Этотъ универсалъ, въ печатныхъ экземплярахъ, разосланъ былъ по всѣмъ канцеляріямъ, съ приказаніемъ прибить его къ дверямъ, и, чрезъ

епархіальныя начальства, по всѣмъ костёламъ и церквамъ, гдѣ священники должны были читать его троекратно съ амвона.

10-го мая, сендомирскій посолъ Скорковскій хотѣлъ показать свою неустрашимость и заявить на сеймѣ гласно протестъ противъ новой конституціи. Зная, что при томъ увлеченіи, какое тогда господствовало, можно было заплатить жизнью за такую смѣлость, Скорковскій предварительно исповѣдался и причастился, готовясь, какъ онъ говорилъ, принести себя въ жертву за правду. Онъ написалъ грозную рѣчь и хвалился произнести ее на сеймѣ. Но король, услыхавъ объ этомъ заранѣе, призвалъ его къ себѣ и сказалъ: «ты затѣваешь говорить рѣчь; — ни я, ни кто другой не боимся твоей рѣчи: она ни въ комъ не возбудитъ желанія измѣнить общаго намѣренія, но я прошу тебя не говорить ради тебя самого. Ты человѣкъ молодой, даровитый и хочешь болтать по пустому». Скорковскій послушался. Черезъ сутки, 12-го іюня, на сеймѣ предложено было просить канцлера Малаховскаго, оставившаго свою должность, принять ее снова. Недовольный конституціею, сторонникъ старины и благопріятель Россіи, канцлеръ не смѣлъ явно вооружаться противъ конституціи и выѣхалъ изъ Варшавы подъ предлогомъ нездоровья, а когда получилъ просьбу, воротился и занялъ свое мѣсто въ новоучрежденной Стражѣ.

Н. Костомаровъ.

БИРЖЕВОЙ ОЛИМПЪ

И

АКЦІОНЕРНАЯ МИѲОЛОГІЯ.

Histoire du Crédit Mobilier. 1852—1867. Par M. Aycard. Paris, 1867.

La spéculation devant les tribunaux. Pratique et théorie de l'agiotage. Par Georges Duchène. Paris, 1867.

СТАТЬЯ ТРЕТЬЯ *).

Въ 1855 году, промышленность и спекуляція работали во Франціи съ необыкновенною силою; золото приливало изъ Калифорніи и изъ Австраліи и въ свою очередь не мало способствовало къ оживленію рынка. Желѣзныя дороги достигли такого развитія, что ихъ капиталъ, въ акціяхъ и облигаціяхъ, составлялъ по нарицательной цѣнѣ *2,140 милліоновъ* франковъ. Рента, несмотря на войну и второй заемъ, сдѣланный правительствомъ въ концѣ 1854 года [1]), стояла въ 68 франковъ [2]). Однимъ словомъ, 1855 годъ обѣщалъ быть самымъ благопріятнымъ временемъ для промышленной и спекулянтской дѣятельности, а потому нисколько не удивительно, что этотъ годъ сдѣлался и для Движимаго кредита самымъ блестящимъ годомъ. Движимый кредитъ принялъ участіе въ новомъ займѣ въ 750 мил-

---

*) См. выше: янв. 209; іюнь, 608—646 стр.

[1]) Правительство объявило заемъ въ 500 мил. франковъ, а народная подписка предложила правительству, вмѣсто 500 мил.—2,175 милліоновъ!

[2]) При началѣ крымской войны рента пала на 61 фр. 50 сант.

ліоновъ, объявленномъ въ іюлѣ. Народная подписка на этотъ заемъ превзошла 3,600 милліоновъ! Одни члены совѣта Движимаго кредита подписались на 250 милліоновъ. Рента была нѣсколько испугана третьимъ займомъ, но держалась въ теченіи 1855 г. хорошо, а акціи Движимаго кредита теперь уже не всегда падали вмѣстѣ съ рентою [1]). Рента падала, а акціи Движимаго кредита поднимались. Причина этого понятна. На рынокъ упало новой ренты путемъ займовъ на 1,530 милл. фр., а акціи Движимаго кредита оставались въ неизмѣнномъ количествѣ. Ренты нельзя было скупить, а значительную часть акцій Движимаго кредита скупить было можно; ихъ порою и скупали сами участники его, первостепенные спекулянты, чтобы повысить цѣну и продать снова по возвышенной цѣнѣ. При томъ способѣ спекуляціи, который представляется покупкою на премію, для законтрактованія къ извѣстному сроку всѣхъ 120,000 акцій Движимаго кредита, достаточно было уплатить впередъ 1.200,000 фр. преміи [2]), разсчитывая на вѣрное повышеніе. И, съ самаго начала дѣятельности Движимаго кредита, администраторовъ его обвиняли въ спекуляціи на курсъ собственныхъ бумагъ, даже въ умышленномъ пониженіи, подрывѣ ихъ цѣнности, если имъ надо было закупать, имѣя въ виду въ близкомъ будущемъ поводъ къ повышенію.

Въ 1855 году, Движимый кредитъ сдѣлалъ много операцій по восточнымъ, западнымъ и южнымъ дорогамъ, взялъ австрійскія дороги, участвовалъ въ дѣлахъ компаніи улицы Риволи, омнибусовъ, въ слитіи газовыхъ компаній, швейцарскихъ дорогахъ, подпискѣ на названный уже заемъ въ 780 милл. [3]). Акціонеры

---

[1]) Такъ рента стояла между 17-мъ и 23-мъ января: 66.80; 65.70, акціи Движимаго кредита 721.25; третьяго марта рента 71.85, а акціи Движ. кредита 752.50. Послѣ же займа въ 780 милл., рента была въ сентябрѣ и первыхъ числахъ октября 63.20 до 67.80, а акціи Движимаго кредита отъ 1132. 50 до 1650.

[2]) Мы объяснили выше, что значитъ покупка «на премію»; покупая на премію, *изъ 10*, 120 т. акцій, надо платить впередъ только 10 фр. на акцію; если цѣна при ликвидаціи ниже цѣны покупки, можно отказаться отъ нея, потерявъ 1,200,000 фр. задатку.

[3]) Всѣхъ предпріятій въ которыхъ Движимый кредитъ принялъ участіе въ теченіи 1855 года было 26. Въ числѣ ихъ были: учрежденіе австрійскаго «импер. кор. общества государственныхъ желѣзныхъ дорогъ», съ капиталомъ въ 200 милл. франк., и реализація для него займа въ 82,500 т. фр.

Приведемъ еще разъ, для примѣра, распредѣленіе барыша за этотъ знаменитый годъ. Чистый барышъ былъ опредѣленъ въ . . . . . . 28,082, 001 фр. 39 сант.

5% въ резервъ	1.254, 100	» 07	»
10% остальнаго администраторамъ	2.382, 790	» 13	»
акціонерамъ	21.441, 000	» —	»

ожидали дивиденда въ 200 фр. сверхъ процентовъ. Ходили слухи, что акціонерный капиталъ будетъ удвоенъ, то-есть, что будетъ выпущено еще 60 милл. фр. акцій, и что эти акціи будутъ предоставлены прежнимъ акціонерамъ. Эти слухи въ теченіи 6-ти дней подняли цѣну акцій съ 1,160 фр. до 1,385, а еще черезъ одиннадцать дней до 1650. Но совѣтъ не хотѣлъ, чтобы въ слѣдующій годъ дивидендъ былъ менѣе блестящъ, а на 120 милл. нелегко было повторить прежній дивидендъ. Поэтому, онъ предпочелъ рессурсъ выпуска облигацій, на 67 м. 200 тысячъ фр. [1]). Но мысль о выпускѣ облигацій и «централизаціи капиталовъ» рѣшительно не удавалась до сихъ поръ. Совѣтъ, или самъ испугался или его пугнули сверху, только этотъ проектъ не состоялся.

Къ концу 1855 года совѣтъ объявилъ валовой доходъ *въ 31 милл. 870 т. 776 фр.* за годъ. Примѣръ, дѣйствительно, небывалый ни въ одномъ предпріятіи такихъ размѣровъ: на 60 милл. капитала слишкомъ 50% валового сбора. Но такъ какъ отчетъ за 1855 годъ опять не упоминалъ о множествѣ операцій, а о другихъ не давалъ подробностей, то спрашивается, въ самомъ ли дѣлѣ оказался такой валовой доходъ, и не былъ ли онъ фиктивенъ, а чистый доходъ не былъ ли выплаченъ насчетъ прежнихъ барышей или капитала, или въ долгъ? Какъ бы то ни было, дивидендъ за 1855 годъ былъ выданъ по 178 фр. 70 сант., а съ 25 фр. процентовъ, всего 203 фр. 70 сант. на акцію, т. е. 40,74% на акціонерный капиталъ, по нарицательной его цѣнности. Дивидендъ Движимаго кредита превышалъ дивидендъ, выплаченный французскимъ банкомъ (200 фр.) [2])!

Въ томъ же году, въ совѣтъ вступили гг. Тюрнессенъ и Пласъ, а герцогъ Галліера вышелъ, «по недоразумѣніямъ» [3]).

Выдавъ такой огромный дивидендъ, Движимый кредитъ самъ осуждалъ себя на отступленіе, такъ какъ, очевидно, не могъ же сборъ быть объявляемъ каждый годъ въ 50% капитала, а дивидендъ составлять 40%.

Не надо забывать, что, въ то время, парижская биржа была первостепеннымъ денежнымъ рынкомъ всей Европы; нигдѣ не было столько движенія, не учитывалось столько предпріятій, не производилось такихъ быстрыхъ оборотовъ. Этой оживленности парижской биржи много способствовало то, что она была въ то

---

[1]) 240,000 облигацій въ 500 фр. каждая, съ 15 фр. процентовъ на акцію, съ выкупомъ въ 90 лѣтъ. Цѣна выпуска 280 фр.

[2]) См. выше выноску.

[3]) Послѣ онъ опять вступилъ, и былъ въ совѣтѣ и въ 1867 году.

время свободна. Рядомъ съ 60-ю оффиціальныхъ маклеровъ, курталсъ производился 250 банковыми конторами вольныхъ маклеровъ (coulissiers[1]). Мы уже говорили, что закрытіе этихъ конторъ, вслѣдствіе процесса, нанесло немаловажный ударъ значенію оборотовъ парижской биржи.

Теперь, ознакомивъ читателя съ дѣятельностью Движимаго кредита, мы уже не имѣемъ нужды слѣдить за нимъ шагъ за шагомъ, а ограничимся обозрѣніемъ важнѣйшихъ моментовъ дальнѣйшей его исторіи.

Заключеніе мира было поводомъ къ новому повышенію курсовъ; рента 19-го мая дошла до 75.65, и за нею послѣдовали и всѣ бумаги, между прочими и акціи Движимаго кредита. Цѣна ихъ на парижской биржѣ 20-го мая 1856 года была *1982.50*, а въ Ліонѣ, платили болѣе 2,000 фр. за 500-франковую акцію Движимаго кредита! Но это положеніе дѣлъ было не продолжительно. Рѣдкость денегъ и наводненіе[2]) вскорѣ повлекли ренту, а за нею и всѣ кредитныя цѣнности внизъ по биржевому склону[3]).

Но на ходу своемъ къ повышенію и пониженію, акціи Движимаго кредита безпрестанно совершали сильные скачки совсѣмъ непонятнаго свойства. Ихъ цѣнность, какъ цѣнность всѣхъ другихъ бумагъ, подчинялась въ общемъ, конечно, вліянію главныхъ экономическихъ условій рынка. Но скачки ихъ не зависѣли отъ этихъ условій и были, очевидно, результатами произвольной спекуляціи самихъ администраторавъ. Громадными выгодами отъ этихъ тайныхъ спекуляцій, они, разумѣется, не дѣлились съ акціонерами. Вѣдь весь Движимый кредитъ, въ ихъ рукахъ, былъ только огромною машиною именно для этихъ спекуляцій. Дѣла общества, акціонеровъ, должны были зависѣть отъ болѣе или менѣе выгоднаго и прочнаго помѣщенія его капиталовъ въ разныхъ промышленныхъ предпріятіяхъ и отъ цѣнъ, существовавшихъ въ данное время на репортажъ, на биржѣ, такъ какъ этою операціею Общество занималось въ большихъ размѣрахъ. Но собственныя выгоды администраторовъ, тѣ разности по курсамъ акцій, которыя доставлялись директорамъ безпрестанными, отчасти искусственными перемѣнами курса—совершенно не зависѣли отъ того, какая будущность ожидала компанію. Итакъ, скажемъ еще разъ, интересы администраторовъ не были солидарны съ инте-

---

[1]) Въ 1856 году, la coulisse располагала приблизительно 125-ю милліонами фр., не считая частныхъ капиталовъ, которые были довѣряемы ей для спекуляціи.

[2]) Рѣки Рона, Сона, Гаронна, Луара выступили изъ береговъ; въ 55-ти департаментахъ пострадали 4,110 общинъ.

[3]) Акціи Движимаго кредита втеченіи 1856 года, начавъ съ курса 1,140 подымались постепенно до 1,982. 50, а потомъ постепенно понижались и остановились на 1410.

ресами Общества и когда наступилъ кризисъ — администраторы ушли, унося пріобрѣтенныя ими выгоды.

Въ отчетѣ за 1856 годъ, правленіе касалось всего, кромѣ подробностей о дѣлахъ Общества: тутъ говорилось и о мирѣ, и о конгрессѣ, и о голодѣ, а о наводненіяхъ не упоминалось. О дѣлахъ Общества упоминалось какъ можно менѣе. Только вскользь говорилось о дѣлахъ Общества съ компаніею испанскаго Движимаго кредита, съ испанскою Сѣверною дорогою, съ небольшою новою вѣтвью желѣзной дороги во Франціи; потомъ подвергался критикѣ уставъ французскаго банка и въ заключеніе снова предлагалась мысль о «движимыхъ облигаціяхъ», которыя на этотъ разъ были названы «рентными билетами».

Чистый доходъ былъ показанъ слишкомъ въ 15 милл. фр. [1]). Акціонеры получили 25 фр. процентовъ, да 90 фр. дивиденда, всего 115 фр., то-есть 23% на капиталъ. Главная часть дохода, именно почти $11\frac{1}{2}$ милл. была показана какъ результатъ помѣщенія капиталовъ въ разныхъ бумагахъ, но какимъ образомъ эта выгода была пріобрѣтена—не объяснялось, такъ что она, по всей вѣроятности, просто представляла кость, брошенную акціонерамъ изъ того жаркого биржевой спекуляціи, которое скушали администраторы.

Этотъ отчетъ вызвалъ у Айкара вѣрную пародію на способъ представленія отчетовъ совѣтомъ Движимаго кредита его акціонерамъ:

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Баринъ и Софи, его кухарка.

Баринъ. — Ну, Софи, дайте-ка мнѣ счеты; сегодня наше число.

Софи. — Очень хорошо-съ.

Баринъ. — Перваго числа я далъ вамъ 500 франковъ. Какъ вы ихъ употребили?

Софи. — Теперь война, ваша милость, кончена. Заключенъ миръ. Мой кузенъ служитъ въ зуавахъ и вотъ онъ вернулся изъ Севастополя. Однако провизія все еще страшно дорогà. Куропатки не годятся. Погода стоитъ теплая и сырая, вотъ отъ этого дичь не бываетъ вкусна. Богемскихъ фазановъ нѣтъ.... Овощи не хороши и дороги. Селлерей водянистъ; сама морковь.... морковь....

---

[1]) При балансѣ въ 176,316,727 фр., валового дохода: 17,216,424 фр., чистаго 15,249,981, изъ котораго 1 мил. 200 тысячъ администраторамъ, а 10 мил. 800 т. въ дивидендъ.

Барингъ. — Ну ладно, Софи; давайте, сочтемтесь.

Софи (съ достоинствомъ и позою, знаменующею повара-артиста).—Очень хорошо-съ! Моя разсчетливость, добросовѣстность и преданность служитъ ручательствомъ за прошлое, настоящее и будущее... Интересъ вашей милости я такъ блюла и кушанья такъ хорошо варила, какъ вы ихъ переваривали.... За тотъ мѣсяцъ я представила вамъ 203 фр. 70 сант. За этотъ вы изволите получить 115 франковъ. Надѣюсь, что вы довольны.... Увѣрена, что вы довольны!...

Звонятъ; Софи убѣгаетъ отъ барина, который собираетъ свои 115 фр.

Барингъ. — Хоть это подберу, чтобъ не пропало.

Замѣчательно, что отчетъ за 1856 годъ ничего не упоминалъ, между прочимъ, о концессіи русскихъ желѣзныхъ дорогъ, о переговорахъ по основанію нашего Главнаго общества, хотя Исаакъ Перейръ и Тюрнессенъ по этому дѣлу ѣздили въ Петербургъ.

Въ 1856 году былъ случай, близко касавшійся Движимаго кредита; одинъ изъ членовъ совѣта общества[1]), Анри Пласъ, объявленъ былъ банкротомъ. У него, какъ говорили, было въ рукахъ капиталу на 25—30 милліоновъ, довѣреннаго ему разными банкирами. Что̀ онъ съ ними дѣлалъ? Въ какой связи были его дѣла̀ съ дѣлами Движимаго кредита? Обо всемъ этомъ отчетъ молчалъ. Сумма несостоятельности Пласа была опредѣлена въ 19 милл. фр. Онъ было-отправился въ Константинополь, будто бы по дѣламъ, но въ Марсели его арестовали. Нѣсколько дней онъ просидѣлъ въ Мазасской тюрьмѣ, потомъ его выпустили, объявленіе объ его несостоятельности было взято назадъ и самъ онъ вдругъ исчезъ.

Такъ это дѣло и осталось покрыто тайною, какъ все, близко касавшееся Движимаго кредита. Но въ Парижѣ не стѣсняясь говорили, что г. Пласъ былъ выпущенъ потому, что зналъ такіе секреты, съ которыми человѣка опасно держать даже въ тюрьмѣ, а слѣдуетъ удалить, конечно, лучше всего, если можно удовлетворить его... Говорили, что онъ живетъ гдѣ-то за границею, и что существованіе его обезпечено.

Съ 1857 года уже начался періодъ паденія Движимаго кредита; періодъ этотъ такъ и не прерывался, несмотря на всѣ попытки остановить его. 1857 годъ ознаменовался на парижской биржѣ двумя стѣснительными для спекуляціи мѣрами и появленіемъ обличительной книги. За входъ на биржу была установлена плата,

---

[1]) По слуху, онъ былъ даже членъ правленія.

съ кредитныхъ бумагъ установленъ налогъ [1]). Книга, впервые обличавшая безнравственную спекуляцію и игру, называлась «Les Manieurs d'argent» и была написана членомъ судейскаго сословія Оскаромъ де-Валé [2]).

Что парижская биржа была преимущественно игорнымъ домомъ, это оказалось изъ того ослабленія ея, которое было произведено устраненіемъ отъ нея массы публики. Что спекуляція, дѣйствительно, лежала тяжкимъ бременемъ на обществѣ, это доказывалось огромнымъ впечатлѣніемъ, какое произвела книга Валé. Въ обществѣ сказалась уже реакція, если не противъ самой спекуляціи, то противъ того нахальства, съ какимъ она господствовала, и тѣхъ хвалебныхъ гимновъ, которые до тѣхъ поръ сопровождали ее.

Все это «омрачило» биржу. Мало того: на ней отозвался огромный денежный кризисъ, вызванный въ англійскомъ торговомъ свѣтѣ возстаніемъ сипаевъ въ Индіи. Дѣла были плохи [3]). Оборотъ Движимаго кредита уменьшился противъ 1856 года милліоновъ на 39. За выдачею процентовъ на акціи осталось на дивидендъ изъ дохода всего не много болѣе 4 милліоновъ, но совѣтъ, имѣя въ виду общее паденіе цѣнъ на бумаги, которыя служили залогами обществу, не выдалъ этого дивиденда.

Русскія желѣзныя дороги, наконецъ, явились въ отчетѣ Движимаго кредита за 1858 годъ [4]). Изъ другихъ предпріятій, въ которыхъ принималъ участіе Движимый кредитъ, «Компанія недвижимостей и Отеля Риволи», въ этомъ году преобразилась въ «Парижское общество недвижимостей» [5]). Тотъ же отчетъ выхваливалъ богатыя надежды, какія подавала Сѣверная испанская дорога, которой акціи съ 505 фр. упали въ 1867 году до 55-ти франковъ [6]). За 1857 годъ, Общество, какъ мы видѣли, не выдало

---

[1]) При передачѣ именныхъ бумагъ пошлина въ 20 сант. со 100 фр. А бумаги на предъявителя подлежатъ ежегодному штемпелю 12 сант. со 100 фр. Компаніи желѣзныхъ дорогъ отнесли эту издержку на свои купоны процентовъ и дивиденда.

[2]) Нынѣ генеральный адвокатъ въ императорскомъ судѣ въ Парижѣ.

[3]) Въ 1857 году рента держалась между 65.85 и 71.40. Акціи Дв. кр. между 670 и 1487.50.

[4]) Главное общество выпустило въ то время 600 т. акцій (въ 500 франковъ), на которые потребованъ былъ еще только взносъ 150 фр.

[5]) Compagnie Immobilière de Paris. О ней отчетъ 1858 года отзывался съ величайшей самонадѣянностью; а она-то и сдѣлалась однимъ изъ самыхъ главныхъ поводовъ къ разоренію Дв. кредита. Надо помнить, что главными участниками ея были именно администраторы Дв. кредита.

[6]) По увѣренію отчетовъ Дв. кредита, эта дорога должна была обойтись въ 145 милл. фр., а обошлась она въ самомъ дѣлѣ въ 225 милл.

дивидендъ, котораго приходилось 34 фр. 44 сант. на акцію. Дивидендъ за 1858 годъ, опредѣленный въ 44 фр. 9 сант., тоже не былъ выданъ, потому что до времени собранія акціонеровъ уже были сказаны знаменитыя слова австрійскому послу, барону Гюбнеру, возвѣстившія итальянскую войну. Къ концу 1859 года акціи Движимаго кредита стояли 983.75.

Курсы пали вслѣдствіе войны; уменьшались и дѣла [1]). По заключеніи виллафранкскаго перемирія, биржевымъ дѣламъ въ Парижѣ былъ нанесенъ новый ударъ процессомъ противъ вольныхъ маклеровъ (la coulisse), о которомъ мы говорили выше и который былъ дополненіемъ стѣснительныхъ мѣръ, принятыхъ прежде противъ спекуляціи. Но этотъ процессъ имѣлъ послѣдствія неблагопріятныя; уничтоженіе «кулиссы» не настолько ослабило спекуляцію, сколько уменьшило вообще операціи на биржѣ. Замѣчательно, что сами биржевые маклера, которые этимъ процессомъ хотѣли охранить свою монополію, послѣ него стали производить меньше дѣлъ. Уничтоженіе кулиссы имѣло еще неблагопріятное вліяніе на курсъ ренты [2]).

Движимый кредитъ продолжалъ въ 1859 году свои главныя операціи: дѣла съ испанскими, русскими и австрійскими дорогами, съ испанскимъ Движимымъ кредитомъ, съ компаніею недвижимостей, морскою компаніею, компаніею омнибусовъ и проч. [3]) Онъ подписался также на 50 милл. въ займѣ (500 милл. фр.), заключенномъ на итальянскую войну. Дивиденду было выдано на акцію уже только 12 фр. 50 сант., что́ съ 25 фр. процентовъ составило 37 фр. 50 с.

Но куда же дѣвался *невыданный* дивидендъ за 1857 и 1858 года? Если сосчитать сумму его съ суммою дохода за 1859 годъ, и вычесть то, что́ за этотъ годъ было выдано дивиденду и проч., то окажется все-таки недочетъ почти въ 8 милл. фр., т. е. окажется, что 8 милл. не были розданы, и не показано, куда они были употреблены. Правда, въ отчетѣ была отчислена сумма въ возвратъ по уменьшившейся цѣнности бумагъ въ портфелѣ общества. Но какія это были бумаги и насколько оцѣнено пониженіе ихъ курса — тайна. Точно такъ, правленіе Движимаго кредита во всякое время могло объявить, что портфель понизился

---

[1]) Рента стояла 61 до 64.

[2]) Кулисса дѣлала всего больше дѣлъ именно съ рентою; съ уничтоженіемъ гласной кулиссы, рента никогда не достигала уже прежнихъ высокихъ цѣнъ отчасти именно оттого, что спросъ на нее былъ рѣже.

[3]) Замѣчательно, что въ 1859 году, акціи Дв. кредита менѣе подвергались внезапнымъ значительнымъ измѣненіямъ курса, чѣмъ обыкновенно.

въ цѣнѣ на любую сумму и отчислить доходъ на возвратъ ея. Удивительныя дѣла [1])!

Въ 1860 году, который ознаменовался заключеніемъ торговаго трактата съ Англіею, освобожденіемъ южной Италіи и присоединеніемъ къ Франціи Ниццы и Савойи, дѣла Движимаго кредита были ограничены вслѣдствіе тревожнаго положенія биржи, обусловленнаго всѣми этими событіями. И акціи Общества держались въ этотъ годъ гораздо спокойнѣе: крайнія цѣны ихъ были 815 и 637.50; спекуляція какъ будто присмирѣла.

Но положеніе Движимаго кредита уже въ этомъ году было опасно. Имѣя всего 60 милл. своего капитала, онъ держалъ бумагъ разныхъ предпріятій на сумму до 123 милл. фр., Итакъ, цѣлыхъ 63 милл., помѣщенные въ разныя предпріятія, онъ позаимствовалъ изъ текущихъ счетовъ. Правда, въ числѣ залоговъ, онъ имѣлъ на 23 милл. французской ренты, которая, пожалуй, тѣ же деньги. Но оставались все-таки заимствованными 38 милліоновъ, обезпеченныхъ такими бумагами, которыхъ нельзя было бы реализировать въ данную минуту [2]).

Дѣла Движимаго кредита не поправились ни въ 1861, ни въ 1862 годахъ. Акціи спустились уже на maximum 1,285 фр. Сѣвероамериканская распря и недостатокъ хлопка дурно вліяли на торговлю и фабрикацію; но за то деньги были дешевы и спекуляція обдѣлывала свои дѣла.

Капиталы, помѣщенные въ разныя предпріятія, все возрастали: къ 1863 году они составляли уже почти 148 милл. Но, въ 1863 году, они вдругъ уменьшились слишкомъ на 70 милл., Общество уже ограничивало свои дѣла. Съ 1863 года, слѣдуетъ считать періодъ упадка второй имперіи. Дѣтище ея — Движимый кредитъ сталъ падать еще ранѣе, но, съ упадкомъ имперіи, началъ клониться безвозвратно къ гибели. Съ 1864 года упадокъ этотъ уже несомнѣненъ. Движимый кредитъ сдѣлался солидаренъ, какъ бы нарочно, для каламбура, съ «компаніею недвижимостей» [3]). Отсюда произошло именно то, что̀ слѣдуетъ по грамматическому смыслу: Движимый кредитъ сдѣлался *недвижимымъ*. За исключеніемъ 10 милл. фр., весь капиталъ Общества былъ затраченъ въ постройкахъ, покупкахъ и т. д. компаніи недвижимостей. Диви-

---

[1]) Отъ этой суммы почти въ 8 милл. остается только одинъ слѣдъ: въ отчетѣ 1860 года зачислено *остаткомъ* отъ счета 1859 года 33,565 фр. 54 сантима!

[2]) Чистый доходъ за 1860 годъ былъ исчисленъ въ 3 м. 312 т. фр. Между тѣмъ, ходилъ слухъ, что Движимый кредитъ спекуляціями на бумагахъ трехъ компаній выручилъ въ этомъ году 20 милл. фр.! Дивиденду было выдано 25 фр.

[3]) Компанія, спекулировавшая на покупку и продажу земли, постройку зданій въ Парижѣ, при общей перестройкѣ, и въ Марсели.

дендъ за 1864 годъ, составилъ уже только 25 фр. [1]), что̀ вмѣстѣ съ 25 фр. процентовъ представляло 10% на номинальную цѣну акцій. А такъ какъ курсъ акцій превосходилъ еще иногда 1,000 фр., то Движимый кредитъ въ сущности давалъ доходу акціонерамъ всего 5%, въ 1860, 1861 и 1864 годахъ.

Дѣла на биржѣ въ 1865 году не были особенно живы; свою живость парижская биржа, какъ мы видѣли, утратила еще раньше, въ значительной степени, отчасти вслѣдствіе ряда мѣръ стѣснявшихъ спекуляцію [2]), частью просто вслѣдствіе поворота въ счастьи, нѣкогда улыбавшемся второй имперіи. Въ 1865 году выпущены были — и съ успѣхомъ — несчастныя облигаціи мексиканскаго займа [3]). Успѣху помогли впрочемъ и выигрыши, опредѣленные для каждаго тиража (главный выигрышъ 500 т. фр.). Итальянскій заемъ въ 425 милл. фр. и заемъ города Парижа въ 250 милл. тоже были реализированы успѣшно въ 1865 году на парижской биржѣ. Война въ сѣверной Америкѣ была кончена; шлезвигъ-гольштейнская война тоже. Вслѣдствіе того, рента окончила годъ на цифрѣ 68.15.

Акціи Движимаго кредита держались въ теченіи этого года все еще между 1,000 фр. и 652 фр. 50 сант. Но предпріятія, въ которыхъ были помѣщены капиталы Движимаго кредита, шли хуже (особенно испанскія дѣла) и доходъ былъ опредѣленъ около $8^1/_2$ милл. фр. Но совѣтъ воспользовался первыми предвѣстіями войны 1866 года, чтобы выдачу дивиденда *отложить*; такъ, акціонеры за 1865 годъ и получили только проценты.

Наступилъ 1866 годъ, разрушившій весь престижъ второй имперіи. Это былъ годъ самый неблагопріятный и для дѣлъ. Урожай былъ недостаточный, одни наводненія причинили убытку на 61 милл. фр., мексиканское предпріятіе оказалось несостоятельнымъ и, переплывая Атлантику обратно, войска второй имперіи какъ бы совершали новый переходъ чрезъ Березину. Наконецъ война въ Германіи и Италіи и сама по себѣ останавливала дѣла̀ и подрывала кредитъ французскаго могущества. Вдобавокъ ко всему во Франціи свирѣпствовала холера. Рента

---

[1]) Дивидендъ съ процентами былъ въ 1860 г. 50 фр., въ 1861 г. 50 фр., въ 1862 г. 125 фр.; въ 1863 г. 125 фр., въ 1864 г. 50 фр., въ 1865 выданы уже только 25 фр. процентовъ, а дивиденду не было; въ 1866 и 1867 годахъ — ничего.

[2]) Впрочемъ, съ 1 января 1862 года биржа снова открылась публикѣ; ненавистные tourniquets, при которыхъ взималась плата за входъ, исчезли. Эта отмѣна была мотивирована предпринятымъ въ то время обращеніемъ $4^1/_2$ и 4% рентъ въ 3%; хотѣли *расширить* рынокъ.

[3]) 500 т. 6% облигацій, выпускная цѣна 340 фр., съ выкупомъ по 500 фр. въ теченіи (!) 50 лѣтъ.

въ маѣ упала до 62.85, а итальянскіе *пяти-процентные* фонды продавались по 36 фр. 50 сант. [1])!

Вдругъ, 5 іюля, появилось на биржѣ извѣстіе объ уступкѣ Венеціи императору французовъ. Съ 65.35 рента тотчасъ повысились на 70.30. На итальянскіе фонды повышеніе было почти въ 15 франковъ; на акціи Движимаго кредита въ 200 фр. [2]). За такимъ чрезмѣрнымъ повышеніемъ, разумѣется, тотчасъ послѣдовала рекція.

Между тѣмъ, администраторы Движимаго кредита, видя приближеніе кризиса для Общества, зная всю несостоятельность помѣщеній его капиталовъ, задумали отчаянную мѣру, чтобы потопить свои грѣхи въ расширеніи дѣла; они задумали *удвоеніе акціонернаго капитала*, т. е. выпускъ еще 120 т. акцій, на сумму 60 милл. Въ январѣ появилось извѣщеніе, созывавшее чрезвычайное собраніе акціонеровъ на 12 февраля. При этомъ было объявлено, что списокъ акціонеровъ, имѣющихъ право участвовать въ немъ [3]), *составленъ* совѣтомъ за мѣсяцъ до собранія. Но собраніе должно было состояться *12 февраля*, а извѣщеніе о немъ было *28 января*; стало быть, акціонеры, желавшіе принять участіе въ собраніи, *не могли* уже предъявить своихъ акцій; списокъ уже былъ составленъ, и составленъ по произволу совѣта. Это была возмутительная мѣра диктаторства, или эскамотированія власти собраній. Движимый кредитъ подражалъ примѣненію народнаго голосованія къ утвержденію второй имперіи и къ присоединенію Ниццы и Савойи.

Общественное мнѣніе, несмотря на то, что администраторы компаніи уже пріучили его къ деспотизму, было возмущено этой мѣрою. Однакожъ, собраніе акціонеровъ, составленное врасплохъ, утвердило предположеніе совѣта и дало разрѣшеніе на удвоеніе капитала [4]).

Были приняты также предложенія совѣта о разныхъ измѣненіяхъ въ уставѣ, въ томъ числѣ уменьшеніе доли администраторовъ, въ чистомъ доходѣ, съ 10% на 5% и увеличеніе резервнаго фонда съ 2 до 10 милліоновъ. Прибѣгая, въ критиче-

---

[1]) Разсчитываютъ, что пониженіе курса или упадокъ цѣнностей на парижской биржѣ между 17 марта и 9 мая 1866 года составило на однѣхъ 70 главныхъ бумагахъ *2 милльярда, 859 милл., 726½ тысячъ*. Въ іюнѣ рента упала даже до 62.10.

[2]) На той же биржѣ повышеніе дошло до 265 фр.

[3]) По уставу, 200 значительнѣйшихъ акціонеровъ.

[4]) Новыя акціи были предоставлены исключительно прежнимъ акціонерамъ, по цѣнѣ 516 фр. 66. Эта цѣна представляла альпари, въ сравненіи съ 500 фр. старыхъ акцій, такъ какъ за старымъ акціонернымъ капиталомъ числился наличный резервный фондъ въ 2 милліона фр.

скомъ положеніи Общества, не къ ликвидаціи, а напротивъ къ удвоенію капитала, совѣтъ этими измѣненіями задобрялъ акціонеровъ.

Курсъ акцій въ теченіи 1866 года былъ измѣнчивъ [1]) и спекуляція по прежнему дѣлала много дѣлъ съ ними. Но замѣтна была наклонность болѣе къ паденію, чѣмъ къ возвышенію. Четыре раза даже случилось, что курсъ падалъ ниже пàри.

Къ 31 декабря 1866 года, балансъ Движимаго кредита былъ 249, 455.940 фр. 68 сант.

Въ собраніи акціонеровъ, бывшемъ 6 апрѣля 1867 года, совѣтъ въ отчетѣ за 1866 годъ показалъ уже *потерю* почти въ *8 милліоновъ* фр. [2]). Но такъ какъ мы видѣли выше, что въ 1865 году было выручено около 8½ милл., а изъ этой суммы были выданы акціонерамъ за 1865 годъ только проценты (т. е. 25 фр. на акцію или 3 милл. всего), безъ дивиденда, то изъ той суммы должно было остаться около 5½ милл. Стало быть, если въ 1866 году оказалась *потеря*, то она была не 8½ милл., а болѣе *13½ милліоновъ* [3]).

Помѣщеніе капиталовъ Движимаго кредита за 1866 годъ еще ухудшилось. Составъ его портфеля, то-есть находившіяся у него бумаги, дѣлались все менѣе благонадежны [4]). Связи съ «Компаніею Недвижимостей» дѣлались все тѣснѣе. Въ 1862 г., Движимый кредитъ помѣщалъ въ этомъ предпріятіи всего менѣе 17½ милл., а въ 1866 году уже болѣе 72 милл. фр. (см. ниже выписку съ рѣшеніемъ аппелляціоннаго суда).

Итакъ, послѣ періода процвѣтанія Движимаго кредита, продолжавшагося съ 1852 по конецъ 1856 годъ, наступилъ періодъ паденія, съ 1857 по 1867 годъ. Наконецъ, 1867 годъ былъ годомъ окончательнаго паденія. Еще въ первые два мѣсяца курсъ его акцій бывалъ выше пàри, но, съ 18 марта, онъ сошелъ съ пàри и уже не достигалъ его [6]).

Портфель Движимаго кредита всегда оставался тайною. Но

---

[1]) Maximum 880, minimum уже — 392. 50.

[2]) 7 милл. 983. 136 фр. 63 сант.

[3]) Доходъ 1865 года 8.586.006 фр. 85 сант. Отсюда выдано 3 милл. процентовъ, осталось 5.586.006 фр. 85 сант., чтò съ *показанною* потерею за 1866 годъ, 7.983.136 фр. 03 сант. и составляетъ 13.569.142 фр. 88 сант.

[4]) Такъ, по отчету за 1865 годъ было еще въ портфелѣ ренты слишкомъ на 6½ милл., и «разныхъ акцій» на 15 милл. фр. Между тѣмъ въ портфелѣ 1866 года, ренты было уже всего на 1 милл. 149 т., а «разныхъ акцій» (здѣсь не считаются желѣзнодорожныя) на *55½ милл.* Итакъ, Дв. кредитъ продавалъ ренту и покупалъ вмѣсто нея «разныя акціи»?

[5]) Maximum за 1867 годъ 533. 75, minimum 140 фр.

вотъ, 15 октября, появился въ газетѣ «Epoque» списокъ бумагъ, находившихся въ портфелѣ Движимаго кредита, 31 августа, списокъ, заимствованный изъ баланса, сообщеннаго имъ французскому банку. За «Epoque», «Presse» напечатала этотъ списокъ, дополнивъ его. Эти «нескромности» газетъ никогда опровергнуты не были и ихъ слѣдуетъ признать за достовѣрныя. Онѣ представляли портфель въ безнадежномъ положеніи. Бумаги, въ немъ заключавшіяся, представляли въ итогѣ, по тогдашнему курсу, сравнительно съ цѣною, въ которой онѣ числились въ портфелѣ Движимаго кредита, потерю приблизительно между 74 и 94 милліонами франковъ [1]). Въ портфелѣ были собраны самыя неблагонадежныя французскія и испанскія бумаги.

Когда же произошла эта страшная потеря отъ 74 до 94 милл. фр.? Изъ разсчетовъ оказывается, что еще 19 мая 1866 г. капиталъ въ 60 милл. и резервъ въ 2 милл. были на лицо; былъ на лицо и остатокъ отъ 1865 года, $8\frac{1}{2}$ милл., всего, значитъ, $70\frac{1}{2}$ милл. Съ тѣхъ поръ, Движимый кредитъ, посредствомъ новаго выпуска акцій, получилъ еще капиталъ въ 60 милліоновъ...

Между тѣмъ, въ собраніи акціонеровъ, 6 апрѣля 1867 года, объявлено было, что цѣнность капитала Общества уменьшилась почти на 8 милл., и президентъ совѣта правленія Движимаго кредита, Исаакъ Перейръ, а также члены совѣта Эмиль Перейръ и Сальвадоръ рѣшились сложить съ себя свои обязанности. Въ письмѣ, напечатанномъ въ «Монитёрѣ», господа Перейры увѣряли, что они удаляются единственно побуждаемые пользою акціонеровъ, съ цѣлью положить конецъ разногласіямъ и облегчить реализацію «необходимыхъ средствъ». Эти господа имѣли смѣлость говорить при этомъ о своемъ самопожертвованіи и добросовѣстности! Обративъ предпріятіе въ громадную машину, посредствомъ которой они заработали себѣ несчетныя деньги,

---

[1]) Представляемъ этотъ списокъ, чтобы дать вѣрное понятіе о томъ, на какія предпріятія директоры Дв. Кредита предпочтительно затрачивали его капиталы:

французской ренты на 3.000 фр.
113.600 облигацій } Компаніи недвижимостей, находившейся въ критическомъ
72.000 акцій } положеніи.
65.000 акцій испанскаго Движимаго кредита.
650 — французскаго Дв. кред.
12.008 облигацій общества канализаціи Эбра.
20.000 — Транзатлантической компаніи.
62.000 — Сѣверной испанской дороги.
350 акцій Южно-французской дороги.
4.200 — австрійскихъ дорогъ.
32.000 — компаніи Magasins Généraux (отдѣлившейся изъ C-gnie Immobilière).

эти пираты раскланивались съ обществомъ. Вѣдь и они теряли *какъ акціонеры*! А что они нажили *какъ администраторы*, то уносили съ собою.

Но вопросъ, лежащій на нихъ, заключается вотъ въ чемъ: акціонерный капиталъ Движимаго кредита, съ резервнымъ фондомъ, составлялъ 124 милліона фр.; 19 мая 1867 года, господа Перейры вмѣстѣ съ прочими администраторами объявили потерю менѣе 8 милліоновъ; они должны доказать, что остальные 116 милл. фр. были въ цѣлости[1]).

---

[1]) Недавно парижскій аппелляціонный судъ разбиралъ дѣло по жалобѣ, предъявленной на администраторовъ Движимаго кредита нѣкимъ Лабури. Рѣшеніе по этому дѣлу провзнесено было 1 августа. Упомянемъ здѣсь объ этомъ процессѣ, хотя для цѣли нашей статьи исторія Движимаго кредита служила только примѣромъ и намъ важны только его операціи и счетоводство. Но жалоба Лабури захватывала довольно широко дѣятельность администраторовъ, а потому мы и изложимъ сущность рѣшенія аппелляціоннаго суда.

Лабури жаловался на *незаконность того собранія акціонеровъ, въ которомъ было рѣшено удвоеніе капитала*, на ложность свѣдѣній, представленныхъ администраторами при этомъ призывѣ новыхъ капиталовъ, и на умолчаніе о важныхъ, неблагопріятныхъ Обществу обстоятельствахъ. Жалобу свою Лабури предъявлялъ на членовъ совѣта: обоихъ Перейровъ, Сальвадора, Біеста, Галліера, Шевалье, Бюссьера, Селльера и Гриннингера. Онъ требовалъ, чтобы ему были возвращены, а въ случаѣ нужды взысканы съ личнаго имущества этихъ господъ, произведенные имъ взносы по акціямъ второго выпуска.

Судъ отвергъ первое основаніе жалобы: незаконность общаго собранія (мы уже объяснили выше, въ чемъ она состояла), такъ какъ не имѣется въ виду *закона* (!), который бы обязывалъ правленіе компаній заранѣе приглашать акціонеровъ къ представленію своихъ акцій и занесенію своихъ именъ въ списокъ собранія своевременно (въ этомъ отношеніи аппеляціонный судъ и отмѣнилъ послѣдовавшее рѣшеніе 1-й инстанціи).

Но второе основаніе жалобы Лабури судъ призналъ вполнѣ. Приводимъ сущность мотивовъ, допущенныхъ судомъ. Дв. кредитъ, уже въ концѣ 1864 года, находился въ затруднительныхъ обстоятельствахъ; главная часть его капитала была помѣщена въ Компаніи недвижимостей, которая находилась подъ управленіемъ тѣхъ же директоровъ, какъ и Дв. кредитъ. Свѣдѣніе о величинѣ этой суммы не было сообщено даже въ балансѣ, представленномъ коммерческому суду, и ссуды Дв. кредита Компаніи недвижимостей, по балансу перваго были причислены къ помѣщеніямъ *на опредѣленный срокъ*, между тѣмъ, какъ срока этимъ ссудамъ, въ дѣйствительности, не было. Даже, если бы онѣ и были срочныя и можно было бы потребовать ихъ возвращенія для отвращенія отъ Дв. кредита кризиса, то онѣ все-таки не были бы возвращены, потому что Компанія недвижимостей была *не въ состояніи* это сдѣлать. Сверхъ того, ссуды эти были показаны огуломъ въ числѣ 53 милл., помѣщенныхъ въ «разныя компаніи», между тѣмъ какъ изъ этой суммы цѣлыхъ 52 милл. были помѣщены *въ одной* компаніи, именно въ Комп. недвижимостей. Наконецъ, въ портфелѣ *не было* облигацій этой компаніи, и отговорка, что всегда можно было потребовать отъ Комп. недвижимостей выпуска этихъ облигацій, не можетъ быть принята, такъ какъ выпускъ облигацій на 52 милл. фр. вдругъ непремѣнно обнаружилъ бы все положеніе дѣлъ между Дв. кредитомъ и Компаніею. Это умолчаніе важнаго факта со стороны обоихъ Обществъ судъ приз-

Въ выноскѣ читатель можетъ найти провѣрку дѣйствій администраторовъ по другимъ источникамъ; изъ нея же онъ увидитъ, что, на основаніи судебнаго рѣшенія, тайна съ дѣйствій Движимаго кредита съ 1866 года будетъ сорвана и документы совѣта этого общества наконецъ откроются для безпристрастнаго контроля и для привлеченія виновныхъ къ отвѣтственности. Бывшій процессъ важенъ тѣмъ, что онъ проложилъ дорогу дальнѣйшимъ искамъ въ томъ же родѣ. Остается желать, чтобы, когда всѣ плутни будутъ раскрыты, акціонеры Движимаго кредита составили изъ себя общество со спеціальной цѣлью вы-

---

наетъ какъ преднамѣренное дѣйствіе именно для осуществленія удвоенія капитала Дв. кредита въ акціяхъ.

Судъ допускаетъ, что администраторы *не обязаны* придавать гласность всему положенію дѣлъ Общества; но рѣшаетъ, что они не имѣютъ права умалчивать о столь важномъ фактѣ тогда именно, когда къ предпріятію призывается новый капиталъ. Движимый кредитъ помѣстилъ въ предпріятія Комп. недвижимостей въ формѣ ссудъ, покупки акцій и облигацій *почти 100 милл. фр.*, то-есть болѣе, чѣмъ въ полтора раза свой основной капиталъ, *почти половину всего своего актива.* Между тѣмъ, совѣтъ правленія не только не предупреждалъ Общество о такомъ положеніи дѣлъ, но даже, въ отчетѣ, читанномъ въ собраніи 12 февраля 1866 г., *ни разу не упомянулъ* о Компаніи недвижимостей, а въ отчетѣ 10 мая, представленномъ уже послѣ постановленія объ удвоеніи капитала, расхваливалъ цвѣтущее положеніе дѣлъ этой компаніи. Самое удвоеніе капитала судъ признаетъ какъ прямое послѣдствіе опаснаго положенія Дв. кредита, а не какъ необходимость вынужденную обширностью его оборотовъ (что утверждали администраторы).

Основываясь на всемъ этомъ, судъ призналъ администраторовъ Движ. кредита, бывшихъ въ тоже время администраторами Компан. недвижимостей, въ недобросовѣстномъ исполненіи даннаго имъ порученія и довѣрія, и обязанными вознаградить истца за его потерю. Но судъ не думаетъ, чтобы Движ. кредитъ потерялъ весь свой капиталъ, а потому не считаетъ справедливымъ сполна возвратить Лабури всѣ его взносы. Вслѣдствіе того, онъ опредѣляетъ навесть полныя справки по книгамъ и счетамъ и возвратить Лабури его дѣйствительную потерю, какъ она окажется изъ *истинныхъ балансовъ*.

Что касается тѣхъ администраторовъ Движ. кредита (Шевалье, Бюссьеръ, Селльеръ и Грининґеръ), которые не были въ то же время членами совѣта Комп. недв., то ихъ судъ увольняетъ отъ отвѣтственности по иску истца, такъ какъ очень вѣроятно, что они только полагались на своихъ товарищей, а истиннаго положенія Компаніи не знали. Здѣсь судъ допускаетъ различіе между справедливою отвѣтственностью по личнымъ дѣйствіямъ, обманувшимъ то довѣріе, которое акціонеры *должны* оказывать администраторамъ, и довѣріемъ, какое сами администраторы могутъ ошибочно оказать другимъ лицамъ. Иначе, говоритъ судъ, пришлось бы смотрѣть на директоровъ промышленнаго общества, какъ на *страхователей* интересовъ акціонеровъ, что было бы несправедливо.

По всѣмъ этимъ основаніямъ, судъ приговорилъ Эмиля и Исаака Перейровъ, Сальвадора, Біеста и Галліера уплатить истцу вознагражденіе по оцѣнкѣ, на основаніи документовъ, съ общею ихъ отвѣтственностью всѣхъ за каждаго, и къ издержкамъ.

требовать назадъ отъ Перейровъ съ К⁰ всѣ унесенные ими барыши.

Исторія Движимаго кредита представляетъ намъ краснорѣчивый примѣръ той эксплуатаціи массы горстью финансовыхъ феодаловъ, которая не многимъ лучше феодальной эксплуатаціи прежнихъ временъ. Движимый кредитъ не можетъ даже прикрыться какою-либо славою «завоевателя,» какою такъ успѣшно прикрывалась до времени эксплуатація иного рода.

Въ самомъ дѣлѣ, финансовой своей цѣли Движимый кредитъ не достигъ. Ему не удалось сдѣлаться ни главнымъ банкомъ обще-европейскаго кредита, ни монопольнымъ банкомъ, въ которомъ «сосредоточивались» бы капиталы предпріятій по общественнымъ работамъ, ни наконецъ облигаціоннымъ банкомъ, котораго доходныя ассигнаціи замѣняли бы деньги, поглощая капиталъ, находящійся въ обращеніи и сбереженія, ожидающія помѣщенія.

Учредители Движимаго кредита льстили своимъ акціонерамъ обѣщаніемъ, что они учредятъ конторы этого предпріятія во всѣхъ главныхъ столицахъ Европы и посредствомъ ихъ подчинятъ Парижу весь денежный рынокъ; ничего подобнаго не осуществилось. Они попробовали захватить въ свои руки морскую торговлю, посредствомъ морской компаніи и компаніи транзатлантическихъ пароходовъ; они хотѣли управлять поземельною собственностью въ городахъ посредствомъ Компаніи недвижимостей; они стремились захватить желѣзныя дороги всего европейскаго континента посредствомъ дорогъ австрійскихъ, венгерскихъ, русскихъ и испанскихъ; они предсказывали, что Движимый кредитъ будетъ коммиссіонерскимъ банкомъ для государственныхъ займовъ Франціи, Италіи, Испаніи, Турціи и Мексики. Все это оказалось мечтою.

Ни одно изъ этихъ «завоеваній» не удалось; мало того, самъ парижскій денежный рынокъ, управленіе которымъ Движимый кредитъ пытался присвоить себѣ окончательно, возсталъ противъ этого учрежденія, и Движимый кредитъ вызвалъ всеобщую ненависть въ торговомъ свѣтѣ.

Чѣмъ же *удалось* Движимому кредиту быть въ дѣйствительности? Въ одномъ изъ многочисленныхъ его процессовъ, онъ имѣлъ противъ себя знаменитаго адвоката Беррьѐ, и вотъ какъ этотъ ораторъ опредѣлилъ дѣятельность Движимаго кредита: «Общество Движимаго кредита, это — величайшій игорный домъ, который когда либо былъ на свѣтѣ. Громкія слова ничего не значатъ.

Я знаю, у нихъ этихъ словъ довольно: покровительство промышленности, освобожденіе государственнаго кредита, развитіе кредита частнаго, консолидація всѣхъ цѣнностей частныхъ компаній, то-есть мечта. Но все это одна наружность, предлогъ; а въ дѣйствительности они только дали новое имя игрѣ: игру они назвали — *промыселъ кредитомъ* (l'industrie du crédit).» Это было сказано еще въ блестящую эпоху «величайшаго игорнаго дома».

Напомнимъ въ заключеніе о размѣрахъ этой игры. Движимый кредитъ основалъ или эксплуатировалъ множество предпріятій, которыя въ сложности выпустили бумагъ на *четыре милліарда* франковъ. Если взять только главныя компаніи, основанныя Движимымъ кредитомъ, или имѣвшія въ немъ свой банкъ, то капиталъ въ акціяхъ и облигаціяхъ, выпущенный ими, по первоначальнымъ цѣнамъ составлялъ почти *два* милліарда франковъ. По самымъ высшимъ цѣнамъ, всѣ эти бумаги представляли цѣнность болѣе *трехъ* милліардовъ, такъ что барыша противъ первоначальныхъ цѣнъ на нихъ было болѣе одного миллььярда.

По цѣнамъ же существовавшимъ на нихъ въ концѣ 1867 года, эти капиталы представляли цѣнность уже всего около $1^1/_4$ миллььярда. Стало быть акціонеры, т. е. масса, купившая ихъ бумаги, понесла потерю *около 650 милліоновъ* франковъ сравнительно съ цѣнами первоначальными; а по сравненію съ наивысшими курсами, потерю въ 1 миллььярдъ $742^1/_2$ тысячи.

Чтò выиграли акціонеры самого Движимаго кредита, который славился своими громадными дивидендами? Несмотря на эти дивиденды, они на всей операціи въ сложности потеряли, потому что, если бы они помѣстили тотъ же капиталъ просто въ 3% ренту, то она принесла бы имъ *больше* [1]). Вотъ окончательный результатъ помѣщеній капитала въ подобныя громкія предпріятія, манящія баснословными дивидендами, прельщающія курсами въ четверную цѣну акцій!

---

[1]) Айкаръ разсчитываетъ, что 1080 фр., употребленные на покупку одной акціи Дв. кред. въ 1852 году (тогда это была цѣна дешевая), въ теченіи 15 лѣтъ должны были принесть 930 фр. 45 сант. дивиденда. Если причислить къ этому цѣну акціи Дв. кред. въ ноябрѣ 1867 года (т. е. 142 фр. 50 сант.), то окажется, что 1080 фр. обратились въ 1072 фр. 65 сант. Потеря въ 7 фр. 5 сант.

Между тѣмъ 1080 фр., употребленные на покупку 3% ренты въ 1852 году по 81 фр. (курсъ дорогой), принесли бы въ теченіи 14 лѣтъ 600 фр. доходу, къ которымъ, если причислить нынѣшнюю стоимость той же суммы въ рентѣ (т. е. 978 фр. 64 сант.) то выйдетъ 1,578 фр. 64 сант.

Итакъ, рента принесла бы 498 фр. 64 сант. *выгоды*, а Дв. кредитъ 7 фр. 5 сант. ущербу.

Такова была судьба акціонеровъ; но судьба администраторовъ была совсѣмъ иная: *они нажили сотни милліоновъ.*

Приведемъ еще одно мнѣніе, высказанное о Движимомъ кредитѣ въ періодъ его процвѣтанія, именно въ 1857 году. Оно высказано Прудономъ: «Кредитное учрежденіе, подобное Движимому кредиту, полезно, даже необходимо, но оно выходитъ изъ круга предпріятій частныхъ; такое учрежденіе, чтобы быть прочнымъ, должно быть основано на *вѣрѣ* въ него общества, а стало быть не можетъ быть эксплуатируемо въ виду частнаго интереса: такое отнятіе у народа права, которое должно принадлежать ему самому, представляетъ вмѣстѣ и злоупотребленіе и обманъ; правительство, которое такое похищеніе допускаетъ, и спекулянты, которые имъ пользуются, будутъ подлежать отвѣтственности: первое передъ народомъ, послѣдніе — передъ правосудіемъ».

Примѣромъ Движимаго кридита, съ его Перейрами и К°, мы можемъ ограничиться для ознакомленія читателя съ механизмомъ кредитной спекуляціи. Но для довершенія картины надо привесть еще нѣсколько чертъ изъ другихъ исторій спекуляціи во Франціи за послѣдніе пятнадцать лѣтъ. Здѣсь мы уже обратимъ вниманіе не столько на изложеніе механизма операцій, сколько именно на характеристику нравовъ.

Кто слыхалъ о Перейрахъ, тотъ слыхалъ и про Миреса. Мирееъ, по примѣру Перейровъ, основалъ кредитное учрежденіе: «Главную кассу желѣзныхъ дорогъ», по ихъ же примѣру занимался спекуляціею на общественныя работы, въ особенности на римскія дороги; сверхъ того, онъ, какъ мы уже говорили въ иномъ мѣстѣ, редижировалъ Journal des chemins de fer и прибралъ къ рукамъ главные органы прессы.

«Главная касса желѣзныхъ дорогъ» преобразована изъ другого предпріятія, въ 1853 году. Это было сперва акціонерное общество съ капиталомъ въ 12 милл. фр., но съ 1856 года капиталъ Общества былъ увеличенъ до 50 милл. Итакъ, капиталъ его почти равнялся капиталу Движимаго кредита. Цѣль его была таже самая: покупка и продажа бумагъ, фондовъ французскихъ и иностранныхъ, открытіе текущихъ счетовъ, ссуды подъ залогъ. Правила устава въ сущности были тѣже, какъ Движимаго кредита; только здѣсь директорамъ присвоено было изъ дохода даже не 10%, а 19%.

За ходомъ предпріятія Миреса мы слѣдить не будемъ, нась занимаетъ здѣсь другое. Въ концѣ 1857 года, Миресъ, предвидя близкое разстройство своихъ дѣлъ, придумалъ комбинацію, которая должна была не только снабдить его банкъ наличными деньгами, но и доставить ему значительный барышъ. Въ кассѣ хранилось большое количество акцій общества (т. е. Главной кассы жел. дорогъ), частью принадлежавшихъ самому обществу, т. е. не разобранныхъ во время подписки, частью внесенныхъ на храненіе или въ залогъ подъ ссуду посторонними лицами. Миресъ взялъ у кассира тысячъ четырнадцать этихъ акцій, выдавъ кассиру росписку, но не занося въ книги этого позаимствованія, и, чрезъ третье лицо, сталъ постепенно сбывать ихъ на биржѣ. Деньги же за нихъ, по мѣрѣ полученія, онъ вносилъ въ свой банкъ, какъ будто свои собственныя.

Эту операцію Миресъ держалъ въ тайнѣ; однако товарищу его, Солару, удалось узнать объ этомъ дѣлѣ; тотъ, не долго думая, сдѣлалъ тоже самое, съ тою только разницею, что деньги, которые выручалъ отъ продаваемыхъ акцій, въ кассу не вносилъ, а клалъ себѣ въ карманъ. Итакъ, оба товарища, втайнѣ другъ отъ друга, тащили на биржу вклады, отданные на храненіе, и продали около 20 тысячъ акцій, по хорошей цѣнѣ, отъ 350 до 450 фр. за акцію.

Понятно, что появленіе на рынкѣ 20-ти тысячъ акцій Общества тотчасъ вызвало паденіе ихъ курса; владѣльцы для того и внесли ихъ на храненіе или заложили въ кассу, чтобъ не пускать ихъ въ обращеніе. Но это не все: покупщики этихъ 20 т. акцій стали предъявлять къ каждому сроку купоны и получали по нимъ проценты и дивидендъ; а между тѣмъ, прежнихъ владѣльцовъ, которые не знали о тайной продажѣ ихъ вкладовъ, надо было кредитовать на тѣ же суммы процентовъ и дивиденда: отселѣ двойная уплата процентовъ и дивидендовъ по 20 т. акцій, что̀ составило за все время 700 тысячъ франковъ. Затѣмъ, когда курсъ на акціи Главной кассы желѣзныхъ дорогъ, вслѣдствіе этой операціи, упалъ, гг. Миресъ и Соларъ стали скупать акціи, по цѣнѣ 150—200 фр. и скупали ихъ въ теченіи 9 мѣсяцовъ. Значитъ, на каждой акціи они получили барыша 150—200 фран. Между тѣмъ приведенную потерю отъ двойной уплаты процентовъ и дивиденда, 700 тысячъ фр. они поставили обществу на счетъ. Что за важность, что отъ ихъ мошенничества общество потеряло 700 т. фр., когда они выиграли до 2 милліоновъ! Вѣдь «les grandes affaires» на томъ и стоятъ, что интересы компаній зарываются въ землю, какъ удобреніе, для доставленія жатвы директорамъ.

Это не вымыселъ и не догадка: операція Миреса и Солара

описана точно такъ въ судебномъ приговорѣ. Тамъ же упомянуто, что Миресъ въ то время, когда онъ сталъ снова скупать акціи, употребилъ всѣ средства, чтобы подорвать ихъ кредитъ, понизить ихъ цѣну.

Но какъ же выпутались эти господà по отношенію къ акціонерамъ, которыхъ вклады они продали? А вотъ какъ: они воспользовались общимъ паденіемъ курсовъ на биржѣ въ маѣ 1859 года, и сдѣлали тогда фиктивную продажу по низкой цѣнѣ тѣхъ акцій, которыхъ не скупили. Для этого, Миресъ разослалъ къ 333 акціонерамъ, которыхъ ограбилъ, циркуляръ съ увѣдомленіемъ, что въ виду положенія рынка, директорà признали благоразумнымъ продать акціи, внесенныя на храненіе; къ каждому экземпляру циркуляра приложенъ былъ ярлыкъ съ означеніемъ цѣны продажи по тогдашнему курсу. Въ тоже время Миресъ, чтобы еще болѣе увѣрить своихъ кліентовъ въ чистотѣ дѣла, продалъ чрезъ биржевого маклера значительное количество акцій своему повѣренному, который въ тотъ же день продалъ ихъ обратно Миресу.

Но каково было тѣмъ, кто подвергся миресовой экзекуціи? Многіе изъ нихъ явились къ суду, и обнаружились скандалезные факты: одинъ жаловался, что его акціи были проданы за 23 т. фр., а онъ получилъ только 10 тысячъ; другой получилъ всего 110 т. фр. за акціи, на которыхъ было выручено 232 тысячи; третьему курсъ продажи былъ показанъ въ 175, между тѣмъ, какъ онъ былъ 350. Но это еще не все: логика мошенничества неумолима; ограбивъ кліентовъ, подъ видомъ экзекуціи ихъ акцій, нельзя было ограничиться тѣмъ, что уже было похищено у нихъ; надо было требовать отъ нихъ приплаты къ курсу продажи до того курса, по которому вклады были приняты Главною кассою въ залогъ. Ограбленныхъ стали увѣрять, что они же еще должны Обществу! Приведемъ примѣры изъ судебныхъ показаній. Одинъ истецъ объяснилъ, что, нуждаясь въ деньгахъ, онъ заложилъ въ 1857 году у Миреса 64 акціи Восточной дороги и 34 акціи Главной кассы, на сумму болѣе 70 тысячъ фр. Въ маѣ 1859 года, онъ получилъ циркуляръ съ извѣщеніемъ, что заложенныя имъ акціи проданы, и что затѣмъ онъ еще долженъ банку 40 т. фр. Въ ярлыкѣ было прописано, что акціи Восточныхъ дорогъ были проданы по 430 франковъ, а акціи Главной кассы—по 175. Между тѣмъ онъ узналъ, что первыя были въ дѣйствительности проданы по 750, а вторыя по 375.

«Такъ какъ должникомъ оказался я,— говорилъ истецъ, — то меня потребовали къ разсчету. Господа ликвидаторы сказали мнѣ: хотите, чтобы вамъ былъ

выведенъ балансъ?—Покорно благодарю, сказалъ я, насмотрѣлся я на вашъ балансъ и предпочту ему на этотъ разъ вѣсы правосудія (*смѣхъ въ публикѣ*). Бѣдная моя жена умерла отъ этого горя; г. Миресу это извѣстно, она ходила къ нему, и со слезами умоляла его о пощадѣ. Онъ взялъ ее за руки и сказалъ: мнѣ жалко васъ и я желалъ бы, чтобы вы не теряли; пусть вашъ мужъ рѣшится на жертву (qu'il se saigne), пусть дастъ обезпеченіе, и мы устроимъ все это. Но у меня ничего болѣе не было, и обезпеченія я дать не могъ. Но тѣ 98 акцій, которыя я заложилъ, стоили гораздо больше, чѣмъ сколько было мнѣ выдано въ ссуду. Полагаюсь на ваше безпристрастіе относительно тѣхъ 40 тысячъ фр., которые съ меня еще требуютъ.»

Остроумная операція гг. Миреса и Солара лишила многихъ рабочихъ сбереженій, накопленныхъ долгимъ трудомъ. Въ судѣ было прочтено между прочимъ письмо старушки-служанки:

«Войдите въ то положеніе, въ которое поставили меня эти господа, продавъ мои залоги: они сдѣлали меня нищею. Я два раза писала г. Миресу, прося его протекціи для поступленія въ богадѣльню. Тамъ будетъ мнѣ хоть кусокъ хлѣба и можетъ быть удастся еще хоть что-нибудь заработать, чтобы расплатиться; а такъ, мнѣ нечѣмъ и жить. Прошу васъ, пусть эти господа не напоминаютъ мнѣ о моемъ несчастіи. У меня осталось только мое бѣдное хозяйство; неужели они захотятъ отнять его? Вѣдь это не стоитъ издержекъ»:

Представьте себѣ, что тѣже Миресъ и Соларъ ночью залѣзли бы въ комнату этой старушки, разломали ея сундукъ и утащили ея деньги. Что было бы тогда? Не говоря о судѣ, общество заклеймило бы ихъ настоящимъ именемъ воровъ, и они не смѣли бы показаться на улицѣ.

Гг. Миресъ и Соларъ сдѣлали *тоже самое*, потому что они умышленно похитили деньги этой бѣдной женщины, и еще многихъ людей, похитили тайно, обманувъ ее, нажили на эти деньги больше денегъ, и не только не отдали жертвѣ похищеннаго у нея, но еще требовали съ нея приплаты. И что же: г. Миресъ до сихъ поръ ѣздитъ въ каретахъ, задумываетъ новыя «операціи» и даже слыветъ въ обществѣ «гонимымъ», потому что немножко посидѣлъ въ тюрьмѣ, онъ, который задавалъ такіе великолѣпные обѣды, онъ, у котораго половина журналистовъ были на содержаніи!

Общество смотритъ на него какъ на геніальнаго спекулянта и даетъ ему всѣ права завоевателя. Сама жертва его, бѣдная служанка, проситъ, чтобы ей предоставили средство заработать что-нибудь, чтобы еще *расквитаться съ нимъ!* Да, общество имѣетъ двѣ морали, признаетъ двоякія мѣры и вѣсы и спекулянты посреди его, зараженнаго спекуляціею, жаждущаго если не барыша на биржевой ликвидаціи, то выигрыша капитала по лотерейному билету,—это завоеватели посреди своихъ солдатъ. Солдаты падаютъ вокругъ завоевателя и обожаютъ

его, оттого, что сверхъ рабскаго чувства преданности успѣху, ихъ соединяетъ съ завоевателемъ таже жажда захвата. Перейры, Миресъ и т. д., это не братья «Робера и Бертрама», не Картуши нашего времени—это его Цезари, Наполеоны...

Возвратимся къ изученію «нравственныхъ» курьезовъ въ дѣлѣ Миреса. Кассиръ Роже, у котораго Миресъ и Соларъ поочередно требовали залоги для продажи, какъ мы сказали, бралъ съ нихъ росписки. Наконецъ, каждый изъ нихъ замѣнилъ всѣ свои росписки одною общею. Въ то время и Миресъ уже зналъ, что Соларъ ему подражаетъ, и вотъ каждый изъ товарищей сталъ бояться, что другой вытребуетъ отъ кассира его росписку и посредствомъ ея будетъ держать товарища въ рукахъ. Поэтому они условились втроемъ, что Роже не имѣетъ права выдать росписку Солара иначе, какъ Миресу *въ присутствіи* Солара, и росписку Миреса никому кромѣ Солара, въ присутствіи Миреса. Эти господа знали, что и собственноручной записке не всегда можно вѣрить. И предосторожность была не лишняя; разъ случилось, что Миресъ потребовалъ свою росписку и въ судѣ было читано письмо къ нему Роже, въ которомъ этотъ кассиръ отказывался исполнить требованіе, выражая мнѣніе, что самъ Миресъ одобритъ его за это, такъ какъ въ кассирѣ ему нуженъ прежде всего «человѣкъ честный».

Для характеристики нравовъ спекулятивнаго міра, не мѣшаетъ привести нѣсколько образчиковъ изъ переписки, сдѣлавшейся извѣстною при процессѣ.

Миресъ, въ письмѣ къ Солару упоминая о неблагопріятныхъ слухахъ, приписываетъ распространеніе ихъ Солару, и говоритъ между прочимъ:

.... «Г. Иффла сообщаетъ мнѣ также, что вы не соглашаетесь сложить съ себя званіе главнаго редактора «Presse». Между тѣмъ, вы купили ваши паи въ «Presse» очень дорого потому именно, что съ ними связано было право главнаго редакторства и если вы исполните свое намѣреніе продать ихъ отдѣльно отъ этого права, то общество Главной кассы потерпитъ на этомъ большой убытокъ; надѣюсь, что вы не сдѣлаете этого, и тѣмъ не увеличите своей вины; она состоитъ въ томъ, что вы купили эту газету противъ моей воли, а еще болѣе въ томъ, что вы подвергли эту собственность опасности вашими *злобными нападками* на императора, нападками, которые заставили меня вызвать въ наблюдательномъ совѣтѣ общества формальный протестъ, и представить этотъ протестъ на усмотрѣніе его превосходительства министра внутреннихъ дѣлъ.

. . . .

На угрозы ваши обличить мои дѣла отвѣчаю вамъ предостереженіемъ, что если въ скоромъ времени вы не заплатите по вашему счету, или не представите обезпеченія, или не представите 1656 акцій кассы, которыя вы еще должны ей, то мною будутъ приняты надлежащія мѣры, сдѣлано будетъ обращеніе куда слѣдуетъ.

«Вамъ извѣстны угрозы, которыя были мнѣ предъявлены гг. Дебруесомъ, Сарти, Жанти, Бланзи съ товарищи; вы знаете, что подъ вліяніемъ этихъ угрозъ и вашихъ убѣжденій, я согласился въ то время на *сдѣлки, тягостныя для компаніи* римскихъ дорогъ *и кассы* желѣзныхъ дорогъ, которая солидарна съ первою по капиталу. Вѣроятно, потому-то вы и г. Понтальба разсчитываете сдѣлать со мною тоже самое, подвергая опасности кредитъ кассы желѣзныхъ дорогъ. Но вы *опоздали*; процессы меня теперь не пугаютъ». (Далѣе говорится почему; потому, что главная касса развязалась съ римскими дорогами).

Миресъ, Соларъ и имъ подобные часто ссорятся другъ съ другомъ, потомъ мирятся и опять обдѣлываютъ дѣла вмѣстѣ. Происходитъ это оттого, что доводить ссору до конца обѣимъ сторонамъ не выгодно, и такъ какъ всѣ ихъ аргументы—угрозы доноса, то ихъ всегда можно устранить деньгами.

Одному изъ нихъ, г. Понтальба, удалось однажды сорвать съ товарищей кушъ порядочный. Его посылали въ Римъ, чтобы обдѣлать тамъ важныя затрудненія относительно римскихъ дорогъ, предпринятыхъ Миресомъ. Въ догонку за нимъ послали на 11 тысячъ франковъ *вина*, такъ какъ въ Римѣ, конечно, понимаютъ изреченіе inter pocula... Понтальба *обдѣлалъ* дѣла̀, къ общему удовольствію. Но вотъ бѣда̀: за услугу онъ требуетъ непомѣрный гонораръ: 1,200,000 фр. за первое порученіе, 500,000 фр. за другое, да 250,000 фр. за издержки, произведенныя въ теченіе 20-ти мѣсяцевъ. Миресъ отказывается платить; Понтальба прибѣгаетъ къ обычному средству: грозитъ *обличить*. Миресъ отвѣчаетъ: «Я не хочу покупать ваше молчаніе за милліонъ 700 тысячъ франковъ». Соларъ старается уладить дѣло, но безуспѣшно, и вотъ Понтальба подаетъ въ гражданскій судъ жалобу «о неправильности дѣйствій» директоровъ. Тогда товарищи мирятся и примиреніе утверждаютъ формальнымъ условіемъ, котораго мы приводить не будемъ, но въ которомъ Понтальба предоставлялись требуемые 1 мил. 700 тысячъ фр., а тотъ отказался отъ иска.

Вотъ къ какимъ нравамъ привело примѣненіе принципа: les affaires sont les affaires, т. е. что къ спекуляціи не должны примѣняться правила общественной нравственности. Во французскомъ обществѣ — да и въ одномъ ли французскомъ? — сложилось убѣжденіе, что спекуляція, также какъ политика, какъ война, имѣетъ свой особенный кодексъ, основанный на правѣ силы и правѣ хитрости. Вотъ почему господа, подобные Миресу, Понтальба, Солару, Перейрамъ, Милльо̀ и т. д., по дѣламъ своимъ пользуются, отчасти, привилегіею нравственной безнаказанности. Да оно и не могло быть иначе въ обществѣ, основанномъ не на общественныхъ, то-есть корпоративныхъ началахъ, а на началѣ безграничной и безжалостной конкурренціи, то-есть борьбы.

До какой степени духъ спекуляціи проникъ во всѣ сферы собственно французскаго общества, это доказывается тѣмъ, что нѣтъ никакого предмета, который бы не сдѣлался во Франціи матеріаломъ для спекуляціи.

Въ парижскомъ исправительномъ судѣ разбиралось одно дѣло, которое обнаружило любопытный фактъ вторженія спекуляціи даже въ религіозную область. Извѣстно, что въ католической церкви поминовеніе умершихъ составляетъ одинъ изъ главныхъ религіозныхъ обрядовъ, одну изъ важныхъ обязанностей христіанина. На поминовеніе обыкновенно назначается сумма родственниками, а иногда и сами завѣщатели отдѣляютъ извѣстную сумму на церковь, для поминовенія ихъ. Такъ, завѣщатель оставляетъ въ пользу церкви 100, 200 фр. или болѣе (по числу заупокойныхъ обѣдень, которыя желаетъ заказать; священнику за одну обѣдню жертвуютъ одинъ франкъ), или самъ еще при жизни отдаетъ эти деньги на руки тому священнику, котораго почитаетъ. Священники, имѣющіе приходы, обременены такими завѣщаніями. Если священникъ посвятитъ каждый день въ году одну обѣдню для поминовенія, то можетъ отслужить ихъ все-таки только 365 въ годъ. Между тѣмъ, иные отдаютъ священнику нѣсколько тысячъ франковъ, и всѣхъ такихъ завѣщаній въ сложности, одинъ приходскій священникъ ни въ какомъ случаѣ исполнить не въ силахъ, онъ долженъ раздѣлить этотъ религіозный трудъ съ другими священниками, которые менѣе заняты, предоставивъ имъ, конечно, и то вознагражденіе, какое придется за эту часть труда.

Вотъ на этой-то потребности духовенства и основалась та особаго рода спекуляція, которой подробности были раскрыты процессомъ. Всякая спекуляція, какъ извѣстно, основана на посредничествѣ между производителемъ и потребителемъ, или между производителями; спекуляція и есть не что иное, какъ *злоупотребленіе посредничествомъ*. Въ настоящемъ случаѣ, посредниками-спекулянтами явились книгопродавцы, которые придумали этимъ путемъ спускать свой книжный товаръ.

Книгопродавецъ является къ приходскому священнику и убѣдившись, что священникъ обремененъ завѣщаніями поминовеній, убѣдивъ и его, что ему невозможно исполнить этихъ завѣщаній, беретъ на себя пріисканіе священниковъ, которые раздѣлятъ съ приходскимъ священникомъ этотъ трудъ, съ тѣмъ, чтобы священникъ отдалъ ему часть завѣщанныхъ денегъ, сколько придется, а уступающему эти деньги и сопряженныя съ ними духовныя обязанности, предлагаютъ *премію* книгами. Священникъ соглашается: отдаетъ книгопродавцу 1,000 или 3,000 фран-

ковъ, взявъ съ него обѣтъ христіанина, что завѣщанія будутъ исполнены въ точности, и затѣмъ получаетъ отъ книгопродавца книгъ на нѣсколько десятковъ или сотенъ франковъ; это и есть премія. Тогда книгопродавецъ пріискиваетъ молодыхъ священниковъ, которымъ «нечего дѣлать», и распредѣляетъ между ними взятое на себя число поминовеній, раздѣляя между ними также полную сумму взятыхъ имъ *франковъ*, но только.... книгами же.

Итакъ, честность соблюдена (и процессъ не показалъ, чтобы даже книгопродавцы обманывали въ числѣ поминовеній или суммѣ вознагражденія) всѣми сторонами и всѣ въ барышахъ: приходскій священникъ пополнилъ свою библіотеку, начинающіе братья его обзавелись библіотеками, завѣщанія исполнены въ точности и даже въ скорѣйшее время, а книгопродавецъ..... Но онъ, какъ спекулянтъ, разумѣется, имѣлъ право на гораздо бо́льшій барышъ, чѣмъ сами производители; и въ самомъ дѣлѣ, деньги остались у него, а взамѣнъ ихъ онъ отпустилъ товаръ, на которомъ выигрываетъ 50 и до 100 процентовъ!

Святотатства тутъ нѣтъ; напротивъ, все это дѣло обнаруживаетъ даже, какое серьёзное значеніе французскіе священники придаютъ завѣщаніямъ о поминовеніи; иначе, зачѣмъ бы имъ отдавать тысячи франковъ, получая взамѣнъ ихъ на сотни франковъ книгъ. Самая переуступка поминовеній есть скорѣе наивная заботливость объ освобожденіи себя отъ обязанности, которую иначе исполнить нельзя, чѣмъ торгашество. А между тѣмъ дѣло выходитъ все-таки «очень странное», чтобы не сказать болѣе, и краснорѣчиво свидѣтельствуетъ о той всеобъемлющей силѣ, съ какою овладѣлъ Франціею злой духъ спекуляціи.

Въ исторической системѣ вѣчныхъ приливовъ и отливовъ политическаго почина народовъ, 1852 годъ знаменуетъ крайнюю точку одного изъ отливовъ. Къ революціи 1848 года одна часть французскаго народа, именно сельская масса, отнеслась равнодушно; другая часть — рабочіе въ городахъ, была разочарована этою революціею, отъ которой она ждала гораздо болѣе существенныхъ перемѣнъ, чѣмъ измѣненіе государственнаго герба и именъ на правительственныхъ актахъ; наконецъ, третья часть — люди владѣющіе, была испугана заявленными даже съ оружіемъ въ рукахъ требованіями. Исторія ближайшихъ трехъ лѣтъ показала впервые, что пора политическихъ революцій миновалась; что, въ настоящее время, никакой политическій переворотъ не можетъ быть проченъ, если онъ не опирается на благопріятныя

для массъ измѣненія въ общественномъ бытѣ. Но часть владѣющая, часть вліятельная, никакихъ подобныхъ измѣненій не хочетъ. 1852 годъ, годъ основанія имперіи, былъ апогеемъ реакціи противъ опытовъ политическаго самоуправленія и опытовъ общественной перестройки. Старая, вліятельная Франція хотѣла прежде всего мира. Миръ внутренній былъ обезпеченъ ей на время тѣмъ, что президентъ обращался въ наслѣдственнаго, почти неограниченнаго монарха; имя этого монарха было залогомъ того, что les affaires, то-есть и производительность и спекуляція, такъ развившаяся въ царствованіе Людовика-Филиппа, получатъ новый періодъ процвѣтанія, не стѣсненнаго ничѣмъ, даже и той относительной строгостью нравовъ, какая всегда проявляется въ обществѣ проходящемъ сквозь огонь революціи. Но въ этомъ имени было и нѣчто такое, что̀ пугало эту «дѣловую» Францію, то-есть ту, которая отбрасывала заботы о дѣлѣ общемъ, чтобы вновь всецѣло предаться конкурренціи частныхъ интересовъ, борьбѣ единичныхъ карьеръ и барышей.

И вотъ, принцъ-президентъ поѣхалъ по странѣ, чтобы довершить ея внутреннее «успокоеніе» обнаруженіемъ того энтузіазма, съ какимъ ему приготовлялись встрѣчи, а въ тоже время успокоить дѣловую Францію и насчетъ внѣшняго мира, которому, казалось, угрожало самое имя новаго правителя.

«Побуждаемые духомъ недовѣрія, иные люди говорятъ: имперія, это война. Но я говорю вамъ: имперія, это миръ. Это— миръ, ибо Франція его желаетъ, а когда Франція довольна, то спокоенъ міръ. Слава завѣщается наслѣдіемъ, но не можетъ быть наслѣдіемъ война.....»

«Намъ предстоитъ разчистить для обработки огромныя пространства земли, прокладывать дороги, углублять порты, облегчать судоходство по рѣкамъ, рыть каналы, дополнить нашу сѣть желѣзныхъ дорогъ. Въ виду Марсели у насъ есть обширное государство, которое мы должны слить съ Франціей. Западные наши порты мы должны приблизить къ американскому материку скоростью тѣхъ сообщеній, которыхъ еще не достаетъ намъ.....»

«Вотъ какимъ образомъ я понялъ бы имперію, если имперіи суждено возстановиться. Вотъ тѣ завоеванія, о которыхъ я мечтаю, и вы всѣ вокругъ меня, вы, которые какъ и я хотите блага нашего отечества, вы — мои солдаты.»

Здѣсь не мѣсто говорить о томъ, насколько вторая имперія отступила отъ этого круга дѣятельности. Но вотъ та программа, которою она рекомендовала себя Франціи, «желавшей мира,» Франціи промышленной и спекулятивной. Милитаризмъ при-

зывалъ къ себѣ на помощь индустріализмъ; революція была эскамотирована и буржуазіи обѣщано было вознагражденіе золотыхъ дней Людовика-Филиппа, только еще съ бо́льшимъ спокойствіемъ отъ политическихъ бурь, съ полнымъ затишьемъ, среди котораго она могла всецѣло отдаться промышленности и спекуляціи. Огромное развитіе общественныхъ работъ, по мнѣнію новаго правителя Франціи, должно было соединить наконецъ два разъединившіеся, ставшіе во враждебное отношеніе интереса: интересъ рабочаго пролетаріата и интересъ буржуазіи собственниковъ и промышленниковъ.

Замѣчательно, что изъ всѣхъ рѣчей, когда-либо произнесенныхъ Наполеономъ III, самою памятною осталась именно эта приведенная рѣчь, несмотря на послѣдовавшія противорѣчія. Значитъ, обращаясь къ индустріализму и обѣщая основать свою политику на его поддержкѣ, Наполеонъ попалъ именно въ чувствительное мѣсто той среды, которая распространяетъ и сохраняетъ политическія программы.

По возвращеніи принца-президента въ Парижъ, тамошняя торговая палата въ представленномъ ему адресѣ главною темою избрала именно бордосскую рѣчь; 7 ноября было обнародовано сенатское постановленіе объ учрежденіи вновь имперіи, а 21 ноября имперія отсчитала изъ 8.140,660 поданныхъ народомъ голосовъ, 7.824,189 въ свою пользу. Составивъ заговоръ съ войскомъ, покоривъ себѣ сельское населеніе обаяніемъ своего имени и тѣснымъ союзомъ съ духовенствомъ, новый правитель привлекъ къ себѣ обѣщаніемъ поощренія промышленности и буржуазію, ту самую буржуазію, которая такъ тѣшила себя парламентаризмомъ при Людовикѣ-Филиппѣ, но теперь, испуганная притязаніями рабочей массы, очутившейся съ нею въ этотъ разъ на полѣ революціи, приносила и свои хваленые принципы 1789 года, и свою любезную трибуну, «гордость Франціи», «свѣтозарный маякъ европейской свободы», въ жертву царству мамона.

Мы напоминаемъ обо всемъ этомъ для того, чтобы показать, какъ вторая имперія была связана съ индустріализмомъ; она торжественно объявила себя идентичною съ нимъ; она стала солидарна съ биржею и ей оставалось не только эксплуатировать эту союзницу въ пользу своихъ усерднѣйшихъ слугъ, но и подчиняться требованіямъ биржи, растворить настежъ двери спекуляціи и благородную горячку свободы смѣнить грязною лихорадкою барышнической игры.

Спекулятивный міръ понялъ такъ имперію и заявилъ это съ самаго начала. Еще въ концѣ того же 1852 года, спекуляція вдругъ развилась въ невиданныхъ еще размѣрахъ. Правительство

сократило на 30 т. чел. численность арміи и обѣщало дальнѣйшія сокращенія; въ бюджетѣ 1852 года, дефицитъ былъ исчисленъ всего слишкомъ въ $25^1/_2$ милліоновъ фр.; правительство принялось за развитіе желѣзныхъ дорогъ. Тогда-то было учреждено общество Движимаго кредита, этотъ главный храмъ спекуляціи; вслѣдъ за нимъ, черезъ четыре года, парижскій земельный банкъ преобразовался въ генеральное общество французскаго земельнаго кредита, которое теперь тоже близко къ паденію. Въ основаніи этого учрежденія опять выразилась монополистская мысль второй имперіи. До 1852 года, во Франціи существовали три банка земельнаго кредита: въ Парижѣ, Неверѣ и Марсели. Въ 1856 году всѣ эти банки были слиты въ одно общество французскаго земельнаго кредита, съ капиталомъ въ 60 милл., какъ и у Движимаго кредита. Еще до второй имперіи девять коммерческихъ банковъ, существовавшихъ въ департаментахъ, слились съ парижскимъ французскимъ банкомъ. Дѣйствуя по принципу монополіи, правительство второй имперіи въ 1857 году продлило привилегію французскаго банка до 1897 года. У него почти сотня конторъ; обороты его въ годъ доходятъ до 8 милліардовъ франковъ и всѣмъ этимъ повелѣваетъ центральное управленіе изъ 24 человѣкъ. Эти же 24 человѣка сами — банкиры, такъ что весь кредитъ Франціи въ ихъ рукахъ.

Мы уже говорили въ предыдущей статьѣ о томъ, какъ концентрировались желѣзныя дороги, и какъ привилегіи большихъ компаній были продолжены на отдаленные сроки.

Монополія, феодальность въ промышленности и кредитѣ — вотъ принципъ, болѣе и болѣе одолѣвающій современныя общества. Франція увлеклась имъ и обратила всѣ свои средства на спекуляцію, на игру, которая и подчинила всю страну биржевикамъ, ажіотерамъ и имъ однимъ доставила выгоды.

Система эта ведетъ Францію къ разоренію. Своими войнами, займами и тою промышленною системою, въ которой она узрѣла себѣ союзницу, которой постоянно покровительствовала, вторая имперія уже много ослабила экономическіе рессурсы Франціи. Вторая имперія проявляла силу, совершила нѣсколько блестящихъ дѣлъ; союзница ея — промышленная феодальность произвела громадное движеніе капиталовъ; но слѣдуетъ ли видѣть въ этомъ здоровую, плодотворную дѣятельность?

Нѣтъ. Франція, при второй имперіи, издержала тѣ сбереженія, какія образовались въ ней въ продолженіи тридцати-трехълѣтняго мира: вотъ гдѣ вторая имперія почерпала силу, и эту силу она израсходовала. Налоги постоянно росли, бюджеты уве-

личивались; расходы перешли цифру двухъ милліардовъ. Только въ первые пять лѣтъ имперіи въ бюджетахъ оказывался излишекъ доходовъ предъ расходами; съ 1860 года дефицитъ сдѣлался основнымъ закономъ.

Политическое диктаторство оперлось на промышленный феодализмъ — дѣйствительно могущественный элементъ въ современномъ обществѣ, и отдало ему Францію въ жертву. Политическій деспотизмъ и деспотизмъ промышленный, здѣсь и тамъ провозглашеніе демократизаціи и вмѣстѣ эскамотажъ дѣйствительной власти, безконтрольное правленіе... Все это прикрывается блестящими призраками силы и благосостоянія, но сила эта — непроизводительная, благосостояніе это — роскошь мота, которому грозитъ несостоятельность.

Благодаря этой системѣ, во Франціи падаетъ мелкая недвижимая собственность, то-есть, подрывается земледѣліе. Владѣльцы обременены долгами, а на починъ въ земледѣліи, на его развитіе никто не употребляетъ денегъ. Что за охота употреблять ихъ на этотъ, самый медлительный въ вознагражденіи трудъ, когда, давая биржевымъ спекулянтамъ деньги взаймы, посредствомъ отсрочекъ съ одной ликвидаціи на другую, можно безъ всякаго риска получать 15, 20 процентовъ. Земледѣліе падаетъ, пашни замѣняются лугами, населенія бѣгутъ въ города, въ департаменты Сенскій и Сѣверный, гдѣ много работъ, много построекъ. Все концентрируется, монополизируется; почва бѣднѣетъ; городъ Парижъ, искусственнымъ, чудовищнымъ развитіемъ работъ долженъ кормить милліонъ рабочихъ, отнятыхъ у земли и обратившихся въ пролетаріевъ, въ слугъ бароновъ спекуляціи и построекъ. Громадная масса бумагъ всякаго рода, всевозможныхъ акцій и облигацій тяготѣетъ на рынкѣ; жалуются, что наличныхъ денегъ недостаточно для разсчетовъ. Эта страшная масса бумагъ, которая, благодаря спекуляціи, представляетъ не капиталъ употребленный, затраченный на промышленныя предпріятія, приносящій только доходъ съ самыхъ предпріятій, а настоящій оборотный капиталъ, богатство мѣновое — не представляетъ ли явленіе чудовищное, искусственное, нѣчто способное внушить ужасъ въ часы раздумья, при мысли: а ну, какъ все это лопнетъ? Еще два-три предпріятія для «прославленія» Франціи, упроченія династіи и... можетъ повториться исторія Лоу.

Леонидъ Полонскій.

Сентябрь 1868.

НЕРОНЪ

ТРАГИКОМЕДІЯ

ВЪ ДЕСЯТИ КАРТИНАХЪ.

(К. Гуцкова.)

КАРТИНА ВОСЬМАЯ *).

Въ домѣ Поппеи.

Поппея сидитъ въ черномъ платьѣ. Передъ ней въ металлическомъ кольцѣ качается попугай.

ПОППЕЯ.

Ты счастлива, прекраснѣйшая птица:
Качаясь тихо въ золотомъ кольцѣ,
Ты чистишь перья, блескомъ ихъ любуясь.
Завидую я счастью твоему!
Мнѣ душу тяготитъ тоска, и въ ней
Давно погасли лучшія надежды!
Я думаю о той порѣ минувшей,
Когда я ласки милаго знавала,
Когда его трепещущія руки
Вкругъ шеи обвивалися моей!...
Я клятвы вѣрности забыла — да,
И вотъ теперь должна носить подъ сердцемъ

---

*) См. выше: мартъ, 304; май, 194; іюнь, 713—731.

Залогъ мучительнаго наслажденья,
Лобзаній гнусныхъ... О, скажи мнѣ, птица,
Зачѣмъ я медленно должна ходить,
Зачѣмъ широкою одеждой крою
Я прелесть тѣла? Какъ назвать мнѣ то,
Что́ сдѣлалось со мной? Ну, говори!

ПОПУГАЙ.

Іаковъ!

ПОППЕЯ.

Я у жида тебя купила. Онъ
Крещенъ недавно былъ огнемъ за то,
Что христіанство принялъ и свое
Имущество все роздалъ братьямъ. Тутъ
Я птицъ и обезьянъ его купила...
Дождь золотой Юпитера! Я также
Проклятію подпала твоему!
Меня прельстило золото и мнѣ
Проникло въ нѣдра! Индіи богатства
Меня лишили тѣхъ прекрасныхъ дней,
Когда любовь, какъ солнце, мнѣ сіяла!
Вотъ отчего сама съ собой я въ спорѣ:
Я жизнь свою желаю уничтожить
И стать свободной отъ самой себя
И отъ плода! Индѣйскій воробей!
Съѣшь сахаръ и скажи мнѣ: такъ-ли это!

ПОПУГАЙ.

Іаковъ!

ПОППЕЯ.

О глупое животное! Терзаетъ
Меня твой крикъ! Проговори мнѣ: «Юлій»,
Пусть это имя примиритъ меня
Съ тѣмъ, ненавистнымъ сердцу существомъ,
Которое родить на свѣтъ должна я!

ПОПУГАЙ.

Іаковъ!

ПОППЕЯ.

Опять ты съ этимъ словомъ, неизбѣжнымъ

Какъ мой позоръ! О, какъ-бы я хотѣла
Зародышъ вытрясти изъ нѣдръ своихъ,
Но не могу: со мной онъ всюду, всюду,
И я животнымъ остаюсь безвольнымъ!
О, Юлій мой, куда сокрылся ты?
Съ тѣхъ поръ, какъ взятъ судьбой ты, я влекусь
Къ тебѣ порывомъ страсти неотступнымъ.
Что это? Вожделѣніе творенья,
Лишеннаго господства личной воли,
Иль къ запрещенной похоти наклонность?
Не знаю я. Но, въ упоеньи странномъ
Желаніемъ, я чувствую, какъ все
Во мнѣ мѣняется: лишь въ половину
Дышу я жизнью — въ половину смертью,
Какъ будто-бъ я была еще неполнымъ
Созданіемъ. Не я тревогой тайной
Волнуюся и не дитя мое — нѣтъ, это
Сама себя творящая природа,
Въ мигъ творчества божественный, во мнѣ
Являетъ слѣдъ свой! Жажду я теперь,
Лишь одного блаженства: страстно жажду
Уничтоженія!... Умри все, что́ живетъ.

Умерщвляетъ попугая.

Что́ сдѣлала я? Бѣдное созданье,
За что убила я тебя? Иль это
Во мнѣ Нерона плодъ заговорилъ?

НЕРОНЪ входитъ.

НЕРОНЪ.

Поппея! Что я слышу? Это правда?
Такъ ты полна надеждой? И въ смущеньи?
Убила птицу ты, чтобъ наказать
За грубыя мелодіи? О, да,
Теперь нѣжнѣе соловья тебѣ
Земля должна пѣть гимны прославленья!
Моей любви награду носишь ты,
Ты—золотой ковчегъ, хранящій въ нѣдрахъ
Мой драгоцѣнный камень! Но, Поппея,
Что если это дѣвочка? Тогда
Моя любовь къ тебѣ порвется разомъ,
Я дочь свою до смерти зацѣлую!
О неизбѣжность сладкая, надежды

И ожиданія! Придетъ-ли этотъ день,
Когда я счастіе свое увижу!
Я буду на рукахъ качать дитя,
Я буду тѣшить шутками его
И поцѣлуями и черезъ плечи
Кормилицы смотрѣть въ глаза малютки!
Да, если это будетъ мальчикъ, мы
Его отлично воспитаемъ: станетъ
Учиться онъ изящнымъ всѣмъ наукамъ,
И декламаціи, и музыкѣ, и танцамъ
И, какъ отецъ его, писать стихи!
Ахъ, я готовъ отъ счастья помѣшаться!
Какъ лепетать онъ будетъ рѣчи ласки,
Какъ выростетъ онъ строенъ, полонъ, круглъ,
И стану я чрезъ нѣсколько годковъ
Ему пѣть пѣсни, сказки говорить!...

ПОППЕЯ.

О, замолчи!

НЕРОНЪ.

Зачѣмъ-же?

ПОППЕЯ.

Счастье нѣмо,
Коль истинно.

НЕРОНЪ.

Его я громко славлю!

ПОППЕЯ.

Счастлива я невѣстою была.

НЕРОНЪ.

Должна дышать улыбкою весны
Мать, полная любви къ ребенку.

ПОППЕЯ.

Долженъ

Отецъ качать ребенка колыбель,
А не ходить по лѣстницѣ, ведущей
Амура въ преисподнюю.

НЕРОНЪ.

Ты счастіемъ моимъ
Не тронута?

ПОППЕЯ.

Своимъ страданьемъ
Измучена до смерти я. Пришли
Ко мнѣ Локусту. Ей случалось часто
Зародыши у женщинъ истреблять.
Я не хочу родить!

НЕРОНЪ вонзаетъ въ нее кинжалъ.

Такъ уходи,
Проклятая, во тьму могилы!

ПОППЕЯ падаетъ.

О счастіе! Я уношусь теперь
Въ ночь вѣчную, въ сѣнь смерти! Юлій, Юлій,
Тебѣ я жертву принесла мою!

Умираетъ.

НЕРОНЪ.

Что сдѣлалъ я? Я наказать хотѣлъ
Тотъ дикій нравъ, которымъ такъ плѣняла
Она меня — и кровью обагрился!
Поппея, оживи! Увы, безгласна!..
Поппея, ты мертва? Охолодѣла
Ея рука, прекрасный блѣденъ ликъ!
Мертва! Мертва! Такъ быстро, такъ мгновенно!
Смерть здѣсь? Но гдѣ же? Я смотрю кругомъ
И страшный призракъ смерти я не вижу!
Я вижу предо мной лежитъ недвижный,
Разрушенный, лишенный воли трупъ,
Безчувственный на окликъ мой безумный —
И вижу я все это въ первый разъ.
Въ Поппеѣ я все это вижу, въ ней,

Любовію моей души владѣвшей!
Въ Поппеѣ той, которая была
Всѣмъ, чѣмъ хотѣлъ я, но не мной однако,
Которая, что̀ въ тайнѣ я желалъ,
Давала мнѣ открыто, и, что въ слухъ
Я требовалъ, тѣмъ услаждала молча!
Не странно-ли, она сама хотѣла
Себѣ вредить и умереть? Теперь
Охолодѣла грудь ея на вѣки!
Пути моей несчастной мысли дико
Запутались, переплелись; она,
Одна она по нимъ ходить умѣла
Съ терпѣніемъ. Она была повсюду
Моимъ живымъ и вѣрнымъ отголоскомъ!
Она смѣялась во время, она
Съ тоскою плакала, когда боренье
Грозовыхъ, мрачныхъ тучъ души моей
Слезами разрѣшалося. Изъ горя
Она умѣла радость извлекать!
И все, все это кончено! Исчезла
Дорога жизни для меня: и сзади
И спереди завалена она!
Зачѣмъ данъ взоръ мнѣ? Слѣпнетъ онъ отъ свѣта,
И видитъ тьму. Я говорю устами,
Но говорю лишь то, что я нѣмой!
Судьбами человѣческими боги
Владѣютъ, перебрасывая ихъ
Одинъ другому, какъ шары въ игрѣ!
Я чувствую: дыханіе могилы
Мнѣ обвѣваетъ душу; страшно Парка
Косится на меня и мнѣ киваетъ:
Нѣтъ, не уйдешь ты отъ меня, Неронъ,
Зарѣзавшій жену и въ ней ребенка!
Но вѣдь она сама того хотѣла?
Что это? вѣтеръ, или духъ пронесся,
Грозившій мщеньемъ? — Вотъ меня хватаетъ
Ужасная пучина, все быстрѣе
Крутитъ въ своемъ водоворотѣ черномъ —
То смерть — она приблизилася — тихо!

Онъ шатается. Рабы уносятъ трупъ Поппеи.

КАРТИНА ДЕВЯТАЯ.

Въ лагерѣ Юлія Виндекса.

Палатка, озаренная лампой.

ЮЛІЙ ВИНДЕКСЪ — поднимается съ ложа.

Я не могу уснуть — судьбы рѣшенье
Мои глаза невольно открываетъ.
Я простираю руки, чтобъ поймать
Побѣды жребій, или пораженья!...
Еще огонь лампады не поблекъ
Отъ свѣта утра.

Открываетъ полу палатки.

Ночь! Все небо въ звѣздахъ!
Разсвѣта часъ еще далекъ. Храпѣнье
Войскъ Цезаря съ той стороны я слышу.
Сонъ тяжко легъ на ратниковъ моихъ;
Предъ многими онъ открываетъ въ грезахъ
Могилы, ждущія заутра жертвъ.

Возвращается.

Я пастырь воиновъ, ихъ стерегущій,
Я долженъ бодрствовать. Они на плечи
Мнѣ возложили власть: ее нести
Безъ устали я долженъ. Здѣсь въ палаткѣ
Такъ душно: воздухъ чуть питаетъ пламя.
Что это! Лампа гаснетъ? Тамъ встаетъ
Какъ будто облако? То привидѣнье?

Появляется духъ Поппеи.

ДУХЪ.

Узналъ-ли, Юлій, ты меня?

ЮЛІЙ ВИНДЕКСЪ.

Поппея,
Ты ль это? На груди твоей я вижу
Кровавую, зіяющую рану?

ДУХЪ.

Убита я, но не мертва, хоть также
И не жива. Мое существованье
Не для меня. То, чтò во мнѣ живетъ,
Остановило смерть.

ЮЛІЙ ВИНДЕКСЪ.

Слова твои
Я не могу понять; и въ царствѣ Орка,
Какъ прежде на землѣ, въ нихъ ложь звучитъ.
Зловѣщій образъ страсти дней былыхъ,
Разсыпься!

ДУХЪ.

Я скитаться по землѣ
Осуждена до той поры, покуда
Не выпрямятся, въ мигъ предсмертный, ручки
Зародыша, живущаго во мнѣ.

ЮЛІЙ ВИНДЕКСЪ.

Ты прозрѣвать въ невѣдомое можешь,
Ты можешь видѣть и начало дѣлъ
И ихъ конецъ; ты знаешь все, чтò есть,
Чтò было и чтò будетъ. Отвѣчай мнѣ:
На утро солнца лучъ блеснетъ мнѣ счастьемъ,
Иль я погибель встрѣчу? Отвѣчай!

ДУХЪ.

Во мнѣ, я слышу, что-то умираетъ —
Я быстро погружаюся во мракъ,
Какъ будто падаю... О, милый мой,
Не вынимай назавтра мечъ изъ ноженъ!
Ты смерти обреченъ. Я вижу, воронъ
Надъ головой твоей уже летаетъ;
Блаженны мы, умершіе, что скоро
Ты за могилой будешь съ нами вмѣстѣ!

Исчезаетъ.

ЮЛІЙ ВИНДЕКСЪ.

Предвѣстье скорбное! Такъ я умру?

Но не повѣдала она, кому
Я завтра передамъ свою побѣду.
О, если бы она досталась мнѣ!
Погибнуть побѣдителемъ отрадно.
Но будь, что́ будетъ! Сумракъ ночи спалъ.
Фебъ запрягаетъ лошадей своихъ
И кони воздухъ ржаньемъ огласили.
День настаетъ. Рѣшитъ оружьемъ онъ,
Кто долженъ сгибнуть—мы, или Неронъ!

Выходитъ изъ палатки.

Внѣ лагеря.

Солдаты выползаютъ изъ-подъ плащей. Трубачъ трубитъ тревогу.

ПЕРВЫЙ СОЛДАТЪ.

Экъ его надсаживается! Что это за дребезжащій, жидкій звукъ!

ВТОРОЙ СОЛДАТЪ.

Онъ трубитъ, какъ будто охрипъ съ перепоя. Нѣтъ, нашъ прежній ротный трубачъ не этому чета былъ: этакой скверной музыки отъ него не слыхивали.

ТРЕТІЙ СОЛДАТЪ.

Право.... ужъ не неребѣжалъ-ли онъ къ намъ отъ непріятеля? нарядился въ нашъ мундиръ да и выводитъ фальшивыя ноты изъ патріотизма.

ПЕРВЫЙ СОЛДАТЪ.

Что я вамъ скажу, братцы? Отъ васъ такъ и несетъ тлѣніемъ. Навѣрно вы не переживете нынѣшняго дня. Отлично бы вы сдѣлали, кабы отдали мнѣ ваши мошны, а? Меня-то вѣдь не убьютъ: мнѣ предсказано, что въ этомъ году я буду жить 365 дней.

ВТОРОЙ СОЛДАТЪ.

Ну, братъ, все-таки тебѣ остался еще одинъ, въ который ты можешь быть повѣшеннымъ; вѣдь нынче, любезный, годъ-то високосный!

ТРЕТІЙ СОЛДАТЪ.

Нѣтъ, вотъ послушайте, что̀ я выдумалъ. Мы трое раздѣлимъ по-ровну все, что́ у насъ есть. Ну складывайте-ка все въ три кучи.

ПЕРВЫЙ СОЛДАТЪ.

Я тебѣ дамъ, мошенникъ, складывайте! Вотъ не хочешь-ли, я сначала вырву тебѣ волосы, чтобы ты ихъ приложилъ къ своей кучкѣ. Очень ты на выкладки-то ловокъ!

КАПИТАНЪ.

Тише вы, нѣмецкіе черти! скоро ли вы протрете себѣ глаза и перестанете болтать о любовныхъ шашняхъ. Что вы деревянные, что-ли? Васъ не трогаетъ эта природа, эта чудная Италія.

ВТОРОЙ СОЛДАТЪ.

То-есть какъ это, господинъ капитанъ? Мой товарищъ, видите-ли, близорукъ...

ТРЕТІЙ СОЛДАТЪ.

И природа его трогаетъ, господинъ капитанъ, только тогда, когда онъ до нея самъ дотронется: иначе онъ не видитъ ея.

ПЕРВЫЙ.

Не вѣрьте имъ, капитанъ, не вѣрьте. Италія — это единственная страна въ своемъ родѣ. Право, здѣсь на каждомъ шагу встрѣчаются лимоны и — что̀ всего удивительнѣе — вязъ растетъ вмѣстѣ съ виноградомъ!

Трубы. Шумъ сраженія.

Команда съ одной и съ другой стороны.

СЪ ОДНОЙ СТОРОНЫ.

Правое крыло, дружнѣй
Выступай на бой!

СЪ ДРУГОЙ СТОРОНЫ.

Всадники! пришпорь коней!
Грянь на вражій строй!

РАНЕНЫЙ РЕКРУТЪ — на землѣ.

Меня одно только безпокоитъ: у меня прорвались сапоги. Самъ не знаю, какъ это могло случиться: я не особенно спѣшилъ сюда, гдѣ нахожусь на волосъ отъ смерти. Кажись, у моего мертваго товарища хорошіе сапоги? Конечно, я чрезъ десять минутъ можетъ быть распрощаюсь съ жизнью, но все-таки полезно имѣть порядочные сапоги, чтобъ не шлепать разорванными подметками передъ вѣчностію... Ползетъ дальше.

. . . .

Я никакъ не могу доползти къ сапогамъ моего товарища, и меня это бѣситъ. Вишь какъ пальцы-то у меня выглядываютъ! Вѣдь этакъ пожалуй я могу ихъ простудить. Эй, товарищъ! Не шевельнется, спитъ себѣ—и въ такихъ славныхъ сапогахъ! Стало быть я долженъ уйти изъ этого мира босоногимъ, долженъ простудиться, пока тутъ лежу? Ахъ, если бы мои сапоги не были разорваны! Кажется, я умираю.

Что́ скажетъ капитанъ, когда я..... явлюсь..... съ разорванными.... сапогами....

Уползаетъ.

СЪ ОДНОЙ СТОРОНЫ.

Правое крыло назадъ!
Всѣ выравнивайтесь въ рядъ!

СЪ ДРУГОЙ СТОРОНЫ.

Дрогнулъ врагъ: въ его толпахъ
И смятеніе и страхъ!

СЪ ОДНОЙ СТОРОНЫ.

Золотые орлы! вы когтями
Легіонамъ вцѣпитеся въ плечи —
Не давайте бѣжать предъ врагами,
Увлекайте въ разгаръ страшной сѣчи!

СЪ ДРУГОЙ СТОРОНЫ.

Бейтесь! бейтесь! Кто окажетъ
Храбрость въ битвѣ, будетъ тотъ
Награжденъ казеннымъ мѣстомъ,
Доставляющимъ доходъ!

Сынъ того, кто сгибнетъ въ битвѣ,
Будетъ взятъ въ число кадетъ,
Дочь-же примутъ благосклонно
Прямо къ цезарю въ балетъ!

ПРЕЖНІЙ ПЕРВЫЙ СОЛДАТЪ.

Бываютъ очень непріятныя вещи, очень непріятныя. Вотъ хоть бы примѣрно жизнь за могилой — брр.., какая непріятная вещь. Я испугался бы до смерти, если бы мнѣ пришлось умереть. Вдругъ исчезнуть, самъ не знаешь какъ! Я только на томъ и стою, чтобы быть здоровымъ и веселымъ сегодня, какъ былъ здоровъ и веселъ вчера. Однако, что-жъ это такое? Я слабѣю. Я вижу, что кровь течетъ изъ меня и не чувствую этого. Что же — это — за — дурацкія — шутки? — Умираетъ.

ГАЛЬСКІЕ И ГЕРМАНСКІЕ ЛЕГІОНЫ — бѣгутъ.

Не мечъ врага насъ гонитъ — истекаемъ
Мы кровью ранъ своихъ! О, дайте груди
Вздохнуть свободно! Будто волны моря,
Убійство яростно вкругъ насъ бушуетъ —
Мы захлебнулись! Отступайте! Пусть
Нашъ взоръ, запекшійся въ крови, увидитъ
Хотя клочекъ сіяющаго неба!...
Не видно намъ защиты ни откуда,
Не видно знаменья боговъ! Кругомъ
Лишь трупы братьевъ устилаютъ поле! —

ЮЛІЙ ВИНДЕКСЪ.

Не уступайте поля битвы, трусы,
Не отдавайтесь общему потоку!
Остановитеся! Они не слышатъ! —
Ломаются мои надежды хрупко! —
Все разрушается! Мнѣ выпалъ жребій
Погибели, а не побѣды жданной!
Часъ смерти близокъ. Ужъ кружится воронъ
Надъ головой моей съ могильнымъ крикомъ
И отсылаетъ въ вѣчный мракъ меня;
Тамъ я со всѣмъ, что́ долженъ былъ я сдѣлать,
На вѣки успокоюся. Такъ вотъ чѣмъ
Все это кончилось! Я пробирался
Въ даль гордой цѣли, я хотѣлъ создать

По идеалу міръ, холодный мраморъ
Въ живыхъ боговъ я думалъ превратить!
Я колесо временъ хотѣлъ сдержать
Въ его вращеньи бурномъ и внести
Миръ въ распрю жизни, миръ, который я
Взростилъ бы на землѣ, политой кровью! —
Боролся я, чтобъ возвратить добру
Его господство, чтобъ низвергнуть зло —
И падаю своихъ дѣяній жертвой!
Желѣзнымъ колесомъ судьбы всесильной
Раздавленъ я со всей моей борьбою,
Со всею доблестью и силою душевной,
Съ моимъ благоговѣніемъ святымъ,
Къ тому, что̀ благомъ жизни почиталъ я,
Раздавленъ будто червь ничтожный! — Люди!
Внемлите слову моему теперь:
Самихъ себя морочимъ мы. Природа
Дала земную намъ одежду — тѣло
Затѣмъ, чтобъ только тѣлу мы служили!
Не обольщайтесь идеальнымъ міромъ,
Живите тѣмъ, что̀ подъ рукой у васъ,
И наслаждайтесь! Управляйте сами
Своею жизнью: власть боговъ — насмѣшка
Надъ человѣчествомъ. Съ землей союзъ храните —
Да властвуютъ надъ вами тьма и похоть!
О, не мечтайте никогда о томъ,
Что̀ ждетъ васъ въ будущемъ: живите на̀ день,
Минутному влеченью повинуйтесь
Безъ размышленья. Кто бичами тѣло
Во имя совѣсти терзаетъ, кто
При существующемъ порядкѣ хочетъ
Вслѣдъ высшей добродѣтели идти,
Тотъ преграждаетъ самъ себѣ дорогу,
Тотъ въ мигъ предсмертный долженъ испытать
Мучительную мысль: въ грядущемъ мірѣ
Не будетъ-ли его опять тревожить
Все то, что̀ на землѣ утратилъ онъ! *Падаетъ.*

ФУРІИ махаютъ бичами и гонятъ гальскіе и германскіе легіоны назадъ.

ЛЕГІОНЫ.

Снова, снова на бой!
Нападайте!

Трупы на трупы горой
Воздвигайте!
Небо пылаетъ —
Побѣды знакъ!
Врагъ уступаетъ,
Гибнетъ врагъ!

Сраженіе продолжается.

КАРТИНА ДЕСЯТАЯ.

Горящій Римъ.

Комната на чердакѣ. Бѣдное семейство. Вечеръ.

ОТЕЦЪ.

Ну, дѣти, выходите и складывайте руки!

МАТЬ.

Читайте вечернюю молитву. Братишко угомонился.

ПЕРВАЯ ДѢВОЧКА.

Благодаримъ тебя —

ВТОРАЯ ДѢВОЧКА.

Господи Боже —

ПЕРВЫЙ МАЛЬЧИКЪ.

Благодаримъ тебя, Господи Боже, что ты намъ позволилъ прожить еще день —

ВТОРОЙ МАЛЬЧИКЪ.

И напиталъ насъ —

ПЕРВЫЙ МАЛЬЧИКЪ.

Пищею и питьемъ —

ВСѢ

Сообразно потребностямъ нашего тѣла. Пошли намъ небесный хлѣбъ и вѣчное ученіе, увѣщаніе и наставленіе, чтобы мы научились жить по твоимъ заповѣдямъ и умереть въ твоемъ обѣтованіи. Аминь.

МАТЬ.

Теперь, старшіе, смотрите же наблюдите за маленькими, чтобъ они не дѣлали глупостей. Пора ужъ имъ знать порядокъ и выучиться раздѣваться и одѣваться самимъ. Отцу и съ вами, со старшими, тяжело.

ОТЕЦЪ.

Перестань. Не омрачай ихъ дѣтскія головки мыслью о нищетѣ. Пусть они тогда только узнаютъ о ней, когда въ состояніи будутъ различать богатство отъ бѣдности. Посмотри, какъ скоро сонъ, волшебникъ всѣхъ радостей, принялъ ихъ въ свои объятія. Видишь, даже и во снѣ, какъ цвѣты къ солнцу, они обращаются къ тебѣ и чашечки ихъ закрытыхъ глазъ, вокругъ которыхъ порхаютъ феи, все-таки склоняются въ твою сторону. Ты ихъ солнце и мѣсяцъ!

МАТЬ.

И все-таки грусть томитъ меня. Что это до сихъ поръ не идетъ старшая-то? Охъ, ужъ мнѣ эти бесѣды лѣтними ночами, за порогомъ дома — ничего хорошаго не выходитъ изъ нихъ! Только пріучаются дѣвушки пересуживать сосѣдей и сами подпадаютъ пересудамъ. А тутъ еще молодые люди съ своими глупостями. Глядишь, дѣвушка смѣется, смѣется на ихъ глупыя рѣчи, да и попадетъ въ бѣду!

ОТЕЦЪ.

Какъ быть, моя милая! Любовь заправляетъ всѣмъ міромъ. Кто изъ насъ не дѣлалъ того-же. Пожалуйста, не говори ей ничего. Какъ она, радость моя, походитъ на тебя, когда ты была молодою.

МАТЬ — вошедшей дочери.

Гдѣ это ты пропадаешь? Что это съ тобою? Лицо горитъ, какъ огонь, глаза сумасшедшіе! Куда ты бѣгала? Ты хочешь сдѣлать насъ несчастными, тварь этакая?

ОТЕЦЪ.

Постой, позволь мнѣ. Дитя мое—что бишь такое я хотѣлъ сказать тебѣ? — да: отчего это ты такъ разкраснѣлась, отчего такъ грустна? Вѣрно съ тобою случилось что-нибудь? Мать безпокоится.

Дѣвушка плачетъ. Молодой человѣкъ вбѣгаетъ въ комнату и падаетъ къ ногамъ стариковъ.

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВѢКЪ.

Простите, простите насъ! Я одинъ во всемъ виноватъ! Я люблю вашу дочь, и если вы не отдадите ея за меня, я лишу себя жизни! Мои родители хорошіе люди: отецъ токарь и я — я тоже занимаюсь его ремесломъ. Я молодъ; но я прилеженъ къ работѣ и люблю вашу дочь всей душою.

МАТЬ.

Господи, какъ я перепугалась! Что-же это такое — стало быть каждый, кто познакомился съ моей дочерью на улицѣ, можетъ обращаться съ предложеніемъ! Нѣтъ, моя дочь не изъ такихъ! Она можетъ шить, вязать, гладить, работать разные наряды и тонкое рукодѣлье, можетъ мыть (ахъ, какъ это вредно для нѣжныхъ пальцевъ!). Вотъ какая она у меня, говорю я вамъ. А коли такъ, коли такъ—я, надѣюсь, она можетъ вести всякое хозяйство. Да! А вы — вы — мы васъ не знаемъ... И хотъ она вся въ мать, все-таки я ея мать, а это вотъ ея отецъ; вы должны бы были обратиться къ намъ, а не вбивать невинной дѣвушкѣ въ голову пустяки. Понимаете-ли вы?

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВѢКЪ.

Ахъ Боже мой, ахъ Боже мой! Я имѣлъ честныя намѣренія, увѣряю васъ, честныя намѣренія...

ОТЕЦЪ.

Не огорчай молодого человѣка, жена. Садитесь, пожалуйста, молодой человѣкъ, садитесь. Да, да, это совершенная правда: вашъ отецъ былъ всегда трудолюбивый и прилежный молодой человѣкъ... т. е. я хочу сказать прежде, когда онъ былъ молодъ... Теперь конечно онъ старъ и ему тяжело жить... Гм... конечно, конечно... Пріятная погода въ нынѣшній вечеръ, очень пріятная погода...

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВѢКЪ.

Звѣздно. Да, это рѣдко бываетъ въ эту пору. Я это замѣтилъ. Потому, видите, когда соловьи перестаютъ пѣть, дни становятся короче, бываютъ превосходные вечера. Я постоянно ложусь спать въ такіе вечера на дворѣ, на свободѣ... Вѣдь у васъ тутъ соловьиный садокъ есть, право!

ОТЕЦЪ.

Да, да, это я разъ пробовалъ. Только не выходитъ ничего. *Женѣ.* Премилый молодой человѣкъ.

ДОЧЬ.

Ахъ, какъ я счастлива! Какъ онъ съумѣлъ сейчасъ-же расположить къ себѣ отца.

МАТЬ.

Да вотъ о птицахъ-то его началъ разсказывать. Заговори съ отцемъ о птицахъ, такъ онъ ужъ не перестанетъ.

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВѢКЪ.

Каждое воскресенье, до разсвѣта еще, я ужъ всегда, всегда на дворѣ. Соловьевъ, видите-ли, надо ловить до мая, непремѣнно до мая. А то позднѣе они худо поютъ въ клѣткахъ и не стóятъ корма. Я ихъ ловлю вотъ какъ. Коли заслышу гдѣ соловья, сейчасъ тамъ рою яму, кладу въ яму мучныхъ червей, а сверху ставлю сѣть, натянутую на двѣ дужки и подпираю ее палочкой, какъ западню. Потомъ ухожу прочь. Соловей все это видитъ. И вѣдь такъ любопытна эта глупая птица, что потомъ непремѣнно прилетитъ посмотрѣть, чтò я сдѣлалъ. А я стою за кустомъ и свищу въ дудку—витт—крр! витт—крр! А коли это соловей ночной то: хи! глокк—урр! хи! глокк—урр! Ну вотъ тутъ-то онъ и поддается.

МАТЬ.

Ужъ не намекаетъ-ли это онъ на мою дочь!

ОТЕЦЪ.

Боже, какъ можетъ пріятно разсказывать человѣкъ! и какъ можетъ располагать пріятно слова!

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВѢКЪ.

Вотъ тутъ-то настоящее и начинается. Я покрываю соловья сѣтью, но осторожно, осторожно, чтобъ не попортить перьевъ. Ну, затѣмъ его — въ клѣтку и сейчасъ ему мучныхъ червей и свѣжей воды. Плутъ упрямится и ничего не трогаетъ. Только не безпокойтесь, мы свое дѣло знаемъ: надо взять его и накормить насильно—вареньмъ бычачьимъ сердцемъ, истертымъ на теркѣ, или морковью—это особенно хорошо смягчаетъ кишки—или изрубленной говядиной. Соловей, увѣряю васъ, ѣстъ все, въ чемъ только есть примѣсь мяса.

МАТЬ.

Я что-то не пойму молодца.

ОТЕЦЪ.

Умный человѣкъ, жена, умный и бывалый!

МАТЬ.

Я ничего не имѣю противъ него, если только у него есть средства.

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВѢКЪ.

Ужъ я вамъ говорю, насчетъ ловли соловьевъ я мастеръ. А вотъ коли все гнѣздо вынуть, такъ это всего лучше, хоть оно и запрещается полиціею. Видите-ли —

ОТЕЦЪ.

Нѣтъ, молодчикъ, нѣтъ. Гнѣзда вынимать не слѣдуетъ, нѣтъ, не слѣдуетъ!

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВѢКЪ.

Да вѣдь я беру вмѣстѣ со старыми.

ОТЕЦЪ.

Не слѣдуетъ—сказано, не надо: полиціей воспрещается. Ну, однако мы съ божьей помощью познакомились. Посѣщайте насъ. Взгляните на садокъ—чего тамъ не достаетъ у меня, взгляните. Хотя мы и на чердакѣ живемъ, однако понемножку кой-какъ пе-

ребиваемся. И поужинать дадимъ сытно, коли картофель будетъ. Да. Ну, доброй ночи, доброй ночи, а остальное все придетъ послѣ. Вы необыкновенный человѣкъ, я это вижу. Кланяйтесь вашему батюшкѣ, котораго я не имѣю чести знать. А можетъ онъ и вспомнитъ меня, можетъ мы встрѣчались гдѣ-нибудь. Помнится мнѣ, случилось быть въ томъ городкѣ, гдѣ онъ жилъ за три года раньше, или долженъ былъ жить. И пожалуйста будьте безъ церемоній; мы тоже безъ церемоній. Посвѣтите-же молодому человѣку.

Молодой человѣкъ и дочь выходятъ счастливые.

МАТЬ.

У меня слипаются глаза. Что̀-то изъ этого только выдетъ. Аа—ахъ! Зѣваетъ. Да пора спать. Уходитъ; дочь возвращается.

ОТЕЦЪ — цалуетъ ее.

Я просто готовъ заплакать, мое дитя. Какъ я счастливъ, что мнѣ приходится радоваться за тебя, что ты не связалась съ какимъ-нибудь вѣтрогономъ. Это степенный человѣкъ, сразу видно. Когда онъ обзаведется своимъ домкомъ — Богъ васъ благослови! Только послушай: ухаживай ты за матерью хорошенько. Знаешь, она вѣдь чудна у насъ. Ну заботъ-то много у ней. Уходитъ.

ДОЧЬ — на колѣняхъ.

О небо! Благодарю тебя: мой сонъ наконецъ исполняется! Неужели это правда, что я смѣю его любить? Достойна-ли я такой милости? О, я чувствую себя въ силахъ усладить его жизнь! Я буду слушаться взгляда его, я буду отголоскомъ его желаній, я буду утѣшеніемъ ему въ несчастіи! Только теперь, въ первый разъ, я понимаю, зачѣмъ я родилась на свѣтъ. — Ахъ я глупая! Чу, онъ зоветъ внизу.

ВНИЗУ.

Доброй ночи, моя милая!

ДОЧЬ.

Доброй ночи! До завтра, до завтра!

Закрываетъ окно.

На улицѣ.

ДВА ГРАЖДАНИНА.

ПЕРВЫЙ.

Что это такое сегодня въ воздухѣ?

ВТОРОЙ.

Въ воздухѣ? Да что-же, помилуйте, можетъ быть въ воздухѣ? Воздухъ есть ничто, ничто въ ничемъ.

ПЕРВЫЙ.

Нѣтъ, развѣ вы не чувствуете какимъ смрадомъ несетъ повсюду.

ВТОРОЙ.

Гм! гм! Можетъ быть капитолiйскiе гуси опять снесли тухлыя яица?

ПЕРВЫЙ.

Боги! сейчасъ полоса голубого свѣта промелькнула какъ разъ предъ моимъ носомъ.

ВТОРОЙ.

Кто же вамъ велитъ совать во все вашъ носъ?

ПЕРВЫЙ.

Однако въ воздухъ-то я могу совать его, милостивый государь! Съ этимъ римскимъ воздухомъ, съ этой, больше чѣмъ умѣренною, почти тропическою атмосферою, что-то такое случилось.

ВТОРОЙ.

Да, вѣроятно—

ПЕРВЫЙ.

Видѣли?

ВТОРОЙ.

Да — длинная полоса свѣта прошла передо мною, повернула налѣво, потомъ опять вправо, блеснула и исчезла. Смотрите, тамъ всѣ дома стали голубыми! Что это такое? Я задыхаюсь.

Исчезаютъ оба въ пламени, бьющемъ изъ домовъ.

Римъ горитъ.

Голоса изъ прежняго чердака.

Помогите! Помогите!

СНИЗУ.

Весь Римъ въ огнѣ!

СВЕРХУ.

Помогите! Дѣти! Воды! воды!

СНИЗУ.

Тибръ также обратился въ огонь.

ДРУГІЕ ГОЛОСА.

Къ нему не пускаютъ! Нѣтъ воды, нечѣмъ тушить!

ДРУГІЕ ГОЛОСА.

Спасайтесь! спасайтесь!

ГРАЖДАНИНЪ.

За что теперь схватиться въ торопяхъ! Я оставилъ часы на столѣ! Я долженъ —

ДРУГОЙ ГРАЖДАНИНЪ.

Деньги я захватилъ, но кошелекъ остался; не могу-же я безъ кошелька —

МАЛЬЧИКЪ — плача.

Я перепрыгнулъ черезъ три палки; забылъ затворить дверь. Маменька придетъ домой и дверь отворена и кошка опять пришла въ комнату—а я полакомился и крышку-то не положилъ на тарелку — надо крышку —

Всѣ бросаются въ огонь, искать забытое.

ГОЛОСА СВЕРХУ.

Помогите! Помогите!

ПРЕЖНІЙ МОЛОДОЙ ЧЕЛОВѢКЪ.

Разступитесь! Разступитесь! У меня лѣстница! Я иду, уже иду—подождите одно мгновеніе сверху — иду —

ГОЛОСА СВЕРХУ.

Это онъ — скорѣе, скорѣе — мы задыхаемся —

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВѢКЪ.

Удержитъ-ли лѣстница! Иду —

ОТЕЦЪ. МАТЬ. ДОЧЬ.

Боже милостивый! Лѣстница сломалась! — Мы задыхаемся —

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВѢКЪ — лежа на землѣ.

Я разбилъ затылокъ — ахъ — все наше молодое счастье — улетѣло!

Вверху все смолкаетъ. Пламя скрываетъ картину.

На виллѣ Мецената.

ВИДЪ НА ПОЖАРЪ РИМА.

Неронъ въ пурпуровой мантіи, съ лавровымъ вѣнкомъ на головѣ и лирою въ рукахъ; вблизи свита.

НЕРОНЪ.

Такъ древній городъ нѣкогда пылалъ,
Описанный Гомеромъ; такъ Гекуба
Стократъ рожавшая дѣтей на свѣтъ,
Стояла на Ѳракійскомъ берегу
И плакала, смотря туда, гдѣ прежде
Твердыни пышной Трои воздымались! —
О чудо! языки огня мнѣ снова
Разсказываютъ то, что̀ скрыло время;
Они сверкаютъ, лижутъ и въ душѣ
Восторгъ священный вдохновенья будятъ —
И пѣснь о Троѣ запѣваю я.
Не богъ-ли Нептунъ, чтобъ утишить свой гнѣвъ,
На пышно цвѣтущую Трою
Воздвигъ океана пучину, велѣвъ
Ей хлынуть горящей волною?
Вѣдь конь, погубившій святой Иліонъ,
Нептуну Данаями былъ посвященъ!
Вотъ ночь низошла, мракомъ міръ осѣня,
Затмилася Иды вершина;

Ломаются ребра крутыя коня
И грековъ сокрытыхъ дружина
Выходитъ изъ нѣдръ деревянныхъ и вдругъ
Бросается съ криками мщенья вокругъ!
  О счастливы тѣ, кто во снѣ пораженъ
Врага нещадящаго дланью!
Повсюду разносятся вопли и стонъ,
Мечей отвѣчая бряцанью;
И рыскаетъ смерть роковая кругомъ
По стогнамъ, залитымъ пожара огнемъ!
  Средь пламени блещетъ оружія мѣдь,
Данаевъ и шлемы и латы!
Увы, беззащитно должны умереть
Троянцы, смятеньемъ объяты.
Очнуться имъ врагъ не даетъ и въ ночи
Убійствомъ свирѣпымъ онъ тупитъ мечи!
  О Троя! какъ будто колосья снопа
На нивѣ созрѣвшей, ты пала;
Пришли Мирмидоны — и мѣдью серпа
Рука ихъ сыновъ твоихъ сжала!
Отмщенъ тебѣ день тотъ ужасный, когда
Сжегъ Гекторъ божественный грековъ суда!
  Онъ мертвъ — и смерть милаго сына теперь
Незрима могильному взору;
Глядите! вотъ Пирръ, будто яростный звѣрь,
Настигъ Андромахи подпору.
И отрока, сжавши въ могучихъ рукахъ,
Съ высокой стѣны низвергаетъ во прахъ!
  Кровавому бою не видно конца;
Пирръ местью пылаетъ и прямо
Съ мечемъ онъ стремится на стѣны дворца,
Священныя стѣны Пергама;
Рыданья отчаянья слышатся тамъ,
Молитвы послѣднія скорбнымъ богамъ!
  Не страшнаго Гектора крикъ боевой
Ахиллова сына встрѣчаетъ,
Но старецъ Пріамъ: онъ дрожащей рукой
Свой мечъ безполезный хватаетъ
И старость забывши, съ могучимъ врагомъ
Онъ хочетъ сразиться за тронъ свой и домъ!
  Злой Пирръ улыбнулся на вызовъ царя: —
И острая мѣдь заблестѣла,
Пронзивши грудь старца и, местью горя,

Убійца повлекъ его тѣло,
Сіяньемъ пожарныхъ огней озаренъ,
Не внемля рыданьямъ отчаянныхъ женъ!
Вознесся пожаръ, какъ гигантъ, головой
И рушитъ онъ зданій громады,
И, мнится, при блескѣ его, въ тьмѣ ночной
Небесъ потухаютъ лампады!
И утромъ въ сіяніи первыхъ лучей
Свѣтило выходитъ какъ будто блѣднѣй!
Встревожились рыбы въ морской глубинѣ:
Надъ ними зажегся сводъ алый
Волной отраженный,—подъ ними, на днѣ,
Сокровища бездны: кораллы
И перлы и раковинъ дивныхъ нарядъ
Въ кристаллѣ сіяющей влаги горятъ!
Да здравствуетъ поэзія! Пусть тотъ,
Кто ищетъ жизни въ вдохновеньи,
Героевъ прославляя въ пѣснопѣньи,
На ранахъ ихъ самъ кровью истечетъ!
Смерть! Смерть! Сюда! Въ крови Нерона
Померкнетъ блескъ меча стальной —
И ляжетъ трупъ холодный мой
На грудахъ пепла Иліона! —
Рабы! вонзите въ грудь мнѣ мечъ!

Рабы отказываются.

Вы медлите? Страшитесь вы? Предъ вами
Міръ можно, цѣлый міръ зажечь —
И вы останетесь трусливыми рабами!
Иль самъ я долженъ жизнь свою пресѣчь?

Фаонъ, отпущенникъ, подходитъ.

ФАОНЪ.

Да, порази себя, великій цезарь!
Прими смерть добровольную, покуда,
Какъ плѣнникъ, ты предъ Гальбой не предсталъ.

НЕРОНЪ.

Предъ Гальбою? Я думалъ, Виндексъ тамъ
Остановился на холмахъ сабинскихъ,
Подъ крыльями орловъ побѣдоносныхъ!

ФАОНЪ.

Нѣтъ, Виндексъ умеръ. Къ Гальбѣ перешло

Надъ легіонами начальство. Близокъ
Ихъ сонмъ мятежный... Медлишь ты, властитель?

НЕРОНЪ.

О, Троя! Троя! Городъ слезъ достойный!
Средь тверди неба ты вписалъ на вѣчность
Огнемъ воспоминанье о себѣ!

ФАОНЪ.

Властитель! Легіоны къ намъ стремятся,
Со всѣхъ сторонъ окружены мы ими;
Они хотятъ тебя взять въ плѣнъ живымъ!

НЕРОНЪ.

Гигантскій пламенный потокъ!
Помедли только на одно мгновенье,
Чтобъ жизнь свою отдать я могъ
Тебѣ на жертвоприношенье!
Пускай въ далекіе края
Бѣжитъ Эней съ добычей дорогою,
На пеплѣ Трои умираю я,
Свой прахъ хочу смѣшать съ ея землею!
О, если дорогъ я кому-нибудь —
Мечъ, мечъ — сюда, мнѣ въ грудь!

ФАОНЪ.

Чтó дѣлать мнѣ? Витаетъ думой онъ
Не въ этомъ мірѣ. Воины межъ тѣмъ
Бѣгутъ сюда. Чего-жъ я опасаюсь?
Что медлю я? Блуждаетъ онъ въ мечтаньяхъ
Средь древней Трои — пусть тамъ и погибнетъ?

Закалываетъ Нерона.

ГОЛОСА ЗА СЦЕНОЮ.

Избавленъ отъ заразы страшной міръ!
Да здравствуетъ освободитель Гальба!
Да здравствуетъ жизнь новая!

ФАОНЪ.

Съ улыбкой

Встрѣчаетъ смерть онъ. Ротъ его закрылся
Съ такимъ прекраснымъ выраженьемъ, будто
Отъ сладострастія всѣ мускулы лица
Напряжены. Лежитъ онъ гордъ и ясенъ
Какъ побѣдитель! Не хотѣлъ-бы я,
Чтобъ былъ найденъ врагами трупъ его!

Закрываетъ лицо Нерона плащемъ и уходитъ.

ГОЛОСА ЗА СЦЕНОЮ.

Да здравствуетъ Гальба! Да здравствуетъ Гальба!

ГАЛЬБА И ОСВОБОДИТЕЛИ.

Здѣсь стихло пламя!—Тамъ опять оно
Огнемъ пылаетъ адскимъ и кольцомъ
Вокругъ него дымъ смрадный обогнулся! —
Спасайте все, что̀ можно!—Гдѣ-жъ злодѣй?
Куда онъ скрылся? Онъ велѣлъ зажечь
Весь Римъ! Ищите здѣсь его, ищите!
Довольно свѣту, чтобъ найти его—
Отъ свѣта тѣнь сокрылася и міръ
Не видитъ мрака въ первый разъ!—Смотрите,
Что это тамъ?! О, ужасъ, ужасъ, ужасъ!

Появляется видѣніе, которое они, удивленные, описываютъ.

Зелено-красный страшный змѣй взвился
Сквозь дымъ и пламень. Женщина-гигантъ,
Съ змѣями въ волосахъ, схвативъ въ объятья
Чудовище, его влечетъ. Свиваясь
И развиваясь блещутъ кольца змѣя!
Кто эта женщина?—то мать Нерона!
Кто у нея въ объятьяхъ бьется?—Цезарь!
Она летитъ все дальше, дальше, дальше...
О, улетай и вновь не возвращайся
Съ твоей чумой, съ мечтаньями твоими!
Чтобъ, наконецъ, взамѣну грезъ безумныхъ,
И призраковъ духовныхъ заблужденій
Дѣйствительности свѣтлой и прекрасной
Прекраснѣйшее царство водворилось!

В. Буренинъ.

ИТАЛІЯ

И

МАЦЦИНИ

(1808—1868).

Life and Writings of J. Mazzini. London. 1864—1868.
Histoire politique des papes, p. Lanfrey. Paris. 1868.
Geschichte Italien's, v. Reuchlin. Leipzig. 1860. — Von Achtundvierzig bis Einundfünfzig v. J. Scherr. Leipzig. 1868.
Die nationale Presse in Italien und die Kunst der Rebellen, v. Cironi, übers. v. Assing. Leipzig. 1863.

XII *).

Въ то время, когда, шагъ за шагомъ, сначала какъ будто осуществлялись, а потомъ падали, одна за другою, иллюзіи, построенныя Джоберти и Бальбо, итальянская революціонная партія не оставалась въ бездѣйствіи.

Вслѣдъ за февральской революціей, Маццини пріѣхалъ въ Парижъ, и 5 марта, т. е. недѣлю спустя послѣ провозглашенія республики, основалъ тамъ національное итальянское общество. Программа этого новаго общества очень проста: идея національности преобладаетъ надъ всѣми другими. Первымъ дѣйствіемъ общества, представителями котораго были Маццини, Джанноне и

---

*) См. выше, янв. 175; февр. 759; май, 163 стр. и слѣд.

Канути, было выразить свое сочувствіе французской революціи адресомъ временному правительству новой республики. Для этого Маццини, съ остальными членами общества, отправился въ городскую ратушу, гдѣ адресъ былъ прочтенъ. Въ отвѣтъ на него Ламартинъ, всегда богатый громкими фразами, обѣщалъ итальянцамъ не только сочувствіе Франціи, но даже, въ случаѣ надобности, ея оружіе; на это Маццини отвѣчалъ, что надѣется на освобожденіе Италіи ея собственными силами, и что итальянцамъ болѣе нужна нравственная поддержка Франція, нежели ея оружіе.

Послѣ возстанія Милана и Венеціи, Маццини увидѣлъ, что и для него пришло время вернуться на родину, послѣ семнадцатилѣтняго изгнанія. 8-го апрѣля 1848 г. онъ пріѣхалъ въ Миланъ, и первыя слова, произнесенныя имъ, при вступленіи на родную землю, были слова примиренія. Жители Брешіи находились во враждебныхъ отношеніяхъ къ временному правительству Милана. Маццини сталъ между ними посредникомъ и прекратилъ несогласіе. Въ тоже время національная итальянская ассоціація вооружила во Франціи легіонъ итальянскихъ эмигрантовъ, который въ апрѣлѣ вступилъ въ Ломбардію подъ предводительствомъ генерала Антонини, ветерана наполеоновскихъ войнъ. Съ этого времени ассоціація издавала ежедневную газету подъ названіемъ «l'Italia del popolo» («Народная Италія»), главными сотрудниками которой были Маццини, Ревере и де-Бони. Эта газета издавалась въ Миланѣ съ 20 мая до 3 августа 1848 года; она первая доказывала необходимость народной войны для освобожденія Италіи, и Гарибальди, тогда только-что возвратившійся изъ Монтевидео, печаталъ въ ней свои первыя воззванія къ оружію.

Слѣдя за революціоннымъ движеніемъ Италіи, Маццини съ радостью привѣтствовалъ возстаніе въ Сициліи 12 января 1848 г. Но его испугали стремленія сицилійцевъ отдѣлить свою судьбу отъ судьбы всего полуострова; онъ видѣлъ въ этомъ нарушеніе того единства, которому всегда служилъ, и желая предостеречь сицилійцевъ отъ гибельнаго пути, на который вело ихъ временное правительство, возстановлявшее конституцію, данную острову англичанами въ 1812 году, онъ обратился къ нимъ съ слѣдующимъ посланіемъ, «которое — по словамъ историка Діего Copia [1]) — должна сохранить исторія Италіи, какъ дорогой для нея памятникъ»:

«Сицилійцы! вы велики. Вы въ нѣсколько дней сдѣлали больше для Италіи, нашего общаго отечества, нежели мы въ два года

---

[1]) «Общая исторія Италіи съ 1846 по 1850 годъ», соч. Діего Copia, перев. П. Кончаловскаго. Спб. 1863 г. Т. I, стр. 393—395.

борьбы и движеній, которыя, будучи великодушны по цѣли, были бѣдны по своимъ шаткимъ средствамъ. Вы, испробовавъ сначала всѣ мирные пути, сознали святость войны за неприкосновенность правъ человѣка и гражданина. Въ торжественную минуту вдохновенія, вы, внявши голосу Бога, рѣшились сдѣлаться свободными; вы сражались, побѣдили и сохранили въ побѣдѣ благоразуміе сильныхъ. Ваша побѣда измѣнила судьбу Италіи. Она обозначила новый фазисъ итальянскаго развитія. Ваша побѣда пробудила въ итальянцахъ сознаніе своихъ силъ и вѣру въ свои права. Благодаря вамъ, мы, итальянскіе изгнанники, теперь гордо и прямо смотримъ въ глаза тѣмъ самымъ иностранцамъ, которые вчера о насъ жалѣли, а сегодня намъ удивляются. Да благословитъ Богъ ваше оружіе, вашихъ женъ и вашихъ священниковъ! Любите насъ, такъ, какъ любятъ васъ и будутъ любить всегда ваши братья.

«Но, любя васъ, повторяя съ гордостью иностранцамъ ваши имена и ваши дѣйствія, и поклоняясь, въ лицѣ вашемъ, принципу итальянскаго прогресса, мы имѣемъ право говорить съ вами свободно, какъ братья съ братьями, мы имѣемъ право сказать вамъ: вы принадлежите намъ, вы не можете отъ насъ отдѣлиться, вы не можете назваться лучшими изъ всѣхъ италіянцевъ, только для того, чтобы остаться въ сторонѣ и уединиться отъ насъ.

«Сицилія, имѣя огромное населеніе, выгодное географическое положеніе, флотъ и армію, составляетъ важнѣйшую и наиболѣе жизненную силу итальянскаго государства.

«Вы первые провозгласили въ Италіи слово свободы и первые восторжествовали; вы заслужили единодушное удивленіе вашихъ соплеменниковъ на континентѣ, вы пріобрѣли вліяніе, которое не погибнетъ никогда; нравственное могущество, котораго никто не захочетъ и не можетъ у васъ оспаривать, и права, которыя никто не осмѣлится у васъ отнять. Что́ же заставляетъ васъ, отдѣлясь, уменьшать ваши силы и силы вашихъ соплеменниковъ? Зачѣмъ, обрекая себя на самоубійство, хотите вы отказаться отъ того могущества, до котораго можете дойти, оставшись въ соединеніи, и занять четвертое или послѣднее мѣсто въ ряду европейскихъ державъ? Зачѣмъ, подчиняясь ненавистному могуществу иностранцевъ, приговаривать себя къ вѣчному безсилію? Ужъ не потому ли вы рѣшаетесь на это, что неаполитанское правительство, считая Сицилію своей колоніей, долго и жестоко угнетало васъ? Но не та ли самая тираннія тяготѣла надъ вашими соплеменниками на материкѣ? Развѣ неаполитанцы не заявляли и не заявляютъ теперь, точно также, какъ и вы, свою всегдашнюю къ ней ненависть? Развѣ они не протестуютъ противъ нея за-

говорами, тайными обществами и своей чистой кровью? Развѣ ваши палачи не были въ тоже время палачами неаполитанцевъ? Развѣ знаменитыя революціи не повторялись одинаково въ Сициліи и Калабріи? и когда, въ 1847 году, въ Реджіо и Мессинѣ одновременно было поднято знамя свободы, развѣ не было это блистательной манифестаціей не только Италіи, но и всей Европы? Не забывайте, сицилійцы, союза, скрѣпленнаго кровью мучениковъ Реджіо, Мессины и Гераче. Не измѣняйте послѣ побѣды обѣщаніямъ, даннымъ вами до сраженія. Будьте всегда тѣми же братьями, какими вы клялись быть. Пусть не скажетъ иностранецъ: они, можетъ быть, будутъ свободны, но никогда не соединятся и не сдѣлаются могущественны. Вы показали Италіи силу своей храбрости, покажите же ей святость любви, вѣру въ единство, которыя могутъ въ третій разъ доставить Италіи силу и могущество.

«Я не неаполитанецъ, я родился въ Генуѣ, въ городѣ, великомъ въ свое время, великомъ своею жизнью, независимостью и свободой, великомъ настолько, что онъ могъ, въ 1746 году, показать засыпавшей Италіи послѣдній примѣръ любви къ отечеству, какъ вы теперь подаете первый примѣръ этой любви пробуждающейся Италіи. Какъ вы, такъ и мы, въ 1815 году, были принуждены, безъ нашего согласія, покориться другому итальянскому государству, прошедшее соперничество съ которымъ разжигало въ насъ взаимную ненависть; и мы изъ этого союза въ продолженіи многихъ лѣтъ, ничего не вынесли кромѣ горя, что всегда бываетъ, если союзъ основанъ на недовѣріи и насиліи, Тѣмъ не менѣе, всѣ, любившіе общее отечество и имѣвшіе надежду и вѣру въ будущее, уважали этотъ союзъ, какъ волю Провидѣнія. Въ этомъ тихомъ, но постоянномъ движеніи народа, который теперь приближается къ своей цѣли и который, будучи задавленъ вѣковыми трудами деспотовъ, вліяніемъ господствующихъ кастъ, феодальной аристократіей и соперничествомъ муниципальныхъ городовъ, готовитъ теперь Европѣ, послѣ Италіи кесарей и Италіи папъ,—Италію народа. Каждое соединеніе одной части итальянской земли съ другою служитъ народному дѣлу и облегчаетъ трудности его исполненія. Сицилійцы! молю небо, чтобы вы не подали собою роковой примѣръ.

«Сицилійцы, вашъ вопросъ имѣетъ отношеніе не къ одному Неаполю; онъ касается судьбы всей Италіи, тутъ рѣчь идетъ о всеобщемъ единствѣ или пагубномъ мѣстномъ индивидуализмѣ; вопросъ между Европой, желающей знать, чтобы произнести судъ надъ вашими дѣлами, воскресаете ли вы для національной жизни, или для удовлетворенія требованіямъ эгоистичной свободы

и матеріальной выгоды, и Австріей, которая ищетъ случая подавить насъ, что ей и удастся, если мы, вмѣсто того, чтобы сомкнуться въ одинъ строй, возьмемъ за девизъ безнравственное правило—«каждый за себя», и останемся постыдно хладнокровными къ общей судьбѣ. Однимъ словомъ, вамъ предстоитъ выборъ между могущественною, дѣятельною европейскою жизнію, къ которой готовятся двадцать милліоновъ итальянцевъ, богатыхъ умомъ, сердцемъ и средствами, и существованіемъ ничтожнымъ и слабымъ, которое подчинитъ васъ первому постороннему вліянію; подобное существованіе будетъ неизбѣжно, если Сицилія отдѣлится отъ полуострова. Подумайте объ этомъ. Многіе изъ васъ говорятъ о вашихъ учрежденіяхъ, о вашихъ договорахъ, о вашемъ народномъ правѣ, основанномъ на прежнихъ правахъ 1812 года. Но, ради Бога, не унижайте своего высокаго положенія, добытаго цѣною послѣднихъ подвиговъ подобными мелкими разсчетами. Если вы низойдете до того, что станете искать въ прошедшемъ своихъ правъ, то этимъ вы не признаете будущей Италіи, и оскорбите свою совѣсть, заставившую васъ возстать и сдѣлаться достойными побѣдъ.

«Сицилійцы, ваши права заключаются не въ конституціи, не соотвѣтствующей требованіямъ нашего времени, не въ конституціи, которая была дана англичанами, въ то время, когда англійскому кабинету необходимо было сдѣлать изъ вашего острова военную станцію для своей арміи (подлинныя слова лорда Кэстльри, въ парламентѣ, въ 1821 году), и которая была у васъ отнята, когда, при паденіи Наполеона, эта необходимость миновалась; основаніе вашихъ правъ — возстаніе 12 января, а гарантія ихъ — энергическое подражаніе ему всѣхъ частей полуострова. Правъ этихъ у васъ не отнимутъ, они принадлежатъ всей Италіи; они не стѣснены никакими старыми условіями 1815 года; они дадутъ новую форму нашей жизни, жизни націи, которая до сихъ поръ не существовала и только теперь начинаетъ жить. Что касается другихъ древнихъ правъ, которыя не вами были выработаны и добыты, а назадъ тому сорокъ лѣтъ написаны двусмысленно и лживо, которыя постоянно нарушались государями и теперь уничтожены оружіемъ и кровью народовъ, то эти права, своими ложными преданіями, уничтожатъ вашъ прогрессъ, они втянутъ васъ въ сѣти подкупной и развратной дипломатіи и рано или поздно приготовятъ, испытанныя уже вами, новыя измѣны.

«Братья сицилійцы! имѣете ли вы настолько силы, чтобы изъ самихъ себя вызвать ту жизнь, къ которой стремится вся Италія? Можете ли вы однимъ шагомъ достигнуть идеала, затаен-

наго въ вашемъ умѣ? Можете ли вы сразу составить себѣ законы, лучше тѣхъ, которые существуютъ теперь, законы, которые бы были удобоприложимы ко всей націи? Если вы все это сдѣлаете одни, тогда я, какъ и всѣ мы, перестанемъ предлагать вамъ союзъ съ континентомъ. Но, если вы чувствуете, что подобное предпріятіе еще вамъ не по силамъ, если между вами и неаполитанцами существуютъ теперь только формальныя разногласія о различныхъ учрежденіяхъ, касающихся большей или меньшей мѣстной эмансипаціи, то услышьте слова брата, который, послѣ Бога, любитъ больше всего свое отечество, и котораго вся жизнь посвящена этой любви; слова эти я смѣло могу сказать всей Италіи. Положите на чашку вѣсовъ святое имя націи. Не подавайте примѣра разъединенія своимъ братьямъ. Сохраните единство съ своими соотечественниками полуострова, сохраните его, чтобы вмѣстѣ съ ними воевать за свободу и вмѣстѣ съ ними пріобрѣсти независимость; сохраните единство, чтобы укрѣпить насъ своимъ присутствіемъ и своимъ разумнымъ словомъ на нашихъ сходкахъ и собраніяхъ; сохраните его, чтобы наши братья, находящіеся еще въ рабствѣ, мужественно шли на священную войну, чтобы иноплеменный врагъ трепеталъ при видѣ насъ, чтобы онъ удивлялся нашей добродѣтели и нашимъ жертвамъ, и, наконецъ, сохраните единство для того, чтобы при вашей помощи судьба Италіи совершилась скорѣе, чтобы человѣчество ликовало и чтобы Богъ благословилъ свою любимую землю, прекрасную какъ идеалъ величія и любви.»

Сицилійцы не послушались всѣхъ этихъ увѣщаній Маццини. Временное правительство острова, продолжая только говорить о желаніи принять участіе въ возрожденіи общаго отечества, ничѣмъ не обнаружило намѣренія примѣнить свои слова къ дѣлу. Не принеся помощи возстававшей континентальной Италіи, Сицилія скоро увидѣла себя одинокою, когда король Фердинандъ, разогнавъ парламентъ въ Неаполѣ, двинулъ свои войска для покоренія острова. Не помогли сицилійцамъ ихъ храбрость и мужество: послѣ разрушенія Мессины и страшныхъ жестокостей, совершенныхъ неаполитанскими войсками, сдалась Палермо, и островъ снова подпалъ подъ бурбонскій деспотизмъ.

Когда австрійцы, въ августѣ 1848 года, возвратились въ Миланъ, а патріоты должны были выйти изъ него, Маццини, для котораго во всей Италіи не оставалось уголка, могущаго дать ему убѣжище, пройдя нѣсколько миль съ карабиномъ на плечахъ, въ колоннѣ волонтеровъ Гарибальди, выбился изъ силъ и больной отправился въ Лугано, гдѣ издалъ свое «Воззваніе къ итальянскимъ народамъ», въ которомъ предрекалъ окончаніе ко-

ролевской войны и начало войны народной. Но въ Швейцаріи Маццини оставался не долго. Его снова призывала въ Италію революція въ Тосканѣ и Римѣ.

Двусмысленное поведеніе герцога Леопольда не могло нисколько удовлетворять его подданныхъ, требовавшихъ уже не реформъ, а учредительнаго собранія. Послѣ долгихъ колебаній, герцогъ обѣщалъ исполнить и эти требованія, призвалъ въ министерство Гверрацци и Монтанелли, — но уже было поздно, и герцогъ бѣжалъ къ Радецкому, который незадолго передъ тѣмъ писалъ ему, «что какъ только онъ укротитъ сардинскихъ демагоговъ, тотчасъ же прилетитъ съ тридцатью тысячами своихъ молодцовъ и возстановитъ герцога на тронѣ его предковъ». 8 февраля 1849 года, въ тотъ самый день, когда Леопольдъ II выѣхалъ изъ Тосканы, Маццини прибылъ въ Ливорно. Городъ, избравшій его своимъ депутатомъ въ итальянское народное собраніе (гдѣ засѣдалъ Гарибальди, бывшій депутатомъ отъ города Мачераты), сдѣлалъ въ его честь празднество. Въ Ливорно Маццини оставался всего два дня; онъ спѣшилъ во Флоренцію, надѣясь уговорить тріумвиратъ, составившійся изъ Гверрацци, Монтанелли и Маццони, объявить немедленное соединеніе тосканской республики съ римскою и вызвать народное возстаніе. Но уже всеобщее воодушевленіе истощилось, а финансы новой республики были въ самомъ жалкомъ состояніи. Совѣты Маццини не могли исправить безвыходнаго положенія, въ которое, съ самаго начала, было поставлено временное правительство Тосканы, и онъ уѣхалъ въ Римъ.

Въ Римѣ уже давно Пій IX потерялъ свою популярность и любовь народа. Его реакціонныя стремленія выразились совершенно ясно во время министерства Маміани, который и вынужденъ былъ выйти въ отставку. Думая остановить движеніе твердыми и рѣшительными мѣрами, папа, наконецъ, обратился къ помощи Росси, бывшаго французскаго посланника въ Римѣ, друга и ученика Гизо. Доктринеръ, подобно своему учителю, Росси, презиравшій общественное мнѣніе и народныя желанія, не удовлетворялъ ни либеральную, ни реакціонную партію, и палъ подъ ножемъ неизвѣстнаго убійцы. Хотя не было никакихъ основаній предполагать, чтобы въ этомъ убійствѣ принимала участіе республиканская или либеральная партія, но Пій IX понялъ это событіе именно въ такомъ смыслѣ, отдался въ руки реакціонеровъ и мечталъ только объ одномъ: какъ бы бѣжать изъ Рима. Посланникъ французской республики предлагалъ ему бѣжать въ Чивита-Веккію, а оттуда во Францію, посланникъ Испаніи предлагалъ ему убѣжищемъ Балеарскіе острова, посланникъ Баваріи,

бывшій въ то же время уполномоченнымъ Австріи, указывалъ Гаэту. Пій IX выбралъ послѣднее, и 25 ноября 1848 года бѣжалъ изъ Рима искать убѣжища у Фердинанда II.

Послѣ бѣгства папы въ Гаэту и его отказа принять прибывшую изъ Рима, для переговоровъ, депутацію, партія Маццини, въ лицѣ народнаго оратора Чичероваккіо, сдѣлалась господствующею въ Церковной области. Римъ, провозглашенный народнымъ собраніемъ республикой, въ ночь съ 8 на 9 февраля объявилъ свѣтскую власть папы упраздненною, а 25 февраля выбралъ Маццини своимъ представителемъ, девятью тысячами голосовъ. Маццини прибылъ въ Римъ 5 марта и сдѣлался руководителемъ народа и временного правительства. Съ первыхъ же своихъ рѣчей онъ показалъ, какъ понимаетъ онъ итальянское дѣло. Піемонтъ обратился съ просьбою о помощи, въ начинавшейся войнѣ, къ Риму. Многимъ депутатамъ казалось невозможнымъ, чтобы республиканское правительство помогало королю Карлу Альберту. Маццини разсѣялъ эти сомнѣнія словами: «Нечего теперь смотрѣть на различіе государственныхъ порядковъ. Теперь есть только двѣ партіи итальянцевъ: одна, которая хочетъ войны, и другая, которая ея не желаетъ. Пусть республиканскій Римъ сражается рядомъ съ монархическимъ Піемонтомъ». Въ отвѣтъ на эти слова римскія женщины, присутствовавшія въ собраніи, сняли съ себя драгоцѣнныя украшенія и бросили ихъ къ ногамъ президента собранія; со всѣхъ сторонъ стали поступать пожертвованія, и населеніе Церковной области было призвано къ оружію. Но пораженіе при Новарѣ прервало эти приготовленія, а черезъ нѣсколько дней Маццини былъ выбранъ тріумвиромъ вмѣстѣ съ Армеллини и Саффи. Въ этомъ новомъ званіи Маццини обнаружилъ замѣчательную дѣятельность. Усилившіеся въ послѣднее время грабежи и разбои вызвали съ его стороны строгія мѣры, которыя и прекратили зло. Почти весь трудъ по составленію новой республиканской конституціи, обнародованной 17-го апрѣля, лежалъ на немъ.

Римская конституція отмѣняла конфискацію имуществъ и смертную казнь. Законодательная власть предоставлялась народному собранію, исполнительная власть ввѣрялась избираемымъ на два года двумъ консуламъ, подлежавшимъ отвѣтственности не только каждый за себя, но и одинъ за другого; имъ также дано было право помилованія и право назначенія чиновниковъ. Двѣнадцать трибуновъ, избираемыхъ на пять лѣтъ и пользовавшихся правомъ неприкосновенности не только во время отправленія своей должности, но еще и въ теченіе года послѣ выхода изъ нея, охраняли ненарушимость конституціи. Въ силу предостав-

ленной имъ власти, трибуны могли требовать обсужденія, въ народномъ собраніи, какого либо вопроса во второй и даже въ третій разъ, если только не составилось по немъ большинства трехъ четвертей голосовъ. Въ случаѣ установленія народнымъ собраніемъ временной диктатуры, трибуны должны были слѣдить за ходомъ событій и созвать народное собраніе послѣ того, какъ опасность миновала и диктатура сдѣлалась ненужною. Народное собраніе, состоящее изъ представителей, избираемыхъ также, какъ и трибуны, посредствомъ прямой и всеобщей подачи голосовъ, не могло быть распущено. Полномочіе давалось народнымъ представителямъ на три года. Пятнадцать гражданъ, выбиравшихся различными провинціями, составляли государственный совѣтъ. Каждый гражданинъ, достигшій 21 года, дѣлался избирателемъ и самъ могъ быть избранъ въ народное собраніе. Но въ консулы и трибуны могли быть избираемы лица не моложе тридцати лѣтъ. Измѣненіе конституціи могло послѣдовать не иначе, какъ вслѣдствіе троекратно, съ шести-мѣсячными промежутками, повтореннаго постановленія народнаго собранія, утвержденнаго самимъ народомъ.

Но пока республиканскій Римъ занимался внутреннимъ устройствомъ, событія шли своимъ чередомъ. Давно уже приготовлялось вторженіе въ папскія владѣнія для возстановленія престола Пія IX. Весь вопросъ заключался въ томъ — кому поручить это возстановленіе. Франція выражала желаніе, чтобы это было дѣломъ короля сардинскаго, или неаполитанскаго, но папа не хотѣлъ и слышать о первомъ, а Фердинанда считалъ слишкомъ слабымъ. Ему болѣе всего хотѣлось призвать на помощь австрійцевъ. Тогда Франція, чтобы предупредить вступленіе австрійцевъ, рѣшилась отправить сама войска въ Римъ. Предлогомъ выставлялось желаніе оказать дружеское посредничество и поддержать дарованныя Піемъ IX реформы. Жюль Фавръ сказалъ въ палатѣ, что пораженіе Піемонта обязываетъ Францію явиться въ Италіи во имя человѣколюбія.

Когда Удино съ корпусомъ французскихъ войскъ высадился въ Чивита-Веккію, римская республика думала, что онъ идетъ на защиту Рима отъ австрійцевъ. Скоро исчезло это недоразумѣніе. Съ шеститысячною арміею Удино подошелъ къ Риму, думая занять городъ безъ сопротивленія. Но первая же встрѣча съ отрядомъ, предводительствуемымъ Гарибальди, доказала, насколько ошибался французскій главнокомандующій; несмотря на свое численное превосходство, французы были отбиты и должны были отступить; при этомъ нѣсколько французскихъ солдатъ попались въ плѣнъ. Ихъ отправили въ Римъ въ церковь св. Петра, гдѣ

они вмѣстѣ съ итальянцами молились за братство и свободу народовъ.

Эта первая побѣда римлянъ, которые, по словамъ Тьера, не умѣли сражаться, — вызвала во Франціи уваженіе къ римскому временному правительству, и Лессепсу было дано порученіе вступить съ нимъ въ переговоры. Маццини, самъ неспособный къ обману и потому довѣрчивый къ другимъ, и не посвященный въ дипломатическія тонкости, прямо выразилъ свои требованія, въ числѣ которыхъ было, — лишеніе папы свѣтской власти и признаніе римской республики, но они не были приняты французскимъ правительствомъ. Въ своихъ запискахъ, Орсини обвиняетъ Маццини въ излишней довѣрчивости и въ томъ, что онъ попался въ сѣть, разставленную ему французскимъ уполномоченнымъ, давъ непріятелю только возможность выиграть время [1].

Переговоры, въ продолженіе которыхъ Гарибальди удалось прогнать неаполитанскую армію, подходившую, подъ начальствомъ самого короля, къ Риму, были прерваны наступательнымъ движеніемъ на Римъ, со стороны Удино, который получилъ о томъ приказаніе отъ Людовика Бонапарта, уже имѣвшаго власть въ своихъ рукахъ. Обложивъ Римъ и сдѣлавъ всѣ приготовленія къ осадѣ, Удино предлагалъ ему сдаться и получилъ въ отвѣтъ, что римляне предпочитаютъ смерть рабству. Тогда началось бомбардированіе. Тщетно протестовали иностранные консулы. Тщетно временное правительство убѣждало французскую армію, что она уничтожаетъ городъ, который ей ничего не сдѣлалъ, что она поддерживаетъ Австрію, не имѣя даже духу прямо это высказать, что она пятнаетъ свое знамя, возстановляя клерикальное правительство. «Печальна страница, которую теперь вписываетъ ваше правительство въ исторію Франціи», такъ кончалась прокламація. Мѣсяцъ продолжалось упорное сопротивленіе римлянъ, прославившее Гарибальди. Наконецъ народное собраніе нашло невозможнымъ дальнѣйшее сопротивленіе. Пригласили въ собраніе Гарибальди, чтобы спросить его мнѣніе. Онъ явился, покрытый кровью, закопченный пороховымъ дымомъ, и предложилъ очистить одну половину города и укрѣпиться въ другой. «Сколько же времени въ такомъ случаѣ продлится сопротивленіе»? спросилъ одинъ голосъ: «нѣсколько дней», — отвѣчалъ Гарибальди. Послѣ этого рѣшено было сдать городъ.

Тріумвиратъ отказался отъ власти и передалъ отъ себя государственную казну, оказавшуюся въ совершенномъ порядкѣ;

---

[1] Memorie politiche di Felice Orsini scritte da lui medesimo e dedicate alla Gioventu italiana. 5 ed. Torino, 1862.

муниципалитету, который и вошелъ въ переговоры съ Удино. 2 іюля 1849 года, французы вступили въ Римъ для возстановленія папскаго престола, и разогнали народное собраніе. Но римская республика, при послѣднемъ издыханіи, сдѣлала постановленіе, которымъ давала право Мацдини и его товарищамъ продолжать ея легальную жизнь, когда уже она матеріально умерла. 4 іюля 1849 г., меньшинство собранія выбрало національный итальянскій комитетъ изъ Мацдини, Саффи и Монтекки, давъ ему право заключить заемъ отъ имени римской республики для спасенія Италіи, умножать, по усмотрѣнію, число членовъ собранія и сдѣлать воззваніе къ итальянцамъ о помощи.

Наканунѣ вступленія французовъ, Гарибальди, сопутствуемый своею женою, Анитою, и патеромъ Гавацци, вышелъ изъ Рима съ отрядомъ волонтеровъ въ 4,600 человѣкъ. Чичероваккіо служилъ проводникомъ. Преслѣдуемый со всѣхъ сторонъ французами, неаполитанцами и австрійцами, Гарибальди наконецъ достигъ республики Санъ-Марино. Тутъ онъ предложилъ своимъ волонтерамъ разойтись, чтобы не подвергаться болѣе опасностямъ. Правительство маленькой республики, боясь австрійцевъ, просило ихъ сдаться. Но они отказались, предпочитая идти на защиту Венеціи, куда Гарибальди, въ сопровожденіи жены и трехъ сотъ волонтеровъ, и направилъ свой путь. На тринадцати рыбачьихъ лодкахъ, онъ съ отрядомъ уже подплывалъ къ Венеціи, когда за нимъ пустились въ погоню австрійскіе корабли. Имъ удалось захватить восемь лодокъ, а съ остальными Гарибальди вернулся къ римскимъ берегамъ. Тутъ умерла его жена, изнуренная лишеніями и опасностями, а самъ онъ пробрался въ Геную и оттуда отплылъ въ Америку. Всѣ сподвижники его, попавшіеся въ руки австрійцевъ, были разстрѣляны, въ числѣ ихъ и Чичероваккіо съ дѣтьми, или разсажены по тюрьмамъ и казематамъ.

Въ то время, какъ Гарибальди переплывалъ океанъ, Мацдини, выгнанный изъ Швейцаріи, гдѣ онъ думалъ найти себѣ убѣжище, возвращался опять въ Англію.

Вездѣ въ Италіи, кромѣ одного Піемонта, торжествовала полная реакція. Послѣ сдачи Венеціи, 28 августа 1849 года, Австрія снова вступила въ безотчетное управленіе всей Ломбардіей, истерзанной жестокостями Гайнау. Еще гораздо ранѣе этого, герцоги Пармскій и Моденскій, возстановленные Австріею, посадили австрійскіе гарнизоны въ своихъ крѣпостяхъ и превратили свои герцогства въ австрійскія провинціи. Почти тоже самое произошло и въ Тосканѣ, куда Леопольдъ II вернулся подъ прикрытіемъ австрійскихъ штыковъ, тотчасъ же уничто-

жилъ данныя имъ реформы, возстановилъ смертную казнь за политическія преступленія, произвелъ многочисленные аресты, такъ что въ самое короткое время насчитывалось 14,000 политическихъ арестантовъ, и приговорилъ вліятельнѣйшихъ лицъ, въ томъ числѣ Гверрацци, Монтанелли, Маццини къ вѣчному изгнанію. Церковную область до 1850 года занимали, кромѣ французскихъ и австрійскихъ войскъ, еще неаполитанскія и испанскія. Наконецъ эти послѣднія вышли, и папа вернулся въ свои владѣнія, поставленныя въ то самое положеніе, въ какомъ находились при Григоріѣ XVI.

XIII.

По пріѣздѣ въ Англію, Маццини организовалъ въ Лондонѣ національный итальянскій комитетъ, членами котораго были Саффи, Монтекки, Аврелій Саличетти, Джузеппе Сиртори; секретаремъ комитета былъ Чезаре Агостино. Въ сентябрѣ 1850 г., комитетъ объявилъ подписку на національный заемъ для освобожденія Италіи, и хотя ни одна биржа не вѣрила въ прочность такого займа, но подписчиковъ нашлось достаточно: въ одной Тосканѣ Чирони (одинъ изъ членовъ «Юной Италіи») собралъ въ два мѣсяца около шести тысячъ франковъ.

Оставаясь въ Лондонѣ, Маццини сосредоточивалъ въ своихъ рукахъ всѣ нити революціонной жизни Италіи. Не было ни одной вспышки, ни одного движенія, которое бы дѣлалось безъ его вѣдома. Всѣ эти попытки, оставаясь безъ серьезныхъ, повидимому, послѣдствій, приближали однако время, когда наконецъ Италія могла освободиться, призвавъ на помощь Піемонтъ въ союзѣ съ революціонными силами полуострова.

Въ началѣ 1853 года, Маццини подготовилъ обширное возстаніе, которое должно было вспыхнуть въ Миланѣ и откликнуться во всѣхъ главнѣйшихъ городахъ Италіи. Самъ Маццини пріѣхалъ для этого въ Лугано, и тутъ убѣдился, что надежды его на возстаніе были ошибочны. Тогда Орсини предложилъ свой планъ экспедиціи, состоявшій въ томъ, чтобы небольшой отрядъ революціонеровъ избралъ мѣстомъ своихъ дѣйствій Апеннины. Маццини, хотя и сомнѣвался въ успѣхѣ, но поручилъ Орсини пріискивать средства къ приведенію его плана въ исполненіе, а самъ уѣхалъ въ Лондонъ. Орсини, собравъ 8,000 франковъ, отправился въ августѣ того же года въ Туринъ, гдѣ, сговорившись съ нѣсколькими офицерами, принявшими участіе въ заговорѣ, поѣхалъ въ Сарцану. Тамъ, въ назначенномъ мѣ-

стѣ, собрались вожди, но напрасно прождавъ обѣщанныхъ волонтеровъ должны были разойтись, услышавъ о приближеніи берсальеровъ. . . . .

Въ 1854 году, задумана экспедиція въ Луниніану и Сицилію. Маццини предложилъ принять начальство экспедиціи въ Сицилію Гарибальди, но послѣ его отказа, поручилъ его Орсини. Тутъ повторилась таже неудача. Вмѣсто ожидаемыхъ 200 ружей и нѣсколькихъ тысячъ человѣкъ, Орсини не нашелъ ничего, вслѣдствіе измѣны и бѣгства одного изъ предводителей отряда. Волонтеры не хотѣли подвергаться участи Бандіера, а Орсини едва удалось спрятать оружіе, на берегу; но одинъ рыбакъ, видѣвшій, какъ прятали оружіе, и думая, что имѣетъ дѣло съ контрабандистами, воспользовался случаемъ получить награду и донесъ таможенной стражѣ, которая съ помощью берсальеровъ захватила все оружіе, а черезъ нѣсколько дней были арестованы волонтеры, не успѣвшіе скрыться. Между тѣмъ, по всей Италіи разнеслось извѣстіе о готовившейся экспедиціи, и вызвало страшную тревогу. Изъ Генуи прибылъ пароходъ съ войсками и нѣсколько канонерскихъ лодокъ; въ Массу и Каррару со всѣхъ сторонъ направлялись войска; изъ Флоренціи двинулись отряды австрійцевъ. Орсини едва удалось, послѣ нѣсколькихъ дней, проведенныхъ тайкомъ въ Генуѣ, спастись въ Марсель. . . . .

Несмотря на эту неудачу, послѣ свиданія съ Маццини, въ Женевѣ, Орсини принялъ его предложеніе участвовать въ новой экспедиціи въ Вальтеллину. Но и тутъ, какъ въ Сарцанѣ, ничего не было приготовлено. Вмѣсто двухсотъ волонтеровъ, обѣщавшихъ явиться на сборное мѣсто, прибыло всего только пять человѣкъ. Полиція давно уже слѣдила за готовившимся предпріятіемъ, приняла свои мѣры, и чуть-было не арестовала самого Орсини, которому однако удалось бѣжать. . . . . .

Тогда, снѣдаемый жаждою дѣятельности, Орсини сообщилъ Маццини о своемъ желаніи поступить на службу въ русскую армію, чтобы сражаться въ Крыму противъ ненавистныхъ ему французовъ, которыхъ онъ считалъ виновниками порабощенія Рима и Италіи. Но Маццини отговорилъ его и далъ ему новое порученіе. 1-го октября 1854 года, получивъ отъ Маццини 1,000 франковъ, Орсини отправился черезъ Сенъ-Готардъ въ Туринъ, гдѣ вмѣсто сочувствія нашелъ сильное раздраженіе противъ Маццини. Въ Миланѣ ходили даже слухи, что Маццини — австрійскій агентъ, умышленно вызывающій реакцію мелкими революціонными вспышками. Отправившись за тѣмъ въ Вѣну, Орсини былъ узнанъ на дорогѣ однимъ евреемъ, арестованъ и 17-го декабря отправленъ въ Мантую, въ крѣпость. Здѣсь бы вѣроятно

онъ и умеръ, если бы одна женщина, Эмма Гервегъ, не передала ему орудій, способствовавшихъ его избавленію. Съ необыкновеннымъ терпѣніемъ Орсини перепилилъ восемь полосъ желѣзной рѣшетки; по лѣстницѣ, связанной изъ бѣлья, спустился съ высоты болѣе 40 метровъ и упалъ въ ровъ цитадели, сильно ушибенный. Оттуда потащился онъ кое-какъ далѣе и просидѣлъ двое сутокъ въ прудѣ. Затѣмъ, съ величайшими трудностями и опасностями, онъ пробрался въ Англію.

Въ 1857 году, Мадцини подготовилъ новую экспедицію, которая должна была сдѣлать высадку въ королевствѣ обѣихъ Сицилій, чтобы произвести тамъ возстаніе. Во главѣ этой экспедиціи сталъ неаполитанецъ Карло Пизакане, герцогъ ди-Санъ-Джованни, одинъ изъ защитниковъ Рима подъ начальствомъ Гарибальди въ 1849 году. Съ двадцатью семью заговорщиками, сѣвшими на сардинскій пароходъ «Кальяри», подъ видомъ переѣзда изъ Генуи въ Тунисъ, онъ овладѣлъ пароходомъ и заставилъ капитана направиться къ лежащему недалеко отъ неаполитанскаго залива острову Понца, гдѣ содержались государственные преступники. Имъ удалось освободить заключенныхъ, и при отплытіи съ Понца, революціонный отрядъ состоялъ уже изъ 323 человѣкъ. Не имѣя возможности продолжать путь дальше, за неимѣніемъ угля, пароходъ остановился въ Неаполитанскомъ заливѣ. Заговорщики высадились съ крикомъ «да здравствуетъ Италія! да здравствуетъ республика!» Но революціонный отрядъ былъ слишкомъ малочисленъ для того, чтобы выдержать столкновеніе съ королевскими войсками и привлечь на свою сторону мѣстное населеніе, не имѣвшее надежды на успѣхъ. Желая продлить сопротивленіе въ ожиданіи прибытія изъ Генуи новыхъ отрядовъ волонтеровъ, Пизакане направился въ горы. Тутъ, выдержавши нѣсколько стычекъ съ королевскими войсками, Пизакане, тяжело раненный, былъ взятъ въ плѣнъ, и тотчасъ же разстрѣлянъ. Остальные, попавшіеся въ руки неаполитанскаго правительства, были преданы суду, который приговорилъ семерыхъ главныхъ начальниковъ экспедиціи, въ томъ числѣ и барона Никотера, друга Гарибальди, къ смертной казни, замѣненной королемъ пожизненною каторгой, и 205 человѣкъ къ каторжной работѣ.

Одновременно съ отплытіемъ Пизакане изъ Генуи, должно было вспыхнуть революціонное движеніе въ Генуѣ, гдѣ революціонеры надѣялись захватить корабли для перевозки волонтеровъ въ южную Италію, на помощь Пизакане. Но и этотъ планъ не удался. Овладѣвъ казармой и 500 ружьями заговорщики были арестованы и преданы суду; изъ 41 подсудимыхъ 25 были оправданы, а остальные приговорены къ тяжкимъ наказаніямъ.

Самъ Маццини, пріѣзжавшій передъ тѣмъ тайкомъ въ Геную, былъ приговоренъ заочно къ смертной казни.

Тогда-то Гарибальди, хотя и одних убѣжденій съ Маццини, но уже съ 1854 года расходившійся съ нимъ въ способахъ исполненія, находя вреднымъ для итальянскаго дѣла раздражать Піемонтъ безплодными попытками возстанія, напечаталъ письмо къ Маццини, въ которомъ между прочимъ говорилъ, что возбуждать эти неудачныя возстанія могутъ только съумасшедшіе или враги итальянскаго дѣла. Письмо это такъ огорчило Маццини, что онъ заболѣлъ.

Въ концѣ 1857 года, опять заговорили объ Маццини при открытіи заговора противъ Наполеона III, задуманнаго въ Лондонѣ, во главѣ котораго, если вѣрить слѣдствію, производившемуся въ Парижѣ, стояли Маццини и Ледрю-Ролленъ. Этотъ заговоръ и самый процессъ до того темны, что въ Лондонѣ носились слухи, будто весь заговоръ былъ устроенъ французской полиціей для того, чтобы помѣшать Ледрю-Роллену возвратиться во Францію и воспользоваться амнистіей, которой тогда ждали. Имя Маццини ни разу не упомянули сами подсудимые, три итальянца: Тибальди, Бартолони и Грилли. Но это не помѣшало французскому правительству кричать о томъ, что самое покушеніе было задумано Маццини, основываясь единственно на какихъ-то перехваченныхъ полиціею письмахъ его, въ которыхъ не было и намека на убійство Наполеона III.

Между тѣмъ Орсини, возвратившись въ Лондонъ, издалъ тамъ свои записки подъ заглавіемъ: «Пятнадцати-мѣсячное пребываніе въ крѣпости», и скоро сдѣлался однимъ изъ самыхъ дѣятельныхъ членовъ французскихъ демократическихъ клубовъ. Тутъ-то онъ познакомился и сблизился съ французскимъ эмигрантомъ Бернаромъ, бѣжавшимъ изъ Франціи въ 1849 году, чтобы спастись отъ тюремнаго заключенія, къ которому былъ приговоренъ за политическіе проступки. Маццини, представитель республиканской, деистической Италіи, стоялъ съ своею партіею особнякомъ отъ французскихъ и нѣмецкихъ соціалистовъ-демократовъ, и потому послѣ сближенія Орсини съ Бернаромъ отношенія перваго къ Маццини охладились. Желая вернуть его къ себѣ, Маццини написалъ ему письмо, въ которомъ между прочимъ говорилъ: «Подумайте, что никакая національная иниціатива въ Италіи невозможна помимо меня. Имѣйте въ виду, что я стою въ центрѣ всѣхъ элементовъ и говорю это, имѣя на то основаніе.» На это письмо Орсини отвѣчалъ насмѣшкою надъ Маццини и его друзьями и потомъ издалъ свои мемуары, въ которыхъ по-

рицалъ дѣйствія Маццини и тѣмъ еще болѣе вооружилъ противъ себя его сторонниковъ.

Оторвавшись отъ Маццини, Орсини все болѣе и болѣе сближался съ Бернаромъ и укрѣплялся въ своей ненависти къ Наполеону III. Въ январѣ 1858 года, Бернаръ, на одномъ публичномъ собраніи, прямо намекалъ на какія-то важныя событія, которыя должны скоро измѣнить положеніе дѣлъ въ Европѣ. Черезъ нѣсколько дней послѣ этого произошло, 14-го января, покушеніе на жизнь Наполеона III. Случайность спасла жизнь Наполеона III, но разорвавшіяся гранаты убили восемь человѣкъ. Приговоренный судомъ къ смертной казни, Орсини написалъ изъ мазасской тюрьмы письмо къ Наполеону, въ которомъ высказалъ побудительныя причины своего покушенія: «Показанія, сдѣланныя мною противъ себя самого въ политическомъ процессѣ, возникшемъ по поводу покушенія 14-го января, достаточны, чтобъ осудить меня на смерть, и я приму ее, не прося помилованія, какъ потому, что я никогда не унижу себя предъ тѣмъ, кто убилъ зародившуюся свободу моей несчастной родины, такъ и потому, что въ моемъ положеніи смерть для меня благодѣяніе.

«При концѣ моего поприща, я хочу однако попробовать послѣднее усиліе, чтобы придти въ помощь Италіи, за независимость которой я шелъ до того времени на всѣ опасности, на встрѣчу всѣмъ пожертвованіямъ. Италія — постоянный предметъ всѣхъ моихъ чувствъ, и послѣднюю мою мысль о ней хочу я изложить въ словахъ, съ которыми обращаюсь къ вашему величеству.

«Чтобы сохранить теперешнее равновѣсіе въ Европѣ, надобно дать независимость Италіи, или стянуть цѣпи, которыми Австрія держитъ ее въ рабствѣ. Буду ли я просить объ ея освобожденіи, просить, чтобы кровь французовъ была пролита за нее? Нѣтъ! я не иду такъ далеко. Италія проситъ, чтобы Франція не вмѣшивалась въ дѣло противъ нея; она проситъ, чтобы Франція не допускала Германію поддерживать Австрію въ борьбѣ, которая, быть можетъ, вскорѣ начнется. Это, ваше величество можете сдѣлать, если только захотите; отъ этой воли зависитъ благосостояніе или несчастіе моей родины, жизнь или смерть націи, которой Европа обязана большею частію своей образованности.

«Вотъ просьба, съ которою я осмѣливаюсь обратиться къ вашему величеству, не отчаяваясь въ томъ, что голосъ мой будетъ услышанъ. Заклинаю ваше величество отдать моей родинѣ независимость, которую она утратила въ 1849 году, по ошибкѣ самихъ французовъ.

«Вспомните, ваше величество, что итальянцы, въ числѣ которыхъ былъ и отецъ мой, съ радостію проливали кровь свою за Наполеона Великаго, повсюду, куда только вздумалось ему вести ихъ; вспомните, что они оставались вѣрными ему до самаго его паденія; вспомните, что покуда Италія не будетъ независимою, спокойствіе Европы и ваше собственное останутся одною только мечтою. Не отвергайте, ваше величество, предсмертный голосъ патріота; освободите мою родину, и благословенія двадцати пяти милліоновъ людей послѣдуютъ за вами въ потомство».

Послѣ этихъ катастрофъ, несмотря на взаимное раздраженіе враждующихъ партій, ни у кого изъ противниковъ Маццини не хватило доказательствъ для обвиненія его въ подстрекательствѣ къ политическимъ убійствамъ. Даже и такіе біографы, какъ напримѣръ Монтаціо, этотъ итальянскій Миркуръ, который задачею своею имѣлъ уронить значеніе Маццини и втоптать его въ грязь, обвинялъ его въ трусости, бездарности, политической безтактности, даже и онъ не имѣлъ духу обойти молчаніемъ обвиненіе Маццини въ покушеніяхъ на жизнь Наполеона III, и хоть слегка намекнулъ объ ихъ нелѣпости, а въ біографіи Орсини, говоря о размолвкѣ его съ Маццини, передъ январьскимъ покушеніемъ, всю отвѣтственность въ покушеніи сложилъ на Симона Бернара....

При первыхъ проявленіяхъ итальянскаго возрожденія, Маццини написалъ нѣсколько статей въ англійскихъ изданіяхъ и основалъ новый журналъ «Pensiero ed Azione» («Мысль и дѣйствіе»), который сначала издавался въ Швейцаріи, а потомъ въ Лондонѣ, съ 1-го сентября 1858 года до половины 1860 года. Въ одномъ изъ первыхъ нумеровъ появился адресъ Маццини къ Виктору-Эммануилу, въ которомъ онъ напоминалъ королю готовность итальянцевъ слѣдовать за нимъ и говорилъ: «забудьте, что вы король, вооружитесь за единство Италіи, — и мы всѣ идемъ за вами». Въ Италіи органомъ Маццини служилъ «Unità Italiana», который явился послѣ «Italia del Popolo» и выходилъ въ Генуѣ и Флоренціи подъ различными редакціями, а потомъ издавался въ Миланѣ.

Во всѣхъ своихъ статьяхъ, Маццини возставалъ противъ вмѣшательства французовъ въ итальянскія дѣла, противъ дипломатическихъ сдѣлокъ и уступокъ. Онъ ожидалъ возрожденія Италіи отъ итальянскаго народа и обращался къ нему съ такими словами:

«Кто, 29 мая 1176 г., одержалъ первую великую побѣду за итальянскую независимость въ Леньяно, надъ Фридрихомъ Барбароссой? Народъ.

«Кто тридцать лѣтъ выдерживалъ удары Фридриха Второго,

гибеллинскаго патриціата и истощилъ ихъ силы при Миланѣ, Брешіи, Пармѣ, Піаченцѣ, Болоньѣ? Народъ.

«Кто обуздалъ въ Сициліи тираннію Карла Анжуйскаго и организовалъ въ мартѣ 1282 г. Сицилійскую вечерню на гибель врагамъ? Народъ.

«Кто возставалъ въ Неаполѣ въ срединѣ XVII вѣка противъ тиранніи Филиппа IV Испанскаго и герцога Аркосскаго? Народъ.

«Кто съ неутомимымъ упорствомъ препятствовалъ господствовавшей во всей Европѣ инквизиціи водвориться въ королевствѣ обѣихъ Сицилій? Народъ.

«Кто во время усыпленія всей Италіи, прогналъ, въ декабрѣ 1746 г., изъ Генуи австрійскую армію? Народъ.

«Кто, въ 1848 г., одержалъ побѣду въ пять достопамятныхъ ломбардскихъ дней? Народъ.

«Кто два раза, въ августѣ 1848 г. и въ маѣ 1849 г., защитилъ Болонью отъ нападенія австрійцевъ? Народъ.

«Кто, въ 1849 г., спасъ въ Римѣ и Венеціи честь Италіи, которую запятнала монархія сдачей Милана и пораженіемъ при Новаррѣ? Народъ?

«Народъ безъ имени, сражающійся безъ надежды на славу, это герой, человѣкъ-милліонъ, который всегда откликался во имя священной свободы, на призывъ людей, олицетворявшихъ собою дѣло и вѣру».

Между тѣмъ, благодаря либеральной политикѣ Виктора-Эммануила, Піемонтъ постепенно пріобрѣталъ себѣ бо́льшее число сторонниковъ въ Италіи. Въ то же время австрійское правительство и его система въ герцогствахъ, легатствахъ и королевствѣ Неаполитанскомъ усиливали, своими репрессивными мѣрами, общее неудовольствіе. Но изъ прежнихъ опытовъ итальянцы убѣдились, что ни королевская, ни революціонная силы не достаточны, одна безъ другой, для освобожденія Италіи. Готовясь къ войнѣ 1859 года, Викторъ-Эммануилъ обратился къ помощи Франціи, съ которою Піемонтъ былъ въ союзѣ въ крымскую войну, и народныхъ революціонныхъ силъ страны, во главѣ которыхъ сталъ Гарибальди.

Маццини, въ виду всеобщаго настроенія, не колебался въ своихъ прежнихъ убѣжденіяхъ. Онъ не отступалъ отъ своей республиканской программы и, если готовъ былъ принять, для освобожденія Италіи, помощь королевской власти, то единственно по необходимости, какъ временную, переходную мѣру.

«Тѣ, которые убѣждаютъ васъ—говорилъ онъ итальянцамъ—учредить королевскую диктатуру, какъ средство облегчить вашу побѣду,—или глупцы, или обманщики. Неужели исполненіе общаго

дѣла можетъ облегчиться тѣмъ, что исполненіе его будетъ ввѣрено одному человѣку, дѣятельность котораго лишена всякаго контроля. Предки ваши, въ минуты грозной опасности, выбирали себѣ диктаторовъ изъ гражданъ, извѣстныхъ своими гражданскими или военными доблестями, но позади диктатора они ставили народнаго ликтора, поднятый мечъ котораго ежеминутно грозилъ головѣ измѣнника.

«Вы должны упрочить вашу свободу не на кускѣ стараго пергамента, который всегда можетъ быть замѣненъ другимъ такимъ же пергаментомъ, не въ силу добровольныхъ уступокъ, за которыми слѣдуетъ реакція, а во имя неизмѣннаго человѣческаго права. И если, забывъ итальянскія традиціи и исторію послѣднихъ пятидесяти лѣтъ, вы захотите дать себѣ короля, пусть этотъ король будетъ по крайней мѣрѣ избранникомъ вашей свободы и пусть онъ получитъ въ Римѣ корону вмѣстѣ съ договоромъ, который составятъ народные представители и который бы напоминалъ ему, что вы можете отнять отъ него эту корону, если онъ нарушитъ договоръ, или когда вы сами захотите установить у себя образъ правленія, болѣе близкій къ истинѣ и болѣе полезный вашему отечеству»....

Наконецъ, послѣ продолжительныхъ переговоровъ и ожиданій, Наполеонъ III объявилъ, что Франція желаетъ видѣть Италію свободною отъ Альпъ до Адріатическаго моря, и 12 мая 1859 года, высадился въ Генуѣ. Въ іюнѣ, Ломбардія была очищена отъ австрійцевъ, которые отступили и изъ Болоньи. Герцоги бѣжали изъ Пармы, Модены и Тосканы и населенія подчинялись диктатурѣ сардинскаго короля. Но перемиріе въ Виллафранкѣ остановило начатое итальянское дѣло на полъ-дорогѣ. Итальянскій народъ открыто выразилъ свое негодованіе: въ Ливорно и Флоренціи едва не вспыхнуло возстаніе.

«Разочарованіе наступило скорѣе, нежели мы сами ожидали», писалъ Маццини 20 іюля 1859 года въ «Pensiero ed Azione». «Измѣна совершилась. Всѣ наши предсказанія сбылись. Безчестный договоръ заключенъ по настоянію Наполеона». Видя готовность піемонтскихъ государственныхъ людей подчиниться предписаннымъ имъ условіямъ мира, Маццини обратился къ волонтерамъ:

«Почему же остановились вы, итальянскіе волонтеры, на половинѣ дороги? Почему, подобно поэмѣ, прерванной смертью создавшаго ея генія, прервалось начатое вами предпріятіе? Развѣ Италія уже свободна и едина? Или и вы подписали вмѣстѣ съ чужеземцемъ договоръ въ Виллафранкѣ?

«Вы встали на призывъ отечества съ именемъ Италіи на

устахъ, съ цвѣтами Италіи на груди. Но развѣ Минчіо составляетъ границу вашего отечества? Развѣ земля, лежащая къ сѣверу и югу отъ этой границы не итальянская?

«Каждый изъ васъ хранитъ обѣтъ — освободить Италію отъ Альпъ до моря. Но развѣ Венеція не по-сю сторону Альпъ? Развѣ наше море не омываетъ плодородныхъ береговъ Сициліи?

«А Римъ? Римъ, гдѣ пребываетъ единство отечества? Римъ,— это сердце, храмъ итальянской націи? Развѣ вы стерли его съ карты Италіи?

«Среди опустошенныхъ владѣній намѣстника генія зла высится замокъ, въ которомъ десятки лѣтъ заключены сотни людей, приготовлявшихъ вамъ путь. Далѣе—въ страшныхъ неаполитанскихъ тайникахъ, въ казематахъ, на островахъ, лежащихъ у южныхъ итальянскихъ границъ, за-живо погребены предвѣстники вашего дѣла, волонтеры вашего же знамени. Обратите ваши взоры въ другую сторону: тамъ, среди лагунъ умираетъ въ медленной, страшной агоніи Римъ Адріатики — Венеція, которая учила васъ независимости еще въ ту пору, когда впервые стали вторгаться въ ваши страны народы Сѣвера, Венеція, послѣ всѣхъ опустившая, десять лѣтъ тому назадъ, знамя свободы Италіи, Венеція, которой вы столько разъ клялись въ томъ, что никогда ваша судьба не отдѣлится отъ ея.

«Вы клялись Венеціи, Отечеству, Богу. Что жъ останавливаетъ васъ?..» [1])

Не долго партія дѣйствія оставалась неподвижною; ее не могли остановить никакія опасности и государственныя соображенія.

Въ ночь на 5 мая 1860 года, Гарибальди неожиданно высадился въ Кварто, близъ Генуи и, овладѣвъ двумя частными пароходами, вышелъ въ море сопровождаемый Биксіо, Сиртори, Тюрромъ и «тысячью» волонтеровъ, явившихся на его призывъ съ разныхъ концовъ Италіи.

Куда отплывалъ этотъ отрядъ, состоявшій преимущественно изъ итальянской молодежи, оставившей на время свои университетскія занятія и въ первый разъ взявшей въ руки ружье? Этого никто пока не зналъ. Извѣщенные телеграфомъ объ отплытіи Гарибальди, европейскіе дипломаты устремили все вниманіе на Средиземное море, когда, спустя нѣсколько дней, до нихъ дошло извѣстіе, что Гарибальди, миновавъ благополучно неаполитанскихъ крейсеровъ, высадился въ Марсалѣ, небольшомъ приморскомъ городкѣ Сициліи.

---

[1]) Ai Giovani d'Italia parole di Giuseppe Mazzini. (Seconda Edizione). Lugano, 1859 pp. 43—45.

Нѣсколькихъ дней послѣ высадки было довольно для Гарибальди, чтобы овладѣть Сициліею, уже давно готовой къ революціи. За нимъ съ восторгомъ шло мѣстное населеніе и, разбивъ 15 мая королевскія войска при Калатафими, Гарибальди 27 мая вступилъ въ Палермо.

Принявъ диктаторскую власть и учредивъ временное правительство, Гарибальди, несмотря на увѣщанія Виктора-Эммануила, не думалъ ограничиться одною экспедиціею въ Сицилію. У него была другая программа, которую онъ и высказалъ въ Мессинѣ: идти въ Неаполь, потомъ въ Римъ, Венецію и Ниццу.

8-го августа 1860 года, началась переправа первыхъ гарибальдійскихъ отрядовъ, подъ предводительствомъ Миссори, въ Калабрію, а мѣсяцъ спустя Гарибальди, уничтоживъ власть короля обѣихъ Сицилій почти во всей странѣ, съ восторгомъ встрѣчавшей своего освободителя, побѣдоносно вступилъ въ Неаполь. Вслѣдъ затѣмъ въ Неаполь прибылъ и Маццини. Его вліяніе на Гарибальди, съ которымъ онъ уже давно помирился, послѣ временной размолвки, замѣтно проглядывало въ нѣкоторыхъ распоряженіяхъ Гарибальди. Такъ, въ оффиціальныхъ бумагахъ этого времени въ первый разъ является названіе «Соединенные штаты Италіи». Въ этомъ названіи заключается цѣлый планъ, цѣлая система, не имѣющая ничего общаго съ планами и стремленіями Кавура и его преемниковъ.

Но никогда въ дѣйствіяхъ Гарибальди не было ничего враждебнаго Виктору-Эммануилу. Напротивъ того, не только онъ самъ, но и его сподвижники, въ числѣ которыхъ самымъ дѣятельнымъ въ этомъ отношеніи былъ отецъ Гавацци [1], постоянно проповѣдывали союзъ съ королевскимъ Піемонтомъ. И когда, въ виду нерѣшительныхъ дѣйствій піемонтскаго правительства къ Гарибальди являлись депутаціи, предлагавшія ему пожизненную диктатуру, онъ останавливалъ ихъ словами—«Италія и Викторъ-Эммануилъ!»

Конечно, проповѣдуя единство Италіи съ Викторомъ-Эммануиломъ, Гарибальди не вѣрилъ необходимости на долго отложить исполненіе своей программы. Когда же эта необходимость стала очевидною, онъ сложилъ съ себя званіе диктатора и генерала и, печальный, удалился на свою Капреру въ то самое время, когда Викторъ-Эммануилъ вступилъ во владѣніе Неаполитанскимъ королевствомъ. Тогда и Маццини уѣхалъ въ Швей-

---

[1]) Превосходная характеристика этой замѣчательной личности сдѣлана Н. А. Добролюбовымъ въ его статьѣ «Отецъ Александръ Гавацци и его проповѣди.» Соч. Добролюбова, т. IV.

царію и оттуда напоминалъ итальянской молодежи, что еще не все потеряно, что временная остановка не уничтожаетъ надежды на освобожденіе Венеціи и Рима. Вотъ его слова:

«Вблизи, или вдали, генералъ, или не генералъ, Гарибальди все же остается вождемъ итальянскихъ волонтеровъ и, связанный своею клятвою и любовью къ отечеству, онъ отвѣтитъ на ихъ призывъ и поведетъ за собою, если они поймутъ свой долгъ и изберутъ себѣ итальянское поле битвы. Пусть они это сдѣлаютъ скорѣе, потому что въ самомъ дѣлѣ, если люди нашей партіи, которая сильна организаціей и оружіемъ, не разорвутъ мужественнымъ дѣломъ сѣть безчестныхъ изворотовъ, низкихъ уступокъ, опутывающихъ въ настоящее время Италію, то народное дѣло погибло.

«Погибло, и погибло безчестно. Все равно,—что бы ни скрывало отъ итальянцевъ истинную причину удаленія Гарибальди, удаленіе это означаетъ, что итальянская идея пожертвовала идеѣ королевства Сардино-ломбардскаго; оно означаетъ отказъ въ помощи братьевъ братьямъ, окончательное оставленіе Венеціи и Рима, раболѣпное исполненіе всякаго желанія Бонапарта, признаніе передъ Европою, что мы рождены для того, чтобы быть рабами, что всѣ наши возстанія ведутъ только къ перемѣнѣ господина, что мы можемъ сражаться за короля, или ради возвеличенія династіи, но не умѣемъ и не хотимъ сражаться за единство и свободу отечества. И если итальянская молодежь подчиняется подобной программѣ, то пусть она воздвигаетъ памятникъ не павшимъ въ битвѣ, не королю освободителю, или великодушному союзнику, а Ламартину. Онъ одинъ понялъ Италію, сказавъ, что «наша земля — земля мертвыхъ»!

XIV.

Событія 1859 — 1869 годовъ такъ близки къ намъ, что объ нихъ довольно трудно имѣть полное и ясное представленіе. Многое осталось неразгаданнымъ; такъ, не выяснилось еще непосредственное участіе Маццини въ итальянскомъ переворотѣ и вліяніе его на Гарибальди. Но, конечно, не можетъ быть и сомнѣнія въ томъ, что ни одна экспедиція, имѣвшая своею цѣлію присоединеніе Рима къ Италіи, не дѣлалась безъ вѣдома Маццини.

Когда, наконецъ, Италія сдѣлалась свободною и «почти единою», когда въ итальянской палатѣ депутатовъ стали раздаваться голоса, громко требовавшіе освобожденія Венеціи и Рима,—

Маццини, проповѣдывавшій это освобожденіе еще въ то время, когда такая проповѣдь считалась государственнымъ преступленіемъ, — оставался въ изгнаніи. Люди, не принадлежавшіе вовсе къ партіи Маццини, но уважавшіе искренность его убѣжденій, его безкорыстную дѣятельность на пользу Италіи, напрасно заявляли требованіе объ отмѣнѣ тяготѣвшаго надъ Маццини смертнаго приговора и о возвращеніи отечеству человѣка, посвятившаго всю свою жизнь на служеніе одному итальянскому народному дѣлу. Туринскіе государственные люди оставались глухи къ этимъ требованіямъ. Они, неизвѣстно почему, считали себя заклятыми противниками революціи и революціонеровъ, хотя служили правительству, управлявшему 22-мя милліонами итальянцевъ, революціонною силою сплотившихся подъ скипетромъ Виктора-Эммануила.

Но требованія о возвращеніи Маццини съ каждымъ годомъ раздавались все громче и громче, итальянскіе города выбирали его своимъ представителемъ въ палату депутатовъ и, наконецъ, послѣдовала королевская амнистія, дававшая Маццини право возвратиться въ Италію.

Тогда Маццини отказался отъ этого права и остался въ Лондонѣ. Причины этого поступка, а также и свой взглядъ на современное положеніе Италіи и итальянскаго общества онъ изложилъ въ своей статьѣ, напечатанной въ «Westminster Review» подъ заглавіемъ «Религіозная сторона итальянскаго вопроса» [1]). Вотъ что̀ говоритъ въ ней Маццини:

«Въ послѣднее время, друзья мои, въ Англіи, часто спрашиваютъ меня: почему я отказываюсь вернуться въ отечество и присоединить мои труды къ заботамъ правительства, для бо̀льшей пользы Италіи. Амнистія — говорятъ мнѣ — открыла вамъ законный путь къ распространенію вашихъ мнѣній; принявъ званіе народнаго представителя, которое такъ часто вамъ предлагали, вы бы доставили людямъ, управляющимъ государствомъ, поддержку всей республиканской партіи. Бросая на сторону недовольныхъ вѣсъ вашего имени и вліянія, не замедляете ли вы упроченіе политическаго и нравственнаго единства, безъ котораго простой матеріальный союзъ остается безплоднымъ для народа.

«Вопросъ этотъ, предлагаемый людьми, желающими добра моей странѣ, заслуживаетъ серьезнаго отвѣта. Прежде всего позволяю себѣ замѣтить, что съ 1859 года республиканская пар-

---

[1]) West Rw. № LXIII, July, 1867. Скоро послѣ своего появленія эта статья переведена, съ небольшими измѣненіями, въ «Revue Britannique», Octobre, 1867.

тія дѣйствовала именно такъ, какъ мои англійскіе друзья совѣтуютъ ей! Она пожертвовала великой идеѣ итальянскаго единства даже правомъ проповѣдовать свое ученіе, она терпѣливо ожидала исхода испытанія, которое дѣлала королевская власть. Она рѣшилась лучше переносить всѣ злоупотребленія власти, нежели дать ей поводъ не осуществить высказаннаго ею намѣренія начать войну, съ цѣлію возвратить намъ нашу территорію и наши границы; война эта, какъ всякій видѣлъ и зналъ, была для Италіи высшимъ и единственнымъ условіемъ безопасности и чести; если бы она была ведена съ точки зрѣнія дѣйствительно національной, то она возвысила бы духъ народа.

«Для приготовленія ея, королевская власть имѣла пять лѣтъ времени, обширныя денежныя средства, покорный парламентъ и (какъ доказали факты) вся Италія готова была отдать свою кровь и свое имущество.

«Гдѣ-же результаты? Наша монархія, начавшая кампанію съ тремя стами пятьюдесятью тысячами человѣкъ регулярныхъ войскъ, ста тысячами человѣкъ національной гвардіи и тридцатью тысячами волонтеровъ Гарибальди, имѣя цѣлую націю въ резервѣ, вдругъ останавливаетъ свои дѣйствія послѣ плачевныхъ неудачъ Кустоццы и Лиссы по одному сигналу Франціи; она постыдно оставляетъ нашу настоящую границу и принимаетъ Венецію какъ милостыню, презрительно брошенную намъ героемъ второго декабря.

«Мнѣ скажутъ, что если народъ покорно подчиняется безчестію, наносимому ему самому, его арміи, его волонтерамъ, то онъ заслуживаетъ его.

«Я не буду возражать; но масса, по своей природѣ, привыкла смотрѣть выше себя и направлять свои дѣйствія по примѣру власти и правительства. Если итальянскій народъ не имѣетъ сознанія своего высокаго назначенія, ни понятія о своей истинной силѣ и призваніи, если въ то самое время, какъ 24 милліона итальянцевъ сгруппированы, не смѣю сказать въ силу унитарнаго понятія, но просто въ силу факта, великая душа Италіи все еще лежитъ скованная въ могилѣ, вырытой для нея три вѣка назадъ папствомъ и имперіей, — то причина этого, утверждаю, кроется въ безнравственности и испорченности нашихъ правителей.

«Истинную жизнь народа слѣдуетъ искать въ преобладающей идеѣ или понятіи, посредствомъ котораго имъ управляютъ и руководятъ.

«Настоящая жизнь націи требуетъ сознанія общей цѣли и

братскаго сосредоточенія всѣхъ жизненныхъ силъ страны для содѣйствія къ осуществленію этой цѣли.

«Эта національная цѣль указывается традиціями прошлаго и провозглашается настоящимъ сознаніемъ народа. Разъ опредѣленная, она дѣлается основою верховной власти и критеріумомъ, примѣнимымъ къ поступкамъ гражданъ.

«Нравственный законъ не терпитъ компромисса. Только религіей долга нація связана съ человѣчествомъ; только тутъ она почерпаетъ источникъ своего права, получаетъ свое мѣсто и свое значеніе для человѣчества.

«Таковы существенныя черты того, что мы, въ настоящее время, называемъ націей. Внѣ этого остается только союзъ семействъ, временно связанныхъ для лучшей защиты противъ золъ жизни, семействъ, соединенныхъ, худо-ли, хорошо-ли, старыми привычками и старыми интересами, приводящими, рано или поздно, къ многочисленнымъ столкновеніямъ.

«По недостатку великой идеи, сдерживающей эгоистическіе разсчеты, всякій умственный или экономическій прогрессъ, вмѣсто того, чтобы одинаково проникать ко всѣмъ членамъ національной семьи, ведетъ, постепенно, къ образованію ученыхъ и финансистовъ, но не доставляетъ націи ни признанной роли, ни мѣста, ни достоинства, ни славы въ глазахъ другихъ народовъ.

«Замѣчанія эти, справедливыя для всѣхъ народовъ, тѣмъ болѣе справедливы въ отношеніи народа, выходящаго изъ продолжительной каталепсіи.

«Всѣ другіе слѣдятъ за каждымъ его шагомъ. Если онъ поднимаетъ знамя высокаго призванія, если его первые шаги освящены крещеніемъ великаго принципа, другія націи дѣлаютъ ему дружественный пріемъ, надѣются на него, готовы слѣдовать по пути, указанному ему Богомъ. Если, напротивъ, они не открываютъ у него никакихъ признаковъ высшей нравственной идеи, никакого плодотворнаго будущаго, они научаются презирать его, смотрѣть на его территорію, какъ на новое поле, открытое политическому грабежу, прямому или косвенному покоренію.

«Признаки высокаго призванія нигдѣ не выступаютъ такъ ярко и сильно, какъ въ Италіи. Одни мы, изъ древнихъ, мертвыхъ націй, воскресли два раза и въ два пріема придали новую жизнь Европѣ. Врожденное итальянскому духу стремленіе — всегда приводить въ гармонію слово и дѣло, подтверждаетъ это откровеніе исторіи и довершаетъ доказательство того, что роль Италіи заключается въ дѣлѣ нравственнаго обновленія, которое есть послѣдняя черта цивилизаціи.

«Италія есть религія.

«Обращая вниманіе на непосредственную національную цѣль и неизбѣжныя послѣдствія полнаго установленія Италіи въ націю, мы видимъ, что ни одному народу въ Европѣ не предстоитъ болѣе высокой дѣятельности для приготовленія и приспособленія человѣчества къ одному изъ тѣхъ переворотовъ, къ которымъ Провидѣніе направляетъ насъ отъ времени до времени. Само собою наше единство положитъ въ мірѣ начало могущественной иниціативѣ.

«Голый фактъ нашего существованія въ формѣ націи даетъ начало важному преобразованію во внутренней и внѣшней жизни Европы.

«Когда мы возвратимъ себѣ Римъ, то это будетъ для того, чтобы разрушить папство и провозгласить, ко благу всего человѣчества, свободу совѣсти, которую реформація 16-го вѣка пріобрѣла только для одной части Европы.

«Великія идеи образуютъ великіе народы и одного чувства изумительной силы, нераздѣльной съ существованіемъ нашей Италіи какъ націи, достаточно для того, чтобы сдѣлать насъ великими. Сознаюсь, и Богъ видитъ съ какою горечью, что этого чувства у насъ нѣтъ.

«Теперь одно слово объ амнистіи.

«Если бы я расположенъ былъ повиноваться личнымъ соображеніямъ, когда дѣло идетъ о спасеніи моего отечества, я могъ бы отвѣчать, что изъ всѣхъ знающихъ меня людей не найдется никого, кто посовѣтовалъ бы мнѣ отказаться отъ моего прошлаго и запятнать немногіе годы остающейся мнѣ жизни, принятіемъ предложенія *простить* мнѣ то, что̀ я болѣе всего на свѣтѣ любилъ — Италію, что я боролся за итальянское единство въ то время, когда, въ мнѣніи всѣхъ, оно было химерой.

«Всего менѣе я думаю оправдываться и послѣдствія покажутъ, что принесеніе въ жертву моего личнаго достоинства было бы безполезно.

«Въ моихъ прошедшихъ, настоящихъ и будущихъ трудахъ для дѣла нравственнаго и политическаго возрожденія моей страны, я руководился, руковожусь и буду руководиться религіозною идеей.

«Въ прошедшемъ, настоящемъ и будущемъ, правители наши заблуждались, заблуждаются и будутъ заблуждаться матеріализмомъ.

«Религіозный вопросъ воплощаетъ въ себѣ всѣ другіе и преобладаетъ надъ ними. Политическіе вопросы по необходимости второстепенны и побочны.

«Люди, серьезно вѣрующіе въ превосходство нравственнаго закона, какъ единственнаго чистаго источника всякой власти, которые вѣруютъ въ религію долга, такіе люди, каково-бы ни было ихъ личное самоотверженіе, не могутъ дѣйствовать за одно съ правительствомъ, основаннымъ на обожаніи временныхъ и матеріальныхъ интересовъ.

«У нашихъ правителей нѣтъ великой идеи, руководящей ихъ дѣйствіями; нѣтъ вѣрованія въ превосходство нравственнаго закона; нѣтъ истинной идеи о жизни и единствѣ человѣческаго рода; нѣтъ никакого сознанія о цѣли, указанной Богомъ, которую человѣчество должно достигнуть трудомъ и жертвами. Они — матеріалисты, и, какъ логическое послѣдствіе отсутствія всякой вѣры въ Бога и Его законъ, они замѣняютъ понятіе долга понятіемъ выгоды, смѣлое утвержденіе истины смутнымъ понятіемъ о знаніи.

«Вотъ почему они протестуютъ противъ несправедливости, не смѣя бороться съ нею; вотъ почему они оставили большую дорогу и пошли по извилистымъ тропинкамъ, обольщенные тщеславнымъ желаніемъ разыгрывать роль государственныхъ людей; они забыли, что наши государственные люди и привели насъ къ рабству. Вотъ почему наше правительство унизило Италію до положенія французской префектуры; вотъ почему наша парламентская оппозиція перенимаетъ печальныя заблужденія «лѣвой стороны» французскихъ палатъ временъ реставраціи.

«Факты эти, повторяю, суть слѣдствія, а не причины. Мы можемъ перемѣнять личности, стоящія во главѣ управленія, они всегда будутъ руководствоваться тою же пагубною и ложною идеею, такъ какъ самая система основана на ложномъ принципѣ. Они неспособны направить по честному пути обновленную жизнь итальянскаго народа, вырвать его изъ глубокой и старой безнравственности.

«Теперь, такъ какъ нельзя служить Богу и Мамонѣ въ одно и то же время, то обязанность демократической партіи въ Италіи состоитъ въ заботѣ о народномъ воспитаніи; а такъ какъ основа всякаго воспитанія есть истина, то надо стараться доказать, что безсиліе и политическая испорченность Италіи происходятъ отъ двухъ причинъ, которыя можно привести къ одной:

«У насъ нѣтъ религіи, а на мѣсто ея мы поставили отрицаніе.

«Съ одной стороны, какъ форма и подобіе религіи, у насъ есть папство.

«Я помню, что тридцать лѣтъ назадъ, когда еще никто не смѣлъ открыто приступать къ этому вопросу, когда самые смѣлые ограничивались тѣмъ, что потихоньку говорили о необходимости преобразовать церковную дисциплину, когда писатели, съ претензіями на философію, какъ Джоберти, думали выказать знаніе, лаская утопію итальянской гегемоніи, основанной на какомъ-то невозможномъ возрожденіи католицизма, — еще въ то время я писалъ, что папство и католицизмъ — два свѣтильника, потухшіе по недостатку масла.

«Я разумѣлъ догматъ, дававшій имъ жизнь.

«Время подтвердило мое сужденіе. Въ настоящую минуту папство — трупъ, который ничто не можетъ гальванизировать, — неодушевленная маска религіи.

«Это происходитъ не потому, что кардиналы, епископы и монахи три вѣка торговали индульгенціями; не потому, что тотъ или другой папа, подлыми уступками и семейными связями, старались пріобрѣсти клочекъ территоріи или крупицу свѣтской власти; не потому, что папы часто управляли по своему капризу. Это происходитъ отъ того, что если бы они и хотѣли, то не могли бы дѣйствовать иначе.

«Это зло и ошибки не суть причины, но послѣдствія. Если допустить даже невозможную гипотезу обращенія порочныхъ людей, пусть янсенисты или другіе реформаторы призовутъ, окруженныхъ дурными совѣтчиками, папъ къ милосердію и смиренію первыхъ вѣковъ, — они только помогутъ папству умереть болѣе достойнымъ образомъ, но никогда не возвратятъ ему его прежнюю роль—руководителя совѣсти народовъ.

«Призваніе папства (такое великое и священное, что бы ни говорили теперь фанатики возмущенія, извращая исторію, и клевеща, въ прошедшемъ, на сердце и духъ человѣчества) исполнилось шесть вѣковъ тому назадъ; ни могущество генія, ни чудеса воли не воскресятъ его. Оно лишено всякаго вдохновляющаго вліянія на цивилизацію; оно сдѣлалось безсильнымъ отрицаніемъ всякаго движенія, всякой свободы, всякаго развитія въ наукѣ и жизни; оно не обладаетъ ни чувствомъ долга, ни способностью самопожертвованія, ни вѣрою въ свою судьбу; оно поддерживается чужестранными штыками и дрожитъ передъ лицомъ народовъ, оставленное человѣчествомъ, ищущимъ въ другомъ мѣстѣ путей прогресса.

«Въ наше время папство утратило всякую нравственную основу, свою цѣль, санкцію, свой источникъ силы.

«Вотъ почему папство при послѣднемъ издыханіи. Провозглашать это безъ лицемѣрныхъ колебаній, безъ притворнаго уваженія къ тому, на что мы нападаемъ, не затягивая вопроса вмѣсто того, чтобъ разрѣшить его — есть долгъ каждаго. Будущее не можетъ быть открыто во всей своей полнотѣ до тѣхъ поръ, пока прошедшее не погребено какъ слѣдуетъ, и медля изъ слабости, мы рискуемъ ввести антоновъ огонь въ рану.

«Порвавъ всѣ связи съ небомъ, безполезное на землѣ, готовящейся привѣтствовать зарю новаго догмата, папство, когда-то полезное и святое, не имѣетъ болѣе причинъ для своего существованія.

«Когда-то полезное и святое», — это говорю я; ибо безъ единства нравственной жизни, въ которомъ насъ папство поддерживало болѣе восьми вѣковъ, мы бы не были теперь готовы осуществить будущее единство; безъ догмата равенства людей на небѣ, мы бы никогда не могли провозгласить равенство людей на землѣ.

«Поэтому, долгъ всякаго, принимающаго къ сердцу торжество истины, — вести войну съ самимъ папствомъ, а не только съ его свѣтской властью, потому, что невозможно было бы отказать въ этой власти представителю Бога на землѣ. Мы должны доказать, что догматы, основа учрежденія, сдѣлались недостаточными, что они не отвѣчаютъ болѣе нравственнымъ нуждамъ, стремленіямъ, рождающейся вѣрѣ человѣчества.

«Тѣ, которые, въ наше время, нападаютъ на владѣтеля Рима, ставя своею профессіею уважать папу и быть искренними католиками, тѣ впадаютъ или въ очевидное противорѣчіе, или въ лицемѣріе.

«Думающіе разрѣшить задачу учрежденіемъ свободной церкви въ свободномъ государствѣ, находятся подъ вліяніемъ достойной сожалѣнія трусости или лишены всякаго нравственнаго убѣжденія.

«Отдѣленіе церкви отъ государства имѣетъ хорошую сторону, какъ оружіе для обороны противъ церкви, недостойной болѣе своего имени. До тѣхъ поръ, пока она будетъ отдѣлена отъ государства, церковь всегда будетъ стремиться къ тому, чтобы возвратить себѣ преобладаніе надъ нимъ въ интересахъ стараго догмата. Если государство освободится отъ вѣры отрицательною политикою, какъ напримѣръ посредствомъ атеистическаго и равнодушнаго парламента, оно станетъ добычею анархической доктрины, владычества личности и поклоненія выгодамъ; оно впадаетъ въ эгоизмъ, въ обожаніе совершившагося

факта, и отсюда, по неизбѣжному пути — въ деспотизмъ, единственное лекарство для золъ анархіи.

«Если мы захотимъ видѣть примѣръ этого у современныхъ намъ народовъ, то намъ стоитъ только взглянуть по другую сторону Альповъ.

«Съ другой стороны противоположенъ папству, но служитъ одинаково источникомъ испорченности, — матеріализмъ.

«Матеріализмъ явленіе старое, весьма извѣстное въ исторіи и нераздѣльное отъ смерти религіознаго догмата, — это философія всѣхъ умирающихъ эпохъ и всѣхъ близкихъ къ упадку народовъ. Это реакція поверхностныхъ умовъ, которые, будучи неспособны возвыситься до широкаго и полнаго взгляда на жизнь человѣчества, неспособные усвоить себѣ, по преданію, существенныя черты ея, отвергаютъ религіозный идеалъ въ цѣломъ, вмѣсто того, чтобы просто констатировать смерть одного воплощенія этого идеала.

«Лютеръ сравнивалъ человѣческій умъ съ пьянымъ мужикомъ, падающимъ то на одну, то на другую сторону лошади; въ примѣненіи къ временамъ переходнымъ, каково наше, — сравненіе это покажется чрезвычайно вѣрнымъ. Итальянская молодежь, грубо освобожденная отъ трехвѣкового рабскаго воспитанія, упоенная своею свободою, стоитъ лицомъ къ лицу съ церковью, болѣе не вѣрющею даже въ себя. Эта молодежь видитъ, что существующій догматъ въ очевидномъ противорѣчіи съ преобладающей идеей, управляющею всѣми стремленіями нашей эпохи; что догматическое понятіе о божествѣ ниже того, что̀ намъ открываетъ наука, человѣческое сознаніе, философія и болѣе высокое понятіе о жизни, извлеченное изъ изученія исторіи человѣчества. Увѣренная, что она установляетъ свою нравственную свободу на непоколебимомъ и вѣчномъ основаніи, эта молодежь отвергаетъ, въ цѣломъ, всякую идею о церкви, догматѣ и Богѣ.

«Говоря философски, эти необдуманныя преувеличенія, исходя отъ людей, поднимающихъ знамя разрушенія, не угрожаютъ никакою серьезною опасностію человѣческому прогрессу. Обыденное повтореніе того, что́ всегда бываетъ на закатѣ и при смерти всѣхъ догматовъ, эти заблужденія пройдутъ рано или поздно, какъ они всегда проходили. Настанетъ день, когда наша молодежь замѣтитъ, что она не выказала много здраваго смысла, отвергая, кромѣ догматовъ, существованіе Бога и религіозную жизнь человѣчества. Она скажетъ себѣ, что ея предки, отверг-

нувъ и разбивъ феодальную систему, могли бы на тѣхъ же основаніяхъ отбросить и всякую форму соціальной организаціи или объявить искусство навсегда исчезнувшимъ во время переходнаго періода, когда греческая форма перестала отвѣчать стремленіямъ, посредствомъ которыхъ человѣческій духъ прокладывалъ пути средневѣковымъ соборамъ и школѣ христіанскаго искусства.

«Искусство, общество, религія, все это неразлучно съ человѣческою жизнью, прогрессивно и вѣчно какъ жизнь. Каждая эпоха человѣчества всегда имѣла и всегда будетъ имѣть свое особенное соціальное, артистическое и религіозное выраженіе. Во всякую эпоху человѣкъ будетъ спрашивать у преданія и у сознанія, — откуда онъ происходитъ и куда онъ идетъ, какими путями онъ можетъ достичь цѣли; онъ всегда будетъ стараться разрѣшить задачу, возбуждаемую присутствіемъ въ немъ идеи о безконечномъ и идеалѣ, достигнуть котораго невозможно въ конечныхъ условіяхъ его земнаго существованія. Отъ времени до времени онъ будетъ ставить новые вопросы по мѣрѣ того, какъ горизонтъ преданія расширяется прогрессомъ и сознаніе человѣка просвѣтляется; но, конечно, это рѣшеніе никогда не будетъ голымъ и сухимъ отрицаніемъ.

«Пусть матеріалисты отвергаютъ уроки исторіи, пусть они заключаютъ себя въ механизмъ аналитическаго наблюденія, пусть они замѣняютъ біологію и психологію ихъ скудною и сухою физіологіею; не будучи въ состояніи, посредствомъ такого несовершеннаго метода, понять законы и первыя причины вещей, они сердятся какъ дѣти, отрицаютъ существованіе этихъ законовъ и объявляютъ, что все человѣчество ошибалось и было ослѣплено до нихъ. Еслибы Италія была уже націею хотя бы только полвѣка, я бы не видѣлъ въ ихъ ученіяхъ и тѣни дѣйствительной опасности. Человѣчество не сойдетъ для нихъ съ своего пути. Въ нашъ вѣкъ, когда открытія всѣхъ великихъ мыслителей подтверждаютъ существованіе разумнаго и предуставленнаго закона единства и прогресса, проповѣдь матеріализма подъ именемъ науки со стороны людей, перелиставшихъ брошюру Фогта или присутствовавшихъ на лекціи Молешотта, — болѣе смѣшитъ, нежели сердитъ.

«Но Италія еще не образовавшаяся нація. Это нація еще образующаяся. Настоящая минута важна и знаменательна. Подобно первымъ примѣрамъ, приводимымъ дѣтямъ, первые уроки, преподаваемые народу, прошедшее котораго полно заблужденій и испорченности, который еще колеблется въ выборѣ своего будущаго, могутъ имѣть самыя важныя послѣдствія. Еслибы ученіе федерализма проповѣдывать во Франціи теперь, то оно было

бы безобидною утопіей, но въ первые годы революціи оно чуть не погубило страну. Оно открывало путь чужеземному оружію, оно вынудило «Гору» на кровавыя и ужасныя репрессивныя мѣры. Таковы для насъ печальныя ученія, о которыхъ я говорю.

«Судьба предлагаетъ намъ великое и святое призваніе, которое можетъ быть замедлено на полвѣка, если мы не съумѣемъ выполнить его теперь. Всякое промедленіе, всякая ошибка можетъ быть пагубною и народъ, который долженъ служить намъ помощникомъ, остается безъ образованія, готовый слушать всѣ заблужденія, лишь бы ему говорили о войнѣ съ прошлымъ, готовый, по привычкѣ долгаго рабства, впадать въ эгоизмъ.

«Тенденція матеріалистическаго ученія заключается въ приведеніи массъ къ эгоизму путемъ личныхъ выгодъ. Поэтому я пугаюсь, когда слышу, что у насъ эти ученія проповѣдуются многочисленною молодежью, столько же великодушною, сколько и вѣтренною; я умоляю ее, во имя всего для нея священнаго, глубоко обдумать нравственныя послѣдствія ихъ, и особенно изучить ихъ дѣйствіе на примѣрѣ сосѣдней націи, въ послѣднее столѣтіе доведшей отрицаніе до крайности, а теперь погруженной въ матеріальные интересы.

«Всякое заблужденіе есть преступленіе со стороны тѣхъ, кто долженъ бодрствовать у колыбели націи.

«Нужно выбрать одно изъ двухъ: или идею Бога, нравственнаго закона, исходящаго изъ него человѣческаго долга, свободно-принятаго человѣческимъ родомъ, какъ практическое послѣдствіе этого закона,—или идею силы вещей, управляющую всѣмъ; и какъ практическое слѣдствіе,—поклоненіе силѣ индивидуальной или успѣху, всемогуществу факта.

«Эта дилемма не имѣетъ исхода.

«Нужно или допустить господство цѣли, предписанной совѣстью, которой содѣйствовать должны всѣ люди, составляющіе націю, и преслѣдованіе которой составляетъ *національность* народа въ средѣ множества народовъ, составляющихъ человѣчество, цѣль всѣми признанную за высшую и, слѣдовательно, религіозную; или нужно допустить для всякой націи господство *права*, опредѣляемаго, и какъ практическое послѣдствіе, — преслѣдованіе каждою личностью своего личнаго интереса, удовлетвореніе своихъ собственныхъ желаній, своего собственнаго благосостоянія;—ничтожество высшаго долга, которому бы всѣ граждане, отъ правителей до послѣдняго изъ управляемыхъ, обязаны были повиноваться и приносить себя въ жертву.

«Какое изъ этихъ ученій будетъ болѣе дѣйствительнымъ для того, чтобы привести нашу страну къ великимъ дѣламъ?

«Ученые, умные люди, люди добродѣтельные охотно допускаютъ, что благосостояніе отдѣльной личности должно совпадать, даже цѣною нѣкоторыхъ пожертвованій, съ общимъ благосостояніемъ; но не будемъ забывать, что подъ своимъ благосостояніемъ, толпа всегда будетъ понимать матеріальныя наслажденія; что она отброситъ, какъ ненужный грузъ, всякую идею о пожертвованіи, что она захочетъ быть счастливою по своему, даже въ ущербъ другимъ.

«Она будетъ искать своего счастія одинъ день въ свободѣ, другой—въ обманчивыхъ обѣщаніяхъ деспота; но неизбѣжный практическій результатъ этого ученія о правѣ на счастіе, будетъ погоня за грубымъ удовлетвореніемъ индивидуальнаго эгоизма.

«Странное противорѣчіе! Люди, которые должны противодѣйствовать практическому эгоизму, привитому итальянцамъ тираннiей, которые должны вдохновлять ихъ священной преданностью отечеству, образовать изъ нихъ великую, передовую націю, — эти люди, какъ первую умственную пищу, подносятъ народу, возрождающемуся къ новой жизни, сильному только добрыми инстинктами и простотою ума, — теорію, конечныя послѣдствія которой направлены къ упроченію эгоизма на основаніи права.

«Эти люди хотятъ, чтобы народъ достойно несъ тяжесть великихъ традицій прошлаго, когда съ одного конца страны до другого, папы, принцы, военные начальники, ученые, попирали дерзко ногами свободу, или измѣняли ей съ подлымъ равнодушіемъ. И они проповѣдуютъ ему ученіе, отнимающее у него всякую вѣру въ прогрессъ, всякую охоту содѣйствовать ему, жертвуя собою изъ благороднаго стремленія. Они отнимаютъ у него вѣру, позволяющую разсчитывать на побѣду и дѣлающую пораженіе плодотворнымъ для торжества. Тѣ же самые люди, которые предписываютъ народу долгъ проливать свою кровь за идею, начинаютъ съ того, что говорятъ ему: «Не надѣйтесь ни на какую будущую жизнь. Вѣра въ безсмертіе, этотъ прекрасный урокъ, переданный вамъ древнимъ человѣчествомъ,—ложь. Порывъ вѣтра, малѣйшій недостатокъ равновѣсія въ животныхъ отправленіяхъ, уничтожаетъ васъ безвозвратно. Вы даже не можете быть увѣрены, что результаты вашихъ трудовъ будутъ долговѣчны. Нѣтъ законовъ Провидѣнію, поэтому не существуетъ никакой возможной теоріи будущаго. То, что вы строите сегодня, завтра можетъ быть опрокинуто неожиданнымъ событіемъ, слѣпою силою, случайнымъ обстоятельствомъ.

«Для того, чтобы ободрить своихъ братьевъ и возбудить ихъ духъ, они учатъ ихъ, что они ничто иное, какъ прахъ; что

мысль какого-нибудь Кеплера или Данта есть пыль или, скорѣе, фосфоръ; что геній Прометея никогда не похищалъ у неба божественную искру; что нравственный законъ, свободная воля, достоинство, усовершенствованіе себя суть не болѣе, какъ иллюзіи; что нами управляютъ событія, слѣдующія одно за другимъ, что они — наши властелины неумолимые, безотвѣтные, въ отношеніи которыхъ человѣческая воля безсильна.

«И они не видятъ, что дѣйствуя такъ, они упрочиваютъ рабскую покорность совершившемуся факту, доктрину приспособленія къ обстоятельствамъ, выродившійся макіавелизмъ, поклоненіе интересамъ минуты, равнодушіе ко всѣмъ великимъ идеямъ, однимъ словомъ все то, что̀ выступаетъ въ настоящее время въ нашей странѣ, гдѣ высшіе классы измѣняютъ своему національному долгу, гдѣ массы погружены въ тупую покорность»....

Эти страницы можно назвать почти послѣдними страницами въ жизни Маццини и по времени, когда онѣ были написаны и по законченности изображенія тѣхъ идей, которыя лежали въ основаніи всей его дѣятельности. Впрочемъ, онъ самъ сознавалъ, что осуществленія своихъ стремленій онъ не можетъ ожидать отъ современниковъ, но вѣра въ лучшее будущее препятствовала Маццини колебаться и отступать. Позже, вспоминая объ «Юной Италіи», задуманной имъ во время его заключенія въ Савоннѣ, онъ писалъ: «объ этомъ я мечталъ при вечернемъ допросѣ Антоніетти, въ моей тюрьмѣ въ Савоннѣ, и слушая наставленія коменданта Фонтана. То же я думаю и теперь, сидя въ комнаткѣ не болѣе обширной, чѣмъ моя прежняя тюрьма. Эти мысли стоили мнѣ названія утописта и сумасшедшаго, оскорбленій и разочарованій, которыя часто заставляли меня жалѣть о моей тюрьмѣ въ Савоннѣ, между небомъ и землею, далеко отъ общества людей. Будущее покажетъ, — прозрѣвалъ ли я, или бредилъ. Господство безнравственныхъ матеріалистовъ, превозносимыхъ невѣжественною и испорченною толпою, противорѣчитъ, повидимому, моимъ надеждамъ. Но то, что̀ есть смерть для другихъ народовъ,—сонъ для Италіи».

В. И.

ДЕКАБРЬСКІЙ ПЕРЕВОРОТЪ

ВО

ФРАНЦІИ.

E. Tenot.—Paris en Décembre 1851. Étude historique sur le Coup d'État. 1868.—*E. Tenot.*—La Province en Décembre 1851. Étude historique. 1865, 1868. *Le Coup d'État* du 2 Décembre 1851, par les Auteurs du Dictionnaire de la Révolution française. Décembre-Alonier. 1868.—*Ch. Dunoyer.*—Le Second Empire et une nouvelle Restauration. 2 vols. *Londres.* 1864.—*Al. Kinglake.*—L'Invasion de la Crimée. trad. par T. Karcher. t. 1. Bruxelles. 1864.—*L. Véron.*—Mémoires d'un Bourgeois de Paris. T. 6-me. Paris. 1855. *Granier de Cassagnac.*—Récit complet et authentique des événements de Decembre 1851. Paris. 1851.—*L. Blanc.*—Révélations historiques. 2 vols. Bruxelles. 1859.—*J. P. Proudhon.*—Mélanges. Articles de journaux (1848—1852). t. XVII. Paris. 1868.—*A. Vermorel.*—Les hommes de 1848. Paris 1869.—*T. Delord.*—Histoire du second Empire. Paris 1869. T. 1-er.—Histoire de conseils de guerres de 1852 etc. Paris 1869. Décembre-Alonier.

VII *).

Въ исторіи «декабрьскаго переворота» насъ должна интересовать не сценическая его сторона, которую притомъ изложилъ столь превосходно Тенó, но именно сложныя причины, обусловившія возможность переворота и тѣ болѣзненные симптомы, которые ему предшествовали. Обстоятельное изслѣдованіе этихъ причинъ и указаніе симптомовъ важно не только для настоящаго, но и для будущаго Франціи, и вмѣстѣ съ нею и всей Европы. Политическія грозы, періодически собирающіяся на горизонтѣ Франціи и снова быть можетъ готовыя разразиться въ скоромъ

*) См. выше, мартъ, 352 стр. и слѣд.

времени; новыя событія, могущія сложиться болѣе или менѣе неожиданно во Франціи и измѣнить въ ней существующіе порядки—не застанутъ насъ въ расплохъ, если мы заранѣе ознакомимся съ тѣми партіями и съ тѣми личностями партій, которыя, къ ущербу народнаго блага, имѣютъ обыкновеніе во Франціи долго оставаться на политической сценѣ и разыгрывать ту или другую вліятельную роль.

Всякій, кто внимательно слѣдитъ за текущею политикою Франціи, знаетъ, что въ ней являются, какъ на парламентской, такъ и на публицистической аренѣ, за немногими исключеніями, все еще тѣ же личности старыхъ временъ и прошлыхъ режимовъ; и очень вѣроятно предположить, что тѣ же самыя личности захотятъ опять играть передовую роль спасителей и верховныхъ правителей страны. Въ такъ-называемомъ высшемъ и среднемъ французскомъ обществѣ не оказывается новыхъ производительныхъ силъ, и руководство всѣми государственными интересами остается въ рукахъ старыхъ вожаковъ и ихъ старыхъ сподручниковъ,—только съ небольшими видоизмѣненіями, вызываемыми временемъ и сводящимися въ бо́льшей части случаевъ на видоизмѣненія въ условной реторикѣ. Ясно, съ одной стороны, что вторая имперія не даетъ простора развиваться молодымъ новымъ антагонистамъ своимъ; съ другой стороны подобное явленіе объясняется тѣмъ, что вожаки и приверженцы старыхъ партій нисколько не стѣсняются строгой вѣрностью какимъ либо опредѣленнымъ началамъ, которая заставляла бы ихъ держаться,—съ достоинствомъ побѣжденныхъ, но не покорившихся, и не признающихъ законнаго авторитета врага, — въ сторонѣ отъ оффиціальныхъ сферъ и учрежденій, установленныхъ враждебнымъ режимомъ. Наоборотъ, приверженцы старыхъ партій очень удобно устроиваются съ каждымъ новымъ режимомъ и каждому изъ нихъ клянутся въ вѣрности и преданности; и конечно странно покажется свѣжему человѣку, что легитимисты, какъ покойный Беррье и К°, явные орлеанисты, какъ Тьеръ и К°; тайные, т. е. прикрывающіеся республиканизмомъ орлеанисты, какъ Ж. Симонъ и К°, и наконецъ политическіе дѣятели, называющіе себя республиканцами, какъ Жюль Фавръ, Пельтанъ и проч., всѣ они приносятъ присягу вѣрности Наполеону III, котораго считаютъ вѣроломнымъ узурпаторомъ! — Конечно, это не менѣе странно чѣмъ когда, почти на другой же день февральской революціи, главные виновники народнаго негодованія—Гизо и Дюшатель—являются предъ французскимъ народомъ, которому они отказывали въ какомъ бы то ни было правѣ на участіе въ полити-

ческихъ судьбахъ, Франціи, — кандидатами въ національное собраніе!

Очевидно, здѣсь должно имѣть мѣсто одно изъ трехъ предположеній: или всѣ эти люди подчиняются новому режиму съ предварительнымъ намѣреніемъ измѣнить ему при первомъ удобномъ случаѣ; или между всѣми мѣняющимися режимами въ сущности лежитъ такая однородность и такое сходство, что одни и тѣ же люди могутъ служить всѣмъ имъ, нисколько не измѣняя своимъ убѣжденіямъ; или же, наконецъ, у этихъ людей вовсе нѣтъ никакихъ убѣжденій и они спѣшатъ на службу къ каждому режиму единственно изъ-за своихъ личныхъ корыстныхъ интересовъ. Мы, къ сожалѣнію, должны разрѣшить эти предположенія однимъ простымъ отвѣтомъ: они всѣ три имѣютъ одинаковую основательность, потому что къ людямъ старыхъ партій примѣнимы, въ большей или меньшей степени, или всѣ эти три объясненія вмѣстѣ, или одно изъ нихъ порознь. Таково общее поведеніе старыхъ партій, въ которомъ наглядно выражается плохо скрываемая политическая вѣра ихъ (profession de foi). Слѣдуетъ только соблюсти при этомъ исключеніе для немногихъ личностей, для тѣхъ, которыя не подходятъ подъ указанныя рубрики и остаются въ сторонѣ добросовѣстными, но невѣжественными, ничего не понимающими зрителями совершающихся перемѣнъ въ общественномъ строѣ.

Такимъ взглядомъ на личности старыхъ партій, на ихъ притязательное положеніе относительно возможныхъ случайностей въ будущемъ, руководился одинъ изъ молодыхъ французскихъ писателей — Верморель, въ своемъ недавно появившемся сочиненіи «О людяхъ 1848 года». Оно состоитъ изъ политическихъ біографій 14-ти лицъ, игравшихъ наиболѣе значительныя роли въ революціи 1848 г.; но эти біографіи составлены столь искусно и столь полно, что по нимъ легко прослѣдить всѣ интриги парламентской тактики и всѣ тайныя причины инсуррекціонныхъ кризисовъ февральской революціи. Это не исторія, но это одинъ изъ очень полезныхъ справочныхъ источниковъ для исторіи революціи, полное чтеніе котораго даетъ возможность самому читателю сгруппировать въ своей головѣ послѣдовательный рядъ очень поучительныхъ фактовъ для сужденія о «революціонерахъ» и о «республиканцахъ» 1848-го года. Появленіе книги, очевидно, вызвано всей публицистической и политической агитаціей, пробужденной сочиненіемъ Тено; очевидно, авторъ захотѣлъ внести въ общественное сужденіе, столь шумно поднятое о событіяхъ декабрьскаго переворота, — свой болѣе радикальный, нежели у Тено, взглядъ на дѣятелей всѣхъ партій той эпохи, и вмѣстѣ

съ тѣмъ заставить общество болѣе сосредоточить свое вниманіе на періодѣ предшествовавшемъ перевороту, для того, чтобъ въ томъ періодѣ искать логическихъ причинъ 2-го декабря. Сочиненіе это составляетъ длинное обстоятельное введеніе къ другому сочиненію о періодѣ президентства, которое Верморель обѣщаетъ выпустить въ скоромъ времени.

Но для того, чтобъ не впасть иногда въ ошибку при сужденіяхъ автора о разныхъ личностяхъ, надо помнить положеніе самого Верморели во французской прессѣ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ онъ снискалъ себѣ извѣстность, смѣло выступивъ вмѣстѣ съ Кл. Дювернуа въ бывшемъ журналѣ Жирардена «la Presse». Отдѣлившись потомъ отъ Жирардена, онъ сдѣлался главнымъ редакторомъ журнала «le Courrier français», ставшаго органомъ прудоновскихъ воззрѣній. Относительно внутренней политики страны Верморель послѣдовалъ за Прудономъ въ его разоблачающей критикѣ «лжедемократовъ», и «Courrier français», два года тому назадъ, также строго преслѣдовалъ оппозиціонныхъ депутатовъ за ихъ непослѣдовательность, противорѣчія и за суетное, болѣе реторическое и даже пагубное, чѣмъ дѣятельное и полезное служеніе народу,—какъ то дѣлалъ и Прудонъ, къ общему скандалу, въ своемъ памфлетѣ «Les démocrates assermentés» и въ своемъ посмертномъ сочиненіи «О политической способности рабочихъ классовъ.» Если оппозиціонная пресса, бросая въ лицо Прудону обвиненія въ служеніи папству и бонапартизму, никогда однако не отваживалась подозрѣвать его въ продажности, то эта же пресса, отчасти журнальными намеками, отчасти въ своихъ интимныхъ парижскихъ кружкахъ отнеслась къ поведенію послѣдователя Прудона, Верморели, съ гораздо бóльшею нетерпимостью и поставила его въ положеніе весьма двусмысленное: несмотря на нѣсколько мѣсяцевъ тюрьмы, къ которой онъ былъ присужденъ за статьи въ «Courrier français» противъ правительства, онъ и до сихъ поръ не избавился отъ прямого подозрѣнія въ тайныхъ сношеніяхъ съ Руэромъ или съ другими правительственными лицами. Озлобленный подобнымъ подозрѣніемъ, Верморель, въ вышедшей книгѣ, отбросилъ всякія церемоніи и нисколько не стѣсняется въ самыхъ крайнихъ и рѣзкихъ приговорахъ людямъ, которые, по его мнѣнію, «не понимаютъ и не хотятъ понять экономическихъ и соціальныхъ вопросовъ, которымъ усилія рабочихъ въ этомъ отношеніи кажутся подозрительными, которые видятъ въ тѣхъ усиліяхъ пагубное отвлеченіе отъ заботъ политическихъ и которымъ все это представляется плодомъ тайнаго соглашенія съ *правительствомъ:* на столь велико ихъ невѣжество и на столь закоренѣлы ихъ пред-

разсудки!» (стр. 409). Выходя изъ такого положенія, Верморель является болѣе строгимъ къ дѣятелямъ 48-го года, чѣмъ къ самому Наполеону III-му, и ихъ роль представляется ему болѣе ненавистною, чѣмъ даже роль президента: «2-го декабря 1851 г. принцъ Луи-Наполеонъ ниспровергнулъ республику, чтобъ возвысить свою власть на ея развалинахъ: по крайней мѣрѣ принцъ Луи-Наполеонъ не пытался заставить республиканскую идею раздѣлить съ нимъ солидарность въ его насиліяхъ, гоненіяхъ и деспотизмѣ; тогда какъ г. Кавеньякъ тѣмъ упорствомъ, съ которымъ силился поставить всѣ свои дѣйствія подъ сѣнь республики, обезчестилъ бы республиканскую идею, еслибъ мы энергически не отвергали его изъ нашихъ рядовъ» (стр. 354). Очевидно, что авторъ увлекся въ своемъ приговорѣ и забылъ, что принцъ Луи-Наполеонъ, точно такъ же какъ и всѣ другіе, клялся въ вѣрности республикѣ и гораздо болѣе чѣмъ Кавеньякъ, съ гораздо бо́льшимъ пониманіемъ и ловкостью игралъ съ народными массами, единственно въ виду личныхъ интересовъ, — то принимая дѣятельное участіе, какъ мы увидимъ ниже, въ ограниченіи всеобщей подачи голосовъ, то возбуждая народъ противъ національнаго собранія, будто бы въ огражденіе этой подачи, и обѣщая народу осуществленіе всѣхъ благъ, лишь бы власть досталась въ его руки; то льстя крайней партіи и ища себѣ опоры въ соціалистско-демократическомъ лагерѣ, то терроризируя привилегированные классы пугаломъ соціализма; и въ концѣ концовъ, съ одинаково ненужнымъ и совершенно лишнимъ, даже для его видовъ, неистовствомъ, побивая и всѣ партіи и самый народъ, наводняя Францію кровью и опустошая ее депортаціями.

Гораздо правдивѣе поступаетъ Верморель какъ историкъ, когда говоритъ въ концѣ книги: «нѣтъ, неправда, что 2-е декабря отмстило за 24-е іюня; та же самая мысль безпощадной реакціи противъ экономическаго вопроса и противъ свободы руководила виновниками этихъ двухъ актовъ, и оба числа, 24 іюня 1848 г. и 2-е декабря 1851 г., должны остаться одинаково пагубными.»

Сказаннаго достаточно, чтобъ знать, какъ слѣдуетъ относиться къ сужденіямъ и отзывамъ Вермореля, и принимая въ разсчетъ главнымъ образомъ подробное фактическое изложеніе изъ исторіи 48-го года, мы могли смѣло рекомендовать книгу, цѣль и побужденіе которой авторъ самъ высказываетъ прямо и безъ всякихъ прикрытій: «Мы пишемъ нашу книгу для того, чтобъ возстановить, по точнымъ документамъ, характеръ лицъ и вещей современной эпохи. Эта книга обращается преимущественно къ молодежи и къ народу, которые, недавно вступивъ въ обществен-

ную жизнь, не всегда обстоятельно знаютъ событія прошлаго и не имѣютъ подъ руками полезныхъ данныхъ для самостоятельнаго сужденія о нихъ. А между тѣмъ очень важно, чтобъ люди снова не впали столь глубоко въ прежнія ошибки, въ тѣ же самыя засады, въ тѣ же самыя иллюзіи, и чтобъ умѣли воспользоваться столь дорого купленною опытностью..... Мы остановились на 48-мъ годѣ, потому что этотъ годъ является приваломъ тѣхъ, которые вступили при Луи-Филиппѣ въ движеніе либеральной и революціонной оппозиціи, и вмѣстѣ съ тѣмъ составляетъ точку отправленія тѣхъ, которые вступили въ это движеніе съ тѣхъ поръ. Всѣ наши, сколько-нибудь значительныя лица, всѣ болѣе или менѣе принимали участіе въ событіяхъ той эпохи, и при такихъ условіяхъ, которыя позволяли имъ обнаружить ихъ характеры и ихъ способности..... Но мы, конечно, не хотимъ дѣлать изъ нашего сочиненія простую книгу о личностяхъ, и постараемся извлечь изъ данныхъ примѣровъ болѣе высокое поученіе для настоящаго и особенно для будущаго.» (стр. 72).

Предпринимая свой трудъ съ подобной цѣлью и обозрѣвая въ подробности дѣятельность каждаго изъ наиболѣе вліятельныхъ въ свое время лицъ, Верморель не можетъ воздержаться отъ упрека имъ всѣмъ, подобнаго извѣстному упреку бурбонской династіи: «Больше всего заставляетъ задуматься то, что эти люди, снова вступившіе теперь въ оппозицію, повидимому, *ничему не научились и все позабыли*. Гг. Одилонъ Барро, Дюфоръ, Дювержье-де-Горавнъ и другіе, даже самъ г. де-Монталамберъ защищаютъ теперь громче, чѣмъ когда-либо, ту самую свободу, отъ которой они отреклись во-время-óно безъ всякой совѣсти. Г. де-Токвилль сталъ въ послѣдніе дни своей жизни оракуломъ либерализма и даже имя г. Леона Фоше произносится съ почетомъ. Г. Од. Барро совершенно готовъ, еслибъ представился случай, снова издать свою консультацію 1832 г. противъ осаднаго положенія [1]) и даже защищать дѣло свободы печати и права собраній! Г. Дюфоръ только и жаждетъ присоединиться къ нему, и когда, нѣсколько времени тому назадъ, поднялся вопросъ о тайнѣ писемъ, оба они были одними изъ первыхъ въ заявленіи своего негодованія. «Либеральный Союзъ» (L'Union Libérale) образовался снова, какъ и въ 1847 г.; и теперь, какъ и тогда, его партизаны поносятъ, какъ враговъ свободы, тѣхъ, кто остается въ отдаленіи, и даже готовы обвинить таковыхъ въ болѣе или менѣе прикрытой приверженности къ произвольному правительству».

---

[1]) Ниже мы увидимъ роль всѣхъ этихъ лицъ въ приготовленіи декабрьскаго переворота и тогда яснѣе представится смыслъ горькихъ намековъ Вермореля.

Этотъ, современный намъ, «либеральный союзъ» состоитъ изъ людей всѣхъ партій безъ различія, соединяющихся между собой въ оппозиціонномъ лагерѣ для одержанія побѣды на выборахъ въ законодательный корпусъ. Въ этой пестрой амальгамѣ различныхъ, враждебныхъ другъ другу интересовъ — легитимисты поддерживаютъ республиканцевъ и республиканцы борятся за орлеанистовъ, всѣ руководясь только одною старою парламентскою тактикою созданія оппозиціоннаго большинства. Въ противоположность «либеральному союзу», и даже не согласно съ тѣми республиканцами и демократами, которые хотятъ одержать побѣду на выборахъ или по крайней мѣрѣ измѣрить свои силы, не прибѣгая къ искусственнымъ и отвергаемымъ ими союзамъ,— прудонисты, въ томъ числѣ и Верморель, проповѣдовали до сихъ поръ, вслѣдъ за Прудономъ, полное воздержаніе отъ всякаго участія въ выборахъ, считая такое участіе уже само по себѣ за добровольное признаніе законности насильственнаго режима.

Такимъ образомъ, самое существованіе «либеральнаго союза» подтверждаетъ еще болѣе нашу мысль о полезности и необходимости ближайшаго ознакомленія съ событіями, предшествовавшими декабрьскому перевороту, а чрезъ то и съ общественными дѣятелями [1]), игравшими, играющими и снова намѣревающимися играть вліятельныя роли въ судьбахъ Франціи, если только Франція не заставитъ ихъ обчесться въ своемъ разсчетѣ и не поблагодаритъ ихъ всѣхъ за медвѣжьи услуги, объявивъ себя на-

[1]) Въ данную минуту на политическую сцену Франціи какъ разъ хочетъ опять выступить одинъ изъ главныхъ сподручниковъ переворота, одинъ изъ главныхъ агитаторовъ клерикальной партіи—г. де-Фаллу, дѣйствія котораго, какъ министра народнаго просвѣщенія въ кабинетѣ президента въ 49 г., мы увидимъ ниже. Одинъ изъ главныхъ виновниковъ іюньскаго кровопролитія въ 1848 году, г. де-Фаллу выступаетъ теперь предъ избирателями съ манифестомъ въ «*Correspondent*». Онъ сваливаетъ всю вину іюньскихъ дней только на радикаловъ и клянется служить свободѣ противъ нынѣшняго правительства. Новый журналъ «Le Reveil» посвящаетъ этому манифесту де-Фаллу суровую статью, въ которой разоблачаетъ возобновленіе интригантской игры: «Въ виду близкихъ выборовъ, «благородные умы принявшіе переворотъ», являются теперь чтобъ разбить въ прахъ учрежденія основанныя только благодаря ихъ интригамъ. Въ отчаяніи, что глупо упустили власть, которую держали въ рукахъ, они пытаются, при помощи новыхъ комбинацій, конфисковать въ свою пользу великодушныя и мужественныя стремленія демократіи.... Въ теченіи 20 лѣтъ, ихъ фразеологія не измѣнилась. Сегодня тѣ же самыя слова; завтра тѣ же самые поступки. Г. де-Фаллу справедливо сказалъ: «въ воспоминаніяхъ прошлаго есть урокъ для настоящаго.» Пусть онъ успокоится, наша память также важна какъ и его, и урокъ не будетъ потерянъ... «либеральный союзъ» имѣетъ претензію стереть воспоминаніе нашихъ гражданскихъ распрей и имена его кандитатовъ раздаются въ нашихъ ушахъ какъ вызовъ.... къ счастью «еще не всѣ свидѣтели умерли!» (Le Reveil, № 38.)

конецъ совершеннолѣтней и не нуждающеюся въ безкорыстныхъ опекунахъ.

Другое литературное произведеніе, конечно, вызванное тою же самой оппозиціей и можно смѣло сказать, благодаря смѣлой иниціативѣ Тено, — принадлежитъ перу Таксиль Делора, публициста, составившаго свою извѣстность на страницахъ того же Siècle, къ которому принадлежитъ и Тено. Книга Делора успѣла также въ короткое время разойтись въ нѣсколькихъ изданіяхъ, несмотря на то, что это еще только первый томъ сочиненія, гораздо болѣе обширнаго, чѣмъ книга Тено, и обнимающаго собою всю исторію второй имперіи. Двѣ трети выпущеннаго перваго тома составляютъ введеніе въ исторію имперіи и прямо относятся къ нашему сюжету, излагая тѣже событія, которыя освѣтилъ Тено, только съ бо̀льшими подробностями о нѣкоторыхъ изъ предварительныхъ обстоятельствъ и безъ того воздержанія, которое наложилъ на себя Тено. Делоръ не считаетъ нужнымъ скрывать своихъ мнѣній о томъ или другомъ политическомъ актѣ, о той или другой закулисной интригѣ. Напротивъ, онъ старается вполнѣ объяснить корыстныя дѣйствія реакціонерныхъ партій, ясно показать ихъ вражду къ народнымъ стремленіямъ, ихъ виновную податливость и даже иниціативу во многихъ продѣлкахъ бонапартизма, шедшаго къ своему торжеству, въ то время, какъ они мечтали, что бонапартизмъ, въ концѣ концовъ, только имъ же поможетъ довести дѣло до истощенія республики и до конфискаціи ея въ свою собственную пользу.

Съ первой же страницы Делоръ предупреждаетъ читателя и о своемъ отношеніи къ предмету, и о трудности выбраннаго имъ изслѣдованія. «Моя задача написать исторію второй имперіи,— особенно трудная для человѣка, принадлежащаго къ партіи, которая наиболѣе сильно боролась противъ возстановленія учрежденій первой имперіи; эта задача дѣлается еще болѣе трудною вслѣдствіе того политическаго режима, подъ которымъ жила Франція до нынѣшняго дня. Документы, изъ которыхъ черпаетъ историкъ свои свѣдѣнія, всегда очень многочисленные и любопытные въ свободной странѣ,—рѣдки и малочисленны въ странѣ, гдѣ свобода не существуетъ..... Опытъ, который я представляю публикѣ, во всякомъ случаѣ, написанъ человѣкомъ, который вблизи или издали видѣлъ всѣ событія, и который зналъ бо̀льшую часть людей, о которыхъ говоритъ. Моя главная цѣль при публикованіи этого труда заключается въ томъ, чтобъ указать примѣръ, открыть дорогу. Я иду по ней съ увѣренностью человѣка, который полагаетъ, что ему нѐчего страшиться ни отъ себя самого, ни отъ другихъ; твердая вѣра въ мои принципы

ограждаетъ меня отъ всякаго излишества, желаніе быть безпристрастнымъ предохраняетъ меня отъ всякой мстительности.»

Послѣ такого предисловія, авторъ посвящаетъ, какъ мы уже сказали, бо́льшую часть вышедшей книги введенію въ исторію второй имперіи, въ немъ старается «объяснить тѣ событія, изъ которыхъ вышла имперія, указать на ту долю вліянія, которою она обязана съ одной стороны событіямъ, съ другой—людямъ.»

Въ данномъ случаѣ свидѣтельство Делора можно противопоставить свидѣтельству Дюнойе: они оба ненавидятъ переворотъ 2-го декабря и оба обвиняютъ съ одинаковымъ негодованіемъ «узурпатора и клятвопреступника»; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, каждый изъ нихъ бросаетъ тяжелые камни обвиненія въ антагонистовъ той или другой партіи. Свидѣтельство Делора сводится на указаніе общей роли реакціи, въ которой бонапартизмъ идетъ рука объ руку съ двумя роялистскими партіями — съ бурбонской и орлеанской, точно также, какъ и на указаніе тѣхъ бѣдствій, которыми реакція наградила народъ за его довѣріе и которыя бонапартизмъ умышленно вызывалъ (какъ въ іюньскіе дни 48-го г.) для того, чтобъ позже явиться спасителемъ буржуазіи отъ народа и народа отъ буржуазіи. Дюнойе, въ свою очередь понося 2-е декабря, изобличая Луи-Наполеона длинными цитатами въ вѣроломствѣ и въ измѣнѣ собственнымъ своимъ увѣреніямъ, въ цѣлыхъ двухъ томахъ, запрещенныхъ во Франціи, силится доказать, что спаситель французскаго общества былъ самозванецъ и вовсе никѣмъ не призванъ, что онъ обманулъ благородныя партіи и, обезсиливъ ихъ такъ-сказать секвестромъ важнѣйшихъ членовъ, — разогнаніемъ національнаго собранія, лишилъ чрезъ то Францію ея единственныхъ спасителей, долженствовавшихъ возвратить ей благодѣянія вновь патентованной конституціонной монархіи, уже не по одностороннему образцу орлеанистовъ, а по совокупной модели орлеанистовъ и легитимистовъ, — для чего конечно народъ и затѣвалъ всю февральскую революцію! Но такъ какъ уже принято у партій обвинять другъ друга, то конечно Дюнойе, — въ качествѣ консервативнаго орлеаниста, мечтавшаго о возсоединеніи двухъ бурбонскихъ линій въ трогательномъ примиреніи, — обвиняетъ партію соціалистовъ и республиканцевъ, какъ угрожавшихъ низверженіемъ всѣхъ божескихъ и человѣческихъ учрежденій. Но если, при сравненіи двухъ историческихъ свидѣтелей, то-есть, Делора и Дюнойе, съ одной стороны — изъ показаній Делора мы не особенно ясно усматриваемъ доблестныя заслуги республиканской партіи, и даже сомнѣваемся, чтобъ самъ республиканецъ Делоръ могъ опредѣлить отчетливо, къ чему именно

стремилась чисто-республиканская (не соціалистическая) партія въ 48-мъ году и какими путями, какими средствами боролась она противъ разрушенія республики реакціонной коалиціей (особенно въ послѣднее время предъ переворотомъ); то съ другой стороны, изъ чтенія всей защитительной и обвинительной рѣчи Дюнойе мы вполнѣ ясно усматриваемъ только одно: насколько ничтожны всѣ аргументы старыхъ династическихъ партій — въ пользу величія реакціоннаго національнаго собранія и за доброкачественность несчастныхъ спасителей, не успѣвшихъ спасти Францію; насколько жалко долгое двадцатилѣтнее непониманіе и неуразумѣніе этими партіями ихъ бывшаго положенія, и насколько онѣ еще способны—и едва ли это не единственное, къ чему онѣ способны! — обольщаться на счетъ силы своей реторики, на счетъ того, что можно управлять цѣлой страной звучными, хоть и пустыми рѣчами; и наконецъ, насколько лицемѣренъ былъ ихъ паническій страхъ предъ «краснымъ призракомъ» (spectre rouge). Это лицемѣріе, игравшее столь громадную роль въ участи республики, обличаетъ тотъ же Дюнойе, конечно, самъ того не подозрѣвая: въ обвиненіи противъ Наполеона III, желая увеличить всю вину его преступленія, Дюнойе забываетъ вѣчный конекъ всѣхъ партій о пагубѣ соціалистовъ, объ ихъ крамолахъ и едвали не грабительскихъ поджиганіяхъ беззащитной страны и т. д. и т. д., и въ забывчивости печатно признается, что соціалисты вовсе не представляли опасности обществу!.. Оспаривая тѣ доводы, которые приводятся обыкновенно въ защиту переворота, — т. е. съ одной стороны дѣло самой личной безопасности принца-президента, на свободу котораго будто готовились покуситься союзныя партіи реакціи, съ другой стороны—оправданіе переворота, будто неизбѣжнаго въ то время, необходимостью спасти общество отъ угрозъ «соціалистической демагогіи»,—Дюнойе вдругъ какъ бы забываетъ то, что разсѣяно по всему его сочиненію — по общепринятому правилу писателей его факціи, — противъ демократическихъ козней, и невольно признается, что «spectre rouge» не что иное, какъ стратегическая, банальная штука всѣхъ реакцій — всегда и повсюду:

«Нисколько не скрывая опасностей — говоритъ онъ (т. I, стр. 131)—нисколько не желая ослабить болѣе чѣмъ слѣдуетъ *впечатлѣніе*, которое они оставили въ памяти публики, и *принимая за серьезное* настолько, насколько справедливо и основательно, то, что они представляли собой угрожающаго для общественнаго порядка, — все же прежде всего (и къ нашему счастью) никакъ нельзя не признать одного обстоятельства:

именно, что опасность не была важною настолько, насколько тому вѣрили пораженныя воображенія. Мы можемъ судить такъ уже потому, что, не смотря на столь вызывающую наружу инициативу декабрьскаго переворота, несмотря на всѣ очень удобные поводы, которые могъ почерпнуть въ переворотѣ духъ безпорядка, — виновники анархіи, за весьма небольшимъ исключеніемъ, не дали хода своимъ преступнымъ намѣреніямъ. Дѣло въ томъ, что ихъ сопротивленіе было слабо, часто ничтожно, что они нигдѣ не устояли съ твердостью противъ *правильныхъ силъ общества* (?) и что, наконецъ, вездѣ, благодаря энергическому подавленію, которое они неоднократно претерпѣли предъ тѣмъ, благодаря утратамъ, которыя они понесли, — та страсть, которая одушевляла ихъ прежде, оказалась болѣе или менѣе измѣнившеюся и ослабѣвшею. Короче, стало очевиднымъ, что вмѣсто того, чтобъ, какъ въ 1848 г., быть послѣдствіемъ убѣжденій восторженныхъ до фанатизма, демократическое движеніе явилось въ сущности *не болѣе какъ обыкновеннымъ разбоемъ* и притомъ *разбоемъ безъ рѣшимости и безъ энергіи!*»

Этихъ словъ самихъ по себѣ довольно, безъ всякихъ коментаріевъ, чтобъ опредѣленно знать съ кѣмъ мы имѣемъ дѣло. Читатель достаточно знаетъ теперь, даже по этимъ немногимъ указаніямъ на авторовъ сочиненій о декабрьскомъ переворотѣ, какія противорѣчивыя показанія представляютъ они историку, какъ перепутаны въ нихъ всѣ роли и побѣдителей и побѣжденныхъ, до того перепутаны, что реакція, которая могла, нисколько не унижая своего достоинства, раздѣлить побѣду съ узурпаторомъ и во всякомъ случаѣ должна была бы приписать самой себѣ значительную долю побѣды, реакція оплакиваетъ свое пораженіе! Соображая всѣ эти запутанности и наивныя или умышленныя затемненія событій, разоблачая при изслѣдованіи всѣ противорѣчія и всѣ скрытые, утаенные до послѣдняго времени мотивы, мы невольно припоминаемъ трагическое восклицаніе въ «Фигаро» — «Qui trompe-t-on donc ici?» (Кого же наконецъ здѣсь обманываютъ?). И еслибъ насъ попросили тутъ же отвѣтить на этотъ вопросъ, то мы дѣйствительно затруднились бы кого пожалѣть въ обманѣ: народъ ли или исторію, или же проще, самыя отживающія партіи, о которыхъ теперь можно будетъ справедливо сказать: онѣ ничему не научились, и онѣ никого болѣе не съумѣютъ обмануть! Въ самое послѣднее время, литература декабрьскаго переворота увеличилась брошюрою Гранье-де-Кассаньяка [1]); но достаточно имени Гранье, чтобъ знать, въ

---

[1]) *A. Granier de Cassagnac.* Récit authentique des Évènements de Décembre 1851. Nouv. éd. précédée d'une introduction. *Les Coups d'État.* Dentu. 1869.

чемъ дѣло, чтобъ понять, что такой человѣкъ конечно считаетъ лишеннымъ здраваго смысла и логики каждаго, кто дерзнетъ порицать переворотъ 2-го декабря, въ чемъ онъ, конечно, видитъ «замѣнъ диктатуры партій народной волею». Впрочемъ, далѣе мы увидимъ, что предисловіе, которое ярый публицистъ-депутатъ второй имперіи, предпослалъ новому изданію, не лишено нѣкоторыхъ пикантныхъ указаній и откровеній относительно поведенія главныхъ вождей реакціи. Новая книга — *Исторія военныхъ совѣтовъ 1852* и т. д. — представляетъ собою немного интереснаго послѣ книги Тено «Провинція въ декабрѣ 1851 г.». Та же самая картина повсемѣстнаго движенія и сопротивленія перевороту, та же самая статистика кровавой расправы и вѣроломной клеветы; мѣстами болѣе подробная чѣмъ у Тено, мѣстами болѣе краткая, но лишенная той цѣльности, той связи движенія, которая такъ хорошо представлена у Тено.

Обратимся теперь къ разсмотрѣнію самыхъ событій, путемъ которыхъ Франція перешла отъ 10 декабря 1848 года къ 2 декабря 1851 г., не доживъ до второго воскресенья мѣсяца мая 1852 г., когда долженъ былъ окончиться срокъ правленія гражданина-президента республики, Шарля-Луи-Наполеона Бонапарте.

VIII.

«Смѣлѣе же, Бонапарте! Идите *легальными* путями къ монархической реставраціи, противъ которой вы принесли теперь присягу! устроивайте крестовый походъ угнетателей противъ угнетенныхъ, которые дали вамъ пять съ половиною милліоновъ голосовъ. Избранникъ революціи, душите ее, насколько въ васъ хватитъ силъ на то»!

Такимъ пророчествомъ привѣтствовалъ Прудонъ Луи-Бонапарта, на другой день принесенія имъ присяги въ національномъ собраніи 20 декабря 1848 г. Президентская рѣчь давала Прудону безошибочное указаніе на все дальнѣйшее поведеніе Бонапарта и на всю послѣдующую судьбу второй республики. «Эта рѣчь — говорилъ Прудонъ — подтверждаетъ то, что ранѣе мы могли только подозрѣвать; именно, что президентъ республики есть предназначенный основатель бонапартистской династіи. Съ первыхъ словъ его проявляется мысль о монархіи.... И первое министерство г. Бонапарта состоитъ цѣликомъ изъ приверженцевъ конституціонной системы, низвергнутой въ фев-

ралѣ... Президентъ совѣта, г. Одилонъ-Барро, есть тотъ же самый, котораго Луи-Филиппъ предлагалъ странѣ наканунѣ взрыва, уступая въ томъ давленію недовольной буржуазіи и желанію династической оппозиціи... За исключеніемъ нѣсколькихъ новыхъ именъ—какъ имя Бонапарта, замѣняющее имя Орлеанскаго, личный правительственный составъ является того же самаго свойства и достоинства, какимъ былъ и наканунѣ дня, въ который провозглашена республика. Уничтожьте въ своей мысли стрѣльбу на Капуцинскомъ бульварѣ и то, что послѣдовало вслѣдъ за ней вплоть до 20-го декабря, и вы увидите, что въ промежутокъ этихъ 10-ти мѣсяцевъ, исторія не подвинулась впередъ!»

Дѣйствительно, первый актъ президента по выходѣ изъ собранія, могъ не мало удивить наивныхъ людей, мечтавшихъ о какой-то новой эрѣ для Франціи, освобожденной отъ власти и насилія коалиціи. Всѣ мечты республиканцевъ должны были окончательно рушиться, когда узнали списокъ министровъ, назначенныхъ Бонапартомъ, и на развалинахъ республиканскихъ мечтаній должны были разцвѣсть во всей своей радости мечты коалиціи: ей принадлежало верховное правительство — въ парламентскомъ смыслѣ слова, потому что министерство было взято изъ среды ея большинства. Она еще не подозрѣвала тогда, что президентъ скоро не станетъ руководиться «парламентскимъ смысломъ», а своимъ собственнымъ — династическимъ. «Вожди коалиціи (говоритъ Делоръ), которые возвели Л. Бонапарта на президентство республики, считая унизительнымъ для своего достоинства вступить въ кабинетъ, предоставили своимъ сподручникамъ представлять ихъ интересы».

Во главѣ кабинета явился министръ юстиціи и президентъ совѣта Одилонъ-Барро; затѣмъ шли люди, которые испугались республики и ушли въ реакцію, какъ Л. де-Мальвиль, министръ внутреннихъ дѣлъ; литераторъ и экономистъ, радикалъ и чуть-чуть не соціалистъ Леонъ Фоше, оскорбленный республикою за непризнаніе его величія и за неизбраніе его въ свои главы: ставъ отъявленнымъ консерваторомъ; поощрявшимъ всѣ карательныя мѣры противъ республики, онъ имѣлъ полное право на мѣсто въ кабинетѣ Бонапарта; агитаторъ въ банкетной компаніи, одинъ изъ подписавшихъ требованіе суда надъ Гизо, Друэнъ-де-Люисъ, назначенный министромъ иностранныхъ дѣлъ и не обманувшій въ цѣлые двадцать лѣтъ довѣрія господина; легитимисты-клерикалы, какъ нельзя болѣе достойно были представлены въ лицѣ де-Фаллу, назначеннаго министромъ народнаго просвѣщенія.

Главная роль въ министерствѣ выпадала, какъ мы видимъ, на долю Одилона-Барро, который столь энергически добивался ея наканунѣ февральской революціи. Извѣстность его шла еще со времени реставраціи. Уже въ 1832 году онъ прославился своими филиппиками противъ осаднаго положенія, и его краснорѣчивое опредѣленіе осаднаго положенія пронеслось уже тогда по всей Франціи и указало на него, какъ на человѣка, на котораго нація можетъ разсчитывать въ тяжелыя минуты своихъ кризисовъ; какъ на человѣка, который не увлечется призракомъ опасности и не попретъ ногами того, что̀ отстаивалъ всей своей жизнью, что̀ снискало ему славу и довѣріе страны: «Развѣ возможно—проповѣдывалъ онъ въ 1832 г.—чтобъ существовалъ законъ, который даетъ какому-нибудь военному или гражданскому начальнику мѣста такую власть, которая даетъ право двумя магическими словами «осадное положеніе» поставить цѣлое населеніе внѣ закона, уничтожить цѣлый рядъ конституціонныхъ гарантій, подвергнуть военному суду безъ всякаго соблюденія какой бы то ни было формальности, требуемой законодательствомъ,—каждое лицо, взятое изъ какого бы то ни было класса общества по выбору этого импровизованнаго диктатора? Ясно, что, если существуетъ такой законъ, то слѣдуетъ обличить его, ибо до тѣхъ поръ, пока онъ будутъ существовать, конституція останется только химерою... Осадное положеніе, когда нѣтъ военнаго положенія, есть ложь..... Пять или шесть правительствъ прибѣгали къ подобнымъ средствамъ; они создавали военныя коммиссіи. Они говорили: надо покончить съ заговорами; эти мѣры приняты нами не для благонамѣренныхъ людей, ихъ онѣ не касаются; только заговоръ поставленъ въ осадное положеніе и преданъ военному суду... И что-же? всѣ эти правительства пали; они давали себѣ подобными мѣрами нѣсколько дней существованія, а потомъ, когда приходилось сводить счеты съ страною, когда броженіе проходило, все ненавистное свойство этихъ мѣръ падало на ихъ головы и кончало тѣмъ, что уничтожало ихъ же самихъ».

Съ тѣхъ поръ, послѣ такой благородной profession de foi, Одилонъ-Барро шелъ вѣрнымъ шагомъ по пути прогресса въ продолженіи всей іюльской монархіи, постоянно являясь энергическимъ защитникомъ политическихъ вольностей Франціи. Въ 1834 году, онъ отстаиваетъ право собраній противъ суроваго закона, запрещавшаго ассоціаціи болѣе чѣмъ въ 20 человѣкъ. «Право ассоціаціи есть гораздо болѣе, чѣмъ обыкновенное право, гораздо болѣе, чѣмъ естественная принадлежность, — она составляетъ необходимость, потребность, первую изъ всѣхъ обще-

ственныхъ необходимостей. До вашего закона не существовало на свѣтѣ ни одного подобнаго, который наносилъ бы оскорбленіе разуму и человѣческой цивилизаціи, утверждая, что право ассоціаціи не существуетъ въ этомъ обществѣ».

Въ 1835 г., онъ борется за свободу прессы противъ знаменитыхъ сентябрьскихъ законовъ, установлявшихъ, по иниціативѣ Тьера, самую гнетущую цензуру, съ ея аттрибутами: тюрьмой и денежными пенями.

Въ послѣдній періодъ іюльской монархіи, Од. Барро является однимъ изъ главныхъ вожаковъ реформистской агитаціи. На банкетѣ въ «Château Rouge» онъ провозглашаетъ тостъ за іюльскую революцію: «Да соединитъ ея славное знамя насъ всѣхъ и прекратитъ всѣ ребяческія раздѣленія между нами изъ-за лицъ и словъ, которыя только ослабляютъ насъ предъ нашимъ общимъ непріятелемъ; пусть же Франція подъ этимъ славнымъ знаменемъ совершитъ то, въ чемъ она успѣла въ 1830 году.»

Но въ 1847 г. уже не вся свободолюбивая партія была согласна съ послѣднимъ опредѣленіемъ Од. Барро, не всѣ смотрѣли на раздѣленія между лицами, какъ на ребяческія, не всѣ полагали, что Франціи оставалось *дополнить* только то, чего она *не успѣла* сдѣлать въ 1830 г. Въ это время радикальная партія успѣла уже провести своего представителя въ самую палату, въ лицѣ Ледрю-Роллена. Радикальная партія не думала ограничиваться парламентской борьбой и не ставила своей конечной цѣлью избирательную реформу, видя въ ней только средство и удобный путь къ необходимымъ соціальнымъ реформамъ, изъ-за которыхъ радикальная партія готова была перенести борьбу изъ замкнутой палаты на широкую улицу. Этимъ однако Од. Барро не особенно смущался, повидимому нисколько не вѣря въ дѣйствительную силу радикальной партіи и не признавая за ней возможности осуществить свои стремленія; поэтому онъ шелъ своимъ либеральнымъ, парламентскимъ, опредѣленнымъ путемъ къ легальному низверженію министерства Гизо, и дошелъ наконецъ до того, что 22 февраля внесъ въ бюро президента палаты обвинительный актъ объ отданіи подъ судъ Гизо и его товарищей. Среди прочихъ подписей, слѣдовавшихъ за именемъ Барро, красовалось и имя его будущаго товарища при принцѣ Луи-Наполеонѣ — имя Друэнъ де-Люиса. Гизо, конечно, отнесся съ презрѣніемъ къ поступку Барро, и затѣмъ черезъ два дня оказался въ совершенно одинаковомъ положеніи съ своимъ врагомъ: оба они, одинаково не чаяли и не ждали февральской революціи, обоихъ ихъ она застала въ расплохъ и заставила пожалѣть, что «улица» вмѣшивается не въ свои дѣла и заглу-

шаетъ своимъ нестройнымъ ревомъ блестящіе кадансы парламентскихъ ораторовъ.

Но въ первый разъ не значитъ въ послѣдній, и скоро Одилону Барро суждено было оказаться въ положеніи совершенно подобномъ положенію Гизо, и что еще хуже—самъ Гизо презрительно пророчилъ Одилону Барро его дальнѣйшую карьеру. Когда въ засѣданіи 10 февраля 1848 г., среди жаркихъ преній по поводу банкетовъ, Од. Барро сталъ упрекать Гизо въ энергическихъ выраженіяхъ: «Мы не можемъ допустить, чтобъ въ этой странѣ, послѣ 50-ти лѣтъ свободы, рука полиціи должна была быть повсюду. Совершенно непонятно, какимъ образомъ, когда дѣло идетъ о пользованіи естественнымъ правомъ, вы хотите такъ сказать наложить руку на рты всѣхъ, которые хотятъ говорить!»—«Берегитесь, отвѣчалъ Гизо, если вамъ случится, и навѣрное случится когда-нибудь, быть на тѣхъ скамьяхъ, на которыхъ мы сидимъ, и находиться въ подобныхъ же обстоятельствахъ. Берегитесь, чтобъ вы не поступили точно также какъ мы, и чтобъ вамъ не пришлось защищаться противъ упрековъ, которыми вы насъ осыпаете теперь.» — «Я вамъ ручаюсь въ противномъ — воскликнулъ Одилонъ Барро — я принимаю въ томъ торжественное обязательство!» — «А я не принимаю ручательства почтеннаго г. Од. Барро» — заключилъ свое пророчество Гизо.

Ровно десять мѣсяцевъ прошло со времени этой сцены, когда 10-го декабря 1848 года, съ избраніемъ Луи-Наполеона на президентство, — Од. Барро открылось широкое поле дѣйствій, котораго онъ добивался при Іюльской монархіи и на которомъ онъ могъ наконецъ показать твердость своихъ убѣжденій и неизмѣнность своего обязательства, даннаго предъ Гизо. Назначенный, какъ мы уже говорили, 20-го декабря президентомъ совѣта въ кабинетѣ Луи-Наполеона, Од. Барро долженъ былъ чрезъ нѣсколько дней столкнуться уже не въ монархической палатѣ депутатовъ и не на банкетахъ, а на аренѣ республиканскаго національнаго собранія, съ тѣмъ же самымъ радикальнымъ антагонистомъ.

Излагая, 26-го декабря, предъ собраніемъ программу министерства, Од. Барро увѣрялъ, что оно намѣрено главнымъ образомъ возстановить и упрочить власть во Франціи. «Но пусть знаютъ это, мы вовсе не намѣрены создавать изъ порядка преграды для стремленій современнаго общества. Порядокъ не есть конечная цѣль для насъ, онъ является только средствомъ.» Въ отвѣтъ на это всталъ Ледрю-Ролленъ, и указывая на неправильное назначеніе генерала Шангарнье, по которому онъ со-

единялъ въ своихъ рукахъ, вопреки строгому закону, начальство надъ линейными войсками и національной гвардіей, заставилъ тутъ же Одилона-Барро начать свою новую карьеру признаніемъ, что подобныя мѣры, подобныя нарушенія закона вызываются требованіемъ общественнаго спокойствія. «Какъ бы мы ни смотрѣли на это, вы тѣмъ не менѣе являетесь съ нынѣшняго дня министерствомъ произвола!» Такимъ опредѣленіемъ наградилъ бонапартистскаго министра радикальный ораторъ и мы увидимъ, насколько это опредѣленіе оказалось основательнымъ.

Впрочемъ, прежде чѣмъ говорить о дѣйствіяхъ министерства, мы должны напомнить случай, заставившій нѣкоторыхъ изъ министровъ подать въ отставку и ясно обнаружившій, что министерство должно было служить только слѣпымъ выраженіемъ личной воли принца-президента; что президентъ намѣревался самъ быть полнымъ властелиномъ и вовсе не дѣлать изъ себя одной парламентской фикціи, которою правитъ парламентское большинство, давая ему въ опекуны министровъ изъ своей среды. Дѣло состояло въ томъ, что 27-го декабря министръ внутреннихъ дѣлъ де-Малльвиль получилъ слѣдующее письмо отъ президента:

«Господинъ министръ!

«Я спрашивалъ г. префекта полиціи, не получаетъ ли онъ иногда рапортовъ, касающихся дипломатіи; онъ отвѣчалъ мнѣ утвердительно, и при томъ прибавилъ, что онъ передалъ вамъ вчера копіи съ одной депеши изъ Италіи. Эти депеши, вы поймете, должны быть передаваемы прямо мнѣ, и я долженъ выразить вамъ все мое неудовольствіе на замедленіе, которое вы совершаете въ доставленіи ихъ ко мнѣ.

«Я прошу васъ также послать мнѣ 16 картоновъ, которые я спрашивалъ у васъ; я хочу имѣть ихъ въ четвергъ. Я также не намѣренъ допускать, чтобъ министръ внутреннихъ дѣлъ изволилъ составлять статьи, которыя касаются меня лично. *Это не дѣлалось при Луи-Филиппѣ*, и это не должно быть. — Вотъ уже нѣсколько дней, что я не получаю телеграфическихъ депешъ; вообще, я замѣчаю, что министры, назначенные мною, хотятъ поступить со мною, какъ будто-бы знаменитая конституція Сіейса была въ силѣ; но я *не потерплю этого.*

«Примите, господинъ министръ, увѣреніе въ моихъ чувствахъ высокаго почтенія

Луи-Наполеонъ-Бонапартъ».

Письмо это крайне характеристично, оно прямо выражаетъ требованія Луи-Бонапарта. Оно не боится сравненія съ Луи-

Филиппомъ, хоть оно и мѣтитъ по своему тону гораздо выше Луи-Филиппа: этотъ диктаторскій, краткій, выговорный тонъ прямо напоминаетъ собою корреспонденцію Наполеона I-го. Ставъ властелиномъ, племянникъ не ограничиваетъ подражаніе дядѣ, только однимъ тономъ; онъ заимствуетъ у Наполеона I-го и содержаніе. Подобно великому императору онъ считаетъ съ перваго же раза нужнымъ позаботиться объ исторіи, и какъ дядя, ставъ императоромъ, похитилъ изъ архивовъ дѣйствительные рапорты о битвѣ при Маренго и замѣнилъ ихъ поддѣльными, составленными позже подъ его руководствомъ, такъ теперь и племянникъ не пожелалъ оставить въ рукахъ любопытнаго потомства такихъ непріятныхъ документовъ, какъ докладъ о «битвахъ» въ Страсбургѣ и въ Булони, т. е. о своихъ двухъ неудачныхъ покушеніяхъ, — только съ тою разницей, что племяннику удобнѣе было поступить такъ, чтобъ совсѣмъ изгладить изъ памяти людей свои траги-комическія похожденія, и потому онъ не намѣренъ былъ замѣнить рапорты никакими другими. Понятны его гнѣвъ и досада, когда съ перваго же шагу своего столь долго желаннаго владычества, онъ вдругъ натknулся на упорство министра. Малльвиль отказалъ президенту въ выдачѣ 16 картоновъ, хранившихся въ министерствѣ и заключавшихъ оба дѣла. Послѣ приведеннаго письма, министру не оставалось ничего болѣе, какъ подать въ отставку; его примѣру послѣдовалъ и другой, министръ земледѣлія и торговли — Биксіо. Изъ остальныхъ министровъ наиболѣе интересной личностью по своему положенію и по своей роли является де-Фаллу. Значеніе и вліяніе партіи, которая провела его въ качествѣ своего представителя въ министерство, послѣ колебаній между нимъ и Монталамберомъ, не замедлили сказаться самымъ зловѣщимъ образомъ для второй республики. Это вліяніе, легитимистско-клерикальное, обагрило кровью двѣ молодыя республики — французскую и римскую и повело къ ихъ обоюдной гибели. Мы говорили о первой римской экспедиціи, игравшей столь важную роль въ судьбахъ не только Франціи, но и всей Европы.

IX.

Внѣшняя политика уже съ того времени получала большое значеніе въ политикѣ Луи-Наполеона. Стремленіе къ славѣ первой имперіи и побѣдоносному продолженію воинственной эпопеи, заключало въ себѣ и другія болѣе практическія цѣли: оно должно было привлекать къ вождю-президенту войско и отвлекать безпокойное, назойливое вниманіе французовъ отъ внутреннихъ дѣлъ страны. Вмѣстѣ съ тѣмъ первая кампанія, предпринятая Луи-Наполеономъ, упрочивала союзъ клерикальной партіи съ бонапартизмомъ и чрезъ то обезпечивала ему поддержку во всѣхъ его дальнѣйшихъ планахъ, сводившихся на императорскую корону. Луи-Наполеону римская экспедиція посчастливилась какъ нельзя болѣе: она выказала въ немъ большую разсчетливость и ловкость; онъ, съ одной стороны, съумѣлъ обойти конституцію; съ другой, онъ совершенно пренебрегъ прерогативами національнаго собранія и обошелся съ нимъ, какъ и дѣйствительно заслуживало его ничтожество. Рядомъ съ тѣмъ онъ показалъ, что въ случаѣ надобности съумѣетъ, не хуже Кавеньяка, при помощи Барро и де-Фаллу, вызывать баррикады и пожинать на нихъ лавры, разстрѣливая народъ и предавая его военному суду.

Мы знаемъ уже статью конституціи 1848 года [1]), по которой инціатива войны оставалась не за исполнительной, а за законодательной властью. Луи-Наполеону это не могло нравиться, и вмѣсто долгихъ парламентскихъ споровъ, онъ рѣшился на практикѣ доказать всю тщетность подобныхъ ограниченій его президентства. Правда, онъ не избавился этимъ отъ парламентскихъ бурь и укоровъ, но они не помѣшали ему дѣлать свое дѣло и ограничились протестомъ въ слишкомъ небольшой группѣ республиканскихъ представителей, только обнаруживавшей своей малочисленностью всю немощь республики бороться противъ реакціи въ союзѣ съ президентствомъ.

Луи-Наполеонъ зналъ съ кѣмъ имѣлъ дѣло. Онъ видѣлъ, какъ вслѣдъ за его присягою, самое собраніе готово было казнить себя и признать свою непригодность; онъ видѣлъ, какъ едва не прошло предложеніе Рато о добровольномъ самораспущеніи учредительнаго собранія; какъ большинство сочувствовало этой идеѣ и чрезъ то добровольно уступало мѣсто дѣй-

---

[1]) «Президентъ печется о защитѣ государства, но не можетъ предпринять войны безъ согласія собранія» (гл. 54).

ствія одному президентству. Онъ зналъ также, что, несмотря на краснорѣчивые протесты, его министръ Од. Барро очень легко достигнулъ того, чтобъ виновники — дѣйствительные или мнимые — вторженія въ національное собраніе 15-го мая 1848 г. были судимы не обыкновеннымъ, а верховнымъ судомъ въ Буржѣ. Допущеніемъ такого насилія и нарушенія закона, собраніе свидѣтельствовало президенту, что оно не особенно дорожитъ строгимъ соблюденіемъ законности; президентъ очень логически долженъ былъ вывести отсюда, что собраніе не можетъ быть въ претензіи, если и онъ, въ свою очередь, нарушитъ обыкновенные законы и прибѣгнетъ къ высшимъ, къ пресловутымъ законамъ государственной необходимости.

Какъ 1-го января 1859 г. одно слово императора Наполеона III австрійскому посланнику означало войну, такъ точно и за десять лѣтъ предъ тѣмъ одно слово президента Луи-Наполеона папскому нунцію открывало глаза проницательнымъ антагонистамъ, которые рано поняли характеръ будущаго властелина и имѣли смѣлость безустанно предупреждать французовъ о грозившей имъ опасности. Въ засѣданіи 8-го января, неутомимый Ледрю-Ролленъ указывалъ собранію на слухи о взаимномъ договорѣ между Неаполемъ, Австріей и французскимъ правительствомъ. Въ подтвержденіе слуховъ онъ указывалъ на описаніе въ «Монитерѣ» пріема дипломатическаго корпуса въ новый годъ: президентъ подошелъ къ папскому нунцію и объявилъ ему, что питаетъ надежду на скорое возстановленіе папы въ его владѣніяхъ [1]). Министръ Друэнъ де-Люисъ успокоивалъ представителей, говоря, что Франція всегда будетъ искать мирныхъ разрѣшеній до тѣхъ поръ, пока будетъ имѣть надежду найти ихъ.

А между тѣмъ собранію еще наносился ударъ и опять оно обнаруживало свою слабость и свое потворство президенту. «Слухи о переворотѣ начали носиться уже тотчасъ по вступленіи Луи-Бонапарта въ президентство» [2]). 29-го января раздался въ 7 часовъ утра барабанный бой, задвигались войска, всѣ Елисейскія поля, площадь Согласія усѣялись солдатами, самое зданіе національнаго собранія вдругъ было окружено чуть ли не цѣлымъ армейскимъ корпусомъ. Оказалось, что президентъ національнаго собранія, Арманъ Маррастъ, ничего не зналъ о всѣхъ подобныхъ распоряженіяхъ. Генералъ Шангарнье, потре-

---

¹) См. «La Question romaine devant l'Histoire, 1847—1867. Actes officiels; documents diplomatiques, débats» etc. стр. 52 и сл.

²) T. Delord.

бованный въ бюро собранія на объясненіе, отвѣчаетъ, что онъ находится у президента республики и не можетъ отлучиться, а войска созваны для подавленія возстанія! Бюро колеблется между рѣшительными и между ничтожными мѣрами и останавливается на томъ только, что поручаетъ защиту законодательнаго зданія генералу Лебретону. За тѣмъ послѣдовало объясненіе Марраста съ вице-президентомъ республики Буле и Од. Барро. Подробности его остались тайною для другихъ, что не помѣшало обвинять Марраста въ слабости и даже въ стачкѣ съ исполнительной властью. Но гораздо вѣрнѣй было бы обвинять само національное собраніе, которое, вмѣсто всякихъ энергическихъ разслѣдованій темнаго дѣла, удовольствовалось уклончивымъ отвѣтомъ Од. Барро, объявившаго, что въ ночь долженъ былъ разразиться страшный заговоръ и что только по случайному недоразумѣнію президентъ собранія не былъ предупрежденъ о созваніи войскъ для подавленія мятежа.

Фальшивая тревога тѣмъ и ограничилась. Она показала Луи-Бонапарту, какъ легко разогнать собраніе при первой надобности, и потому какъ было легко пренебрегать его совѣтами и требованіями. Но со стороны народа Луи-Бонапартъ встрѣтилъ иной урокъ: когда въ полдень онъ выѣхалъ изъ Елисейскаго дворца на смотръ войскамъ, народъ встрѣтилъ его недовольными криками: «Да здравствуетъ республика!» давая ему ясно понять, что онъ стоитъ за сохраненіе республики, за сохраненіе того учрежденія, въ которомъ республика должна была прежде всего выражаться, т. е. собранія народныхъ представителей. Луи-Бонапартъ долженъ былъ подумать о томъ, какъ погубить въ народѣ всякое довѣріе къ его представителямъ, какъ возбудить въ немъ ненависть и вражду къ нимъ, какъ, наконецъ, заставить народъ перейти на его сторону въ борьбѣ за императорскую корону, выражавшейся нагляднымъ образомъ въ борьбѣ между законодательной и исполнительной властью. Такая задача будетъ теперь руководить всѣми дальнѣйшими дѣйствіями Луи-Бонапарта, несмотря на разныя видимыя противорѣчія, нерѣдко происходившія отъ того, что Бонапарту надо было въ то же время заботиться и о другомъ успѣхѣ—о привлеченіи къ себѣ всей буржуазіи, а для этого надо было не разъ ясно показывать ей президентскую готовность спасать ее всегда и вездѣ отъ «разбойническихъ покушеній соціалистовъ-демагоговъ», отъ «разгоряченной алчности фантазирующей черни».

Вниманіе, возбужденное на минуту внутренней тревогой, снова было отвлечено и въ гораздо большей степени, чѣмъ прежде,

внѣшними событіями, стоявшими въ тѣсной связи съ состояніемъ Франціи.

20-го февраля 1849 года, Ледрю-Ролленъ снова вошелъ на трибуну, чтобы объявить представителямъ о провозглашеніи въ Римѣ республики. «Граждане,—говорилъ Ледрю-Ролленъ —фактъ громадной важности, который оставитъ въ исторіи долгій слѣдъ, совершился въ Италіи: въ ней провозглашена республика, и свѣтская власть папъ поражена низложеніемъ. Для друзей свободы это счастливая новость (протесты на правой сторонѣ собранія). Я говорю, что провозглашеніе республики въ Римѣ должно быть для друзей свободы счастливымъ и великимъ извѣстіемъ (да, да; неудовольствіе на правой сторонѣ), и я удивляюсь, слыша столь многочисленные протесты съ этой стороны собранія (съ правой), которая столько уже разъ кричала: да здравствуетъ республика! (ироническій смѣхъ и шумное одобреніе на лѣвой сторонѣ). Еслибъ правительство видѣло въ томъ, какъ мы, новую силу для нашихъ принциповъ и идеи, то эту новость, столь счастливую и столь неожиданную еще нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, намъ объявили бы оффиціально съ трибуны еще вчера. Это одно изъ такихъ событій, которыя настолько имѣютъ значенія въ европейской политикѣ, что мы имѣли, можетъ быть, право узнать его не изъ какихъ-нибудь газетныхъ статеекъ. А между тѣмъ дѣло выходитъ совершенно наоборотъ, потому что со вчерашняго дня носятся зловѣщіе слухи, которые смущаютъ искреннихъ республиканцевъ (шумъ) и которые именно потому подняли ренту. Я говорю о замыслѣ вмѣшательства».

Ледрю-Ролленъ указывалъ на проектъ, по которому все вооруженное дѣйствіе предоставлялось Піемонту; Піемонтъ долженъ былъ возстановить папу на его разбитомъ тронѣ, между тѣмъ, какъ соединенный флотъ Англіи и Франціи будетъ оказывать ему свое покровительство, находясь въ водахъ Чивита-Веккіи. «Республика будетъ задушена, но она будетъ задушена итальянскими же руками». «Болѣе, —кончалъ Ледрю-Ролленъ,—прибавлять къ этому нечего. Какъ республиканецъ, я желалъ бы думать, что слухи, о которыхъ я сообщилъ собранію, несправедливы, ибо, еслибъ они были основательны, то это вмѣшательство, прикрытое, іезуитское, не имѣющее даже смѣлости прямо заявить себя, обезчестило бы въ моихъ глазахъ французское правительство». (Продолжительное одобреніе на лѣвой сторонѣ).

Въ отвѣтъ на заданные вопросы, *гражданинъ* Друэнъ де-Люисъ, министръ иностранныхъ дѣлъ, началъ свои объясненія шутками о географическихъ познаніяхъ оратора, замѣчая, что Піемонтъ не граничитъ съ Романьей, что есть посредствующія

государства, что, поэтому, союзъ Неаполя съ Піемонтомъ и ихъ военныя операціи вовсе не такъ легки, какъ кажется Ледрю-Роллену. Вызвавъ одобрительный смѣхъ съ правой стороны и продолжительный шумъ въ собраніи, гражданинъ-министръ успѣлъ оправиться отъ смущенія и, отдѣлываясь отъ прямого отвѣта Ледрю-Роллену, дать собранію залогъ министерской и значитъ президентской преданности католичеству, вмѣстѣ съ громкими обѣщаніями повергнуть всѣ дальнѣйшія распоряженія президентскаго правительства на усмотрѣніе собранія: «Франція изберетъ свой день и свой часъ; она сообразитъ свои интересы (читай, интересы президента), и если правительство приметъ рѣшеніе, которое *потребуетъ содѣйствія* національнаго собранія, то оно здѣсь приметъ его иниціативу, оно принесетъ на эту трибуну свои предложенія и представитъ вамъ дѣло во всей его истинѣ». (Многочисленные знаки одобренія). Только представитель крайней лѣвой стороны Ледрю-Ролленъ не одобрялъ министра и продолжалъ изобличать политику президента: «О, да, я понимаю затрудненіе министерства, оно дѣйствительно должно быть велико, ибо министерство, повидимому, рѣшило поступить совершенно противно желанію Франціи. Франція хотѣла, чтобъ въ случаѣ нужды была поднята война въ интересѣ свободы народовъ; а эту войну поведутъ теперь противъ свободы народовъ, ибо нечего болѣе обманываться: сквозь умолчанія министерства ясно, что его оставятъ предпринять войну въ пользу главы католическаго міра. О, я объявляю вамъ, что религіозная война въ XIX-мъ вѣкѣ будетъ дѣломъ чудовищнымъ, которое потомство не перестанетъ клеймить» (живое и долгое одобреніе на лѣвой сторонѣ).

Слова Ледрю-Роллена производили различное впечатлѣніе на членовъ національнаго собранія. Одни изъ нихъ — не многіе — раздѣляли негодованіе оратора и заранѣе готовы были протестовать противъ столь очевиднаго нарушенія началъ свободы, какъ покушеніе на свободу сосѣднихъ народовъ; другіе, привыкшіе къ парламентаризму, всю свою жизнь проведшіе въ парламентской игрѣ, сводя на эту игру всѣ свои помыслы, все свое честолюбіе, — думали не столько о римской республикѣ и даже не о французской, сколько о легальномъ отношеніи президентской власти къ національному собранію, думали болѣе всего о томъ, чтобъ президентъ не сталъ первенствовать надъ ними, чтобъ не могъ самовольно распоряжаться судьбами Франціи, и значитъ прежде всего судьбою ихъ же самихъ, между тѣмъ, какъ они считали самихъ себя призванными спасителями страны отъ анархіи. Третьи, наконецъ, очень хорошо понимали, куда ведетъ пре-

зидентское министерство и боялись только одного, что имъ не удастся окончательно заставить президента рѣшиться на римское «освобожденіе», т. е. освобожденіе папы отъ крамольныхъ республиканцевъ.

Т. Делоръ разсказываетъ, что президентъ республики, говоря однажды объ общественныхъ дѣлахъ съ однимъ изъ бывшихъ министровъ республики, спросилъ его: «Какія по вашему мнѣнію были ошибки, совершенныя до сихъ поръ моимъ правительствомъ?» — «Самая важная изъ всѣхъ — отвѣтилъ собесѣдникъ Луи-Бонапарту — это римская экспедиція, вы вошли въ Римъ и я говорю вамъ, что вы не выйдете изъ него». — «Эта дверь — сказалъ тогда Луи-Бонапартъ, указывая на дверь своего кабинета въ Елисейскомъ дворцѣ — эта дверь ни разу не открывалась съ тѣхъ поръ какъ я здѣсь, безъ того, чтобъ въ нее не входилъ кто-либо, кричавшій мнѣ: Въ Римъ! — Г. де-Монталамберъ, г. Тьеръ, г. Беррье безпрестанно повторяли мнѣ эти два слова; число партизановъ росло съ каждымъ днемъ до такой степени, что стало просто наводненіемъ!» — Картинное сравненіе римской экспедиціи съ наводненіемъ, только съ кровавымъ, сдѣланное Луи-Бонапартомъ, выражало собой очень удачно смыслъ экспедиціи, и намъ остается только указать какъ близилось это наводненіе, какъ оно покрывало собою всѣ вѣхи, разставленныя на пути президента къ императорству, какъ поглощало оно собою всѣ разставленныя ему препятствія въ лицѣ собранія и въ образѣ конституціи, и какъ наконецъ потопило оно всѣ сопротивленія его личному произволу.

8-го марта, одинъ изъ депутатовъ объявляетъ о новомъ священномъ союзѣ между Австріей, Пруссіей и Россіей (?), обвиняетъ правительство Луи-Бонапарта въ слабости за то, что оно дозволяетъ австрійцамъ безнаказанно грабить Феррару, и спрашиваетъ у министровъ, какъ намѣрено вести себя правительство въ случаѣ вторженія въ Римъ другихъ державъ? Гражданинъ Друэнъ-де-Люисъ опять уклоняется отъ прямого отвѣта, указывая на то, что «политика правительства достаточно извѣстна и подтверждена неоднократными рѣшеніями собранія». Болѣе краснорѣчивымъ явился самъ президентъ совѣта министровъ, Одилонъ-Барро, когда 28-го марта принесъ въ собраніе депешу о пораженіи Карла-Альберта при Новарѣ и объ отреченіи его отъ престола: «Какъ ни быстро произошла эта развязка, *она была предвидѣна* и хотя въ данномъ случаѣ піемонтское правительство пренебрегло совѣтами Франціи, мы тѣмъ не менѣе *рѣшились* оградить, съ цѣлостью піемонтской территоріи, неприкосновенность интереса и достоинства Франціи». Собраніе привѣтство-

вало это объявленіе «общими знаками одобренія», и не замѣтило повидимому, что въ нѣсколькихъ словахъ министра сказывалось уже формальное пренебреженіе національнымъ собраніемъ: «мы рѣшились» — говоритъ министръ, нисколько не заботясь о мнѣніи и предварительномъ рѣшеніи собранія. Да, впрочемъ, и къ чему министерству заботиться, когда и безъ него на другой же день собраніе поспѣшило высказать президенту республики свое полное довѣріе, какъ разъ въ ту минуту, когда положеніе дѣлъ требовало наибольшаго контроля.

30-го марта, гражданинъ Биксіо предложилъ собранію отъ имени комитета иностранныхъ дѣлъ резолюцію, въ которой между прочимъ говорилось, что національное собраніе, *«увѣренное въ правительствѣ президента республики»*, объявляетъ, что если для большей гарантіи цѣлости піемонтской территоріи и для вѣрнѣйшаго огражденія интересовъ и чести Франціи, исполнительная власть полагала бы необходимымъ оказать своимъ переговорамъ поддержку мѣстнымъ и временнымъ занятіемъ Италіи, то *она встрѣтитъ въ собраніи самое искреннее и самое полное содѣйствіе*. Предложеніе выразить довѣріе правительству президента вызвало шумъ, и гр. Флоконъ прямо оспаривалъ этотъ пунктъ, говоря, что не можетъ вотировать предложеніе, «ибо въ немъ высказано то чувство довѣрія, котораго, говорю откровенно, я не раздѣляю». Вмѣсто того, онъ предложилъ другой чередной порядокъ дня, заключавшійся въ простомъ подтвержденіи того рѣшенія, которое само собраніе приняло 24-го мая 1848 года: «Національное собраніе, оставаясь при своемъ рѣшеніи отъ 24-го мая [1]), приглашаетъ правительство принять мѣры, необходимыя для гарантіи освобожденія Италіи». Но не успѣлъ Флоконъ окончить предложенія, какъ его прервали возгласами и восклицаніями со всѣхъ сторонъ; стало очевиднымъ, что собраніе отказывается отъ своихъ прежнихъ дѣйствій и торжественныхъ заявленій, отказывается отъ своей первоначальной самостоятельности, и просто хочетъ предоставить веденіе дѣла самому президенту республики. Собраніе кончило тѣмъ, что приняло предложеніе Биксіо большинствомъ 440 голосовъ противъ 320.

Основываясь на этомъ рѣшеніи, 16-го апрѣля Од. Барро явился въ собраніе съ просьбою кредита въ милліонъ двѣсти тысячъ франковъ для трехмѣсячнаго занятія одного изъ пунктовъ центральной Италіи, гдѣ неминуемо близится кризисъ: «Мы теперь же можемъ утверждать, что наше вмѣшательство породитъ серь-

---

[1]) Въ рѣшеніи 24-го мая 1848 года, рядомъ съ провозглашеніемъ братскаго союза съ Германіей и возстановленія Польши, шло освобожденіе Италіи.

езныя гарантіи и для интересовъ нашей страны и для дѣла *истинной свободы»!* Насмѣшливый хохотъ встрѣтилъ это увѣреніе съ лѣвой стороны собранія, но собраніе приняло его серьезно, и одинъ голосъ даже поспѣшилъ пояснить слова министра: «Свободы честной и умѣренной!» Собраніе назначило коммиссію изъ 15-ти членовъ, докладчикомъ которой явился Ж. Фавръ. Докладъ утверждалъ, вслѣдствіе объясненій коммиссіи съ министрами, что мысль правительства не заключается въ томъ, чтобъ заставить Францію содѣйствовать низверженію республики, существующей теперь въ Римѣ. Но несмотря на то, цѣлая буря поднялась въ собраніи, и лѣвая сторона не уставала пророчить «предательство и подлость или войну». «Намъ должны торжественно объявить съ этой трибуны—настаивалъ Эм. Араго, что вторженіе въ Италію предпринимается съ опредѣленнымъ рѣшеніемъ заставить уважать то, насилія чему мы не потерпѣли бы у насъ, т. е. принципъ народной верховности». «Наше знамя,— успокоивалъ этихъ алармистовъ Одилонъ Барро — будетъ развѣваться въ Италіи только въ интересѣ Франціи и ея законнаго вліянія, оно будетъ служить интересу того стараго дѣла, которое всегда вызываетъ наши симпатіи (голосъ: какого дѣла?)... дѣла серьезной свободы и гарантіи *хорошаго* правительства» (очень хорошо, очень хорошо! на голоса!). «А я отъ васъ требую, — еще разъ заключалъ свою длинную энергическую рѣчь Ледрю-Ролленъ, — категорическаго отвѣта на мой вопросъ: хотите-ли вы возстановленія папы? Имѣйте смѣлость сказать это; выйдите изъ облаковъ; отбросьте покрывало. Если вы предпринимаете возстановленіе папы, то надо, чтобъ страна это знала; ибо я убѣжденъ, что, далеко не сочувствуя вамъ, *вся страна поднялась бы при одной такой мысли»!* Вмѣсто категорическаго отвѣта, оратора заглушили только крики правой стороны, требованія закрыть дебаты и приступить къ подачѣ голосовъ... Собраніе вотировало кредитъ большинствомъ 395 голосовъ противъ 283; большинство, вообще говоря, незначительное, но очень важное по своимъ рѣшеніямъ и по результатамъ, слѣдующимъ за такими рѣшеніями.

X.

Къ сожалѣнію, было бы слишкомъ долго переноситься въ разсказѣ изъ Парижа въ Италію вслѣдъ за генераломъ Удино, начальникомъ экспедиціоннаго корпуса, въ Чивита-Веккію и оттуда въ Римъ на баррикады, въ которыя превратился каждый домъ, и на которыхъ римляне — мущины, женщины и дѣти отчаянно дрались и упорно защищали свою юную республику отъ вѣроломнаго вторженія бонапартовскаго генерала. Мѣсяца не надо было для обнаруженія всего поведенія президента французской республики въ этомъ вторженіи. Мы ограничимся нѣсколькими строками изъ Делора и продолжимъ свой разсказъ о положеніи вещей въ самомъ Парижѣ; о положеніи національнаго собранія относительно президента; о положеніи партій другъ къ другу, и наконецъ, объ отношеніи республиканской партіи къ собранію и президенту. Познакомившись съ этимъ положеніемъ вещей, мы уже будемъ знать весь дальнѣйшій путь, приведшій къ перевороту. Все остальное представляетъ собою естественные результаты римской экспедиціи, порожденнной союзомъ президента съ клерикальной реакціей.

«Римская республика счастливо сопротивлялась Неаполю и Австріи, когда присутствіе экспедиціоннаго корпуса парализовало ее, принуждая ее сосредоточить всѣ свои силы въ Римѣ, а этимъ вынужденнымъ дѣйствіемъ ихъ она оставляла свою границу открытою для вторженія. Десять тысячъ ружей, закупленныхъ во Франціи на ея счетъ, были подвергнуты секвестру, что отнимало 10 тысячъ солдатъ у страны, гдѣ каждый является солдатомъ передъ чужеземцемъ. *Ничто не оправдывало французскаго вторженія въ Римъ, кромѣ обязательства президента республики предъ клерикальной партіей.* Общественное мнѣніе, преисполненное грустныхъ предчувствій, думало со страхомъ объ этой *роковой* экспедиціи, когда вдругъ утромъ 7-го мая разнеслись пагубныя извѣстія: кровь французская—говорятъ—течетъ подъ стѣнами Рима, римляне отважно бьются на баррикадахъ, построенныхъ при приближеніи французовъ; на каждой улицѣ, превращенной въ баррикады, надъ каждыми воротами города высится надпись, на которой читается 5-й параграфъ конституціи: «Французская республика никогда не посягнетъ на національность какого-либо народа». (T. Delord, стр. 146 [1]).

---

[1]) Делоръ не совсѣмъ вѣрно передаетъ текстъ конституціи, § 5-й: „Французская республика уважаетъ иностранныя національности точно также какъ заставляетъ ува-

7-го же мая на трибуну вошелъ Ж. Фавръ для произнесенія своего грознаго обличенія противъ министерства президента, для обвиненія его прямо въ безчестности. Рѣчь, въ которой было брошено въ лицо президенту извѣстное выраженіе: «Вы дѣлаете изъ Франціи жандарма абсолютизма», — напоминала собранію всѣ обѣщанія, данныя министрами въ коммиссіи 17-го апрѣля и подкрѣпленныя ихъ честнымъ словомъ — не дѣйствовать въ Италіи противъ свободы римской республики. «Въ коммиссіи было сказано самими министрами, что экспедиція французская не можетъ имѣть цѣлью покровительствовать такой формѣ правленія, которая была бы отвергаема римскимъ населеніемъ. Между нами было вполнѣ договорено, что подобное притязаніе и приведеніе его въ исполненіе было бы покушеніемъ на человѣчество, столько же сколько и на свободу. Таково было въ сущности *честное слово*, данное намъ, и именно вслѣдствіе этого честнаго слова рапортъ коммиссіи былъ принесенъ на эту трибуну» Ораторъ разсказывалъ далѣе про поведеніе генерала Удино, который также торжественно давалъ римлянамъ *честное слово* не вмѣшиваться въ ихъ дѣла [1]), и который вѣроломно завладѣлъ Чивита-Веккіей и, говоря о братствѣ, бросился на Римъ со штыками и пушками. И кровь лилась съ двухъ сторонъ, двухъ братскихъ народовъ: лилась за папу, за абсолютизмъ! «И вотъ, господа, римляне, которые отказываются принять въ свой городъ чужеземцевъ, ибо мы для нихъ чужеземцы, римляне, которые не хотятъ, чтобъ мы возвращали имъ это жреческое правительство, которое вы тянете за собой; римляне, которые готовы умереть, которые умираютъ — это по вашему иностранцы, толпа авантюристовъ, и завтра, по всей вѣроятности, въ вашихъ бюллетеняхъ они явятся разбойниками, которые не хотятъ, чтобъ земля ихъ отечества была осквернена чужеземными арміями!»...

....«Что хотите вы, чтобъ сказала Италія? преданная сначала изъ равнодушія, преданная теперь военнымъ вѣроломствомъ и насиліемъ надъ всѣмъ, что только есть святого въ божескомъ

жать свою собственную, не предпринимаетъ никакой войны съ цѣлью завоеваній, и никогда не употребляетъ своего оружія противъ свободы какого бы то ни было народа".

[1]) «Римляне! — говорилъ генералъ Удино въ своей прокламаціи изъ Чивита-Веккіи, — наша цѣль не состоитъ въ давящемъ вліяніи, въ наложеніи на васъ правленія, которое было-бы противно вашимъ желаніямъ... примите *насъ какъ братьевъ*, мы *оправдаемъ* это названіе... если вы послушаете мой голосъ, если вы имѣете *довѣріе къ моему слову*, я отдамъ себя всего на служеніе интересамъ вашего прекраснаго отечества!»

и человѣческомъ правѣ? Чтó хотите вы, чтобъ она говорила? Ей остается только еще въ послѣдній разъ броситься съ отчаяніемъ въ объятія тирановъ, стоящихъ у входа въ нее,—для того, чтобъ взяться за ихъ общее дѣло и чтобъ увеличить еще эту коалицію, которую, можетъ-быть, нѣкоторые презрѣнные граждане призываютъ во Францію, чтобъ установить въ ней то, чтó они зовутъ порядкомъ и что я зову — монархіей».

Привѣтствуемый всею лѣвою стороною на этотъ разъ, Ж. Фавръ сурово обличалъ и министерство и реакцію, призывая на нихъ судъ страны и требуя отчета, объясненія вѣроломнаго предательства, преступленія, измѣны политической чести и личной честности. Въ этомъ обвиненіи, — кромѣ трагическаго положенія, въ которое вверженъ былъ Римъ, — лежала иная, грустная сторона, сторона моральной немощи и негодности всей правительственной машины Франціи подъ сѣнью президента. Оказывалось, что правительство президента каждый шагъ свой гарантировало ничѣмъ инымъ какъ личною честностью, какъ честнымъ словомъ, торжественно даваемымъ министрами — предъ цѣлымъ собраніемъ, генералами — предъ цѣлымъ народомъ, и на каждомъ шагу это честное слово было попрано насиліемъ и обманомъ. Оказывалось, что правительство президента избираетъ главными агентами людей, которые охотно жертвуютъ, или которые вынуждены жертвовать своею честностью, а между тѣмъ отсутствіе честности дѣйствуетъ, еще пагубнѣе чѣмъ въ частной сферѣ, на всѣ отношенія, когда оно проявляется въ общественной, въ политической жизни. Отсутствіе честности въ такомъ случаѣ отбрасываетъ общество назадъ въ средніе вѣка, къ господству кулачнаго права, къ торжеству права сильнаго. Такія послѣдствія не замедлили сказаться въ самой Франціи.

Можно было подумать, выслушавъ рѣчь Ж. Фавра, что эта рѣчь способна окончательно поразить министерство; оно уничтожено и растоптано въ грязи собственной лжи, оно, очевидно, само принесетъ покаяніе и признаетъ свою негодность, потому что, если оно не сдѣлаетъ этого, то національное собраніе, конечно, по иниціативѣ того же Ж. Фавра, предастъ министерство суду, а вмѣстѣ съ нимъ и президента, какъ виновнаго въ нарушеніи конституціи, въ нанесеніи безчестья французскому знамени, въ обманѣ народнаго представительства. Національное собраніе, конечно, ясно увидитъ теперь, чего можетъ оно ждать далѣе отъ этого президента, когда онъ болѣе утвердится и пріобрѣтетъ народное довѣріе, если уже теперь, при самомъ началѣ, онъ безбоязненно совершаетъ насиліе надъ рѣшеніями и прерогативами собранія.

Но такія предположенія однако будутъ совершенно тщетны и вы напрасно трудитесь предугадать ходъ дѣла, въ которомъ запутаны судьбы цѣлаго народа; потому что въ національномъ собраніи въ періодъ президентства единственной логикой стали мелкіе интересы побитыхъ партій, интриги личнаго честолюбія и своекорыстнаго разсчета, побужденія темнаго суевѣрія и тупой ненависти...

Фавръ приводилъ въ своей рѣчи факты извѣстные всему собранію, онъ прямо говорилъ, что министры давали честное слово, что французское войско не отправляется въ Италію на погубленіе римской республики, а теперь оказалось, что именно только эта задача и была возложена на генерала Удино, ибо конечно, при строгости военной дисциплины, Удино не смѣлъ бы, вопреки инструкціямъ, вторгаться въ Римъ. Что-же могъ возразить на все это Од. Барро, первый министръ президента Бонапарта?

«Какъ! — восклицаетъ Од. Барро въ негодованіи на дерзость Ж. Фавра, — осужденіе, и осужденіе въ слышанныхъ вами выраженіяхъ, предшествуетъ изслѣдованію, узнанію фактовъ! Вы смѣете приносить на эту трибуну обвиненіе, направленное на одного человѣка, который не вчера родился, который успѣлъ дать уже нѣкоторыя ручательства въ вѣрности своего слова и своихъ обязательствъ; вы смѣете его обвинять въ томъ, что онъ вырвалъ у собранія его рѣшеніе ложью и обманомъ.... О, конечно было средство очень простое, гораздо болѣе удобное, которое безъ сомнѣнія удовлетворило бы враговъ министерства и само министерство: слѣдовало бы оставить событія идти своимъ путемъ, слѣдовало бы скрестить свои руки»....

— «Это было-бы гораздо лучше, чѣмъ то, что вы сдѣлали» — прервалъ его Мальяръ. — Въ отвѣтъ на это Одилонъ Барро не ограничился уже указаніемъ на свою личную добродѣтель, на свою прошлую политическую жизнь, которая дѣйствительно не была запятнана до тѣхъ поръ ничѣмъ безчестнымъ, — въ отвѣтъ на новые упреки, Барро обратился съ упрекомъ къ самому собранію и прочелъ ему достойный урокъ за его нерѣшительное поведеніе:

«Надо было принять какое-нибудь рѣшеніе, держаться какой-нибудь стороны; а развѣ вы приказали папскому нунцію оставить Францію? Развѣ вы возложили на министерство обязательство признать римскую республику? и въ тоже время, развѣ вы приказали сборъ цѣлой арміи для занятія той или другой части Италіи и для защиты — какой бы цѣной ни было, даже цѣной войны — римской республики? Развѣ вы сдѣлали это?»

Упрекъ повидимому подѣйствовалъ на собраніе, потому что оно стало аккомпанировать дальнѣйшую рѣчь министра частыми знаками одобренія и даже привѣтствовало возгласами: «очень хорошо! очень хорошо!» самое заключеніе его рѣчи. А въ этомъ заключеніи министръ повернулъ обвиненіе въ нарушеніи конституціи съ президента на собраніе и строго предупредилъ собраніе, чтобы оно не мечтало о распряхъ и о возможности смѣнить исполнительную власть: «Я не намѣренъ возбуждать тщетныхъ и непристойныхъ столкновеній, но я глубоко убѣжденъ, что собраніе будетъ питать чувство уваженія къ конституціи: *оно можетъ обвинять исполнительную власть, но оно не смѣняетъ ее»*. (Очень хорошо, очень хорошо!)

Еще было сказано нѣсколько рѣчей, еще были вызваны не разъ шумъ, смятеніе, восклицанія и взаимные упреки. Собраніе рѣшило наконецъ выбрать коммиссію для изслѣдованія фактовъ, относящихся къ спорному вопросу, и назначило для выслушанія коммиссіи особое ночное собраніе.

Въ одиннадцать часовъ вечера на трибуну вошелъ докладчикъ коммиссіи Сенаръ. Излагая передъ собраніемъ условія экспедиціи и договоръ министровъ съ коммисіей, докладчикомъ которой былъ Ж. Фавръ, Сенаръ отъ имени новой коммиссіи приходилъ къ слѣдующему заключенію: «Большинство вашей коммиссіи, сравнивая факты, обнаруженные депешами, со всѣмъ тѣмъ, что было объявлено собранію и съ тѣми заключеніями, которыя побудили собраніе къ его рѣшенію, — большинство вашей коммиссіи полагаетъ, что направленіе, данное экспедиціи, не было сообразно съ мыслью, которою она была вызвана и вслѣдствіе которой она была принята. Инструкціи, данныя генералу командующему экспедиціей, по нашему мнѣнію, не согласны съ заявленіями, сдѣланными на этой трибунѣ и съ рѣшеніями, принятыми собраніемъ. И дѣйствительно, римская республика, которую не должны были ни атаковать, ни защищать, теперь прямо атакована. Въ силу этого, ваша коммиссія имѣетъ честь предложить вамъ слѣдующую резолюцію: національное собраніе приглашаетъ правительство принять немедленно мѣры, необходимыя для того, чтобъ итальянская экспедиція не была болѣе отвращена отъ цѣли, предназначенной для нея» (*Движеніе*).

Можно представить себѣ изумленіе собранія и смѣлость министра иностранныхъ дѣлъ, гражданина Друэна-де-Люиса, когда онъ вздумалъ опровергать увѣреніе коммиссіи объ инструкціяхъ генералу Удино, и въ доказательство того, захотѣлъ прочесть самую инструкцію. Въ ней прямо выражалось отношеніе къ республиканскому правленію въ Римѣ, какъ *къ навязанному рим-*

лянамъ насильно: «Если же, противъ всякаго вѣроятія, вздумали бы воспретить вамъ вступленіе въ Чивита-Веккію, то вы не должны останавливаться передъ сопротивленіемъ, которое противопоставили бы вамъ во имя правительства, никѣмъ въ Европѣ не признаннаго и держащагося въ Римѣ противъ воли громаднаго большинства населенія». Шумные крики прервали такое признаніе правительства президента. — «Роялисты говорили точно также въ 1814 и 1815 году», — воскликнулъ представитель Мальяръ. И еще громче раздался шумъ съ лѣвой стороны, когда министръ спокойно продолжалъ читать инструкцію и дошелъ до мѣста: «Вашъ походъ на Римъ, во главѣ вашихъ войскъ, безъ сомнѣнія облегчилъ-бы развязку, придавъ бодрость *честнымъ людямъ*». — «Такъ по вашему только роялисты честные люди?» — снова спрашивалъ Мальяръ... «Вездѣ гдѣ вы будете — продолжалъ министръ — до той минуты, пока правильное правительство *замѣнитъ то, которое теперь тяготѣетъ надъ папскими владѣніями....»*

— Да это постыдно! вы предатели! — раздалось съ лѣвой стороны и вызвало страшный шумъ и гвалтъ.

А министръ все-таки докончилъ инструкцію и признаніе президентскаго правительства, что оно не имѣетъ и никогда не имѣло никакой симпатіи къ римской республикѣ, — и когда его хотѣли сразить утвержденіемъ: — «Да и ни къ какой республикѣ вы не имѣете симпатій!» — то онъ и самъ наконецъ бросилъ въ лицо собранію упрекъ гораздо болѣе серьезный: — «Я говорю вамъ, что вы сами были непослѣдовательны и нелогичны, вы сами не хотѣли точно опредѣлить своихъ желаній... Я и теперь хотѣлъ-бы, чтобы вы были болѣе точны. Ваше приглашеніе теперь, чтобъ экспедиція была направлена къ цѣли болѣе сообразной съ желаніемъ національнаго собранія — это вещь очень неопредѣленная. Будьте болѣе настойчивы и ясны!»...

Этимъ послѣднимъ вызовомъ министръ на свою бѣду только испортилъ себѣ дѣло, потому что докладчикъ Сенаръ, послѣ длиннаго опроверженія, десять разъ прерываемаго противорѣчивыми восклицаніями, высказалъ наконецъ довольно ясно значеніе предложенной собранію резолюціи: «Мы не хотимъ, чтобы на учредительное собраніе Рима, чтобы на римскую республику было сдѣлано нападеніе, вопреки нашей конституціи, вопреки мысли, которая побудила насъ вотировать кредитъ». 328 голосовъ были поданы за резолюцію, 241 — противъ.

Принятіе резолюціи даже въ такомъ скромномъ видѣ, въ какомъ оно было формулировано, считалось тогда уже побѣдою надъ притязаніями президентства. Но до сихъ поръ мы видѣли

въ дѣйствіи только министровъ президента, самъ же онъ оставался пока за кулисами, вѣрный своей принятой тактикѣ: онъ еще не изучилъ до того времени въ полной ясности своего положенія и отношенія къ нему всѣхъ партій; онъ повидимому не зналъ еще, какъ ему прямо выступить; ему еще есть теперь отступленіе; онъ можетъ свалить всю вину на министровъ и выйти сухимъ изъ воды, хотя уже изъ самаго поведенія министровъ въ случившемся столкновеніи ясно обнаружилась вся дальнѣйшая система президентскихъ дѣйствій: онъ конечно не побоится обвинить, когда надо будетъ, министровъ (и мы увидимъ, что онъ сдѣлаетъ это), но прежде всего и во всемъ онъ всегда будетъ обвинять само національное собраніе, и будетъ достигать этимъ двухъ цѣлей: во-1-хъ, онъ съумѣетъ отпарировать всѣ покушенія обвинить его самого въ чемъ-либо; во-2-хъ, онъ, при удобномъ случаѣ обращая всю вину на національное собраніе, будетъ постоянно подрывать довѣріе къ нему въ народѣ, а это было одно изъ непремѣнныхъ условій успѣха его дальнѣйшихъ плановъ.

«Рѣшеніе собранія (предложенное Сенаромъ) отмщаетъ за честь собранія и республики»,—говоритъ Делоръ, показывая тѣмъ, что республиканцы, какъ онъ, не были особенно взыскательны,— «теперь дѣло состояло въ томъ, чтобы привести его въ исполненіе. Національное собраніе говоритъ Луи-Бонапарту, чтобы онъ остановился; реакція толкаетъ его впередъ; президентъ республики не принадлежитъ болѣе самъ себѣ; г. Монталамберъ, такъ сказать, диктуетъ ему письмо къ генералу Удино».

Письмо къ Удино вызвало новую тревогу въ собраніи 9-го мая. Представитель Греви (выборъ котораго недавно въ законодательный корпусъ второй имперіи надѣлалъ много шуму своимъ успѣхомъ) указалъ на него собранію, какъ на первый актъ правительства въ лицѣ самого президента, въ отвѣтъ на рѣшеніе національнаго собранія. «Наша военная честь,—говорилось въ письмѣ президента, отпечатанномъ въ «Patrie», а не въ «Мониторѣ», — замѣшана въ дѣлѣ; *я не потерплю*, чтобъ ей нанесенъ былъ малѣйшій ущербъ. Въ подкрѣпленіяхъ недостатка не будетъ. Скажите вашимъ солдатамъ, что *я цѣню* ихъ храбрость, что *я раздѣляю* ихъ труды и что они всегда могутъ разсчитывать на *мою* поддержку и на *мою* признательность».

«Письмо президента — объяснилъ съ своей точки зрѣнія Ледрю-Ролленъ—чрезвычайно важно. Да, оно уничтожаетъ ваше рѣшеніе; да, политика, которая заявляется въ немъ, противоположна политикѣ, которую провозглашало ваше послѣднее рѣшеніе. Что бы ни дѣлало и ни говорило министерство, — это остается

очень важнымъ, и я долженъ энергически протестовать, чтобъ дать понять странѣ, что первый сановникъ, котораго она поставила во главѣ своей, не сохраняетъ ни ея чести, ни чести республики»!

Таково было первое прямое обвиненіе самого президента за его первый явный шагъ во внѣшней политикѣ, слишкомъ обнаруживавшій его виды на преданность арміи, его стремленіе къ самостоятельной и независимой первой роли въ странѣ. Другой представитель, Клеманъ Тома, не менѣе ясно, чѣмъ Ледрю-Ролленъ, указывалъ на разныя «императорскія замашки»;—и наконецъ на слѣдующій день Ледрю-Ролленъ снова явился на трибуну съ документами въ рукахъ, изъ которыхъ еще очевиднѣе представлялась та отчаянная игра, которую затѣвалъ президентъ противъ представительства, стараясь возбудить въ войскѣ преданность къ себѣ и злобу къ представителямъ. Бригадные генералы получили приглашеніе распространять какъ можно старательнѣе во всѣхъ рядахъ войска письмо президента къ генералу Удино. «Письмо это — говорило приглашеніе — должно усилить привязанность арміи къ главѣ государства; оно составляетъ счастливую противуположность языку людей, которые готовы послать французскимъ солдатамъ, стоящимъ подъ непріятельскимъ огнемъ, вмѣсто всякаго одобренія только отреченіе отъ нихъ»!

Въ такихъ дѣйствіяхъ президента, по объясненію Л. Роллена, открывался цѣлый опредѣленный планъ, цѣлая система контръ-революціи; «хотятъ задушить республику и извнѣ и внутри!» Крайняя лѣвая сторона предлагала предать суду президента и министровъ; лѣвый центръ, въ лицѣ Ж. Фавра, предлагалъ собранію выразить недовѣріе къ министерству. Собраніе не приняло ни того, ни другого, и Л. Фоше, министръ внутреннихъ дѣлъ, торжественно оповѣщалъ департаменты о заявленіи довѣрія. «Это заявленіе упрочиваетъ общественный миръ. Агитаторы только и ждали рѣшенія, враждебнаго правительству, чтобъ поспѣшить на баррикады и чтобъ возобновить іюльскія событія Парижъ спокоенъ.»

Министръ поторопился похоронить агитаторовъ и баррикады, и Парижъ былъ спокоенъ не надолго. Прежде всего собраніе до того оскорбилось выходкой Л. Фоше, которую считала неумѣстною наканунѣ выборовъ въ законодательное собраніе, что Л. Фоше принужденъ былъ подать въ отставку. А вскорѣ за тѣмъ случилось и другое происшествіе въ собраніи, которое, повидимому, приглашало къ отставкѣ самого президента. Манифестъ императора Николая I-го произвелъ въ Парижѣ ропотъ и смятеніе, немного меньшее, чѣмъ во время оно, въ 1792 году,

манифестъ герцога Брауншвейгскаго. Честолюбіе французовъ было задѣто заживо суровымъ осужденіемъ всѣхъ революцій; за республиканцами вздумали оскорбляться и бонапартисты, хотя все это и повело только къ скандальной, въ семейно-династическомъ смыслѣ, выходкѣ одного двоюроднаго брата противъ другого. На трибуну національнаго собранія выступилъ представитель народа Наполеонъ-Бонапартъ и объявилъ съ негодованіемъ, что не признаетъ другого верховнаго властелина, какъ самый народъ, что ненавидитъ реакцію, и что, если онъ до сихъ поръ думалъ, «что Луи-Бонапартъ болѣе способенъ, чѣмъ кто-либо другой, по своему имени, по своимъ писаніямъ, по своему заключенію въ тюрьмѣ, къ установленію прочнаго существованія республики, то онъ не можетъ сохранить долѣе того же мнѣнія, видя, что президентъ слѣдуетъ пагубной политикѣ, руководимой неспособными людьми.»

На этомъ учредительное собраніе покончило свою дѣятельность, надѣливъ Францію полу-республиканскою, полу-монархическою конституціею, создавъ ничѣмъ не ограниченную въ сущности исполнительную власть императорскаго президента; породивъ многія бури, вызвавъ кровопролитіе въ Парижѣ и допустивъ кровавую битву въ Римѣ.

Избирательная кампанія для кандидатовъ во второе республиканское собраніе — законодательное, открыта была со всѣмъ искусствомъ парламентскихъ партій; коалиція сосредоточила всѣ свои силы и средства, чтобъ восторжествовать въ Парижѣ и департаментахъ надъ республиканскими кандидатами, чтобъ побудить народъ признать за лучшихъ выразителей своихъ потребностей, за вѣрнѣйшихъ представителей своихъ—людей старыхъ партій. «Великая партія порядка» образовала избирательный центральный комитетъ, извѣстный подъ именемъ «комитета улицы Пуатье», въ которомъ царила трогательная амальгама реакціонныхъ партій: «легитимность, бонапартизмъ и орлеанизмъ, соединенные сердцемъ и умомъ, поняли, что ихъ первымъ долгомъ было бороться противъ извращенныхъ идей, которыя они приписывали своимъ врагамъ». Располагая богатыми средствами, комитетъ повелъ дѣятельную пропаганду и пустилъ въ ходъ болѣе полумилліона экземпляровъ всякихъ брошюръ и памфлетовъ. Надо помнить, что въ 1849 г. Франція называлась республикою, чтобъ понять всю странность, всѣ противорѣчія общественнаго состоянія, которое дозволяло наводнять города и села памфлетами въ честь Бурбоновъ, Орлеановъ и Бонапартовъ, рядомъ съ поношеніями той политической формы, которая, послѣ изгнанія Орлеановъ, была признана націей за наиболѣе благопріятную для

нея. Коалиціонные памфлеты представляли французскому народу цѣлые историческіе трактаты и поученія; такъ въ одномъ объяснялось величіе Филиппа II, потому что онъ изгналъ евреевъ изъ Испаніи; въ другомъ знакомили «съ сумасшедшей и кровавой революціонной оргіей», которую именуютъ «Іюльскою революціей» и которую произвелъ изъ-за своихъ личныхъ видовъ банкиръ Яковъ Лафитъ при помощи трехъ освобожденныхъ каторжниковъ! Орлеанисты не отставали въ исторіи отъ легитимистовъ и представляли народу цѣлыя изслѣдованія о происхожденіи и качествахъ нѣкоторыхъ непотребныхъ сектъ; такъ доказывалось, что монтаньяры суть особый родъ тирановъ, худшихъ чѣмъ американскіе дикари, а соціалисты суть только болѣе извращенная порода монтаньяровъ, образующаяся изъ сброда авантюристовъ, разорившихся мотовъ, сидящихъ по уши въ долгахъ, сбѣжавшихъ изъ тюрьмы и съ каторги. Для бо́льшей наглядности изображалась сельская идиллія, въ видѣ діалоговъ: «*Жанъ*: «Да къ чему же они хотятъ придти? — *Огюстенъ*: Чортъ возьми! это очень ясно, просто засунуть свою лапу въ твой карманъ. *Господинъ Гарди*: Истинная правда! *Огюстенъ*: Они еще возьмутъ у тебя изъ подъ-носу твою жену и ты ничего не посмѣешь сказать»! Еще мрачнѣе разносились пророчества бонапартистской пропаганды: если на бѣду человѣчества удержится республика, то пропала вся великая Франція; республиканцы, которые въ февралѣ 1848 г. пожгли и разграбили казармы муниципальной гвардіи (?), республиканцы отнимутъ пенсію у легіонеровъ, разрушатъ Инвалидный домъ, продадутъ побѣдоносные трофеи императора и, о ужасъ! разсѣютъ по вѣтру самый прахъ великаго императора! потому что республиканцы извѣстные союзники иностранца и извѣстные враги работника!

Республиканцы могли сколько угодно относиться презрительно къ продѣлкамъ своихъ враговъ, могли сколько угодно надѣяться на непремѣнное торжество своихъ идей, полагаясь на силу ихъ собственной внутренней стоимости, — «комитетъ улицы Пуатье» зналъ, что дѣлаетъ безошибочное дѣло, и не напрасно разсчитывалъ на успѣхъ своей агитаціи. Результаты выбора 1849 г. въ законодательное собраніе представили странное зрѣлище: національное собраніе республики состояло болѣе чѣмъ изъ двухъ третей роялистовъ и насчитывало только отъ 200 до 230 республиканцевъ всѣхъ различныхъ оттѣнковъ. 28-го мая въ полдень совершилось открытіе законодательнаго собранія, подъ президентствомъ старшаго по лѣтамъ г. де-Кератри, ознаменовавшаго себя на слѣдующій день смѣшною битвою на кулачки съ

Ледрю-Ролленомъ [1]). «Можетъ быть, говоритъ Тено (стр. 18), было бы неточно сказать, что роялистское большинство законодательнаго собранія стремилось къ насильственному ниспроверженію республиканскихъ учрежденій. Весьма расположенное лицемѣрно обойти конституцію, оно можетъ отшатнулось бы отъ грубаго насилія. То, чего оно прежде всего хотѣло — это огражденія, какою бы цѣною ни было, прочности матеріальнаго порядка и частныхъ интересовъ средняго класса. Къ несчастію, это большинство было обуреваемо гибельною страстью. Оно боялось народа, который его избралъ, оно боялось свободы и всеобщей подачи голосовъ, боялось республиканцевъ. Мысль, что республиканцы могутъ чрезъ нѣсколько лѣтъ получить правильнымъ путемъ въ свои руки управленіе дѣлами страшила это большинство, какъ какая-нибудь ничемъ непоправимая катастрофа».

Таковъ характеръ новаго законодательнаго собранія и не трудно вывести отсюда, каково будетъ направленіе его членовъ, къ чему будутъ они стремиться, гдѣ будутъ искать опоры охранительной силы своихъ интересовъ, и кто воспользуется ихъ боязнью народа, — для своихъ личныхъ плановъ, для своего личнаго возвышенія на ихъ счетъ. Насколько благопріятное для себя положеніе усмотрѣлъ президентъ изъ выборовъ,—явствуетъ уже изъ того, что пріостановленная на время римская экспедиція была тотчасъ же послѣ выборовъ возобновлена съ новой энергіей и съ болѣе положительными инструкціями дѣйствовать въ смыслѣ реакціи. Такимъ образомъ, съ концомъ учредительнаго собранія римскій вопросъ оказался вовсе не оконченнымъ и законодательное собраніе должно было пройти чрезъ еще бóльшія тревоги, должно было своимъ поведеніемъ, какъ уже и самымъ составомъ своимъ, повести къ гораздо болѣе печальнымъ событіямъ, чѣмъ все случившееся до тѣхъ поръ.

Страшный слухъ пронесся по Парижу 10 іюня и привелъ въ смятеніе весь городъ. Оказалось, что президентъ воспользовался промежуткомъ между закрытіемъ учредительнаго и открытіемъ законодательнаго собранія для совершенія давно задуманнаго замысла: онъ поспѣшно отозвалъ изъ Рима дипломатиче-

---

[1]) Въ то время, когда Л. Ролленъ стоялъ, 29 мая, на трибунѣ и говорилъ объ опасности вооруженной силы, окружавшей собраніе будто для его защиты, — онъ вдругъ почувствовалъ, что сзади на него сыплются удары, которые по силѣ своей казались ударами раздразненнаго ребенка; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ услышалъ всякія отрывистыя ругательства. Онъ оборотился спиною къ собранію и увидѣлъ стиснутые кулаки самого почтеннаго президента г. де-Кератри. Изумленный и разсмѣшенный яростью старичка, Л. Ролленъ только показалъ пальцемъ на него со словами: *онъ бьетъ меня!*»

скаго агента Фердинанда Лессепса, которому удалось, при своемъ гуманномъ и честномъ отношеніи къ римской республикѣ, договориться съ римскими тріумвирами (Армеллини, Маццини, Саффи) о мирѣ и дружбѣ. Президентъ приказалъ генер. Удино не обращать никакого вниманія на договоры Лессепса, честь котораго, однако, представляла честь всей Франціи въ данномъ случаѣ, — и идти на Римъ *во что бы то ни стало.* 3 и 4 іюня вписаны цѣлыми рѣками римской и французской крови въ лѣтопись рокового 1849 года; всѣ человѣческія чувства двухъ братскихъ народовъ заглушены были канонадой, и страшное отчаяніе овладѣло римлянами, когда загорѣлись ихъ жилища, когда французскіе солдаты вторгались въ ихъ вѣчный городъ, въ этотъ новый оплотъ ихъ свободолюбивыхъ надеждъ на избавленіе всей Италіи отъ чужеземнаго ига! Французская армія должна была узнать на своихъ многочисленныхъ жертвахъ, до чего могутъ быть доведены люди, когда на нихъ внезапно обрушится, ничѣмъ невызванное, необъяснимое нападеніе. Римская республика протестовала въ своемъ негодованіи предъ Богомъ и людьми, и ея сыны предпочли смерть на баррикадахъ въ защиту ея или въ отмщеніе за нее — добровольной покорности вѣроломному солдату, дѣйствовавшему по повелѣнію никѣмъ не признаннаго властелина и во имя его личныхъ интересовъ.

Парижъ былъ мраченъ; тамъ и безъ того было не весело, — длинными вереницами тянулись на кладбища погребальныя дроги холерныхъ; а тутъ еще новыя жертвы гибли по волѣ какой-то еще не разоблаченной интриги, и гибли въ большомъ количествѣ, судя по письмамъ изъ французскаго лагеря подъ Римомъ. Уже 7 іюня Ледрю-Ролленъ хотѣлъ требовать нѣкоторыхъ объясненій по итальянскимъ дѣламъ, но долженъ былъ отложить свой запросъ по болѣзни. 10 іюня, другой представитель лѣвой стороны, Бакъ, явился выразителемъ общаго смущеннаго настроенія и потребовалъ объясненія у министровъ о тревожныхъ извѣстіяхъ. Но гражданинъ Друэнъ-де-Люисъ оказался, какъ нарочно, въ отсутствіи въ этотъ день, а его товарищи по министерству не захватили съ собой полученныхъ депешъ; меньшинство потребовало ночного засѣданія; большинство сочло лучшимъ спать ночью и отказало въ ночномъ засѣданіи. Но Парижу было не до сна; снова поднялись «на стражу народныхъ интересовъ» всѣ республиканскіе и инсуррекціонные комитеты, снова появились на стѣнахъ Парижа призывы къ защитѣ конституціи, къ отраженію насилія, снова задвигалась мрачная толпа и улица приняла какой-то натянуто-торжественный и грозно-сдержанный видъ. Утромъ 11 іюня соціалистскій

демократическій комитетъ своею прокламаціею призывалъ членовъ собранія «къ исполненію долга».

«Члены національнаго собранія, помните, что вы довѣренные верховнаго народа... Помните договоръ: если конституція нарушена, представители народа должны дать народу примѣръ сопротивленія»!

«Гора» въ свою очередь напоминала народу о своей преданности и готовности: «Въ виду депеши, очевидно доказывающей наглое нарушеніе конституціи Л. Бонапартомъ и его министрами, и ихъ ослушаніе рѣшеніямъ учредительнаго собранія отъ 7 мая, «Гора» не можетъ не протестовать энергически. Пусть народъ будетъ спокоенъ. Онъ можетъ быть увѣренъ, что «Гора» явится достойною его почетнаго довѣрія; она исполнитъ свой долгъ»... «Демократическая ассоціація друзей конституціи» протестовала предъ всѣми народами и отрекалась отъ всякой солидарности съ совершеннымъ преступленіемъ. Въ національной гвардіи подписывались многочисленные протесты и адресы.

Нетерпѣливое вниманіе всего города обратилось на національное собраніе, на его дебаты и рѣшенія: все ждало услышать отъ самого министерства справедливы ли распространённыя извѣстія, узнать отъ собранія, что̀ оно намѣрено предпринять. За вызовомъ президента, приглашавшимъ Ледрю-Роллена предложить министерству свои запросы, наступило глубокое молчаніе. Ледрю-Ролленъ взошелъ на трибуну; его голосъ на этотъ разъ былъ тише и спокойнѣе обыкновеннаго и каждое слово его било собраніе не реторическимъ эффектомъ, а неотразимымъ сопоставленіемъ фактовъ и еще фактовъ. «Къ чему тутъ запросъ и интерпелляція? — говорилъ онъ. Недѣлю тому назадъ, я понялъ бы еще смыслъ ихъ; теперь, я объявляю вамъ, они совершенно безполезны. Къ чему они служили до сихъ поръ? Только къ обезображенію истины, или къ покрытію стыда вещей торжественностью словъ. Зачѣмъ интерпелляціи? чтобъ знать, что̀ произошло въ Римѣ? О, къ несчастью, мы всѣ знаемъ, что̀ произошло тамъ... Факты теперь засвидѣтельствованы и документы существуютъ. Что̀ вѣрно теперь, это то, что правительство нарушило самый священный долгъ свой, что оно совершило насиліе надъ конституціею; вѣрно еще то, что единственное дѣйствіе, которое мы можемъ предпринять противъ такого правительства, — это отданіе его подъ судъ... Мнѣ остается поэтому только сойти съ этой трибуны, вручивъ въ руки президента собранія обвинительный актъ противъ президента республики и его министровъ, виновныхъ въ самомъ высшемъ, въ самомъ важномъ преступленіи». Л. Ролленъ сошелъ съ трибуны и дойдя до своего мѣста, еще разъ

обратился къ собранію съ послѣднимъ увѣщаніемъ: «Я хочу прибавить еще одно слово, которое находится уже въ обвинительномъ актѣ. Я уже сказалъ вамъ, и это слѣдуетъ изъ всей корреспонденціи, — кровь еще течетъ въ Римѣ, надо остановить ея пролитіе. Въ силу настоятельной поспѣшности, я требую немедленной передачи обвинительнаго акта на обсужденіе всѣхъ бюро безъ задержки обычными формальностями». Ни большинство собранія, ни министерство конечно не допустило такой поспѣшности, и президентъ совѣта министровъ, *гражданинъ* Од. Барро снова прибѣгъ къ обыкновенной, и съ тѣхъ поръ навсегда утвердившейся тактикѣ министровъ Луи-Бонапарта: онъ сталъ отрицать всѣмъ извѣстные факты, отрицать самыя римскія событія, сталъ обвинять Ледрю-Роллена въ томъ, что онъ смущаетъ собраніе извѣстіями, основанными на ложныхъ слухахъ и на какихъ-то частныхъ письмахъ. А когда этотъ маневръ показался даже самому собранію уже черезъ-чуръ неподходящимъ къ положенію, печальная достовѣрность котораго была всѣмъ ясна, — то Од. Барро обратился къ другому стратегическому пріему, тоже перешедшему изъ того періода въ наслѣдство ко всѣмъ послѣдующимъ министерствамъ Луи-Бонапарта; пріемъ заключался въ терроризаціи, въ наведеніи ужаса на собраніе и, пожалуй, на всю Францію, разоблаченіемъ небывалыхъ замысловъ тѣхъ, кто нападаетъ на правительство. «Можетъ быть, прежде чѣмъ отвѣчать на обвиненіе, направленное на президента республики и на министерство, я также имѣлъ бы право спросить нѣкоторыхъ объясненій отъ тѣхъ, отъ кого исходитъ этотъ обвинительный актъ, спросить у нихъ, принято ли ими предъ самими собою, предъ своей страной, твердое и добросовѣстное рѣшеніе оставаться въ предѣлахъ законности? Еслибъ я вѣрилъ нѣкоторымъ протестаціямъ, нѣкоторымъ сужденіямъ, высказаннымъ заранѣе, нѣкоторымъ возбужденіямъ, то оказалось бы, что *обвиненіе* не ограничивается ни министерствомъ, ни президентомъ республики, оно уже заранѣе произнесено противъ того торжественнаго трибунала, на обсужденіе котораго оно отдано, т. е. противъ самого національнаго собранія. Я надѣюсь, что мои указанія будутъ опровергнуты съ этой трибуны... не слѣдуетъ за разъ браться и за легальную борьбу и за бунтъ»...

Заставивъ такимъ образомъ собраніе предполагать, искренно или лицемѣрно, что «Гора» съ ея представителемъ Ледрю-Ролленомъ посягаетъ не только на провинившуюся исполнительную власть, но и на законодательную, на самое собраніе, Од. Барро могъ уже далѣе безнаказанно и съ полнымъ сочувствіемъ всего реакціоннаго большинства облыгать событія вторженія, клеветать

и поносить побѣжденныхъ римлянъ: «Развѣ мы могли думать, что намъ придется найти въ Римѣ населеніе столь заблудшее, людей столь увлеченныхъ, чтобы не понять гдѣ лежитъ ихъ спасеніе, гдѣ будущность ихъ отечества?... Мы не предполагали встрѣтить сопротивленія, которое не имѣло основанія ни въ разумѣ, ни въ самомъ понятномъ, въ самомъ простомъ интересѣ.... Нашъ генералъ *встрѣтилъ войну*; тѣ, которыхъ онъ послалъ съ миролюбивымъ порученіемъ, были удержаны плѣнниками, ружейные залпы были даны по нашимъ солдатамъ, которые отвѣчали тѣмъ же; генералъ объявилъ, и я вѣрю его честности, что начало дѣла принадлежитъ не ему, а римлянамъ». Послѣднія увѣренія возбудили движеніе даже въ реакціонномъ собраніи своей наглой неправдоподобностью. Но это не мѣшало Од. Барро долго еще говорить, и играть съ собраніемъ комедію взаимныхъ увѣреній, которымъ никто не могъ вѣрить и ложь которыхъ была всѣмъ извѣстна и слишкомъ очевидна. Од. Барро кончилъ защиту президентскихъ дѣйствій среди одобрительныхъ и поощрительныхъ возгласовъ и уступилъ мѣсто новымъ опроверженіямъ и новымъ обличеніямъ Л. Роллена. Ледрю-Ролленъ также долго говорилъ, снова стараясь возстановить въ ихъ истинѣ случившіяся событія и выражая «горькое изумленіе при видѣ того, до какой степени изощреннымъ искусствомъ языка самыя свѣжія воспоминанія стираются, и самые торжественные акты извращаются или забываются». — «Я говорю вамъ, что у васъ на лбу пятно крови!» воскликнулъ онъ, обращаясь къ усмѣхавшемуся Од. Барро; и вслѣдъ затѣмъ рѣшился наконецъ покончить свою долгую, неутомимую парламентскую дѣятельность объявленіемъ прямой вооруженной войны всей коалиціи и ея президенту республики. «Вы говорите намъ въ началѣ своей рѣчи, какъ-бы для того, чтобъ устрашить насъ: Вы, которые допрашиваете насъ, вы, которые обвиняете насъ, увѣрены ли вы въ томъ, что удержитесь на легальной почвѣ? Я отвѣчу вамъ: я нахожу, что вы слишкомъ смѣлы (вы, которые нарушили конституцію), когда обращаетесь къ намъ съ такимъ вопросомъ. Нашъ отвѣтъ очень простъ: конституція нарушена, и мы будемъ защищать ее всѣми возможными средствами, даже оружіемъ». Крики и шумъ заглушили голосъ оратора; все собраніе пришло не на шутку въ смятеніе отъ такой положительной, порохомъ и баррикадами пахнущей угрозы; характеръ Л. Роллена извѣстенъ; террористъ и республиканецъ, онъ не побоится даже кровопролитія своихъ братьевъ, ему ничего не стоитъ довести до гражданской войны и погубить въ ней республику, о благѣ которой такъ неустанно печется и коалиція и

президентъ. Неистовый крикъ съ правой стороны: «къ порядку», смѣшался съ громкимъ подтвержденіемъ съ лѣвой послѣднихъ словъ оратора: «да, даже оружіемъ!» Общее смятеніе, шумъ и гвалтъ смѣнили чинность собранія, пока наконецъ можно было разслышать голосъ президента: «Конституціи не можетъ быть нанесено болѣе возмутительное насиліе, чѣмъ когда въ самой средѣ законодательнаго собранія говорятъ, вмѣсто защиты ея закономъ, о защитѣ ея оружіемъ. Это призывъ къ гражданской войнѣ. Я призываю васъ къ порядку, господинъ Ледрю Ролленъ. Но призывъ къ порядку немощенъ противъ подобнаго насилія права. Мнѣ остается только протестовать во имя конституціи, во имя всего собранія». — «Параграфъ 110-й конституціи — возражалъ Л. Ролленъ съ своего мѣста, несмотря на призывъ къ порядку — гласитъ слѣдующее: Защита конституціи ввѣряется патріотизму всѣхъ французовъ. Я сказалъ и я повторяю: мы будемъ защищать нарушенную конституцію даже съ оружіемъ въ рукахъ!»

XI.

«Мы, члены республиканской прессы, мы, члены соціально-демократическаго комитета, мы говоримъ народу, чтобъ онъ готовился исполнить свой долгъ. «Гора» исполнитъ свой долгъ до конца; она дала намъ свое слово... Всѣ республиканцы поднимутся, какъ одинъ человѣкъ». Такъ оповѣщала парижанъ прокламація 12-го іюня о готовящемся сопротивленіи. Другое воззваніе было подписано студентами-республиканцами отъ имени школъ: «Конституція французской республики потерпѣла насиліе отъ исполнительной власти. Роялистское большинство законодательнаго собранія является теперь соучастникомъ этого предательства. Оно такимъ образомъ само объявляетъ себя внѣ закона. Теперь открывается борьба между республикой и ея вѣчными врагами... Вы, граждане парижскихъ школъ, которые приняли инціативу карающей протестаціи въ февралѣ, вы должны первые сомкнуться вокругъ конституціоннаго знамени». Затѣмъ, все въ томъ же духѣ и тонѣ слѣдовали прокламаціи «Горы» и «Избирательнаго типографскаго комитета».

Въ этотъ же самый день законодательное собраніе, по выслушаніи коммиссіи, назначенной для разсмотрѣнія обвиненія президента Л. Ролленомъ, окончательно высказывало свое сочувствіе президенту, отвергнувъ обвиненіе безъ всякихъ дебатовъ. Двѣ партіи такимъ образомъ теперь очень опредѣленно

стояли другъ противъ друга, и обѣ одинаково, и «великая партія порядка» и «демократическая партія республиканцевъ», приготовлялись дѣйствовать. 13-го іюня, вмѣсто простой прокламаціи, явился уже *«призывъ къ народу»*. «Народъ! — говорится въ призывѣ, послѣ объясненій всѣхъ поступковъ президента и собранія — народъ, теперь наступитъ великій моментъ! всѣ эти дѣйствія скрываютъ цѣлую систему монархической конспираціи противъ республики. Ненависть къ демократіи, худо прикрытая на берегахъ Сены, разражается во всемъ своемъ разгулѣ на берегахъ Тибра. Въ этой борьбѣ, поднятой между королями и народами, власть стала на сторону королей противъ народовъ... Соединимся же всѣ при кликахъ: Да здравствуетъ республика! Да здравствуетъ конституція!» Призывъ былъ подписанъ многочисленными именами народныхъ представителей, между которыми мы замѣчаемъ имена Бока, Бодена Кантагреля, Консидерана, М. Дюфресса, Греппо, Ламенне, Л. Роллена, Малардье, М. Бернара, Матьё (изъ Дромы), Мишеля (изъ Буржа), Ф. Піа и мног. друг. Въ тоже время манифестъ республиканскихъ комитетовъ призывалъ народъ къ возстанію, объявлялъ о томъ, что мастерскія запираются, что національная гвардія встаетъ.

Дѣйствительно, національная гвардія вставала, т. е. преимущественно одинъ ея 5-й легіонъ, но вовсе не для возстанія, а для мирной манифестаціи, для того, чтобъ безъ всякаго оружія идти въ законодательное собраніе, выразить свое негодованіе за нарушеніе конституціи. Къ такой же мирной манифестаціи приглашалъ гражданъ и «Комитетъ друзей конституціи». «Пусть спокойная и великая манифестація, какъ торжественный судъ, какъ святое дѣло народностей, выразитъ собой протестацію французскаго народа противъ наглыхъ предпріятій власти». Дѣйствительно, «мирная манифестація» болѣе чѣмъ въ двѣ тысячи человѣкъ, — и въ томъ числѣ много артиллеристовъ національной гвардіи, — двинулась отъ Бастиліи и пошла торжественнымъ маршемъ по бульварамъ, съ Эт. Араго во главѣ. Около улицы Мира (Rue de la Paix) мирную манифестацію встрѣтила военная сила подъ начальствомъ орлеанистскаго генерала Шангарнье; три баталіона кавалеріи и два баталіона жандармовъ полетѣли съ Вандомской площади во весь опоръ прямо на ряды мирной манифестаціи, въ толпѣ произошло смятеніе, крики: «да, здравствуетъ Италія», смѣнились криками: къ оружію! но уже было поздно, кавалерія преслѣдовала толпу вдоль всѣхъ бульваровъ; у «Консерваторіи искусствъ и ремеслъ» (des Arts et Métiers) поднялись баррикады, — туда спѣшило нѣсколько монтаньяровъ,

тамъ же былъ лично и Ледрю-Ролленъ съ нѣсколькими друзьями (М. Бернаръ, Гинаръ, Консидеранъ). Но баррикадисты тоже не были вооружены и войско генерала Шангарнье успѣшно разнесло баррикады и побѣдило республиканцевъ. Дѣло *кончилось* нѣсколькими выстрѣлами и нѣсколькими ранеными... Но это было только начало «римской экспедиціи внутри», двухгодовой расправы со всѣмъ что только принадлежало къ республиканской идеѣ; со всѣми, кто только могъ быть заподозрѣнъ въ искреннемъ сочувствіи къ республиканскимъ порядкамъ.

Успѣхъ коалиціи былъ болѣе удаченъ и неожиданъ, чѣмъ даже она сама могла надѣяться; республиканцы попались въ ея когти глупо и безразсудно и понесли достойное наказаніе. Они не поняли, что время наивныхъ манифестацій, имѣющихъ какой-нибудь смыслъ только развѣ въ младенческомъ періодѣ новаго режима, давно прошло уже для февральской республики; они забыли, что республиканское національное собраніе и республиканская исполнительная власть казнили за мирныя манифестаціи 16-го апрѣля и 15-го мая 1848 года не менѣе, чѣмъ и за всякія другія заявленія «воли верховнаго народа»; они не обратили вниманія даже на трагическое поученіе іюньскихъ дней 48 года; они не сообразили что народъ не успѣлъ еще оправиться отъ пораженія и собраться съ силами, чтобъ снова взяться за оружіе. Они наконецъ не поняли, что для побитаго парижскаго народа римская экспедиція, при всей своей возмутительности, была недостаточно вызывающею причиною для новаго отчаяннаго возстанія, что у народа были другіе насущные интересы, помощи которымъ онъ нигдѣ не видѣлъ и одинаково не встрѣтилъ ни отъ одной партіи, и отъ республиканской не болѣе чѣмъ отъ другихъ.... Болѣе смысла лежало для народа въ словѣ *республика*, потому что онъ привыкъ придавать этому слову смыслъ осуществленія своихъ надеждъ и удовлетворенія своихъ потребностей; но до сихъ поръ и она кормила народъ только надеждами и прокламаціями! Да и на защиту ея республиканцы звали народъ какъ бы нарочно въ самыхъ запутанныхъ и неопредѣленныхъ выраженіяхъ. Какъ защищать республику, съ какимъ оружіемъ, гдѣ его взять, куда идти, да и съ оружіемъ ли вообще? ничего этого нигдѣ не было сказано, и можно предположить развѣ одно оправданіе республиканцамъ: можетъ быть нѣкоторые изъ нихъ и сами сознавали все это и, въ порывѣ конечно вполнѣ честнаго негодованія на поведеніе президентскаго правительства, — готовы были просто скорѣе самоотверженно погибнуть, чѣмъ дѣлить законодательную власть съ людьми, корыстные замыслы которыхъ противъ республики

становились съ каждымъ днемъ очевиднѣе. Такимъ образомъ становится понятенъ упрекъ, который обращаетъ Делоръ къ республиканцамъ 1849-го года: «Друзья республики услышали честныя слова Л. Роллена съ чувствомъ одобренія и въ тоже время горечи; общественное мнѣніе начинало успокоиваться; демократическія идеи съ каждымъ днемъ пріобрѣтали себѣ болѣе почвы въ народѣ и въ буржуазіи; политика республиканской партіи выражалась однимъ словомъ — выжидать; она предпочла призывъ къ оружію! какъ будто этотъ призывъ могъ найти себѣ откликъ всего одинъ годъ спустя послѣ іюньскихъ дней».

Въ три часа Парижъ былъ «спокоенъ» и занятъ военной силой; и въ тотъ же самый часъ Од. Барро распечатывалъ въ законодательномъ собраніи депешу отъ министра внутреннихъ дѣлъ, и вслѣдствіе ея требовалъ, чтобъ собраніе объявило себя въ постоянномъ засѣданіи (en permanence), и затѣмъ представилъ ему проектъ закона о наложеніи на Парижъ осаднаго положенія. Такъ окончательно сбылось предсказаніе Гизо; такимъ образомъ, хороня вторую республику, Од. Барро хоронилъ и все свое прошлое, все, чѣмъ онъ снискалъ довѣріе и уваженіе французскаго общества. Противъ предложенія Одилона Барро протестовалъ Пьеръ Леру, указывая на осадное положеніе 1848 года, «которое было причиною и виною всѣхъ послѣдовавшихъ событій». Среди общаго смущенія неожиданно страннымъ было появленіе на трибунѣ генерала Кавеньяка. Іюньскій диктаторъ принялъ упрекъ П. Леру осадному положенію 1848 года за личный вызовъ себѣ, и еще болѣе странною была его рѣчь, которая, несмотря на свое вступленіе: «настоящій моментъ не допускаетъ ни длинныхъ рѣчей, ни длинныхъ споровъ», — представляла собой только длинную апологію его собственнаго поведенія и патетическія увѣренія въ преданномъ служеніи республикѣ, и «слышите ли вы, только *республикѣ*!» И вся рѣчь заканчивалась пламенной надеждой, «что республика, столь драгоцѣнная для блага страны, не осуждена на гибель» и со всѣхъ сторонъ раздались почти восторженныя подтвержденія: «нѣтъ, нѣтъ, не погибнетъ!» «Да здравствуетъ республика!».

А въ 5-ть часовъ вечера докладчикъ коммиссіи, извѣстный другъ Токвиля, Гюставъ-де-Бомонъ, предложилъ собранію немедленно объявить городъ Парижъ въ *осадномъ положеніи*, что̀ и было принято громаднымъ большинствомъ. «Эта мѣра, гласитъ постановленный законъ, — можетъ быть распространена *исполнительною властью* на всѣ тѣ города, въ которыхъ обнаружатся *подобныя же возстанія*».

Въ тоже время президентъ Луи-Бонапартъ повелѣвалъ распустить артиллерійскій легіонъ сенской національной гвардіи.

За провозглашеніемъ осаднаго положенія, послѣдовало тотчасъ ревностное примѣненіе его. Демократическіе журналы «La Réforme», «Le Peuple», «La Démocratie pacifique», «La Révolution démocratique et sociale», «La Tribune des peuples», «La Vraie République» — запрещены и ихъ бюро заняты военными караулами. А для того, чтобъ декретъ о запрещеніи журналовъ не могъ быть нарушенъ своеволіемъ типографщиковъ, то офицерамъ Віейра и Корси поручено отправиться въ двѣ главныя типографіи этихъ журналовъ, и уничтожить въ нихъ рѣшительно все относящееся къ набору и печатанію, всѣ шрифты и прочія, принадлежности такъ, «чтобъ все было обращено въ состояніе негодное для дѣла».

Въ засѣданіи 18-го іюня, Одилону Барро пришлось услышать отъ Греви и Кремьё тѣ же аргументы противъ осаднаго положенія, которые онъ самъ такъ краснорѣчиво развивалъ въ 1832 г.; и ему также пришлось отвѣчать, какъ бы въ подражаніе Гизо: «Осадное положеніе значитъ прекращеніе обыкновенныхъ гарантій; это положеніе войны... Это законъ сокращенія, законъ общественнаго спасенія... Еще черезъ недѣлю, 25-го іюня, государственный совѣтъ [1]), въ числѣ котораго значатся имена Ж. Симона, Гавена, Ж. Реньо, — объявлялъ, основываясь на декретѣ первой имперіи, отъ 25-го декабря 1811 г., — что въ силу осаднаго положенія военная власть становится на мѣсто административной абсолютно и неограниченно, и военные трибуналы *могутъ всегда, когда имъ угодно*, замѣстить собою обычные суды. «*Справедливость* требуетъ, чтобъ тѣ, которые подняли войну, терпѣли на себѣ ея послѣдствія, они должны были быть готовы къ тому», — поясняетъ Од. Барро съ трибуны нѣкоторымъ строптивымъ представителямъ народа.

Эта справедливость потребовала также того, чтобъ осадное положеніе было объявлено въ 16-ти департаментахъ; ибо, дѣйствительно, вслѣдъ за извѣстіемъ о смутахъ въ Парижѣ, поднялся на возстаніе Ліонъ, рабочее населеніе котораго всегда готово было содѣйствовать всякому республиканскому и соціальному движенію въ Парижѣ, надѣясь на дружное освобожденіе отъ гнетущаго его положенія; за Ліономъ манифестаціи

[1]) Члены этого совѣта, въ числѣ 40 человѣкъ, были назначаемы самимъ національнымъ собраніемъ, и смѣнялись на половину въ первые два мѣсяца каждаго новаго національнаго собранія.

охватили Дижонъ, Тулузу, Бордо, Перигё, Віень, Ошъ, Нарбоннь, С. Этьень и др. — *«Пора, чтобъ добрые успокоились и чтобъ злые дрожали!»* провозгласилъ въ своей прокламаціи президентъ республики, и для того, чтобъ осуществить желаніе верховной власти, Од. Барро приглашаетъ генеральныхъ прокуроровъ къ исполненію ихъ обязанностей безъ всякаго стѣсненія: «Какія сомнѣнія или угрызенія совѣсти могутъ останавливать васъ въ наистрожайшемъ примѣненіи постановленнаго закона. *Случай теперь хорошій и рѣшительный.... Я уже указывалъ вамъ неоднократно*, насколько важно для полезности подавленія, чтобъ оно совершилось быстро, и насколько привычка расширять и усложнять безполезно уголовную процедуру, вредитъ дѣйствію справедливости. Наконецъ, великія и трудныя положенія *возвышаютъ* людей, которые умѣютъ понять ихъ и которые чувствуютъ въ себѣ достаточно *смѣлости»*.... И прокуроры оказались во многихъ мѣстностяхъ дѣйствительно смѣлыми и, по истинѣ, возвысились до удовлетворенія президента. По всей Франціи начались аресты, въ одномъ Ліонѣ тюрьмы наполнились тремя тысячами рабочихъ; были публицисты и адвокаты, которыхъ таскали закованными въ кандалы изъ одного мѣста въ другое въ продолженіи 20 дней, и которые потомъ, даже предъ военнымъ судомъ, оказывались невинными! Право собранія и ассоціаціи, установленное 8-мъ § конституціи, отмѣнено на годъ; законодательное собраніе, т. е. реакціонное большинство произноситъ обвиненіе противъ 40 представителей, и предаетъ ихъ Версальскому высшему суду [1]).

Террорь и реакція, какъ всегда и повсюду, обрушились всею своею тяжестью на прессу. Въ іюлѣ были представлены законодательному собранію такія новыя улучшенія въ строгости законовъ о печати, которыя подтверждали всѣ каратель-

---

[1]) 12 октября 1849 г., въ Версальскомъ высшемъ судѣ начались дебаты по процессу 67 обвиненныхъ въ покушеніи на республику, большая часть которыхъ состояла изъ представителей народа, журналистовъ и артиллерійскихъ офицеровъ. Защитники Мадье-де-Монжо и знаменитый Мишель изъ Буржа (см. его характеристику въ книгѣ Эм. Оливье, le 19 janvier; стр. 67) отказывали суду въ компетентности. Большинство обвиненныхъ, въ томъ числѣ и Л. Ролленъ успѣли бѣжать въ Англію. Процессъ окончился 13-го ноября, произведя шумный скандалъ. Мишель изъ Буржа доказывалъ, что нарушеніе конституціи влечетъ за собой право возстанія; президентъ суда остановилъ его объявленіемъ, что «общественная совѣсть была бы возмущена, если какой бы то ни было трибуналъ допустилъ, чтобъ предъ нимъ защищались подобныя доктрины.» А между тѣмъ 14 присяжныхъ согласились съ постановкою Мишеля; обвиненные отказались защищаться, объявляя, что защитѣ не даютъ свободы. Процессъ кончился приговоромъ 17 человѣкъ къ депортаціи и 5-ти къ пятилѣтнему заключенію.

ныя мѣры сентябрьскихъ законовъ и которыя потому вызвали у Матьё (отъ Дромы) приговоръ и имъ и ихъ автору: «Я могъ бы доказать президенту совѣта, г. Од. Барро, что этотъ проектъ есть полнѣйшее, абсолютное опроверженіе всего его прошлаго, всѣхъ его политическихъ антецедентовъ, всей его парламентской карьеры. Да, въ моихъ глазахъ, и я глубоко жалѣю о томъ, г. Од. Барро навсегда хоронитъ въ этомъ проектѣ 18 лѣтъ своей оппозиціонной дѣятельности.»

Каждое новое законоположеніе о печати во Франціи всегда возбуждало между партизанами застоя и его противниками страшную борьбу; въ законоположеніи о печати, тѣ и другіе одинаково видѣли опасность или процвѣтаніе для свободы или для абсолютизма; это законоположеніе являлось краеугольнымъ камнемъ и спорнымъ пунктомъ каждой конституціи и по немъ всегда судили о свѣтлыхъ или темныхъ сторонахъ того или другого режима. Дебаты, завязавшіеся на этотъ разъ по поводу новыхъ строгостей, предложенныхъ Од. Барро, вызвали на парламентскую трибуну Монталамбера и Греви, Од. Барро и П. Леру. Монталамберъ счелъ за нужное принести публичное покаяніе въ грѣхахъ своей молодости и, болѣе того, «дать благословеніе преподобному Од. Барро», по выраженію П. Леру: «И я тоже началъ свою карьеру, говорилъ Монталамберъ — протестомъ противъ сентябрьскихъ законовъ, а теперь защищаю этотъ новый сентябрьскій законъ. Я думалъ, объяснялъ онъ, что Франція стала наконецъ крѣпкою и сильною, что она можетъ вынести свободу; я вижу, что она больна: все общество французское серьезно больно, я сказалъ бы даже, смертельно больно. Надо спасти его, спасти какою бы цѣною ни было, а вмѣстѣ съ нимъ спасти и свободу....» И вотъ теперь, по краснорѣчивому сравненію Монталамбера, «Одилонъ Барро уподобился Гизо и съ такою же энергіею, съ такимъ же талантомъ, съ такимъ же патріотизмомъ явился защитникомъ власти, которую порицалъ прежде.» — «Нѣтъ, восклицалъ Барро, живо ужаленный зловѣщимъ сравненіемъ Монталамбера, — я не принимаю помощи отъ краснорѣчія этого оратора; я стою, какъ и всегда за свободу, и законы, предложенные мною, ведутъ только къ обезпеченію свободы!»

«Старый либералъ почувствовалъ ударъ — обращался вслѣдъ за тѣмъ Пьеръ Леру къ Од. Барро, — онъ теперь протестуетъ всей своей прошлой жизнью, своей прошлой славою, и я, котораго рѣдко трогаетъ его краснорѣчіе, я тронутъ его положеніемъ, потому что въ его словахъ я услышалъ честнаго человѣка, но въ то же время услышалъ и человѣка, который от-

дается паденію, ибо, если жизнь его молодости и либерализма есть его лучшая, его славная жизнь, то къ чему же онъ отрекается отъ нея постоянно предъ нами и вызываетъ въ другихъ отпущеніе и прощеніе своему прошлому?... Г. Барро и всѣ они говорятъ теперь республиканцамъ: оставьте насъ постановлять самые жестокіе законы противъ ума человѣческаго, противъ прессы, противъ конституціи — мы дѣлаемъ это для блага республики и именно мы спасемъ ее; они уподобляются палачу, который говорилъ Донъ Карлосу: «я теперь умерщвляю тебя, но это для твоего блага». А я говорю господамъ Барро и Дюфору: вы ошибаетесь, надъ вами стоятъ люди, которые господствуютъ, управляютъ вами и вы не болѣе, какъ ихъ агенты. Г. Монталамберъ говоритъ, что безъ вашего управленія республика погибла бы подъ деспотизмомъ какого-нибудь солдата, а я говорю г. Монталамберу: я боюсь вашего деспотизма, *я боюсь деспотизма іезуитовъ.*»

Нечего и говорить, что подобныя увѣщанія и предостереженія ни къ чему не вели и всѣ карательныя мѣры, сводившія республиканскую свободу къ нулю, были приняты съ радостью громаднымъ большинствомъ, а когда представитель Греви, говоря о всѣхъ принятыхъ мѣрахъ, произнесъ: «Да это военная диктатура», то министръ Дюфоръ возразилъ ему очень спокойно: «Нѣтъ, это парламентская диктатура, примѣненіе древняго изреченія: Salus populi suprema lex esto: Благо народа должно быть верховнымъ закономъ.»

«Съ этого момента — говоритъ Тено — началось небывалое зрѣлище республики, при которой званіе республиканца было достаточнымъ поводомъ для подозрѣнія и преслѣдованія.... Дѣло этой безумной реакціи велось корифеями либерализма, гг. Тьеромъ, Беррье, Барро, Моле, Монталамберомъ и Фаллу, ослѣпленіе, которое они должны были позже искупить дорогою цѣною».

«Слово республика, — заключаетъ свой разсказъ Делоръ, — оставалось на монетахъ до 1853 г.; но вторая французская республика умерла 13-го іюня 1849 года».

XII.

Введеніемъ террористическаго правленія собственно оканчивается дѣятельность министерства Барро; въ октябрѣ оно получило отъ президента неожиданную отставку, хотя Барро еще долго вмѣстѣ съ своими друзьями ревностно поддерживалъ политику президента и содѣйствовалъ къ проведенію реакціонныхъ, антиконституціонныхъ мѣръ, до самаго февраля 1851 г., до тѣхъ поръ, пока наконецъ ясно увидѣлъ, вмѣстѣ съ своимъ союзникомъ Тьеромъ, что они «шли въ комнату, а попали въ другую», что, въ то время, какъ они думали, что служатъ интересамъ «великой партіи порядка», «великой парламентской коалиціи», — на дѣлѣ они служили только личнымъ интересамъ Л. Бонапарта и народной кровью поливали его дорогу къ абсолютному господству и императорскому трону.

Мы сочли нужнымъ обстоятельно остановиться на первомъ періодѣ Бонапартовскаго президентства. Въ этотъ періодъ Л. Бонапартъ искусно и тайно, подъ прикрытіемъ парламентской игры, вязалъ всѣ узлы своей запутанной интриги; этими узлами онъ успѣлъ очень удачно уничтожить римскую республику и подавить, хотя еще не окончательно, республику французскую. Мы находили не лишнимъ указать сложную завязку драмы, съ ея характеристическими эпизодами парламентской, уличной и судебной борьбы, въ виду которыхъ читателямъ легче представить себѣ дальнѣйшій, послѣдовательный ходъ къ неизбѣжной катастрофѣ, вѣнчающей успѣхомъ или наносящей гибель той или другой сторонѣ. По этимъ частностямъ тѣмъ удобнѣе познакомиться съ партіями того періода, что одна изъ главныхъ ролей въ борьбѣ того періода выпала на долю Од. Барро, — человѣка считавшагося до тѣхъ поръ незапятнаннымъ никакими личными интересами, и никакими реакціонными тенденціями. И если такая личность вела себя такъ, какъ мы видѣли, доходила до прямой измѣны убѣжденіямъ всей своей жизни,—то понятно, каково было поведеніе другихъ лицъ и общественныхъ дѣятелей, закаленныхъ въ бою парламентской реторики, и всѣ свои поступки, всѣ свои отношенія соразмѣрявшихъ съ этой парламентской моралью, съ ея особыми идеями о честности, о добродѣтели и о служеніи народному благу.

Среди господства террора и реакціи, президентъ рѣшилъ, что пришло время выступить ему самому болѣе торжественно и явно предъ всей Франціей, и этотъ новый періодъ президентской карьеры открылся публичнымъ покаяніемъ Л. Бонапарта

за свои прошлые грѣхи, за свои крамолы противъ законамъ установленной власти. 22-го іюля 1849 года, въ самомъ мѣстѣ своего заточенія, въ Гамѣ, президентъ говорилъ о томъ, что, ставъ избранникомъ цѣлой Франціи и законнымъ главою великой націи, онъ не хочетъ гордиться заключеніемъ, которое было вызвано его нападеніемъ на правильно-установленное правительство, онъ произноситъ тостъ въ честь тѣхъ людей, которые рѣшились, *несмотря на ихъ убѣжденія, уважать* учрежденія ихъ страны. Чрезъ нѣсколько дней послѣ того, 1-го августа, въ Турѣ, онъ произносилъ рѣчь иного свойства, болѣе тревожную и мрачную, хоть и заканчиваетъ ее свѣтлыми увѣреніями: «Въ Парижѣ распускали слухи и теперь еще утверждаютъ, будто правительство замышляетъ какое-то предпріятіе, подобное 18 брюмеру. Но развѣ мы находимся въ одинаковыхъ обстоятельствахъ? Развѣ иностранныя арміи вторглись въ нашу страну? *Развѣ Франція раздираема гражданской войной?* Развѣ 100,000 людей объявлены внѣ закона — закономъ о подозрительныхъ лицахъ?... Нѣтъ, мы не находимся въ положеніи, требующимъ такихъ *геройскихъ* средствъ.... Довѣрьтесь же будущности, не думая ни о переворотахъ, ни о возстаніяхъ.... Имѣйте вѣру въ національное собраніе и въ вашихъ первыхъ магистратовъ, которые суть избранники націи.»

Вся эта аффектація законности — поясняетъ Дюнойе — имѣла своей цѣлью только подготовленіе успѣха развивавшагося заговора — посредствомъ успокоенія и усыпленія тревожнаго духа въ обществѣ — Заговоръ во всякомъ случаѣ длился не долго, и «усыпленный духъ» былъ пробужденъ ударомъ 31 октября 1849. Президентъ республики далъ въ этотъ день первый залпъ по парламентскимъ притязаніямъ коалиціи и явился вполнѣ самостоятельнымъ властелиномъ. Мы видѣли, какія причины побудили президента къ избранію состава министерства 20-го декабря: оно являлось плодомъ договора между президентомъ и коалиціей. Теперь президентъ считалъ себя уже настолько сильнымъ, что не нуждался болѣе въ соблюденіи договора: съ одной стороны, новымъ терроромъ реакціонныя партіи сами достаточно подорвали довѣріе къ себѣ въ народѣ; съ другой стороны Луи-Бонапартъ хотѣлъ открыто выказать свое презрѣніе къ парламентскому правленію и свое стремленіе къ личному, на немъ одномъ сосредоточенному правленію: «Я вручилъ веденіе дѣлъ людямъ различныхъ мнѣній, но я не достигъ результатовъ, которыхъ ждалъ отъ такого сближенія. Вмѣсто сліянія разныхъ оттѣнковъ, произошло только парализованіе силъ.... Въ продолженіи почти цѣлаго

тода единство видовъ и намѣреній было постоянно нарушаемо.... Едва только прошли опасности улицы, какъ *старыя партіи подняли свое знамя*, возобновили свое соперничество и привели страну въ смятеніе, сѣя повсюду безпокойство.... Для того, чтобы утвердить республику, которой грозитъ со всѣхъ сторонъ анархія.. нужны люди, которые.... понимали бы необходимость *единаго* направленія.... которые столько же заботились бы о моей личной отвѣтственности, сколько и о своей, столько же о дѣйствіяхъ, сколько и о словахъ.... Франція, — тревожная потому, что не видитъ направленія, — ищетъ руку, волю избранника 10-го декабря; но эта воля можетъ проявиться только тогда, когда существуетъ полная общность видовъ, идей, убѣжденій между президентомъ и министрами, и когда само собраніе присоединяется къ національной мысли, выраженіемъ которой было избраніе исполнительной власти! Цѣлая система восторжествовала съ моимъ избраніемъ, ибо имя Наполеона уже само по себѣ есть цѣлая система.... *Мы спасемъ страну, несмотря на всѣ партіи, на всѣ честолюбія и даже на всѣ несовершенства, которыя могли бы заключаться въ нашихъ учрежденіяхъ.»*

Это посланіе Луи-Бонапарта было прочтено собранію въ 5 часовъ вечера; а въ два часа дня — по словамъ «Journal des Débats» — самъ Одилонъ Барро не подозрѣвалъ даже подобнаго рѣшенія президента. Это произошло отъ того, что Барро былъ боленъ, ибо другіе министры были увѣдомлены о томъ самимъ Луи-Бонапартомъ, когда явились къ нему въ 10 часовъ утра. «Луи-Бонапартъ — повѣствуетъ «Journal des Débats» — началъ свою рѣчь къ министрамъ съ того, что выразилъ каждому изъ нихъ свое сочувствіе и уваженіе и затѣмъ объявилъ, что его кабинетъ не успѣлъ сохранить достаточной независимости относительно большинства собранія. Всѣ члены кабинета возразили тогда единодушно, что, конечно, президентъ воленъ выбирать министровъ, какихъ ему угодно, но что въ *своей душѣ и совѣсти*, сознавая, что они исполняли свой долгъ съ усердіемъ и добросовѣстностью, и принимая во вниманіе послѣднее рѣшеніе большинства, они *не могутъ подать въ отставку*. Тогда Луи-Бонапартъ *далъ имъ понять*, что они болѣе не пользуются его довѣріемъ, и что онъ намѣренъ призвать въ совѣтъ другихъ лицъ.» «*Во время конституціонной монархіи*, — (замѣчаетъ «Journal des Débats», указывая на то, что удаленное министерство имѣло за собою 300 голосовъ большинства въ собраніи) — было принято за абсолютное начало, что министерство, находящееся въ такихъ условіяхъ, въ какихъ вчера было

министерство Од. Барро, считалось непоколебимымъ; очень понятно поэтому, что теперь тѣ, которые *искренно* думаютъ, что *республиканская* форма должна предохранить Францію отъ личнаго правленія и утвердить навсегда власть за большинствомъ, исходящимъ изъ всеобщей подачи голосовъ,—что думающіе такъ, высказали по меньшей мѣрѣ удивленіе, узнавъ новости дня.»

Замѣчаніе «Journal des Débats» болѣе остроумно, чѣмъ глубокомысленно; требованіе отъ *республиканской формы* соблюденія условій *конституціонной монархіи*, можетъ показаться по меньшей мѣрѣ страннымъ, а забвеніе французской конституціи, провозглашенной всего за годъ предъ тѣмъ, просто непростительно для столь ученаго журнала: онъ забылъ статью 647 конституціи: «президентъ назначаетъ и отставляетъ министровъ.» Національное собраніе, повидимому, также забыло эту статью, ибо пришло въ неописанное смущеніе и разразилось страшнымъ шумомъ при чтеніи посланія.

Подобная же буря, но съ бо́льшимъ практическимъ результатомъ, хоть и въ гораздо меньшемъ видѣ произошла вслѣдъ затѣмъ въ бюро редакціи газеты «Constitutionnel»: «г. Тьеръ настолько же не прощалъ президенту, насколько прежде королю Луи-Филиппу выборъ министровъ своего кабинета по своему собственному усмотрѣнію, когда ни онъ самъ, ни его друзья не попадали въ министры» [1]). Тьеръ сердился и выходилъ изъ себя до тѣхъ поръ, пока почтенный докторъ Веронъ, главный хозяинъ журнала, не вручилъ ему внесенныя имъ 100,000 франковъ и не порвалъ съ нимъ въ тотъ же день всѣхъ сношеній!

Со дня президентскаго посланія 31-го октября начинается, какъ мы уже замѣтили, новый періодъ президентства, въ продолженіе котораго президентъ все болѣе отдалялся отъ собранія и все болѣе настойчиво шелъ самостоятельной дорогой къ предположенной цѣли переворота. По своему характеру, рѣзко разнящемуся отъ перваго, и по своему содержанію этотъ періодъ можетъ быть названъ *диктатурою*, и мы изложимъ его въ третьей и послѣдней части, въ которой доведемъ разсказъ до основанія имперіи.

И. Н.

---

[1]) *Véron*, Mémoires p. 97.

НОВЫЙ РОМАНЪ
ВИКТОРА ГЮГО.

Victor Hugo. — L'homme qui rit. 4 vol. Paris. 1869.

XI.

Урсусъ съ своей труппой прибылъ въ Лондонъ и остановился въ предмѣстьѣ Соутуоркѣ, которое соединялось съ городомъ Лондонскимъ мостомъ, единственнымъ въ то время въ столицѣ Англіи. Тогдашній Соутуоркъ состоялъ изъ маленькихъ улицъ и переулковъ, застроенныхъ деревянными домами; предмѣстье, однако, начинало пріобрѣтать значеніе, такъ какъ здѣсь сосредоточивалась навигація; въ длинной старой стѣнѣ вдоль Темзы вбиты были желѣзныя кольца, за которыя укрѣплялись рѣчныя суда; тутъ же приставало тяжелое двухмачтовое, съ гладко настланной палубой безъ перилъ, съ одной маленькой каютой, голландское судно «Vograat», которое разъ въ недѣлю дѣлало рейсы изъ Лондона въ Роттердамъ и обратно. Стѣна мѣстами прорѣзана была ступеньками. Насыпь со стороны улицы позволяла прохожимъ облокачиваться о края стѣны, какъ о набережную и смотрѣть на Темзу. На противоположной сторонѣ рѣки уже начинались поля. Неподалеку отъ стѣны, которая носила названіе Эффрокъ-Стонъ, по имени герцога, который тутъ утонулъ (рѣка въ самомъ дѣлѣ была довольно глубока для герцога), почти противъ сентъ-джемскаго дворца, было пустое мѣсто, поросшее травою и называвшееся Тэринзофильдъ, по имени бароновъ Тэринзо, которымъ оно когда-то принадлежало; мѣсто это представляло нѣчто въ родѣ постоянной ярмарки, загроможденной фокусниками, комедіантами, канатными плясунами, странствую-

щими музыкантами и вѣчно наполненной ротозѣями, которые приходили «поглядѣть на чорта», какъ выражался архіепископъ Шарпъ. Глядѣть на чорта — значило ходить на представленія. Тутъ же процвѣтало и нѣсколько кабачковъ, которые были простыя лачуги, обитаемыя только днемъ: вечеромъ кабатчикъ запиралъ лавочку и уходилъ домой. Только одинъ изъ этихъ кабачковъ былъ настоящимъ домомъ. Онъ назывался Тэдкестеръ и имѣлъ большой дворъ, на который можно было пройдти только черезъ самый кабакъ, хотя тутъ были и ворота, но они вѣчно стояли на запорѣ. Хозяинъ этого кабака или, пожалуй, гостинницы былъ Никлесъ, скупой и боязливый вдовецъ, трепетавшій передъ властью; прислужникъ его—малый лѣтъ четырнадцати—носилъ имя Говикумъ.

Въ этой гостинницѣ и нашелъ себѣ пріютъ Урсусъ, расположившись съ своей «Зеленой Коробкой» на большомъ дворѣ, весьма удобномъ для представленій. Онъ былъ четырехъ-угольный, застроенъ съ трехъ сторонъ; къ задней стѣнѣ, приходившейся противъ этажей гостинницы, и была придвинута «Зеленая Коробка»; мощеный дворъ служилъ партеромъ, окна гостинницы бенуарами, крытый деревянный балконъ ея — балкономъ; часть послѣдняго была отгорожена досками для «благородной публики» и уставлена лучшей мебелью гостинницы; какъ разъ въ серединѣ Урсусъ поставилъ кресло, обитое утрехтскимъ бархатомъ на случай посѣщенія представленій супругою какого-нибудь альдермена.

Несмотря на то, что Никлесъ взялъ дорого съ Урсуса, имѣя въ виду преслѣдуемый властью предметъ—волка, труппа дѣлала хорошія выручки, благодаря Гуинплейну, который не только привлекъ къ себѣ общее любопытство, но и отбилъ посѣтителей отъ всѣхъ другихъ балагановъ. Однако, успѣхъ этотъ оставался мѣстнымъ, не переходя черезъ Лондонскій мостъ: «благородная публика», которой ожидалъ Урсусъ, не являлась, но и соутуоркскаго населенія было достаточно для наполненія кошелька странствующей труппы, который толстѣлъ, по выраженію Урсуса, какъ согрѣшившая дѣвушка. При всякомъ представленіи дворъ наполнялся посѣтителями, въ первое время рабочими, носильщиками, плотниками, матросами, потомъ и зажиточными обитателями предмѣстья. Между этою публикою нельзя было не замѣтить высокаго, красиваго матроса, который пробирался обыкновенно въ первые ряды, щедро раздавая толчки, ругаясь, крича, ставя, въ случаѣ надобности, фонари подъ глазами, а то и угощая виномъ. Онъ былъ одѣтъ опрятно и восторгался представленіями такъ сильно, что словно самъ былъ заинтересованъ

успѣхомъ Гуинплейна, словно дѣло труппы было собственнымъ его дѣломъ. Когда балаганщики вооружились противъ «смѣющагося человѣка» и толпою пришли ему шикать на дворъ Тэджестера, матросъ этотъ съ горячностью раздавалъ кулаки и способствовалъ побѣдѣ своего любимца. Но, участвуя въ манифестаціяхъ, онъ держалъ себя какъ-то особнякомъ и ни съ кѣмъ не сходился. Урсусъ и Гуинплейнъ могли только узнать отъ Никлеса, что матроса зовутъ Томъ-Джимъ-Джекъ, при чемъ онъ прибавилъ: «Жаль, что онъ не лордъ: славная каналья вышла бы изъ него».

Балаганщики и комедіанты не ограничились попыткою повредить успѣху «Зеленой Коробки» свистками: они подали просьбу начальству, выставляя Гуинплейна колдуномъ, а Урсуса нечестивцемъ. Это обыкновенный ходъ дѣла: противъ успѣха сперва вооружаютъ толпу, потомъ умоляютъ начальство избавить общество отъ столь вредныхъ людей. Къ комедіантамъ присоединились духовные отцы, жалуясь, что Гуинплейнъ вредитъ проповѣдямъ, что церкви опустѣли, что «Побѣжденный Хаосъ», «Смѣющійся Человѣкъ», «Зеленая Коробка», однимъ словомъ, всѣ эти мерзости вааловы отбили прихожанъ отъ краснорѣчія священнослужителей. Впрочемъ, отцы духовные, въ своей просьбѣ къ лондонскому архіепископу, который повергнулъ ее къ стопамъ королевы, осторожно обошли прямыя причины, а ворчали противъ «Зеленой Коробки» во имя общественнаго порядка и парламентскихъ актовъ, которые нарушены были волкомъ, звѣремъ, отовсюду изгоняемымъ и стоящимъ внѣ законовъ. Такіе мотивы были дѣйствительнѣе, потому что ужъ начинались времена скептицизма вмѣстѣ съ Локкомъ, который только-что умеръ тогда, и Болингброкомъ. Такимъ образомъ комедіанты дѣйствовали противъ своего врага во имя Пятикнижія, во имя неба, а отцы духовные во имя полицейскихъ правилъ, ссылаясь между прочимъ и на коллегію 84 лондонскихъ докторовъ, ученое учрежденіе, основанное при Генрихѣ VIII, которое, между прочими полезными для здравія гражданъ заключеніями, обнаружило тотъ несомнѣнный научный фактъ, что если волкъ первый взглянетъ на человѣка, то человѣкъ на всю жизнь будетъ пораженъ хрипотою.

Увѣдомленный объ этихъ происках трактирщикомъ, Урсусъ безпокоился и жалѣлъ о своемъ пріѣздѣ въ Лондонъ, ибо столь же мало чувствовалъ охоты сходиться лицомъ къ лицу съ властями, какъ заяцъ съ борзыми собаками; но происки эти имѣли противъ себя одну великую силу, изъ которой родилась англійская свобода—мѣстное самоуправленіе. Свобода въ Англіи укла-

дывается подобно морю вокругъ Англіи. Это приливъ. Мало-помалу нравы заливаютъ законы и ихъ чудовищность видна только сквозь прозрачность широкой свободы. Пока Соутуоркъ стоялъ за «Зеленую Коробку», пока мѣстныя власти равнодушно глядѣли на нее, Урсусъ и Гуинплейнъ могли дышать свободно, несмотря ни на какія коалиціи. Это и утѣшало старика, который, не желая вносить въ душу Гуинплейна безпокойства, ничего не говорилъ ему о проискахъ, такъ что молодой человѣкъ и не думалъ воздерживать свой языкъ, какъ невоздерживалъ его въ провинціальныхъ городахъ. Разъ при трактирщикѣ позволилъ онъ себѣ неприлично отозваться объ изображеніи на фартингѣ королевы Анны. Это дошло до Урсуса и онъ почелъ справедливымъ дать нагоняй своему воспитаннику, который, самъ того не зная, совершалъ преступленіе противъ величества. «Сдѣлай одолженіе, говорилъ Урсусъ, гляди за своей пастью. Знай, что есть правило для великихъ міра сего — ничего не дѣлать, и правило для малыхъ сего міра — ничего не говорить. У бѣднаго только одинъ другъ — молчаніе; онъ долженъ произносить только одно слово: да. Одобрять и соглашаться—вотъ его права. Да—судьѣ, да—королю. Сильные могутъ, если захотятъ, бить насъ жезломъ—это ихъ привилегія, и, ломая намъ кости, они ни мало не теряютъ своего величія. Уважай жезлъ всегда и при всякомъ случаѣ и помни, что существуютъ наказанія, что ты находишься въ такой странѣ, гдѣ за спилку трехлѣтняго дерева преспокойно вздергиваютъ на висѣлицу. Кто наноситъ ударъ кому-нибудь въ вестминстерской залѣ, тотъ подвергается пожизненному тюремному заключенію и имѣніе его конфискуется; кто ударитъ кого въ королевскомъ дворцѣ, тому отрубаютъ правую руку. Тутъ, братъ, шутить не любятъ. Три года тому назадъ, въ 1702 г., привязали къ позорному столбу одного злодѣя, по имени Даніэля Дефое, за то, что тотъ осмѣлился напечатать имена членовъ палаты общинъ, говорившихъ наканунѣ въ парламентѣ. А кто оскорбитъ величество, тому живому распарываютъ брюхо, вырываютъ сердце и этимъ сердцемъ хлещутъ его по щекамъ. Помни это, любезный другъ, и подражай въ дерзости—птицамъ, а въ молчаніи—рыбамъ.»

Нѣсколько дней спустя, въ теченіе которыхъ Урсусъ продолжалъ безпокоиться на счетъ дерзкихъ словъ своего пріемыша, онъ увидѣлъ чрезъ отверстіе въ стѣнѣ двора, на улицѣ, полицейскаго съ желѣзною булавою, и страшно перепугался. Ему показалось сначала, что полицейскій направляетъ свои стопы къ нимъ и онъ, позвавъ Гуинплейна, объяснилъ ему, что̀ за страшилище этотъ человѣкъ съ булавою.

«Если онъ подойдетъ къ тебѣ и тронетъ тебя булавою — это значитъ: иди за мной. Онъ не произноситъ ни одного слова, но тотъ, кого коснулась булава, долженъ слѣдовать за нимъ безпрекословно. Что ни спрашивай у него—онъ будетъ молчать, а если вздумаешь оказать сопротивленіе—повѣсятъ... Слава Богу, онъ прошелъ мимо насъ.»

Безпокоясь за Гуинплейна, Урсусъ неожиданно потребованъ былъ самъ предъ совѣтъ трехъ весьма непріятныхъ особъ, трехъ докторовъ: доктора богословія, доктора медицины и доктора исторіи и гражданскаго права. Эти три эксперта in omni re scibili держали въ своихъ рукахъ цензуру всѣхъ словъ произносимыхъ публично въ 130 приходахъ Лондона, 73 Мидльсекса и 5 Соутуорка. Эти богословскія вѣдомства существуютъ еще и по сю пору въ Англіи и полезно свирѣпствуютъ. Такъ, не далѣе какъ въ 1867 г. одинъ джентльменъ былъ приговоренъ къ выговору и штрафу за то, что зажегъ у себя восковыя свѣчи.

Урсусъ получилъ прямо въ руки повѣстку о томъ, чтобъ явиться къ этимъ особамъ и потому могъ отъ домашнихъ скрыть эту непріятность. Три доктора засѣдали въ епископскомъ дворцѣ, въ залѣ нижняго этажа, на трехъ креслахъ съ кожаными ручками, имѣли надъ головами своими три бюста—Миноса, Эака и Радаманта, передъ собою столъ и у ногъ своихъ скамейку. Дрожа отъ страха, почтительно и униженно Урсусъ явился передъ лицо ихъ, отвѣсилъ имъ земной поклонъ и, по приглашенію, сѣлъ на табуретъ. Каждый докторъ держалъ передъ собою тетрадку, и перелистывалъ ее.

— Вы говорите публично? началъ Миносъ. — «Говорю», отвѣчалъ Урсусъ. — По какому праву? — «Я философъ». — Съ этимъ званіемъ еще не связано такого права.— «Я, кромѣ того, комедіантъ». — Это другое дѣло. Какъ комедіантъ вы можете говорить, но какъ философъ, вы должны молчать. — «Постараюсь», сказалъ Урсусъ вслухъ и подумалъ про себя: «я могу говорить, но долженъ молчать. Затруднительно».—Вы говорите вредныя рѣчи. Вы оскорбляете религію, отвергаете самыя очевидныя истины и распространяете самыя возмутительныя заблужденія. Напримѣръ, вы сказали, что дѣвственность исключаетъ зачатіе. — «Я этого не говорилъ. Я сказалъ, что зачатіе исключаетъ дѣвственность». Миносъ задумался и сказалъ. — «Да, это совершенно противное».

Такимъ образомъ Урсусъ парировалъ первый ударъ. На помощь къ Миносу явился Радамантъ съ исторіей.

— Вы отвергаете то обстоятельство, что Фарсальская битва проиграна потому, что Брутъ и Кассій встрѣтили негра. «Я

приписывалъ также эту побѣду тому, что Цезарь болѣе искусный полководецъ.» — Вы извиняете мерзости Актеона. — «Я думаю, что человѣкъ еще не обезчещенъ тѣмъ, что видѣлъ голую женщину». — Заблуждаетесь! строго воскликнулъ судья. По поводу случая съ кавалеріей Митридата, вы оспаривали силу разныхъ травъ и растеній. Вы отрицали, что трава securiduca можетъ разрывать подковы лошадей. — «Позвольте, я не отрицаю силу травъ, а говорю только, что разрывать подковы можетъ не securiduca, а другая трава, именно sferra-cavallo». Депутатъ отъ исторіи замолчалъ; началъ снова Миносъ: — Вы причислили оперментъ къ мышьяковистымъ веществамъ, и сказали, что имъ можно отравиться. Библія это отрицаетъ. — «Библія отрицаетъ, но мышьякъ доказываетъ». — Отвѣтъ не глупъ, вмѣшался представитель медицины, котораго Урсусъ окрестилъ именемъ Эака. Миносъ сдѣлалъ скверную гримасу и продолжалъ: — Отвѣчайте. Вы обозвали неправдой, что василискъ есть царь змѣй подъ именемъ Кокатрикса. — «Ваше высокопреподобіе, я такъ мало желалъ вредить василиску, что увѣрялъ публику, что у василиска человѣческая голова». — Однако, вы утверждали, что Поэрій видѣлъ одного василиска съ соколиною головой. Можете ли вы доказать это? — «Трудновато», отвѣчалъ Урсусъ, теряя подъ собою почву. — Вы отрицали, что блюдо изъ буковаго дерева само покрывается такими кушаньями, какія только пожелаешь. — «Я сказалъ, что для того, чтобъ имѣть такую силу, блюдо это должно быть подано вамъ дьяволомъ». — Мнѣ? — «Нѣтъ, мнѣ, ваше преподобіе, т. е., никому, всѣмъ!» — Все это доказываетъ, что вы обнаруживаете нѣкоторую вѣру въ дьявола. — «Ваше высокопреподобіе, я вѣрю въ дьявола. Вѣра въ дьявола есть противоположность вѣры въ Бога. Одна подтверждаетъ другую. Кто немножко не вѣритъ въ дьявола, не вѣритъ много въ Бога. Кто вѣритъ, что есть солнце, долженъ вѣрить и въ то, что есть тьма. Дьяволъ — ночь Бога. Что такое ночь? Доказательство дня». Миносъ впалъ въ задумчивость и на Урсуса набросился Эакъ, съ вопросами столь же глубокомысленными: онъ спрашивалъ его, отрицаетъ ли онъ способность у травъ говорить или нѣтъ, допускаетъ ли онъ, что мандрагора кричитъ, какъ осмѣлился онъ непочтительно отозваться о птицѣ фениксѣ, какъ осмѣлился онъ считать, что четвертый палецъ лѣвой руки не обладаетъ цѣлебною способностью и, наконецъ напустился на него за леченье, пригрозивъ ему висѣлицею и въ такомъ случаѣ, если онъ кого вылечитъ и въ томъ случаѣ, если онъ залечитъ кого. Въ концѣ концовъ три мудрые мужа стали

шептаться и Миносъ, въ качествѣ предсѣдателя, сказалъ ему грозно: «убирайтесь вонъ».

Эта непріятность скоро, однако, изгладилась тѣмъ успѣхомъ, который еще болѣе пріобрѣлъ «Смѣющійся Человѣкъ», а съ нимъ и «Побѣжденный Хаосъ», любимое дѣтище Урсуса. Правда, мѣсто для «благородной публики» все еще оставалось пустымъ, но въ одну изъ субботъ, когда англичане спѣшатъ веселиться, потому что въ воскресенье приходится скучать, кресло, обитое утрехтскимъ бархатомъ, оказалось занятымъ женщиною высшаго круга, такой ослѣпительной красоты, что обратила на себя всеобщее вниманіе и даже помѣшала успѣху первой части «Побѣжденнаго Хаоса». Неподвижно и величаво сидѣла она въ роскошныхъ одеждахъ, съ большими жемчужными серьгами, съ большой алмазной застежкой на сорочкѣ голландскаго полотна столь тонкаго и прозрачнаго, что большія простыни изъ него могли проходить сквозь кольцо; сорочка открывала половину грудей; корсетъ блестѣлъ рубинами, а юбка была залита бриліантами. Во всей ея фигурѣ замѣтно было желаніе нравиться; брови были подкрашены китайскою тушью, руки, локти, подбородокъ, нижняя часть ноздрей, верхняя часть вѣкъ, уши, ладони, концы пальцевъ—вездѣ виднѣлся красный, какой-то вызывающій оттѣнокъ. Гуинплейнъ и Урсусъ не могли оторвать отъ нея глазъ. Разстояніе скрывало отъ нихъ подробности, но цѣлое являлось какимъ-то лучезарнымъ видѣніемъ, какою-то неизвѣстною планетою, явившеюся изъ міра счастливцевъ. Позади ея стоялъ пажъ, маленькій человѣкъ съ дѣтскимъ бѣлымъ и красивымъ лицомъ и серьезнымъ видомъ: очень хорошенькій и очень серьезный грумъ — былъ необходимою принадлежностью дамъ того времени.

Развязка «Побѣжденнаго Хаоса» возымѣла свое дѣйствіе, несмотря на присутствіе лучезарнаго свѣтила: толпа разразилась хохотомъ и веселыми криками, между которыми можно было отличить звучный и здоровый голосъ Томъ-Джимъ-Джека. Но дама не смѣялась: она смотрѣла на сцену какъ неподвижная статуя и уѣхала въ своей герцогской каретѣ тотчасъ послѣ представленія. Пересчитывая выручку, Урсусъ нашелъ золотую монету. «Это она заплатила», сказалъ онъ. «Она» сдѣлалась предметомъ разговоровъ: Никлесъ сообщилъ, что она герцогиня, что это онъ узналъ по каретѣ съ гербами и лакеями.

— Но, знаете-ли, что всего замѣчательнѣе, прибавилъ онъ: съ ней въ карету сѣлъ Томъ-Джимъ-Джекъ.

— Томъ-Джимъ-Джекъ! воскликнулъ Гуинплейнъ, все время молчавшій. И въ этомъ голосѣ Дея отгадала какое-то тревожное

чувство и сказала: «Нельзя ли какъ-нибудь помѣшать этой дамѣ пріѣзжать сюда».

XII.

Герцогиня не пріѣзжала болѣе, но не выходила изъ головы Гуинплейна: онъ былъ пораженъ ея появленіемъ. Ему казалось, что въ первый разъ еще въ жизни онъ видѣлъ женщину; въ Деѣ онъ видѣлъ душу и какую-то небесную красоту; въ женщинахъ изъ народа онъ видѣлъ тѣнь женщинъ, въ герцогинѣ онъ увидѣлъ женщину дѣйствительную: подъ живою и теплою кожей чуялась горячая кровь; контуры, съ рѣзкостью мрамора и мягкостью волны, надменное и покойное лицо, соединявшее отказъ съ приманкою и ослѣплявшее своей красотою, волосы съ огненнымъ отблескомъ, изысканность наряда, выражавшаго и обѣщавшаго сладострастіе, нагота, проявлявшая высокомѣрное желаніе быть обладаемой толпою, на извѣстной дистанціи, конечно неодолимое кокетство, чарующая непроницаемость, искушеніе, умѣряемое боязнью паденія, обѣщанія чувствамъ и угроза разуму, двойное безпокойство, говорившее и о желаніи, и о страхѣ, — все это онъ видѣлъ въ этой женщинѣ, лучше сказать, въ этой самкѣ, но въ самкѣ съ Олимпа. Въ немъ сказывался полъ и влекъ его—куда-же?—въ недоступныя области высшаго свѣта, до котораго ему, фигляру и уроду, презрѣннѣйшему изъ смертныхъ, было какъ до звѣзды небесной далеко. Въ первый разъ въ жизни сердце его сжалось при мысли о своемъ низменномъ положеніи и въ его памяти встало все то великолѣпіе и роскошь знатныхъ, о которыхъ говорилъ ему Урсусъ, весь этотъ блестящій, радужный, упоительный Олимпъ, среди котораго царицей являлась Джосіана. Онъ желалъ эту женщину страннымъ желаніемъ, соединеннымъ съ невозможностью; но всѣ эти мысли являлись недостаточно точно очертанными, и къ счастью ни разу не приходило ему въ голову осуществить ихъ, то-есть приставить какъ-нибудь лѣстницу къ этому Олимпу и взлѣзть на него. «Къ счастью» потому, что подобныя попытки оканчиваются сумасшествіемъ. При всемъ этомъ Дея оставалась неприкосновенною въ его сердцѣ; онъ продолжалъ боготворить ее, какъ нѣчто идеальное, и въ то время, когда полъ влекъ его къ реальному обладанію женщиной.

Въ Тэдкестерѣ не появлялся болѣе и Томъ-Джимъ-Джекъ, т. е. лордъ Давидъ Дирри-Мойръ: королева отправила его къ берегамъ Голландіи, приказавъ принять команду надъ однимъ фрегатомъ. Въ послѣдній разъ онъ смотрѣлъ на Гуинплейна

вмѣстѣ съ Джосіаной и вмѣстѣ съ нею скрылся. Съ этого же времени прекратились всѣ происки противъ «Зеленой Коробки», которая безмятежно наслаждалась успѣхомъ, привлекая на свои представленія уже не одинъ Соутуоркъ, но немного и самый Лондонъ, который начиналъ бредить «Смѣющимся Человѣкомъ» и переодѣтые лорды и баронеты постоянно вмѣшивались въ народную толпу.

Такъ какъ «предметъ» желаній Гуинплейна не являлся болѣе, то герой нашъ начиналъ приходить въ себя и обрѣтать тотъ миръ, который нарушенъ былъ великолѣпною герцогиней. Дея была въ упоеніи каждый вечеръ, когда она, во время спектакля, касалась руками курчавой головы Гуинплейна. Онъ составлялъ для нея весь міръ, а извѣстная минута во время представленія — верхъ блаженства. Они болѣе и болѣе жили другъ другомъ и другъ въ другѣ. Сердце насыщается любовью, какъ божественною солью, которая его сохраняетъ; этимъ же объясняется прочная взаимная привязанность тѣхъ, которые полюбили другъ друга съ молоду, и свѣжесть старой продолжительной любви. Любовь какъ бы набальзамировывается. Филемонъ и Бавкида родились изъ Дафниса и Хлои. Вотъ эта-то старость, это сходство вечера съ зарею, было очевидно предназначено Деѣ и Гуинплейну.

Урсусъ смотрѣлъ на эту любовь нѣсколько съ медицинской точки зрѣнія и, бросая на блѣдную, трепетную Дею проницательный взглядъ, ворчалъ: «хорошо, что она счастлива — для ея здоровья это необходимо». Иногда онъ покачивалъ головою и внимательно читалъ въ сочиненіи Авиценны о «разстройствахъ сердца». Малѣйшая усталость производила у Деи испарину и клонила ее ко сну. Въ теченіе дня она всегда спала и разъ, когда Гуинплейна не было, Урсусъ тихо наклонился къ Деѣ, приложилъ свое ухо къ груди ея и, послушавъ ее нѣсколько мгновеній, отошелъ, проворчавъ про себя: «Надо ей избѣгать потрясеній — иначе бѣда». Ничего не подозрѣвая, Гуинплейнъ, освободившись отъ соблазнительнаго образа Джосіаны, начиналъ мечтать о Деѣ, какъ мужчина о женщинѣ, за дѣвственницею видѣть жену. Какъ бы чиста ни была любовная мечта молодого человѣка, между нимъ и мечтою всегда возникаетъ чувственный образъ и природное влеченіе входитъ въ сознаніе. Гуинплейнъ испытывалъ страстное влеченіе къ этому чувственному образу, къ этой матеріи, которой у Деи почти не было. Вслѣдствіе этого любовная лихорадка приводила его къ тому, что онъ старался, въ мысляхъ своихъ, преобразовать Дею, дать ей то, чего у нея не доставало. Небесное въ концѣ кон-

цовъ начинаетъ давить и излишекъ его въ любви тоже, что излишекъ горючихъ веществъ въ огнѣ: пламя отъ этого теряетъ. Гуинплейнъ желалъ женщину и, какъ новый Пигмаліонъ, создавалъ изъ Деи другой, болѣе чувственный образъ, создавалъ Еву, потому что настоящій рай въ Евѣ, то-есть въ самкѣ, въ матери, въ кормилицѣ, въ источникѣ новыхъ поколѣній; чувственность исключаетъ крылья и дѣвственность есть только надежда зачатія. Такія мысли приходили въ голову Гуинплейну однимъ апрѣльскимъ вечеромъ, когда онъ прогуливался по пустырю, недалеко отъ таверны, послѣ представленія. Ночь была чудесная, въ воздухѣ пахло весною, и чувственные образы овладѣвали имъ. Душа женщины плѣняетъ насъ, но плѣняетъ также и тѣло ея, иногда тѣло еще больше, чѣмъ душа; душа — подруга жизни, тѣло — любовница. На демона клевещутъ, ибо не онъ соблазнилъ Еву, а Ева его соблазнила. Начала женщина. Люциферъ спокойно шелъ, увидѣлъ женщину и сдѣлался сатаною. Странная вещь: тѣло возбуждаетъ даже своею стыдливостью.

Была уже полночь. Гуинплейнъ почти шатался подъ вліяніемъ страстныхъ грезъ. Вдругъ онъ почувствовалъ, что въ руку его что-то скользнуло. Онъ обернулся: въ рукѣ его очутилось письмо, а передъ нимъ стоялъ маленькій человѣкъ, въ которомъ онъ узналъ пажа Джосіаны. Прежде чѣмъ онъ успѣлъ придти въ себя, пажъ ему сказалъ:

— Будьте завтра въ этотъ часъ у Лондонскаго моста. Я буду тамъ и проведу васъ.

— Куда? спросилъ Гуинплейнъ.

— Гдѣ васъ ожидаютъ.

Гуинплейнъ опустилъ глаза на письмо, которое машинально ощупалъ въ рукахъ. Когда онъ поднялъ голову, пажъ былъ уже далеко. Онъ поднесъ-было письмо къ глазамъ и только тутъ вспомнилъ, что дѣло происходитъ ночью. Онъ вернулся домой, сталъ около фонаря, распечаталъ письмо и прочелъ слѣдующее:

«Ты страшенъ, а я прекрасна. Ты фигляръ, а я герцогиня. Я первая, а ты послѣдній. Я хочу тебя. Я люблю тебя. Приходи.»

Гуинплейнъ читалъ и перечитывалъ это письмо. «Не сошелъ ли я съума?» подумалъ онъ. Нѣтъ, онъ былъ въ полномъ разумѣ. «Я люблю тебя!» Да, это написано ясно, написано рукою той женщины, которая такъ ослѣпила его; она его любитъ, она его желаетъ; она — красавица и богачка — его, урода и бѣдняка; Олимпъ бросается въ объятія къ фигляру; богиня приглашаетъ къ себѣ на грудь гаера и богинѣ нѣтъ отъ этого никакого безчестья, потому что боги омываются исходя-

щимъ отъ нихъ блескомъ. И эта богиня знаетъ, что̀ дѣлаетъ: она видѣла его, видѣла его рожу и все-таки полюбила, предпочла его принцамъ и лордамъ и предпочла за уродство. «Ты ужасенъ. Я люблю тебя.» Эти слова польстили гордости Гуинплейна, чувству, легко-уязвимому у всѣхъ героевъ. Гуинплейнъ былъ польщенъ въ тщеславіи своего безобразія. Онъ любимъ, какъ существо безобразное. А такъ какъ онъ, подобно Юпитеру и Аполлону, и даже, пожалуй, больше, былъ исключеніемъ, то онъ почувствовалъ себя существомъ сверхъестественнымъ, чудовищемъ, равнымъ богу. Кто была эта женщина? Онъ видѣлъ ее, но не зналъ, кто она, не зналъ ни ея имени, ни того, замужняя ли она, вдова ли, дѣвушка. Все это было покрыто для него тайною и тайна еще болѣе влекла его къ себѣ. Идти ли? Конечно идти, подсказывали ему чувственность, ночь, весна; но пойдетъ ли онъ? Такой вопросъ ясно ему не представлялся; онъ дрожалъ, онъ чувствовалъ, что стоитъ на краю бездны, но не было силъ изъ нея выбраться, тѣмъ болѣе, что онъ и не помышлялъ о томъ, что этою женщиной могло руководить скорѣе чувство разврата, чѣмъ чувство любви; отъ него какъ-то ускользало выраженіе: «я хочу тебя», стоявшее рядомъ съ выраженіемъ: «я люблю тебя». Животную сторону богини онъ не замѣчалъ и она являлась ему въ своемъ величіи и блескѣ. Тысячи мыслей, самыхъ разнообразныхъ, волновали Гуинплейна до изнеможенія: онъ замѣтилъ наконецъ, что настала та минута, когда голова перестаетъ думать, когда все исчезаетъ. Онъ легъ въ постель, но не могъ уснуть: безсонница мучила его. Въ первый разъ въ жизни онъ не былъ собою доволенъ: тщеславіе брало верхъ надъ лучшими помыслами. Всталъ Урсусъ, но онъ не открылъ глазъ и слова письма лѣзли ему въ голову въ какомъ-то невообразимомъ хаосѣ, а мысль то останавливалась, то начинала работать снова, повергая его въ отчаяніе. Вдругъ онъ услышалъ нѣжный голосъ: «Ты спишь, Гуинплейнъ?» Онъ открылъ глаза и увидѣлъ передъ собою Дею, прекрасную, въ лучезарномъ блескѣ ея чистоты и прелести. Онъ взглянулъ на нее, содрогнулся и вдругъ почувствовалъ, что въ душу его нисходитъ миръ, что буря начинаетъ улегаться, что съ нимъ совершается одно изъ тѣхъ простыхъ чудесъ, которыхъ такъ много въ природѣ и душѣ. «Это ты!» сказалъ онъ и все исчезло, кромѣ Деи, кромѣ этой слѣпой, обладавшей способностью разгонять мракъ ночи бушующихъ страстей.

Было время завтрака и Дея вышла къ Гуинплейну, чтобы узнать, отчего онъ не является къ столу. Мигомъ былъ онъ на своемъ мѣстѣ, какъ разъ противъ входной двери въ среднюю

комнату «Зеленой Коробки»; Дея сидѣла противъ него, спиною къ двери, и ихъ колѣни соприкасались. Онъ налилъ ей чаю и она граціозно дула на чашку. Въ это время Гуинплейнъ сжегъ надъ спиртовою лампою письмо герцогини; почувствовавъ запахъ сожженной бумаги, она спросила: «что это?» — Ничего, отвѣчалъ онъ, и, распивая чай, они весело болтали и говорили о своей любви. Урсусъ, по обыкновенію, ворчалъ; противъ обыкновенія, заворчалъ и волкъ и не хотѣлъ перестать даже и тогда, когда Урсусъ на него крикнулъ. Загадка вскорѣ объяснилась: въ комнату вошелъ полицейскій и, протянувъ свою желѣзную булаву черезъ плечо Деи, коснулся ею Гуинплейна. За полицейскимъ торчала смущенная фигура Никлеса. Неожиданное явленіе это такъ поразило всѣхъ, что никто не произнесъ слова. Урсусъ и Гуинплейнъ только переглянулись между собою и въ этихъ взглядахъ сказывалась одна и та же мысль — скрыть это все отъ Деи. Полицейскій повернулся и важно вышелъ изъ комнаты, знакомъ приказавъ Гуинплейну слѣдовать за собою. Дея улыбалась.

Такіе «молчаливые» аресты, безъ судебнаго слѣдствія, были тогда въ большомъ употребленіи въ Германіи и въ Англіи и къ нимъ прибѣгали обыкновенно въ разныхъ щекотливыхъ случаяхъ, требующихъ тайны: во Франціи подобной цѣли удовлетворяли «lettres de cachet». По сказанію нѣкоторыхъ лѣтописцевъ, такимъ образомъ былъ арестованъ Эдуардомъ III въ постели своей матери, Изабеллы французской, Мортимеръ. Варвикъ, «дѣлатель королей», охотно пользовался этимъ способомъ «приваживать людей»; его употреблялъ также и Кромвель. Несмотря на то, что «молчаливые аресты» употреблялись иногда въ пользу арестуемыхъ, какъ средство избавить ихъ отъ публичнаго скандала, народъ относился къ такому «хватанію людей» съ ужасомъ. Оно и понятно: тутъ дѣйствовалъ не законъ, а произволъ, котораго много было въ Англіи въ описываемую пору. Вспомнимъ, что Стиль былъ выгнанъ изъ парламента, Локкъ со своей каѳедры, Гоббзъ и Гиббонъ принуждены были бѣжать; Чарльзъ Чорчиль, Юмъ, Пристлей подвергались преслѣдованіямъ; Джонъ Уилькзъ заключенъ въ Тоуэръ. Инквизиція прошлась немного по всей Европѣ и полиція усвоивала себѣ ея пріемы. Прибавимъ къ этому, что тогда охотно казнили въ тюрьмахъ, — отвратительное средство, къ которому Англія возвращается въ наши дни, представляя міру странное зрѣлище народа, который, желая улучшеній, выбираетъ худшее и принимаетъ ночь за день.

Гуинплейна привели въ соутуоркскую тюрьму, которая помѣ-

щалась совсѣмъ въ безлюдномъ мѣстѣ, выходя на улицу стѣною, какъ всѣ англійскія тюрьмы того времени. Противъ нея, тоже за стѣною, но низкою, помѣщалось кладбище. Нѣсколько зѣвакъ проводило узника до самой двери тюрьмы. Полицейскій постучалъ въ дверь, въ которой отворилась форточка. «По волѣ ея величества», сказалъ онъ и тяжелая дверь распахнулась, открывъ холодный и сырой проходъ, въ которомъ Гуинплейнъ и исчезъ. Въ то же время, по другую сторону тюрьмы, остановилась дорожная карета, украшенная гербами и съ закрытыми извнутри стеклами, съ цѣлью, вѣроятно, скрыть сидѣвшихъ въ ней. Толпа, окружавшая карету, догадывалась, что это судья; странствующіе судьи дѣйствительно существовали въ то время въ Англіи, но предполагаемый судья вышелъ не изъ самой кареты, а изъ передняго сидѣнья, гдѣ, конечно, не мѣсто хозяину; кромѣ того, карета была запряжена четвернею; а ѣзда на почтовыхъ стоила въ то время три шиллинга за версту — очевидно, судьѣ была бы не подъ силу такая роскошь. Наконецъ, изъ кареты никто не выходилъ и она продолжала стоять съ закрытыми стеклами.

Въ числѣ зѣвакъ, сопровождавшихъ Гуинплейна до тюрьмы, былъ и Урсусъ. Принявъ необходимыя мѣры для того, чтобъ Дея ничего не знала объ арестѣ своего возлюбленнаго, Урсусъ замѣшался въ толпу съ той надеждой, что все дѣло можетъ окончиться пустяками, какой-нибудь полицейской формальностью; но когда Гуинплейнъ скрылся за дверью тюрьмы, куда попадали только государственные или тяжкіе преступники, гнѣвъ и отчаяніе овладѣли Урсусомъ: онъ бранилъ и власти, и себя самого, и Гуинплейна; онъ то направлялся домой, но снова возвращался къ тюрьмѣ и ждалъ, не появится ли его воспитанникъ. Время, между тѣмъ, приближалось къ вечеру, когда толпа должна была собраться на представленія. Дея замѣтитъ отсутствіе своего любимца и тогда — новая бѣда. Урсусъ вернулся домой и первое, что сдѣлалъ, — сорвалъ вывѣску и ворча направился черезъ трактиръ на дворъ, гдѣ стояла «Зеленая Коробка». Дея ужъ проснулась и стала одѣваться къ представленію. «Ужъ не сказать ли ей все и покончить съ нею разомъ?» пришло ему на умъ. А вдругъ Гуинплейна освободятъ: ударъ, нанесенный хрупкому существованію Деи, ужъ нельзя будетъ поправить. Нѣтъ, лучше подождать и употребить всѣ усилія для того, чтобы оставить ее на нѣкоторое время въ невѣдѣніи. Онъ, Урсусъ, не даромъ же чревовѣщатель и притомъ чревовѣщатель замѣчательный, могущій подражать не только людскимъ голосамъ, но и крику животныхъ и даже, въ случаѣ на-

добности, птичьему пѣнію. И Урсусъ рѣшился дать представленіе, но не для публики, которую и не пустили, а для Деи. Зрителями были только Никлесъ да его прикащикъ, Говикумъ, на обязанности котораго лежало апплодировать, кричать и бѣсноваться. Сказано — сдѣлано. Служанки, Виносъ и Фиби, или Венера и Феба, добросовѣстнѣйшимъ образомъ заиграли въ трубы; Урсусъ импровизовалъ разговоръ между собою и Гуинплейномъ, такъ удачно воспроизводя голосъ послѣдняго, что служанки невольно оборачивались, думая, что въ самомъ дѣлѣ Гуинплейнъ стоитъ гдѣ-нибудь тутъ. Урсусъ истощалъ все великолѣпіе своего искусства и даже спѣлъ пѣсню въ «Побѣжденномъ Хаосѣ» столь нѣжно и увлекательно, какъ пѣлъ ее Гуинплейнъ, когда былъ особенно въ ударѣ. Однимъ словомъ, представленіе удалось какъ нельзя лучше и Дея, повидимому, ни мало не подозрѣвала отсутствія своего возлюбленнаго. Урсусъ снялъ уже парикъ и утиралъ потъ съ лица, внутренно поздравляя себя съ успѣхомъ, когда Дея, блѣдная какъ смерть, спросила его:

— Урсусъ, а гдѣ же Гуинплейнъ?

Урсусъ былъ уничтоженъ.

— Я знаю, онъ насъ бросилъ, онъ покинулъ землю, прибавила она съ невыразимою улыбкой отчаянія и, поднявъ глаза къ небу, сказала: когда же я брошу землю?

Урсусъ могъ обмануть всѣхъ, но не могъ обмануть сердца Деи. Онъ не зналъ, что̀ дѣлать, что̀ сказать, и стоялъ передъ слѣпою, какъ провинившійся школьникъ. Но горе не приходитъ одно: Никлесъ появился на дворѣ со свѣчею въ рукахъ и сталъ манить къ себѣ Урсуса. Урсусъ радъ былъ случаю ускользнуть отъ Деи, которая становилась страшна своей блѣдностью и молчаливымъ отчаяніемъ. Никлесъ сообщилъ ему, что приходилъ хозяинъ сосѣдняго цирка и предлагалъ купить «Зеленую Коробку» со всѣмъ персоналомъ, не исключая и его, Урсуса, за пятьдесятъ фунтовъ. Урсусъ гордо улыбнулся. «Скажите хозяину цирка, проговорилъ онъ, что Гуинплейнъ вернется». Никлесъ показалъ ему тогда одежду Гуинплейна, принесенную какимъ-то полицейскимъ. Урсусъ взглянулъ на нее, ощупалъ и, не сказавъ ни слова, бросился вонъ. Онъ шелъ по направленію къ соутуоркской тюрьмѣ, не давая себѣ отчета въ томъ, для чего это онъ дѣлалъ, что̀ хотѣлъ найдти тамъ. Имъ руководилъ просто тотъ же инстинктъ, который заставляетъ насъ всѣхъ, въ отчаянныхъ случаяхъ, по нѣскольку разъ удостовѣряться въ томъ, для чего и одного разу было бы достаточно. Остановившись противъ тюрьмы, въ улицѣ, которая отдѣляла тюрьму отъ кладбища, онъ услышалъ протяжный похоронный звонъ; отворилась

тюремная дверь, въ ней показался человѣкъ съ факеломъ, затѣмъ нѣсколько другихъ, между которыми онъ могъ отличить того самаго полицейскаго, который приходилъ за Гуинплейномъ, потомъ вышли еще нѣсколько человѣкъ, которые несли гробъ. Процессія направилась черезъ улицу къ кладбищу и скрылась за его стѣною. Послышался какой-то шопотъ, какіе-то глухіе удары — вѣроятно гробъ засыпали землею, — потомъ тѣ же люди снова показались на улицѣ и скрылись за тюремною дверью. Похоронный звонъ умолкъ. Все это видѣлъ Урсусъ, ко всему прислушивался, припоминалъ странный арестъ Гуинплейна, принесенную полицейскимъ одежду его; сердце его сжалось отъ тяжелаго горя: «онъ умеръ», сказалъ онъ съ отчаяніемъ: «они убили его, убили дитя мое, моего сына», и онъ, хвалившійся тѣмъ, что никогда не плакалъ, зарыдалъ, повалившись на землю. Онъ плакалъ какъ ребенокъ, плакалъ о Гуинплейнѣ, о Деѣ, о себѣ, о волкѣ, о всемъ томъ, надъ чѣмъ онъ смѣялся такъ часто.

Прошло нѣсколько часовъ послѣ того, какъ Урсусъ ушелъ изъ таверны. Взошло солнце. Никлесъ не могъ заснуть цѣлую ночь: его брало раздумье и онъ не прочь былъ избавиться отъ своихъ гостей, съ которыми что-то не ладное начинаетъ твориться. Никлесъ пуще всего боялся полиціи, а она являлась уже дважды въ теченіи одного дня. Очевидно, тутъ скрывалось что-то таинственное, пожалуй, грозное. «Подъ какимъ бы предлогомъ выгнать ихъ?» думалъ Никлесъ, тревожно ворочаясь на постели. Вдругъ послышался такой стукъ въ дверь, что хозяинъ таверны быстро вскочилъ, отворилъ форточку и, къ своему ужасу, увидѣлъ, что полиція пожаловала снова; вмѣстѣ съ нею былъ какой-то джентльменъ, жирный, круглый, въ дорожномъ платьѣ. Никлесъ испугался полицейскаго, но еслибъ онъ зналъ, что круглый господинъ — Баркильфедро, онъ испугался бы его еще пуще. Пришлось отворить двери. Полицейскій спросилъ Урсуса, который только теперь показался изъ-за угла стѣны, блѣдный, разстроенный, безъ шапки: онъ цѣлую ночь бродилъ, стараясь утолить свою тоску.

— У васъ есть волкъ, сказалъ ему полицейскій.

— Это мой слуга, позволилъ себѣ выговорить Урсусъ.

— Говорите еще тутъ, фигляръ вы этакій. Слушайте: чтобъ завтра утромъ васъ не было въ Англіи, иначе волкъ будетъ убитъ, а вы посажены въ тюрьму.

Несмотря на представленія Урсуса, что такъ скоро онъ отнюдь собраться не можетъ, полицейскій былъ неумолимъ: «Достопочтенный джентльменъ, сказалъ онъ, указывая на Бар-

кильфедро, сегодня ночью пріѣхалъ изъ Виндзора и привезъ приказаніе ея величества, чтобъ площадь немедленно была очищена.»

Никлеѣсъ радовался такому исходу посѣщенія полиціи, которая освобождала его отъ затруднительнаго и неловкаго объясненія съ Урсусомъ. Онъ вмѣшался даже въ объясненія, сказавъ, что Урсусъ можетъ продать своихъ лошадей и колымагу хозяину цирка, который уже торговалъ ихъ. «А что касается того, чтобъ оставить Англію, прибавилъ онъ, то на Темзѣ много судовъ, которыя отвезутъ куда угодно. Сегодня ночью, напримѣръ, отправляется, вмѣстѣ съ приливомъ, судно «Vograat» въ Роттердамъ.»

— Вотъ и поѣзжайте на «Vograat'ѣ», сказалъ полицейскій.

— Хорошо, я поѣду, я все продамъ и готовъ исполнить приказаніе; но со мной есть еще товарищъ, котораго я не могу оставить, — Гуинплейнъ.

— Гуинплейнъ умеръ, проговорилъ джентльменъ. Урсусъ опустилъ голову. Гуинплейнъ казненъ, его самого изгоняютъ — осталось повиноваться. Онъ задумался. Въ это время жирный джентльменъ подошелъ къ нему и, сунувъ въ руку кошелекъ съ золотомъ, шепнулъ на ухо: «Тутъ десять фунтовъ стерлингъ, которые посылаетъ вамъ одна особа, принимающая въ васъ участіе.» Отойдя, онъ сказалъ полицейскому: «кончайте же поскорѣе. Я очень тороплюсь: къ двумъ часамъ я долженъ быть въ Виндзорѣ и отдать отчетъ ея величеству.»

Полицейскій, къ величайшему огорченію Никлеса и совершенно для него неожиданно, объявилъ ему, что онъ имѣетъ приказаніе арестовать и его и его помощника, что таверна будетъ запечатана, а они посажены въ тюрьму за нарушеніе закона, который преслѣдуетъ волковъ.

XIII.

Когда дверь соутуоркской тюрьмы затворилась, Гуинплейнъ содрогнулся; ему показалось, что эта дверь раздѣляла два міра, тотъ, гдѣ свѣтитъ солнце и тотъ, гдѣ царствуетъ смерть. Онъ ничего не видѣлъ кругомъ себя, пока глаза не привыкли къ полутьмѣ; его вели по длинному корридору. «Господа, куда вы меня ведете»? Спросилъ онъ, мучимый неизвѣстностью, и не получилъ отвѣта. Это молчаніе оледенило его и отняло у него самоувѣренность. Шли гуськомъ: сначала полицейскій, потомъ Гуинплейнъ, потомъ еще нѣсколько полицейскихъ. Полъ корридора

имѣлъ замѣтную покатость внизъ и это обстоятельство еще болѣе увеличивало страхъ Гуинплейна. Нѣсколько разъ передъ ними отворялись и затворялись двери, какъ бы сами собой; въ выемкахъ стѣнъ корридора можно было замѣтить лѣстницы съ рѣшетками, то поднимавшіяся вверхъ, то уходившія внизъ. Наконецъ, остановились. Раздался стукъ и ужасающій визгъ и передъ ними не отворилась, а поднялась дверь, открывъ какой-то круглый, широкій погребъ, въ который вела почти совсѣмъ отвѣсная лѣстница, безъ перилъ. Благодаря свѣту, который выходилъ изъ этого подземелья, можно было разсмотрѣть, что оно не вымощено и поломъ ему служила холодная и сырая земля. Посрединѣ его, четыре низкія и безобразныя колонны поддерживали портики въ видѣ митры, образовавшей въ погребѣ нѣчто въ родѣ центральной комнаты, если комнатою можно назвать пространство открытое со всѣхъ сторонъ и имѣвшее вмѣсто стѣнъ столбы. Сверху, висѣлъ въ немъ фонарь, который и бросалъ свѣтъ на окружающіе предметы. Какъ разъ подъ самымъ фонаремъ, на полу, видна была какая-то голая фигура, лежавшая пластомъ, лицомъ къ верху, съ закрытыми глазами; туловище скрывалось подъ какою-то неопредѣленною массою, руки и ноги были разметаны въ стороны и привязаны цѣпями къ четыремъ столбамъ портика. Гуинплейнъ съ ужасомъ смотрѣлъ на эту фигуру, которая по временамъ издавала хрипѣнье. Возлѣ нея, по обѣимъ сторонамъ большого кресла, въ которомъ сидѣлъ неподвижно блѣдный старикъ въ красной мантіи, съ букетомъ розъ въ рукахъ, стояли два человѣка въ длинныхъ черныхъ мантіяхъ. Болѣе Гуинплейна знакомый съ англійскими обычаями, отличилъ бы по этому букету розъ, съ которымъ до сихъ поръ судитъ лондонскій меръ, судью вмѣстѣ и королевскаго и муниципальнаго. Старикъ этотъ былъ шерифъ графства Серрей; два человѣка въ черныхъ мантіяхъ были докторъ медицины и докторъ правъ. Подлѣ кресла стоялъ столикъ съ бумагами и книгами и на немъ же лежалъ бѣлый шерифскій жезлъ. Позади шерифа присѣдалъ на колѣняхъ писецъ съ чернилицею и пергаментомъ. Къ одному изъ столбовъ прислонился палачъ, рослый малый въ кожаномъ платьѣ. Всѣ эти люди хранили глубокое молчаніе.

Гуинплейнъ попалъ въ уголовный погребъ, въ застѣнокъ, которыхъ было тогда много въ Англіи. Все послѣдующее случалось въ ту пору въ Англіи сплошь и рядомъ и, въ случаѣ надобности, можетъ производиться и въ настоящее время, такъ какъ тогдашніе законы существуютъ и до сихъ поръ. Варварскій кодексъ уживается въ ней съ свободою и въ случаѣ кризиса можетъ быть вызванъ на свѣтъ. Англичане такъ ува-

жаютъ законы, что предпочитаютъ не исполнять ихъ, чѣмъ отмѣнять вовсе. Старый законъ выходитъ изъ употребленія, какъ старая женщина; ни ту, ни другой не убиваютъ, а перестаютъ ими пользоваться, предоставляя имъ считать себя юными и прекрасными. Это называется уваженіемъ. Еще въ 1867 году, феній Бёрке былъ приговоренъ къ четвертованію.

Исторія говоритъ, что Англія не знала пытки; слово исторіи — вѣско, но Матвѣй Вестминстерскій, говоря, что «саксонскій законъ милосердъ и снисходителенъ», потому что не наказываетъ преступниковъ смертью, прибавляетъ: «наказанія ограничивались тѣмъ, что только отрѣзывали носъ, выкалывали глаза и вырывали части, отличающія одинъ полъ отъ другого». Только!

Полицейскій знакомъ пригласилъ Гуинплейна слѣдовать за собою, внизъ. Когда они спустились, шерифъ сказалъ Гуинплейну: «Подойдите сюда, поближе, поближе!» Гуинплейнъ очутился какъ разъ возлѣ лежащей фигуры человѣка, которому можно было дать лѣтъ пятьдесятъ или шестьдесятъ; бѣлые пучки бороды щетинились на его подбородкѣ; худое и костлявое лицо было совершенно мертво; онъ закрывалъ глаза и открывалъ ротъ, откуда выходилъ то крикъ, то стенанія. На животъ ему наложены были камни и слегка прикрыты какими-то лохмотьями.

— Повиновеніе ея величеству! воскликнулъ шерифъ, взялъ со стола жезлъ и снова положилъ его на прежнее мѣсто. Затѣмъ, медленно и протяжно, какъ похоронный звонъ, онъ повелъ длинную рѣчь, обращаясь къ «человѣку, скованному цѣпями», какъ называлъ онъ полумертвую фигуру, распростертую на землѣ. Онъ говорилъ, что этотъ человѣкъ былъ привезенъ въ этотъ погребъ, былъ подвергнутъ допросу и затѣмъ пыткѣ, но, несмотря на послѣднюю, продолжалъ упорно хранить молчаніе. Во имя закона и угрожая оставить преступника въ этомъ холодномъ погребѣ до кончины, истекающимъ кровью, шерифъ усовѣщевалъ его сдѣлать необходимое показаніе. По временамъ шерифъ прерывалъ свою рѣчь и, какъ эхо его, докторъ правъ читалъ по-латыни текстъ закона, формулами котораго шерифъ пестрилъ свою рѣчь.

— Вотъ уже четвертые сутки, какъ вы здѣсь, въ этомъ подземельѣ, говорилъ шерифъ. Въ первый день вамъ не давали ни пить, ни ѣсть; во-второй день вамъ давали ѣсть, но не давали пить; вамъ втиснули сквозь зубы три куска ячменнаго хлѣба. На третій день вамъ не давали ѣсть, но дали пить. Вамъ влили въ ротъ въ три пріема три кружки воды, взятой въ сточномъ ручьѣ тюрьмы. Сегодня четвертый день. Не упорствуй въ молчаніи, и признайся. Если ты признаешься, то будешь только

повѣшенъ и получишь право на «meldefeoh», то-есть извѣстную сумму денегъ, каторая будетъ тебѣ немедленно отпущена старыми монетами. Признайся, будь вѣрнымъ подданнымъ ея величества. Настаетъ тотъ верховный часъ, который избрала мудрость закона для полученія показанія, которое наши предки именовали «рѣшеніемъ смертнаго часа», ибо въ этотъ моментъ дается вѣра простому утвержденію или отрицанію. Говорите же.

Шерифъ остановился и ждалъ съ минуту отвѣта. «Слышите ли вы меня? Началъ онъ снова. Во имя закона, приказываю вамъ открыть глаза». Но человѣкъ продолжалъ лежать неподвижно. «Докторъ, изслѣдуйте его». Докторъ нагнулся къ преступнику, пощупалъ его пульсъ, приложилъ на минуту ухо ко рту его и сказалъ, что онъ еще «можетъ слышать и видѣть». По знаку шерифа, одинъ полицейскій поднялъ голову преступнику, а другой сталъ сзади Гуинплейна.

— Говори же, несчастный! воскликнулъ шерифъ громовымъ голосомъ. Законъ умоляетъ тебя предъ казнью, которой онъ предастъ тебя. Вспомни о божьемъ наказаніи и не упорствуй долѣе. Слушай, ближній мой, ибо я человѣкъ; слушай, братъ мой, ибо я христіанинъ; слушай, сынъ мой, ибо я старикъ, размысли и остерегись меня, ибо я владыка мукъ твоихъ и принужденъ буду поступить съ тобой жестоко, какъ законъ повелѣваетъ. Подумай, что я самъ трепещу передъ своею властью. Проникнись же, о несчастный, спасительнымъ страхомъ къ правосудію, и повинуйся мнѣ. Поворота голову, открой глаза и скажи, узнаешь ли ты этого человѣка?

Преступникъ не открылъ глазъ и не повернулъ головы. Шерифъ бросилъ взгляды на полицейскихъ; одинъ изъ нихъ тотчасъ же снялъ съ Гуинплейна шляпу и плащъ, взялъ за плечи и поставилъ лицомъ къ свѣту, противъ преступника. Лицо Гуинплейна ярко выступило со всею своею странностью среди полумрака тюрьмы. Въ то же время другой полицейскій нагнулся, взялъ преступника обѣими руками за виски, поворотилъ его полумертвую голову къ Гуинплейну и пальцами раздвинулъ ему вѣки. Преступникъ увидѣлъ Гуинплейна и, поднявъ свою голову и широко раскрывъ глаза, поглядѣлъ на него, задрожалъ и громко произнесъ сквозь страшный смѣхъ:

— Это онъ! да! это онъ!

Голова его снова упала на полъ и глаза закрылись.

— Запишите, сказалъ шерифъ, обращаясь къ писарю.

Слова преступника «это онъ» поразили Гуинплейна и онъ окончательно потерялся. Ему показалось, что этотъ злодѣй хо-

четъ привлечь его къ своему преступленію, сдѣлать его своимъ сообщникомъ, и несчастный заметался и залепеталъ безсвязныя слова оправданія:

— Это совсѣмъ неправда. Это вовсе не я. Я не знаю этого человѣка, и онъ меня не знаетъ. Это онъ все напрасно. Освободите меня, ради Бога. Я не виноватъ. Я—Гуинплейнъ, знаете—«Смѣющійся Человѣкъ», который тамъ вотъ представляетъ. Г. судья, не вѣрьте ему и защитите меня. Вѣдь я бѣдный фокусникъ...

— Вы, сказалъ шерифъ, вы—лордъ Фирменъ, баронъ Кленчарли и Гонкервиль, маркизъ Корлеонскій и перъ Англіи. Неугодно ли, милордъ, садиться, прибавилъ онъ, вставъ съ своего мѣста и указывая Гуинплейну на кресло. Гуинплейнъ ничего не понималъ и безсмысленно устремилъ взоръ на шерифа. Два полицейскихъ подошли къ нему, взяли его подъ руки и показали на кресло: онъ повиновался безпрекословно. Тогда шерифъ положилъ на столъ букетъ розъ, надѣлъ очки, вынулъ изъ кипы бумагъ пергаментъ, весь въ пятнахъ, пожелтѣвшій, мѣстами порванный и прочелъ признаніе пассажировъ барки «Матутина», писанное докторомъ Гернардусомъ Гестемунде. Въ этомъ документѣ разсказывалось, что Гуинплейнъ — законный сынъ лорда Фирмена Кленчарли и супруги его, Анны Бредшо, что онъ выданъ былъ дѣтопокупателямъ въ Швейцаріи, по смерти его родителей, слугою послѣднихъ, тоже умершимъ, по повелѣнію его величества короля Якова II, который получилъ за ребенка десять фунтовъ стерлинговъ. Двухъ лѣтъ ребенокъ былъ изуродованъ фламандцемъ Гардкванонномъ, который зналъ секретъ, какъ дѣлать изъ лица смѣхотворную маску, masca ridens. «Сколько бы ни прошло лѣтъ, говорилось въ документѣ, Гардкванонцъ, содержащійся въ четемской тюрьмѣ по подозрѣнію въ принадлежности къ шайкѣ дѣтопокупателей, всегда узнаетъ Гуинплейна, какъ свое произведеніе... Настоящее признаніе писано на оборотѣ королевскаго повелѣнія о продажѣ ребенка. Оборотите листъ и увидите королевскій приказъ». Шерифъ оборотилъ листъ и увидѣлъ два латинскія слова *jussu regis* и подпись: *Джеффрисъ*.

Гуинплейнъ все еще не могъ дать себѣ отчета въ происходившемъ. Когда шерифъ кончилъ, онъ заговорилъ какъ во снѣ:

— Гернардусъ, да, это докторъ, старый и угрюмый человѣкъ. Я боялся его. Были тамъ и женщины. Гардкванонна тоже помню: онъ все пилъ изъ бутылки, на которой написано было красными словами его имя.

— Вотъ она, сказалъ шерифъ, ставя на столъ бутылку. Въ

ней былъ закупоренъ тотъ документъ, который я прочиталъ вамъ и которое море доставило по адресу. Гардкванонnъ! обратился онъ къ преступнику: когда вамъ показана была эта бутылка — вы тотчасъ признали ее за свою, а когда прочтенъ былъ вамъ вложенный въ нее документъ, вы ничего не хотѣли говорить, надѣясь, вѣроятно, что ребенокъ погибъ и вы избѣгнете наказанія. Теперь, когда вамъ, по закону, сдѣлали очную ставку съ лордомъ Кленчарли, вы прервали это молчаніе...

— Я клялся сохранить тайну и хранилъ ее сколько могъ, произнесъ Гардкванонnъ, открывая глаза. Темные люди — вѣрные люди, и честность есть и въ аду. Теперь молчаніе стало безполезно, я и сказалъ. Да, это онъ. Мы его обработали вмѣстѣ съ королемъ: король — своимъ повелѣніемъ, а я — своимъ искусствомъ. Теперь, смѣйся вѣчно, прибавилъ онъ, обратившись къ Гуинплейну, и снова засмѣялся тѣмъ смѣхомъ, который былъ скорѣе похожъ на рыданіе, и умолкъ. Шерифъ произнесъ приговоръ, которымъ Гардкванонnъ присуждался къ повѣшенію. Палачъ снялъ камни съ его живота и освободилъ изъ цѣпей руки и ноги; но преступникъ оставался въ прежнемъ положеніи. «Встаньте, Гардкванонnъ», сказалъ шерифъ; но преступникъ не двигался по прежнему. Подошелъ къ нему докторъ, освидѣтельствовалъ его грудь и пульсъ, поднялъ вѣки и сказалъ, что онъ умеръ и что по всей вѣроятности умеръ потому, что смѣялся: смѣхъ убилъ его.

— Все равно, замѣтилъ шерифъ. Послѣ признанія, жизнь или смерть — одна формальность. Похороните его сегодня ночью на кладбищѣ, которое противъ тюрьмы.

Отдавъ это приказаніе, шерифъ глубоко поклонился Гуинплейну и пожелалъ ему всякаго благополучія. Всѣ присутствующіе послѣдовали его примѣру.

— Да разбудите же меня, наконецъ, воскликнулъ Гуинплейнъ и, блѣдный, какъ смерть, поднялся съ кресла.

— Я васъ въ самомъ дѣлѣ разбудилъ, сказалъ толстый человѣкъ, показываясь изъ-за столба, гдѣ онъ присутствовалъ во все время засѣданія, и поклонился новому лорду съ изяществомъ придворнаго.

— Да, я разбудилъ васъ отъ сна, который тянулся двадцать пять лѣтъ. Вы и теперь еще почиваете. Вы считаете себя простолюдиномъ, фигляромъ, Гуинплейномъ, бѣднякомъ, а вы — вельможа, сенаторъ, несмѣтный богачъ, лордъ Кленчарли. Проснитесь, милордъ.

— Что это значитъ? прошепталъ Гуинплейнъ голосомъ, въ которомъ слышалось, наконецъ, сознаніе дѣйствительности.

— Это значитъ, милордъ, что я — Баркильфедро, чиновникъ адмиралтейства, что эта бутылка была найдена на морскомъ берегу, представлена мною королевѣ, которая повелѣла произвести дознаніе, сейчасъ оконченное; это значитъ, что вы имѣете милліонъ годового дохода, что вы лордъ соединеннаго королевства, законодатель и верховный судія, равный принцамъ, подобный императорамъ, съ перскою короною на головѣ, и что вы вступаете въ бракъ съ герцогинею, королевскою дочерью.

Гуинплейнъ упалъ безъ чувствъ.

XIV.

Вся эта исторія случилась какъ разъ въ то время, когда Баркильфедро терялъ уже надежду чѣмъ-нибудь повредить Джосіанѣ. Вдругъ случай даетъ ему въ руки бутылку Гардкванонна: онъ берется за него со всею горячностью, на какую только способенъ, наслаждаясь заранѣе гнѣвомъ и отчаяніемъ герцогини, которая должна потерять болѣе половины своего состоянія. Кромѣ того, случай этотъ, повредивъ Джосіанѣ, принесетъ огромную пользу ему, Баркильфедро, которому новый лордъ будетъ обязанъ всѣмъ. Онъ, Баркильфедро, самъ сдѣлается покровителемъ и кого же? — лорда, и пойдетъ вверхъ по пути отличій, непремѣнно сдѣлается епископомъ, лицомъ съ вліяніемъ и значеніемъ: церковныя почести привлекали его особенно сильно. И, надо отдать ему справедливость, онъ повелъ дѣло такъ ловко и такъ тайно, что Джосіана и лордъ Давидъ ничего не подозрѣвали. Какъ только сталъ извѣстенъ королевѣ документъ, найденный въ бутылкѣ, она немедленно обратилась за совѣтомъ къ двумъ главнымъ своимъ совѣтникамъ, лорду-канцлеру, который по закону есть «хранитель совѣсти англійскаго короля», и къ лорду-маршалу, котораго прямо касались интересы англійской аристократіи. Лордъ-маршалъ, Томасъ Гоуардъ, сказалъ, что онъ будетъ согласенъ съ мнѣніемъ лорда-канцлера, Уильяма Коупера, изрекшаго однажды, что «для англійской конституціи важнѣе возстановленіе лорда въ утраченныхъ имъ правахъ, чѣмъ возстановленіе короля на тронѣ». Изъ этого понятно, какого мнѣнія могъ быть лордъ Коуперъ.

Дѣло закипѣло съ «королевской быстротою», какъ говорили тогда и съ «молчаніемъ крота», которое рекомендовалъ и употреблялъ лордъ Бэконъ: наведены были справки въ Швейцаріи, отысканъ Гардкванониъ, повѣрена надпись Джеффриса и *jussu regis*, это королевское клеймо. Яковъ II принадлежалъ къ тѣмъ

тиранамъ, какъ Филиппъ II, которые хвастаются своими подвигами и, совершивъ скверное дѣло, кладутъ на него свой штемпель. Королевѣ Аннѣ представлена была докладная записка лордомъ-канцлеромъ, въ которой онъ не только остерегся порицать короля, приходившагося отцомъ королевѣ, но даже оправдывалъ его старыми монархическими правами, въ родѣ того, что «жизнь и члены подданныхъ зависятъ отъ короля», стало быть онъ имѣетъ право ихъ уродовать. Эту фразу произносилъ славной и ученой памяти король Яковъ I; кромѣ того, извѣстно, что ради государственныхъ причинъ, даже особамъ королевской крови выкалывали глаза, принцы съ пользою задушались между двумя тюфяками и смерть ихъ приписывали апоплексіи. Все это доказываетъ, что король имѣлъ право поступить съ сыномъ лорда Кленчарли такъ, какъ Господь ему на душу послалъ; но, съ своей стороны, королева обязана возстановить потерянныя лордомъ права, ибо «одна законность не разрушаетъ другую. Если утопленный выплываетъ на верхъ и возвращается къ жизни, значитъ Богъ исправилъ поступокъ короля. Если наслѣдникъ находится, значитъ необходимо возвратить ему корону. Такъ поступлено было относительно лорда Яллы, короля нортумберлэндскаго, который тоже былъ фокусникомъ. Такъ слѣдуетъ поступить относительно Гуинплейна, который тоже король, то-есть лордъ».

Достаточно извѣщенная объ уродствѣ новаго лорда, Анна не хотѣла повергать сестру Джосіану въ печаль отнятіемъ наслѣдства Кленчарли, и милостиво рѣшила, что Гуинплейнъ женится на Джосіанѣ. Все это было просто и согласія палаты лордовъ не требовалось, какъ въ случаяхъ сомнительныхъ, напр. при переходѣ перства въ боковую линію: тутъ являлся прямой и законный наслѣдникъ и распоряженія королевы и лорда-канцлера было достаточно. Оставался лордъ Давидъ, который много терялъ, но объ немъ королева также позаботилась: отправивъ его на время дознанія крейсировать къ берегамъ Голландіи, она милостиво возвела его въ чинъ контръ-адмирала, хотя никакихъ подвиговъ лордъ Давидъ не совершилъ.

Въ тотъ самый часъ, когда полицейскій явился въ Тэдкестеръ за Гуинплейномъ, Джосіана выѣзжала изъ Лондона въ Виндзоръ, куда ее призывала королева. Приказаніе это исполняла она скрѣпя сердце, ибо ожидала ночью къ себѣ Гуинплейна, разсчитывая, что фигляръ не откажется отъ объятій герцогини. Пріѣхавъ въ Виндзоръ, она узнала, что королева можетъ принять ее только на слѣдующій день и что въ Виндзоръ ждутъ также съ часу на часъ лорда Давида, которому послано приказаніе немедленно явиться для важныхъ объясненій.

А герой нашъ? Открывъ глаза, онъ увидѣлъ себя въ креслѣ, въ обширной комнатѣ, которой стѣны, полъ и потолокъ были обиты краснымъ бархатомъ. Возлѣ него два стола съ канделябрами, по шести восковыхъ свѣчь въ каждой; на одномъ столѣ лежали какія-то бумаги и шкатулка, на другомъ—холодныя кушанья, вино, ликеры. Черезъ окно, вышиною отъ полу до потолка, ясное апрѣльское небо ночи позволяло видѣть полукругъ бѣлыхъ мраморныхъ колоннъ, обрамлявшихъ парадный дворъ, который вымощенъ былъ мраморомъ. Великолѣпіе и самая изящная роскошь окружали Гуинплейна. «Гдѣ я»? спрашивалъ онъ у Баркильфедро, который стоялъ передъ нимъ съ непокрытой головой. «Вы въ своемъ домѣ, милордъ», отвѣчалъ тотъ. Новый лордъ, бросаемый отъ одного удивленія къ другому, все еще не могъ придти въ себя. и собраться съ мыслями. Онъ оглядѣлъ себя и тутъ перемѣна: вмѣсто обыкновеннаго своего костюма, онъ видѣлъ на себѣ атласъ и шитое серебромъ сукно; въ карманѣ лежалъ у него полный кошелекъ; на ногахъ башмаки съ высокими красными каблуками. Онъ былъ въ безпамятствѣ, когда перевезли его во дворецъ и перемѣнили на немъ платье. Такому долгому безпамятству удивляться нечего: Францискъ д'Альбескола, человѣкъ необыкновенно крѣпкій, лишился чувствъ на цѣлый день, когда избрали его папой, а скачекъ отъ кардинала къ папѣ меньше, чѣмъ отъ фигляра къ англійскому перу.

— Удостойте, ваша честь, вспомнить, началъ немного погодя Баркильфедро, стараясь пріятно улыбаться: я чиновникъ адмиралтейства и я именно извлекъ на свѣтъ вашу судьбу. Такъ, въ арабскихъ сказкахъ, рыбакъ извлекаетъ изъ бутылки великана, и затѣмъ Баркильфедро принялся пространно высчитывать дворцы, замки, деревни, права и доходы новаго лорда, который молча слушалъ его и вспоминалъ, что всѣ произносимыя имъ имена знакомы ему съ дѣтства, что они были написаны на стѣнѣ прежняго жилища Урсуса и первое, что бросалось въ глаза бѣдному мальчику, когда онъ просыпался въ походной лачугѣ, было перечисленіе богатствъ лорда Кленчарли, то-есть списокъ теперешнихъ своихъ владѣній. Эта странная подробность припомнилась ему и заняла свое мѣсто въ ряду другихъ странностей, которыя случились съ нимъ въ теченіе дня.

— Милордъ, продолжалъ Баркильфедро, вотъ эта шкатулка, содержащая въ себѣ двѣ тысячи гиней, прислана вамъ ея величествомъ королевою на первыя нужды.

— Это отцу моему, Урсусу, сказалъ Гуинплейнъ.

— Хорошо. Я знаю Урсуса и пошлю ему. А если самъ буду въ Лондонѣ, то вручу ему самъ.

— Я самъ отнесу ему, возразилъ Гуинплейнъ.

— Это невозможно, милордъ. Мы въ Кормонъ-лоджѣ, въ вашей дворцовой резиденціи, по сосѣдству съ Виндзоромъ, въ 23 миляхъ отъ Лондона. Васъ здѣсь еще никто не знаетъ. Я привезъ васъ сюда въ закрытой каретѣ, которая ожидала васъ у соутуоркской тюрьмы, и ввелъ въ эти комнаты съ помощью секретнаго ключа, который имѣю. Здѣшнимъ людямъ пока неизвѣстно даже ваше имя и теперь не время ихъ будить. Лучше я покажу вамъ ваши документы и познакомлю васъ съ ихъ содержаніемъ. Говорю вамъ по порученію ея величества. Всѣ необходимыя формальности исполнены и завтра вы будете приняты въ палатѣ лордовъ, гдѣ можете участвовать въ преніяхъ о биллѣ, внесенномъ короною. Билль этотъ касается увеличенія сотнею тысячъ фунтовъ стерлингъ ежегоднаго содержанія герцогу кумберлэндскому, супругу королевы... Впрочемъ, не все еще кончено. Я долженъ предупредить васъ, милордъ, что дѣло ваше легко можетъ быть проиграно. До сихъ поръ знаютъ о немъ только весьма немногіе и, конечно, если потребуетъ государственная необходимость, эти немногіе легко предадутъ васъ забвенію. У васъ есть братъ, побочный сынъ вашего отца и одной дамы, которая впослѣдствіи была любовницею Карла II. Къ этому брату должно было перейдти ваше перство и оно перейдетъ, если вамъ не угодно будетъ исполнить повелѣнія королевы, которая предназначаетъ вамъ въ супруги дѣвушку царственнаго происхожденія. Судьба, открывая одну дверь, затворяетъ другую; сдѣлавъ нѣсколько шаговъ впередъ, слѣдуетъ отказаться отъ того, что осталось позади. Милордъ, Гуинплейнъ умеръ. Понимаете?

Гуинплейнъ вздрогнулъ, но скоро оправился и сказалъ: «да». Баркильфедро улыбнулся, поклонился, взялъ шкатулку подъ плащъ и вышелъ.

Оставшись одинъ, Гуинплейнъ началъ ходить по комнатамъ большими шагами и старался привести въ порядокъ свои мысли и воспоминанія. Послѣ всѣхъ треволненій, испытанныхъ имъ, онъ начиналъ приходить въ себя и сознавать свое положеніе. Бѣдное, униженное прошлое становилось въ его головѣ лицомъ къ лицу съ настоящимъ, исполненнымъ блеска и власти, и горькія чувства выплывали наружу. «А, думалъ онъ, такъ вотъ оно что. Я былъ лордомъ. Меня обокрали, лишили наслѣдства, изуродовали. Теперь все понятно. Я возрождаюсь, я понимаю теперь, почему толпа, окружавшая меня, казалась мнѣ стадомъ: я чувствовалъ, что подъ моими лохмотьями что-то трепетало; я чувствовалъ, что я не собака, не рабъ, а пастырь, пастырь на-

рода, его руководитель и господинъ, и то, чѣмъ были мои отцы, баронъ и перъ. Хорошо же! Я возьму свое, я покажу себя этимъ разбойникамъ, которые мучили моего отца, которые продали меня и выбросили вонъ изъ рода человѣческаго, поставили ниже раба и лакея, въ какую-то грязную, отвратительную яму. Я покажу имъ себя». Онъ то садился и забывался на минуту, то снова вставалъ и схватывалъ руками свою голову. Матеріальное величіе ослѣпляло его и отъ чувства ненависти къ врагамъ своимъ онъ переходилъ къ мечтамъ о томъ блескѣ, которымъ онъ окружитъ себя, о тѣхъ празднествахъ, которыми удивитъ всѣхъ; ему чудились трубные звуки и фантастическія картины. А съ какимъ торжествомъ явится онъ въ палатѣ лордовъ, какія возвѣститъ тамъ новыя истины. «Я буду краснорѣчивъ», повторялъ онъ себѣ: «я все самъ испыталъ, я выстрадалъ все то, что вы видите только издали. Я брошу въ лицо этимъ мечтателямъ горькую истину и они затрепещутъ и покроютъ мою рѣчь рукоплесканіями; я явлюсь предъ ними свѣточемъ, потому что освѣщу имъ истину, мечомъ — потому что потребую правосудія. Какое торжество»! Онъ былъ какъ въ бреду. Мысли ежеминутно мѣнялись, наплывали и исчезали. Онъ то начиналъ твердить машинально свои титулы, то ощупывалъ бархатные обои, переставлялъ стулья, разсматривалъ печати и гербы, подходилъ къ окнамъ и вслушивался въ журчаніе фонтана, пересчитывалъ мраморныя колонны, перелистывалъ свои бумаги, разглядывалъ свое платье... Часы проходили. Занялась заря и показался свѣтъ. Бѣлый лучъ проникъ въ комнату и въ то же время вошелъ въ душу Гуинплейна. «А Дея»? вдругъ припомнилъ онъ. «Гдѣ ты и гдѣ я? Въ первый разъ еще насъ разлучили и стараются вырыть между нами пропасть. Но этому не бывать. Кто говорилъ мнѣ о королевѣ? Я знать ее не хочу: я не измѣнился и не измѣнюсь. Чтó бы ни случилось, но Дея будетъ со мной, Дея будетъ леди. Вспоминаю теперь: тотъ человѣкъ говорилъ мнѣ, что когда одна дверь отворяется, другая закрывается, что прошлое надо покинуть. Другими словами, это значило, чтобъ я сталъ негодяемъ, чтобъ забылъ всѣхъ, съ которыми связала меня судьба. Тотъ человѣкъ воспользовался первыми минутами моего удивленія, онъ поступилъ со мной какъ съ легкою добычей. Этому не бывать. Я покажу имъ, что я настоящій лордъ, что королева для меня — ничто. Они смѣютъ мнѣ предлагать условія, какъ будто, сдѣлавшись лордомъ, я поступаю въ разрядъ рабовъ! Нѣтъ, они этого не дождутся. Дея и Урсусъ будутъ со мною. Я сейчасъ къ нимъ иду, я отыщу ихъ. Чего я ждалъ такъ долго? Тотъ человѣкъ сказалъ мнѣ, что я не могу выдти отсюда. Посмотримъ. Карету

мнѣ! Да гдѣ жъ это лакеи? Господинъ я здѣсь или нѣтъ? Вѣдь это мой домъ и я поломаю замки, разобью двери и добьюсь своего. Погляжу я, кто посмѣетъ сопротивляться мнѣ. Иду, иду сейчасъ»!

Онъ поднялся и вышелъ изъ комнаты въ корридоръ, изъ этого корридора въ другой, потомъ изъ комнаты въ комнату, отыскивая выхода. Всѣ двери были отперты, да ихъ и мало было, такъ какъ во дворцѣ, построенномъ въ итальянскомъ вкусѣ, двери замѣнялись занавѣсями и портьерами. Кромѣ того, внутренность дворцовъ того времени устроивалась такъ, что образовала цѣлый лабиринтъ комнатъ, въ которомъ незнакомый человѣкъ могъ закружиться и потерять всякую возможность выбраться вонъ. Тоже было и съ Гуинплейномъ. Онъ шелъ очертя голову изъ комнаты въ комнату, проходилъ черезъ галлереи, корридоры, салоны, черезъ свѣтлыя залы и темные проходы, видѣлъ въ окна то сады, полные утренней свѣжести, то фасады зданій со статуями, то маленькіе дворики, застроенные громадными зданіями, то Темзу, то Виндзоръ, но ни одной живой души въ этотъ ранній утренній часъ. По временамъ онъ останавливался, звалъ, но никто не откликался. Наконецъ онъ услышалъ небольшой шумъ какъ бы отъ журчащей воды. Это было въ тѣсной, темной галлереѣ, отдѣлявшейся отъ слѣдующей комнаты портьерой. Отдернувъ ее, онъ вступилъ въ восьмиугольную залу со сводами, безъ оконъ, освѣщенную сверху, всю обитую бѣлорозовымъ мраморомъ; посрединѣ залы возвышался черный мраморный балдахинъ съ витыми колоннами, въ тяжеломъ, но прекрасномъ стилѣ Елизаветы; балдахинъ накрывалъ ванну изъ чернаго же мрамора; въ центрѣ его била теплая и ароматная вода, тихо и медленно наполняя ванну.

Въ залѣ не было никакой мебели, исключая испанскаго канапе изъ литаго серебра, обитаго шелкомъ и поставленнаго возлѣ ванны. Это было одно изъ тѣхъ длинныхъ креселъ, на которыхъ женщина могла растянуться, и въ ногахъ еще оставалось мѣсто для собаки или любовника. Съ другой стороны ванны, у стѣны, стоялъ массивный серебряный туалетъ съ восемью венеціанскими зеркалами въ формѣ окна. Въ той части стѣны, которая находилась близко отъ канапе, было продѣлано четырехугольное отверстіе, похожее на слуховое окно и закрытое серебряною крышкою, съ петлями, какъ ставня, и съ королевскимъ гербомъ. Надъ крышкою придѣланъ былъ золотой колокольчикъ. Какъ разъ противъ Гуинплейна, который вошелъ въ залу и остановился, не было стѣны, а вмѣсто нея было пространное отверстіе, завѣшенное совершенно прозрачною серебряною тканью.

Въ центрѣ этой ткани, тамъ гдѣ сидитъ паукъ, еслибъ то была паутина, лежала нагая женщина.

Не совсѣмъ нагая, однако. На ней была длинная рубашка, въ родѣ тѣхъ, въ которыя одѣваютъ ангеловъ на картинахъ, но столь прозрачная, что нагота являлась еще соблазнительнѣе, чѣмъ безъ всякихъ покрововъ. Исторія занесла на свои страницы разсказъ о процессіи принцессъ и придворныхъ дамъ между рядами монаховъ: подъ предлогомъ самоуничиженія передъ святыней, герцогиня Монпансье показывалась всему Парижу въ рубашкѣ изъ кружевъ, конечно, со свѣчею въ рукахъ, чего не было у женщины, поразившей Гуинплейна. Серебряная ткань, прозрачная какъ стекло, отдѣляла ванную отъ спальни, очень маленькую комнатку, нѣчто въ родѣ зеркальнаго грота. Венеціанскія зеркала, которыми уставлена была вся спальня, отражали въ себѣ серебряную постель, на которой спала женщина, закинувъ голову назадъ и отбросивъ въ ноги одѣяло. Кружевная подушка лежала на полу. Простыни, безпорядочно лежавшія и тоже отброшенныя, свидѣтельствовали о безпокойномъ снѣ; красота ихъ складокъ—о тонкости ткани. То было время, когда одна королева, воображая, что будетъ осуждена на томъ свѣтѣ, представляла себѣ адъ въ видѣ постели съ толстымъ бѣльемъ. У кровати не было ни колоннъ, ни балдахина, такъ что женщина, открывъ глаза, могла созерцать себя нагою тысячу разъ въ зеркалахъ. Мода спать голою пришла изъ Италіи и началась еще у римлянъ. Sub clara nuda lucerna, говоритъ Горацій. Шлафрокъ изъ шелковой китайской матеріи былъ брошенъ небрежно въ ногахъ постели; за нею, въ глубинѣ алькова, была вѣроятно дверь, маскированная большимъ зеркаломъ съ изображеніемъ павлиновъ и лебедей. Въ изголовьѣ на серебряномъ, подвижномъ пюпитрѣ съ подсвѣчниками, на которомъ можно было читать, лежала открытая книга съ заглавіями на верху страницъ, красными буквами, «Альكоранъ Магомета».
Гуинплейнъ не разбиралъ всѣхъ этихъ подробностей. Онъ видѣлъ только женщину, ту самую женщину, которая пріѣзжала смотрѣть его и написала къ нему письмо, которая мучила его воображеніе и смущала покой. Онъ пересталъ о ней думать, онъ сжегъ письмо ея, и опять ее увидѣлъ и увидѣлъ опять какъ видѣніе, какъ нереиду, наяду, фею. Чтó она такое? Развратница или дѣвственница? И то, и другое, Мессалина и Діана, красавица съ строго-цѣломудренными формами и бѣлизною того снѣга, который лежитъ на недоступныхъ вершинахъ горъ. По временамъ она мѣняла положенія съ невыразимою нѣгою и мягкостью и причудливостью облака, измѣняющаго свои формы.

Она волновалась, образуя и разстраивая прекрасныя кривыя линіи. Женщина обладаетъ всею гибкостью воды, и какъ у воды, у герцогини было что-то неуловимое, фантастическое. Это созданіе выставляло свою наготу съ такимъ спокойствіемъ, какъ будто имѣла право на цинизмъ боговъ и обладала безопасностью обитательницы Олимпа, которая отдавалась, недоступная и прекрасная, всему, что проходило мимо нея, взглядамъ, желаніямъ, безумію, сновидѣніямъ, и также гордо покоилась на этой постели, какъ Венера въ безпредѣльности морской пѣны.

Гуинплейнъ хотѣлъ бѣжать и не могъ; его взоръ прильнулъ къ этому видѣнію и пожиралъ его. Онъ трепеталъ и восхищался, теряя волю и чувствуя, что безвозвратно впадаетъ въ безуміе. Какъ сопротивляться искушенію, когда оно встаетъ во всеоружіи наготы и прелести? Онъ закрывалъ глаза, но лихорадка усиливалась, разумъ молчалъ и сказывалось ужасающее пробужденіе плоти. Его тянуло къ кровати и онъ не могъ одолѣть себя; онъ не могъ защититься даже такимъ соображеніемъ: «я безобразенъ и эта женщина оттолкнетъ меня»; она писала она его видѣла и сама хотѣла его любви.

Вдругъ герцогиня проснулась. Граціозно и быстро поднявшись, причемъ бѣлокурые волосы ея разсыпались по плечамъ, а спустившаяся рубашка обнаружила плечи и груди, она дотронулась своей маленькой ручкой до большого розоваго пальчика ноги и нѣсколько мгновеній смотрѣла на свои голыя ноги, потомъ потянулась и зѣвнула, какъ тигрица при восходѣ солнца. «Кто тутъ?» спросила она и въ тоже время, ставъ на колѣни, какъ античная колѣнопреклоненная статуя въ тысячи прозрачныхъ складкахъ, она потянула къ себѣ шлафрокъ и встала съ постели, на мгновеніе голая во весь ростъ, потомъ вся закутанная: въ одну секунду шелковое платье покрыло ее всю, исключая маленькихъ, почти дѣтскихъ ножекъ, которыя остались голыя. Откинувъ назадъ волосы, она побѣжала за кровать, въ глубину алькова, и, приложивъ ухо къ зеркалу и постучавъ по немъ, спросила: «Кто тамъ? Лордъ Давидъ, или уже это вы? Который часъ? Или это ты, Баркильфедро. Да нѣтъ, видно не съ этой стороны. Развѣ съ той стороны кто пришелъ? Отвѣчайте же!» Она подошла къ серебристой занавѣси, распахнула ее и вошла въ комнату. Гуинплейна обдало холодомъ. Спасенья нѣтъ, бѣжать — поздно. Она увидѣла его, чрезвычайно изумилась, но не испугалась.

— А, Гуинплейнъ! сказала она съ оттѣнкомъ радости и пренебреженія.

И вдругъ, въ одинъ прыжокъ, какъ пантера, она бросилась

къ нему на шею, обхватила его голыми руками, потомъ оттолкнула его и, положивъ свои маленькія ручки на плечи ему, стала смотрѣть на него странными глазами, которые были и мутны, и блестѣли.

— Какъ хорошо ты сдѣлалъ, что пришелъ. Ты зналъ, что я должна была уѣхать изъ Лондона и поспѣшилъ за мною, да? Знаешь, эта дура, королева Анна, потребовала меня въ Виндзоръ. Я пріѣхала, а она заперлась съ своимъ идіотомъ канцлеромъ и не приняла меня. Но какъ ты попалъ сюда? Узнаю настоящаго мужчину — для него нѣтъ препятствій; захотѣлъ и сдѣлалъ. Тебя вѣроятно провелъ сюда мой пажъ. Скажи же, какъ ты все это обработалъ? Нѣтъ, не говори, объясненія только умаляютъ событія. Ты сверхъестественно безобразенъ, а люди сверхъестественные могутъ проникать и чудомъ. Ты вступилъ сюда, какъ богъ. Я люблю тебя. Судьба бросаетъ насъ другъ другу въ объятія, а я вѣрю въ предопредѣленіе. Позволь, я и не замѣчаю, что на тебѣ дворянское платье. Зачѣмъ это ты такъ одѣлся? Ты — фигляръ. Впрочемъ фигляръ стоитъ лорда, а лорды — клоуны. Какой у тебя благородный станъ, какъ ты прекрасно сложенъ. Ты давно здѣсь? Ты видѣлъ меня голою? Не правда-ли, я хороша? О, я люблю тебя? Ты читалъ мое письмо? Или тебѣ его читали? Ты вѣдь вѣроятно безграмотный. Одно мнѣ въ тебѣ не нравится — твой нѣжный голосъ. Это къ тебѣ совсѣмъ не пристало. За то все остальное исполнено ужасающей красоты и въ Индіи тебя сдѣлали бы богомъ. Ты вѣроятно совершилъ какое-нибудь преступленіе, за которое тебя такъ изуродовали, да? Обними меня. Она упала на канапе и увлекла его за собою. Не помня себя, они очутились другъ возлѣ друга. Гуинплейнъ слушалъ ея порывистую, страстную и бурную рѣчь, какъ музыку, какъ завыванье бури.

— Какъ я счастлива возлѣ тебя, начала она снова, приковывая къ нему взоры свои. Ты не знаешь, какъ утомительно величіе, какъ надоѣдаетъ уваженіе, какою пошлостью несетъ отъ вѣчнаго принужденія себя. Я дышу свободно теперь, сбрасывая съ себя величавость, я понимаю жизнь, жить — значитъ ломать, разрушать, презирать, все дѣлать, что хочешь. Я люблю тебя не потому только, что ты безобразенъ, но и потому, что тебя презираютъ, надъ тобою смѣются, тебя поносятъ. Именно такой человѣкъ былъ для меня особенно обаятеленъ, такого человѣка я жаждала, я томилась желаніемъ вкусить не отъ райскаго яблока, которое такъ обыкновенно, а отъ яблока прямо изъ ада, изъ бездны. Ты — демонъ и я люблю тебя и я отда-

вось тебѣ чистая, какъ раскаленный уголь. Ты не вѣришь, ты думаешь, что я ужъ любила?

— Сударыня, пролепеталъ Гуинплейнъ.

— Ни слова! Я любуюсь тобой, и она закрыла ему ротъ рукою. Мнѣ все равно, вѣришь ли ты мнѣ, или нѣтъ. Я — разнузданная, неукротимая непорочность, я — вакхическая весталка. Ни одинъ мужчина не зналъ еще меня, и я могла бы быть Пиѳіей въ Дельфахъ и попирать моею голою пятою бронзовый треножникъ, гдѣ жрецы, опершись на кожу Пиѳона, шопотомъ вопрошаютъ незримаго бога. У меня каменное сердце, но кто проникнетъ въ него, тотъ обрѣтетъ въ немъ всемогущую любовь. Насъ отдѣляла бездна — ты перешагнулъ ее и я твоя. Бери меня. Я буду твоей любовницею, наложницей, рабою, вещью. Я хочу презирать себя — это умѣряетъ гордость. Презирай меня и ты, котораго всѣ презираютъ. Презрѣніе надъ презрѣніемъ — высшаго наслажденія нельзя придумать. Чѣмъ больше будешь презирать меня, тѣмъ больше станешь любить — я это понимаю. Знаешь ли, почему я боготворю тебя? потому что пренебрегаю тобой. Ты такъ низко стоишь подо мною, что я ставлю тебя на алтарь. Мѣшать великое и низкое — это хаосъ, а я люблю хаосъ.

Гуинплейнъ дрожалъ, слушая эту дикую, циническую, страстную рѣчь, которую она по временамъ прерывала, обливая его своими воспламененными взорами и странно улыбаясь, словно въ самомъ дѣлѣ страсть и презрѣніе бушевали въ этой неукротимой натурѣ.

— Какъ всѣ удивятся, узнавъ, что я, волчица для всѣхъ, сдѣлалась твоей собакой, и какъ я буду рада: удивленіе дураковъ — пріятно. Амфитрида отдалась Циклопу. Fluctivoma Amphitrite. Я превзойду ее. Мы созданы другъ для друга. Ты чудовищенъ по наружности, я чудовищна внутри. Вотъ почему я люблю тебя. Смотрись въ меня какъ въ зеркало: твое лицо — все равно, что моя душа. Я сама не подозрѣвала этого прежде, но ты открылъ во мнѣ то, что скрывалось на днѣ души. Смотри, я такое же чудовище, какъ и ты.

И, засмѣявшись страннымъ, какимъ-то дѣтскимъ смѣхомъ, она сказала ему на ухо съ шаловливостью ребенка: «Я безумная женщина». Гуинплейномъ все болѣе и болѣе овладѣвала жгучая, животная страсть. Герцогиня, въ порывахъ дикаго восторга, распахивала свое платье, обнажала руки и грудь; останавливаясь, пожирала его взорами и шептала: «о чудовище!» Вдругъ она схватила его за руки и съ бѣшеною страстью заговорила снова.

— О, какъ я люблю тебя. Любить тебя—значитъ понимать великое. Полюбить Аполлона — на это хватитъ каждой, но полюбить тебя можетъ только сильная, избранная натура. Я мечтала о тебѣ цѣлыя ночи. Я покажу тебѣ мои сады. Тамъ есть, подъ листвой, зеленые гроты, гдѣ я буду обнимать и цаловать тебя, мраморныя статуи и цѣлыя горы цвѣтовъ. Говорила я тебѣ, что королева—моя сестра! Дѣлай со мной что хочешь. Я создана для того, чтобъ Юпитеръ цаловалъ мои ноги и сатана плевалъ мнѣ въ лицо. Ты исповѣдуешь какую-нибудь религію? Я папистка. Отецъ мой Яковъ II умеръ во Франціи, окруженный цѣлою кучей іезуитовъ. Я никогда не чувствовала того, что теперь чувствую возлѣ тебя. О, какъ желала бы я вмѣстѣ съ тобою лежать на одной подушкѣ подъ навѣсомъ золотой галеры и плыть подъ звуки музыки по тихому морю. Люби меня, бей меня и оскорбляй, поступай со мной, какъ съ продажною тварью — я обожаю тебя.

Что-то странное соединялось въ этой женщинѣ съ невыразимою граціей; ея любовныя и безумныя рѣчи носили на себѣ отпечатокъ какого-то величія. Во время празднествъ великой богини, воспѣтыхъ Эсхиломъ, женщины гонялись за сатирами подъ звѣзднымъ небомъ съ такимъ же эпическимъ сладострастіемъ. Эти пароксизмы похоти усложняли мрачные танцы подъ вѣтвями Додоны.

— Я люблю тебя! вскричала она внѣ себя, впиваясь въ уста его своими устами и бѣшено прижимая его къ груди своей.

Понадобилось бы для прикрытія Гуинплейна и Джосіаны нѣчто въ родѣ тѣхъ облаковъ, которыми Гомеръ прикрывалъ Юпитера и Юнону, еслибъ вдругъ не раздался колокольчикъ и вслѣдъ затѣмъ не открылось отверзтіе въ стѣнѣ, изъ котораго на золотой тарелкѣ показался большой пакетъ. — «Чего ей надо отъ меня?» сказала Джосіана и, обнявъ одной рукой шею Гуинплейна, другую протянула къ пакету, взяла его и захлопнула крышку. Въ пакетѣ было собственноручное королевское письмо, пергаментъ, найденный въ бутылкѣ Гардкваннона, и протоколъ о признаніи Гуинплейна законнымъ сыномъ лорда Кленчарли. Отбросивъ пергаментъ и протоколъ, не читая, она развернула письмо, спросила Гуинплейна, умѣетъ ли онъ читать и, подавая ему письмо, растянулась на канапе, съ странною стыдливостью тщательно спрятавъ подъ платье свои ноги и въ рукава свои руки и оставивъ открытою грудь.

— Ну, Гуинплейнъ, начинай мнѣ свою службу. Прочти, милый мой, чтó пишетъ мнѣ королева.

Гуинплейнъ сталъ читать. Въ письмѣ заключалась воля ко-

ролевы, чтобъ Джосіана сочеталась бракомъ съ новымъ лордомъ Кленчарли: воля эта была мотивирова тѣмъ, что ея величество желаетъ сохранить за герцогинею наслѣдство Кленчарли.

Когда Гуинплейнъ прочиталъ письмо, Джосіана выхватила его у него, задумчиво прочитала вслухъ подпись королевы, пробѣжала молча протоколъ, потомъ снова перечла письмо и сказала:

— Хорошо. Подите вонъ! холодно сказала она, указывая Гуинплейну дверь, въ которую онъ вошелъ.

Гуинплейнъ не двигался словно окаменѣлый.

— Вы мой мужъ—и потому ступайте вонъ! повторила она. Вы не имѣете права оставаться здѣсь: это мѣсто моего любовника.

Гуинплейнъ не трогался.

— Хорошо. же. Въ такомъ случаѣ я выйду отсюда. А, вы мой мужъ. Тѣмъ лучше. Я васъ ненавижу! И, бросивъ въ пространство гордый взглядъ, она вышла. Гуинплейнъ остался одинъ, продолжая сидѣть на томъ же канапе въ состояніи человѣка, у котораго отнята всякая способность разсуждать и двигаться. Нѣсколько минутъ спустя, отворилась зеркальная дверь за кроватью и оттуда показался мужчина въ морскомъ костюмѣ, въ шляпѣ съ перомъ, весело припѣвая французскую пѣсенку. Гуинплейнъ вскочилъ: онъ узналъ этого господина и господинъ его узналъ.— «Гуинплейнъ»! —Томъ-Джимъ-Джекъ!—«Какъ ты попалъ сюда?» — А ты какъ? — «А, понимаю, капризъ Джосіаны. Ты переодѣлся?»—Ты также?—«Я не отвѣчаю на вопросы».—Я также, Томъ-Джимъ-Джекъ.—«Мое настоящее имя, Гуинплейнъ, лордъ Дирри-Мойръ, и я запрещаю тебѣ передразнивать меня, несчастный шутъ». Гуинплейнъ поблѣднѣлъ.— Меня зовутъ лордъ Кленчарли и я потребую отъ тебя удовлетворенія за это оскорбленіе. — «На кулакахъ, если угодно». — На шпагахъ. Англійскій перъ...—«Ты шутишь очень мило. Ну, да хорошо: я прощаю тебѣ, и знаешь ли почему? потому что мы оба—любовники.....»—Вы два жениха, сказалъ вошедшій въ это время Баркильфедро, за которымъ стоялъ господинъ важнаго и серьезнаго вида, съ чернымъ жезломъ въ рукахъ. — «Милордъ, сказалъ онъ, обращаясь къ Гуинплейну: Я церемоніймейстеръ чернаго жезла и пришелъ просить васъ, по повелѣнію ея величества, отправиться въ Лондонъ.»

XVI.

Перенесенный силою чудесныхъ, потрясающихъ обстоятельствъ изъ Тэдкестера въ тюрьму, изъ тюрьмы въ Виндзоръ, изъ Виндзора снова въ Лондонъ, Гуинплейнъ едва успѣвалъ осмотрѣться въ новомъ мѣстѣ, какъ судьба толкала его въ другое, играя имъ какъ мячикомъ. Вечеромъ въ тотъ же день Гуинплейнъ попалъ въ необыкновенное собраніе. Онъ сидѣлъ на скамьѣ, украшенной гербовыми лиліями; поверхъ шелковой одежды на немъ накинута была бархатная пурпуровая мантія, на бѣлой тафтяной подкладкѣ, и на плечахъ двѣ горностаевыя полосы, обшитыя золотомъ. Вокругъ него, на такихъ же скамьяхъ, въ такой же одеждѣ, сидѣли старики и молодые. Впереди себя онъ видѣлъ другихъ людей, на колѣняхъ, въ черныхъ шелковыхъ одеждахъ; нѣкоторые изъ нихъ писали. Насупротивъ его возвышался подъ балдахиномъ золотой тронъ Великобританіи. Гуинплейнъ былъ перомъ и засѣдалъ въ палатѣ лордовъ. Прежде чѣмъ попалъ онъ сюда, онъ прошелъ черезъ рядъ церемоніаловъ. Изъ Виндзора онъ уѣхалъ въ придворной каретѣ съ почетнымъ конвоемъ; на послѣдней станціи передъ Лондономъ его пересадили въ черепаховую позолоченную карету, запряженную четверкой лошадей въ серебряной сбруѣ. Съ нимъ были церемоніймейстеры и другіе чины. По пріѣздѣ въ зданіе палаты, ему представлены были герольды, въ сопровожденіи которыхъ онъ отправился черезъ рядъ комнатъ въ особую залу, наполненную важными чиновниками короны и представителями провинціальнаго управленія. Тутъ его встрѣтили два старые лорда, которымъ поручено было представить его палатѣ. Послѣ нѣсколькихъ другихъ формальностей, Гуинплейнъ провозглашенъ былъ перомъ и занялъ мѣсто на ряду съ своими товарищами. Все было устроено такъ, что вступленіе Гуинплейна въ палату замѣчено было весьма немногими. Лордъ-канцлеръ хотя и говорилъ, что лицо для лорда значитъ немного, что онъ прекрасенъ ужъ потому, что онъ лордъ, однако долженъ былъ согласиться, что безобразіе новаго лорда должно было произвести неблагопріятное впечатлѣніе, и для избѣжанія этого были выбраны для сопровожденія его въ палату два старыхъ, почти слѣпыхъ лорда, засѣданіе было назначено вечеромъ и Гуинплейна ввели въ палату, когда тамъ были только старые лорды, имѣвшіе привычку являться на засѣданіе съ позаранку и не обратившіе никакого вниманія на церемонію пріема, которая держалась въ тайнѣ между нѣсколькими лицами, приближенными къ королевѣ.

Говоръ объ этомъ необыкновенномъ событіи, о скачкѣ фигляра въ лорды, поднялся только около восьми часовъ вечера, уже тогда, когда собрались всѣ члены палаты. Но и тутъ, при всемъ желаніи, трудно было разсмотрѣть лицо Гуинплейна, полузакрытое его длинными волосами. Лорды оборачивались, но ничего не видали. и ограничивались остротами и пересудами. Кто-то изъ запоздавшихъ лордовъ принесъ извѣстіе, что Джосіана, на предложеніе королевы вступить въ бракъ съ новымъ лордомъ Кленчарли, отвѣчала: «Тѣмъ лучше: я возьму лорда Давида себѣ въ любовники». Отвѣтъ этотъ сдѣлался предметомъ похвалъ и комментарій, хотя никто въ точности не зналъ, насколько онъ былъ подлинный.

Пока лорды занимаются странною судьбою новаго собрата, не мѣшаетъ сказать нѣсколько словъ о значеніи палаты перовъ. Установленіе равенства съ королемъ, то-есть установленіе періи, въ варварскія эпохи было изобрѣтеніемъ полезнымъ. Судьба этого первоначальнаго политическаго средства была различна во Франціи, гдѣ оно было создано, и въ Англіи, куда оно потомъ перешло. Во Франціи перъ сдѣлался ложнымъ королемъ, въ Англіи онъ сталъ настоящимъ властелиномъ. Въ Англіи еще съ XI столѣтія бароны начали уже показывать свою силу королю. При Іоаннѣ-Безземельномъ они вырвали у него «великую хартію» и затѣмъ учредили двѣ палаты, постаравшись палату общинъ поставить отъ себя въ такую зависимость, что «если кто изъ членовъ палаты общинъ осмѣливался слишкомъ смѣло говорить о палатѣ лордовъ, тотъ призывался къ суду и иногда подвергался заключенію въ Тоуэрѣ». При голосованіи тоже было различіе. Лорды подавали голоса каждый поочередно, говоря «доволенъ» или «недоволенъ»; въ палатѣ общинъ члены подавали голосъ всѣ разомъ, стадообразно, произнося «да» или «нѣтъ». Во время войны алой и бѣлой розъ лорды пріобрѣтаютъ еще бóльшее значеніе. Они съ пользой завидуютъ трону; завидовать— значитъ наблюдать; они ограничиваютъ королевскую инициативу, противопоставляютъ Генриху IV лже-Ричардовъ, сбираютъ, въ случаѣ нужды, свои арміи и то проигрываютъ, то выигрываютъ битвы. Уже въ XIII вѣкѣ они одерживаютъ побѣду при Льюзѣ и выгоняютъ изъ королевства четырехъ братьевъ короля. До XIV вѣка герцогъ нормандскій чуется еще въ англійскомъ королѣ, и парламентскіе акты ведутся по-французски. Начиная съ Генриха VII, по волѣ лордовъ, французскій языкъ замѣняется англійскимъ. Бретонская при Утерѣ Пендрагонѣ, римская при Цезарѣ, саксонская во время гептархіи, датская при Гарольдѣ, норманская при Вильгельмѣ, Англія становится англійскою бла-

годаря лордамъ. Потомъ она дѣлается англиканскою, отдѣлившись отъ католичества; имѣть свою религію—чрезвычайно важно для страны. При Генрихѣ VIII, королевская власть старается подчинить лордовъ, они огрызаются, какъ бульдоги противъ медвѣдя. Елисавета сбираетъ парламентъ какъ можно рѣже и ограничиваетъ число членовъ въ палатѣ лордовъ, изъ которыхъ былъ только одинъ маркизъ и ни одного герцога. Англія съ удовольствіемъ смотрѣла на вымираніе перій. Война розъ начала истребленіе герцоговъ, а Марія Тудоръ докончила его сѣкирою. Политика добрая, конечно, но сдѣлать герцоговъ своими приверженцами еще лучше; это почувствовалъ Яковъ I и сдѣлалъ герцогомъ своего фаворита Вильерса, который называлъ короля «ваше свинство». Феодальный герцогъ обращался въ герцога придворнаго. Карлъ II произвелъ въ герцогини двухъ своихъ любовницъ; при Аннѣ было уже 25 герцоговъ. Но эти махинаціи двора пропали даромъ. Лорды раздражаются противъ Якова I и Карла I, при Яковѣ они призываютъ къ своему суду подкупъ въ лицѣ Бэкона, при Карлѣ измѣну въ лицѣ Стафорда. Осудивъ Бэкона, они осуждаютъ и Стафорда. Первый теряетъ честь, второй голову. Карлъ I обезглавленъ въ первый разъ въ лицѣ Стафорда. Лорды подаютъ руку общинамъ. Король сзываетъ парламентъ въ Оксфордѣ, революція сзываетъ его въ Лондонѣ; 43 лорда идутъ съ королемъ, 22 съ республикой. Изъ этого принятія народа лордами рождается «билль правъ». Таковы заслуги, невольныя, конечно, и дорого оплаченныя, ибо перія была страшнымъ паразитомъ, но паразитомъ съ значеніемъ.

Во Франціи—деспотизмъ Людовика XI, Ришелье и Людовика XIV, приниженіе, принятое за равенство, грубая расправа королевской власти, нивеллировка толпы униженіемъ: вся эта турецкая работа не имѣла мѣста въ Англіи, благодаря лордамъ. Они сдѣлали изъ аристократіи стѣну, отодвинувъ короля по одну сторону и укрывъ народъ по другую. Они искупили свое высокомѣріе относительно народа высокомѣріемъ относительно короля. Симонъ, графъ Лейстерскій, говорилъ Генриху III: *Король, ты солгалъ.* Лорды обязываютъ корону сервитутами; они уязвляютъ короля въ чувствительное мѣсто, въ право охоты въ королевскомъ паркѣ: проходя черезъ паркъ, лордъ имѣлъ право убить серну, т. е. быть у короля точно у себя дома. Низложивъ Іоанна Безземельнаго, унизивъ Эдуара II, свергнувъ Ричарда II, разбивъ Генриха VI, лорды сдѣлали возможнымъ Кромвеля. Какой Людовикъ XIV вышелъ бы изъ Карла I! Благодаря Кромвелю, онъ не развился. Кстати замѣтимъ, что самъ Кромвель добивался перства, о чемъ не упоминалъ до сихъ поръ ни одинъ

историкъ; увлекаемый событіями, онъ ухватился за кратчайшій путь къ государству не посредствомъ провозглашенія себя перомъ, а посредствомъ низложенія короля. Англійская аристократія была горда, чутка, патріотически недовѣрчива и безпокойна. Она не лишена была также нѣкотораго инстинкта къ прогрессу. Отличаясь развращенностью и эгоизмомъ, она выказывала, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, замѣчательное безпристрастіе. Историки осуждаютъ ее слишкомъ строго на счетъ палаты общинъ, на долю которой достаются похвалы. Мы считаемъ очень великою роль лордовъ. Олигархія — эта независимость въ состояніи варварства, но все-таки независимость. Англійскіе перы держали тронъ въ недовѣріи и опекѣ. Во множествѣ случаевъ лорды умѣли быть непріятными лучше, чѣмъ общины. Они дѣлали шахъ королю. Палата лордовъ — это венеціанская республика въ сердцѣ англійскаго королевства. Цѣль ея была — низвести короля до степени дожа, и она увеличила силу націи всѣмъ тѣмъ, чѣмъ уменьшила силу королевской власти. Королевская власть понимала это и ненавидѣла перію. Та и другая постоянно искали случаевъ къ взаимному униженію. Этимъ униженіемъ пользовался народъ къ своей выгодѣ. Двѣ слѣпыя власти, монархія и олигархія, не замѣчали, что работаютъ для третьей, для демократіи. Какъ радовался дворъ, когда, въ прошломъ вѣкѣ, ему удалось повѣсить пера, лорда Феррерса! Впрочемъ, его повѣсили на шелковой веревкѣ, вѣжливо.

Перы во Франціи стояли выше, но пользовались меньшей властью, потому что болѣе стремились къ рангамъ, чѣмъ къ власти, и къ первенству болѣе, чѣмъ къ преобладанію. Между ними и лордами существовало такое же отличіе, какъ между тщеславіемъ и гордостью. Первенствовать передъ иностранными принцами, пересѣсть испанскихъ грандовъ или венеціанскихъ патриціевъ, заставить сѣсть на нижнія лавки парламента маршаловъ Франціи, коннетабля и адмирала, дѣлать различіе между герцогомъ по мужской линіи и герцогомъ по линіи женской, поддерживать разстояніе между простымъ графствомъ и графствомъ-періей, носить по праву, въ извѣстныхъ случаяхъ, голубую ленту и орденъ Золотого Руна въ возрастъ 25-ти лѣтъ, претендовать на такое же количество пажей и лошадей при каретѣ, какое имѣютъ курфирсты, заставить перваго президента называть себя «Monseigneur», проходить палату по діагоналю или по бокамъ — вотъ въ чемъ состояла великая важность для французскихъ перовъ. Великая важность для лордовъ состояла въ навигаціонномъ актѣ, въ стараніи заставить Европу служить интересамъ Англіи, въ преобладаніи на морѣ, въ изгнаніи Стуар-

товъ, въ войнѣ съ Франціей. Во Франціи на первомъ планѣ — этикетъ; въ Англіи—господство. Вообще палата лордовъ была точкой отправленія: въ цивилизаціи это имѣетъ громадное значеніе. Она имѣла честь начать націю. Она была первымъ воплощеніемъ народа. Англійское упорство, эта темная всемогущая сила, родилась въ палатѣ лордовъ. Бароны, рядомъ насилій противъ королевской власти, начертали путь къ своему окончательному паденію. Теперь палата лордовъ немножко удивляется и горюетъ о томъ, что она привела къ результатамъ, которыхъ вовсе не желала, горюетъ тѣмъ болѣе, что поправить дѣло нѣтъ никакой возможности. Всѣ эти уступки ничто иное, какъ возстановленіе попранныхъ народныхъ правъ. «Дарую», говоритъ король. «Получаю обратно», возражаетъ народъ. Палата лордовъ думала создать привилегію перства и создала права гражданъ. Аристократія, этотъ коршунъ, высидѣла орлиное яйцо — свободу. Теперь яйцо разбито, орелъ плаваетъ въ воздухѣ и коршунъ умираетъ. Аристократія—при послѣднемъ издыханіи и Англія растетъ. Но будемъ справедливы къ аристократіи. Она составляла противовѣсъ королевской власти, она была препятствіемъ, заставою деспотизму. Поблагодаримъ ее и похоронимъ.

XVII.

Около Вестминстерскаго аббатства былъ старый норманскій дворецъ, сгорѣвшій при Генрихѣ VIII. Отъ него осталось два крыла. Эдуардъ VI въ одномъ помѣстилъ палату лордовъ, а въ другомъ палату общинъ. Ни эти два крыла, ни обѣ залы не существуютъ болѣе: все это перестроено. Нынѣшняя палата лордовъ совсѣмъ не походитъ на прежнюю. Разрушенъ старый дворецъ и съ нимъ разрушены старые обычаи. Перы засѣдали, какъ судъ, въ большой вестминстерской залѣ, а, какъ законодательная палата, въ особой залѣ, называвшейся «домомъ лордовъ», *House of the lords.* Зала была продолговатая и узкая, только о четырехъ окнахъ, глубоко врѣзанныхъ въ верху; кромѣ того, надъ балдахиномъ трона было еще слуховое окно о шести стеклахъ, съ занавѣсами; свѣту было мало; вечеромъ зала освѣщалась только дюжиной полуканделябръ, утвержденныхъ на стѣнахъ. Зала венеціанскаго сената освѣщалась еще менѣе. Нѣкоторый полумракъ нравится этимъ сычамъ всемогущества. На одномъ концѣ залы была дверь, въ нѣскольких шагахъ отъ нея перила, отдѣлявшія народъ отъ господъ; какъ разъ противъ двери, на другомъ концѣ залы, тронъ, съ тремя ступеньками, называвшійся

«королевскимъ кресломъ». Другія стѣны были покрыты коврами, на которыхъ вышита была въ картинахъ вся исторія погибели испанской армады. У этихъ стѣнъ поставлены были, на право отъ трона, три ряда скамеекъ для епископовъ, на лѣво три ряда скамеекъ для герцоговъ, маркизовъ и графовъ. Скамейка для виконтовъ была противъ трона, за нею двѣ скамейки для бароновъ. На верхней скамейкѣ, на право отъ трона, сидѣли два архіепископа, кантерберійскій и іоркскій, на средней три епископа—лондонскій, дургамскій и винчестерскій, на нижней остальные епископы. Между архіепископомъ кантерберійскимъ и другими епископами была та разница, что онъ былъ епископомъ «въ силу божественнаго провидѣнія», а они «въ силу божественнаго позволенія». Во время королевскихъ церемоніаловъ свѣтскіе перы имѣли на головѣ короны, а духовные—митры. Между трономъ и рядами скамеекъ по стѣнамъ образовывалось широкое четыреугольное свободное пространство. Въ этомъ пространствѣ, покрытомъ ковромъ съ гербомъ Англіи, были четыре мѣшка съ шерстью, одинъ противъ трона, гдѣ сидѣлъ канцлеръ, одинъ передъ епископами, гдѣ сидѣли судьи государственные совѣтники, засѣдавшіе безъ права голоса, одинъ передъ герцогами, маркизами и графами, гдѣ сидѣли государственные секретари, и одинъ передъ виконтами и баронами, гдѣ сидѣли коронный клеркъ и клеркъ парламента; на этомъ же мѣшкѣ писали, стоя на колѣняхъ, два подклерка. Въ центрѣ четыреугольника стоялъ большой столъ съ бумагами, документами, чернилицами и проч. Перы садились по хронологическому порядку, каждый по времени образованія своего перства. Засѣданіе начиналось крикомъ герольда «Oyez», на французскомъ языкѣ.

Мы сказали уже, что провозглашеніе Гуинплейна перомъ сдѣлано было съ умысломъ среди говора и невниманія немногихъ старыхъ перовъ, спозаранку пришедшихъ въ палату. Новоприбывшіе принесли городскую вѣсть о необыкновенномъ событіи, которое такъ заинтересовало всѣхъ, что въ палатѣ поднялся общій говоръ. Спустя нѣкоторое время послѣ того, какъ всѣ были въ сборѣ, герольдъ провозгласилъ о приходѣ королевскихъ коммиссаровъ, которые вошли въ одеждѣ перовъ, предшествуемые клеркомъ, который несъ на подушкѣ билли, уже вотированные палатами и утвержденные королевскою властью. Клеркъ положилъ подушку съ биллями на столъ. Лордъ канцлеръ приказалъ позвать общины. Спустя нѣсколько минутъ, въ теченіе которыхъ предверникъ поставилъ передъ перилами скамейку съ тремя ступеньками, дверь отворилась и герольдъ провозгласилъ: «Вѣрныя общины Англіи». Лорды тотчасъ накрылись. Члены общинъ вошли

съ непокрытыми головами, съ спикеромъ во главѣ, и остановились у перилъ. Они были всѣ въ городскомъ обыкновенномъ платьѣ, съ шпагою. Спикеръ взошелъ на скамейку съ тремя ступенями. Когда шумъ шаговъ стихъ, герольдъ прокричалъ: «Oyez!» Клеркъ отъ короны сталъ читать первый билль и, окончивъ, низко поклонился трону. Подклеркъ повторилъ поклонъ еще ниже и, полуоборотивъ голову къ общинамъ, сказалъ, что королева утверждаетъ билль. Тоже продѣлано было и съ другими биллями. «Королевское» засѣданіе было окончено. Спикеръ, согнувшись передъ канцлеромъ, спустился задомъ со скамейки; общины поклонились до земли и въ то время, когда палата лордовъ приступила къ очередному порядку, не обращая вниманія на эти реверансы, палата общинъ вышла; дверь затворилась. Лордъ-канцлеръ сталъ говорить, что палата уже нѣсколько дней обсуждаетъ билль о прибавкѣ ста тысячъ фунтовъ стерлинговъ къ ежегодному содержанію супруга королевы, что пренія уже заключены и остается приступить къ голосованію. Парламентскій клеркъ открылъ большую книгу и сталъ называть по именамъ лордовъ. Каждый при этомъ вставалъ и говорилъ: «доволенъ». Когда названо было имя лорда Кленчарли, онъ всталъ и громко произнесъ:

— Недоволенъ.

Всѣ головы повернулись въ его сторону. Ярко горѣвшія свѣчи прямо бросали свѣтъ на его лицо, которое рѣзко выдѣлилось на темноватомъ фонѣ залы. Гуинплейнъ сдѣлалъ надъ собою то усиліе, посредствомъ котораго ему удавалось придать своей физіономіи выраженіе серьезное на нѣсколько минутъ.

— Что это за человѣкъ? вырвалось невольно у всѣхъ. Невыразимый трепетъ пробѣжалъ по всѣмъ скамьямъ. Ужасающее лицо Гуинплейна такъ поразило всѣхъ, что становилось жутко. Представьте себѣ, что во время праздника на Олимпѣ, среди веселія могучихъ боговъ, вдругъ появился бы на горизонтѣ, какъ луна, Прометей, терзаемый коршунами. Смущеніе боговъ можно было бы уподобить смущенію лордовъ, которымъ и во снѣ не могло сниться такое ужасное чудовище въ человѣческомъ образѣ. Всѣми уважаемый старикъ, Томасъ графъ Уартонъ, поднялся въ испугѣ съ мѣста и закричалъ:

— Что̀ это такое? Кто ввелъ въ палату этого человѣка? Выгнать его вонъ! И, гордо обращаясь къ Гуинплейну, онъ спросилъ:

— Кто вы такой? Откуда вы явились?

— Изъ бездны, отвѣчалъ Гуинплейнъ, и, сложивъ руки на груди, взглянулъ на лордовъ.—Кто я? продолжалъ онъ. Я—бѣдность. Милорды, я хочу вамъ говорить.

Пробѣжала дрожь по собранію и водворилась тишина. Гуинплейнъ продолжалъ.

— Милорды, вы находитесь—на верху. Надо думать, что у Бога есть на то свои основанія. У васъ — безграничная власть, радость, богатство, у васъ безраздѣльно всѣ блага земли и неизмѣримое забвеніе о всемъ остальномъ. Но надъ вами есть нѣчто. Надъ вами также, быть можетъ, есть нѣчто. Милорды, я повѣдаю вамъ новость: существуетъ родъ человѣческій.

Собраніе похоже на дѣтей; неожиданные случаи во время преній—ихъ коробки съ сюрпризами, и они боятся ихъ и любятъ. «Слушайте, слушайте», раздалось въ палатѣ. Гуинплейнъ чувствовалъ въ себѣ въ эту мунуту странную силу. Обращеніе къ массѣ людей возвышаетъ и вдохновляетъ. Масса становится, такъ сказать, треножникомъ, на которомъ чувствуешь содраганіе человѣческихъ сердецъ. Гуинплейнъ проникся долгомъ и сознавалъ въ себѣ силу исполнить его.

— Вы сильны и богаты, милорды, продолжалъ онъ. Это опасно. Вы пользуетесь ночью. Но берегитесь, есть могучая сила — заря. Разсвѣта нельзя побѣдить, а онъ придетъ, онъ уже близко. Кто можетъ помѣшать восходу солнца? А въ разсвѣтѣ есть непобѣдимый лучъ его. Солнце—это право, вы—привилегія. Бойтесь, чтобъ настоящій хозяинъ дома не постучался у воротъ. Отецъ привилегіи—случай, а сынъ ея—злоупотребленіе. Ни случай, ни злоупотребленіе не прочны, и у нихъ у обоихъ—дурное утро. Я пришелъ предупредить васъ, пришелъ сказать вамъ, что ваше счастье составлено изъ несчастій всѣхъ остальныхъ. Милорды, я знаю, что защищаю потерянное дѣло, которое выиграетъ только Богъ. Я—лишь голосъ. Если родъ человѣческій—уста, я — крикъ, выходящій изъ этихъ устъ. Вы выслушаете меня. Я открою вамъ народныя страданія; я говорю о нихъ, потому что знаю ихъ, потому что вынесъ ихъ на себѣ. Я испыталъ все: и голодъ и холодъ, и презрѣніе, и заразу, и стыдъ. Я погруженъ былъ въ эту бездну, по милости короля, и вотъ вчерашній фигляръ, я, повинуясь, быть можетъ, невидимой рукѣ Бога, посланъ сюда сказать вамъ, чтобы вы сжалились надъ этимъ міромъ, котораго вы не знаете и который стонетъ подъ вашими пятами. Еслибъ вы знали, что̀ я видѣлъ, еслибъ вы знали, что̀ вы дѣлаете! Я вступилъ въ эту тьму, которую вы называете обществомъ, бурною ночью, маленькимъ, заброшеннымъ сиротою. Первое, что̀ встрѣтилъ я—былъ законъ въ видѣ висѣлицы; потомъ богатство, ваше богатство, въ видѣ женщины, умершей отъ холода и голода; потомъ — будущность, въ видѣ умирающаго ребенка; потомъ—добраго, правдиваго человѣка, въ

видѣ бродяги, у котораго одинъ былъ товарищъ и другъ, и тотъ— волкъ.

Подъ вліяніемъ сильнаго волненія, Гуинплейнъ почувствовалъ, что рыданія подступаютъ къ его горлу и онъ засмѣялся. Зараза распространилась мгновенно. Надъ палатой висѣла туча, которая могла разразиться ужасомъ, и разразилась смѣхомъ. Безумный хохотъ овладѣлъ всѣмъ собраніемъ. Раздались рукоплесканія, послышались оскорбленія.

— Браво, Гуинплейнъ!—Браво, морда «Зеленой Коробки!» — Ты хочешь дать намъ представленіе. Хорошо. Продолжай. — Здравствуй, фигляръ. — Мое почтеніе лорду Клоуну. — Какъ, однако, мило смѣется это животное. — И это перъ Англіи.—Продолжай же, ну?

Лордъ-канцлеръ чувствовалъ себя неловко. Глухой лордъ Джэмъ Бетлеръ обратился къ сосѣду своему съ вопросомъ, какое мнѣніе подалъ новый лордъ. — Недоволенъ. — Еще бы: съ такой рожей будешь недоволенъ.

Гуинплейнъ попробовалъ остановить этотъ хохотъ.

— Вы оскорбляете бѣдность! вскричалъ онъ. Замолчите, перы Англіи, и выслушайте защиту бѣдности. Заклинаю васъ, сжальтесь надъ собою, потому что вамъ грозитъ опасность. Развѣ вы не видите, что на одной чашкѣ вѣсовъ — ваше всемогущество, на другой — ваша отвѣтственность. Богъ держитъ въ рукахъ эти вѣсы. О, не смѣйтесь же! Вы не злы, вы такіе же люды, какъ и другіе, не лучше и не хуже. Вы воображаете себя богами, а заболѣй завтра и ваше божество затрясется въ лихорадкѣ. Я обращаюсь къ честнымъ и возвышеннымъ умамъ, я обращаюсь къ великодушнымъ, которые есть здѣсь. Какъ отцы, какъ сыновья, какъ братья, вы часто бываете растроганы. Сердца у всѣхъ одинаковыя и разница между угнетателями и угнетенными лишь въ мѣстѣ, гдѣ бросила ихъ судьба. Вы не виноваты въ томъ, что ходите по головамъ. Эта вина общественнаго столпотворенія. Но помните, что одинъ ярусъ напираетъ на другой и все можетъ рухнуть. О, будьте братьями, потому что вы богаты, будьте кротки, потому что вы сильны. Еслибъ вы знали, что̀ я видѣлъ!...

И онъ заговорилъ фактами, онъ нарисовалъ страшную картину бѣдности, называя по именамъ мѣстности наиболѣе страждущія. Онъ говорилъ, что гарлечскіе рыбаки питаются травою за недостаткомъ улова, что прокаженныхъ стрѣляютъ изъ ружей, когда они показываются изъ своихъ логовищъ, что въ Ньюкестлѣ жуютъ уголь, чтобъ наполнить и обмануть желудокъ, что голодъ царитъ въ сотнѣ мѣстахъ и ежегодно уноситъ многочисленныя жертвы.

— Милорды, налагаемыя вами подати платятъ тѣ, которыя и безъ того умираютъ отъ голода. Вы увеличиваете бѣдность бѣдныхъ, чтобъ увеличить богатство богатыхъ. Вы должны были бы поступать наоборотъ. Въ моихъ жилахъ течетъ старая республиканская кровь, и я съ ужасомъ помышляю объ этихъ бѣдствіяхъ. Я ненавижу всѣми силами души этихъ Карловъ II, этихъ Яковъ II, этихъ мучителей народа и этихъ паразитовъ, которые окружали себя нахальными женщинами. Мнѣ разсказывали объ одной изъ нихъ: ее любилъ мой отецъ; когда онъ умиралъ въ изгнаніи, она, протистутка, услаждала королевское ложе. И послѣ этого негодяя Карла II явился злодѣй Яковъ II...

И онъ снова заклиналъ сжалиться надъ народными бѣдствіями и снова вызывалъ смѣхъ. Гнѣвъ овладѣвалъ Гуинплейномъ, гнѣвъ отъ горькаго сознанія того, что въ то время, когда онъ готовъ былъ рыдать, на лицѣ его стоялъ смѣхъ! Положеніе безвыходное. Голосъ его вдругъ принялъ шипящее выраженіе.

— А, вамъ все весело. Хорошо же! Иронія недалека отъ агоніи. Вы всемогущи. Пусть такъ. Но бѣдность оскорбляется насмѣшками, и мы еще посмотримъ. Я одинъ изъ бѣдныхъ. Король продалъ меня, бѣднякъ меня подобралъ на дорогѣ. Король изуродовалъ меня, — бѣднякъ вылечилъ и вскормилъ меня. Я лордъ Кленчарли, но остаюсь Гуинплейномъ, потому что ложь повсюду, гнетъ вездѣ. Погодите, придетъ когда-нибудь день, когда все это измѣнится, когда исчезнетъ и униженіе, и подлость, и невѣжество, и глупцы, и лакеи! А пока, я здѣсь. Я пользуюсь своимъ правомъ. Я встану съ народными лохмотьями въ рукахъ передъ этими надменными счастливцами и встряхну на господъ бѣдностью рабовъ, и они, зазнавшіеся гордецы, не избавятся у меня отъ воспоминаній о несчастныхъ, и тѣмъ хуже, если посыпятся изъ лохмотьевъ черви и тѣмъ лучше, если упадутъ они на львовъ.

Тутъ Гуинплейнъ обратился къ подклеркамъ, которые, стоя на колѣняхъ, писали на мѣшкѣ съ шерстью: «Что вы тамъ стоите на колѣняхъ? Встаньте—вы люди».

Это обращеніе къ низшимъ чиновникамъ, которыхъ лордъ не долженъ бы даже замѣчать, послужило сигналомъ къ новому взрыву смѣха и новымъ насмѣшкамъ. — «Настало время, когда скоты заговорили. — Послушаемъ валаамову ослицу! — Господь наказуетъ мятежника въ сынѣ своемъ», проговорилъ одинъ епископъ. Одни кричали, чтобъ закрыть засѣданіе, другіе протестовали, бросая въ Гуинплейна самыя язвительныя насмѣшки. Нашелся лордъ, который бросилъ ему пенни. Другой, подойдя къ нему и нагло смотря ему въ лицо, сказалъ: «Что ты разска-

зываешь?» — Я предсказываю, отвѣчалъ Гуинплейнъ. Насмѣшки удвоились. Въ подобныхъ обстоятельствахъ кто-нибудь всегда резюмируетъ положеніе однимъ словомъ. На этотъ разъ эту роль выполнилъ лордъ Скередель, закричавъ: «Что̀ это чудовище пришло сюда дѣлать?» Страшно оскорбленный, не помня себя, Гуинплейнъ судорожно вскочилъ и заговорилъ съ яростью:

— Что я пришелъ сюда дѣлать? Поразить васъ. Вы говорите: я чудовище. Нѣтъ, я народъ. Я не исключеніе, исключеніе — вы; я дѣйствительность, а вы — химера. Я человѣкъ. Я страшный человѣкъ, который смѣется, смѣется надъ вами, надъ собою, надо всѣми. Его смѣхъ—ваши преступленія и народныя бѣды, которыя бросаю я вамъ въ лицо. Я смѣюсь, то-есть плачу.

Онъ остановился. Собраніе смолкло немного; смѣхъ продолжался, но тише. Онъ могъ разсчитывать на нѣкоторое вниманіе.

— Этотъ смѣхъ, который вы видите на лицѣ моемъ, наложенъ королемъ. Этотъ смѣхъ выражаетъ собою всеобщее горе. Этотъ смѣхъ значитъ — ненависть, вынужденное молчаніе, бѣшенство, отчаяніе. Этотъ смѣхъ, созданный пыткою, смѣхъ силы; сатана смѣялся этимъ смѣхомъ. А, вы принимаете меня за исключеніе! Я—символъ. Откройте глаза, всемогущіе глупцы, и убѣдитесь, что я воплощеніе всего, что я представляю собою человѣчество въ томъ видѣ, до котораго довели его господа его. Человѣчество также изувѣчено, какъ я. Ему обезобразили право, правосудіе, истину, разумъ, какъ мнѣ глаза, носъ и уши; какъ мнѣ, ему положили кучу гнѣва и горя въ сердце, а на лицо надѣли маску довольства, и тамъ, гдѣ касался перстъ божій, прошли королевскіе когти. Слушайте, епископы, перы и принцы, народъ— страшный страдалецъ со смѣхомъ на лицѣ, и народъ этотъ — я.— Сегодня вы угнетаете и поднимаете меня на смѣхъ, но будущее можетъ разразиться убійственнымъ градомъ, камни превратятся въ воду, прочное окажется хрупкимъ. Трепещите. Близко время неодолимыхъ рѣшеній, подрубленные когти выростаютъ, вырванные языки появляются, какъ огненные, среди бурнаго мрака; голодные показываютъ свои жадные зубы; рай, возведенный на адѣ, колеблется; страдаютъ, страдаютъ, страдаютъ и склоняется то, что вверху, а то, что внизу, разверзается, тѣнь требуетъ свѣта, проклятый и униженный становится лицомъ къ лицу съ избраннымъ: то народъ идетъ, говорю я вамъ, то встаетъ человѣкъ, то начало конца, то алая заря катастрофы — вотъ что въ этомъ смѣхѣ, надъ которымъ вы смѣетесь. Лондонъ представляетъ вѣчный праздникъ, Англія исполнена ликованіемъ. Пусть такъ. Но слушайте: эти празднества — смѣхъ мой, эти ликованія—смѣхъ мой, эти торжественныя церемоніи—мой смѣхъ, и

смѣхъ же мой раздается надъ вашими головами, какъ божій громъ.

Возможно ли не смѣяться надъ такими рѣчами? Радость— самое ѣдкое изъ всего того, что выбрасываютъ человѣческія уста. Дѣлать зло весело — противъ этого не устоитъ никакая толпа. Не всѣ казни совершаются на эшафотѣ, и люди, соединившись въ толпу, всегда имѣютъ готоваго палача—сарказмъ. Эта пытка ужасна и Гуинплейнъ, подвергшійся ей, чувствовалъ себя раздавленнымъ, словно подъ кучею камней. Смѣялись всѣ, начиная съ епископовъ и кончая герольдомъ. Блѣдный, сложивъ руки на груди, Гуинплейнъ стоялъ среди этихъ смѣющихся лицъ, какъ приговоренный къ смерти. Для него все было кончено. Онъ присутствовалъ при послѣднемъ оборотѣ своей судьбы, которая разразилась смѣхомъ и раздавила его. Все въ своемъ мѣстѣ. То, что въ «Зеленой Коробкѣ» служило тріумфомъ, въ палатѣ лордовъ было паденіемъ. Подняться не было возможности.

Лордъ-канцлеръ, «во вниманіе къ случаю», закрылъ засѣданіе. Гуинплейнъ, погруженный въ мрачную думу, не замѣтилъ, какъ разошлись лорды, поклонившись трону, и какъ смолкъ въ корридорахъ ихъ веселый смѣхъ. Машинально надѣвъ шляпу, онъ направился къ двери; служители сняли съ него перскую мантію и весьма удивились, что онъ ушелъ не поклонившись трону.

Рядъ канделябровъ указывалъ ему дорогу. Никого не было. Вдругъ, недалеко гдѣ-то, послышались рѣзкіе голоса. Онъ пошелъ на нихъ и вскорѣ сквозь стеклянную дверь увидѣлъ подъѣздъ, лакеевъ и кареты. По эту сторону дверей стояла толпа, кричавшая и волновавшаяся. Очевидно происходила ссора. Человѣкъ десять или двѣнадцать молодыхъ лордовъ стремились выдти, а одинъ человѣкъ загораживалъ имъ дорогу.

— Я вамъ сказалъ, что вы низкіе люди, говорилъ этотъ человѣкъ. Вы хотите, чтобъ я взялъ мои слова назадъ. Извольте. Вы не низкіе люди, а идіоты. Вы всѣ набросились на одного. Новый лордъ страненъ, онъ наговорилъ кучу вздору—согласенъ, но въ этомъ вздорѣ была и правда. Смѣшано, не переварено, дурно выражено—такъ, но вчерашній фигляръ не можетъ говорить, какъ Аристотель. Черви, львы, обращеніе къ подкидкамъ— все это неприлично, согласенъ. Рѣчь безумная, дикая, но благородная. Онъ былъ настоящимъ лордомъ, а вы—гаерами. Вы смѣялись надъ лицомъ его, но онъ не виноватъ въ этомъ: надъ несчастіемъ не смѣются. Вы глупцы и злобные глупцы. Вы безстыдно поступили съ новымъ лордомъ. Чудовище! конечно, чудовище, окруженное животными. Я желалъ бы быть лучше на его мѣстѣ, чѣмъ на вашемъ. Присутствуя въ засѣданіи, какъ

наслѣдникъ періи, я все слышалъ. Я не имѣлъ права говорить, но имѣю право быть честнымъ дворяниномъ. Я васъ всѣхъ вызываю и накажу васъ. Я считаю вашъ поступокъ съ лордомъ Кленчарли безчестнымъ и его дѣло принимаю какъ свое собственное. Дерзостей я не прощаю и посмотримъ, кто изъ насъ выйдетъ цѣлымъ изъ боя.

Молодые лорды приняли эту смѣлую выходку съ улыбкою и отвѣчали согласіемъ на вызовъ. Гуинплейнъ вышелъ изъ тѣни и направился къ тому, кто такъ защищалъ его и въ которомъ онъ узналъ Томъ-Джимъ-Джека.

— Благодарю васъ, сказалъ онъ. Но это мое дѣло.

Всѣ повернулись въ его сторону. Гуинплейна что-то влекло къ лорду Давиду и онъ подошелъ къ нему. Лордъ Давидъ отступилъ.

— А, сказалъ онъ, это вы, и прекрасно. Вамъ мнѣ также есть что сказать. Въ своей рѣчи вы упомянули о женщинѣ, которая была любовницею вашего отца и любовницей короля Карла II.

— Правда.

— Вы оскорбили мою мать.

— Вашу мать? вскричалъ Гуинплейнъ. Въ такомъ случаѣ, я угадывалъ, мы...

— Братья, сказалъ лордъ Давидъ и далъ Гуинплейну пощечину. Мы братья, повторилъ онъ, и слѣдовательно, какъ равные, можемъ драться. Кто намъ ближе брата? Я пришлю къ вамъ моихъ секундантовъ и завтра мы помѣряемся.

XVIII.

Когда на церкви св. Павла пробило полночь, Гуинплейнъ перешелъ лондонскій мостъ и вступилъ въ соутуорксія улицы. Фонари не горѣли: въ то время въ Лондонѣ и въ Парижѣ улицы освѣщались только до одиннадцати часовъ. Онъ шелъ быстрыми шагами по пустыннымъ улицамъ, въ шелковомъ вышитомъ платьѣ, со шпагою и въ шляпѣ съ перьями, но безъ плаща. Онъ бѣжалъ изъ палаты, самъ не зная, какъ. Бываютъ такія душевныя волненія, когда все путается въ невообразимомъ хаосѣ, дѣйствительность исчезаетъ и человѣкъ чувствуетъ себя близкимъ къ смерти. Гуинплейномъ овладѣла жажда видѣть Дею, и это чувство поглотило его всего. Добраться до таверны, шумной, свѣтлой, полной добраго и искренняго народнаго смѣха, найти Урсуса и Гомо, увидѣть Дею и снова начать жить. Разочарованія разряжаются какъ лукъ, съ страшною силою, и бросаютъ человѣка, эту стрѣлу, къ правдѣ. Гуинплейнъ торопился.

Онъ подходилъ къ Тэринзофильду бѣгомъ, погружая взоры въ разстилавшійся передъ нимъ мракъ и желая увидѣть освѣщенный Тэдкестеръ. Но нигдѣ не было видно свѣта. Вотъ и таверна стоитъ мрачная и непривѣтливая. Онъ содрогнулся, потомъ сталъ утѣшать себя тѣмъ, что уже поздно, что всѣ уже легли спать и что стоитъ только разбудить Никлеса или Говикума. Онъ тихонько подошелъ къ двери таверны, боясь внезапно разбудить Дею: нѣжность чувства переживаетъ въ добрыхъ и преданныхъ сердцахъ всѣ невзгоды. Конура, въ которой спалъ Говикумъ и которая выходила на площадь, оказалась пустою. Онъ постучался съ начала тихонько, потомъ громче — никакого отвѣта. Онъ сталъ звать Никлеса, Говикума, Урсуса, Гомо—тоже молчаніе. Холодный потъ выступилъ у него на лбу. Онъ поглядѣлъ на площадь. Ночь была темна, но при свѣтѣ звѣздъ, можно было различать, что эта шумная, застроенная балаганами, площадь была пуста. Страшное безпокойство овладѣло имъ. «Что̀ такое случилось? Что̀ съ ними сдѣлали? Ахъ, Боже мой!» Онъ набросился на домъ какъ буря, стуча въ калитку, въ ворота, въ окна, въ стѣну, кулакомъ и ногами, бѣснуясь отъ страха и тоски. Онъ снова называлъ всѣхъ по именамъ, останавливался, слушалъ и опять начиналъ кричать и звать. Гробовое молчаніе было отвѣтомъ ему. Истощивъ всѣ усилія, онъ рѣшился проникнуть на дворъ, разбилъ окно, влѣзъ въ него, бросилъ свою шпагу, которая мѣшала ему, и, опрокидывая скамейки и столы, вышелъ на дворъ, глянулъ туда, гдѣ стояла «Зеленая Коробка»: ея не было.

Выйдя изъ дому, онъ бѣгалъ по Тэринзофильду во всѣхъ направленіяхъ, стучалъ въ кабачки, хотя зналъ, что въ нихъ никого нѣтъ,—все было напрасно. Очевидно, были приняты какія-нибудь полицейскія мѣры и муравейникъ раздавленъ. Въ отчаяніи онъ направился къ Темзѣ, подошелъ къ Эфрокъ-стону, облокотился на парапетъ и задумался, не обращая вниманія ни на рѣку, ни на то, что недалеко отъ берега стояли суда на якоряхъ и высились ихъ неподвижныя мачты. Онъ смотрѣлъ внутрь себя, онъ созерцалъ свою судьбу. Сзади ему слышался хохотъ лордовъ; щека его горѣла отъ пощечины, полученной отъ брата; спасаясь отъ этого смѣха, онъ, какъ подстрѣленная птица, направился въ гнѣздо свое, надѣясь найти тамъ любовь, и нашелъ мракъ, разрушеніе и одиночество. Гдѣ же они? Очевидно, ихъ удалили. Судьба разразилась надъ нимъ ударомъ величія, а надъ ними ударомъ уничтоженія. Ясно, что онъ ихъ болѣе не увидитъ. Для того и приняты мѣры, для того, чтобъ не у кого ему было справиться, очищена вся площадь. Страшная общественная сила, стирая его въ порошекъ въ палатѣ лор-

довъ, въ тоже время уничтожала близкихъ ему въ бѣдной хижинѣ. Они исчезли, исчезла Дея и навсегда. Силы неба, гдѣ же она? И его не было тамъ, чтобъ защитить ее!

Сквозь мракъ тяжелыхъ мыслей, ему представился Баркильфедро съ его зловѣщею фразой: «судьба, открывая одну дверь, запираетъ другую.» Эта фраза огненными словами написалась въ мозгу его и жгла его. Все кончено. Вселенная не существуетъ для него болѣе, душа полна падающими звѣздами, облако дыма, унесшее его съ собою, исчезло и унесло его жизнь и радость. Онъ одинокъ, а одиночество для него—синонимъ смерти.

Отчаяніе — хорошій счетчикъ; онъ любитъ подводить итоги, отъ него не ускользаетъ ни одна мелочь, все принимается въ счетъ, взвѣшивается и вычисляется. Онъ провѣрялъ подробности своего паденія, горе спрашивало, а совѣсть отвѣчала. Насколько онъ виноватъ самъ въ своей судьбѣ? Вотъ въ чемъ хотѣлъ онъ дать себѣ отчетъ. Исчезновеніе его не зависѣло отъ него; его лишили свободы, сковали внезапнымъ величіемъ; но совѣсть упрекала его въ томъ, что все это онъ принялъ, что была минута, когда Баркильфедро ясно предложилъ ему вопросъ и онъ отвѣчалъ согласіемъ промѣнять Дею на Джосіану. Какая глупая сдѣлка! промѣнять вѣрное счастіе на почести, на богатство. Безумецъ, дуракъ! Но въ этой лихорадкѣ охватившихъ его почестей не все же тщеславіе. Быть можетъ, было бы слишкомъ большимъ эгоизмомъ отказаться отъ своего наслѣдства, отъ той роли, которую навязывала ему судьба. Относительно кого обязаны мы исполнить первыя обязанности? Относительно своихъ близкихъ или рода человѣческаго? Возвышаясь, чувствуешь, что отвѣтственность и обязанности растутъ, что маленькая семья обращается въ большую. Когда человѣкъ дѣлается воплощеніемъ идеи, на немъ лежитъ еще бо̀льшая обязанность. Гуинплейнъ думалъ: «народъ — молчаніе. Я буду его защитникомъ, его словомъ; я заговорю за нѣмыхъ, я заговорю за малыхъ великимъ и за слабыхъ сильнымъ. Вотъ цѣль моей судьбы. Такова воля божія, сохранившая меня среди всѣхъ бѣдствій. Я предназначенъ самимъ Богомъ къ тому, чтобъ быть лордомъ бѣдныхъ». Да, говорить за нѣмыхъ — прекрасно, но говорить о нихъ глухимъ — печально. И глухіе еще насмѣялись надъ нимъ. За что̀, по какому праву? Неужели бѣдность должна скрываться и молчать, иначе она совершаетъ преступленіе? И люди, насмѣявшіеся надъ нимъ, были вовсе не злы: они сыграли роль палачей не подозрѣвая того. Они счастливы и нашли его безполезнымъ. Онъ открылъ передъ ними сердце свое, а они закричали ему: представляй, представляй комедію. Онъ хотѣлъ возбудить въ нихъ

состраданіе и возбудилъ ужасъ и смѣхъ. Такова судьба явленій всѣхъ призраковъ. Онъ не обвинялъ себя, но признавалъ свои усилія безполезными и себя никому не нужнымъ.

Онъ преувеличилъ свои надежды до того, что повѣрилъ въ общество, въ которое вступилъ, наконецъ. И общество тотчасъ предложило ему три дара: бракъ, семью и касту. Бракъ? Онъ увидѣлъ на порогѣ его проституцію. Семья? братъ далъ ему пощечину и завтра ждетъ его со шпагою въ рукѣ. И этотъ братъ казался ему характера добраго и рыцарскаго: Томъ-Джимъ-Джекъ заступился за Гуинплейна, а лордъ Давидъ за лорда Кленчарли. Онъ не зналъ Брантома, иначе онъ прочелъ бы у него: «Сынъ безъ всякаго сомнѣнія можетъ вызвать на дуэль своего отца». Каста? Она отвергла его почти прежде, чѣмъ онъ успѣлъ вступить въ нее. Куда же дѣваться теперь? Разрушеніе со всѣхъ сторонъ. Попытка сдѣлана, не начинать же снова. Онъ подводилъ итоги своимъ думамъ о своей судьбѣ, о своемъ положеніи, объ обществѣ, о себѣ самомъ. Его судьба — ловушка, его положеніе — отчаяніе, общество — ненависть, онъ самъ — побѣжденный, и въ глубинѣ души своей онъ воскликнулъ: общество — злая мачиха, природа — мать. Общество — это міръ тѣла, природа — міръ души. Одно кончается могилой, сосновымъ ящикомъ въ ямѣ и червями. Другая граничитъ съ свѣтлымъ преображеніемъ, съ восхожденіемъ въ надоблачныя пространства и новою жизнью. Природа была къ нему такъ благосклонна, такъ помогала ему, потому что она душа; а общество отняло все, даже лицо; душа ему все возвратила, даже лицо, потому что нашлась слѣпая, которая не видѣла его безобразія, но видѣла душу. И съ ней-то разлучили его, съ этимъ свѣтлымъ, нѣжнымъ существомъ, его сестрою и милой! Чтòжъ дѣлать безъ Деи? Гдѣ она, звѣзда его? Дея, Дея, Дея! Увы, онъ потерялъ свой свѣтъ, а чтò жъ и небо безъ свѣта? Онъ бросилъ ее, чтобъ идти на защиту народа. А развѣ Дея не народъ? Слѣпая, сирота, да это все человѣчество. А какъ былъ бы онъ счастливъ! Нѣтъ, его завлекли въ ловушку и прѐдали. Эта Джосіана... чтò она такое? О, страшная женщина, почти животное, почти богиня! О, гдѣ вы бѣдность, радости, веселая бродячая жизнь! Чтò сдѣлали съ близкими ему? Онъ погубилъ ихъ, онъ и никто другой, пришло ему въ голову. Ихъ удалили отъ него, чтобъ ихъ близость не безчестила его достоинства, какъ лорда. Но онъ можетъ защитить ихъ, стоитъ только ему исчезнуть изъ этого міра и ихъ перестанутъ преслѣдовать, ихъ оставятъ въ покоѣ. И чтò онъ безъ Деи?

Гуинплейнъ посмотрѣлъ на воду. Онъ не спалъ уже третью

ночь. Его трясла лихорадка. Его мысли плохо вязались, хотя онъ считалъ ихъ свѣтлыми. Онъ чувствовалъ неодолимое желаніе уснуть. Въ теченіе нѣсколькихъ минутъ онъ смотрѣлъ въ воду; мракъ представился ему большою, спокойною постелью. Онъ снялъ верхнее платье, разстегнулъ камзолъ и въ это время почувствовалъ въ карманѣ книжку, которую вручили ему въ парламентѣ. Онъ вынулъ ее, разглядѣлъ, насколько позволяла звѣздная ночь, замѣтилъ карандашъ въ ней и на первой бѣлой страницѣ написалъ: «Я оставляю этотъ міръ. Пусть братъ мой Давидъ замѣнитъ меня и будетъ счастливъ. Фирменъ Кленчарли, перъ Англіи». Затѣмъ онъ снялъ камзолъ и шляпу, въ шляпу положилъ книжку, все это сложилъ вмѣстѣ и придавилъ камнемъ. Голова его склонялась медленно, словно увлекаемая неодолимою силой бездны. Ему стоило сдѣлать небольшое движеніе, чтобъ упасть въ воду. Сложивъ руки за спиною, онъ наклонился, сказалъ «быть такъ» и пристально посмотрѣлъ въ воду. Въ это время онъ почувствовалъ, что кто-то лизнулъ ему руку. Онъ вздрогнулъ и обернулся. Сзади его стоялъ волкъ. «Это ты, волкъ»! вскрикнулъ онъ. Гомо замахалъ хвостомъ, глаза его заблестѣли и онъ снова принялся лизать ему руки. Въ первую минуту Гуинплейнъ оставался неподвиженъ, пьяный отъ радости и охватившей его надежды. Волкъ пересталъ лизать, повернулся, сдѣлалъ нѣсколько шаговъ и посмотрѣлъ на Гуинплейна, словно приглашая его слѣдовать за собою. Гуинплейнъ пошелъ за нимъ. Они спустились къ Темзѣ, потомъ, по досчатому мостку, который шелъ отъ берега въ рѣку, примыкая къ черной массѣ судна, на которомъ было написано «Vograat. Rotterdam», они прыгнули на палубу, гдѣ никого не было видно. Около мачты стоялъ фонарь, при свѣтѣ котораго обрисовывался на темномъ фонѣ какой-то четырехугольный силуэтъ. Гуинплейнъ узналъ старую повозку — хижину Урсуса, подъ которою висѣла цѣпь. Волкъ тихонько подошелъ къ цѣпи и легъ. Шатаясь отъ волненія, Гуинплейнъ продолжалъ вглядываться; подножки у повозки были опущены, дверь полураскрыта и внутри никого не было. Повозка заслоняла собою что-то разостланное на полу. Это былъ тюфякъ, уголъ котораго выдавался изъ-за повозки. На тюфякѣ вѣроятно кто-нибудь лежалъ: тамъ двигалась чья-то тѣнь. Послышался голосъ. Гуинплейнъ, спрятавшись за повозкой, слушалъ. Онъ узналъ голосъ Урсуса, но какъ измѣнился этотъ голосъ, сдѣлавшись какимъ-то глухимъ и неопредѣленнымъ. Рѣчь прерывалась вздохами послѣ каждой фразы.

Урсусъ жаловался на то, что судно такое опасное, безъ бортовъ: если упадешь, прямо скатишься въ море; а если подни-

мется непогода, Дею придется выносить на верхъ, а тутъ малѣйшая неосторожность или испугъ — аневризмъ и порвется. Дея спала, но тревожно. Урсусъ хватился Гомо. «Забылъ я давича, въ попыхахъ, привязать его, говорилъ онъ, а онъ и исчезъ. Должно быть, ужинъ себѣ пошелъ добывать на берегу. Вотъ еще если пропадетъ». Онъ его окликнулъ; Гомо тихонько застучалъ о палубу хвостомъ. «Ты здѣсь, слава Богу». Онъ продолжалъ тихо ворчать, жалуясь на судьбу, вспоминалъ Гуинплейна и зорко наблюдалъ за сномъ Деи. Шкиперъ вышелъ на верхъ, отвязалъ причалъ и занялся сосредоточенно рулемъ съ флегмою голландца и моряка. Другихъ матросовъ съ нимъ не было. Барка тронулась, отливъ увлекалъ ее за собою въ море, и она двигалась быстро. Лондонъ исчезалъ.

— Ахъ, еслибъ можно было также мнѣ бросить горе, какъ городъ, говорилъ Урсусъ, посылая ко всѣмъ чертямъ Лондонъ. И чѣмъ мы провинились, что всѣ несчастія разомъ на насъ свалились. Вотъ она лежитъ, милое дитя мое. Боюсь, чтобъ бредъ не возобновился. Все это убиваетъ меня. Спи, дитя мое, спи.

XIX.

Гуинплейнъ слушалъ Урсуса, притаивъ дыханіе. Вдругъ раздался чудесный, грустный голосъ Деи, доносившійся словно издали, но изъ какой-то пучины, не то съ вышины.

— Онъ хорошо сдѣлалъ, что ушелъ, говорила Дея. Этотъ міръ не для него, но и я за нимъ пойду. Батюшка, я вовсе не больна, я слышала, что̀ вы говорили сейчасъ; я немножко уснула и совсѣмъ здорова. Скоро я буду счастлива, батюшка.

— Дитя мое, тревожно спросилъ Урсусъ, что̀ ты хочешь сказать?

— Не безпокойтесь. Я говорю вамъ, что буду счастлива. Гуинплейна нѣтъ, и я знаю гдѣ его найдти. Онъ—тамъ. Потомъ вы къ намъ придете, и Гомо также. Опять всѣ соберемся вмѣстѣ. А безъ него я не могу остаться, еслибъ и хотѣла. Невозможнаго нечего и требовать. Когда былъ со мною Гуинплейнъ, я жила, теперь его нѣтъ — я умираю. Умереть вовсе не трудно и не тяжело. Улетишь туда, гдѣ, говорите вы, звѣзды, и тамъ будешь любить вѣчно, вѣчно, никогда не разлучаясь. Да, Гуинплейнъ хорошо сдѣлалъ. Теперь настала моя очередь. Что̀ это такое, будто мы двигаемся?

— Мы на баркѣ плывемъ. Успокойся, тебѣ не надо много говорить. Если ты немного любишь меня, пожалуйста лежи спо-

койно, а то опять начнется лихорадка, а я не могу выносить твоей болѣзни.

— Зачѣмъ искать на землѣ, когда онъ на небѣ.

— Успокойся. Ты иногда говоришь совсѣмъ вздоръ, дитя мое. Сдѣлай же хотя что-нибудь для меня. Тебѣ надобно хорошенько уснуть и тогда все пойдетъ отлично. Погода хорошая и завтра мы будемъ въ Роттердамѣ, въ Голландіи.

— Я вовсе не больна, батюшка, и вамъ нечего безпокоиться: никакой лихорадки у меня нѣтъ, а только мнѣ немножко жарко. Я совершенно здорова, но чувствую, что умираю.

— Не думай ты пожалуйста объ этомъ, и онъ прибавилъ про себя: избавь ее Господи отъ потрясеній. Наступило молчаніе. Вдругъ Урсусъ сказалъ: «Что̀ это ты дѣлаешь? Зачѣмъ ты встаешь? Умоляю тебя, ложись». Гуинплейнъ вздрогнулъ и, высунувъ голову изъ-за повозки, увидѣлъ Дею; она стояла на тюфякѣ, въ длинномъ бѣломъ платьѣ, которое открывало шею и немного плечи, и складками падала внизъ. Она дрожала и колебалась, какъ тростникъ. Фонарь освѣщалъ ее снизу. Напряженное выраженіе лежало на лицѣ ея; распущенные волосы ея развивались, глаза блестѣли огнемъ, и вся она извивалась какъ пламя и въ тоже время чувствовалось, что она начинала походить на тѣнь.

Урсусъ поднялъ въ испугѣ руки: «Господи Боже мой, говорилъ онъ, опять бредъ, опять бредъ. Если еще потрясеніе — она умретъ, а не случись потрясенія, она сойдетъ съ ума. Вотъ положеніе: либо мертвая, либо безумная. Что̀ дѣлать? Ложись, дитя мое, умоляю тебя.»

Дея говорила, но слабымъ, неотчетливымъ голосомъ. «Вы ошибаетесь, батюшка, у меня вовсе не бредъ. Я очень хорошо понимаю, что̀ вы говорите. Вы говорите, что народъ собрался уже и что мнѣ надо играть; хорошо, я готова — видите, я въ памяти — только я не знаю, какъ же это сдѣлать: вѣдь я умерла, Гуинплейнъ тоже умеръ. Все равно, я согласна играть; но Гуинплейна нѣтъ.»

— Дитя мое, повторялъ Урсусъ, ну, будь же послушна: лягъ въ постель.

— Его нѣтъ, его нѣтъ! О, какъ темно.

— Темно! прошепталъ Урсусъ: въ первый разъ она произноситъ это слово.

Гуинплейнъ тихонько скользнулъ въ повозку, сбросивъ свое платье, надѣлъ прежнее, которое висѣло на гвоздѣ, потомъ также тихо вышелъ и снова сталъ за мачтою. Дея продолжала шептать и мало-по-малу шепотъ ея перешелъ въ мелодію. Съ пропусками, прерывающимся голосомъ, она запѣла ту пѣсню, съ кото-

рою такъ часто обращалась къ Гуинплейну: «Сокройся ночь, заря поетъ радостную пѣснь». Она остановилась: «нѣтъ, не правда, я не умерла. Что̀ это я говорю? Я жива, жива, а онъ умеръ. Я ужъ не услышу его голоса, никогда не услышу». И она опять запѣла: «Надо идти на небо.... Сбрось, я хочу, твою черную оболочку», и она протянула руку словно отыскивая на чемъ бы опереться. Гуинплейнъ, быстро промелькнувъ мимо окаменѣвшаго отъ ужаса Урсуса, сталъ передъ нею на колѣни. — «Никогда, говорила Дея. Никогда, я не услышу его», и въ забытьи снова начала-было пѣть; Гуинплейнъ прервалъ ее и запѣлъ: «О, приди, полюби, я — душа, ты — сердце», и въ тоже время Дея почувствовала подъ рукою голову возлюбленнаго своего. Она вскрикнула: «Гуинплейнъ!» блѣдное лицо ея засвѣтилось и она зашаталась. Гуинплейнъ принялъ ее въ свои объятія. — Живъ! вскрикнулъ Урсусъ. — «Гуинплейнъ!» повторила Дея и голова ея приникла къ его щекѣ. «Ты возвратился, благодарю». И, поднявъ свое лицо, она устремила на Гуинплейна свои глаза, полные мрака и лучей, какъ будто она въ самомъ дѣлѣ видѣла.

— Это ты! сказала она. Гуинплейнъ цѣловалъ ея платье. Есть рѣчи, которыя вмѣстѣ и крикъ, и рыданія, и слова. Восторгъ выражается ими; они не имѣютъ смысла, но говорятся и понимаются. Такими рѣчами забросалъ Гуинплейнъ свою Дею, которая сіяла восторгомъ. Онъ упомянулъ и о томъ, что едва не погибъ, что безъ Гомо онъ погибъ бы непремѣнно, и тотчасъ прибавилъ: «Впрочемъ, все это послѣ разскажу», и снова заговорилъ восторженными, отрывистыми фразами. Урсусъ и смѣялся, и плакалъ, и ворчалъ себѣ подъ носъ, что онъ ничего не понимаетъ: «Какъ же это такъ? Вѣдь самъ своими глазами видѣлъ я, какъ его хоронили. Должно быть поглупѣлъ я, старая скотина».

— Какъ хороша ты, Дея, говорилъ Гуинплейнъ. Не знаю, гдѣ у меня умъ былъ въ эти дни. Гляжу на тебя и все не вѣрю своимъ глазамъ. Съ какой стати мы на этой лодкѣ? Скажи мнѣ, что̀ съ вами случилось? Васъ обидѣли, обокрали? Это подло, но я отомщу, я отомщу имъ, Дея. Вѣдь я перъ Англіи.

Урсусъ такъ и отшатнулся при этихъ словахъ и внимательно поглядѣлъ на Гуинплейна: «Ясно, что онъ не умеръ, но не сошелъ ли онъ съума?» И онъ насторожилъ ухо. «Успокойся, Дея, продолжалъ Гуинплейнъ. — Я пожалуюсь палатѣ лордовъ». Урсусъ опять посмотрѣлъ на него и ударилъ себя пальцемъ по лбу: «Все равно, прошепталъ онъ. Дѣло пойдетъ хорошо, если и сошелъ онъ съума. Человѣку свойственно сходить съ ума. Но я счастливъ».

Судно продолжало плыть ровно и быстро; ночь становилась

темнѣе и темнѣе отъ тумановъ, которые наплывали изъ океана и заволакивали небо, на которомъ только кое-гдѣ блестѣли одинокія звѣзды, и тѣ вскорѣ скрылись, такъ что небо стало черно. Рѣка становилась шире и берега ея все болѣе и болѣе скрывались во мракѣ ночи. Приближаясь къ морю, тишина была такая, что при выходѣ изъ Темзы въ море не понадобилось никакого маневра и ни одинъ матросъ не показывался на палубѣ. Гуинплейнъ, полулежа, держалъ въ объятіяхъ Дею. Они продолжали вести непередаваемый разговоръ любви, гдѣ слышались восклицанія, шутки, восторгъ, шопотъ и поцѣлуи. Вдругъ Дея, освободившись отъ объятій, встала и прижала руки къ сердцу, словно желая остановить его.

— Что̀ со мною? сказала она. Со мною что̀-то дѣлается. Радость душитъ. Ничего, хорошо теперь. Ты далъ мнѣ такое счастье, что я пьянѣю и чувствую въ себѣ приливъ горячей, лихорадочной жизни и наслажденій. Никогда еще ничего подобнаго я не испытывала. Какъ будто душѣ становится тѣсно въ тѣлѣ и она растетъ, и мнѣ больно. Какъ будто крылья трепещутъ въ моей груди. Это такъ странно, но я счастлива. Ты воскресилъ меня.

Она покраснѣла, потомъ поблѣднѣла, потомъ покраснѣла опять, и упала.

— Ты убилъ ее, сказалъ Урсусъ. Гуинплейнъ протянулъ къ ней руки. Страшное горе смѣнило его восторгъ и онъ упалъ бы самъ, еслибъ не поддерживалъ Дею.

— Что̀ съ тобою, Дея? сказалъ онъ дрожа всѣмъ тѣломъ.

— Ничего, сказала она, лежа на рукахъ Гуинплейна какъ связка бѣлья. Руки ея повисли. Ее уложили-было на тюфякъ, но она сказала, что ей тяжело дышать лежа. Ее приподняли и она положила голову на плечо Гуинплейна, который сидѣлъ сзади ея и поддерживалъ. — «Ахъ, какъ хорошо мнѣ теперь!» сказала она. Урсусъ молча считалъ у ней пульсъ, потомъ послушалъ грудь. «Что̀ съ ней?» спросилъ Гуинплейнъ.

— Мы теперь на высотѣ Кентербѐри, отвѣчалъ Урсусъ, и недалеко отъ Гревезенда. Погода хорошая и мы славно доплывемъ.

Дея становилась блѣднѣе и блѣднѣе и судорожно теребила рукою платье. Медленно вздохнувъ, она прошептала: «Я понимаю что̀ это такое. Я умираю». Гуинплейнъ вскочилъ, какъ внезапно ужаленный. Урсусъ сталъ поддерживать Дею.

— Ты умираешь? Ты умрешь, сейчасъ, сію минуту? Да это не можетъ быть. Это невозможно. Богъ не такъ жестокъ. А что̀-жъ будетъ со мною? Я только нашелъ тебя и вдругъ потеряю. Нѣтъ, ты будешь жить, Дея. Это ничего, ты опра-

вишься. Дея, милая моя, прошу тебя, умоляю тебя, не покидай меня. И, схвативъ себя за волосы, рыдая, дрожа отъ ужаса, онъ бросился къ ногамъ ея.

— Милый мой, сказала она, развѣ я виновата.

На губахъ ея показалась розовая пѣна, которую Урсусъ быстро обтеръ, такъ что Гуинплейнъ ничего не замѣтилъ. Онъ лежалъ у ногъ ея и уста его лепетали безсвязныя, безумныя слова мольбы; въ голосѣ его слышалось и отчаяніе, и страхъ, и невыразимая нѣжность.

— Что̀ дѣлать? говорила Дея. Часъ тому назадъ я хотѣла умереть, а теперь не хочу и умираю. Милый мой, дорогой мой, какъ мы были счастливы. Не забывай меня, помни мою пѣсенку — я буду прилетать къ тебѣ ночью и шептать ее. О, какъ бы желала я жить, но жить невозможно. Радость убила меня. Ты вспоминай меня....

Голосъ ея все ослабѣвалъ, агонія отнимала дыханіе. Она подогнула большой палецъ подъ другіе — признакъ, что послѣдняя минута приближается.

— Вы вспоминайте обо мнѣ, прошептала она, а то грустно — умрешь и никто не вспомянетъ. Я была зла иногда, — вы простите меня. Я увѣрена, что еслибъ Богу было угодно, мы были бы счастливы и я не умерла бы. Не знаю, за что̀ я умираю? Я не роптала на свою слѣпоту и, стало быть, никого не оскорбила. Я только одного желала — остаться навсегда слѣпою, но возлѣ тебя. Какъ грустно умирать! Слова ея становились тихи почти также какъ дыханіе и ихъ трудно уже было разобрать.

— Поддержите меня, сказала она немного спустя. Вспоминай обо мнѣ, Гуинплейнъ, и приходи ко мнѣ скорѣй. Безъ тебя и на небѣ я буду несчастна. Рай мой былъ здѣсь, а не на небѣ. Ахъ, задыхаюсь. Милый, милый, милый мой!...

— Помогите! вскричалъ Гуинплейнъ.

— Прощай! сказала она.

— Помогите! повторилъ онъ, и прижался губами къ холодѣющимъ рукамъ Деи. Съ минуту она словно не дышала. Потомъ приподнялась на локтяхъ, глубокая молнія сверкнула въ ея глазахъ и невыразимымъ восторгомъ озарила лицо ея.

— Свѣтъ! закричала она. Я вижу.

И упала мертвою.

— Умерла, сказалъ Урсусъ. Рыдая, онъ спряталъ свою голову въ складкахъ платья Деи, и лишился чувствъ. Гуинплейнъ былъ страшенъ.

Онъ стоялъ неподвижно, поднявши голову и устремивъ свой взоръ во мракъ ночи. Онъ казалось кого-то видѣлъ и, протя-

нувъ руку вверхъ и сказавъ: «иду», пошелъ впередъ по направленію къ краямъ палубы, словно привлекаемый какимъ видѣніемъ. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него была бездна. Онъ шелъ медленно, прямо передъ собою, не глядя себѣ подъ ноги. На устахъ его была улыбка, и глаза блистали. Не останавливаясь, онъ сказалъ: «да», и продолжалъ идти не спѣша, но рѣшительно, какъ будто впереди его не было пропасти. — «Будь покойна. Я иду за тобою, шепталъ онъ: я очень хорошо замѣчаю знаки, которые мнѣ дѣлаешь». И, улыбаясь, онъ не покидалъ взорами одной точки на горизонтѣ. Край судна былъ уже возлѣ.—«Иду, Дея, иду!» сказалъ онъ, сдѣлалъ шагъ и упалъ. Ночь была темная, вода глубокая. Онъ исчезъ тихо и незамѣтно. Никто не слыхалъ его паденія и судно продолжало плыть. Немного спустя оно вышло въ океанъ.

Когда Урсусъ пришелъ въ себя, онъ не увидѣлъ уже болѣе Гуинплейна и только на краю палубы, глядя на море, вылъ протяжно волкъ.

Заканчивая изложеніе романа Виктора Гюго, считаемъ нужнымъ сказать нѣсколько словъ о значеніи этого произведенія. О нѣкоторыхъ недостаткахъ романа мы говорили уже въ предъидущей книгѣ; два послѣдніе тома столь же ими обильны, какъ два первые, если еще не больше. Преобладаніе описаній и размышленій самого автора надъ дѣйствіями и размышленіями выведенныхъ имъ лицъ, необыкновенная растянутость и тщательная, многословная рисовка лицъ второстепенныхъ и даже третьестепенныхъ, постоянныя отступленія, мѣшающія движенію романа, подчиненіе дѣйствующихъ лицъ велѣніямъ судьбы — вотъ въ немногихъ словахъ недостатки его. Романъ можно раздѣлить на двѣ части, вяжущіяся между собою почти чисто внѣшнимъ образомъ: исторія Гуинплейна и Деи, и исторія англійской аристократіи. Первая исторія, во многихъ мѣстахъ исполненная поэтической прелести и бьющаго драматизма, весьма не сложная сама по себѣ, составляетъ прекрасную идиллію, которая легко умѣстилась бы на нѣсколькихъ десяткахъ страницъ, еслибъ освободить ее отъ всѣхъ ненужностей. Но, загроможденная другими лицами и предметами романа, странная, но привлекательная группа урода и слѣпой, которые любятъ другъ друга, является на общей картинѣ слишкомъ незначительною свѣтлою точкой. Эту маленькую, граціозную группу давятъ второстепенныя лица и она стоитъ на сценѣ, окруженная густымъ лѣсомъ декорацій, который мѣшаетъ сосредоточить на ней вниманіе.

Эти декораціи составляютъ вторую половину романа, исторію англійской аристократіи, именно исторію, или, лучше сказать, историко-анекдотическіе наброски изъ жизни этого сословія, а не романъ. Вмѣсто типовъ аристократовъ, какъ этого слѣдовало ожидать отъ романа, мы находимъ разсужденія и иллюстраціи. Мы не присутствуемъ при непосредственномъ гнетѣ аристократіи на народъ, а узнаемъ о немъ изъ монологовъ дѣйствующихъ лицъ, преимущественно Урсуса, въ которомъ поэтъ изобразилъ не характеръ, а скорѣе воплощеніе трусливаго, скрытаго протеста. Сцена въ парламентѣ, когда Гуинплейнъ протестуетъ во имя народа противъ гнета, не производитъ надлежащаго впечатлѣнія потому, что страстная рѣчь его принимается со смѣхомъ лордами, единственно въ силу смѣшного безобразія новаго лорда. Авторъ самъ даетъ понять, что не вылети эта рѣчь изъ столь безобразныхъ устъ, она могла бы разсчитывать на пріемъ совершенно другого рода. Огромный матеріалъ, представлявшійся поэту для рисовки крупныхъ характеровъ, разбросанъ по мелочамъ, и только одна Джосіана, это соединеніе Мессалины и Діаны, вышла замѣчательно оконченнымъ и выдержаннымъ типомъ, хотя и ей поэтъ даетъ слишкомъ ограниченную сферу дѣйствія.

Такимъ образомъ, аристократія является въ романѣ, какъ иллюстрація, но иллюстрація, мѣстами сдѣланная рукою мастера и исполненная одушевленія и мѣткаго сарказма. Это одушевленіе, не покидающее поэта въ теченіе всего романа и вызывающее въ немъ то чувство негодованія, то юморъ, и придаетъ роману жизненность и значеніе. Какъ романъ, т. е. произведеніе, требующее характеровъ, движенія, гармоническаго соотвѣтствія между частями, «L'Homme qui rit» представляетъ картину странную, не удовлетворяющую строгимъ требованіямъ искусства; но если отбросить въ сторону строгія требованія искусства, если посмотрѣть на него какъ на калейдоскопъ картинъ и принять во вниманіе одушевляющее поэта чувство и тѣ идеалы, которые ни на минуту не покидаютъ его, то «L'Homme qui rit» должно поставить на извѣстную высоту среди поэтическихъ произведеній послѣдняго времени. Въ своемъ изложеніи мы старались выставить на видъ именно эти стороны романа.

А. С—нъ.

СОВРЕМЕННАЯ
ИСПАНІЯ.

Les Révolutions de l'Espagne contemporaine, quinze ans d'histoire (1854—1868). Par Ch. de Mazade. Paris, 1869.
Le général Prim, par Louis Blairet. Paris, 1869.

....«Такъ какъ испанцы, и на этотъ разъ, не обошлись-таки безъ созванія учредительныхъ кортесовъ, то за поученіями имъ обращаться не далеко: передъ ними исторія нѣсколькихъ подобныхъ кортесовъ. Въ теченіи менѣе шестидесяти лѣтъ, это—уже четвертое учредительное собраніе въ Испаніи; ей будетъ предстоять затѣмъ относиться съ бо́льшимъ уваженіемъ къ седьмой или восьмой конституціи, чѣмъ къ прежнимъ». Эти слова Шарля Мазада резюмируютъ въ себѣ всю политическую исторію Испаніи со времени наполеоновскаго погрома, который хотя и былъ отраженъ изъ Испаніи, но оставилъ тамъ за собою сѣмена неизбѣжнаго разложенія вѣкового порядка, державшагося въ этой странѣ.

Нерѣдко слышится мнѣніе, что испанская національность, въ видѣ прирожденной особенности,—положительно неспособна придти къ прочному политическому устройству. Поверхностность мнѣнія такъ формулированнаго не подлежитъ сомнѣнію: что́ такое есть особенность національнаго характера, если не такой же продуктъ историческаго воспитанія, жизни націи, какъ и самые тѣ факты, которые думаютъ объяснить этою «особенностью національнаго характера?» Но примѣръ колоній, основанныхъ испанцами въ Америкѣ, и примѣръ самой метрополіи, въ особенности со времени ихъ отпаденія отъ нея — дѣйствительно представляютъ какой-то заколдованный кругъ переворотовъ, въ которомъ одно и тоже явленіе періодически возвращается, какъ въ вращающейся панорамѣ, не оставляя послѣ себя ровно никакихъ задатковъ для будущаго, не оставляя даже надежды, что оно не по-

вторится еще нѣсколько разъ и столь же безплодно. Должны же быть въ самомъ дѣлѣ, какія-нибудь особенныя причины, которыя сообщаютъ политическому полю испанскаго общества свойства песчаной почвы: ничто на ней не принимается и ничто не стоитъ на ней прочно.

На эту непрочность не могъ не обратить вниманія Шарль Мазадъ, который въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ постоянно слѣдилъ за переворотами, происходившими въ Испаніи, и посвящалъ имъ статьи въ «Revue de deux Mondes». Рядъ этихъ статей онъ издалъ теперь отдѣльною книгой, съ обычными предисловіемъ и заключеніемъ. Какъ же онъ смотритъ на выдающуюся особенность новѣйшей исторіи Испаніи? Онъ видитъ причину ея въ ошибочности дѣйствій правительствъ въ ней бывшихъ, и торжественно приглашаетъ Испанію, въ заключеніи своей книги, прекратить наконецъ эту «нелѣпую и возмутительную смѣну реакціи революціею и наоборотъ».

Но если всѣ правительства, слѣдовавшія въ Испаніи одно за другимъ, съ изумительной быстротою и въ такомъ числѣ, ошибались, то ошибки ихъ, конечно, должны вмѣщать въ себѣ нѣчто общее, ибо иначе какъ объяснить такой фатальный рядъ ошибокъ? Да, въ ошибочности дѣйствій всѣхъ этихъ правительствъ, Мазадъ и видитъ нѣчто однородное. Вотъ какъ онъ выражаетъ это: «Кратчайшій путь, по которому, усмиривъ одну революцію, можно придти къ другой, это— *реакція.* Испанія какъ будто создана для того, чтобы представлять неизбѣжные результаты такого обезнадеживающаго опыта, который вѣчно повторяется, никого не вразумляя. Тутъ именно можно видѣть, какъ самыя благопріятныя стеченія обстоятельствъ подвергаются разложенію, какъ правительства, повидимому имѣющія наиболѣе задатковъ для жизни, погибаютъ по своей ошибкѣ, единственно вслѣдствіе собственной вины, создавъ сами себѣ невозможности и накликавъ на себя бурю». Итакъ, главную причину неустойчивости испанскихъ порядковъ авторъ видитъ въ склонности ея правительствъ къ реакціи и хотя указываетъ въ этомъ случаѣ на исторію Испаніи какъ на доказательство повсемѣстной политической истины, однако видитъ въ ней вмѣстѣ и особенность испанской исторіи.

Но это объясненіе едва ли способно удовлетворить кого-либо. Представляются вопросы: развѣ за всякимъ усмиреніемъ революціи, гдѣ бы то ни было не является неизбѣжно реакція? И почему же правительства именно въ Испаніи особенно склонны къ реакціи? За неразрѣшеніемъ этихъ вопросовъ, остается все-таки предполагать въ судьбахъ Испаніи нѣчто фатальное, какую-то мистическую причину.

Наконецъ, какимъ же образомъ можетъ прекратиться столь печальное положеніе дѣлъ и что́ должна сдѣлать Испанія въ исполненіе совѣта, который даетъ ей французскій публицистъ — прекратить эти вѣчные перевороты? На это Мазадъ отвѣчаетъ такъ: «Она мо-

жетъ сдѣлать это только посредствомъ энергическаго усилія, дабы основать у себя, наконецъ, правленіе прочное, разсудительное, либеральное, единственное, которое могло бы сдерживать страсть къ мятежу и честолюбивое соперничество между людьми, обезпечивая вмѣстѣ и безопасность и свободу народа». Но кто же долженъ сдѣлать такое усиліе? Если народъ — то спрашивается, почему же онъ не сдѣлалъ такого очевидно-полезнаго усилія раньше; если же усиліе возлагается на тѣхъ дѣятелей, которые нынѣ держатъ въ своихъ рукахъ правленіе въ Испаніи, то они, безъ сомнѣнія стараются, по собственному убѣжденію, устроить судьбы Испаніи наилучшимъ образомъ; только можно ли въ самомъ дѣлѣ возлагать прочную надежду на нихъ, послѣ того какъ «правительства, имѣвшія», какъ говоритъ авторъ, «наиболѣе задатковъ для жизни», въ концѣ концовъ всегда погибали? Особенно мало основанія къ подобной надеждѣ даетъ то обстоятельство, что нынѣшніе дѣятели, держащіе власть въ Испаніи, всѣ были защитниками этихъ погибшихъ правительствъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что то правленіе, котораго блестящіе признаки описалъ Мазадъ, указывая на него Испаніи, было бы очень хорошо и могло бы быть прочно, если бы оно могло основаться какъ-нибудь, само собою, но дѣло въ томъ, что для этого недостаточно устранить капризъ одной правительницы или фанатическое вліяніе іезуитовъ на дѣла, устранить два фактора, мѣшавшіе прогрессу, когда остается господствующимъ третій подобный же факторъ: честолюбіе генераловъ.

Бѣда Испаніи (общая ей, до нѣкоторой степени, съ нѣкоторыми другими государствами) заключалась въ томъ, что благодаря сперва географическому положенію и устройству почвы, а потомъ и нѣкоторымъ случайнымъ совпаденіямъ событій, въ ней развитіе силъ общественныхъ: населенности, промышленности, образованности не соотвѣтствовало развитію элемента политическаго: Во 1-хъ, это были политическія необходимости (необходимость самообороны сдѣлала ее прежде всего государствомъ военнымъ и повела къ искаженію, посредствомъ централизаціи власти, устройства федеративнаго, указаннаго образованіемъ почвы); во 2-хъ, политическія причуды централизованной власти, которая, эксплуатируя всѣ силы испанской націи, дала испанскому государству, съ его ничтожнымъ въ то время населеніемъ, громадную роль въ мірѣ, совершенно несоотвѣтствовавшую дѣйствительнымъ силамъ націи, и для этого исказила все: промышленность подавила золотомъ, населеніе ослабило дальнею военною колонизаціею, церковь исказила въ государственную инквизицію, оставивъ рядомъ съ собою только католическій фанатизмъ, которому затѣмъ принесла въ жертву промышленное населеніе страны и всю ея образованность. Въ 3-хъ, наконецъ, въ новѣйшія времена тоже несоотвѣтствіе замѣчается между наличностію въ странѣ силъ общественныхъ и преобладаніемъ полити-

ческихъ стремленій въ части общества. При такихъ условіяхъ, эти стремленія избираютъ для своего осуществленія и средства, и характеръ—изъ того мрачнаго прошедшаго, которое называется исторіею Испаніи. Позволяя себѣ употребить формулу нѣсколько абсолютную, вслѣдствіе краткости, скажемъ, что Испанія не имѣетъ *ничего* кромѣ исторіи (сравн. Польша, при паденіи). То же несоотвѣтствіе, какое было прежде между общественными, природными, органическими силами страны и величіемъ ея политической *власти* въ мірѣ замѣчается и теперь между наличностью общественныхъ силъ (плотность населенія, промышленность, образованность, дороги и проч.) и политическими стремленіями части общества. Эти стремленія, опираясь не на массу съ образованіемъ, не на независимый промышленный классъ, имѣютъ въ своихъ проявленіяхъ характеръ фанатическій и военный, унаслѣдованный изъ исторіи. Какъ въ Испаніи, такъ и въ бывшихъ ея колоніяхъ, нынѣ республикахъ, набожность была искажена исторіею въ фанатизмъ религіозный, такъ теперь политическія стремленія опираются не столько на холодный интересъ, сколько на тотъ же фанатизмъ, либеральный, но все-таки фанатизмъ, деспотическую мечтательность — выработанную исторіею. Въ жизни Испаніи всегда деспотически преобладала сторона государственная; она преобладаетъ и теперь. Въ Испаніи человѣкъ имѣетъ значеніе насколько онъ поставленъ высоко государствомъ. Независимаго образованнаго класса почти нѣтъ. Всѣ либералы вмѣстѣ съ тѣмъ—искатели мѣстъ. Фанатики политической свободы, — мы говоримъ объ искреннихъ, — они находятъ въ своей исторіи одно средство дѣйствія: военную силу и достиженіе власти, преимущественно именно военною силою.

Обращаясь теперь къ фактамъ ближайшимъ, поставимъ прежде всего тотъ вопросъ, на который они отвѣтятъ: кто при такихъ данныхъ, среди такого общества и при такомъ настроеніи будетъ руководителемъ народныхъ движеній? Очевидно—блестящіе военные вожди, щеголяющіе либерализмомъ. И въ самомъ дѣлѣ, начиная отъ Эспартеро и кончая О'Доннелемъ (а можетъ быть и Примомъ?) всѣ, кто ни топталъ въ Испаніи свободу, начали свою политическую карьеру съ либерализма (неисключая и Нарваэса). Но въ рукахъ военныхъ авантюристовъ всякій политическій *принципъ* долженъ замирать безплодно. Они стремятся ко власти, употребляютъ силу, и таже сила поочередно возводитъ ихъ на пьедесталъ и низводитъ съ него. Реакція не есть ихъ ошибка или вина, какъ говоритъ Мазадъ; она есть—фатальное наказаніе ихъ. Сама революція, въ ихъ рукахъ, не имѣетъ программы, основанной на твердыхъ принципахъ. Мазадъ справедливо очерчиваетъ характеръ двухъ революцій, бывшихъ въ послѣднія 15 лѣтъ: «Настоящая революція, говоритъ онъ, болѣе значительная по своему непосредственному результату, чѣмъ тѣ, которыя предшествовали, сходна однако съ ними въ одномъ отношеніи:

въ способѣ своего осуществленія, въ природѣ тѣхъ силъ, которыя соединились, чтобы произвесть ее, въ разногласіи тѣхъ намѣреній, которыя на одно время совокупились для борьбы; она, въ нѣкоторомъ смыслѣ — отрицательная, то-есть, она знала только что́ слѣдуетъ разрушить, но не знаетъ что́ слѣдуетъ создать. Она служитъ выраженіемъ общаго чувства отвращенія и усталости, а не всенароднаго сознательнаго движенія, которое бы само въ себѣ заключало программу.... Пущенная въ ходъ генералами, она, естественно, остается въ рукахъ генераловъ, и виситъ посреди разныхъ плановъ. Въ ней снова открывается глава неожиданностей, посреди путаницы: это есть таже революція 1854 года, только въ бо́льшихъ размѣрахъ и въ болѣе сложномъ видѣ». Очень хорошо; но отчего же революція эта, которая все-таки не была плодомъ интриги нѣскольких лицъ, а именно истекла изъ «общаго чувства отвращенія и усталости», остается, какъ говоритъ Мазадъ, «висящею посреди разныхъ плановъ?» Отчего въ Испаніи могло проявиться «общее чувство отвращенія», но не «всенародное сознательное движеніе, съ программою», и почему эта революція, какъ и предшествовавшія ей, можетъ быть названа только отрицательной? Потому что въ Испаніи нѣтъ общественной силы, того, что́ называется преобладающимъ, народнымъ мнѣніемъ. Оно еще не выработалось. Классы, мѣстности, партіи — въ Испаніи все это разъединено, все это стоитъ за свои преданія и свои вкусы, и неспособно обнять трезвымъ взоромъ простой общій интересъ.

Въ Каталоніи сильно развито демократическое чувство, говорятъ намъ. Да, но именно *чувство*, и развито оно тамъ просто потому, что это — фабричная провинція. Но, какъ вы полагаете, пойдетъ Каталонія за республику противъ Прима? Едва ли, потому что въ Испаніи, какъ замѣчаетъ и самъ Мазадъ въ другомъ мѣстѣ, въ принципѣ видятъ прежде всего человѣка. А Примъ — каталонскій герой; и фамилія его тамъ популярна, и титулы его оттуда (графъ Реусъ, по имени города), и вліяніе его тамъ велико. *Примовское чувство* развито въ Каталоніи еще больше, чѣмъ *чувство* демократическое. Въ пиренейскихъ провинціяхъ развито чувство федеративное, то-есть преданіе внутренней автономіи; да, но въ нихъ же развито чувство карлистское, которое, въ примѣненіи своемъ, ведетъ къ отрицанію всякой свободы.

Изъ всего сказаннаго, какъ намъ кажется, слѣдуетъ, что Испанія, которая пала, истощилась и отстала именно потому, что злоупотребленіе задачами чисто-политическими и несоразмѣрными съ ея силами (какъ владычество въ Европѣ, военная колонизація Новаго Свѣта и т. д.), не дало развиваться этимъ внутреннимъ, органическимъ силамъ (напр. наводненіе золотомъ и изгнаніе морисковъ, а въ новѣйшія времена рядъ неустройствъ, несоразмѣрная армія и проч.),

Испаніи, говоримъ мы, слѣдуетъ пожелать, чтобы въ ней установилось такое правленіе, которое сняло бы съ нея тяжелые обручи задачъ политическихъ. Не завоевывать Марокко, не защищать папу, быть можетъ, даже не удерживать Кубу, не основывать династіи (это всегда приноситъ съ собою спеціальную и безплодную програму, вызывая вражду всѣхъ, преданныхъ другимъ династіямъ партій), распустить войско въ странѣ, изъ которой народъ, съ ножами въ рукахъ, изгонялъ наполеоновскіе полки, дать вздохнуть этой странѣ свободно, отмѣнить запретительный тарифъ, отмѣнить привилегіи духовенства, уничтожить всѣ посольства за-границею, однимъ словомъ пустить на волю благороднаго андалузскаго скакуна, на которомъ ѣздили великіе и малые политическіе люди цѣлый рядъ столѣтій, для своихъ личныхъ цѣлей забывая кормить и поить его. Надо снять съ него сѣдло и пусть отдохнетъ.

Вотъ все, что̀ надо Испаніи. Программа — отрицательная, какъ и сама революція въ томъ видѣ, какъ ее опредѣляетъ Мазадъ. Но потому-то именно, что въ Испаніи нѣтъ сознательной всенародной силы, которая могла бы заступиться за этотъ простой и слишкомъ очевидный общій интересъ, потому-то и мало вѣроятности, что случится это, а не что̀-нибудь иное. Но въ такомъ случаѣ Испанія идетъ или къ паденію или къ чему-нибудь въ родѣ диктатуры знаменитаго доктора Франсіи, въ Парагваѣ. Изъ двухъ золъ послѣднее, конечно, лучше и въ Парагваѣ диктатура Франсіи, а потомъ Лопеса дала созрѣть государству, которое было сильно именно экономическою и общественною силою, что̀ оно и доказало въ послѣдніе годы геройскою, хотя и несчастливою, пятилѣтнею борьбою противъ трехъ государствъ, въ томъ числѣ бразильской имперіи.

Книга Мазада, собственно говоря, есть рядъ статей о нѣсколькихъ главныхъ «политическихъ положеніяхъ» въ Испаніи за послѣдніе четырнадцать лѣтъ. Въ статьяхъ этихъ сохранена даже грамматическая форма «настоящаго», хотя онѣ относятся къ прошедшему. Она интересна какъ картинная галлерея мастеровъ одной школы, но разныхъ талантовъ. Здѣсь вы найдете рядъ блестящихъ, даровитыхъ, энергическихъ, но «неблагонадежныхъ» индивидуальностей: Эспартеро, Нарваэса, О'Доннеля, Кончу, Серрано, Прима. Всѣ они люди очень интересные, отчасти пожалуй героическіе, настоящіе кавалеры давно-прошедшаго въ остальной Европѣ времени, времени, когда исторія народовъ была исторіею личностей.

Всѣ они—либералы. Самъ Нарваэсъ, столько разъ, въ теченіи почти тридцати лѣтъ, правившій Испаніею и по большей части — желѣзною рукою, считалъ себя умѣреннымъ либераломъ и утѣшалъ себя въ необходимости реакціи тѣмъ, что эта необходимость — временная. Маркизъ дель-Дуэро, генералъ Конча разсказывалъ въ сенатѣ, что гер-

цогъ Валенсійскій еще за нѣсколько дней до смерти, когда Испанія, имѣя его во главѣ, была въ апогеѣ реакціи, говорилъ ему: «порядокъ такъ прочно укоренился въ Испаніи и врагамъ его нанесены столь сильные удары, что намъ скоро можно будетъ отложить въ сторону ту политику, которой необходимость заставляла насъ держаться доселѣ... Всѣмъ извѣстно, что я всегда былъ либераломъ и никто *не долженъ* оспаривать это». Самый талантливый изъ всѣхъ этихъ соперниковъ, безспорно, былъ герцогъ Тетуанскій, маршалъ О'Доннель. Онъ одинъ, можно сказать, сдѣлалъ что́-нибудь для того, чтобы дать развиться въ странѣ экономическимъ и нравственнымъ силамъ. Предпослѣднее управленіе его, 1858—1863, дѣйствительно ознаменовалось въ Испаніи промышленными успѣхами. Но въ какой мѣрѣ и этотъ человѣкъ, еслибы онъ остался живъ, былъ бы способенъ установить въ Испаніи прочный порядокъ, это видно изъ его прошедшаго. Онъ произвелъ военное возстаніе 1854 года, которое овладѣло Мадридомъ, послѣ битвы съ королевскими войсками, точно такъ, какъ было въ прошломъ году съ маршаломъ Серрано. Онъ основалъ такъ-называемую «либеральную унію», которой мысль была примиреніе всѣхъ элементовъ либерализма, соединеніе въ одинъ лагерь всѣхъ людей, когда-либо провозглашавшихъ своимъ девизомъ свободу, къ какимъ бы партіямъ ни принадлежало ихъ прошлое. И что́ же изъ всего этого вышло? А то, что послѣ побѣды, списокъ либеральной уніи обратился просто въ наградный списокъ, что всѣ тѣ, кого удовлетворилъ О'Доннель, остались вѣрны лично ему, несмотря на всѣ незаконности (какъ напр. передѣлка избирательныхъ списковъ и проч.), которыя онъ себѣ дозволилъ впослѣдствіи; тѣ же, которыхъ онъ не удовлетворилъ, за невозможностью удовлетворить всѣхъ, отшатнулись отъ либеральной уніи, какъ напр., хоть самъ Олосага, ставшій главою прогрессистовъ, хотя онъ въ свое время готовъ былъ принять отъ О'Доннеля высокое мѣсто. Однажды, когда Олосага сильно «допекалъ» О'Доннеля въ палатѣ, герцогъ обратился къ одному изъ молодыхъ прогрессистовъ, нѣкоему Кальво д'Ассенсіо: «г. Кальво, вы прогрессистъ, какъ и г. Олосага; приняли бы вы отъ меня должность?» — «Нѣтъ», отвѣчалъ Кальво.—«Вотъ разница между г. Олосага и вами», саркастически замѣтилъ О'Доннель.

О'Доннель призналъ Италію и воевалъ съ духовенствомъ, онъ много способствовалъ къ устройству въ Испаніи сѣти желѣзныхъ дорогъ; но это вовсе не значило, чтобы его политическая программа была основана именно на здоровыхъ началахъ нравственнаго экономическаго прогресса, при помощи спокойствія, наконецъ утишенія страстей посредствомъ примиренія. Напротивъ: однимъ изъ главныхъ дѣлъ его была знаменитая экспедиція въ Марокко, которую онъ затѣялъ для укрѣпленія и возвеличенія самого себя и которой резуль-

татами были: во-первыхъ, оживленіе въ испанскомъ народѣ безплодныхъ мечтаній о политическомъ могуществѣ, при отсутствіи реальныхъ силъ; во-вторыхъ — громадныя издержки; въ-третьихъ — слава для самого О'Доннеля и титулъ герцога. Что же касается примиренія, то достаточно вспомнить, какъ О'Доннель оттолкнулъ отъ себя Прима. Въ битвѣ при Кастильехосъ, гдѣ испанцы уже были сбиты съ позиціи, вся честь побѣды принадлежала Приму, который бросился вскачь въ толпу арабовъ, и саблею прочистилъ себѣ дорогу къ потерянной позиціи, увлекая одинъ за собою всю армію. Примъ впослѣдствіи самъ говаривалъ, что онъ сдѣлалъ это «какъ бы во снѣ». О'Доннель, предвидя соперника, наградилъ Прима титуломъ маркиза де-лосъ-Кастильехосъ, но удалилъ его отъ двора и впослѣдствіи, во время о'доннельскаго же управленія Примъ, по капризу королевы, едва не былъ лишенъ всѣхъ званій и почти-что принужденъ былъ уѣхать за границу. Отсюда Примъ сталъ, разумѣется, признаннымъ вождемъ будущаго возстанія и, дѣйствительно, сдѣлалъ возстаніе еще при О'Доннелѣ. Когда умерли и О'Доннель и Нарваэсъ, люди имѣвшіе громадное вліяніе на армію, Приму открылось поле для дѣйствія, а крайняя реакція, въ какую болѣе и болѣе впадалъ дворъ, сдѣлала наконецъ почти невозможнымъ всякое управленіе, и въ заключеніе прямо возстановила противъ себя армію, отправивъ въ ссылку наиболѣе популярныхъ генераловъ.

Исторія послѣднихъ не только пятнадцати, но тридцати лѣтъ Испаніи занимательна, представляя, какъ справедливо замѣтилъ Мазадъ, множество этюдовъ надъ политическими типами и странными комбинаціями; но она производитъ впечатлѣніе безотрадное. Это — какой-то вихрь въ пустомъ пространствѣ; кипучая на поверхности, въ высшей степени неправильная политическая жизнь, которая безплодно поглощаетъ всю энергію народа, а подъ этою фальшиво-дѣятельной жизнью — застой, оцѣпененіе всѣхъ органическихъ силъ. Сатирическій журналъ «Punch» хорошо опредѣлилъ этотъ контрастъ между видимыми усиліями и внутреннимъ безсиліемъ Испаніи, когда недавно только-что зашла рѣчь о займѣ: «The spanish ideal — millions, the spanish real [1]) twopence halfpenny», съострилъ «Punch».

Л. А—въ.

---

[1]) Реалъ — монета въ $6^1/_2$ копѣекъ.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

1-го іюля 1869.

Реформы относительно духовенства: отмѣна наслѣдственности духовнаго званія; опредѣленіе приходовъ и приходскаго духовенства. — Подсудность духовенства. — «Свѣтская рука» въ духовныхъ дѣлахъ. — Законы о святотатствѣ и наказанія по духовнымъ винамъ. — Преобразованія въ положеніи казачьихъ населеній: отмѣна обязательности службы; отводъ земель. — Концессія либавской дороги. — Отчетъ главнаго общества желѣзныхъ дорогъ. — Контрактъ съ братьями Уайненсъ.

Устройство и положеніе нашего православнаго духовенства и отношенія его, какъ сословія къ другимъ сословіямъ, а какъ церкви — ко властямъ, представляютъ нѣчто своеобразное, нѣчто совсѣмъ отличное отъ того, что мы видимъ на Западѣ, протестантскомъ и католическомъ. Можно сказать вообще, что ни въ чемъ типичность или индивидуальность исторіи народа не выражается такъ рельефно, какъ въ этомъ продуктѣ исторіи—въ устройствѣ его церкви и положеніи его духовенства. Какъ ни деспотичны, какъ ни мертвяще-форменны католическія требованія и церковная дисциплина католицизма, однако и католическія страны представляютъ весьма характеристическія различія въ положеніи духовенства и отчасти даже въ устройствѣ національной церкви. Французскій священникъ, состоящій на жалованьѣ у государства, галликанская церковь съ ея правами относительно Рима и ея обязанностями относительно государства—представляютъ такую характеристическую особность въ мірѣ католическомъ. Въ мірѣ протестантскомъ, какъ ни слабы узы церковнаго формализма, для созданія церкви національной, такая церковь, въ смыслѣ особности, все-таки существуетъ, и англиканская церковь, съ ея endowments и livings не похожа на бюрократическую прусскую церковь, какъ самъ англійскій rector, получающій приходъ отъ землевладѣльца или епископа, непохожъ на прусскаго пастора, свободно избраннаго общиною.

Въ положеніи нашего духовенства главною характеристическою чертою представляется то обстоятельство, что наше духовенство со-

ставляло до сихъ поръ въ полномъ смыслѣ слова *сословіе*. Правда, въ католическихъ и въ протестантскихъ странахъ духовенство также называется сословіемъ, но это слово понимается вездѣ только въ смыслѣ профессіи, которою занимается въ государствѣ извѣстное число людей.

У насъ, собственно въ Европейской Россіи, лицъ духовнаго званія числится 611 тысячъ, и въ томъ числѣ значительно болѣе половины—лицъ женскаго пола; именно: менѣе 294½ т. мужчинъ и болѣе 316½ т. женщинъ. Конечно, легко и въ протестантской странѣ вывесть подобныя числовыя данныя, собравъ свѣдѣнія о численности душъ въ семействахъ пасторовъ и канторовъ. Но эти численныя данныя не представятъ намъ особаго сословія въ государствѣ, пользующагося особыми правами, несущаго свои особыя обязанности, имѣющаго свое особое начальство.

У насъ же, это именно такъ. Всѣ 611 т. душъ или принадлежатъ къ духовному званію, т. е. сами носятъ это званіе, или приписаны къ нему, и составляютъ въ государствѣ особое сословіе, для котораго установлены особыя изъятія отъ повинностей, особыя пособія и призрѣніе, особыя преимущества и ограниченія относительно всѣхъ условій общественной жизни: поступленія на службу, приписки къ обществамъ, занятія торговлею и т. д. Наслѣдственность духовнаго званія—вотъ главная своеобразная черта въ положеніи нашего духовенства. Наслѣдственность званія или лучше—состоянія, при непремѣнномъ условіи для священнослужителей брака — вотъ тѣ условія, которыя создали въ Россіи многочисленное духовное сословіе.

Положеніе огромнаго большинства въ этомъ сословіи, какъ извѣстно, далеко незавидно. Говоря собственно о духовенствѣ свѣтскомъ—такъ какъ члены монашествующаго духовенства находятся въ положеніи совершенно особомъ, и притомъ могутъ быть разсматриваемы какъ принадлежащіе къ духовному сословію только случайно—приходится признать, что за исключеніемъ приходскихъ священниковъ въ большихъ городахъ—бѣлое духовенство терпитъ недостатокъ, даже нужду. Всѣ они имѣютъ предъ собою только ограниченную карьеру. Все, чего можетъ добиться самый образованный и усердный свѣтскій священникъ, это—получить выгодный приходъ и званіе протоіерея. Всѣ высшія мѣста въ церкви заняты членами духовенства монашествующаго. Самыя установленія какъ бы указываютъ свѣтскому священнику, что все мірское стремленіе его должно заключиться въ пріобрѣтеніи денежныхъ выгодъ. Мало того; ни въ какой профессіи, службѣ или состояніи человѣкъ не зависитъ такъ всецѣло отъ прямого своего начальника, какъ въ духовномъ званіи; можно сказать, что вся судьба духовнаго лица—въ рукахъ ближайшаго представителя власти, кото-

рый для своихъ подчиненныхъ и администраторъ, и наставникъ, и судья, судья почти всегда безапелляціонный.

Но не будемъ теперь входить въ тѣ условія существованія, какія созданы для духовенства самымъ строемъ іерархіи. Ограничимся взглядомъ на положеніе духовенства, какъ сословія и на отношенія этого сословія къ государству.

Сословія, какъ они организовались на Западѣ, основались на одномъ изъ слѣдующихъ данныхъ: на собственности поземельной—дворянство, на капиталѣ—торговое сословіе, на ремесленномъ трудѣ—мѣщанство, на земледѣльческомъ трудѣ — сельское состояніе. Итакъ, основаніемъ всѣхъ сословій на Западѣ служилъ экономическій фактъ. Затѣмъ, неимущественнымъ и не производительнымъ сословіями представлялись на Западѣ—сословія военное и духовное, но ни то, ни другое не было сословіями въ полномъ смыслѣ слова, то-есть сословіемъ наслѣдственнымъ. Одну изъ особенностей нашего историческаго развитія представляетъ именно образованіе у насъ многочисленныхъ наслѣдственныхъ сословій *внѣ* всякаго отношенія къ фактамъ экономическимъ. И эти-то именно сословія, не основанныя ни на собственности, ни на экономически - производительномъ трудѣ, и были сословіями болѣе или менѣе привилегированными. Отсюда истекали два послѣдствія: во-первыхъ, привилегированныя сословія (мы говоримъ о большинствѣ), не опираясь на имущество, не имѣли ни той самостоятельности, ни того открытаго, такъ сказать органическаго вліянія, какое они имѣли на Западѣ, то-есть пользовались привилегіями только лично, а не какъ одна изъ общественныхъ силъ. Во-вторыхъ, самыя привилегіи удерживали въ этихъ наслѣдственныхъ сословіяхъ, насчетъ всего государства, массу людей, которые, не будь этихъ привилегій, обратились бы къ производительному труду.

Мы разумѣемъ здѣсь сословіе духовное и чиновное, которое послужило основаніемъ — за немногочисленными исключеніями — массѣ нашего городского, безземельнаго дворянства. Въ настоящее время въ Россіи числится обоего пола:

Лицъ сословія дворянскаго потомственнаго . .	677 тыс.
» » » личнаго, служащаго.	300 »
» » духовнаго	611 »
Итого. . .	1 м. 588 тыс.

Если присоединимъ сюда число лицъ, относящихся къ военнымъ сословіямъ (которыя хотя нынѣ и не наслѣдственны, но представляютъ болѣе или менѣе постоянный комплектъ) то получимъ:

Выше показанные	1 м. 588 тыс.
Лицъ военныхъ сословій	4 » 046 »
Всего. . .	5 м. 634 тыс.

Между тѣмъ, какъ итогъ городскихъ, промышленныхъ и ремесленныхъ сословій составляетъ всего 4 м. 794 тыс. душъ.

Многочисленность людей, принадлежащихъ къ классамъ экономически-непроизводительнымъ, въ Россіи, въ значительной мѣрѣ была обусловлена именно наслѣдственностью званій духовнаго, приказнаго и служилаго. Наслѣдственность военнаго состоянія нынѣ отмѣнена. Наслѣдственность приказнаго класса въ значительной степени парализована: во-первыхъ, реформами въ устройствѣ и составѣ администраціи; гдѣ уменьшаются средства къ существованію, тамъ уменьшается и преемственность занятій; во-вторыхъ—нѣкоторыми успѣхами въ развитіи экономическомъ, которое будетъ постепенно отвлекать отъ непроизводительнаго труда болѣе и болѣе рукъ; наконецъ, затрудненіемъ въ пріобрѣтеніи службою правъ потомственнаго дворянства, которыя одни уже окончательно упрочивали за родомъ приказнаго или служилаго профессію родоначальника. Наконецъ, тоже самое экономическое развитіе, а вмѣстѣ и уравненіе сословій въ правахъ гражданскихъ и по суду — современемъ, безъ сомнѣнія прекратятъ у насъ существованіе и наличнаго потомственнаго дворянства какъ сословія.

Въ сословіи духовномъ наслѣдственность играла очень важную роль. Во-первыхъ, она придавала самому духовенству особый, кастическій характеръ, и нельзя сказать, что это служило ему въ пользу. Во-вторыхъ, она удерживала въ классѣ, экономически-непроизводительномъ, гораздо большее число людей, чѣмъ то соотвѣтствовало потребности. Сынъ священника или дьякона, если и не дѣлался самъ священнослужителемъ, пользовался преимуществомъ своего духовнаго званія для поступленія на службу, а не обращался къ ремеслу экономически-производительному. Классъ приказный, чиновный, у насъ въ значительной мѣрѣ пополнялся или, лучше сказать, переполнялся именно клерикальнымъ или какъ у насъ говорятъ семинарскимъ элементомъ, и между обоими этими классами, искусственно изолированными отъ производительной массы, всегда было сродство и аналогія въ положеніи.

За реформами, о которыхъ мы упомянули выше, очевидно, стояла на ближайшей очереди отмѣна наслѣдственности духовнаго состоянія. Но этого одного, конечно, еще не достаточно ни для улучшенія положенія самого духовенства, ни для уничтоженія тѣхъ стѣнокъ, которыя отдѣляютъ его отъ общества, изолируютъ большое число людей въ государствѣ, и оставляютъ въ его организмѣ какое-то, будто постороннее тѣло, неживущее одною съ нимъ жизнью.

По поводу опубликованныхъ извлеченій изъ отчета оберъ-прокурора св. синода, мы говорили о тѣхъ преобразованіяхъ, которыя уже произведены и предполагаются въ устройствѣ быта православнаго

духовенства. Проекты этихъ постепенныхъ преобразованій вырабатываются особымъ высочайше учрежденнымъ «присутствіемъ по дѣламъ православнаго духовенства». Въ истекшемъ мѣсяцѣ обнародованы, получившія законодательное утвержденіе, два важныя положенія этого присутствія. Одно изъ этихъ положеній и отмѣняетъ наслѣдственность духовнаго состоянія; мы уже имѣли случай упоминать о слухѣ, возвѣщавшемъ эту въ высшей степени важную реформу.

По силѣ этого положенія, дѣти лицъ православнаго духовенства уже не принадлежатъ лично къ духовному званію, и въ послужныхъ спискахъ своихъ отцовъ будутъ показываться «только для свѣдѣнія». Дѣтямъ священнослужителей предоставляются права дѣтей личныхъ дворянъ, а дѣтямъ причетниковъ — права личныхъ почетныхъ гражданъ. Подъ именемъ причетниковъ здѣсь разумѣются дьячки, псаломщики и пономари, дѣти же прочихъ причетниковъ никакого преимущества по состоянію не получаютъ и должны будутъ приписываться къ податнымъ сословіямъ, при чемъ, впрочемъ, сами лично, освобождаются отъ податей и рекрутской повинности. Сыновьямъ священнослужителей и причетниковъ предоставляется поступать на службу съ тѣми правами, какими они пользовались до сихъ поръ, и съ отмѣною существовавшихъ въ этомъ отношеніи ограниченій; дозволяется имъ также и обращаться къ торговымъ и другимъ частнымъ занятіямъ, на правахъ того состоянія, которое имъ присвоивается нынѣ. Положеніе это, однакоже, не отмѣняетъ правъ, какими пользовались доселѣ дѣти лицъ духовнаго званія *на образованіе въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ*, на опредѣленіе въ священно-служители и церковно-служители, на пособіе отъ епархіальныхъ попечительствъ о бѣдныхъ духовнаго званія или на другіе, существующіе по духовному вѣдомству способы призрѣнія.

Итакъ, хотя наслѣдственность духовнаго званія закономъ отмѣняется, однако на практикѣ останется еще не мало условій для преемственности и замкнутости духовнаго состоянія. Замѣчаніемъ этимъ мы нисколько не хотимъ умалить важности законодательнаго провозглашенія объ отмѣнѣ наслѣдственности духовнаго званія. Важность такого провозглашенія несомнѣнна, тѣмъ болѣе, что вмѣстѣ съ нимъ отмѣняются разныя ограниченія къ переходу изъ духовнаго состоянія въ другія. Но въ оговоркѣ, которою сопровождается это провозглашеніе, мы не можемъ не видѣть все-таки сильнаго еще преобладанія сословнаго принципа. Что дѣтямъ духовнаго званія сохраняются права на спеціальные способы вспомоществованія и призрѣнія, существующіе въ духовномъ вѣдомствѣ, это понятно: общественная благотворительность у насъ вообще имѣетъ характеръ сословный: существуютъ богадѣльни отдѣльно для лицъ «благороднаго» званія, отдѣльно для купечества и отдѣльныя для мѣщанства. Наконецъ, наличныя по каж-

дому вѣдомству способы вспомоществованія и призрѣнія можно разсматривать какъ учрежденія, принадлежащія спеціальнымъ профессіямъ.

Но сохраненіе за дѣтьми лицъ духовнаго званія какихъ либо преимуществъ предъ лицами другихъ состояній при опредѣленіи въ священно-служители и особыхъ правъ на образованіе въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ мы затрудняемся привесть въ соглашеніе съ тѣмъ принципомъ, который, очевидно, побудилъ къ настоящей реформѣ. Принципъ этотъ — отмѣна наслѣдственной сословности, уничтоженіе замкнутости, кастичности въ духовенствѣ; вотъ этому-то принципу едва ли соотвѣтствуютъ вполнѣ приведенныя ограниченія. Полезно и, для самого духовенства, и для всего общества, не только свободное выступленіе изъ среды духовенства приписанныхъ къ нему лицъ, но и свободное вступленіе въ него лицъ другихъ состояній, ничѣмъ нестѣсненный приливъ въ среду духовенства новыхъ, живыхъ силъ изъ общества. Не трудно угадать возраженіе на наше замѣчаніе, именно, что сыновья лицъ духовнаго званія, естественно, болѣе, чѣмъ лица иныхъ состояній подготовлены для этого званія; что для нихъ оно представляетъ естественную дорогу и т. п. Но вѣдь тоже самое можно было бы сказать въ защиту преимуществъ кантонистовъ въ военной службѣ; тоже самое можно сказать противъ самой мысли, которая вызвала всю реформу, о которой мы ведемъ рѣчь.

Что касается духовно-учебныхъ заведеній, то нельзя не замѣтить, что для нихъ реформа эта приготовляетъ существенное измѣненіе: уничтоженіе наслѣдственности духовнаго званія дѣлаетъ совершенно излишними низшія спеціально-духовныя училища. Даже допустивъ, что для дѣтей духовнаго званія существуютъ особыя училища, въ видѣ особаго вспомоществованія или милости, почему эти училища должны сохранять именно духовный характеръ? Если законъ недопускаетъ болѣе принципа, что сынъ священнослужителя непремѣнно долженъ самъ быть священнослужителемъ или причетникомъ, зачѣмъ же съ самаго дѣтства держать его на искусственно-спеціальномъ воспитаніи? Говоримъ «искусственно»-спеціальномъ, потому что дѣйствительно спеціальное образованіе не можетъ же начинаться съ дѣтства. Для того, чтобы сдѣлаться техникомъ, конечно, нужно не менѣе спеціальныхъ познаній, чѣмъ для того, чтобы сдѣлаться причетникомъ; а между тѣмъ въ техническихъ училищахъ давно уже отмѣнены низшіе классы. Спеціальныя низшія училища духовнаго вѣдомства, это — тѣже корпуса, только духовные. Съ отмѣною наслѣдственности духовнаго званія нѣтъ никакой нужды оставлять эти училища въ духовномъ вѣдомствѣ. Священнослужители тамъ все равно образоваться не могутъ, а для того, чтобы сдѣлаться причетникомъ, нѣтъ никакой нужды обучаться четыремъ правиламъ ариѳметики непремѣнно у монаха, или учиться географіи по учебнику, принятому въ духовномъ вѣдомствѣ

лѣтъ тридцать тому назадъ. Спеціальныя знанія причетниковъ — нисколько не научныя, а чисто-практическія и въ школѣ во всякомъ случаѣ окончательно усвоены быть не могутъ. По этимъ соображеніямъ казалось бы совершенно соотвѣтствующимъ основной мысли послѣдовавшей нынѣ по духовному вѣдомству реформы — низшія духовно-учебныя заведенія передать въ вѣдомство народнаго просвѣщенія, для котораго надо же ожидать когда-нибудь болѣе широкаго и энергическаго развитія.

Другое изъ положеній, обнародованныхъ въ теченіи послѣдняго мѣсяца (собственно 27 мая), направлено непосредственно къ улучшенію положенія приходскаго духовенства посредствомъ уравненія приходовъ и упраздненія тѣхъ изъ нихъ, которые включаютъ малое населеніе, а сверхъ того къ исключенію изъ состава духовенства всѣхъ лицъ, не участвующихъ непосредственно въ священныхъ обрядахъ, и къ возвышенію уровня образованія въ средѣ духовенства. Оба эти положенія, вмѣстѣ взятыя, должны оказать значительное вліяніе, и именно въ смыслѣ благопріятномъ, на составъ нашего духовенства.

Для уравненія приходовъ, предписывается губернскимъ присутствіямъ по дѣламъ духовенства составить списки всѣмъ приходамъ городскимъ и сельскимъ, сообразивъ, которые приходы могутъ быть удобно приписаны къ другимъ, а которые и совсѣмъ упразднены. Мѣра эта имѣетъ цѣлью ограниченіе числа приходовъ, а стало быть и числа штатнаго бѣлаго духовенства, и доставленіе тѣмъ членамъ его, которые будутъ занимать штатныя мѣста, болѣе обезпеченнаго содержанія.

Новое положеніе чрезвычайно важно еще въ томъ отношеніи, что оно ограничиваетъ число священнослужащихъ и церковныхъ служителей, состоящихъ въ приходѣ. Въ каждомъ приходѣ по штату полагается одинъ священникъ со званіемъ настоятеля и одинъ причетникъ, подъ именемъ псаломщика. Помощникъ къ настоятелю, въ санѣ священника, можетъ быть опредѣленъ только въ уваженіе многочисленности населенія прихода, а дьяконъ сверхъ псаломщика (дьяконъ можетъ состоять вмѣсто псаломщика) только тогда, когда прихожане отъ себя назначатъ такому дьякону достаточное содержаніе, сверхъ содержанія штатному причту. Псаломщиковъ можетъ быть и двое, но сверхъ штатнаго числа псаломщиковъ, остальные церковники могутъ быть только вольнонаемные и они къ духовному званію вовсе не будутъ принадлежать.

Важно постановленіе, чтобы на штатныя вакансіи псаломщиковъ были опредѣляемы только такія лица, которыя по познаніямъ и способностямъ могутъ быть возведены впослѣдствіи въ санъ священника, то-есть окончившіе полный курсъ богословскаго образованія. Это современемъ совершенно измѣнитъ характеръ причта.

Не будемъ входить въ подробности этого преобразованія, хотя многія изъ нихъ также очень важны (напр. опредѣленіе возраста для посвященія вдовыхъ). Но не можемъ не упомянуть о томъ пунктѣ, который очевидно имѣетъ цѣлью оградить священниковъ отъ произвола, при смѣщеніи ихъ съ должностей: смѣщеніе это подвергнуто ограниченіямъ, хотя, надо замѣтить — недостаточно точнымъ.

Но преобразованіями въ положеніи духовенства, какъ бы благодѣтельны они ни были для самого духовенства, далеко не исчерпывается еще задача реформы по духовной части. Церковь, въ составѣ своихъ непосредственныхъ слугъ, имѣетъ ежедневныя, тѣсныя мірскія отношенія къ свѣтскому обществу. Донынѣ духовенство остается среди нашей русской земщины какою-то опричиною, не только со своимъ начальствомъ въ духовномъ отношеніи, что естественно, но и со своимъ спеціальнымъ судомъ по проступкамъ, не имѣющимъ даже никакого отношенія къ духовному сану. Мы намѣрены возвратиться къ вопросу о подсудности духовенства или, лучше сказать, къ неподсудности его, какъ она высказалась нынѣ судебною практикою. Теперь же, для полноты очерка, ограничимся напоминаніемъ, что изолируя духовенство отъ общества въ судѣ, мы этимъ нисколько не достигаемъ цѣли, которая при томъ имѣется въ виду, то есть не оградимъ нравственнаго авторитета духовенства; напротивъ: свѣтское общество, по злобѣ человѣческой природы, всегда склонно будетъ думать, что въ средѣ духовенства происходятъ такія уклоненія отъ законнаго пути, которыя спеціально духовнымъ судомъ укрываются отъ общества. Таково всегдашнее послѣдствіе безгласности и сословной отчужденности.

Но даже и сравненіемъ правъ духовенства съ правами всего гражданскаго общества, отмѣною ограниченій или преимуществъ, обусловливающихъ отчужденіе духовенства, еще не исчерпывается вопросъ объ отношеніяхъ гражданскаго общества къ церкви. «Царство церкви не отъ міра сего» — вотъ тема, которую съ большою энергіею и талантомъ разработывалъ одинъ московскій органъ, къ сожалѣнію прекратившійся, органъ, котораго наименѣе можно было заподозрѣвать въ измѣнѣ православію. Органъ этотъ проповѣдовалъ полную свободу совѣсти. Намъ уже случалось касаться этого предмета и объяснять всю разницу между такъ-называемой вѣротерпимостью, то-есть дозволеніемъ иновѣрческаго богослуженія въ предѣлахъ имперіи, для иностранцевъ и инородцевъ, и свободою совѣсти. Прекратившаяся газета «Москва», которая считалась органомъ славянофиловъ, во всякомъ случаѣ оказала этому кружку ту существенную услугу, что заподозрѣвать его въ клерикализмѣ, долѣе нельзя. Какъ бы ни была искренна и горяча симпатія кружка этого къ православной цер-

кви, которая въ нашей исторіи дѣйствительно явилась важнымъ элементомъ государственнаго зодчества, никто теперь не въ правѣ утверждать, что славянофилы — если только «Москва» до послѣднихъ дней оставалась ихъ органомъ — портятъ искренность своего благочестія религіознымъ деспотизмомъ.

Органъ этотъ,—о прекращеніи котораго мы тѣмъ охотнѣе заявляемъ сожалѣніе, что не сходились съ нимъ во взглядѣ на бо̀льшую часть общественныхъ вопросовъ, преимущественно же вопросовъ экономическихъ—былъ первый, который смѣло защищалъ принципъ религіозной свободы у насъ. Заслуга эта при немъ останется, но надо надѣяться, что и самая дѣятельность его въ этомъ отношеніи не останется безъ послѣдователей.

Достаточно взглянуть на наше законодательство, чтобы убѣдиться, до какой степени принципъ религіозной свободы намъ еще чуждъ и новъ. Цѣлый рядъ законоположеній ограждаетъ силою полицейскою правовѣрность религіознаго убѣжденія. Приведемъ нѣсколько примѣровъ, въ полномъ убѣжденіи, что читатель удивится имъ, удивится, что такія законоположенія еще существуютъ въ настоящее время. Что общественное мнѣніе въ этомъ отношеніи ушло далеко впередъ, сравнительно съ законодательствомъ, въ этомъ убѣждаютъ насъ непосредственныя проявленія общественной совѣсти на судѣ—приговоры присяжныхъ.

Приведемъ, въ первый примѣръ, судебную практику относительно законовъ о святотатствѣ, практику достаточно убѣдительную, такъ какъ она обнаружилась въ правовѣрной Москвѣ:

«Первые три дня страстной недѣли въ московскомъ окружномъ судѣ съ участіемъ присяжныхъ докладывались дѣла исключительно о святотатствѣ. Приговоры присяжныхъ были большею частью совершенно оправдательные; въ остальныхъ они отвѣчали насколько возможно мягко. По этому поводу «Совр. Изв.» пишутъ: «На приговоры эти, по всей вѣроятности, не имѣли вліянія ни длинныя рѣчи защитниковъ, ни великіе дни, въ которые происходили засѣданія и на которые указывали присяжнымъ защитники, а руководилъ присяжными единственно здравый смыслъ, который, сопоставляя имъ кражу стаканчика изъ лампадки, стоющаго пятачокъ, и каторжную работу, приводилъ присяжныхъ къ отвѣту: *нѣтъ, не виновенъ*. Эти отвѣты указываютъ взглядъ нашего общества на преступленія подобнаго рода и на то, что законы о святотатствѣ слѣдовало бы подвергнуть пересмотру, тѣмъ болѣе, что тяжесть наказанія никогда не уменьшала числа преступленій. Въ этомъ, полагаемъ, спорить никто не будетъ».

Приводя это извѣстіе, «Судебный Вѣстникъ» прибавляетъ: «мы сами

думаемъ тоже, имѣвъ случай уже не разъ высказывать, какъ полезенъ голосъ жюри для оцѣнки закона».

Итакъ, голосъ «жюри», даже въ Москвѣ, указываетъ на необходимость пересмотра законовъ о святотатствѣ. Но мало ли есть законовъ, которые по существу своему подходятъ совершенно къ тому же разряду, одинаково нарушаютъ высокую мысль о непринадлежности духовнаго убѣжденія къ области грубой свѣтской силы, одинаково удивляютъ современнаго читателя, вообще несклоннаго къ религіозной пропагандѣ путемъ полиціи и юстиціи, и — если онъ живетъ въ столицѣ, далекой отъ проявленій возмутительно-грубыхъ насилій противъ личностей—совсѣмъ не подозрѣвающаго, что существуютъ въ кодексѣ законовъ дѣйствующихъ, неотмѣненныхъ, такія удивительныя постановленія.

Продолжаемъ приведеніе примѣровъ:

Т. XIV уст. о пред. и прес. прест. ст. 61 и 62. «Запрещается раскольникамъ разводить скиты, обители и тому подобное, и именовать себя старовѣрцами, скитскими общежителями, пустынножителями и тому подобными *несвойственными* названіями». Раскольникамъ воспрещается строить вновь что-либо похожее, на церкви, или передѣлывать, или возобновлять старыя подобныя зданія.

Ibid. ст. 70. «Кто откроетъ споры противные православію, на того безъ суда наложить молчаніе». *Ст. 71.* «Кто правовѣрныхъ тайно или явно совратитъ въ расколы, того предавать суду». *Ст. 49.* «Кто уклонится въ иную вѣру отъ православія, или жену свою православную принудитъ или попуститъ принять иную вѣру, или дѣтей своихъ будетъ крестить въ иную же вѣру, а наипаче, ежели принудитъ или попуститъ, оставивъ православіе, быть въ иной вѣрѣ, того отсылать къ суду».

Ibid. ст. 45. «Молоканы ни подъ какимъ предлогомъ не могутъ имѣть въ домахъ своихъ, на фабрикахъ и заведеніяхъ людей православнаго исповѣданія, ни въ услуженіи, ни въ работникахъ, и сами молоканы, на томъ же основаніи, не могутъ вступать въ услуженіе къ домы, или къ хозяевамъ православнаго исповѣданія». *Ст. 29.* «Во всѣ праздничные дни, въ которые присутственныя мѣста свободны отъ собраній, а училища отъ ученій, нигдѣ казенныхъ и другихъ публичныхъ работъ не производить, какъ вольными или казенными мастеровыми, такъ и арестантами, безъ особаго на то высочайшаго дозволенія, исключая».....

Ст. 34 — 37. «Запрещается: въ навечеріи Рождества Христова и въ продолженіи святокъ заводить, по нѣкоторымъ стариннымъ идолопоклонническимъ преданіямъ, игрища, и наряжаясь въ кумирскія одѣянія, производить по улицамъ пляски и пѣть соблазнительныя пѣсни».

Мы очень хорошо знаемъ, что нѣкоторыя изъ этихъ, устарѣвшихъ, постановленій не исполняются: это нашъ исконный либерализмъ въ Россіи—неисполненіе законныхъ постановленій. Мы знаемъ, что, напримѣръ, въ продолженіи святокъ даетъ «игрища» сама дирекція императорскихъ театровъ, и недоумѣваемъ, не отнесть ли слова Мельяка и Галеви къ «соблазнительнымъ пѣснямъ», а стереотипные маскарадные костюмы, предоставляемые дирекціею въ святочное время ея волонтерамъ, къ «кумирскимъ одѣяніямъ,» — но далеко не всѣ эти постановленія пришли въ забвеніе и самыя серьезныя изъ нихъ, то-есть самыя серьезныя по тягости опредѣленныхъ за нарушеніе ихъ наказаній, примѣняются и до сихъ поръ весьма неуклонно. Преданіе суду не только по обвиненію въ святотатствѣ, но, напримѣръ, за открытіе раскольничьей молельни—фактъ обыкновенный. Что присяжные въ большинствѣ такихъ случаевъ освобождаютъ виновныхъ отъ наказанія—это не значитъ, что законъ не дѣйствуетъ, а наоборотъ,— что дѣйствуетъ законъ, противъ примѣненія котораго протестуетъ просвѣщенная общественная совѣсть. Да, наконецъ, хотя бы присяжные и постоянно оправдывали такихъ виновныхъ, развѣ ничего не значитъ подвергаться всѣмъ тѣмъ мѣрамъ, которыя предшествуютъ суду? Мы нарочно привели выше постановленія не изъ уложенія о наказаніяхъ, а изъ устава о предупрежденіи и пресѣченіи преступленій, чтобы показать, какой рядъ административныхъ стѣсненій налагается еще свѣтскимъ законодательствомъ въ дѣлахъ религіознаго убѣжденія независимо отъ судебныхъ приговоровъ.

Если неподсудность духовенства общимъ судебнымъ учрежденіямъ признается фактомъ нормальнымъ, то что же сказать о подсудности міранъ суду духовному? А такая подсудность у насъ до сихъ поръ существуетъ. По всѣмъ преступленіямъ и проступкамъ, имѣющимъ отношеніе къ вѣрѣ, наше законодательство полагаетъ церковное покаяніе; оно допускаетъ и заключеніе міранъ въ монастыри. Наконецъ ссылка административнымъ путемъ за совращеніе или за распространеніе ереси — дѣло еще очень возможное.

Все это отодвигаетъ насъ отъ остальной Европы на цѣлое столѣтіе; нигдѣ въ Европѣ — за исключеніемъ Рима — не существуетъ ничего подобнаго.

Оказываетъ ли принужденіе въ дѣлахъ вѣры какую-либо помощь самой церкви — разумѣя церковь въ высшемъ духовномъ смыслѣ— вопросъ, рѣшенный давно. Исторія развитія нашихъ расколовъ представляетъ убѣдительныя въ этомъ отношеніи данныя. Замѣчательно, что наше законодательство и даже наше духовенство никогда не ставили принципа религіознаго насилія или деспотизма руководительнымъ и основнымъ принципомъ, какъ законодательство среднихъ вѣковъ

въ католической Европѣ и католическое духовенство. Напротивъ, и правительство и духовенство въ Россіи всегда хвалились вѣротерпимостью. Стало быть, то вмѣшательство свѣтской руки въ дѣла убѣжденія, которое проникло въ нашъ законъ и нашу жизнь, вовсе не было логическимъ послѣдствіемъ духа православія, а наоборотъ — было нелогическимъ уклоненіемъ отъ провозглашаемаго принципа религіозной терпимости, уклоненіемъ, въ какое впали законодатели подъ вліяніемъ случайныхъ событій, въ виду которыхъ имъ казалось необходимо отступить отъ общаго принципа. Фанатизмъ никогда не былъ и въ нравахъ русскаго народа, и только неразвитость массы мирила ее съ такою чисто-фанатическою, по своей сущности практикою, какъ заточеніе мірянъ въ монастыри или ссылки за религіозное разномысліе. Приводимые выше примѣры показываютъ, что общество смотритъ уже иначе. Остается желать, чтобы и самыя постановленія о святотатствѣ, и разныя наказанія за совращеніе и т. п. были подвергнуты коренному пересмотру, а тѣ изъ нихъ, которыя направлены единственно противъ свободы вѣроисповѣданія — совершенно отмѣнены, какъ безполезныя для охраненія чистоты вѣры и несообразныя съ трезвымъ взглядомъ современнаго общества на обязанности гражданъ въ государствѣ.

Реформы въ положеніи духовенства касаются среды, которая изолирована отъ общей жизни русскаго общества именно условіями своей профессіи, какъ они были установлены исторіею и признаны законодательствомъ. Теперь намъ предстоитъ поговорить о реформѣ въ томъ же смыслѣ, въ смыслѣ отмѣны обязательности, если не наслѣдственности сословія, на нѣкоторыхъ окраинахъ Россіи, изолированныхъ исторіею и законодательствомъ отъ общности русской гражданской жизни. Мы говоримъ объ обнародованныхъ, также въ прошломъ мѣсяцѣ, новыхъ узаконеніяхъ о казачьихъ войскахъ.

Казачьи войска—вполнѣ своеобразное и чисто-русское явленіе. Это не военныя поселенія, заимствованныя отъ римлянъ, а такъ сказать военные народы, принадлежащіе къ русскому государству, но притомъ сохраняющіе нѣкоторую самостоятельность внутренняго управленія, имѣющіе особые законы, даже гражданскіе, особое поземельное устройство, и въ духѣ своемъ много отличающіеся отъ великорусскаго народа, хотя произошли главнымъ образомъ изъ него, и притомъ въ главномъ своемъ ядрѣ—войскѣ донскомъ—представляютъ чисто-великорусскій типъ, съ чисто-русскими нравами, чистѣйшимъ великорусскимъ языкомъ, наконецъ — съ великорусскою общиною въ смыслѣ не только частномъ, но и государственномъ.

Австрія имѣетъ нѣчто подобное: «Военную границу». Граничары— сербы, бѣжавшіе отъ турецкаго ига и потомъ прикрѣпленные австрій-

скимъ правительствомъ къ границѣ, съ обязанностью военной службы. Но далѣе и нейдетъ сходство между австрійскою Военною границею и нашими казачьими войсками. Говоря о казачьихъ войскахъ, мы будемъ разумѣть собственно войско донское, которое возникло самостоятельно и представляетъ значительнѣйшую группу нашихъ граничаръ. Другія казачьи войска организованы наподобіе донского и притомъ созданы правительствомъ (за исключеніемъ, впрочемъ, черноморскаго войска, впослѣдствіи вошедшаго въ составъ войска кубанскаго).

Казачество на Дону, нѣкогда пользовавшееся полнымъ самоуправленіемъ, мало-по-малу обратилось въ нѣкотораго рода военное поселеніе, всѣ члены котораго были обязаны несть воинскую службу. Обязанность эта, первоначально возникшая съ цѣлью самозащищенія, обратилась просто въ поголовную повинность. Казакъ обязанъ служить безъ вознагражденія, служить на собственномъ конѣ и самъ содержать себя и свою лошадь. Содержаніе же отъ казны полагалось только на случай призыва казаковъ къ службѣ внѣ земли войска.

Но этотъ случай, для котораго постановлено было исключеніе, обратился въ правило. На всѣхъ границахъ русскаго государства кордонная служба была возложена на казаковъ. Мало того, и внутри имперіи, на нихъ возложена была отчасти тягостная полицейская, патрульная и посыльная служба.

Законодательство о войскѣ донскомъ въ первый разъ было опредѣлено положеніемъ 1835 года, плодомъ личныхъ наблюденій кн. Чернышева и усилій къ соглашенію мѣстныхъ преданій и обычаевъ съ государственною потребностью въ военной службѣ казаковъ. Этимъ положеніемъ освящалось прежнее устройство войска и особенности быта его членовъ, въ томъ смыслѣ, что во внутренней администраціи и судѣ войска сохранялось начало выборное, даже для военно-административныхъ должностей; что земли были признаны общимъ нераздѣльнымъ владѣніемъ войска, такъ что частной поземельной собственности, въ общемъ принципѣ, не допускалось, а допускалось только пожизненное пользованіе участкомъ земли, представлявшимъ надѣлъ по чину; наконецъ, что обособленность войска утверждалась запрещеніемъ выхода изъ него и не только пріобрѣтенія въ войскѣ недвижимости, но даже и постоянной осѣдлости лицъ, къ войску не принадлежащихъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, само собою разумѣется, населеніе войска оставалось свободнымъ отъ платежа податей и отъ рекрутской повинности, будучи обязано выставлять отъ себя требуемое число вооруженныхъ казаковъ и даже все поголовно вооружаться и идти на службу, въ случаѣ необходимости.

Однако, положеніе 1835 года, хотя и оговаривало принципъ принадлежности земель казачьихъ войскъ (положеніе 1835 года относи-

лось не къ одному донскому, а вообще къ казачьимъ войскамъ) самымъ этимъ войскамъ, съ недопущеніемъ частной недвижимой собственности, однако оно, въ видѣ исключенія, освящало уже установившееся въ донскомъ войскѣ частное землевладѣніе и даже крѣпостное состояніе. Авторъ весьма интересныхъ статей о преобразованіяхъ по казачьимъ войскамъ, помѣщенныхъ въ оффиціальной военной газетѣ (котораго свѣдѣніями мы пользуемся для разъясненія смысла преобразованія, нынѣ обнародованнаго) считаетъ съ 1775 года періодъ возникновенія въ донскомъ войскѣ дворянскаго, то-есть чиновнаго сословія. Офицеры войска, сравненные въ чинахъ и правахъ съ офицерами регулярной арміи, первымъ же чиномъ пріобрѣтали право потомственнаго дворянства, а стало быть и право владѣнія населенною крѣпостными людьми землею. Они стали скупать въ великорусскихъ губерніяхъ крѣпостныхъ и селили ихъ на земляхъ, отведенныхъ имъ въ войскѣ, но отведенныхъ не во владѣніе, а въ пользованіе. Мало-по-малу и земли эти захватывались въ полную собственность, захватывались даже въ огромныхъ размѣрахъ. Такимъ образомъ основались въ предѣлахъ войска донского классъ наслѣдственныхъ помѣщиковъ и классъ крѣпостныхъ крестьянъ. Положеніе 1835 года застало уже это совершившимся фактомъ, но ошибкою его, по нашему мнѣнію, было все-таки то, что оно освятило закономъ, хотя и въ видѣ исключенія, то, что было плодомъ самаго явнаго злоупотребленія, захвата и притомъ захвата въ большей части случаевъ не очень давняго. Практическій принципъ земской давности едвали нашелъ себѣ въ этомъ случаѣ справедливое примѣненіе. Принятый въ законодательствѣ для ограниченія извѣстнымъ срокомъ споровъ о поземельной собственности, онъ не подходилъ къ тому случаю, гдѣ фактъ злоупотребленія былъ очевиденъ, несомнѣненъ, такъ какъ вся земля въ войскѣ искони была общественною, безъ всякихъ исключеній.

Какъ бы то ни было, фактъ существованія въ войскѣ донскомъ класса помѣщичьихъ крестьянъ, неминуемо долженъ былъ привлечь и къ войску послѣдствія крестьянской реформы. Какъ скоро крестьянамъ, поселеннымъ на земляхъ войска донского, предоставленъ былъ выкупъ земель — они дѣлались сами личными, потомственными собственниками и принципъ государственной поземельной общины въ войскѣ нарушался еще болѣе.

Со времени изданія положенія 1835 года и до настоящаго времени, казачьи поселенія оставались въ неизмѣнныхъ условіяхъ быта и службы: казакъ обязанъ проводить на службѣ, вдалекѣ отъ родины и хозяйства, лучшіе годы своей жизни, всѣ чины казачьяго сословія были обязаны военною службою и притомъ не иначе, какъ въ своемъ же войскѣ; даже переходъ въ другія казачьи войска не допускался;

пріобрѣтеніе недвижимаго имущества въ войскѣ донскомъ для лицъ постороннихъ оставалось недоступнымъ, вслѣдствіе чего, во-первыхъ, устранялись посторонніе капиталы отъ разработки территоріи войска, а въ самомъ войскѣ цѣны на недвижимое имущество, при ограниченномъ числѣ конкуррентовъ, должны были зависѣть отъ нѣкотораго рода монополіи. Наконецъ, станицамъ не было отведено достаточнаго количества свободной земли, какъ для общественныхъ потребностей, такъ и для надѣла новыхъ чиновъ войска.

Во всемъ этомъ наиболѣе неестественнымъ и нераціональнымъ представлялось, конечно, закабаленіе населенія нѣсколькихъ обширныхъ мѣстностей въ долгосрочную военную службу и притомъ съ прикрѣпленіемъ ихъ наслѣдственно къ одному сословію. Сколько силъ должно было гибнуть, благодаря этому поголовному прикрѣпленію, силъ, которыя, развиваясь на свободѣ, могли бы принесть государству гораздо бóльшую пользу, чѣмъ когда неодолимыя условія отъ самаго рожденія выливали ихъ въ одну форму, насильственно гнули ихъ къ одной, безвыходной дѣятельности.

Правительство, въ 1860 году, побужденное предстоявшею крестьянскою реформою, озаботилось и пересмотромъ гражданскихъ постановленій, относящихся къ казачьимъ населеніямъ. Учреждены были комитеты въ каждомъ войскѣ, а въ Петербургѣ центральный комитетъ для подготовленія преобразованій. Главною цѣлью этого преобразованія было указано: сохраняя за устройствомъ казачьихъ войскъ характеръ военный, уравнить эти населенія въ правахъ, распространить на нихъ всѣ улучшенія, какія послѣдуютъ въ общемъ законодательствѣ, и имѣть въ виду преимущественно развитіе казачьихъ населеній въ гражданскомъ отношеніи.

Комитеты эти окончили свои работы къ 1865 году; относительно же кавказскихъ казачьихъ населеній только въ прошломъ году. Мы уже упоминали, что положеніе объ освобожденіи крѣпостныхъ было распространено на войско донское и имѣло непосредственнымъ юридическимъ результатомъ установленіе на территоріи войска новаго, многочисленнаго класса полныхъ земельныхъ собственниковъ.

Фактъ усвоенія поземельной собственности лицами, принадлежащими къ донскому войску, окончательно былъ установленъ положеніемъ, утвержденнымъ 29 января прошлаго года. Этимъ положеніемъ, владѣніе чиновъ войска землями узаконено на общемъ основаніи дѣйствующихъ въ имперіи постановленій, а въ вознагражденіе войска за такое окончательное отчужденіе земель изъ войсковой общины, владѣльцы такихъ земель обязаны были навсегда вносить въ войсковую казну плату по $1\frac{1}{2}$ копѣйки съ каждой находящейся въ ихъ владѣніи десятины земли, или же уплатить единовременно такую сумму,

проценты съ которой составляли бы ту же ежегодную плату. Это пособіе войсковой казнѣ, однако же, едва ли вознаградитъ войско со временемъ за неминуемое отчужденіе большей части его земель въ полную частную собственность. По свѣдѣніямъ, имѣющимся на лицо, за $1\frac{1}{2}$ милліона десятинъ отмежеванныхъ до 1865 года личнымъ владѣльцамъ, ежегодный доходъ составлялъ всего 22.500 рублей.

Предполагая, что войско останется еще на долгое время въ нынѣшнемъ устройствѣ, по которому каждый чинъ имѣетъ право на пользованіе участкомъ земли, легко предвидѣть въ недалекомъ времени затрудненіе въ довольствіи землею, и затрудненіе это окажется въ то время, когда войсковая казна будетъ получать все-таки не очень значительный доходъ, въ видѣ подесятинной платы съ владѣльцевъ, такъ что невозможно будетъ и подумать объ отнесеніи со временемъ на капиталъ, такимъ образомъ составившійся, денежнаго вознагражденія тѣмъ чинамъ, которымъ земли отведены не будутъ, соотвѣтственно цѣнности пользованія положенными для нихъ участками.

Но при этомъ важно, и въ экономическомъ отношеніи выгодно для войска донского, было допущеніе отчужденія въ постороннее владѣніе земель въ войскѣ. Одна эта мѣна могла привлечь къ разработкѣ земли въ войскѣ тѣ капиталы, которые до той поры были устранены отъ нея искусственнымъ образомъ, что имѣло неизбѣжнымъ послѣдствіемъ незначительность экономическихъ успѣховъ въ этомъ плодородномъ краѣ.

Теперь обнародовано для казачьихъ войскъ новое преобразованіе, которое произведетъ въ ихъ бытѣ еще бо́льшую перемѣну. Предшествовавшія преобразованія — кромѣ освобожденія крестьянъ — въ сущности только освящали факты, мало-по-малу установившіеся на дѣлѣ. Теперь, положеніемъ, обнародованнымъ 21 апрѣля, всѣ граждане казачьихъ войскъ, имѣющіе чины, освобождаются отъ обязательности службы. Вмѣстѣ съ тѣмъ, имъ предоставляется и свободный выходъ изъ своихъ войскъ въ другія казачьи войска и вообще исключеніе изъ своего сословія. Право перечисленія въ другія казачьи войска, поступленія на службу внѣ своихъ войскъ и совершеннаго выхода изъ войскового сословія, предоставляется также всѣмъ мужскаго пола лицамъ войскового сословія, несостоящимъ въ служиломъ разрядѣ.

Такимъ образомъ, уничтожается грань, отдѣлявшая казаковъ порожденію отъ остальныхъ частей государства, и исключавшая ихъ изъ общей гражданской жизни. Ограниченія, постановленныя новымъ положеніемъ для лицъ, состоящихъ въ служиломъ разрядѣ, имѣютъ цѣлью сохранить за казачьими войсками ихъ значеніе въ военномъ

смыслѣ. Но отнынѣ каждому казаку уже открывается возможность, въ извѣстный срокъ, выйти изъ своего сословія.

Лица, вышедшія изъ войскового сословія, если они не пользуются правами дворянства, должны приписаться къ какому-нибудь обществу, на общемъ законномъ основаніи. Наконецъ, условно допускается даже зачисленіе въ казачьи войска лицъ не войскового сословія. Это преобразованіе уничтожаетъ безусловную особность казачьихъ войскъ, отмѣняетъ ихъ отчужденность. Нельзя не привѣтствовать это преобразованіе, какъ успѣхъ принципа свободы личности, и значеніе реформы въ этомъ смыслѣ слишкомъ очевидно, чтобы о немъ распространяться. Въ исторіи казачьихъ населеній оно должно составить новую эру.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, новое положеніе содержитъ новыя постановленія о поземельномъ устройствѣ, направленныя собственно къ тому, чтобы довольствіе участками земли производилось чинамъ казачьихъ войскъ на законномъ основаніи, для чего земли, занимаемыя казачьими войсками, т. е. не состоящія въ личномъ владѣніи, распредѣляются, во-первыхъ, для отвода участковъ въ пользованіе чиновъ, за туже плату, какая взимается и съ земель, состоящихъ въ частномъ владѣніи, и во вторыхъ—для составленія «запасныхъ земель», которыя предназначаются на дополненіе станичныхъ надѣловъ и на разныя общественныя надобности.

Почти каждый мѣсяцъ намъ приходится говорить о какомъ-нибудь новомъ фактѣ по желѣзно-дорожному дѣлу. Такую новость за истекшій мѣсяцъ представило опубликованіе проекта концессіи на либавскую дорогу. Нѣтъ сомнѣнія, что введеніе гласности въ концессіонное дѣло вполнѣ раціонально и надо только сожалѣть, что система предварительнаго обнародованія проектовъ концессіи и самое предоставленіе концессій путемъ гласной конкурренціи на торгахъ не были приняты ранѣе. Слѣдуетъ надѣяться, что выдача концессій на желѣзныя дороги, которая до сихъ поръ еще считалась каждый разъ какимъ-то чрезвычайнымъ дѣломъ, требующимъ особыхъ на каждый случай соображеній даже по самымъ основнымъ условіямъ, вступитъ наконецъ въ свою колею, а на концессіонеровъ перестанутъ смотрѣть какъ на какихъ-то благодѣтелей отечества, которые всѣ свои отправленія совершаютъ внѣ обыкновенныхъ правилъ.

Концессію либавско-ковенской дороги можно разсматривать какъ норму для будущихъ концессій, такъ какъ въ нее вошли нѣкоторыя весьма существенныя оговорки въ пользу государства, которыя въ прежнихъ концессіяхъ частью вовсе опускались, частью являлись не непремѣнно и въ разномъ видѣ. Такъ въ концессіи либавской дороги встрѣчается параграфъ: «когда годичный валовой доходъ съ дороги

превзойдетъ 9000 р. съ версты, то, въ случаѣ требованія правительства, общество обязано уложить на свой счетъ вторую рельсовую колею и второй путь на мостахъ». Если бы подобное условіе включено было во всѣ предшествовавшія концессіи, то не пришлось бы выдавать субсидіи въ нѣсколько милліоновъ, въ видѣ займа, наиболѣе доходнымъ линіямъ, чтобы склонить ихъ къ проложенію второй колеи.

Весьма важно также помѣщенное въ новую концессію слѣдующее условіе: «когда чистый доходъ на акціи достигнетъ 15%, то правительство предоставляетъ себѣ право требовать отъ общества пониженія провозной платы, преимущественно на предметы народнаго продовольствія и сельскаго хозяйства». Условіе это слѣдовало бы только формулировать точнѣе, опредѣливъ размѣръ пониженія провозной платы сообразно возвышенію дохода, начиная съ извѣстной нормы.

Другимъ параграфомъ, maximum тарифной платы—утверждаемой министромъ путей сообщенія, обусловленъ тѣмъ maximum, который принятъ въ уставѣ главнаго общества. Въ концессію на либавскую линію включено также условіе, по которому правительству предоставлено право, по прошествіи двадцати лѣтъ со дня истеченія срока, назначеннаго на окончаніе работъ, выкупить либавскую линію во всякое время, за сумму опредѣленную на основаніи совокупности прибылей за семь предшествовавшихъ лѣтъ. Какъ это условіе, такъ и оговорка о правѣ пониженія провозной платы при доходѣ въ 15% легко могутъ получить примѣненіе, такъ какъ ковенско-либавская дорога (направленіе которой опредѣлено теперь на Шавли и къ станціи Жосли, на ковенско-виленской дорогѣ) соединяя съ портомъ на балтійскомъ морѣ наши югозападныя губерніи, обѣщаетъ сдѣлаться одною изъ доходнѣйшихъ нашихъ линій, конечно не тотчасъ, а современемъ, когда торговля направится этимъ путемъ, минуя порты восточной Пруссіи.

Наконецъ, съ особеннымъ удовольствіемъ нашли мы въ концессіи либавской дороги параграфъ, обусловливающій безплатную пересылку обществомъ почты, для чего общество обязано удѣлять въ каждомъ пассажирскомъ поѣздѣ отдѣленіе вагона, опредѣленной длины. Мы не разъ уже говорили о странномъ пропускѣ этого условія въ другихъ желѣзно-дорожныхъ концессіяхъ. Желѣзныя дороги имѣютъ назначеніе прежде всего общественное и взиманіе ими платы за пересылку почты, когда онѣ сами основываются съ помощью отъ государства, и именно на этомъ основаніи, освобождаются даже отъ гербовыхъ пошлинъ, — это такая странность, что допущеніе ея можно объяснить только новизною у насъ желѣзно-дорожнаго дѣла.

Другой фактъ, относящійся къ этому дѣлу — отчетъ главнаго общества о дѣятельности его за 1868 годъ. Изъ этого отчета видно,

что доходность линіи какъ варшавской, такъ и нижегородской, въ 1868 году возрасла въ значительномъ размѣрѣ: усиленіе движенія свидѣтельствуется возрастаніемъ валового дохода на 20%; чистый же доходъ при этомъ возросъ, сравнительно съ 1867 годомъ, на 46%, несмотря на нѣкоторое увеличеніе расходовъ. Извѣстно, что главное общество отличается расходами; въ 1867 году на варшавской дорогѣ изъ всего валового сбора на расходы шло болѣе 72%. Въ прошломъ году сдѣланъ успѣхъ; расходы составили только 64% изъ валового сбора, что все еще очень много. На линіи нижегородской расходы составляютъ всего 45% валового сбора, менѣе противъ 1867 г. на 8%. Въ общей сложности, валовой доходъ съ обѣихъ линій составилъ около 14¼ милл. р., а чистый доходъ—болѣе 6¼ милл. р.

Съ особеннымъ любопытствомъ искали мы въ отчетѣ свѣдѣній о доходности николаевской желѣзной дороги для главнаго общества. Но изъ свѣдѣній, заключающихся въ отчетѣ, нельзя сдѣлать положительнаго вывода въ этомъ отношеніи. За четыре мѣсяца, въ продолженіи которыхъ николаевская дорога находилась въ эксплуатаціи главнаго общества, собрано валового дохода почти 5½ милл. р., такъ что годовой сборъ далеко превзойдетъ 15 милліоновъ. Чистый доходъ, полученный къ 1 января составляетъ болѣе 3 милл. р., изъ которыхъ на обязательный платежъ правительству отдѣляютъ по 2 м. 400 т. р. Остается сумма 606¼ тысячъ р. излишка, который долженъ быть раздѣленъ между казною и акціонерами, но этого раздѣла пока опредѣлить нельзя, потому что не окончены еще разсчеты съ братьями Уайненсъ.

Этотъ пунктъ тоже принадлежитъ къ категоріи наиболѣе любопытныхъ и, относительно его, опубликованныя свѣдѣнія также не поучаютъ насъ ничему. Г. предсѣдатель совѣта управленія, въ рѣчи, сказанной имъ въ собраніи общества, въ половинѣ мая, выразился относительно этого пункта крайне-темно: «правительство, между прочимъ, обязалось содѣйствовать обществу къ расторженію сего контракта, и принять на себя уплату вознагражденія, могущаго причитаться гг. Уайненсъ; сумма, назначаемая нынѣ на этотъ предметъ отъ казны, можетъ оказаться недостаточною; а какъ расторженіе контракта въ интересѣ акціонеровъ необходимо, то совѣтъ полагаетъ дополнить ее на счетъ сбереженій, которыя должны послѣдовать въ ремонтномъ содержаніи подвижного состава за прекращеніемъ дѣйствія контракта до срока, съ тѣмъ однакожъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы дополнительная сумма, назначенная отъ общества гг. Уайненсъ, во всякомъ случаѣ покрылась съ избыткомъ таковыми сбереженіями.»

Предсѣдатель обѣщалъ сообщить въ свое время о результатѣ ве-

дущихся по этому предмету переговоровъ. Интересно бы знать, за какое именно время разсчитываются «сбереженія въ ремонтномъ содержаніи подвижного состава», отъ расторженія контракта съ гг. Уайненсами, на вознагражденіе ихъ? Мы можемъ представить себѣ два исхода. Во-первыхъ — гг. Уайненсъ вознаграждаются за расторженіе ихъ баснословнаго контракта суммою, назначенною отъ казны, и «сбереженіями» положимъ хоть за годъ. Во-вторыхъ—гг. Уайненсъ, вдобавокъ къ суммѣ, назначенной отъ казны, вознаграждаются еще такою суммою изъ «сбереженій», которая будетъ рублей, положимъ, на тысячу меньше «сбереженій» отъ расторженія контракта за все время до окончанія его срока, стало быть «съ избыткомъ» покроется такими сбереженіями. Между этими двумя крайними предѣлами, сумма вознагражденія, какая опредѣлится переговорами, можетъ достигнуть любого размѣра, и размѣръ этотъ, конечно, будетъ зависѣть и отъ того обстоятельства, какое количество акцій самого главнаго общества находится въ портфелѣ гг. Уайненсъ, въ числѣ бумагъ промышленныхъ предпріятій, въ которыя они, благодаря двукратному контракту съ казною, на совершенно экстраординарныхъ условіяхъ, могли помѣстить свои собственныя сбереженія.

Какъ бы то ни было, одною изъ выгодъ передачи николаевской дороги частному обществу во всякомъ случаѣ будетъ освобожденіе казны отъ контракта, который одинъ недавно умершій государственный человѣкъ, славившійся остроуміемъ, предлагалъ показывать именитымъ иностранцамъ, какъ одну изъ главныхъ нашихъ достопримѣчательностей.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

1-го іюля, 1869.

Событія во Франціи. — Выборы 24-го мая и 7-го іюня. — Народное движеніе. — Старая оппозиція и радикальная партія. — Письмо Персиньи и программа Наполеона. — Книга Тено: Les suspects en 1858. — Сѣверо-германскій и таможенный парламенты. — Регентство въ Испаніи. — Палата лордовъ и билль объ ирландской церкви.

Давно уже въ политической жизни цивилизованной Европы не чувствовалось такого сильнаго возбужденія, какъ въ теченіе послѣднихъ нѣсколькихъ недѣль. Возбужденіе это тѣмъ болѣе заслуживаетъ вниманія, что оно вызвано не таинственнымъ свиданіемъ двухъ или трехъ государственныхъ людей, и не какою-нибудь изъ подобныхъ вздорныхъ причинъ, которыя, къ несчастію, до сихъ поръ еще имѣютъ способность волновать общественное спокойствіе. Причина настоящаго возбужденія лежитъ несравненно глубже, она разумна, законна и имѣетъ больше основанія, чѣмъ всякая другая, держать западную Европу въ напряженномъ состояніи. Дѣло въ томъ, что на глазахъ цѣлаго міра происходитъ отчаянный поединокъ между двумя лагерями: защитниками личнаго правленія и партизанами управленія народомъ посредствомъ народа; обѣ партіи борятся съ одинаковымъ ожесточеніемъ, какъ тѣ, которые стремятся къ достиженію полной политической свободы, такъ и тѣ, которые жадно цѣпляются за отжившій на Западѣ порядокъ или лучше, безпорядокъ произвола. Если всюду подобная борьба должна приковывать къ себѣ вниманіе народовъ, то тѣмъ болѣе, когда она происходитъ въ такой странѣ какъ Франція, которая, чтобы ни утверждали близорукіе люди, имѣетъ неоспоримое свойство вліять на судьбы всѣхъ европейскихъ націй. Что Франція не утратила своего первенствующаго значенія, въ этомъ не трудно было убѣдиться въ эти послѣдніе дни, когда почти вся Европа съ лихорадочнымъ жаромъ слѣдила, ожидала и спрашивала, чѣмъ кончится избирательный періодъ, какой вердиктъ вынесетъ об-

щая подача голосовъ? Европа слѣдила пытливымъ взоромъ за французскими событіями, потому что она хорошо сознаетъ, что судьба французскаго народа быстро отзывается на судьбѣ остальныхъ европейскихъ народовъ, что не разъ уже переворотъ во Франціи бывалъ предтечею переворотовъ и въ другихъ странахъ, что реакція здѣсь означала и реакцію тамъ, что торжество свободы въ Парижѣ бывало ея торжествомъ въ другихъ столицахъ западной Европы.

Борьба окончена, нужно подвести къ ней итоги, опредѣлить возможные результаты, сказать, что могли дать выборы и что они дали. Въ нашемъ послѣднемъ обозрѣніи мы говорили уже о приготовленіяхъ къ битвѣ, о народныхъ собраніяхъ, объ избирательныхъ манифестахъ кандидатовъ, о первыхъ волненіяхъ возбужденныхъ массъ; теперь важно знать къ чему привела вся эта избирательная лихорадка? Если бы мы взяли одни простыя числа подавшихъ голоса за правительство и за оппозицію, то и въ нихъ уже мы нашли бы подтвержденіе того, что Франція 1869 года не то уже, чѣмъ была она въ предшествовавшіе выборы 1857 или 1863 годовъ. Успѣхъ оппозиціи, ея возросшая сила сказалась болѣе рѣзко, чѣмъ можно было ожидать. Въ 1863 году, количество избирателей простиралось до 7 милліоновъ 260 тысячъ, и изъ этого числа 5 милліоновъ 300 тысячъ принадлежало правительственнымъ кандидатамъ, и только милліонъ 950 тысячъ подали голоса свои въ пользу оппозиціонныхъ кандидатовъ. Выборы 24-го мая 1869 года представили иную пропорцію между голосами поданными за правительство и оппозицію. Правительственные кандидаты получили 4,053,056 голосовъ, а кандидаты оппозиціонные 3,248,855, изъ чего слѣдуетъ, что правительство собрало относительно ничтожное большинство въ 800 тысячъ, въ то время когда въ 1863 году за ними осталось большинство болѣе чѣмъ трехъ милліоновъ триста пятидесяти тысячъ голосовъ. Куда же, спрашивается, дѣвались эти два съ половиною милліона избирателей, которыхъ правительство лишилось съ 1863 года. Отвѣтъ очевиденъ — 2 съ половиною милліона перешли на сторону оппозиціи. Если мы руководствовались одними цифрами избирателей, то конечно, мы вправѣ были бы ожидать, что какъ возрасло количество голосовъ, ставшихъ на сторону оппозиціи, такъ точно должно было бы возрасти количество оппозиціонныхъ депутатовъ. Такъ должно было бы быть въ теоріи, но практика, которая такъ рѣдко бываетъ съ нею согласна, и тутъ значительно отъ нея отклонилась. Съ одной стороны сила администраціи, не отступавшей ни отъ какихъ злоупотребленій и нарушеній законности, чтобы доставить торжество своему кандидату, съ другой распаденіе на нѣсколько враждебныхъ другъ другу партій, которое произошло внутри оппозиціи, помогли тому, чтобы въ законодательномъ корпусѣ, вышедшемъ изъ только-что окончившихся выборовъ, двѣ трети депутатовъ, и даже нѣсколько

больше представляли собою правительственное большинство. Распаденіе оппозиціи на нѣсколько недружелюбныхъ лагерей указываетъ на грустный и вмѣстѣ отрадный фактъ. Грустный въ томъ отношеніи, что онъ свидѣтельствуетъ, что старыя распри не забыты, что старая вражда живетъ между различными слоями оппозиціи, что она не съумѣла слиться въ одно дружное цѣлое для борьбы съ имперіализмомъ; отрадный, потому что онъ говоритъ о силѣ оппозиціи, такъ какъ мы знаемъ, что до тѣхъ поръ, пока оппозиція слаба, пока она не чувствуетъ еще возможности побѣдить правительство, до тѣхъ поръ она единодушна и разладъ не находитъ себѣ мѣста среди ея. Сила вернулась къ ней, вдали предчувствуется торжество ея, и вотъ прежнее ревнивое чувство овладѣваетъ различными оппозиціонными партіями, точно каждая изъ нихъ опасается, чтобы побѣда не досталась другъ другу. Майскіе выборы доказали, что положеніе оппозиціонныхъ партій значительно измѣнилось во Франціи. Кто незнакомъ съ прежнимъ дѣленіемъ всей Франціи на легитимистовъ, орлеанистовъ, республиканцевъ, бонапартистовъ? Каждая изъ этихъ партій имѣла свои стремленія, свои надежды, своихъ передовыхъ людей, которые дѣйствовали въ литературѣ, политической печати, законодательномъ корпусѣ. Изъ всѣхъ этихъ партій до сихъ поръ, послѣ бонапартистовъ, самою сильною и имѣвшею въ близкомъ будущемъ больше шансовъ на торжество, считалась партія орлеанистовъ. Многіе уже видѣли въ ней снова восходящее солнце. Послѣдніе выборы опровергли это мнѣніе. Лицомъ къ лицу стали, собственно говоря, три партіи: династическая, парламентаристовъ и республиканцевъ, которымъ, смѣло можно сказать, принадлежитъ побѣда 24-го мая. Дѣйствительно, фактъ въ высшей степени замѣчательный, и тѣмъ болѣе заслуживающій вниманія, что къ нему мало были приготовлены, это торжество, доставшееся на долю крайней, радикальной партіи. Вездѣ, гдѣ лицомъ къ лицу стояли умѣренные либералы-парламентаристы и радикалы-республиканцы, вездѣ почти эти послѣдніе имѣли преимущество передъ первыми. Если кто-нибудь въ избирательной битвѣ 24-го мая потерпѣлъ сильное пораженіе, то безъ сомнѣнія, это партія орлеанистовъ, которую лучше называть парламентарною. Правительство право, если оно говоритъ, что отнынѣ ему нужно бороться не съ нѣсколькими врагами, а только съ однимъ— радикальною партіею. Другой вопросъ, выиграло ли отъ такого превращенія правительство или проиграло. Мы гораздо скорѣе склоняемся къ послѣднему. Торжество радикальной партіи, торжество, разумѣется, относительное, насколько оно возможно при системѣ оффиціальныхъ кандидатуръ, тѣмъ болѣе поразило всѣхъ, что не одинъ Парижъ подалъ свой голосъ за радикальныхъ кандидатовъ, но почти всѣ большіе города Франціи, т. е. всѣ просвѣщенные центры вотировали въ ихъ пользу. Въ Марсели, гдѣ конкуррентами являются Гамбета и Тьеръ,

первый получаетъ значительное большинство, второй ничтожное меньшинство; Ліонъ, гдѣ всегда торжествовалъ Жюль Фавръ, посылаетъ въ палату представителей Распайля и Банселя; въ Нантѣ республиканецъ Гепенъ разбиваетъ на̀-голову талантливаго защитника парламентаризма Прево-Парадоля, и во многихъ другихъ мѣстахъ, гдѣ республиканцы были побиты оффиціальными кандидатами, они все-таки одерживаютъ верхъ надъ умѣренными либералами - парламентаристами. Фактъ, что всѣ почти большіе города Франціи, какъ Марсель, Ліонъ. Нантъ, Бордо, Лилль, Тулуза, рѣшительно произнеслись въ пользу оппозиціи, и оппозиціи радикальной, представляется фактомъ первостепенной важности. Въ прежніе выборы кто посылалъ оппозиціонныхъ депутатовъ? Парижъ, Ліонъ, вотъ и все. Изрѣдка только въ другихъ городахъ проскакивалъ оппозиціонный депутатъ, теперь же радикально оппозиціонный духъ охватилъ собою всѣ крупные центры Франціи. Чтóже собственно означаетъ торжество оппозиціи въ большихъ городахъ Франціи? Ничто иное какъ то, что вся просвѣщенная Франція, всѣ пункты, гдѣ образованіе сдѣлало бòльшіе успѣхи, всѣ люди, которые сбросили съ себя оковы невѣжества — все это сдѣлалось врагами императорскаго правительства. Карта, изданная двატри года назадъ французскимъ министромъ народнаго просвѣщенія, показывавшая состояніе образованія въ различныхъ частяхъ Франціи, можетъ отлично служить руководителемъ во время выборовъ. Въ тѣхъ частяхъ, гдѣ образованіе показано на очень низкой степени, тамъ вездѣ торжествовали оффиціальные кандидаты; тамъ же, гдѣ карта указываетъ, что образованіе стоитъ болѣе высоко, тамъ большинство принадлежитъ оппозиціи. Приводя этотъ фактъ, одна англійская газета выражается очень удачно, говоря, что имперія есть нечто иное, какъ невѣжество. Пародируя слова Наполеона, сказавшаго «l'Empire c'est la paix, можно съ бóльшею правдою сказать: l'Empire c'est l'ignorance. Вотъ отчего, по мѣрѣ того, какъ съ каждымъ годомъ просвѣщеніе дѣлаетъ въ странѣ успѣхи, можно быть увѣреннымъ, что порядокъ, основанный на личной волѣ, будетъ терять въ своей силѣ и окончится наконецъ полнымъ разрушеніемъ. Если, несмотря на то, что большинство въ большихъ городахъ принадлежитъ рѣшительной оппозиціи, въ нѣкоторыхъ изъ нихъ оффиціальные депутаты все-таки являются побѣдителями, то это слѣдуетъ приписать ничему иному, какъ только злоупотребленіямъ администраціи, которая сплошь и рядомъ къ городскому избирательному округу прикидываетъ цѣлый сельскій округъ, такъ чтобы число оппозиціонныхъ городскихъ избирателей умѣрялось сельскими избирателями, вотирующими вслѣдствіе административнаго давленія за правительственнаго кандидата. Понятно, что городское населеніе, подающее свои голоса за оппозиціонныхъ кандидатовъ, должно быть оскорблено, когда вслѣдствіе административныхъ продѣлокъ депута-

томъ въ законодательномъ корпусѣ является все-таки оффиціальный кандидатъ. Досада этихъ городовъ вышла наружу во время майскихъ выборовъ и во многихъ изъ нихъ была причиною народныхъ волненій, противъ которыхъ правительство выдвигало военную силу.

Если радикальная «непримиримая» партія имѣла такой значительный успѣхъ въ провинціи, то очевидно, что въ Парижѣ она должна была рѣшительно торжествовать. Она и торжествовала, даже больше чѣмъ можно было ожидать. Чѣмъ ярче была кандидатура, тѣмъ больше она имѣла успѣха, тѣмъ, казалось, легче она одерживала верхъ надъ всѣми другими. Бансель, получающій десять тысячъ голосовъ больше нежели Олливье, Гамбетта, побѣждающій одинаковымъ количествомъ оппозиціоннаго же Карно, Распайль, почти одерживающій верхъ надъ престарѣлымъ Гарнье-Пажесъ, Рошфоръ, оспаривающій кандидатуру у Жюля Фавра — вотъ что поселило смущеніе не только въ правительственныхъ сферахъ, но также и въ лагерѣ партіи парламентаристовъ. Оппозиціонная пресса распалась на два лагеря, и на радикальныхъ кандидатовъ посыпались всевозможныя обвиненія. Они стояли подъ перекрестнымъ огнемъ старой оппозиціи съ одной стороны, правительственныхъ органовъ съ другой. Нападеніе на радикальную партію сдѣлалось особенно сильно послѣ выборовъ 24 мая, когда избраніе Рошфора угрожало Жюлю Фавру и когда Тьеръ, старый Тьеръ долженъ былъ подвергнуться балотировкѣ, благодаря радикальной кандидатурѣ графа д'Альтона Ше. Балотировка должна была быть произведена черезъ двѣ недѣли послѣ первыхъ выборовъ и потому въ эти-то двѣ недѣли, отъ 24-го мая до 6-го іюня, и проповѣдовался походъ противъ партіи «непримиримыхъ». Враждебное положеніе такихъ кандидатовъ, какъ Тьеръ, Жюль Фавръ и Гарнье-Пажесъ, представлявшихъ собою умѣренную оппозицію, и Рошфора, Распайля и д'Альтона Ше радикальную, само по себѣ уже чрезвычайно знаменательно, такъ какъ оно опредѣляетъ, какъ рѣзко измѣнилось положеніе вещей. Нельзя не сказать, что справедливы были тѣ, которые во что бы то ни стало желали удержать въ законодательномъ корпусѣ такого опытнаго государственнаго человѣка какъ Тьеръ, противъ котораго администрація боролась всѣми своими силами, и такого краснорѣчиваго оратора какъ Жюль Фавръ, всегда являвшагося врагомъ настоящаго правительства, но не менѣе справедливы были и тѣ, которые считали нужнымъ заявить правительству какъ можно болѣе рѣшительно, что Парижъ не чувствуетъ къ нему ничего иного кромѣ непримиримой вражды. Вмѣсто того, чтобы добиться соглашенія и не доставить правительству утѣшенія видѣть раздора въ средѣ самой оппозиціи, обѣ партіи съ ожесточеніемъ напали другъ на друга. Первый шагъ въ этомъ дѣлѣ сдѣлали тѣ, которыхъ отнынѣ нужно звать умѣренными либералами; старые орлеанисты испугались возможнаго торжества республиканцевъ.

Они взглянули на поставленный радикальною партіею вопросъ крайне узко, и не съумѣли разглядѣть въ кандидатурѣ хоть, напримѣръ, Рошфора ничего другого, какъ только «водевилиста» и «фельетониста», въ то время какъ она выражала собою полнѣйшее презрѣніе какъ къ личности Наполеона, такъ и къ тому порядку, который онъ установилъ, т. е. къ личному правленію. Въ этой собственно заклятой враждѣ и непримиримой ненависти къ послѣднимъ прерогативамъ произвола и заключается весь смыслъ выступившей радикальной партіи. Она громко объявила, что не пойдетъ ни на какія сдѣлки съ правительствомъ, что она не будетъ довольствоваться никакими уступками, что всѣ либеральныя мѣры, вся предоставленная свобода, которая, нужно сказать правду, для многихъ другихъ странъ казалась бы высшимъ, достижимымъ на землѣ, благомъ, что все это для Франціи недостаточно, что она будетъ добиваться всей той свободы, всѣхъ тѣхъ правъ, которыя Франція завоевала въ большую революцію. Если бы старая оппозиція, сдѣлавшаяся теперь умѣренною, была послѣдовательна, она должна была бы рука объ руку пойти съ радикальною партіею. Собственно говоря, требованія той и другой почти однѣ и тѣже, и та и другая хотятъ одного: окончанія личнаго правленія; разница между ними та, что умѣренная оппозиція все еще продолжаетъ надѣяться, что она достигнетъ своихъ желаній путемъ покорности, просьбъ, болѣе или менѣе мягкихъ упрековъ, и въ подтвержденіе своей политики ссылается на то, что уже достигнуто въ послѣдніе нѣсколько лѣтъ, между тѣмъ какъ радикальная оппозиція утверждаетъ, что до тѣхъ поръ пока въ Тюльери сидитъ человѣкъ, который сегодня захочетъ и завтра нація будетъ обречена на всѣ ужасы войны, отъ воли котораго зависитъ позволить одно и запретить другое, словомъ человѣкъ, который хотя и не можетъ дѣйствовать вполнѣ произвольно, но тѣмъ не менѣе обладаетъ слишкомъ обширною властью, до тѣхъ поръ, говоритъ она, ничего не сдѣлано и все остается сдѣлать. Время покажетъ, которая изъ этихъ двухъ оппозицій окажется права, который изъ двухъ путей вѣрнѣе долженъ привести къ цѣли, тотъ ли, который отправляется отъ доброй воли лица, или тотъ, который исходитъ изъ принципа верховной власти народа. Вѣрно только одно, что послѣдняя болѣе соотвѣтствуетъ достоинству и прошедшему Франціи. Парижское населеніе, вотировавшее 24-го мая, согласилось съ «непримиримою» оппозиціею, упрекавшею Карно, Гарнье-Пажеса, Фавра и Тьера въ томъ, что они слишкомъ снисходительны къ правительству, слишкомъ мягки въ своихъ рѣчахъ, слишкомъ любезны по отношенію къ министерскимъ скамьямъ, и, главное, согласилось въ томъ, что всѣхъ сдѣланныхъ уступокъ ему еще мало, что оно не хочетъ довольствоваться ни настоящимъ положеніемъ прессы, ни настоящимъ правомъ собраній, ни настоящимъ подчиненнымъ положеніемъ законодательнаго

корпуса, въ которомъ, собственно говоря, должна сосредоточиваться вся власть. Всѣ уступки правительства, всѣ новые законы о печати и о правѣ собранія, какъ ни либеральны они на самомъ дѣлѣ, оказались все-таки недостаточными для пробудившагося народа. Радикальная партія представила несравненно болѣе широкую программу; она прямо сказала народу: если вы помирились съ имперіею, съ династіею, съ личнымъ правленіемъ, то подавайте голоса противъ насъ; если же весь этотъ порядокъ вмѣстѣ съ тѣмъ, который установился, вамъ ненавистенъ, то дайте мнѣ ваши голоса! 24-го мая, Парижъ и всѣ большіе города отвѣтили на предложенный имъ вопросъ какъ нельзя болѣе утвердительно. Можно смѣло сказать, что рѣшеніе, вырванное страхомъ послѣ декабрьскаго переворота, въ первый разъ было кассировано всѣмъ просвѣщеннымъ населеніемъ Франціи. Удивленіе, перемѣшанное со страхомъ, встрѣтило вердиктъ 24-го мая не только въ правительственной сферѣ, но также въ средѣ умѣренныхъ либераловъ и всѣхъ тѣхъ, которымъ живо представилась картина новой революціи. Никто ни во Франціи, ни за-границей не ошибся относительно значенія новыхъ выборовъ, несмотря на то, что плотное большинство было обезпечено за правительствомъ уже съ 24 мая. Ни для кого не было тайною, что̀ значитъ большинство, данное правительству сельскимъ населеніемъ, и меньшинство, которое осталось за нимъ въ городахъ; не только потому правительство считалось совершенно основательно побитымъ, что всеобщая подача голосовъ извращена оффиціальными кандидатурами и тысячами другихъ злоупотребленій, пускаемыми въ ходъ, но также и потому, что все, что составляетъ, какъ выразился одинъ замѣчательный писатель, истинный геній Франціи, ея истинныя стремленія, ея истинную волю, ея, наконецъ, интеллектуальную жизнь, все это представляется большими городами какъ Парижъ, Ліонъ, Марсель, Нантъ, Бордо.

Въ 59-ти округахъ должна была быть произведена баллотировка, такъ какъ ни одинъ кандидатъ не собралъ въ нихъ законнаго большинства голосовъ. Правительство напрягло всѣ свои силы, чтобы обезпечить за собою бо̀льшую часть спорныхъ кандидатуръ, но усилія его не увѣнчались особеннымъ успѣхомъ; за нимъ осталось даже менѣе чѣмъ половина избирательныхъ округовъ, остальные же изъ этихъ 59 округовъ послали въ палату оппозиціонныхъ кандидатовъ. Не съ меньшимъ жаромъ чѣмъ правительство хлопотала также умѣренная оппозиція въ Парижѣ, чтобы доставить торжество такимъ кандидатамъ какъ Тьеръ, Жюль Фавръ, Гарнье - Пажесъ въ ущербъ кандидатурамъ Рошфора, д'Альтона Ше и Распайля, избраннаго уже въ Ліонѣ, и тѣмъ самымъ потерявшаго много шансовъ на вторичное избраніе въ Парижѣ. Крайняя партія одинаково не особенно стояла за кандидатуру д'Альтона Ше, такъ какъ она хорошо знала, что правительству избраніе Тьера

было болѣе ненавистно, чѣмъ даже избраніе Ше. Враждебное отношеніе правительства къ Тьеру доставило послѣднему болѣе полную побѣду, чѣмъ онъ даже могъ разсчитывать. Собственно говоря, въ одномъ только округѣ борьба была особенно интересная, въ округѣ, въ которомъ правительственный кандидатъ, получившій 24-го мая ничтожное меньшинство, отказался принять участіе въ баллотировкѣ, и гдѣ соперниками явились два оппозиціонныхъ кандидата: Жюль Фавръ и Рошфоръ. Нужно было быть слишкомъ слѣпымъ, чтобы отказывать первому въ достоинствахъ, и при томъ положеніи, въ которомъ находилась вся Франція еще два-три года назадъ, когда пробужденіе не было такъ полно какъ теперь, Жюль Фавръ представлялъ собою крайнюю оппозицію, идти дальше которой мало кто считалъ даже возможнымъ. Онъ никогда не упускалъ случая нападать на правительство, онъ никогда не подавалъ своего голоса въ пользу его и все, что ставитъ ему въ укоръ радикальная партія, заключается въ недостаточной силѣ его нападеній и только въ томъ ложномъ шагѣ, который онъ сдѣлалъ, отправившись, хотя того и требовали правила, послѣ своего избранія во французскую академію, представляться въ Тюльери. Но этой если не особенной мягкости, то во всякомъ случаѣ недостаточной жесткости въ его рѣчахъ, этого избранія въ академію и представленія въ Тюльери было слишкомъ довольно для радикальной партіи, чтобы отказать ему въ своихъ голосахъ. Ей нуженъ былъ человѣкъ, одно имя котораго означаетъ не только протестъ противъ императорскаго правительства, но презрѣніе и ненависть къ нему. Рошфоръ, который болѣе чѣмъ годъ уже бичуетъ въ своемъ еженедѣльномъ памфлетѣ «La Lanterne» Наполеона и все, что стоитъ къ нему близко, который приговоренъ судомъ къ тюремному заключенію за оскорбленіе главы французскаго правительства, былъ именно человѣкомъ, подходившимъ какъ нельзя болѣе радикальной партіи. Заслуга его состояла въ томъ, что онъ первый, какъ говорятъ его избиратели, посмѣлъ громко высказать то, что они впродолженіе 17-ти лѣтъ смѣли думать только про себя.

Хотя Рошфоръ и былъ побѣжденъ Жюль Фавромъ на вторичныхъ выборахъ 7-го іюня, точно также какъ и остальные кандидаты радикальной оппозиціи, т. е. Распайль и д'Альтонъ Ше, тѣмъ не менѣе старая оппозиція почувствовала урокъ, данный ей парижскимъ населеніемъ. Тьеръ, Жюль Фавръ, не избранные съ перваго разу; 15 тыс. голосовъ, данныхъ въ 7-мъ округѣ Рошфору противъ 18-ти тыс., полученныхъ Фавромъ—все это должно было показать имъ, что для того, чтобы удержать за собою прежнее положеніе, ихъ политическая линія должна сдѣлаться несравненно болѣе яркою. Депутаты прежней оппозиціи поняли это какъ нельзя лучше и тотъ страхъ, въ которомъ ихъ держали избиратели отъ 24-го мая до 6-го іюня, долженъ былъ заставить

не разъ ихъ подумать о коренномъ измѣненіи страны въ теченіи последнихъ годовъ, и о томъ, что прежнія требованія должны быть значительно расширены. Разсказываютъ, что Тьеръ, когда его избраніе сдѣлалось извѣстнымъ, воскликнулъ: клянусь быть честнымъ гражданиномъ! и еще прежде того выражалъ мнѣніе, которое тѣмъ болѣе заслуживаетъ вниманія, что оно идетъ отъ человѣка, бывшаго всю свою жизнь открытымъ монархистомъ. Онъ указывалъ на республиканскія учрежденія Америки какъ на единственныя, которыя должны восторжествовать и упрочиться во Франціи. Сознаніе Жюля Фавра, что наступила минута, когда нужно быть болѣе рѣшительными, еще яснѣе вытекаетъ изъ письма, которое онъ написалъ къ редактору поддерживавшаго его оппозиціоннаго журнала «Avenir National» тотчасъ послѣ окончанія борьбы. Принимая голосъ большинства, какъ силу, Жюль Фавръ, вмѣстѣ съ тѣмъ, принимаетъ «какъ спасительный урокъ», чувство меньшинства, противъ котораго онъ боролся: «оно налагаетъ на меня, говоритъ онъ, обязанность, которую я буду всѣми силами стараться выполнить, это быть, по мѣрѣ моихъ силъ, представителемъ тѣхъ стремленій, которыя воодушевляютъ меньшинство». «Всеобщая подача голосовъ, посредствомъ котораго народъ заявляетъ свою волю, вотъ, восклицаетъ онъ, отнынѣ весь источникъ законной власти, и имъ неиначе можно пользоваться какъ при помощи «всей» свободы.» Отнынѣ обѣщаетъ онъ съ большею твердостью, чѣмъ когда-нибудь, требовать полнаго возвращенія свободы. «Право, заключаетъ онъ, должно торжествовать посредствомъ разума, и даже при посредствѣ силы, если преступная сила захочетъ его нарушить». Очевидно, что это воззваніе къ силѣ, если спокойный разумъ не поможетъ возстановленію всего права народа, нарушеннаго «преступною силою» одного человѣка, навѣяно на Жюля Фавра голосомъ крупнаго меньшинства, ставшаго на сторону его противника Рошфора.

Расколъ, происшедшій въ средѣ оппозиціи, во всякомъ случаѣ не можетъ быть полезенъ правительству, какъ оно утѣшаетъ себя, потому, что весь его результатъ будетъ тотъ, что старая оппозиція, усиленная такими новыми членами ея какъ Бансель, Гамбетта, Распайль, Жюль Ферри, Эскиросъ и нѣкоторыми другими, сдѣлается только болѣе требовательною, болѣе смѣлою, болѣе наступательною въ своемъ движеніи на личное правленіе, чтобы не заслужить порицанія отъ своихъ избирателей. Тьеръ, Жюль Фавръ, Гарнье-Пажесъ и другіе очень хорошо понимаютъ, что если въ концѣ концовъ они все-таки были выбраны въ законодательный корпусъ и одержали побѣду надъ ихъ радикальными противниками, то вовсе не потому, чтобы избиратели ихъ были консервативны или довольны настоящимъ правительствомъ; нѣтъ, ...комъ случаѣ они вотировали бы за оффиціальныхъ кандида- ...—а потому, что избиратели, не увлеченные политическою страстью,

разсудили, что люди эти все-таки принесли извѣстную пользу, и что радикалы неправы, утверждая, что ничего не сдѣлано въ дѣлѣ возстановленія свободы. Избиратели правы, успѣхъ сдѣланъ, и даже громадный успѣхъ, и лучшимъ подтвержденіемъ этого служитъ самое существованіе радикальной партіи, ея органовъ, ея собраній, немыслимыхъ въ деспотической странѣ. Конечно, не депутатамъ оппозиціи принадлежитъ честь обновленія, воскресенія страны. Честь эта принадлежитъ самой странѣ, ея исторіи, ея прошедшему. Это обновленіе, пробужденіе лежало въ самой природѣ французскаго народа и оно не могло не обнаружиться. Франція, которая принесла столько жертвъ свободѣ, которая столько разъ проливала свою кровь ради торжества этого начала среди европейскихъ народовъ, безъ сомнѣнія не могла и не можетъ отказаться видѣть ее у себя торжествующею и всесильною. Она идетъ къ ней не тихими и мѣрными шагами, она приближается къ ней скачками, которые она дѣлаетъ каждые пятнадцать, восьмнадцать лѣтъ, и ошиблись бы тѣ, которые, заставъ ее въ минуту, казалось бы, глубокаго сна, заключили, что она никогда или по крайней мѣрѣ долго не пробудится. Пробужденіе происходитъ быстро, неожиданно и напрасны тогда всѣ усилія, чтобы ее снова усыпить. Чѣмъ большее сопротивленіе встрѣчаетъ она въ эти минуты, тѣмъ больше усилій и напора прилагаетъ она, чтобы освободиться отъ всего, что мѣшаетъ ей выпрямиться, тѣмъ сильнѣе становится взрывъ долго сдержанныхъ силъ народа.

Настоящіе выборы, выдвинувшіе на сцену радикальную партію, и пославшіе въ законодательный корпусъ до девяноста оппозиціонныхъ кандидатовъ, должны служить для правительства грознымъ предзнаменованіемъ, и ничто не могло бы быть ошибочнѣе, какъ утѣшать себя мыслію, что правительство, сильное войскомъ, всегда укротитъ возстаніе, какъ усмирило или вѣрнѣе разогнало оно тѣ безоружныя толпы народа, которыя подъ вліяніемъ избирательнаго возбужденія стали расхаживать по улицамъ Парижа съ пѣніемъ Марсельезы и съ невинными криками «vive Rochefort, vive la république, à bas l'empereur». Ничто не можетъ быть естественнѣе того волненія, которое обнаружилось какъ въ Парижѣ такъ и во многихъ другихъ городахъ Франціи послѣ того, какъ народъ узналъ результаты выборовъ. Всѣ, недовольные неудачею своего кандидата, сильно воспламеняются, выражаютъ свое недовольство другъ другу, и въ злобѣ, которая почти всегда выражается довольно шумно и бурно, доходятъ до публичныхъ манифестацій. Въ Англіи, которая давно забыла, что значитъ политическая революція, никогда еще избирательный періодъ не оканчивался безъ бурныхъ сценъ, шумныхъ сборищъ и даже маленькихъ кровопролитій, отъ которыхъ полиція, а тѣмъ болѣе войско всегда держитъ себя очень далеко. И однако, несмотря на полное невмѣша-

тельство властей; всѣ эти сборища, пошумѣвъ, даже подравшись, расходятся въ разныя стороны самимъ мирнымъ образомъ. Безъ всякаго сомнѣнія, что такъ точно случилось бы и во Франціи, сборища точно также бы разсѣялись, пѣніе народныхъ гимновъ и всякіе виваты замолкли, если бы правительство, которое не можетъ все еще отдѣлаться отъ деспотическихъ наклонностей, не поспѣшило напустить на эти толпы цѣлую армію полиціи и войска. На выборахъ правительство потерпѣло полное моральное пораженіе, оно испугалось, возмутилось и поскорѣй поспѣшило отомстить населенію ударами кистеней и холоднымъ оружіемъ войска. Ему хотѣлось напугать, поселить страхъ, но врядъ ли оно надолго достигло своей цѣли. Еще Монтескьё сказалъ, что такъ точно какъ республика держится добродѣтелью, монархія честью, такъ деспотія въ основаніи своемъ должна имѣть страхъ, безъ добродѣтели, которая ненужна, и безъ чести, которая была бы даже опасна. Но страхъ, служащій главнымъ основаніемъ деспотіи, можетъ сдерживать только ту націю, которая сама невѣжественна, политически неразвита и раболѣпна; тамъ же, гдѣ народъ отвѣдалъ уже свободы, гдѣ правительство, чтобы держаться, вынуждено дѣлать само либеральныя уступки, тамъ однимъ словомъ, гдѣ свобода вошла такъ въ нравы, въ обычаи, въ плоть и кровь народа какъ во Франціи, тамъ запугиваніе, страхъ обращается противъ тѣхъ, которые дѣлаютъ его своимъ орудіемъ, тамъ страхъ ожесточаетъ только людей и послѣ временнаго обманчиваго затишья они снова еще съ большею рѣшительностью принимаются за дѣло и идутъ далѣе отъ того пункта, на которомъ были остановлены. Вотъ отъ чего мы не приписываемъ другого значенія, какъ значенія опаснаго для императорскаго правительства симптома, послѣднимъ волненіямъ во Франціи, точно также и не видимъ для правительства никакой побѣды, никакой выгоды въ усмиреніи шумныхъ сборищъ, въ арестованіи болѣе нежели двухъ тысячъ человѣкъ, и въ изувѣченіи и смерти нѣсколькихъ гражданъ.

Укрощеніе народныхъ волненій ничего не можетъ измѣнить во взаимномъ положеніи французскаго правительства и французскаго народа; положеніе это сегодня тоже, что оно было вчера, или если и измѣнилось, то во всякомъ случаѣ въ ущербъ правительству, не отвѣчающему потребностямъ пробужденнаго общества. Мы безъ сомнѣнія не раздѣляемъ мнѣнія тѣхъ, которые утверждаютъ, что всѣ эти волненія, главнымъ образомъ въ Парижѣ, были вызваны самимъ правительствомъ. Нѣтъ, правительство, какъ бы оно ни было увѣрено въ своей силѣ, никогда не отважится возбуждать народъ противъ себя, потому что никогда никто не можетъ ручаться гдѣ остановится это возбужденіе. Народное движеніе тоже что буря на морѣ; кто можетъ поручиться, что она стихнетъ, прежде чѣмъ плавающій по морю корабль не будетъ поглощенъ его волнами. Все что можно сказать, это, что правительство придралось

къ невиннымъ собственно демонстраціямъ, чтобы выказать свою силу, и снова запугать призракомъ революціи тотъ классъ буржуазіи, который успѣлъ успокоиться послѣ 1848 года. Но при той свободѣ печати, которая существуетъ теперь, никого уже болѣе нельзя будетъ обмануть устрашительными фразами объ уничтоженіи собственности, семьи и всего остальнаго, чѣмъ какъ лѣшимъ стараются запугивать, лишь только въ странѣ начинается истинно либеральное движеніе. Маневры подобнаго рода во Франціи болѣе невозможны. Теперь уже вся оппозиціонная пресса обращается къ правительству съ запросомъ: къ чему была наброшена на безоружныя толпы эта масса полицейскихъ, цѣлые полки кавалеріи, инфантеріи, къ чему полиція и войско бросались на смирно стоявшія сборища, къ чему правительство въ продолженіи нѣсколькихъ вечеровъ неистовствовало самымъ безобразнымъ, самымъ возмутительнымъ образомъ? Обвиненія сыплются на правительство со всѣхъ сторонъ, и все, что оно выиграло отъ своей побѣды надъ «возмущеніемъ», какъ выражается оно само, это еще лишніе упреки въ наглости и безсовѣстности. Какъ бы отвѣчая всѣмъ обвиненіямъ, правительство въ оффиціальномъ журналѣ напечатало самый лживый отчетъ о парижскихъ событіяхъ, съ умысломъ преувеличивая тревожный ихъ характеръ, какъ для того, чтобы сколько-нибудь оправдать свое недостойное поведеніе, такъ и для того, чтобы, какъ мы сказали уже, поселить страхъ. Правительство увѣряетъ, что оно имѣло положительныя свѣденія о томъ, что 7-го іюня, въ послѣдній день выборовъ, приготовляется возмущеніе и именно въ одномъ округѣ, гдѣ баллотировались Жюль Фавръ и Рошфоръ, и затѣмъ разсказываетъ о длинномъ рядѣ безчинствъ со стороны народа, умалчивая разумѣется о бо́льшихъ несравненно безчинствахъ полиціи. Фактъ — тотъ, что вечеромъ 7-го іюня, въ тотъ часъ, когда всѣ ожидали результатовъ выборовъ, довольно значительная масса народа собралась на дворѣ редакціи журнала «Rappel», поддерживавшаго кандидатуру Рошфора. Неуспѣла эта толпа узнать объ исходѣ борьбы, не успѣли еще раздаться крики «vive Rochefort», какъ во дворъ ворвалась цѣлая стая полицейскихъ, которые начали разгонять народъ, сопровождая свое насиліе ударами кистеней. Это первое столкновеніе полиціи съ народнымъ сборищемъ повело за собою всѣ дальнѣйшія столкновенія. Каждый вечеръ, на самомъ оживленномъ мѣстѣ Парижа, на кишащихъ всегда, даже въ обыкновенное время, народомъ бульварахъ, происходило страшное смятеніе. Народъ, который, безъ сомнѣнія, безъ вмѣшательства полиціи и войска скоро успокоился бы отъ избирательныхъ волненій, естественно возбуждался, кровь молодежи начинала кипѣть, и кто знаетъ, еслибы правительство рѣшилось дойти до пушечной стрѣльбы или даже до Шаспо, чѣмъ бы разыгралось парижское возмущеніе. Разсказываютъ, что на вопросъ: можно ли стрѣлять? Наполеонъ рѣши-

тельно отвѣтилъ: «Je ne veux pas qu'on tire un seul coup de fusil». Эти слова доказываютъ только одно, что онъ понималъ опасность, которая могла бы для него произойти отъ перваго выстрѣла. Огромное количество народа было захвачено въ различныхъ пунктахъ Парижа, такъ какъ толпы съ криками «vive la République! à bas l'Empire, собирались почти по всему Парижу, особенно въ послѣдующіе вечера, т. е. 8, 9, 10-го и 11-го когда масса была уже значительно возбуждена дѣйствіями правительства. Всѣ тюрьмы наполнились арестованными, но протестъ общества, журналовъ былъ такъ силенъ, что правительство поторопилось значительную часть арестованныхъ выпустить черезъ два, три дня. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что случись что-нибудь подобное въ другой странѣ, гдѣ правительство болѣе сильно отсутствіемъ въ обществѣ сознанія своихъ правъ, или вѣрнѣе сказать несуществованіемъ ихъ, тамъ эта масса народа за эти же самые поступки долго и очень долго не увидѣла бы себя на свободѣ. Тѣ же самыя сцены, свидѣтелемъ которыхъ былъ Парижъ, повторились и въ другихъ городахъ Франціи, именно въ Бордо, Нантѣ и Сентъ-Этьенѣ, и вездѣ оффиціальная газета старалась приписать эти волненія проискамъ радикальной партіи. Тутъ тѣже аресты, тѣже массы полиціи и войска, тоже стремленіе поселить въ населеніи страхъ. Въ одномъ Сентъ-Этьенѣ столкновеніе вооруженной силы съ народомъ дошло до трагической развязки. Изъ толпы раздался выстрѣлъ, съ противной стороны послѣдовалъ отвѣтъ, и на мѣстѣ осталось нѣсколько убитыхъ и тяжело раненыхъ.

Очевидно, въ мысли правительства было представить, что Франція и особенно Парижъ покрыты тонкою сѣтью заговора, что окончаніе выборовъ было назначено срокомъ, когда революція должна была вспыхнуть. Множество журналистовъ, редакторовъ, членовъ избирательныхъ комитетовъ было арестовано на дому, но черезъ нѣсколько дней, подъ напоромъ общественнаго мнѣнія, печати, всѣ почти были освобождены. Какой же выводъ можно сдѣлать изъ всѣхъ происшедшихъ волненій, изъ новыхъ выборовъ, давшихъ такую плотную оппозицію въ законодательномъ корпусѣ? Одинъ выводъ бросается въ глаза—Франція вошла въ новый фазисъ политической жизни, она порвала тѣ сѣти, которыми опуталъ ее 1852 годъ. Другой выводъ, который одинаково ясенъ, — тотъ, что правительство, если оно не желаетъ довести Францію до новаго переворота, должно отказаться отъ всего, что походило въ немъ на деспотизмъ, должно возвратить Франціи пользованіе «всею свободою», какъ выразился Фавръ, и принесть въ жертву пробужденному народу «личное правленіе», надѣлавшее странѣ столько непоправимаго вреда. Все толкаетъ правительство на болѣе широкую дорогу полной свободы; не только послѣдніе выборы, но всѣ событія послѣднихъ годовъ должны были бы убѣдить правительство

во вредѣ личнаго правленія. «Хорошо доказано, разсуждаетъ «Times», что личное правленіе есть правленіе мотающее, что оно болѣе другихъ склонно къ политическимъ ошибкамъ, и что оно упорствуетъ въ нихъ тогда, когда вся нація ихъ хорошо понимаетъ». Если бы правительство Наполеона III нуждалось помимо всего, что оно видитъ, еще въ какихъ-нибудь указаніяхъ, что положеніе его не изъ лучшихъ, то оно не могло бы найти для себя болѣе опасныхъ симптомовъ, чѣмъ это радикальное измѣненіе въ мнѣніяхъ «Times'а». Давно ли кажется «Times» утверждалъ, что французы созданы для рабства, что Наполеонъ самый мудрый изъ монарховъ, что онъ первый наконецъ открылъ, какъ нужно управлять этимъ неуправимымъ народомъ, что французы не что иное какъ малолѣтніе, нуждающіеся въ строгомъ опекунѣ, даже рабы, которымъ необходимъ суровый господинъ и т. д. въ этомъ родѣ; и вдругъ самое радикальное превращеніе: Франція пробудилась, она требуетъ свободы, которая должна быть возвращена, французы созрѣли для другого правленія нежели личное и т. д. и т. д. Это измѣненіе «Times'а», олицетворяющаго общественное мнѣніе Англіи, скрываетъ въ себѣ самыя мрачныя и зловѣщія предзнаменованія для счастливой звѣзды Наполеона III.

Никогда правительство не могло бы сдѣлать такого ложнаго шага, какъ еслибы оно захотѣло теперь, подъ предлогомъ безпорядковъ «возмущенія», отказать въ удовлетвореніи, которое требуется націею. Оно имѣетъ предъ собою не ту больше палату, которая не умѣла дѣлать ничего другого, какъ безпрекословно вотировать всѣ правительственныя предложенія и своими криками: «clôture, à l'ordre», подавлять голоса оппозиціонныхъ кандидатовъ. Конечно (не будемъ торопиться дѣлать ложныхъ заключеній) и такая палата, какъ мало бы достоинства ни было въ ней, какъ мало дѣйствительнаго контроля ни имѣла бы она надъ правительствомъ, лучше чѣмъ никакая, потому что, какъ мы это видимъ и въ настоящемъ случаѣ, съ перемѣной обстоятельствъ, съ развитіемъ народа, и палата преобразуется, и контроль фиктивный дѣлается какъ нельзя болѣе дѣйствительнымъ.

Помимо того, что въ новой палатѣ оппозиція будетъ довольно значительной силой и подавить голосъ 90 человѣкъ будетъ несравненно труднѣе чѣмъ заглушить слабую оппозицію, состоящую изъ какихъ-нибудь двадцати депутатовъ, какъ было до сихъ поръ; но и самое большинство должно было подчиниться вліянію измѣнившихся идей, и перемѣна, въ этомъ нельзя сомнѣваться, отзовется на ея отношеніи къ поступкамъ и дѣйствіямъ правительства. На избирательныхъ манифестахъ депутатовъ большинства не трудно уже примѣтить печать общаго пробужденія страны. Конечно, обѣщать что-нибудь и держать обѣщаніе вовсе не одно и тоже, и мы каждый день видимъ тому подтвержденіе, но въ политической жизни бываютъ ми-

нуты, когда сила обстоятельствъ, напоръ извѣстныхъ идей и стремленій стушевываетъ волю отдѣльныхъ людей и заставляетъ ихъ волей-неволей подчиняться общему теченію. Мы полагаемъ, что такая минута наступила въ политической жизни Франціи. Открытіе законодательнаго корпуса, назначенное на 28-ое іюня и исключительно съ цѣлію повѣрки выборовъ, покажетъ, чего слѣдуетъ ожидать отъ новой палаты. Трудно думать, чтобы къ этому же времени окончательно не выяснилось, какой политики правительство намѣрено держаться въ будущемъ. Если бы пониманіе народныхъ нуждъ и стремленіе къ удовлетворенію ихъ входило сколько-нибудь въ разсчеты произвольной власти, тогда нѣтъ сомнѣнія, что императорское правительство выбрало бы путь наиболѣе выгодный для себя и вмѣстѣ наиболѣе выгодный для народа, путь либеральныхъ мѣръ, путь дальнѣйшихъ уступокъ, путь самыхъ широкихъ реформъ. Но бѣда въ томъ, что подобное правительство никогда почти не рѣшается на подобныя мѣры тогда, когда не ушло еще для нихъ время, большею частью оно предпочитаетъ выжидать, пока наконецъ силою не вырвутъ у него власти, а вмѣстѣ и всѣхъ требуемыхъ правъ. Казалось бы, что прошедшая жизнь Наполеона, то время, когда онъ былъ ссыльнымъ и заключеннымъ, должна была бы предохранить отъ повторенія общей ошибки, но это уже старая истина, что власть пьянитъ людей, и больше нежели вино заставляетъ ихъ позабывать требованія разума. Помимо этой бѣды, у людей въ положеніи Наполеона всегда есть другая бѣда, это толпа низкопоклонныхъ совѣтниковъ, окружающихъ его, толпа политическихъ выскочекъ, боящихся всякой либеральной перемѣны какъ огня, опасающихся потерять выгодное положеніе и потому запугивающихъ своего господина и толкающихъ его на путь реакціи, которая погубила уже такъ многихъ властителей. Подобную роль опасныхъ совѣтниковъ играютъ при Наполеонѣ различные генералы, всякіе Руэры, Форкады, Персиньи. Не одинъ уже голосъ раздался въ пользу реакціи, но самымъ громкимъ изъ нихъ былъ голосъ Персиньи, написавшаго къ своему другу побитому Эмилю Олливье письмо, въ которомъ, рядомъ съ самыми пагубными совѣтами правительству, сквозитъ, какъ нельзя болѣе, уязвленное самолюбіе отстраненнаго отъ трона совѣтника. Письмо знаменитаго герцога появилось въ болѣе нежели полу-оффиціальномъ органѣ, «Constitutionnel» въ видѣ письма къ неизвѣстному другу. По мнѣнію «одного изъ самыхъ старыхъ слугъ имперіи», какъ онъ называетъ себя самъ, все зло, весь «нравственный безпорядокъ», обнаружившійся въ послѣднее время, происходитъ не столько отъ либеральныхъ уступокъ, сдѣланныхъ императоромъ, не столько отъ новаго закона о печати, не столько отъ закона о правѣ собраній, сколько «отъ людей», приведшихъ всѣ эти мѣры къ исполненію. «Не законъ о печати, восклицаетъ герцогъ, им-

провизовалъ популярность г. Гамбетты, но непонятная слабость тѣхъ, которые, позволяя молодому адвокату бросать перчатку цѣлой имперіи на глазахъ суда, доставили ему у народа всю выгоду его смѣлости. Не законъ о собраніяхъ деморализировалъ, продолжаетъ онъ, часть избирателей, но поведеніе власти, которая, позволяя оскорблять въ публичныхъ собраніяхъ государя, религію, семейство и собственность, вмѣсто того, чтобы заставить строго уважать законъ, превратило орудіе свободы въ орудіе распущенности». Если бы кто-нибудь захотѣлъ перевести слова знаменитаго государственнаго человѣка второй имперіи на языкъ простыхъ смертныхъ, то вотъ чтó прочли бы мы по всей вѣроятности: настоящіе совѣтники, окружающіе тронъ, не обладаютъ достаточною мудростью, какою обладаю я, Персиньи, для приведенія въ исполненіе высшихъ предначертаній императора; поэтому прежде всего надо смѣнить этихъ людей и на ихъ мѣсто назначить меня. Такова всегда первая и главная мысль всѣхъ подобныхъ совѣтниковъ, въ какой бы формѣ они ее ни выражали. Затѣмъ, продолжалъ бы онъ, либеральныя мѣры дѣлаются вовсе не для того, чтобы получать примѣненіе въ жизни, ихъ главное и почти единственное назначеніе красоваться на бумагѣ и отвѣчать недовольнымъ: взгляните, чего вамъ еще больше! все у васъ есть, и свобода печати и свобода собраній и т. д. Вотъ собственно мысль, мысль старая и хорошо извѣстная, которую нашелъ нужнымъ высказать Персиньи для спасенія имперіи. Ему не нравится ни законъ о печати, ни законъ о правѣ собраній, и не имѣя смѣлости предложить ихъ уничтожить, онъ желаетъ, чтобы правительство прибѣгло къ старой, правда, но часто удающейся практикѣ: быть либеральнымъ на бумагѣ, а оставаться произвольнымъ на дѣлѣ. Что именно такова мысль Персиньи, въ этомъ не трудно убѣдиться, когда нѣсколько далѣе читаешь: «что бы ни говорили, нѣтъ страны, которою легче было бы управлять, какъ Франція». Вся бѣда заключается только въ томъ, что Франція болѣе не хочетъ, чтобы ею такъ управляли, и что она вспомнила, что лучше управлять самой своими дѣлами, чѣмъ быть управляемой Наполеономъ и такими совѣтниками, какъ Персиньи. Единственное мѣсто въ этомъ письмѣ, и истинѣ котораго нельзя не отдать справедливости,—то, гдѣ Персиньи опредѣляетъ свойства французскаго правительства. Если вы хотите знать, говоритъ онъ, секретъ всего того, что мы видѣли, т. е. всѣхъ происшедшихъ волненій и «нравственныхъ безпорядковъ», то вотъ онъ: «Правительство выказало себя слабымъ, нерѣшительнымъ, малодушнымъ и часть народа почувствовала къ нему презрѣніе». Безъ сомнѣнія, Наполеонъ, Руэръ и вся остальная правительственная клика не могла остаться довольна подобнымъ комплиментомъ, и потому, во что бы то ни стало, нужно было поспѣшить дать торжественное «démenti», письму Персиньи и сказать, что и государственные люди

и всѣ ихъ дѣйствія какъ нельзя болѣе безукоризненны. Трудъ дать опроверженіе письму отстраненнаго отъ дѣлъ герцога принялъ на себя самъ Наполеонъ, и въ нѣсколькихъ строчкахъ, написанныхъ къ одному изъ безсловесныхъ депутатовъ большинства, Мако́, онъ какъ бы опредѣлилъ свою будущую программу дѣйствій, отъ которой, весьма вѣроятно, впрочемъ онъ вынужденъ будетъ отказаться.

Послѣ нѣсколькихъ строкъ, въ которыхъ Наполеонъ по своему обыкновенію говоритъ о прочихъ гарантіяхъ свободы, утвержденной при помощи власти «сильной и бдительной», способной оттолкнуть всѣ натиски партій, онъ прибавляетъ, и это единственное важное мѣсто письма, слѣдующія слова: «Вы правы, говоря, что уступки въ области принциповъ и пожертвованіе людьми всегда недѣйствительны въ минуты народныхъ движеній, и что правительство, которое себя уважаетъ, не должно уступать ни давленію, ни увлеченію, ни возмущенію». Понятно, что такое письмо не могло удовлетворить общественное мнѣніе, надѣявшееся, что Наполеонъ съумѣетъ понять новое положеніе страны, а вслѣдствіе этого и перемѣну въ его личномъ положеніи. Наполеонъ очевидно не понялъ, что говорить о личномъ правленіи, «уважающемъ себя», не имѣетъ болѣе никакого смысла. Весь вопросъ именно заключается теперь въ томъ, чтобы онъ добровольно отказался отъ настоящаго порядка и помирился съ тѣмъ, который главную власть сосредоточиваетъ въ рукахъ народныхъ представителей. Разумность извѣстнаго правительства заключается вовсе не въ томъ, чтобы упорствовать въ извѣстныхъ принципахъ, а напротивъ, въ стараніи постоянно согласовать ихъ съ народными требованіями. Изъ его словъ можно сдѣлать только одно заключеніе, что онъ не видитъ надобности измѣнять своей политической линіи, и что какъ въ отношеніи принциповъ, такъ и въ отношеніи людей, онъ будетъ держаться стараго порядка, или говоря короче, status quo, вотъ его программа. Къ счастію Франціи, она вышла уже изъ младенчества, изъ періода политической незрѣлости. Едва ли можно сомнѣваться, что держась старой политики, политики невольныхъ уступокъ, политики нерѣшительной и малодушной, какъ выразился Персиньи, онъ найдетъ болѣе удобную минуту для добровольнаго возвращенія свободы, чѣмъ настоящее время. Чѣмъ болѣе онъ будетъ упорствовать въ принципѣ личнаго правленія, тѣмъ ожесточеннѣе будетъ оппозиція, тѣмъ больше будетъ она рости, пока наконецъ не охватитъ собою всей страны. Исторія еще не знаетъ примѣра, чтобы истинно народное движеніе, когда оно осмыслено и разумно, остановилось на полдорогѣ, задавленное однимъ человѣкомъ. Народное движеніе, выразившееся во Франціи съ особенною силою во время послѣднихъ выборовъ, безъ сомнѣнія, не утихнетъ и не уляжется, пока оно не одержитъ полной побѣды надъ сдерживающимъ его развитіе правительствомъ.

Нежеланіе уступить давленію извѣстной минуты не одному трону въ Европѣ стоило уже очень дорого; не разъ уже они платились цѣною своего существованія. Письмо Наполеона какъ бы указываетъ, что онъ еще разъ хочетъ повторить до сихъ поръ никогда еще не удававшуюся пробу. Какъ и многимъ другимъ, ему одинаково дорого можетъ обойтись его теорія великодушнаго правительства, уступающаго, когда ему вздумается, когда на него, такъ сказать, сойдетъ счастливое вдохновеніе, и отказывающаго въ удовлетвореніи требованій націи, когда оно не считаетъ это для себя выгоднымъ. Теорія эта, которая есть не что иное какъ теорія личнаго правленія, отжила уже свой вѣкъ, она не согласна болѣе съ требованіями времени. Провозглашеніе этой теоріи какъ разъ въ ту минуту, когда нація такъ единодушно возстала противъ нее, доказываетъ одно изъ двухъ: или крайнее раздраженіе, затемняющее разсудокъ, или самую непростительную политическую недальновидность. Единственное немыслимое положеніе для Франціи 1869 года, это сохраненіе status quo; Франція находится въ выжидательномъ положеніи и до тѣхъ поръ волненіе не успокоится, пока не опредѣлится будущая политика правительства. Выходъ изъ него есть двоякій, одинъ вполнѣ законный и разумный — это полное возвращеніе народу свободы, похищенной у него 2-го декабря; другой, на который толкають Наполеона его совѣтники въ видѣ Персиньи, Руэровъ и комп., это отобраніе назадъ тѣхъ либеральныхъ законовъ, которые вышли изъ реформъ 19 января 1867 года, уничтоженіе обширной свободы печати, существующей въ настоящее время, уничтоженіе права собранія и возвращеніе на ту дорогу, по которой слѣдовали послѣ декабрьскаго переворота, однимъ словомъ—путь реакціи. И тотъ и другой исходъ будетъ выгоднымъ для народа; слѣдуя одному — правительство избавитъ націю отъ всегда дорого стоющей революціи, а само унесетъ благодарность потомства; рѣшаясь же на другой выходъ, оно неминуемо споткнется и повалится отъ столкновенія съ страшною силою возставшаго народа, который тѣмъ или другимъ путемъ, но все-таки добьется возвращенія своихъ законныхъ правъ.

Еслибы правительство Наполеона III рѣшилось вступить на путь реакціи, то ему ничего другого бы не осталось сдѣлать, какъ воспользоваться послѣдними волненіями, сплесть длинную исторію о революціонной агитаціи; представить Францію покрытою «гнусною сѣтью заговорщиковъ», объявить «отечество въ опасности» и провозгласить для спасенія Франціи новый законъ объ общественной безопасности, однимъ словомъ, ему слѣдовало бы вспомнить то страшное время и страшныя мѣры, принятыя въ 1858 г., исторію которыхъ разсказалъ очень подробно авторъ «Paris en Décembre 1851» и «La Province en 1851», Тено, въ своей новой книгѣ «Les suspects en 1858». Богатая

подробностями, интересными болѣе для страны, гдѣ случились эти грустныя событія, она тѣмъ не менѣе имѣетъ и общій интересъ, какъ повѣствованіе о томъ, какъ дѣйствуетъ, какъ пользуется правительство, основанное на произволѣ, какимъ-нибудь частнымъ случаемъ, отдѣльнымъ, такъ сказать индивидуальнымъ событіемъ, чтобы распространить ужасъ по всей странѣ и опутать желѣзною сѣтью всѣхъ тѣхъ, кто по какимъ-нибудь причинамъ ему не особенно нравится. Тено краснорѣчиво показываетъ, съ какимъ искусствомъ подобное правительство пользуется преступнымъ замысломъ одного человѣка, чтобы вырвать всѣ человѣческія сѣмена, брошенныя въ народную почву; съ какимъ искусствомъ оплетаетъ оно всѣхъ тѣхъ, въ комъ закралась хоть одна свободная мысль, кто скроенъ, такъ сказать, не по указанному имъ патрону; съ какимъ умѣньемъ и мастерствомъ скручиваетъ оно всѣ тѣ отрасли общественной дѣятельности, въ которыхъ оно подозрѣваетъ враждебное отношеніе къ принципу, которымъ оно держится. Законъ объ общественной безопасности отдавалъ въ руки произвольной власти всѣхъ, кто ей только казался подозрительнымъ; подозрительными же считались всѣ, кто не считалъ себя самымъ счастливымъ изъ смертныхъ однимъ тѣмъ, кто имѣетъ счастье жить подъ сѣнію самаго грубаго деспотизма. «Всякій, кто былъ республиканцемъ и сохранялъ свою политическую вѣру, всякій, который защищалъ право въ 1851; каждый, который въ эту печальную годину заслужилъ кару побѣдителей; всѣ, кто сидя у домашняго очага, ожидали возвращенія свободы... Всѣ эти подозрительные люди должны были дрожать за свое имущество и свою свободу». Не безъинтересно также и то, на что̀ нападаетъ прежде всего власть въ тѣхъ случаяхъ, когда все и всѣхъ она желаетъ задушить безумною реакціею. Литература является одною изъ первыхъ очистительныхъ жертвъ, и Тено приводитъ рапортъ тогдашняго министра внутреннихъ дѣлъ Бильо, въ которомъ требуются самыя строгія мѣры противъ печати. «Нельзя допустить, говорится въ этомъ рапортѣ, чтобы извѣстные журналы были въ рукахъ немногихъ, но неутомимыхъ вожаковъ, постоянными орудіями демагогической работы, почти оффиціальными органами ихъ прямыхъ и косвенныхъ возбужденій...» и вслѣдъ за этимъ слѣдуетъ перечисленіе всѣхъ мало-мальски свободныхъ журналовъ, которые должны были быть принесены въ жертву «порядка». Потомъ, точно раздумье взяло въ справедливости этихъ мѣръ, какъ будто бы справедливость когда-нибудь принимается въ разсчетъ произволомъ, министръ спѣшитъ прибавить: «эти строгія мѣры вполнѣ законны. Правительство великой націи не должно позволять подкапывать себя шашнями пера, какъ не должно позволять нападать на себя дикой наглости заговоровъ». Вотъ собственно воспоминаніе о какихъ временахъ наполняетъ умы императорскихъ совѣтниковъ, когда они

наталкиваютъ Наполеона на путь реакціи. Книга Тено, рисующая эту эпоху, должна была бы собственно заставить ихъ подумать. Какую мораль можно вывесть изъ этой книги? одну только: всѣ эти жестокія мѣры, всѣ самыя дикія преслѣдованія ни къ чему не ведутъ, общество, послѣ извѣстнаго промежутка времени, приподнимается и сбрасываетъ съ себя не только всѣ эти мѣры, но и тѣхъ, которые налагаютъ ихъ. Помимо этого общаго заключенія, еще другая мысль должна придти въ голову Наполеона, еслибы мысль о реакціи сверкнула въ его умѣ, мысль, вызванная сравненіемъ Франціи въ 1858 и Франціи въ 1869. Тогда Франція лежала еще, погруженная въ глубокій сонъ, теперь она пробудилась и рядомъ съ требованіемъ полной свободы требуетъ еще и отчета за прошедшее. Вызывать это прошедшее, напоминать о немъ снова націи, равнялось бы въ настоящую минуту ничему иному, какъ самоубійству имперіи. Не будемъ же терять пока надежды, что Наполеонъ пойметъ свое новое положеніе, изберетъ разумный выходъ и избавитъ такимъ образомъ Францію отъ новой революціи.

Французскія дѣла до такой степени поглотили собою вниманіе всей Европы, что многія довольно крупныя событія прошли едва только замѣченными. Въ Германіи успѣлъ собраться и разойтись таможенный союзъ, засѣданія котораго представляютъ собою тотъ интересъ, что, въ противность обычаю, они не послужили на этотъ разъ поводомъ никакимъ шумнымъ заявленіямъ о братствѣ, единствѣ, свободѣ всѣхъ нѣмцевъ, которыхъ Пруссія старательно заботится подчинить своей сильной военной власти. Можно смѣло предполагать, что не нѣмецкая, но прусская политика Бисмарка, какъ отнынѣ онъ величаетъ ее самъ, не будетъ уже столь счастлива въ своемъ такъ-называемомъ «національномъ стремленіи», какъ она была до тѣхъ поръ, пока чадъ военной славы 1866 года не успѣлъ еще разсѣяться. Сѣверо-германскій парламентъ далъ уже почувствовать могущественному прусскому министру, что пора безпрекословнаго исполненія его, не только требованій, но малѣйшихъ желаній миновалась, и нѣтъ никакого сомнѣнія, что графъ Бисмаркъ понялъ, какой урокъ скрывается для него въ отказѣ парламента дать согласіе на предложенные на его утвержденіе новые налоги. Кто знаетъ, не сказывается ли въ этомъ чуть ли не первомъ пораженіи Бисмарка въ сѣверо-германскомъ парламентѣ, новый зародышъ той борьбы, той упорной оппозиціи, которую онъ постоянно встрѣчалъ до 1866 года въ прусскомъ парламентѣ, павшемъ ницъ послѣ Садовой передъ гордымъ политикомъ-побѣдителемъ. Нужно было бы въ самомъ дѣлѣ отчаяваться въ судьбахъ человѣчества, если бы мы не видѣли, что здравый смыслъ народовъ въ концѣ концовъ все-таки беретъ верхъ надъ всѣмъ, что есть неразумнаго, фальшиваго и уродливаго въ устройствѣ современныхъ государствъ.

Какъ ни просто кажется понятіе, что нація должна жить для себя самой, что передъ интересомъ націи должно преклоняться все, но до этого понятія націи доходятъ только путемъ тяжелыхъ кризисовъ и многихъ жертвъ. Къ этому понятію народъ приближается не прямою дорогою, а самыми извилистыми тропиниками, и какъ бы нарочно, кажется, онъ продолжаетъ искать и не видитъ рѣшенія важнаго для него вопроса, когда рѣшеніе это уже готово и давно лежитъ передъ нимъ.

Какъ иначе можно объяснить, что Испанія не пришла еще къ тому окончательному устройству, котораго она добивается изъ всѣхъ силъ; какъ объяснить, что кортесы, окончательно вотировавшіе новую конституцію, все еще продолжаютъ метаться, чтобы найти себѣ какого-нибудь короля? Очевидно, сама судьба покровительствуетъ Испаніи и принуждаетъ этотъ народъ, которому никогда не счастливилось съ его королями, установить у себя, послѣ восьмимѣсячной республики, регентство съ маршаломъ Серрано во главѣ, которое представляетъ собою не что иное, какъ продолженіе того же временнаго республиканскаго правленія, такъ какъ маршалу Серрано не предоставлено больше власти, чѣмъ любому президенту республики. Для счастья Испаніи можно надѣяться, что она такъ привыкнетъ къ своему «временному правленію», что не захочетъ подъ конецъ никакого другого.

Одна Англія продолжаетъ развиваться нормально, одна она идетъ по прямой дорогѣ, къ новой начертанной ею цѣли: къ демократическому устройству. Въ эти послѣдніе нѣсколько лѣтъ она особенно быстро шагаетъ, и не проходитъ года, чтобы исторія ея не была отмѣчена какою-нибудь новою и важною для народнаго развитія реформою. Не прошло и нѣсколькихъ мѣсяцевъ послѣ того, что парламентская реформа вотирована была какъ въ нижней, такъ и верхней палатахъ, какъ внесенъ былъ билль первостепенной важности объ уничтоженіи государственной церкви въ Ирландіи. Послѣ того, какъ онъ вотированъ былъ въ нижней палатѣ громаднымъ большинствомъ 361 противъ 247 голосовъ, билль этотъ былъ перенесенъ въ палату лордовъ, гдѣ значительная консервативная партія открыто угрожала ему самымъ непреклоннымъ сопротивленіемъ. И что́ же вышло, что́ выиграло это хранилище консерватизма отъ одного только заявленія о сопротивленіи биллю? Общественное мнѣніе, печать, и даже одинъ изъ членовъ министерства, котораго портфель не сдѣлалъ менѣе либеральнымъ, именно Брайтъ, поставили вопросъ: имѣетъ ли палата лордовъ право противиться волѣ народной? въ этомъ вопросѣ собственно заключался другой вопросъ: имѣетъ ли палата лордовъ право на существованіе, какъ скоро она перестаетъ понимать духъ времени и требованія націи? Палата лордовъ поняла предостереженіе, и билль

прошелъ во второмъ чтеніи большинствомъ 179 противъ 146 голосовъ. Теперь уже нельзя болѣе сомнѣваться, что еще какой-нибудь мѣсяцъ и Англія будетъ окончательно избавлена отъ страшнаго зла и не менѣе страшной несправедливости. Такое спокойное шествіе впередъ по пути внутренняго политическаго развитія, безспорно, можетъ принадлежать только однимъ свободнымъ народамъ.

КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ ИЗЪ БЕРЛИНА.

НОВЫЙ РЕМЕСЛЕННЫЙ УСТАВЪ И ЕВРЕЙСКІЙ ВОПРОСЪ ВЪ ПРУССІИ.

1-го іюня.

Медовый мѣсяцъ парламентаризма пережитъ Германіею. Я очень хорошо помню первый взрывъ обильнаго краснорѣчія въ прусскомъ «національномъ собраніи», когда всѣмъ было такъ пріятно произносить длинныя и напыщенныя рѣчи, когда паѳосъ преобладалъ надъ всѣми другими сторонами парламентской реторики. Правда, вскорѣ наступили времена реакціи, — однако они нисколько не помѣшали Шталю пускаться въ тонкую софистику ретроградства и дали широкое поле талантливой ироніи Герлаха. Впослѣдствіи, въ годъ столкновенія палаты депутатовъ съ министерствомъ, страсти снова поднялись весьма высоко, раздались громоносныя рѣчи и приняты были разрушительныя резолюціи. Но за громомъ не послѣдовала молнія, а резолюціи ничего не разрушили, и если они кому-нибудь принесли вредъ, то никакъ не тому, противъ кого были направлены, — никакъ не графу Бисмарку. Въ настоящее время, пренія въ сѣверо-германскомъ парламентѣ стали совсѣмъ сухими, и почтенное собраніе, какъ бы на зло политическому дилеттантизму, проводитъ цѣлые дни съ такими мечтами, какъ законъ о сибирской язвѣ, и занимается всѣмъ, что попало, даже разнощиками, вожаками медвѣдей и шарманщиками. Обыкновенная публика, выросшая отчасти подъ вліяніемъ парламентскихъ впечатлѣній 1848 года, радуется и наслаждается всякимъ ораторскимъ краснорѣчіемъ, мало заботясь о практичности его, и каждая рѣчь пользуется среди нея тѣмъ большею популярностью, чѣмъ болѣе высокихъ областей политическаго мышленія она касается. Такъ всегда бываетъ во времена незрѣлости новыхъ учрежденій. Но когда,

послѣ великаго кризиса, настаетъ наконецъ такое положеніе вещей, при которомъ парламентскія учрежденія начинаютъ служить не мнимымъ только, но дѣйствительнымъ выраженіемъ національной воли, тогда парламентъ приступаетъ къ дѣламъ законодательнымъ съ иными требованіями и входитъ во всѣ мелкія подробности своихъ высокихъ обязанностей, стараясь примѣнить общія начала къ дѣйствительнымъ практическимъ мѣрамъ.

Послѣдняя сессія сѣверо-германскаго парламента можетъ быть, по справедливости, причислена къ разряду самыхъ плодотворныхъ, хотя она бóльшую часть своего времени посвятила на обсужденіе такой прозаической вещи, какъ ремесленный уставъ (Gewerbe-Ordnung), второе чтеніе (рѣшающее, по парламентскимъ обычаямъ, судьбу всякаго законодательнаго предложенія) котораго заняло почти полныхъ двадцать одно засѣданіе, съ 8-го апрѣля по 4-е мая. Правда, что эти труды не пропали даромъ и дали въ высшей степени важный законъ, заключающій въ себѣ, за немногими исключеніями, не только всѣ отрасли ремесла въ тѣсномъ смыслѣ, но и всю производительную дѣятельность вообще; большую важность представляетъ этотъ законъ въ томъ отношеніи, что въ немъ признанъ и въ большей мѣрѣ осуществленъ принципъ личной свободы.

Ремесленный уставъ подвергался и прежде, въ 1868 году, обсужденію парламента, и я сообщалъ [1]) тогда главныя черты проекта закона, при чемъ говорилъ о нѣмецкомъ законодательствѣ вообще, насколько оно касается этого вопроса. Въ той сессіи воззрѣнія разныхъ партій оказались слишкомъ неопредѣленными, и противныя стороны слишкомъ далеко расходились въ своихъ требованіяхъ, такъ что всѣ поняли невозможность провесть полный, всеобъемлющій законъ по ремесленнымъ дѣламъ, и либеральный депутатъ Ласкеръ напалъ, поэтому, на весьма счастливую мысль спасти нѣкоторые важнѣйшіе пункты проекта, пожертвовавъ всѣми остальными. Такимъ образомъ проведенъ такъ-называемый временной ремесленный законъ (Noth-Gewerbegesetz). Однако, вскорѣ оказалось, что онъ не оправдываетъ возложенныхъ на него ожиданій, ибо въ тѣхъ именно нѣмецкихъ государствахъ, гдѣ до сихъ поръ ремесленная свобода была почти пустымъ словомъ, мѣстныя правительства перетолковали общія положенія закона въ томъ смыслѣ, въ какомъ нашли удобнымъ для оправданія всякихъ существовавшихъ тамъ стѣсненій. Послѣ этого маневра противниковъ промышленной свободы оставалось только приняться за составленіе новаго ремесленнаго устава. И вотъ, вскорѣ послѣ открытія засѣданій рейхстага, союзное правительство вновь предложило парламенту серьезно обсудить всѣ стороны ремесленнаго

[1]) См. Вѣстникъ Евр., іюнь 1868, стр. 880 и слѣд.

вопроса, и представило пересмотрѣнный и нѣсколько исправленный проектъ устава. Собраніе рѣшилось обсудить весь законъ, въ полномъ его составѣ, и только третья глава закона, касающаяся разнощиковъ и представляющая величайшія юридическія затрудненія, передана сначала на обсужденіе особой коммиссіи.

Прежній уставъ доводилъ ограниченіе ремесленной свободы до послѣдней степени, подъ предлогомъ наилучшаго процвѣтанія ремеслъ и высшаго блага ремесленниковъ. Нынѣшнее правительство, подъ тѣмъ же предлогомъ, предложило устранить всякую ремесленную полицію, и оставить только тѣ ограниченія, которыя требуются высшими интересами общественной безопасности, общественнаго здравія, и вообще всѣмъ, что несомнѣнно нуждается въ государственномъ охраненіи, и въ сравненіи съ чѣмъ воля отдѣльныхъ лицъ должна подлежать опредѣленнымъ стѣсненіямъ. Кромѣ того, извѣстный политико-экономъ Михаэлисъ объявилъ, въ качествѣ представителя союзнаго совѣта, что совѣтъ этотъ считаетъ настоящій уставъ не закономъ, который не долженъ подлежать дальнѣйшимъ перемѣнамъ, но основою, на которой должно развиваться все дальнѣйшее нѣмецкое законодательство по этому предмету.

Какъ ни пріятно звучатъ эти обѣщанія, однако правительственное признаніе принципа свободы оказалось не совсѣмъ искреннимъ, и парламентъ употребилъ бо́льшую часть своихъ долгихъ преній на опредѣленіе той «пограничной линіи», которою отдѣляется правительственная опека отъ промышленной свободы. Мнѣнія по этому вопросу были весьма раздѣлены, и отдѣльныя партіи вели между собою ожесточенную, иногда очень интересную борьбу изъ-за разныхъ пунктовъ пограничной линіи. Либеральная партія принимала въ ней самое живое участіе и, сливаясь постоянно въ одну плотную фалангу, одержала весьма важныя побѣды, благодаря которымъ ремесленный уставъ представляетъ значительный шагъ впередъ на пути свободы и прогресса.

Правительственный проектъ устава распадался (и это дѣленіе осталось безъ перемѣны) на десять главъ (составившихъ, всѣ вмѣстѣ, 172 параграфа). Первая глава озаглавлена: «общія положенія» и служитъ, разумѣется, основою закона; во второй дѣло идетъ объ осѣдлыхъ ремеслахъ и промыслахъ; въ третьей, о разносной продажѣ; въ четвертой, о рынкахъ; въ пятой, о полицейскихъ налогахъ; въ шестой, о гильдіяхъ; въ седьмой, объ отношеніяхъ подмастерьевъ и учениковъ къ мастерамъ и фабрикантамъ, и обратно; въ восьмой есть нѣсколько узаконеній о ремесленныхъ вспомогательныхъ кассахъ въ девятой опредѣляется допущеніе мѣстныхъ положеній (Ortsstatuten), и наконецъ въ десятой опредѣлены штрафы и наказанія за нарушеніе устава. Первая глава подтверждаетъ основныя положенія прошлогодняго вре-

меннаго закона. Производство всякаго ремесла признается правомъ всѣхъ гражданъ, насколько такое право допущено закономъ. Всякое отличіе между городскими и сельскими постановленіями относительно ремесла отмѣняется. Дозволяется одновременное занятіе многими ремеслами. Цехи и гильдіи лишаются правъ запрещать кому либо производить то или другое ремесло, ту или другую торговлю. Уничтожаются также всѣ существующія понудительныя мѣры и повинности, а также разныя преимущества одного ремесла надъ другимъ. Полъ промышленника не можетъ служить ограниченіемъ или подлежать какимъ-нибудь особымъ предписаніямъ въ дѣлѣ ремесленнаго производства.

Всѣ эти и другія положенія приняты парламентомъ почти безъ всякихъ сколько-нибудь замѣчательныхъ возраженій, и только съ немногими измѣненіями въ словахъ. Также легко прошли и первые параграфы второй главы, требующіе, чтобы каждое лицо, желающее производить какое либо ремесло, увѣдомляло о томъ мѣстное начальство. Въ этихъ же параграфахъ перечислены всѣ заведенія, открытіе которыхъ требуетъ особаго *дозволенія*; — сюда принадлежатъ, впрочемъ, лишь такія учрежденія, которыя опасны и непріятны для окрестныхъ жителей, каковы пороховые заводы, бойни, пудретныя фабрики, живодерни и т. п. Необходимость ограниченія въ этомъ отношеніи столь очевидна, что спорили лишь о нѣкоторыхъ подробностяхъ ограниченія, но не о принципѣ. Но уже въ слѣдующемъ отдѣлѣ, который касается всѣхъ «ремесленниковъ», обязанныхъ выдерживать предварительныя испытанія, обсужденіе приняло иной характеръ и пренія пріобрѣли значеніе всеобщаго интереса. Особеннаго вниманія заслужилъ § 29, первая статья котораго гласитъ, что врачи, зубные врачи и аптекаря обязаны имѣть «аппробацію», которая дается имъ на основаніи особыхъ дипломовъ.

Чтобы вполнѣ понять борьбу изъ-за 29-го параграфа, иностранному читателю необходимо познакомиться съ настоящимъ положеніемъ врачей въ Германіи; для этого достаточно, впрочемъ, описать положеніе ихъ въ Пруссіи. Съ юридической точки зрѣнія, врачебное искусство считается ремесломъ, которымъ врачъ занимается на собственный рискъ, и въ производствѣ котораго государство можетъ всякимъ образомъ защищать или ограничивать его. Молодой человѣкъ, окончившій курсъ гимназіи и посвятившій себя изученію медицины, долженъ посѣщать университетскіе курсы по крайней мѣрѣ четыре года сряду. Обыкновенно ему придется прихватить и пятый годъ, такъ какъ врачебныя науки приняли въ настоящее время слишкомъ широкіе размѣры. Впродолженіи этого времени молодой человѣкъ, уплативъ *порядочную сумму* за слушаніе лекцій, держитъ небольшой экзаменъ — tentamen physicum, пріобрѣтаетъ затѣмъ по *дорогой цѣнѣ* званіе доктора медицины, можетъ отслужить свой годъ въ арміи (иначе ему

придется отбыть эту повинность въ другое время), и вновь подвергается, опять съ *уплатою значительной суммы денегъ*, государственному экзамену (Staatsexamen), послѣ счастливаго окончанія котораго ему даютъ «аппробацію» въ качествѣ врача, хирурга и акушера; — только теперь, пройдя всѣ эти инстанціи и порастрясши свою скудную казну, юноша пріобрѣтаетъ драгоцѣнное право заниматься практикою, гдѣ угодно. Обыкновенно виды на практику бываютъ весьма плохіе, и многимъ молодымъ, способнымъ людямъ приходится тянуть долгіе годы въ нуждѣ и посторонних занятіяхъ. Я зналъ одного врача, который надѣялся найти дѣло въ провинціальномъ городѣ средняго порядка. Вотъ уже 20 лѣтъ, какъ началась его практика, и онъ шесть разъ мѣнялъ свое мѣстопребываніе, такъ какъ ни въ одномъ городѣ ему не удалось создать для себя достаточно прибыльной практики. Вездѣ взаимное соперничество врачей достигло весьма широкихъ размѣровъ, и всего болѣе въ большихъ городахъ, гдѣ, съ другой стороны, и шансовъ на успѣхъ гораздо больше, если только юный врачъ имѣетъ средства покрыть всѣ расходы дорогой жизни въ продолженіи двухъ-трехъ лѣтъ. Въ Берлинѣ есть, сверхъ того, много мѣстъ въ клиникахъ, госпиталяхъ. Въ большихъ городахъ есть возможность добыть себѣ практику, сдѣлавшись городовымъ врачемъ для бѣдныхъ. Такой врачъ, если онъ назначенъ общиною, обязанъ лечить даромъ всѣхъ бѣдныхъ людей своего округа, получая за то маленькое жалованье (талеровъ въ 200 — 300), собственная дѣятельность и ловкость создаютъ между тѣмъ репутацію, и выгодная практика готова. Военные врачи могутъ имѣть и частную практику, и такъ какъ ихъ положеніе въ послѣднее время улучшено какъ повышеніемъ жалованья, такъ и дарованіемъ офицерскихъ чиновъ, то многіе молодые люди съ охотою вступаютъ въ ихъ ряды, тотчасъ по окончаніи государственнаго экзамена. Какъ бы то ни было, о бóльшей части врачей государство вовсе не заботится, опекая ихъ своимъ врачебнымъ уставомъ (Medicinal Ordnung) и снабжая ихъ, за 20 — 30 лѣтнюю успѣшную практику ничего не стоющимъ и ничего не дающимъ чиномъ врачебнаго совѣтника (Sanitäts-Rath) и, позже, тайнаго врачебнаго совѣтника (geheimer Sanitäts-Rath), при чемъ само собою предполагается, что эти новые совѣтники — «добрые патріоты», то-есть, что они съ тѣхъ поръ, какъ Пруссія стала конституціоннымъ государствомъ, никогда не подавали своего голоса на выборахъ за кандидатовъ либеральной партіи, или вообще не держались въ оппозиціи. Молодые врачи бываютъ обыкновенно либералами и даже радикалами въ религіозныхъ и политическихъ дѣлахъ, но многіе изъ нихъ становятся въ одинъ прекрасный день молчаливыми, удаляются, по болѣзни напр., или по причинѣ слишкомъ широкой практики, отъ всѣхъ политическихъ дѣлъ, — въ результатѣ не пройдетъ и нѣ-

сколькихъ мѣсяцевъ, какъ ихъ уже начинаютъ величать совѣтниками, или на груди доктора появится орденокъ. Эта погоня за орденами и титулами выдерживаетъ, кажется, напоръ всѣхъ политическихъ перемѣнъ и жалкое тщеславіе не колеблется подъ вліяніемъ успѣховъ просвѣщенія.

Но возвратимся къ нашему предмету. Государство, говорю я, охраняетъ и опекаетъ врачей. Оно опекаетъ ихъ, установляя особую таксу за лѣченіе, таксу крайне низкую. Оно опекаетъ ихъ, во-вторыхъ, особымъ закономъ, въ силу котораго всѣ врачи подлежатъ штрафу отъ 50 и до 500 талеровъ всякій разъ, когда отказываются подать помощь въ опасныхъ случаяхъ, не имѣя достаточныхъ причинъ для отказа. Это повидимому совершенно формальное опредѣленіе даетъ, въ дѣйствительности, поводъ къ величайшимъ непріятностямъ, не достигая, однако, цѣли. Съ другой стороны, государство охраняетъ врачебное сословіе, опредѣляя наказанія за знахарство. Въ § 199-мъ уложенія о наказаніяхъ сказано, что всѣ лица, занимающіяся леченіемъ какой либо внутренней или наружной болѣзни, или родовспомогательствомъ, безъ узаконенныхъ на то правъ и пользуясь вознагражденіемъ за лѣченіе, подлежатъ штрафу отъ 5 до 50 талеровъ или тюремному заключенію на время до 6 мѣсяцевъ. Можетъ ли быть что-нибудь лучше и прямѣе этого опредѣленія, обезпечивающаго разомъ и врачей и публику отъ пронырства разныхъ проходимцевъ? Но нѣтъ; именно въ этомъ дѣлѣ оказалось, какъ несостоятельна государственная опека и тамъ, гдѣ она преслѣдуетъ даже самыя лучшія цѣли, безъ всякой задней мысли. Лѣтъ тридцать назадъ, когда въ Германіи положенія политической экономіи были извѣстны лишь избранному кругу людей, когда самые передовые люди не могли освободиться изъ-подъ вліянія централизаціонныхъ стремленій, — каждый врачъ былъ завзятымъ врагомъ знахарства, и онъ враждовалъ съ знахарями не только открыто, но и путемъ шпіонства и доносовъ, только потому, что, преслѣдуя знахарей, надѣялся служить интересамъ своего собственнаго сословія, и отчасти потому, что считалъ своимъ долгомъ спасать несчастныхъ жертвъ знахарства. Что же изъ этого вышло? Оффиціальныя преслѣдованія возбуждали сопротивленіе со стороны публики и окружили знахарей ореоломъ мученичества. Въ то время знахарствомъ занимались преимущественно *пастухи*. Иные изъ нихъ пріобрѣли себѣ столь громкую репутацію, что къ нимъ съѣзжались больные изо всѣхъ окрестностей на 30—50 миль въ окружности. Борьба съ такими знахарями шла ожесточенная, и она кончалась обыкновенно тѣмъ, что или врачъ и начальство отступаются отъ своихъ преслѣдованій и начинаютъ смотрѣть сквозь пальцы на незаконную практику, или же знахарю даютъ привилегію лечить кого угодно. Присницъ въ Грефенбергѣ, своимъ

леченіемъ холодною водою, окончательно разстроилъ всѣ государственныя махинаціи старой медицины, и за нимъ послѣдовалъ цѣлый рядъ «природныхъ врачей»: одинъ лѣчилъ всѣ болѣзни яблочнымъ виномъ, другой — травами, третій — солодомъ, и у всѣхъ ихъ нашлись тысячи приверженцевъ. — Наконецъ и сами врачи поняли всю безполезность государственной опеки. «Мы не хотимъ охраны, которая никого не охраняетъ!» — стали говорить они, «силою тутъ ничего не возьмешь, только одна гласность и распространеніе образованія могутъ помочь намъ». Здѣшнее общество врачей, во главѣ котораго стоятъ высшіе авторитеты врачебной науки и практики, формулировало современное требованіе въ особомъ прошеніи къ рейхстагу, подъ которымъ подписались потомъ безчисленные члены врачебнаго сословія. Они пишутъ: — «Мы не желаемъ никакой опеки и не требуемъ ни малѣйшей защиты. Пусть государство содержитъ лишь особое бюро (какъ оно существуетъ и теперь) для испытанія лицъ, желающихъ пріобрѣтать аппробаціонные листы, дающіе право на званіе *врача* (или хирурга, зубного врача, и т. п.); о всемъ прочемъ, касающемся лѣченія, ему заботиться нечего». Такимъ образомъ получитъ удовлетвореніе и та публика, которая желаетъ лѣчиться у испытанныхъ врачей, пріобрѣвшихъ научное образованіе, и другая, которая довольствуется всякимъ знахаремъ.

Воззрѣнія врачебнаго общества нашли въ парламентѣ горячаго и дѣльнаго защитника въ лицѣ либеральнаго депутата Лёве, доктора по профессіи. Въ блестящей рѣчи онъ развилъ всѣ стороны своего вопроса съ изумительною ясностью и твердою логикою. Отчетливость объясненій оратора, впрочемъ, обусловилась исключительно самою сущностью предмета, такъ какъ медицина, благодаря именно громаднымъ успѣхамъ, пріобрѣтеннымъ ею въ послѣднія десятилѣтія, убѣдилась въ недостаточности своихъ знаній и силъ. Передъ безчисленными явленіями стоитъ она и теперь столь же безпомощною, какъ во времена Гиппократа. Къ чему же запрещать публикѣ искать помощи у тѣхъ лицъ, къ кому она питаетъ довѣріе? Въ бѣдѣ человѣкъ хватается за все, что попадаетъ ему подъ руку, — отчего же помочь больному можетъ только закономъ признанный врачъ, а не всякій пастухъ? На одрѣ болѣзни и врачъ посылаетъ за знахаремъ. Въ одномъ изъ мелкихъ нѣмецкихъ государствъ, разсказываетъ Лёве, былъ во главѣ врачебной управы, лѣтъ двадцать тому назадъ, хорошій врачъ, отличный человѣкъ и дѣльный ученый, но злѣйшій врагъ всякаго знахарства, особенно же пастуховъ. Случилось такъ, что онъ заболѣлъ особеннаго рода коликою, которая не поддавалась усиліямъ всѣхъ ученыхъ сотоварищей врача, да никто изъ нихъ не могъ даже опредѣлить дѣйствительной причины болѣзни, продолжавшейся шесть мѣсяцевъ безъ всякаго облегченія. Дѣлать нечего, — почтенный врачъ

обратился за помощью къ тому самому старому пастуху, котораго онъ такъ сильно преслѣдовалъ судебными взысканіями.

Лёве опровергъ за тѣмъ всѣ возраженія, клонившіяся къ защитѣ достоинства медицины и успѣховъ науки вообще; онъ утверждалъ, напротивъ, что преслѣдованія только унижаютъ науку, и потомъ перешелъ къ предмету еще большей важности. Только экзаменованные, аппробованные врачи будутъ приниматься на службу государства и общинъ, и на нихъ, поэтому, должно обратить гораздо бо́льшее вниманіе, чѣмъ это было до сихъ поръ. Теперь уже прошло время надзора за однимъ лишь составленіемъ рецептовъ, сказалъ ораторъ, теперь все основано на *гигіеническомъ содержаніи*. Государство и общины пріобрѣтаютъ постоянно все бо́льшія потребности, и эти потребности выростаютъ съ каждымъ днемъ. Если что́ будетъ крайне изумлять нашихъ потомковъ, такъ это именно то странное равнодушіе, съ какимъ наши правительственныя учрежденія, все регламентирующія, относятся къ здоровью жителей, и, строго наблюдая за движеніемъ на улицахъ, спокойно смотрятъ на всѣ вліянія, которыя отравляютъ воздухъ и воду, и позволяютъ вреднымъ грибамъ распоряжаться въ нашихъ водопроводахъ, а наука, между тѣмъ, уже давно показала, какимъ образомъ можно соблюдать чистоту воздуха и воды.

Почти рядомъ съ преніями о врачебномъ дѣлѣ начались не менѣе интересные дебаты о правѣ открытія театровъ и кабаковъ. Въ настоящее время театръ подлежитъ цѣлому ряду ограниченій: нужно пріобрѣсть право на открытіе — концессію, необходимо переносить всѣ требованія цензуры, которою завѣдуетъ мѣстная полиція, и, сверхъ того, терпѣть, по крайней мѣрѣ въ Берлинѣ, монополію королевскаго театра, которому одному принадлежитъ право ставить драмы, *большія оперы* и балеты, — частнымъ театрамъ дозволяются комедіи всякаго рода, водевили и фарсы, комическія оперы и оперетки. Несомнѣнно, что эта монополія имѣетъ весьма вредныя послѣдствія, такъ какъ вслѣдствіе этого въ самыхъ высшихъ задачахъ искусства актеры королевскаго театра не имѣютъ никакихъ причинъ бояться конкурренціи. Но гдѣ нѣтъ конкурренціи или, лучше сказать, личнаго соперничества, тамъ непремѣнно являются извѣстная степень равнодушія, или старыя привычки, убивающія искусство. Оттого-то всѣ жалуются, что представленіе трагедій Шекспировскихъ или Шиллеровскихъ идетъ въ здѣшнемъ королевскомъ театрѣ неудовлетворительно и даже просто плохо. Театральная цензура состоитъ въ томъ, что полицейскіе чиновники читаютъ всѣ допускаемыя на сцену пьесы и вычеркиваютъ изъ нихъ все, что покажется имъ предосудительнымъ почему либо. Замѣчательно, что многіе люди, считавшіе цензуру вообще дурнымъ и негоднымъ учрежденіемъ, находятъ тѣмъ не менѣе необходимымъ удержать театральную цензуру, и ссылаются на примѣръ Англіи, гдѣ

она существуетъ лишь номинально. Въ доказательство необходимости театральной цензуры приводятъ главнымъ образомъ то, что она спасаетъ будто бы публику отъ разныхъ безнравственныхъ зрѣлищъ. Между тѣмъ, вы можете здѣсь ежедневно убѣждаться въ томъ, что несмотря на цензуру или, вѣрнѣе сказать, подъ покровомъ самой цензуры, на сцену ставятся пьесы самаго безнравственнаго характера, исполненныя самыхъ пикантныхъ выраженій. Противъ безнравственности можетъ вооружаться лишь сама публика. Нынѣ всякая грубость пріобрѣтаетъ право гражданства на сценѣ, и публика вмѣсто негодованія говоритъ лишь про себя: «кому не нравится, пусть себѣ сидитъ дома!» Что же касается до цензуры, она заботится главнымъ образомъ лишь о томъ, чтобы не пропускать никакихъ политическихъ намековъ, но и этой цѣли она не достигаетъ, такъ какъ возбужденная публика всегда найдетъ поводъ къ политическимъ демонстраціямъ.

Правительственный проектъ ремесленнаго устава содержитъ въ § 32-мъ такое опредѣленіе: «театральные предприниматели, для производства своего промысла, нуждаются въ полицейскомъ дозволеніи, которое выдается имъ лишь въ томъ случаѣ, когда они докажутъ свою благонадежность относительно упомянутаго промысла». Либеральная партія предложила къ послѣдней половинѣ статьи поправку, которая обусловливаетъ полицейское дозволеніе отрицательнымъ образомъ, — она даетъ дозволеніе, *если нѣтъ никакихъ фактовъ*, доказывающихъ неблагонадежность предпринимателя. Депутатъ Дункеръ блистательно защищалъ поправку, подвергнувъ жестокой критикѣ настоящее театральное управленіе, и поправка утверждена парламентомъ. Театральная цензура, доказывалъ Дункеръ, клонится къ тому, чтобъ воспрепятствовать дѣйствительному пульсу общественной жизни, ощущаемому націею, проявить свое біеніе именно въ томъ учрежденіи, которое всего лучше служитъ дѣлу гласности. Между тѣмъ, разъ явилась потребность отражать на сценѣ, то серьезно, то шутливо, высшіе жизненные интерессы націи, и ее нельзя уже вполнѣ отрѣшить отъ театра, и вотъ являются на сцену «высокомудрый совѣтъ города Берлина» или мелкія нѣмецкія государства, но малѣйшій намекъ на внутреннія политическія дѣла Пруссіи и самый ничтожный упрекъ правительственнымъ властямъ тщательно вычеркиваются усерднымъ цензоромъ. Давая народу эту мнимую свободу, и стараясь, между тѣмъ, стѣснить его во всѣхъ ничтожныхъ проявленіяхъ свободы, правительство только развращаетъ публику. Также естественно, что цензура оказываетъ вредное вліяніе на драматическое творчество, такъ какъ цензурныя стѣсненія препятствуютъ свободному выраженію авторскихъ мыслей и чувствъ, и эти стѣсненія до того велики, что ни Шиллеръ, ни Гёте, ни Шекспиръ, если бы они писали свои пьесы въ настоящее время, не могли

бы явиться передъ публикою, неизуродованные цензурою. Интендантъ придворнаго театра сказалъ однажды (въ 1844 году) прямо: «говорю вамъ разъ навсегда, что всѣ новыя произведенія, въ которыхъ попадается столь много опасныхъ мыслей, какъ у господъ Шиллера, Гёте и Шекспира, не могутъ быть пропущены на сцену, и еслибы упомянутые сочинители не проскользнули на сцену до меня, то я, конечно, никакъ не пропустилъ бы ихъ. Но однажды попали они въ репертуаръ, и не по моей волѣ, такъ пусть же, чортъ ихъ побери, и остаются въ немъ».

Параграфъ о патентахъ на открытіе кабака тоже послужилъ поводомъ къ оживленнымъ преніямъ, впродолженіи которыхъ снова заявлены были оба противоположные взгляда: опеки и свободы или «laisser aller». Приверженцы опеки утверждали, что полная свобода торговли водкою усилитъ пьянство, а друзья промышленной свободы доказывали, что полицейское дозволеніе не имѣетъ никакого вліянія въ этомъ дѣлѣ, и что ограниченіе числа кабаковъ только умножитъ число посѣтителей остальныхъ заведеній. Представители правительства и друзья ограниченія увѣряли, что размноженіе кабаковъ вводитъ въ искушеніе рабочихъ людей, а сторонники освобожденія старались представить этотъ аргументъ пустымъ и ничтожнымъ, такъ какъ входить въ искушеніе можетъ лишь тотъ, кто самъ себя искушаетъ. Унру (Unruh), какъ директоръ громадной фабрики, высказался въ пользу «laisser aller»;—«всякій день, говорилъ онъ, я прохожу по шести разъ мимо ресторація, торгующей спиртными напитками насупротивъ нашей фабрики, на которой работаютъ не менѣе 2,000 человѣкъ, и никогда еще не видалъ я тамъ ни одного пьянаго.» Такое же точно заведеніе открыто подлѣ колоссальныхъ фабрикъ Борзиха, и тамъ тоже никто не замѣтилъ вредныхъ послѣдствій. Къ сожалѣнію, впродолженіи всѣхъ преній никто не приводилъ статистическихъ цифръ, хотя нынѣ справедливо требуютъ, чтобъ каждый вопросъ, касающійся общественныхъ интересовъ, разрѣшался лишь на основаніи числовыхъ данныхъ. Несомнѣнно, что и этотъ вопросъ разрѣшенъ бы былъ согласно съ требованіями промышленной свободы, еслибъ правительство рѣшительно не заявило своего желанія удержать прежній надзоръ за кабаками;—опасаясь погибели всего закона, большинство согласилось лучше уступить по этому вопросу, чѣмъ отложить весь законъ на будущее время. Полицейскія ограниченія конечно не принесутъ никакой пользы. При недостаткѣ образованія у народа, многочисленность кабаковъ, можетъ быть, способствуетъ распространенію пьянства, но единственнымъ радикальнымъ средствомъ противъ этого общественнаго зла можетъ служить лишь повышеніе уровня образованія среди низшихъ классовъ, пробужденіе потребности къ болѣе благороднымъ наслажденіямъ (я разумѣю, благороднымъ *матеріальнымъ* наслажденіямъ, какъ

украшеніе своего дома, одежду и т. п.), лучшая пища, и особенно лучшій, чѣмъ водка, напитокъ.

Для экономистовъ и историковъ культуры, весьма интересными представляются пренія о странствующихъ ремесленникахъ и разнощикахъ. Этотъ родъ занятія всегда казался весьма подозрительнымъ въ глазахъ прежняго бюрократическаго государства, такъ какъ надзоръ за ними крайне затруднителенъ, и во всякомъ случаѣ труднѣе, чѣмъ за осѣдлыми ремеслами. Жандармъ видѣлъ въ разнощикѣ какого-то мошенника, разбойника или поджигателя, и законъ, потому, облагалъ свободу движенія несчастнаго разнощика всѣми возможными ограниченіями, нисколько не заботясь о томъ, что отъ этихъ ограниченій терпятъ преимущественно очень многіе люди, потребности которыхъ удовлетворяются промысломъ разнощика. Рейхстагъ велъ себя въ этомъ отношеніи замѣчательно хорошо, такъ какъ даже его вельможные члены принимали живое участіе въ рѣшеніи какъ этого, такъ и другихъ вопросовъ, въ смыслѣ требованій либеральной партіи.

Кромѣ ремесленнаго устава, особеннаго вниманія въ нынѣшнихъ парламентскихъ преніяхъ заслуживаетъ длинный рядъ податныхъ предложеній графа Бисмарка, доказавшихъ всѣмъ и каждому, что можно быть хорошимъ дипломатомъ и занимать высшее мѣсто въ государствѣ, и тѣмъ не менѣе создавать весьма жалкіе законы о налогахъ. Бисмаркъ, какъ извѣстно, не хочетъ имѣть сотоварищей по управленію союзомъ (это управленіе не слѣдуетъ смѣшивать съ управленіемъ Пруссіи), и потому беретъ на себя и должность сѣверо-германскаго министра финансовъ. Горячій противникъ всякаго «дилеттантизма» въ дѣлѣ дипломатіи, увѣрявшій не разъ, что только военный человѣкъ можетъ судить о военныхъ дѣлахъ, онъ рѣшился однако испытать свои способности на финансовомъ поприщѣ, будучи дилеттантомъ въ финансовой наукѣ. Но всѣ его проекты разлетѣлись въ пухъ и въ прахъ передъ ѣдкою критикою либеральной партіи и отвергнуты парламентомъ.

Между тѣмъ какъ парламентъ занимался обсужденіемъ ремесленнаго устава, публика пришла въ сильное движеніе по поводу спора, особенно замѣчательнаго развѣ въ томъ отношеніи, что онъ носитъ на себѣ характеръ полнаго анахронизма. Я говорю о спорѣ, который возникъ изъ-за брошюры Рихарда Вагнера: «О еврействѣ въ музыкѣ» [1], и будучи изгнанъ изъ столбцовъ газеты, породилъ цѣлую литературу брошюръ объ еврейскомъ вопросѣ. Вагнерова брошюра есть не что иное, какъ собраніе статей, обнародованныхъ честолюбивымъ композиторомъ лѣтъ 19 тому назадъ въ одной музыкальной газетѣ и оста-

[1] Das Judenthum in der Musik. Leipzig. J. J. Weber. 1869.

вавшихся до сихъ поръ въ совершенной неизвѣстности. Если вліяніе ихъ теперь оказывается инымъ, то причиною тому служитъ, разумѣется, время. Въ прежнее время враждебно къ евреямъ относилась консервативная партія, и каждая эманципаціонная для евреевъ мѣра встрѣчала со стороны консерваторовъ отчаянное сопротивленіе и ревностную поддержку со стороны либераловъ; теперь же нападеніе на евреевъ произведено либералами. Чтобы ясно понять, въ чемъ заключается сущность спора, необходимо бросить взглядъ на исторію освобожденія евреевъ, хорошимъ руководствомъ къ которой можетъ служить трудъ Кайма [1]), вызванный этимъ самымъ литературнымъ споромъ. Честь первой мысли о терпимости къ евреямъ принадлежитъ Лессингу, который уже на семнадцатомъ году отъ роду (1749), высказалъ въ своей комедіи: «die Juden» тѣ самыя либеральныя мнѣнія объ этомъ предметѣ, которыя потомъ, лѣтъ тридцать спустя, появились въ прекрасной формѣ его послѣдняго произведенія: «Натанъ мудрый». Лессингъ полагалъ, что его Натанъ появится на сценѣ лишь спустя цѣлое столѣтіе [2]), и его предположеніе оказалось бы, вѣроятно, справедливымъ, еслибъ французская революція не ускорила теченіе событій. Благодаря этому обстоятельству, Натанъ не встрѣтилъ особенныхъ препятствій, и если что́ оказалось крайне затруднительнымъ, такъ это переходъ отъ теоріи къ практикѣ. Правда, почти одновременно съ Лессингомъ жилъ и дѣйствовалъ весьма замѣчательный политикъ, Домъ (Dohm), старавшійся доказать, въ своемъ знаменитомъ сочиненіи» (1781 г.): «о гражданскомъ улучшеніи евреевъ» необходимость уничтоженія всѣхъ законодательныхъ стѣсненій, тяготѣвшихъ тогда надъ евреями. Первый плодъ этой книги созрѣлъ, однако, не въ Пруссіи, а въ Австріи, гдѣ въ 1782 году появился извѣстный эдиктъ императора Іосифа II о вѣротерпимости (Toleranz-Edict), даровавшій евреямъ нѣсколько лучшее положеніе. Но до исполненія всѣхъ требованій До́ма было еще далеко, — Домъ добивался полной гражданской равноправности. Трудъ его произвелъ много хорошаго въ другомъ мѣстѣ, попавшись въ руки Мирабо. Въ 1787 году этотъ талантливый французъ обнародовалъ сочиненіе: «О Моисеѣ Мендельсонѣ и политической реформѣ евреевъ», въ которомъ мысли Дома занимаютъ весьма почетное мѣсто. Статья Мирабо нашла громадный кругъ читателей и послужила сильнымъ стимуломъ къ возбужденію еврейскаго вопроса. Годъ спустя, извѣстный аббатъ Грегуаръ издалъ въ свѣтъ сочиненіе, удостоившееся награды отъ королевскаго общества наукъ

---

[1]) Ein Jahrhundert der Juden-Emancipation und deren christliche Vertheidiger. von Isidor Kaim. Leipzig. 1869.

[2]) Lessing's Leben von Adolf Stahr.

и искусствъ: «Опытъ возрожденія евреевъ въ физическомъ, нравственномъ и политическомъ отношеніяхъ». Эти литературныя произведенія послужили основою къ рѣшеніямъ наступившей между тѣмъ революціи. Сперва (въ 1790 году) были отмѣнены всѣ такъ-называемые жидовскіе налоги, а затѣмъ декларація 3-го сентября 1791 года даровала евреямъ и всѣ гражданскія права, такъ какъ ею устанавливается полная равноправность всѣхъ гражданъ, къ какому бы вѣроисповѣданію они ни принадлежали. Однако, въ гражданскомъ положеніи евреевъ вскорѣ оказались нѣкоторыя неудобства, особенно съ тѣхъ поръ, какъ бразды правленія попали въ руки Наполеона. Въ 1805 году, во время военнаго перехода черезъ Эльзасъ, императору донесли, что мѣстные евреи сильно притѣсняютъ жителей своими ростовщическими интересами; Наполеонъ, долго не думая, приказалъ немедленно прекратить на одинъ годъ всѣ гражданскія взысканія по еврейскимъ искамъ. Такъ какъ этотъ приказъ явно вторгается въ область гражданскаго права, то императоръ старался ослабить его деспотическое вліяніе призывомъ евреевъ въ особое собраніе для окончательнаго опредѣленія будущаго положенія этого народа въ Франціи. Изъ 14 департаментовъ прибыли въ Парижъ 74 депутата отъ еврейскихъ обществъ, и составили, совокупно съ тремя императорскими коммиссарами, отвѣтъ на 12 предложенныхъ имъ вопросовъ; они объявляли, что многоженство запрещено среди нихъ уже съ XI вѣка, что разводъ допускается по рѣшенію судей, что бракъ съ христіанами допущенъ, что евреи считаютъ французовъ своими братьями, а Францію своимъ отечествомъ, что раввины не имѣютъ судебной власти и могутъ лишь исправлять религіозныя требы, что евреямъ дозволено производить всякія ремесла, что обученіе какому-нибудь ремеслу есть долгъ каждаго еврея, и что если преслѣдуютъ ростовщичество среди евреевъ, то его слѣдуетъ преслѣдовать и среди христіанъ. Затѣмъ собраніе приняло прокламацію императора, созывавшую со всѣхъ частей государства особый большой «санхедринъ», для подтвержденія всѣхъ резолюцій, принятыхъ депутатами, и санхедринъ дѣйствительно собрался въ столицѣ Франціи въ томъ же году. Санхедринъ составилъ консисторіальный законъ, въ силу котораго, въ каждомъ департаментѣ, гдѣ проживаетъ не менѣе 2,000 евреевъ, основывается особая консисторія, получающая право назначать и удалять, съ дозволенія императора, мѣстныхъ раввиновъ; департаментскія консисторіи становились въ тоже время подъ надзоръ одной главной, центральной консисторіи въ Парижѣ. Наполеоновскій законъ существуетъ во Франціи, лишь съ немногими измѣненіями, до сихъ поръ. Впечатлѣніе, произведенное «великимъ санхедриномъ», въ то время, было громадное, и оно не мало способствовало хорошему пріему, который встрѣтило господство Наполеона

въ Германіи. Бурбонское правительство не колебалось признать равноправность евреевъ. Конституціонная хартія 7-го августа 1830 г. дополнила ее, принявъ и содержаніе еврейскаго духовенства на счетъ государственной казны. Французскія учрежденія перешли потомъ въ Нидерланды и Бельгію, гдѣ они остались и послѣ освобожденія этихъ странъ изъ-подъ французскаго владычества. Въ Нидерландахъ гражданская равноправность евреевъ подтверждена основнымъ закономъ 24-го августа 1815 г., а въ Бельгіи конституціею 25-го февраля 1831 года.

Въ Германіи, за исключеніемъ государствъ, покоренныхъ Франціею, эманципація евреевъ шла весьма медленно; всего быстрѣе двигалась она въ Пруссіи во время эпохи великихъ преобразованій, доставившей пруссакамъ возможность и силу освободиться изъ-подъ французскаго ига. Эдиктъ 11-го мая 1812 года даровалъ евреямъ одинаковыя права съ христіанами, свободу передвиженія, право заниматься всякими ремеслами, и допустилъ ихъ къ занятію академическихъ (университетскихъ), училищныхъ и общинныхъ должностей;—относительно государственной службы предполагалось издать особый законъ. Эдиктъ произвелъ огромное вліяніе, — евреи проявили значительное патріотическое одушевленіе и даже вступили въ большомъ числѣ въ ряды арміи. Отрицать этого факта невозможно, и христіане поступили крайне несправедливо, лишивъ евреевъ, по окончаніи войны, большей доли дарованныхъ имъ правъ. Воины изъ евреевъ, заслужившіе во время войны офицерскій чинъ и военные ордена, вернувшись домой, должны были или покинуть службу, или вновь стать солдатами. Вѣнскій конгрессъ позаботился передать всѣ дѣла о евреяхъ рѣшенію германскаго сейма, то-есть отложилъ въ дальній ящикъ исполненіе всѣхъ прекрасныхъ обѣщаній. Первыми преслѣдователями евреевъ явились «вольные» города Гамбургъ и Франкфуртъ на Майнѣ; въ Пруссіи за гражданскую равноправность евреевъ ревностно ратовалъ государственный канцлеръ князь Гарденбергъ, но наступившая вскорѣ реакція увлекла и Пруссію въ свой широкій потокъ. Какая странная неурядица въ понятіяхъ господствовала во времена Фридриха-Вильгельма III, показываетъ фактъ закрытія нѣсколькихъ еврейскихъ храмовъ за то, что они ввели въ свое богослуженіе органъ, хоровое пѣніе, проповѣдь и молитвы на нѣмецкомъ языкѣ. Въ литературѣ, между тѣмъ, шелъ оживленный споръ объ еврейскомъ вопросѣ, который вскорѣ появился и на конституціонной аренѣ, въ южно-нѣмецкихъ парламентахъ. Однако тогдашніе либералы отстаивали права евреевъ не единодушно, и даже такой прославленный прогрессистъ, какъ Роттекъ, защищалъ ограниченіе евреевъ въ гражданскомъ отношеніи.

Гораздо рѣшительнѣе вступили въ борьбу прусскіе либералы. Въ 1847

году собрался такъ-называемый «общій ландтагъ» (vereinigter Landtag), въ которомъ, несмотря на его сословный составъ, либеральная партія оказалась, къ общему изумленію, весьма сильною, придавъ всему собранію рѣшительно конституціонный характеръ. Этому ландтагу представили законъ объ опредѣленіи отношеній евреевъ къ государству и обществу, законъ, соотвѣтствовавшій намѣреніямъ короля Фридриха-Вильгельма IV, политическіе идеалы котораго, какъ извѣстно, черпались изъ среднихъ вѣковъ. Какъ часто бываетъ со всѣми деспотами, старающимися удержать колесо прогресса, Фридриху-Вильгельму IV пришлось уступить напору современныхъ идей. Въ недавно обнародованномъ четвертомъ томѣ оставшагося послѣ Фарнгагена дневника, авторъ разсказываетъ про этого короля анекдотъ, очень хорошо характеризующій его образъ мыслей, когда онъ былъ наслѣднымъ принцемъ. Въ замѣткѣ, помѣченной іюлемъ 1826 года, Фарнгагенъ говоритъ, что наслѣдный принцъ находитъ неудобнымъ,—что низшія сословія, *посредствомъ прилежанія и образованія*, становятся съ каждымъ днемъ все болѣе на равную ногу съ высшими и даже превосходятъ ихъ; онъ желалъ бы разные классы обществъ различить и наружнымъ образомъ, по одеждѣ и т. п., хотя и сознается въ невозможности ввести эти отличія. Такъ говорилъ онъ во время своего посѣщенія, вмѣстѣ съ супругою, фрейлины фонъ-Бишофсвердефъ; тутъ же онъ очень радовался, что фрейлина замѣнила прежнюю служанку новою, одѣвавшеюся въ платья стараго покроя.

Этотъ анекдотъ весьма характеристиченъ. Король совершенно вѣрно понималъ, что старая сословная система должна разрушиться, если низшіе классы станутъ стремиться стать на равную ногу съ высшими. Но этого равенства и даже превосходства надъ высшими классами достигаютъ онѣ «посредствомъ прилежанія и образованія», и король долженъ былъ, поэтому, придти къ странному убѣжденію, что прилежаніе и образованіе—естественные враги его государственныхъ идеаловъ, и что духъ современной жизни и стремленія лучшихъ людей клонятся къ тому, чтобы распространить въ низшихъ классахъ прилежаніе и образованіе.

Именно еврейскій вопросъ особенно интересовалъ короля. Вскорѣ послѣ вступленія на престолъ, занялся онъ составленіемъ приказа о запрещеніи евреямъ называться христіанскими именами, однако этотъ актъ въ свѣтъ не появился; и напротивъ, вскорѣ отмѣнили указъ о запрещеніи евреямъ вступать въ службу въ гвардейскій корпусъ. Проектъ закона, представленный ландтагу, содержалъ, однако, три ретроградныя мѣры, прямо противорѣчившія требованіямъ народа и общественнаго мнѣнія: учрежденіе еврейскихъ корпорацій (не религіозныя общины, но дѣйствительныя корпораціи—«жидовства»

Judenschaften), лишеніе евреевъ правъ занимать мѣста учителей въ христіанскихъ школахъ и такія государственныя должности, которыя даютъ чиновникамъ начальническія права, наконецъ, ограниченіе правъ евреевъ въ Познани.

Вся либеральная партія въ общемъ ландтагѣ, въ числѣ которой находились люди, до сихъ поръ занимающіе почетное мѣсто на политической аренѣ, возстала какъ одинъ человѣкъ противъ королевскихъ нововведеній, — и если побѣда выпала все-таки на долю противника, то лишь большинствомъ въ *одинъ* голосъ. Этотъ замѣчательный фактъ ясно доказывалъ, что евреямъ не придется долго ждать полной гражданской равноправности, но никому и въ голову не приходило, что новое рѣшеніе поступитъ почти вслѣдъ за введеніемъ королевскаго указа въ жизнь. Наступилъ 1848 годъ и буря революціи снесла всѣ плотины, отдѣлявшія евреевъ отъ христіанъ; двадцатилѣтній споръ былъ забытъ и отброшенъ въ сторону, евреи избраны въ члены германскаго парламента и однимъ изъ вице-президентовъ послѣдняго назначенъ еврей Риссеръ, сдѣлавшійся въ слѣдующемъ году министромъ въ кабинетѣ эрцгерцога Іоганна. Такъ, фактически, рѣшенъ былъ еврейскій вопросъ. *Основныя права* нѣмецкаго народа, установленныя парламентомъ еще до составленія конституціи, появились 21-го декабря 1848 года, въ качествѣ общаго государственнаго закона, и шли, по вопросу о терпимости, дальше французской деклараціи о правахъ человѣка, ибо нѣмецкая декларація не признаетъ государственной церкви. Какъ бы то ни было, «основныя права» не признаны тремя крупными германскими государствами: Австріею, Пруссіею и Баваріею, а реакціонный германскій сеймъ 1851 года даже прямо отвергъ ихъ; однако равноправность евреевъ передъ закономъ успѣла уже проникнуть въ государственныя уложенія отдѣльныхъ нѣмецкихъ государствъ и она существуетъ до сихъ поръ въ Пруссіи, хотя съ нѣкоторыми ограниченіями, которыя внесены въ жизнь искусствомъ ретроградовъ извращать смыслъ буквальнаго закона. Въ Англіи допущеніе евреевъ въ парламентъ узаконено лишь въ 1860 году. Въ Австріи эманципація евреевъ состоялась въ силу конституціи 24-го декабря 1867 года и церковныхъ законовъ 25-го мая 1866 года. Въ Венгріи евреи пріобрѣли равноправность лишь съ 25-го декабря 1867 года, въ Италіи со дня изданія конституціи итальянскаго королевства, въ Даніи въ силу конституціи 6-го іюня 1849 года, а въ Швеціи въ силу конституціонной реформы 1866 года, но съ нѣкоторыми ограниченіями.

Изъ всего этого историческаго очерка очевидно, что эманципація евреевъ постоянно была однимъ изъ пунктовъ либеральной программы. Нынѣ же, какъ упомянуто выше, нападеніе на евреевъ начинается изъ либеральнаго лагеря, и притомъ изъ самаго либеральнаго. Какъ

объяснить подобное явленіе, первые слѣды котораго можно отыскать въ прошлыхъ десятилѣтіяхъ? Уже въ 1842 году возставалъ противъ евреевъ одинъ изъ радикальнѣйшихъ поборниковъ молодой гегеліанской школы, Бруно Бауэръ, подвергавшійся за свой либерализмъ многократнымъ преслѣдованіямъ и лишившійся, наконецъ, профессорской каѳедры. Рихардъ Вагнеръ былъ, какъ извѣстно, тоже радикаломъ, и, какъ участникъ дрезденскаго возстанія 1850 года, принужденъ былъ провести нѣсколько лѣтъ въ изгнаніи. Другой радикалъ, депутатъ Циглеръ издалъ въ концѣ пятидесятыхъ годовъ собраніе повѣстей, подъ заглавіемъ: «Nondum», въ которомъ онъ относится къ евреямъ весьма недружелюбно. Циглеръ считаетъ полную эманципацію евреевъ въ Германіи дѣломъ рѣшительно невозможнымъ, потому что они постоянно пріобрѣтаютъ новыя силы изъ Польши. Это обстоятельство, утверждаетъ Циглеръ, препятствуетъ такому полному усвоенію евреевъ Германіею, какое совершается въ Англіи и Франціи, у которыхъ нѣтъ такой еврейской сосѣдки, какъ Польша. Особенно сильно поразило всѣхъ нападеніе на евреевъ со стороны извѣстнаго профессора Вирхова. Его всегда считали однимъ изъ лучшихъ представителей отвлеченнаго мышленія, онъ привыкъ прилагать неумолимо рѣзкую критику ко всякимъ научнымъ и политическимъ предразсудкамъ, — и вдругъ, этотъ самый критикъ оказывается ненавистникомъ евреевъ! Долго этотъ фактъ оставался подъ спудомъ, но кому-то пришло въ голову спросить, отчего это въ клиникѣ Вирхова нѣтъ ни одного ассистента изъ евреевъ? Вирховъ защищался сперва разными отговорками, но наконецъ рѣшился высказать открыто всѣ свои предразсудки противъ еврейскаго племени. Его лекція объ этомъ предметѣ распространилась, путемъ печати, во всѣ концы Германіи; Вирховъ упрекаетъ евреевъ въ томъ, что они, будучи самостоятельнымъ народомъ, никогда не заводили госпиталей, а разсѣявшись по всему міру не имѣли никакого благодѣтельнаго вліянія на уходъ за больными. Лишь благодаря христіанству, говоритъ онъ, основаны всѣ учрежденія для больныхъ. Само собою разумѣется, что лекція Вирхова только подлила масла въ потухавшій споръ.

Въ обоихъ случаяхъ, какъ у Вагнера, такъ и Вирхова, были личные мотивы противъ евреевъ. Вагнеръ увѣренъ, что не будь евреевъ, не было бы никакой оппозиціи противъ его музыкальныхъ нововведеній, что во всѣхъ его неудачахъ виновата «жидовская критика». Съ Вирховомъ тоже могло случиться нѣчто подобное въ его практикѣ; очень можетъ быть, что всѣ личныя сношенія профессора съ врачемъ изъ евреевъ приносили ему только одну досаду, и нельзя не признать того факта, что наплывъ евреевъ въ медицинскую профессію можетъ казаться христіанскимъ врачамъ такимъ же національнымъ бѣдствіемъ,

какимъ кажется купцамъ наплывъ евреевъ въ дѣло торговли. Но этотъ наплывъ потому только и тягостенъ, что другія профессіи закрыты для евреевъ. Громадныя богатства, наживаемыя евреями на биржахъ, и ихъ господство на денежномъ рынкѣ могутъ возбуждать опасенія болѣе серьезнаго свойства, но рѣшающимъ факторомъ въ этомъ вопросѣ все-таки является, если не признавать даже никакихъ требованій гуманности и справедливости, самая безплодность всякихъ преслѣдованій и стѣснительныхъ мѣръ противъ евреевъ, достаточно доказанная 2,000-лѣтнимъ опытомъ. И такъ какъ приходится идти или путемъ ограниченій, или путемъ освобожденія, то всякій мыслящій политикъ не можетъ не согласиться съ тѣмъ, что при настоящемъ положеніи вещей, всякій шагъ назадъ способенъ лишь ухудшить положеніе обществъ вообще, и что поэтому лучше идти впередъ и по вопросу объ освобожденіи евреевъ.

Изъ новыхъ явленій въ беллетристической литературѣ, первое мѣсто занимаетъ новый романъ Шпильгагена [1]: «Молотъ и наковальня» (Hammer und Amboss), печатавшійся сперва на столбцахъ одной вѣнской газеты. Со времени своего появленія на литературномъ поприщѣ, Шпильгагенъ постоянно, какъ въ первомъ своемъ романѣ: «Загадочныя натуры» (Problematishe Naturen), такъ и во всѣхъ другихъ черпаетъ свои матеріалы изъ современной общественной и политической жизни, всегда являясь ревностнымъ поборникомъ прогрессивныхъ идей, съ нѣкоторымъ оттѣнкомъ аристократизма; сочувствіе къ аристократіи проявляется главнымъ образомъ въ томъ, что представители прогрессивныхъ идей обладаютъ у Шпильгагена всѣми «рыцарскими доблестями». Они высокаго роста, красивы, сильны, ѣздятъ верхомъ, плаваютъ, стрѣляютъ, отлично танцуютъ и побѣждаютъ природныхъ аристократовъ на ихъ собственномъ полѣ. Весьма быть можетъ, что это лучшее средство уничтожить обаяніе аристократіи, особенно въ глазахъ женскаго пола (преимущественно въ Германіи). Герой новаго романа появляется на сцену весьма молодымъ человѣкомъ. Недовольный строгимъ воспитаніемъ въ гимназіи, онъ убѣгаетъ отъ отца. Судьба приводитъ его къ знатному человѣку, который по невольному влеченію принимаетъ въ немъ живое участіе, и у него-то обучается онъ аристократическимъ манерамъ. Эти сцены происходятъ на островѣ Рюгенѣ, на берегу Помераніи, и отличаются мастерскимъ и талантливымъ изображеніемъ природы и людей. Дѣйствіе происходитъ въ 20-хъ годахъ, когда Рюгенъ былъ складочнымъ мѣстомъ обширной контрабандной

---

[1]) Изданный въ пяти томахъ въ Шверинѣ книгопродавцемъ Гильдебрандтомъ.

торговли съ материкомъ. Дворянинъ, къ которому пошелъ нашъ герой, занимается контрабандою, и молодой человѣкъ приходитъ скоро въ столкновеніе съ закономъ, подвергается суду, и его приговариваютъ къ продолжительному заключенію въ тюрьмѣ. Въ тюрьмѣ онъ встрѣчаетъ добраго директора, и научается тому, чего еще до сихъ поръ ни зналъ, научается *работать* и работою пробивать себѣ дорогу въ жизни. Отказываясь отъ всякой посторонней помощи, отъ кого бы она ни исходила, онъ начинаетъ свою жизнь «съ самаго низу», знакомится при этомъ съ рабочими, и подымаясь мало-по-малу все выше и выше, находитъ на мысль, пущенную въ ходъ современною жизнью, о необходимости даровать рабочему право на участіе въ прибыли работодателя; англичане придумали для нея даже особенное техническое выраженіе «industrial partnership». Не говоря о томъ, что эта мысль является въ романѣ анахронизмомъ, такъ какъ въ то время, когда происходитъ дѣйствіе въ романѣ, никто еще и не думалъ ни о чемъ подобномъ, самая мысль проведена у Шпильгагена слишкомъ легко и поверхностно, что объясняется, впрочемъ, крайней трудностью самой задачи. Не слѣдуетъ думать, однако, что политическія и общественныя тенденціи лишили романъ поэтической привлекательности. Совершенно напротивъ; романъ читается съ большимъ интересомъ и полонъ разныхъ приключеній.

Любителямъ музыки въ Россіи можно рекомендовать прекрасную исторію музыки, вышедшую изъ-подъ пера извѣстнаго музыкальнаго критика и историка, Науманна [1]), пріобрѣвшаго нѣкоторую извѣстность и въ качествѣ музыкальнаго композитора. Авторъ хочетъ показать вліяніе музыки на общую культуру и опредѣлить ее этическое значеніе. Въ первомъ, только-что обнародованномъ полутомѣ (а весь трудъ составитъ два полныхъ тома), Науманнъ разсматриваетъ отношеніе музыки къ формамъ и развитію умственной жизни.

Писать теперь изъ Берлина и не упомянуть объ открытіи «акваріума», значило бы упустить изъ виду главный предметъ всеобщихъ разговоровъ. Несомнѣнно, что этотъ акваріумъ не восьмое чудо въ мірѣ, какъ увѣряютъ слишкомъ восторженные хвалители, однако онъ все-таки весьма замѣчателенъ и заслуживаетъ вниманіе всѣхъ иностранцевъ, посѣщающихъ прусскую столицу. Парижская всемірная выставка первая указала на красоту и научную пользу акваріумовъ; по парижскому образцу, отчасти также по лондонскому, гамбургскому и ганноверскому, рѣшено было устроить акваріумъ и у насъ, такъ чтобъ онъ соединялъ въ себѣ все, что есть прекраснаго въ другихъ акваріумахъ. Съ этою цѣлью образовалось въ 1867 году акціонерное

---

[1]) Die Tonkunst in der Culturgeschichte. Von Emil Naumann. Berlin. 1869.

общество для сбора необходимаго на этотъ предметъ капитала; общество вскорѣ пріобрѣло кусокъ земли въ самомъ многолюдномъ и изящномъ кварталѣ города, на главной улицѣ: «Unter den Linden», и приступило къ постройкамъ. Архитекторъ желалъ вступить въ рѣшительное соперничество съ природою, и придумалъ устроить полуподземный ландшафтъ, въ которомъ можетъ найти себѣ пріютъ все, что ползаетъ, плаваетъ, ходитъ или летаетъ: для рыбъ копали колоссальный бассейнъ, для змѣй дѣлали ящики, для птицъ «вольеры»,—повсюду романтическіе, то мрачные, то радушные гроты и ходы, шумъ падающей воды, превосходныя перспективы и чудесные свѣтовые эффекты. Къ сожалѣнію, акваріумъ еще не готовъ, и если открытъ для публики, то вовсе не по желанію предпринимателей удовлетворить поскорѣе любопытство иностранцевъ (какъ увѣряетъ акціонерное общество), а по недостатку средствъ для покрытія всѣхъ расходовъ на устройство акваріума. И очень можетъ быть, что это обложеніе публики налогомъ удастся гораздо лучше, чѣмъ то понудительное обложеніе, которое должно было пополнить пустыя кассы сѣверо-германскаго союза.

Говорятъ, что въ правительственныхъ сферахъ господствуетъ сильное негодованіе противъ невѣжливаго обращенія парламента съ «музами» графа Бисмарка; — такъ называются отвергнутые законы о налогахъ, потому что число ихъ — девять — напоминаетъ число музъ. Но другихъ средствъ пріобрѣсть деньги не существуетъ, и правительству придется вскорѣ затянуть болѣе покорную пѣсню, если оно желаетъ получить необходимые для него милліоны. Нужда въ деньгахъ въ государственной казнѣ всегда доставляла народамъ новыя права или расширяла старыя.

к.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ИЗВѢСТІЯ

ІЮНЬ.

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

Общепонятныя естественно-научныя, гигіеническія и медицинскія сочиненія. Переводъ съ нѣмецкаго подъ редакціей докт. мед. *С. Ловцова.* Выпускъ I-й. Спб. 1869.

Популяризировать естественныя науки (гигіена и медицина суть не что иное, какъ естественныя науки въ приложеніи) можно двоякимъ образомъ, смотря по тому, какія цѣли и какіе читатели или слушатели имѣются въ виду. Если мы желаемъ просто сообщать, пропагандировать естественно-научныя знанія, то намъ достаточно вооружиться ученымъ авторитетомъ и устами его разбрасывать направо и налѣво научныя истины,—мы можемъ въ этомъ случаѣ принять на себя роль учителя-догматика и надѣяться привлечь къ себѣ публику однимъ лишь интересомъ или новизною собираемыхъ нами свѣдѣній. Подобный маневръ обыкновенно удается. Обыкновенная, большая публика *знаетъ*, даже въ самыхъ образованныхъ странахъ, весьма мало, да и то въ формѣ крайне неопредѣленной, безсвязной;—она легко сбивается съ толку, легко вѣритъ всему, что̀ исходитъ изъ рукъ людей оффиціально-компетентныхъ или носитъ на себѣ печать ученой мудрости. Но принимая на вѣру разныя свѣдѣнія, публика не пріобрѣтаетъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, возможности прилагать ихъ къ потребностямъ своей жизни и ждетъ, чтобы тѣ же магическія уста возвѣстили ей и всѣ практическіе выводы. Безъ этихъ выводовъ всѣ знанія становятся для нея пустою забавою. Популярная публичная лекція или статья, преслѣдующая одни лишь догматическія цѣли, то-есть, желающая скорѣе изумить чѣмъ научить слушателей или читателей, непремѣнно обязаны облечься въ мантію практической пользы и *совѣтовать* профанамъ воспользоваться пріобрѣтенными свѣдѣніями для непосредственнаго приложенія къ обыденной жизни. На развитіе мысли, на поднятіе умственнаго уровня въ обществѣ, подобное популяризированіе притязаній имѣть не можетъ; однако нельзя отказать ему и въ полезности.

Какъ бы то ни было, въ публикѣ есть стремленіе не только къ такъ-называемымъ практическимъ знаніямъ, но и къ знанію болѣе серьезнаго свойства,—къ такому знанію, которое передаетъ ей науку не какъ нѣчто недоступное по излишней своей высотѣ или глубинѣ, но какъ сводъ ясныхъ и простыхъ положеній въ родѣ дважды два четыре. Вся грамотная часть публики, неразвращенная легкомысленнымъ отношеніемъ къ дѣлу серьезной мысли и знающая четыре правила ариѳметики, способна понимать науку также хорошо, какъ и записные ученые, стоитъ только позаботить-

ся о томъ, чтобы форма передачи и выборъ преподаваемаго предмета совпадали съ упомянутымъ уровнемъ развитія читателей. Пріобрѣтая знаніе общихъ выводовъ науки и пріобрѣтая ихъ такимъ образомъ, что они обогащаютъ не память только, но и главнымъ образомъ умъ, грамотная публика пріобрѣтаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ способность самостоятельно мыслить, прилагать общіе выводы къ частнымъ случаямъ, подвергать ихъ разумному опыту,—однимъ словомъ, развивать свои умственныя силы.

Книга, изданная г. Ловцовымъ, состоитъ изъ пяти статей, и изъ нихъ только одна: «о первомъ возникновеніи органическихъ существъ и дробленіи ихъ на виды»—можетъ быть причислена къ разряду не-догматическихъ. Но эту статью нельзя признать популярною, такъ какъ она требуетъ кое-какого предварительнаго знакомства съ теоріею Дарвина. Сверхъ того, эта статья слишкомъ устарѣла; цѣлая четверть ея посвящена разсужденіямъ о самозарожденіи и похваламъ Пастеру, достовѣрность опытовъ котораго подверглась еще такъ недавно сильному сомнѣнію, вслѣдствіе прекрасныхъ работъ Пуше и другихъ приверженцевъ самозарожденія.

Изъ остальныхъ статей: «питательныя и непитательныя вещества» проф. Вирхова, «о вліяніи климата на человѣка» д-ра Оппейнгеймера, «объ употребленіи болеутоляющихъ средствъ вообще и хлороформа въ частности» проф. Вебера, «алькоголь и спиртные напитки» д-ра Меллера,—только три первыя заслуживаютъ вниманія; послѣдняя же интересна лишь по одному заглавію. Неизвѣстный докторъ Меллеръ наговорилъ въ этой статьѣ въ 33 странички обо всемъ, что касается не только до употребленія спиртныхъ напитковъ, но и до приготовленія ихъ; онъ говоритъ и объ алькоголѣ, и о водкѣ, и о виноградномъ винѣ, и о пивѣ, и о самосгараніи, и о налогахъ на спиртные напитки, о разныхъ средствахъ противъ пьянства. Но все это изложено такъ поверхностно и кое-какъ, что читатель не извлечетъ изъ статьи и той пользы, какую должны доставлять ему популяризаторы-догматики. Есть въ этой статьѣ и грубыя ошибки, которыя могъ бы поправить русскій редакторъ. Меллеръ утверждаетъ, напримѣръ, что алькоголь (стр. 140) быстро разлагается въ крови, причемъ измѣненіе, которое претерпѣваетъ онъ, «состоитъ безъ сомнѣнія, въ окисленіи (горѣніи) и онъ постепенно превращается въ альдегидъ, уксусную кислоту и наконецъ въ углекислоту и воду». Таково было мнѣніе Либиха лѣтъ двадцать тому назадъ, когда этотъ знаменитый химикъ создалъ свою теорію о раздѣленіи всѣхъ пищевыхъ веществъ на питательныя и дыхательныя. Послѣ того, въ 1853 году пражскій врачъ Духекъ старался подтвердить эту теорію прямыми опытами надъ животными, но работа нашего физіолога, проф. Сѣченова: «Матеріалы для будущей физіологіи алькогольнаго опьянѣнія», окончательно подорвала всякое довѣріе къ сочиненію Духека. Изъ своихъ многочисленныхъ опытовъ, г. Сѣченовъ выводитъ (стр. 75 «Матеріаловъ»), что «наибольшая масса алькоголя поступаетъ въ кровь и остается въ ней безъ химическаго измѣненія»; онъ доказываетъ, сверхъ того, что алькоголь выходитъ изъ организма неизмѣненнымъ черезъ легкія и почки,—у него есть, наконецъ, одинъ опытъ, дающій понять, какимъ образомъ неизмѣненный алькоголь носится, вмѣстѣ съ кровью, по кровеноснымъ сосудамъ. Окисленія алькоголя въ крови не происходитъ по той простой причинѣ, «что количество поглощаемаго кровью кислорода не измѣняется отъ прибавленія къ ней алькоголя даже въ дозахъ, превышающихъ тѣ, которыя могутъ находиться въ этой жидкости у пьянаго животнаго» (стр. 26 «Матер.»). Сочиненіе г. Сѣченова вышло въ 1860 г., и если Меллеръ не имѣетъ о немъ никакого понятія, то изъ этого еще не слѣдуетъ, что и г. Ловцовъ можетъ имъ пренебречь. Говорить объ экономическихъ нелѣпостяхъ, которыми испещрена статья Меллера (напримѣръ, пошлина на заторъ можетъ, будто бы, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, нанесть чувствительный ущербъ сельскому хозяйству, или: гнать водку изъ картофеля — втрое выгоднѣе землевладѣльцу, чѣмъ гнать ее изъ зерноваго хлѣба), — не стоитъ, такъ какъ извѣстно, что врачи почти всегда отличаются крайнимъ невѣжествомъ во всемъ, что не касается ихъ спеціальности. Даже Вирховъ въ книжкѣ г. Ловцова, на стр. 6, перечисляя главные способы добыванія пищи, къ числу ихъ относитъ и торговлю; — такимъ образомъ купить, по Вирхову, значитъ добывать.

Какъ статья гигіеническая, сочиненіе Вирхова превосходно какъ по изложенію, такъ и

по содержанію. Свой предметъ знаменитый профессоръ излагаетъ весьма отчетливо, пользуясь всѣми данными современной науки. Къ несчастію, нѣкоторые совѣты Вирхова падутъ у насъ на безплодную почву по волѣ русскаго издателя. Такъ, Вирховъ убѣдительно доказываетъ, что мясной супъ или бульонъ долженъ быть причисленъ къ тому разряду пищевыхъ веществъ, который служитъ намъ не для питанія, а для наслажденія. «Супъ есть предметъ роскоши, который постоянно ѣсть могутъ только богатые». Людямъ средняго и низшаго класса народа, «у которыхъ мясо, варимое для приготовленія бульона, часто составляетъ единственное мясное блюдо за ихъ столомъ», Вирховъ совѣтуетъ «оставить столь нехозяйственное приготовленіе ихъ кушанья», ибо при приготовленіи бульона «мясо теряетъ большую часть своей питательности», и становится такимъ же «тяжкимъ испытаніемъ», какъ бѣлокъ въ крутыхъ яйцахъ (стр. 19). Свои замѣчанія о бульонѣ Вирховъ сообщилъ, вѣроятно, людямъ, дѣйствительно нуждающимся въ благоразумномъ совѣтѣ профессора, да и статья его продается въ Германіи никакъ не по рублю серебромъ. Мы не упрекаемъ г. Ловцова въ назначеніи этой цѣны, такъ какъ въ ней онъ даетъ намъ не одну статью Вирхова, — однако мы не можемъ выразить нашего сожалѣнія о томъ, что эта статья не продается отдѣльно по цѣнѣ болѣе доступной. Русскій читатель, могущій платить по рублю за сборникъ разныхъ популярныхъ статей, несомнѣнно находится въ столь благопріятныхъ обстоятельствахъ, что можетъ доставить себѣ и такую роскошь, какъ супъ и хорошее блюдо мяса. Правда, что и достаточные люди могутъ воспользоваться этимъ совѣтомъ и замѣнить наслажденіе бульономъ какимъ-нибудь инымъ наслажденіемъ, — англичане, напримѣръ, кушаютъ супъ лишь изрѣдка, — но все-таки совѣтъ Вирхова останется безплоднымъ для тѣхъ, кому онъ предназначенъ самимъ авторомъ. Другія сообщенія профессора найдутъ, вѣроятно, полное примѣненіе. Всѣ, кто прочтетъ тѣ страницы, гдѣ разбирается вопросъ о томъ, «требуетъ ли желудокъ работы», и гдѣ описываются вредныя послѣдствія недостаточнаго переваренія пищевыхъ веществъ, убѣдятся навѣрное, что черный хлѣбъ вовсе не лучше бѣлаго, а напротивъ хуже его, что свѣжіе плоды перевариваются въ организмѣ труднѣе вареныхъ, что вареное или жареное мясо здоровѣе сырого, и что какую бы пищу ни пришлось употреблять, ее слѣдуетъ хорошенько пережевывать.

Къ веществамъ непитательнымъ Вирховъ причисляетъ, кромѣ лекарствъ и ядовъ, всѣ вещества, доставляющія намъ наслажденіе посредствомъ или простого возбужденія, или одуренія, или посредствомъ освѣженія. Онъ окончательно отвергаетъ употребленіе одуряющихъ веществъ, высказывая при этомъ опасеніе, что и въ потребленіи просто возбуждающихъ веществъ «трудно соблюдать мѣру». Онъ желалъ бы замѣнить водку «простыми сортами вина и пива», а мясной бульонъ однимъ кофе. Возбуждающія средства, впрочемъ, служатъ не однимъ лишь предметомъ наслажденія, такъ какъ «они пробуждаютъ дремлющія дѣятельности». Они не могутъ создать новыя силы, но они могутъ «оживить» имѣющіяся силы. «Усталый членъ, усталый работникъ» (говоритъ Вирховъ) могутъ найти въ возбуждающемъ средствѣ новыя силы, потому что оно производитъ въ нихъ возбужденіе, которое безъ него не явилось бы. Вотъ въ чемъ тайна и вмѣстѣ съ тѣмъ благодѣтельное дѣйствіе нѣкоторыхъ возбуждающихъ средствъ, вслѣдствіе чего они становятся не просто предметомъ наслажденія, а до нѣкоторой степени рабочими средствами. При умѣренномъ потребленіи они могутъ быть *въ этомъ смыслѣ* очень полезны. Но не надо забывать, что это не пища и что всякая сила, вызванная къ дѣятельности возбуждающимъ средствамъ, требуетъ *двойной доставки* веществъ, вознаграждающихъ потери тѣла, чтобы организмъ не истощался». Итакъ, если кто желаетъ, чтобъ его рабочіе усердно работали, пусть не жалѣетъ для нихъ чарки водки.

Въ статьѣ доктора Оппенгеймера есть тоже нѣсколько весьма полезныхъ замѣчаній, особенно о значеніи одежды въ гигіеническомъ отношеніи. Одежда—это «переносный климатъ», такъ какъ она даетъ человѣку возможность примѣняться ко всѣмъ колебаніямъ температуры воздуха, не подвергая своихъ органовъ всѣмъ превратностямъ климата. Дѣйствіе одежды на организмъ, въ разныя времена года, измѣряется ея вѣсомъ. Зимою человѣкъ одѣ-

даетъ на себя по крайней мѣрѣ, вдвое болѣе (по вѣсу) одежды, чѣмъ лѣтомъ. Одежда имѣетъ вліяніе не только на сохраненіе теплоты въ тѣлѣ, но и на испареніе воды чрезъ кожу. Основываясь на этихъ общихъ данныхъ, Оппенгеймеръ даетъ нѣсколько практическихъ совѣтовъ. Разсужденія его о климатѣ ограничиваются, впрочемъ, вліяніемъ одной лишь температуры и влажности воздуха, объ общемъ видѣ природы онъ не говоритъ ни слова. Оппенгеймеръ сильно порицаетъ врачей, не возстающихъ противъ извѣстнаго предразсудка о цѣлительномъ свойствѣ южнаго климата. Самъ по себѣ, южный климатъ недостаточенъ для исцѣленія больныхъ, и если слабыя, малокровныя особы чувствуютъ себя на югѣ лучше, чѣмъ на сѣверѣ, то только въ тѣ мѣсяцы, когда на сѣверѣ бываетъ холодно, то-есть, когда человѣку приходится расходовать слишкомъ много силъ къ поддержанію своей собственной теплоты. Конечно, этотъ расходъ вознаграждается усиленнымъ потребленіемъ пищи, но слабые люди, въ большей части случаевъ, обладаютъ и плохимъ желудкомъ, а слѣдовательно, въ извѣстное время года имъ лучше жить въ такомъ климатѣ, гдѣ желудокъ не подвергается излишнимъ усиліямъ. Новыхъ силъ южный климатъ не даетъ, и больныхъ, не подающихъ надежды на выздоровленіе, излѣчивать не можетъ.

Большую пользу обыкновенному читателю принесетъ статья Вебера объ употребленіи хлороформа во время производства хирургическихъ операцій. Почтенный авторъ не распространяется ни о приготовленіи хлороформа, ни объ историческомъ происхожденіи его, но за то весьма обстоятельно и съ знаніемъ дѣла разсказываетъ о дѣйствіяхъ его на организмъ, о пользѣ и опасностяхъ его болеутолительныхъ свойствъ. Всѣ замѣчанія Вебера основаны на личныхъ наблюденіяхъ надъ людьми и на многихъ опытахъ надъ животными. Познакомившись съ его статьею, вы легко поймете, что авторъ совершенно правъ, когда онъ говоритъ, что «употребленіе хлороформа принадлежитъ къ числу величайшихъ благодѣяній, которыя XIX-е столѣтіе оказало страждущему человѣчеству». Въ самомъ дѣлѣ, съ введеніемъ хлороформа въ хирургію, въ ней нѣтъ уже невозможныхъ операцій; больные, страдающіе опасными недугами, излѣченіе которыхъ невозможно безъ операціи, могутъ теперь вполнѣ полагаться на то, что опытный операторъ не сдѣлаетъ надъ ними неловкихъ движеній ножомъ, и что имъ удастся перенесть даже большую операцію почти безъ всякой боли. Между тѣмъ, кому изъ врачей не случалось встрѣчаться съ больными, болѣющими оттого только, что они во время не рѣшились на операцію, изъ боязни передъ болью и передъ возможностью ошибки хирурга? «Хуже самой боли, говоритъ Веберъ, мысль о предстоящемъ страданіи и происходящій оттого, часто непреодолимый страхъ. Многіе больные съ трепетомъ и ужасомъ ждутъ по цѣлымъ недѣлямъ самой пустой операціи, постоянно откладываютъ ее изъ боязни боли и часто доводятъ до того, что наконецъ уже поздно дѣлать операцію... Теперь мы можемъ положительно обѣщать больному, что онъ проведетъ часы муки въ пріятномъ снѣ... Я убѣжденъ, что въ будущемъ случаи надежнаго излѣченія станутъ повторяться гораздо чаще, потому что больные, успокоенные насчетъ страданія при операціи, будутъ раньше теперешняго рѣшаться на основательное удаленіе больныхъ частей ихъ тѣла».

Но при употребленіи хлороформа слѣдуетъ тщательно слѣдить за состояніемъ оперируемаго больного, такъ какъ хлороформированіе можетъ быть причиною смерти. Правда, что въ продолженіи слишкомъ 20-лѣтняго употребленія этого средства, изъ многихъ милліоновъ оперируемыхъ, погибли отъ хлороформа не болѣе 150 лицъ, такъ что опасность умереть отъ хлороформа, принятаго для излѣченія отъ смертельной болѣзни, меньше опасности поѣздки по желѣзной дорогѣ на концертъ Штрауса, — однако и это, повидимому, незначительное обстоятельство, можетъ препятствовать нѣкоторымъ черезчуръ боязливымъ особамъ въ ихъ рѣшимости подвергнуться спасительной операціи. По тщательномъ изслѣдованіи всѣхъ этихъ 150-ти несчастныхъ случаевъ, оказалось, что многіе изъ нихъ произошли вслѣдствіе того, что хлороформировали людей, страдающихъ болѣзнями сердца и склонныхъ къ обморокамъ; другіе случаи смерти отъ хлороформа произошли вслѣдствіе значительной потери крови во время операціи. Автору этой статьи самому пришлось присутствовать при одномъ подобномъ случаѣ въ С.-Петербургѣ, въ 1861 году. У молодого парня была огром-

ная раковая опухоль на одномъ изъ плечей; лучшіе профессора хирургіи рѣшились отнять руку, — подъ вліяніемъ хлороформа, во время операціи, больной заснулъ на-вѣки. Всѣ усилія (употребляли, между прочимъ, и гальваническій токъ) пробудить его оказались безуспѣшными. По всей вѣроятности, хлороформъ въ этомъ случаѣ проявилъ свое опасное вліяніе только вслѣдствіе значительной потери крови. Обвинять профессоровъ въ неумѣлости было бы крайне странно.

Какъ бы ни было, въ послѣдніе 10 лѣтъ, по словамъ Вебера, сдѣлано столько улучшеній въ употребленіи хлороформа при операціяхъ и придумано столько способовъ возвращенія къ жизни удушенныхъ подъ вліяніемъ хлороформа (смерть отъ хлороформа—все равно, что смерть отъ задушенія), что смерть отъ хлороформированія стала явленіемъ довольно рѣдкимъ, и число такихъ несчастныхъ случаевъ ежегодно уменьшается.

Въ настоящее время хлороформъ нерѣдко употребляютъ при родахъ, чтобъ избавить женщину отъ напрасныхъ страданій. Веберъ признаетъ пользу хлороформа въ этихъ случаяхъ, и сильно возстаетъ противъ суевѣрнаго и ханжескаго предразсудка, распространеннаго въ обществѣ относительно избавленія женщинъ отъ такъ-называемой «библейской» муки. Многіе воображаютъ, что родить безъ боли—грѣшно, и есть не мало духовныхъ особъ, убѣжденныхъ въ томъ, что употребленіе хлороформа при родахъ противно предписаніямъ религіи и чуть ли не ниспровергаетъ весь авторитетъ библіи. Но эти разсужденія напоминаютъ собою догматическій споръ изъ-за шарообразности нашей планеты, а также анаѳемы, щедро сыпавшіяся во время оно на голову такихъ людей, какъ Коперникъ, Колумбъ, или Галилей. Честь введенія хлороформа, какъ болеутоляющаго средства при операціяхъ и родахъ, принадлежитъ эдинбургскому профессору хирургіи и акушерства, Симпсону.

Юр. Р.

ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА.

Lettres sur l'Instruction Publique en Russie, adressées à Monsieur le comte D. Tolstoï, ministre de l'Instruction Publique. Par D. K. Schédo-Ferroti.

Публицистъ, скрывающійся подъ псевдонимомъ Шедо-Ферроти, представляется намъ чѣмъ-то въ родѣ Протея. Началъ свою дѣятельность въ то время, когда наше современное общество начинало свою, онъ былъ первый русскій публицистъ за границею, котораго сочиненія (хотя и не всѣ) были допущены въ наши предѣлы. Время то, по лѣтосчисленію, еще не далеко, и молодое поколѣніе, съ тѣхъ поръ народившееся, еще ходитъ въ курточкахъ, тѣмъ не менѣе никто не станетъ спорить, что это было очень давно, такъ давно, какъ пятнадцатилѣтній возрастъ для двадцатипятилѣтняго человѣка (сравненіе это, впрочемъ, вѣрно не во всѣхъ отношеніяхъ). Молодой человѣкъ, положимъ въ двадцатипятилѣтнемъ возрастѣ, не очень любитъ вспоминать про періодъ своихъ Fliege-Jahre; ему непріятно думать о тогдашнихъ своихъ увлеченіяхъ, хорошихъ и глупыхъ, все равно. Онъ еще краснѣетъ за тѣ и за другія. Не такъ онъ будетъ относиться къ этому прошлому лѣтъ еще черезъ пятнадцать, когда самому ему стукнетъ сорокъ лѣтъ. Тогда онъ полюбитъ свое юношество и не только проститъ себѣ увлеченія, если они истекали изъ чистаго источника, но, быть можетъ, поставитъ даже выше своей благопріобрѣтенной житейской мудрости и гражданской сдержанности, нѣсколько-безсвязный, но смѣлый и прямодушный языкъ своей юности. Но этотъ періодъ еще не наступилъ.

Г. Шедо-Ферроти, это — одинъ изъ нашихъ гувернеровъ того давняго періода. Въ настоящее время онъ не можетъ разсчитывать на наше расположеніе, потому что мы преимущественно помнимъ о гувернерѣ только то, что ему отдавалось преимущество передъ нашими товарищами, хотя послѣдніе, не будучи гувернерами, ни на какое вознагражденіе за свои дѣянія претензіи не имѣли и тѣмъ самымъ уже заслуживали снисходительности. Намъ пріятно вспомнить, что гувернеры къ намъ приставленные не были лишены нѣкотораго легкомыс-

-лія, что жертвы отъ нихъ мы никакой не видали, наконецъ, что будучи уже въ то время людьми практическими и неувлекающимися, они всѣ, что называется, «мелко плавали».

Вотъ почему, встрѣчаясь съ новымъ урокомъ г. Шедо-Ферроти, мы впередъ предубѣждены противъ него, не хотимъ его заучивать и даже находимъ удовольствіе попрекнуть его непостоянствомъ въ цѣляхъ и перемѣнчивостью въ положеніи. Г. Шедо-Ферроти былъ допущенъ къ намъ гувернеромъ по части реформы административнымъ путемъ. Онъ первый прочелъ намъ въ печати лекціи о пользѣ „сокращенія дѣлопроизводства", какъ основанія для всѣхъ дальнѣйшихъ реформъ. Въ то время онъ слылъ либераломъ, и сочиненіе его о безполезности табели о рангахъ считалось небезопаснымъ въ кругу лицъ пятаго класса. Но прогрессъ нашъ скоро обогналъ его, и онъ прослылъ, если не крѣпостникомъ, то во всякомъ случаѣ «противовѣромъ» (помнитъ ли еще кто-нибудь это выраженіе?). Такъ онъ и состоялъ на счету, пока — опять въ очень скоромъ времени — не былъ снова перечисленъ въ категорію небезопасныхъ, а по увѣренію нѣкоторыхъ органовъ — даже положительно опасныхъ и зловредныхъ враговъ отечества. Тѣмъ не менѣе сочиненія этого опаснаго заграничнаго публициста продолжали допускаться въ Россію. Затѣмъ, когда реформы дѣйствительныя уже провели глубокую борозду по общественной жизни, о г. Шедо-Ферроти забыли. А такъ какъ онъ самъ напоминалъ о себѣ, то за трудностью отвести для него новое мѣсто, его перевели въ категорію состоящихъ при архивѣ нашихъ порѣшенныхъ дѣлъ. Вотъ этимъ-то родомъ метаморфозъ и переходовъ изъ лагеря благонамѣренныхъ въ ряды опасныхъ и наоборотъ, мы и готовы въ настоящее время попрекнуть г. Шедо-Ферроти.

А между тѣмъ, странное дѣло! Какъ возьмешь въ руки нѣсколько его брошюрокъ, отъ нихъ такъ и пахнетъ недавнею стариною. Всѣ его книжечки одинаково аккуратненькія, одинаково изсѣра-синенькія, одинаково изданы въ одно время въ городѣ Берлинѣ, Unter den Linden, 2, и въ Лейпцигѣ Königsstrasse, 3. И французскій языкъ этихъ брошюрокъ все точно также убѣдительно доказываетъ полное знакомство автора съ самыми витіеватыми оборотами французской рѣчи, какъ французскія депеши нѣкоторыхъ канцелярій. А русскія слова, помѣщенныя въ подвальцахъ, подъ черточкой, все также удивляются, какимъ чудомъ ихъ братья rasnotchinetz, tchinovniki и др. смотрятъ изъ бельэтажа французскаго текста. Да и содержаніе всѣхъ этихъ брошюрокъ, какъ пересмотришь ихъ не въ теченіи какихъ-нибудь тринадцати лѣтъ, а въ продолженіи часа времени — право, совершенно одинаково, изсѣра-синенькое, стольже неизмѣнное по цвѣту, какъ и обложка.

Нужно отдать г. Шедо-Ферроти справедливость: онъ вовсе собственно, онъ и никогда опаснымъ не бывалъ, и въ „орудіе интриги" попалъ только по навѣтамъ той родной интриги, которая сама пользовалась стольже исключительно-привилегированнымъ положеніемъ относительно цензуры внутренней, какъ этотъ публицистъ — относительно цензуры иностранной. Г. Шедо-Ферроти съ самаго начала былъ преподавателемъ той теоріи „постепенности", надъ которой нѣкогда издѣвались, и къ которой нынѣ рѣшительно пристали нѣкоторые изъ издѣвавшихся, назвавъ ее только другимъ именемъ. Такъ французы, которымъ самое слово gendarmes при Карлѣ X было столь ненавистно, вполнѣ одобрили la garde municipale при Людовикѣ-Филиппѣ. „Постепеновщину" г. Шедо-Ферроти понималъ такъ, что началомъ всего должно быть „сокращеніе дѣлопроизводства", а затѣмъ по малости — по приблизительному разсчету лѣтъ черезъ двѣсти — придетъ и нѣчто уже гораздо болѣе крупное. Такъ онъ думалъ въ самомъ началѣ, такъ онъ думаетъ и въ концѣ, и предпослѣдняя книга его «Le Nihilisme en Russie» несомнѣнно о томъ свидѣтельствуетъ. Придетъ время и все будетъ, надо только имѣть терпѣніе — вотъ сущность какъ «постепеновщины», такъ и замѣнившей, но нисколько не измѣнившей ее теоріи о необходимости «предварительныхъ успѣховъ въ гражданственности», «предварительнаго возвышенія общаго уровня» — какъ она еще называется.

Предшествующія размышленія невольно вызываются новою встрѣчею съ такимъ старымъ знакомымъ, какъ г. Шедо-Ферроти. Обращаясь затѣмъ собственно къ выше названной брошюрѣ его, мы должны сказать, что въ ней развивается мысль, которая заслуживаетъ серьезнаго разсмотрѣнія и во всякомъ случаѣ сочувствія. Г. Шедо-Ферроти, съ даромъ изло-

женія записного публициста, пишетъ г. министру народнаго просвѣщенія, какъ онъ (т. е. господинъ Шедо-Ферроти), судя по газетнымъ статьямъ, полагалъ, что дѣло устройства народныхъ школъ и распространеніе образованія въ народѣ идетъ у насъ успѣшно, и что если въ огромномъ большинствѣ селеній школъ еще нѣтъ, такъ это только потому, что ихъ «собираются завести въ скоромъ времени» (qu'on est à la veille d'en augmenter le nombre); какъ вдругъ онъ былъ разочарованъ въ этомъ отношеніи, когда ему попался одинъ изъ декабрьскихъ номеровъ «Московскихъ Вѣдомостей», гдѣ прямо такъ-таки и пишутъ, что первоначальныхъ учителей у насъ нѣтъ. Г. Шедо-Ферроти объявляетъ, что такъ-какъ «Моск. Вѣд.» не могутъ быть заподозрѣны въ умышленномъ распространеніи извѣстій, посягающихъ на національное достоинство (каковъ дипломатъ!), ни въ преувеличеніи полутёмныхъ красокъ на представляемыхъ ими картинахъ положенія страны (exagerer les teintes bistrées),—то онъ обязанъ теперь вѣрить, что народныхъ учителей у насъ въ самомъ дѣлѣ нѣтъ.

Пусть г. Шедо-Ферроти успокоится: такое мнѣніе его вполнѣ вѣрно, хотя онъ могъ и не заимствовать его изъ „Московскихъ Вѣдомостей.“ Со стороны этого публициста даже слишкомъ великодушно предполагать, будто у насъ и правда—неправда, пока она не напечатана въ «Моск. Вѣдомостяхъ.» Какъ бы то ни было, г. Шедо-Ферроти, придя къ убѣжденію, что народныхъ учителей у насъ нѣтъ, съ свойственною ему энергіею тотчасъ сталъ соображать, какія бы принять мѣры? Естественно, ему пришла мысль обратиться съ результатами своихъ размышленій по этому предмету къ министру народнаго просвѣщенія, котораго болѣе чѣмъ кого-либо долженъ занимать этотъ первостепенной важности вопросъ. Если бы г. Шедо-Ферроти зналъ, что министерство народнаго просвѣщенія усиленно занималось въ послѣднее время проектомъ о новомъ пересмотрѣ курса преподаванія въ нашихъ гимназіяхъ и рѣшило этотъ вопросъ въ смыслѣ, который признаютъ вполнѣ удовлетворительнымъ тѣже «Московскія Вѣдомости», то, по всей вѣроятности, брошюра его носила бы заглавіе: «О необходимости усилить классическое преподаваніе въ гимназіяхъ», и, въ такомъ случаѣ, разумѣется, имѣла бы другое содержаніе.

Но онъ этого не зналъ и написалъ письмо къ г. министру о необходимости имѣть достаточное число народныхъ учителей. И хорошо сдѣлалъ г. Шедо-Ферроти, потому что въ нынѣшнюю брошюру забралась мысль, надъ которою стоитъ призадуматься. Первоначальное народное обученіе онъ возлагаетъ *на женщинъ*. Доказывая, что самое большое вознагражденіе, какое только могутъ дать сельскимъ учителямъ, будетъ все-таки слишкомъ недостаточно для того, чтобы привлечь въ эту безъисходную должность людей образованныхъ, и доказывая съ другой стороны безъисходность настоящаго положенія большинства сколько-нибудь образованныхъ, но нисколько не обезпеченныхъ женщинъ въ Россіи, онъ предлагаетъ призвать женщинъ въ народныя наставницы. Г. Шедо-Ферроти разсуждаетъ такъ: въ Россіи есть 113 тысячъ семействъ духовнаго званія (по числу священно-и церковнослужителей) и до 200 тысячъ человѣкъ служащихъ съ классными чинами. Это составляетъ многочисленный классъ людей грамотныхъ, очень значительная часть котораго не можетъ дать своимъ дочерямъ какого-либо независимаго обезпеченія. Онъ, не безъ основанія, полагаетъ, что женщины этого класса охотно пошли бы въ наставницы, и что народъ принялъ бы ихъ сочувственно, особенно въ отношеніи обученія дѣвочекъ, которыхъ женщинамъ родители довѣрятъ охотнѣе, тѣмъ болѣе, что женщины обучали бы и такъ-называемымъ рукодѣльямъ: шитью и т. д., знакомство съ которыми очень мало распространено среди нашего сельскаго люда. Столь же основательно авторъ предпочитаетъ воспитательное вліяніе на народъ женщинъ, чѣмъ тѣхъ «разночинцевъ», которыхъ онъ, однако, что-то ужъ черезчуръ боится, и видитъ въ этомъ залогъ важнаго измѣненія во всемъ взглядѣ народа на «бабу», а затѣмъ и на положеніе «бабы», существа, безправнѣе и загнаннѣе котораго, дѣйствительно, едва ли есть другое на свѣтѣ, за исключеніемъ рабовъ.

Вѣрный своему обыкновенію переходить отъ мысли къ полному административному проекту, съ подробностями, г. Шедо-Ферроти предлагаетъ учредить «Общину сестеръ-наставницъ», назначаетъ въ каждомъ губернскомъ городѣ «сестру попечительницу» и предлагаетъ подвергать экзамену въ училищахъ кандида-

токъ, которыя пожелаютъ вступить въ «Общину сестеръ-наставницъ».

Онъ не ограничивается однимъ зачисленіемъ въ общину кандидатокъ, оказавшихся способными, а предлагаетъ еще учрежденіе нормальныхъ школъ для образованія наставницъ, съ платою или обязательнымъ срокомъ службы.

Не вдаваясь въ разсмотрѣніе подробностей этого проекта, въ которомъ г. Шедо-Ферроти выработалъ даже убѣжденіе въ необходимости обязательнаго для сестеръ-наставницъ мундира, скажемъ, что въ основной мысли его есть сторона дѣльная.

Les Révolutions, par Pascal Duprat. Paris 1869.

Въ книгѣ Паскаля Дюпрà особенно назидательна глава о «революціяхъ военныхъ», гдѣ, конечно, доказывается несовмѣстимость духа милитаризма съ духомъ свободы. «Когда два генерала кричатъ вмѣстѣ: да здравствуетъ свобода! то не можетъ быть, чтобы они не перемигнулись другъ на друга съ усмѣшкою, какъ авгуры въ древнемъ Римѣ». Такими и подобными изреченіями наполнена вся книга, имѣющая характеръ того, что̀ французы называютъ «Maximes». Изреченія Паскаля Дюпрà не отличаются ни своеобразностью, ни особенною глубиною, и едва ли гдѣ-нибудь, кромѣ Франціи, извѣстный публицистъ, какъ Паскаль Дюпрà, рѣшится выступить съ подобнымъ сочиненіемъ. Но практической пользы его отрицать нельзя, въ особенности по мѣстнымъ условіямъ. Сборъ кратко и популярно изложенныхъ мыслей и примѣровъ, служащихъ оружіемъ противъ всякаго рода реакціи, самъ по себѣ полезенъ; онъ особенно полезенъ во Франціи, гдѣ такъ много значитъ ловкая фраза, то, что̀ нѣмцы называютъ ein Schlagwort. Такая книга, и не имѣя внутренней цѣны, представляетъ пользу, какъ справочный лексиконъ «хорошихъ словъ», или «арсеналъ либеральнаго оружія».

Книга П. Дюпрà — чисто политическая, по самому своему назначенію; она предназначена къ тому, чтобы доставить массѣ средства парировать ораторскіе удары, которыми оффиціально защищается во Франціи нынѣшній порядокъ. Въ ней есть прозрачныя аллегоріи и портреты (на манеръ Ла-Брюера), въ которыхъ легко найти черты, подходящія къ нынѣшнимъ правительственнымъ личностямъ, напр. «либеральный принцъ», «юристъ, перешедшій на сторону силы» и т. п. Само собою разумѣется, что французская революція (первая) даетъ здѣсь обильный предметъ для приговоровъ и богатый матеріалъ для примѣровъ. Революція, это—единственная традиція современной Франціи, и къ ней неизбѣжно сводится тамъ всякое политическое преніе. Одно изъ лучшихъ въ этомъ сборникѣ слѣдующее мѣсто: «Со стороны демократіи—ошибка предпринимать защиту всѣхъ дѣйствій революціи. Мы не сыны традиціи, какъ наши противники, а приверженцы разума, свободнаго и самостоятельнаго. Что̀ велико, благородно и священно въ дѣлѣ нашихъ отцовъ (революціи), это — исходная точка и цѣль. Исходною точкою ея служитъ человѣческая природа, съ ея правами, не подлежащими отмѣнѣ, но столь часто нарушаемыми въ учрежденіяхъ. Цѣль ея — такое политическое и общественное устройство, которое обезпечивало бы каждому пользованіе этими правами и покрывало ихъ непроницаемою бронею. Путь отъ точки отправленія до цѣли былъ длиненъ, труденъ, загроможденъ всякаго рода препятствіями. Эти препятствія надлежало сломить». Но въ другомъ мѣстѣ, уступая своей практической цѣли, авторъ, въ противорѣчіе упомянутой оговоркѣ, все-таки силится если не оправдать ужасы революціи, то извинить ихъ неизбѣжностью, свалить вину ихъ на внутреннихъ и внѣшнихъ враговъ отечества, наконецъ на примѣръ террора, уже прежде поданный кардиналомъ Ришльё и не разъ еще до него.

Исключительно-политическое направленіе общественной мысли до того еще сильно по настоящее время во Франціи, что въ книгѣ, посвященной французской молодежи, книгѣ, имѣющей въ виду подготовить будущность, нѣтъ ни слова о тѣхъ могущественнѣйшихъ факторахъ будущаго, которые представляются распространеніемъ образованія въ массахъ и экономическими улучшеніями. Въ книгѣ о революціяхъ нѣтъ ничего о вліяніи умственныхъ движеній на политическіе перевороты, а цѣлая глава посвящена вліянію, какое политическія революціи оказываютъ на литературу, языкъ и искусство.

Novellen von Karl Büchner. Reudnitz 1869. (Разсказы, К. Бюхнера).

Это три повѣсти молодого писателя, встрѣченныя съ сочувствіемъ нѣмецкою критикою. Тутъ есть и трагедія, и юморъ, а болѣе всего живости и простоты. Сами по себѣ онѣ, конечно, не очень занимательны, и мы упоминаемъ о повѣстяхъ К. Бюхнера собственно потому, что беремъ ихъ въ примѣръ для нѣкоторой замѣтки. Замѣтка эта будетъ о напыщенности, ходульности нѣмецкаго литературнаго языка. Подъ именемъ ходульности мы разумѣемъ не обиліе эффектныхъ фразъ, которымъ отличается литература французская и которая зависитъ не отъ литературныхъ условій, а просто отъ національнаго вкуса. Нѣмецкій литературный языкъ ходуленъ, напыщенъ не по притязательности, не по франтовству, а самымъ наивнымъ образомъ, прямо по преданію. Англичане пишутъ разговорнымъ языкомъ; французы тоже пишутъ разговорнымъ языкомъ, обыкновенными словами, только заставляютъ ихъ скакать и граціознячать. Нѣмцы же пишутъ совсѣмъ особымъ языкомъ, другими словами, чѣмъ говорятъ. Между нѣмецкимъ литературнымъ не только слогомъ, но и самымъ языкомъ и языкомъ, который употребляется нѣмцами въ разговорахъ — большая разница. Разница эта особенно поражаетъ, когда въ повѣсти, романѣ и въ особенности въ драматическихъ произведеніяхъ вы встрѣчаете *разговоры*. Эти разговоры происходятъ не на обыкновенномъ, а на совсѣмъ особомъ языкѣ. Нѣмцы къ этому различію привыкли, или, лучше сказать, никогда отъ него не отвыкали; но ухо иностранца эта фальшь поражаетъ очень непріятнымъ образомъ. Еще въ пьесахъ «высокаго полета» вы ее не такъ замѣчаете; но въ обыкновенной нѣмецкой комедіи, comédie de mœurs, она положительно мѣшаетъ, предубѣждаетъ васъ противъ всего, что творится на сценѣ. Какъ только вы заслышите на каждомъ шагу эти «bereits», «zweckmässig», «vorenthalten» и т. п., такъ на васъ и повѣетъ самою непріятною дюжинною фальшью, потому что нѣмцы, въ дѣйствительности, говорятъ вовсе не такъ. Переводчики, разумѣется, передѣлываютъ все это, придерживаясь въ передачѣ разговоровъ употребительныхъ формъ своего языка; оттого всѣ разговоры—замѣтьте, собственно разговоры — выходятъ гораздо лучше въ переводахъ нѣмецкихъ пьесъ и романовъ, чѣмъ въ оригиналѣ.

Впрочемъ, это такое дѣло, что оно не можетъ быть выяснено иначе, какъ примѣромъ. И вотъ для примѣра доказательнаго, мы нарочно выбрали самую новую книжку, писателя, котораго слогъ особенно живъ и простъ. Выписываемъ нѣсколько фразъ изъ перваго разговора, который попадается намъ на глаза для справки. Разговоръ происходитъ между дѣвицею и молодымъ человѣкомъ, которые собираются писать вмѣстѣ романъ. Разумѣется, выходитъ романъ между ними самими и притомъ совершенно такъ, какъ въ разсказѣ Франчески ди-Римини, у Данте, когда послѣ чтенія вдвоемъ «онъ дрожа цѣлуетъ губы». *Полина.* «Что же мы возьмемъ?» *Германъ.* «Я озабочусь доставленіемъ нѣсколькихъ повѣстей, которыя вамъ понравятся. Таковыя могутъ служить образцомъ. — Я привлеку къ совѣту мою тетушку; она освоена со старѣйшею литературою. *Полина.* «Хорошо, Германъ. Но о нашемъ предпріятіи вы должны молчать». *Германъ.* Навѣрное, фрейлейнъ; я не скажу рѣшительно ничего. Впрочемъ мы, тѣмъ временемъ, станемъ думать о содержаніи....... *Полина.* «Мы будемъ писать вмѣстѣ; чего я не знаю, вы знаете, и наоборотъ». *Германъ.* «Когда мы придемъ къ соглашенію насчетъ содержанія, то было бы, быть можетъ, цѣлесообразно, чтобы по крайней мѣрѣ начало писать каждому отдѣльно. Потомъ мы бы прочли вмѣстѣ наши начала, и рѣшеніе, которое изъ нихъ лучше, оставалось бы предоставленнымъ вамъ». *Полина.* «Это должна быть любовная исторія.....» Это было очень цѣлесообразно. *Германъ.* «Конечно, такъ какъ въ Вертерѣ. Но мы бы все-таки окончили разсказъ счастливо, разумѣется послѣ того, какъ влюбленные претерпѣли бы много неблагопріятностей.» *Полина.* «Нѣтъ, любезный Германъ, они должны умереть.. .....» Слѣдуютъ подробности погребенія. «Славно! Поистинѣ славно»! сказалъ Германъ. «Но почему же влюбленнымъ не должно быть предоставлено встрѣтиться въ жизни»?—Неправда ли, какъ натянуто, какъ тяжело? Мы нисколько не утрировали выраженій, а просто отказались передѣлывать ихъ, какъ по необходимости поступаютъ переводчики. При этомъ мы, конечно, все-таки не могли передать того груза, кото-

рый представляется неупотребительными въ разговорѣ формами глаголовъ.

Отчего зависитъ это несходство нѣмецкаго литературнаго языка съ языкомъ живымъ, разговорнымъ? Неужели великіе писатели, выработавшіе до такого величія естественныя, неисчерпаемыя богатства нѣмецкаго языка, не догадались сблизить литературный языкъ съ разговорнымъ? Съ русскимъ литературнымъ языкомъ здѣсь сравненія быть не можетъ; у насъ Карамзину легко было сдѣлать это сближеніе, потому, что у насъ изъ разговорнаго языка создался языкъ литературный; то, что къ литературному языку примѣшалось неестественнаго, легко было устранить. Между тѣмъ, на Западѣ, а преимущественно именно въ Германіи, языкъ разговорный возникъ изъ языка литературнаго. Понятно, что послѣдній всегда смотрѣлъ на себя, какъ на законодателя перваго. Но почему же все-таки такое сближеніе осуществилось въ Англіи и Франціи гораздо болѣе, чѣмъ въ Германіи? Едва ли мы ошибемся, сказавъ, что причиною этого явленія было болѣе раннее развитіе во Франціи и особенно въ Англіи парламентскаго или публичнаго слова. Ораторы, принужденные влагать живое слово обыкновеннаго языка въ литературныя формы, стали посредниками между языкомъ литературы и языкомъ общества. Возьмите мольеровскія комедіи; *языкъ* ихъ не устарѣлъ, но устарѣлъ ихъ слогъ; слогъ ихъ книжный, изъ котораго изгнаны всѣ неологизмы и фамильярныя, вульгарныя выраженія, хотя бранныя слова встрѣчаются на каждомъ шагу; но и то слова строго-классическія, съ полнымъ правомъ гражданства: pendard, traître, butor и т. д., такія, какими въ просторѣчіи едва ли и въ мольеровское время ругались. (Замѣтимъ, что въ нѣмецкихъ пьесахъ и до сихъ поръ бранятся совсѣмъ неупотребительными словами).

Если замѣчаніе наше вѣрно, то слѣдуетъ ожидать, что развитіе политической жизни въ Германіи произведетъ вліяніе и на литературный слогъ и языкъ, сообщивъ первому болѣе живости, изгнавъ изъ него длинные, книжные, несносные періоды, съ глаголомъ черезъ страницу, остатки латинства, а второй совершенно сольется съ языкомъ разговорнымъ, покинувъ щепетильность и изысканность, съ которыми идетъ рука объ руку жеманство и фальшь.

Musikalische Charakterbilder von *Otto Gumprec*[ht]. Leipzig, 1869. (Музыкальныя характеристи[ки] *О. Гумпрехта*).

Извѣстный музыкальный критикъ, Гумпрехтъ, собралъ въ книгу нѣсколько этюдовъ, помѣщенныхъ имъ въ разныхъ изданіяхъ. Въ этой книгѣ заключаются біографическіе очерки и характеристика творчества Ф. Шуберта, Мендельсона, К. М. Вебера, Россини, Обера и Мейербэра. Изъ нихъ — только статья объ Оберѣ совершенно новая. При собраніи отдѣльныхъ этюдовъ въ книгу, авторъ не только далъ имъ бо̀льшую полноту и поставленъ былъ въ необходимость согласовать ихъ такъ, чтобы книга его представляла нѣчто цѣлое, такъ сказать, музыкальную картину первой половины нашего вѣка. Для полноты этой-то картины разныхъ направленій, ему и пришлось включить сюда характеристику Обера. Въ отдѣльныхъ этюдахъ не было нужды въ классификаціи; здѣсь она представилась необходимою. Вышла очень дѣльная и занимательная книга, въ которой интереснѣе всего именно классификація, то-есть указаніе на соотношеніе между различными направленіями или школами.

«Оживленіе драматической музыки — говоритъ Гумпрехтъ — совершалось двумя прямо противоположными путями. Гендель, Глюкъ и Моцартъ одѣли германскую серьезность, германскую глубину чувства въ увлекательныя формы красоты, заимствованныя ими изъ Италіи, какъ умственное пріобрѣтеніе. Къ этимъ даннымъ, композиторъ обѣихъ «Ифигеній» (Глюкъ) присоединилъ еще бойкость французской драмы. Керубини и Спонтини, на другой сторонѣ, стремились къ такому же слитію всѣхъ условій. Въ совсѣмъ противоположномъ направленіи дѣйствовали Россини (за исключеніемъ его «Телля», который носитъ на себѣ отпечатокъ космополитическій), Оберъ и Веберъ. При всемъ различіи въ образахъ и выраженіи, они сходятся въ томъ общемъ условіи, что творенія ихъ проникнуты чисто-національнымъ элементомъ. То, что пѣли они, било чистымъ, непосредственнымъ ключемъ изъ сердца, ихъ народа, и этимъ приближеніемъ къ духу народности опера обновилась въ ихъ рукахъ. Когда, такимъ образомъ, вдохновенію трехъ націй, раздѣлившихъ между собою музыкальный міръ, притекла неисчерпаемая струя новой, цвѣтущей жизни, тогда,

по закону исторической необходимости, должно было повториться стремленіе соединить разрозненные элементы, устранить перегородки между отдѣльными музыкальными сценами, спеціально-итальянскою, спеціально-французскою и нѣмецкою, и такимъ образомъ довести музыкальную драму до неизвѣстной доселѣ широты и разнообразія формъ.

«И вотъ, со второй четверти нашего столѣтія, мы видимъ цѣлый рядъ композиторовъ, работающихъ именно въ такомъ смыслѣ. Самъ Россини, въ послѣднихъ своихъ произведеніяхъ, и особенно въ «Теллѣ», сдѣлалъ громадный шагъ изъ того узкаго круга, въ которомъ до того времени было заключено его творчество. Беллини, еще болѣе тѣсно, чѣмъ онъ, связанный съ мелодическими традиціями своей родины, и безконечно отстоявшій отъ Россини въ отношеніи какъ богатства музыкальнаго образованія, такъ и гибкости стиля, и тотъ, однакоже, предпринялъ, въ «Пуританахъ», сбросить съ себя узы чисто-національныхъ формъ изложенія. Чѣмъ ближе подходимъ мы къ настоящему, тѣмъ болѣе замѣчаемъ космополитическаго характера въ драматическо-музыкальномъ творчествѣ Италіи. Въ позднѣйшихъ партиціяхъ Донидзетти все съ бо́льшею силою проявляется французская манера, а что касается вердіевской оперы, то она посвящена во всѣ парижскія тайны. Во Франціи національный характеръ сохранился безъ примѣси до нашего времени только въ комическомъ родѣ; прочіе роды музыкальной драмы тамъ давно подчинились иностранному вліянію. Французскую оперу создали нѣмцы и итальянцы, и въ самомъ развитіи ея они же приняли наиболѣе существенное участіе. Даже въ лицѣ своихъ національныхъ представителей, французская музыка является все-таки зависящею отъ посторонняго вліянія». Мейербэра авторъ ставитъ въ первомъ ряду тѣхъ композиторовъ, которые извлекли свои богатства изъ разнообразныхъ національныхъ источниковъ и вели къ слитію всѣхъ условій и формъ, выработанныхъ для музыки временемъ.»

Изъ приведенной страницы достаточно явствуетъ безпристрастіе нѣмецкаго критика и широта его взгляда. Книга его не тенденціозная; ею онъ не прокладываетъ путей, а описываетъ пути, открытые и отчасти уже пройденные. Очерки его живы и дѣльны. Наиболѣе полны этюды надъ Мендельсономъ и Веберомъ.

О Веберѣ онъ разсказываетъ, между прочимъ, что его раздражало пристрастіе публики къ извѣстному свадебному хору «Фрейшюца» (Jungfernkranz; Гейне говоритъ, что отъ этой мелодіи въ Берлинѣ просто не было спасенія).

— «Ну, какъ можно – сердился Веберъ—такъ неумѣренно хвалить этотъ мотивъ! Вѣдь онъ просто *находится въ самыхъ словахъ*. Wir winden dir и такъ далѣе; всякій человѣкъ самъ нашелъ бы его.» Въ этихъ наивныхъ словахъ высказывается геній и геній именно германскій экая важность мелодія; стоитъ только тактъ бить!

Вотъ нѣсколько строкъ объ Оберѣ: «Оберовская опера скрываетъ въ себѣ, подъ прозрачною драматическо-музыкальною маскою— парижскій салонъ второй (?) половины нашего вѣка. Въ мірѣ она видитъ огромный танцовальный залъ, въ жизни – непрерывный рядъ праздвествъ, а мѣрку людей и вещей даетъ ей собственная причуда. Такъ какъ она съ самаго начала стала внѣ борьбы за существованіе, то и отбросила отъ себя всякое бремя мышленія, страстную впечатлительность и сосредоточеніе воли. Она знаетъ только одинъ законъ, быть можетъ самый деспотическій: законъ миловидности, обязанность нравиться. Со всѣхъ сторонъ сплетаютъ насъ его граціозныя, обвитыя цвѣтами, но тѣмъ не менѣе узкія и крѣпкія стѣнки. Вотъ этотъ законъ, эта обязанность, они только и представляютъ здѣсь нѣкоторое вознагражденіе за недостаточность существеннаго содержанія, кладутъ на эти образы печать аристократическаго излишества и прикрываютъ даже легкомысліе, которое поминутно изъ нихъ выглядываетъ.»

Замѣчательно по тонкости анализа и искреннему стремленію къ безпристрастію мнѣніе, какое авторъ высказываетъ о Мейербэрѣ. О немъ рѣдко можно прочесть сколько-нибудь справедливый отзывъ въ музыкально-критическихъ статьяхъ. Классики-эстетики не хотятъ допустить его въ число признанныхъ геніевъ искусства за то, что онъ обращался къ реализму и разсчитывалъ на эффектъ, а реалисты не признаютъ его своимъ. Только масса, которой окончательный приговоръ всегда вѣрнѣе приговоровъ партій, воздаетъ справедливость Мейербэру; въ особенности къ нему привержена масса во

Франціи, и наивно считаетъ его композиторомъ французскимъ. Отсюда происходитъ, что наиболѣе популярная изъ оперъ Мейербэра—«Гугеноты», между тѣмъ какъ по глубинѣ мысли «Робертъ» далеко оставляетъ ее за собою. Выписываемъ одно мѣсто изъ характеристики Мейербэра у Гумпрехта: «Онъ былъ полнымъ властелиномъ надъ всѣмъ богатствомъ того музыкальнаго языка, который стремится къ способности каждую вещь называть по имени. Церковная музыка католическая и протестантская, классическая и романтическая опера—все это отврыло передъ нимъ свои наполненныя сокровищницы. Искусство и народная пѣсня, оркестръ мастеровъ и эффекты, заимствованные отъ спеціальной виртуозности каждаго отдѣльнаго инструмента—все это несло ему свою дань. Онъ то заимствуетъ изъ древнѣйшаго времени отголосокъ его ребячески-наивныхъ ощущеній, то вдругъ хватается за самые вершки новѣйшей энгармоники и хроматики. Однакоже, мнѣніе, высказанное Берліозомъ, будто партитуры Мейербэра—только энциклопедіи, невѣрно потому, что представляетъ только одну сторону дѣла. Такое произведеніе, какъ «Гугеноты», вовсе не есть только галлерея деталей, собранныхъ съ разныхъ сторонъ; составныя части его находятся въ самой тѣсной связи съ образомъ всей этой музыкальной драмы, какъ онъ представился композитору; и композиторъ этотъ такимъ образомъ усвоилъ себѣ этотъ матерьялъ, обработалъ и слилъ его, что плодомъ того явился совсѣмъ новый и очень опредѣленный стиль, котораго онъ сдѣлался творцомъ. Наконецъ, дѣятельность его никакъ не ограничивается только собираніемъ, обработкою и слитіемъ матерьяла. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ внесъ въ свои произведенія много чисто-индивидуальнаго, принадлежащаго ему самому, и на скалѣ чувства тронулъ нѣсколько такихъ нотъ, которыхъ до него не касалась ничья рука. Правда и то, что средства выраженія, которыми Мейербэръ обогатилъ искусство, далеко отстоятъ отъ здоровой середины человѣческаго чувства; онъ заимствовалъ ихъ изъ крайностей, изъ наибольшей высоты и самой темной глубины страсти». Затѣмъ, авторъ разбираетъ реалистическій элементъ въ музыкѣ Мейербэра.

Книга Гумпрехта—это нѣсколько дѣльныхъ и тонко-написанныхъ этюдовъ. Въ этихъ этюдахъ, имѣющихъ направленіе объективное, разумѣется, не могло быть сказано много новаго, но они все-таки имѣютъ и музыкально-практическое и литературное достоинство. На музыку онъ смотритъ, какъ на одно изъ проявленій умственной жизни общества и указываетъ на связь между ея направленіемъ и настроеніемъ литературы и поэзіи, этой музыки, осужденной на точность и реализмъ человѣческаго слова.

Л. А—въ.

М. Стасюлевичъ.

...олненія къ исторіи масонства въ Россіи XVIII-го столѣтія. Академика *П. Пекарскаго.* Спб. 1869.

Г. Пекарскому поручено было Академіей ...къ представить разборъ одного сочиненія, ка...щагося исторіи масонства въ Россіи (ко...нно, книги г. Лонгинова?); при этомъ прези...тъ академіи, графъ Литке, исходатайствовалъ ... г. Пекарскаго дозволеніе министерства ино...анныхъ дѣлъ воспользоваться матеріалами объ ...мъ предметѣ, находящимися въ государствен...мъ Архивѣ. Эти историческіе матеріалы, подоб... множеству другихъ подобныхъ, къ сожалѣ...о до сихъ поръ оставались недоступны для из...дователей; г. Пекарскому въ первый разъ до...лся счастливый случай пользоваться масон...ми рукописями, находящимися въ Архивѣ. ...личество ихъ было довольно значительно, такъ ... г. Пекарскій счелъ нужнымъ издать эти ма...іалы отдѣльно отъ упомянутаго разбора. Онъ ...сываетъ находящіяся въ Архивѣ рукописи ма...скаго содержанія, многія списалъ и напеча...ъ въ настоящей книгѣ, сопровождая свои вы...ски нѣкоторыми замѣчаніями. Приводимыя имъ ...исанія рукописей и выписки отчасти заключа...ъ совершенно новыя извѣстія о русскомъ ма...ствѣ, отчасти дополняютъ уже извѣстное. Въ ...нцѣ своей книжки г. Пекарскій помѣстилъ хро...логическій указатель событій изъ исторіи рус...аго масонства въ XVIII-мъ столѣтіи. Подоб...я работы г. Пекарскаго отличаются вообще ...льшой аккуратностью, и этотъ указатель ко...чно окажетъ не малую помощь въ дальнѣйшихъ ...слѣдованіяхъ масонства, тѣмъ болѣе, что онъ ...ѣстѣ съ тѣмъ есть и библіографическій указа...ль существующей у насъ литературы по этому ...едмету.

Какъ сборникъ новаго матеріала, выписан...аго г. Пекарскимъ въ госуд. архивѣ, книга его ...едставитъ много любопытнаго для спеціали...овъ по русской исторіи и литературѣ; для боль...ой публики она едва ли будетъ удобнымъ чте...емъ, — потому что это — только матеріалъ, до...лняющій прежнія изложенія и совершенно ли...енный исторической связи и освѣщенія. «Не ...шнимъ считаю предупредить,—говоритъ на 1-й ...раницѣ г. Пекарскій, — что я съ намѣреніемъ ...оздерживался высказывать окончательные вы...оды и личныя свои соображенія. Кому извѣстно ...астоящее положеніе, въ которомъ находится раз...аботка исторіи русскаго масонства, тотъ, ко...ечно, пойметъ причину такой воздержности: предметомъ этимъ у насъ занимались такъ мало, что пробѣлы и неполноты встрѣчаются почти на каждомъ шагу. Поэтому нисколько не удивительно, что если, на основаніи того немногаго, что собрано для исторіи русскаго масонства въ настоящее время, начать строить соображенія и дѣлать выводы, то какъ тѣ, такъ и другіе *могутъ потомъ оказаться невѣрными* или преждевременными, и стало-быть, мало полезными.»

Намъ кажется довольно странной эта боязнь. Если бы всѣ такъ опасались дѣлать соображенія изъ страха, что они «могутъ оказаться невѣрными», то положительно можно сказать, что никогда бы не существовало никакой науки. Матеріалъ исторической науки, какъ и вообще науки, никогда не можетъ считаться совершенно полнымъ, и текущая дѣятельность науки въ томъ именно и состоитъ, чтобы опредѣлить значеніе *даннаго* матеріала, съ тѣмъ, чтобы найти путь и для отысканія новаго и для созданія научной системы. Въ этомъ частномъ случаѣ мы также полагаемъ, что извѣстныя «соображенія» о русскомъ масонствѣ весьма возможны и въ настоящее время: неужели дѣйствительно масонство есть такая головоломная мудрость, что о немъ и сообразить ничего нельзя?

Когда г. Пекарскій издастъ также и свой разборъ, мы надѣемся возвратиться еще разъ къ изданнымъ теперь «Дополненіямъ».

Бесѣды на пути изъ Европы въ Америку. Сочиненіе доктора *Шубарта.* Чтеніе для дѣтей старшаго возраста. Переводъ съ нѣмецкаго. Москва 1869.

Наша дѣтская литература, для младшаго и старшаго возраста, постоянно увеличивается множествомъ книгъ, переводимыхъ въ особенности съ нѣмецкаго и французскаго; но это множество книгъ вовсе не значитъ, чтобы эта литература была дѣйствительно богата хорошимъ чтеніемъ. Выборъ книгъ издателями и переводчиками слишкомъ часто бываетъ самый несчастный. Къ числу таковыхъ принадлежитъ и книжка доктора Шубарта, которая не лучше и не хуже многихъ подобныхъ сочиненій. Въ рамку путешествія довольно нескладно вставлены разсказы поучительнаго свойства, біографіи разныхъ замѣчательныхъ лицъ, и т. п. Сами по себѣ они могли бы быть интересны, но докторъ Шубартъ по своему украшаетъ ихъ нравоученіемъ и моралью, которыя скучны и не умны. Въ прибавленіе ко всему, произведеніе доктора Шубарта передано по русски соотвѣтственнымъ образомъ—вяло и тяжело.

ПРАВИЛА ПОДПИСКИ

НА „ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ."

1. Подписка принимается только на годъ: 1) *безъ доставки* — 14 руб.; — 2) *съ доставкою на домъ въ Спб. по почтѣ,* и *въ Москвѣ, чрезъ кн. маг. И. Г. Соловьева* — 15 руб.; 3) *съ пересылкою* въ губерніи и въ Москву, по почтѣ — 17 рублей.

2. *Городскіе подписчики въ Спб.,* желающіе получить журналъ съ доставкою, обращаются въ Контору Редакціи, и получаютъ билетъ, вырѣзанный изъ книгъ Редакціи; при этомъ, во избѣжаніе ошибокъ, просятъ представлять свой адресъ письменно, а не диктовать его, что бываетъ причиною важныхъ ошибокъ. — Желающіе получать безъ доставки присылаютъ за книгами журнала, прилагая билетъ для помѣтки выдачи.

3. *Городскіе подписчики въ Москвѣ,* для полученія журнала на домъ, обращаются съ подпискою въ кн. магазинъ И. Г. Соловьева, и вносятъ только 15 рублей; желающіе получать по почтѣ адрессуются прямо въ Редакцію, и присылаютъ 17 рублей.

4. *Иногородные подписчики* обращаются: 1) *по почтѣ,* исключительно въ Редакцію, и при этомъ сообщаютъ подробный адрессъ съ обозначеніемъ: имени, отчества, фамиліи и *того почтоваго мѣста,* съ указаніемъ его губерніи и уѣзда (если то не въ губернскомъ и не въ уѣздномъ городѣ), куда можно прямо адрессовать журналъ, и куда полагаютъ обращаться сами за полученіемъ книгъ; — 2) *лично,* или чрезъ своихъ коммисіонеровъ въ Спб., въ Контору, открытую для городскихъ подписчиковъ.

Подписка въ Почтовыхъ Конторахъ не допускается.

5. *Иностранные подписчики* обращаются: 1) *по почтѣ* прямо въ Редакцію, как и иногородные; 2) *лично,* или чрезъ своихъ коммиссіонеровъ въ Спб., въ Контору для городскихъ подписчиковъ, внося за экземпляръ съ пересылкою: *Пруссія* и *Германія* — 18 руб.; *Бельгія* — 19 руб.; *Франція* и *Данія* — 20 руб.; *Англія, Швеція, Испанія* и *Португалія* — 21 руб.; *Швейцарія* — 22 руб.; *Италія* и *Римъ* — 23 рубля.

6. Въ случаѣ неполученія книги журнала, подписчикъ препровождаетъ жалобу прямо въ Редакцію, съ помѣщеніемъ на ней свидѣтельства мѣстной Почтовой Конторы и ея штемпеля. По полученіи такой жалобы, Редакція немедленно представляетъ въ Газетную Экспедицію дубликатъ для отсылки съ первою почтою; но безъ свидѣтельства Почтовой Конторы, Газетная Экспедиція должна будетъ предварительно снестись съ Почтовою Конторою, и Редакція удовлетворитъ только по полученіи отвѣта послѣдней.

7. «Вѣстникъ Европы» выходитъ перваго числа ежемѣсячно, отдѣльными книгами, отъ 25 до 30 листовъ: два мѣсяца составляютъ одинъ томъ, около 1000 страницъ — шесть томовъ въ годъ. Для городскихъ подписчиковъ и получающихъ безъ доставки, книги сдаются въ Контору и на Городскую Почту въ день выхода книги, а для иногородныхъ и иностранныхъ—въ теченіи первыхъ пяти дней мѣсяца въ порядкѣ трактовъ.

8. Городскимъ и иногороднымъ подписчикамъ журналъ доставляется въ глухой обложкѣ; иностраннымъ — въ бандероляхъ.

9. Перемѣна адреса сообщается въ редакцію такъ, чтобы извѣщеніе могло поспѣть до сдачи книги въ Газетную Экспедицію. За невозможностью извѣстить редакцію своевременно, слѣдуетъ сообщить мѣстной Почтовой конторѣ свой новый адрессъ для дальнѣйшаго отправленія журнала, а редакцію извѣстить о перемѣнѣ адресса для слѣдующихъ нумеровъ. При перемѣнѣ адресса необходимо указывать мѣсто прежняго отправленія журнала.

М. Стасюлевичъ
Издатель и отвѣтственный редакторъ

РЕДАКЦІЯ «ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ»:
Галерная, 20.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА ЖУРНАЛА:
Невскій просп., 30.

Редакція проситъ выславшихъ подписную сумму на 1869 годъ, по прежнимъ объявленіямъ, а именно 16 рублей, дослать ей одинъ рубль для передачи ег Почтамту.

